М 50/188
1870

РУКОВОДСТВО

КЪ

РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРІИ.

Составилъ П. Знаменскій.

КАЗАНЬ.

Въ Университетской типографіи.

1870.

Публич. и Румянцев. Музеи
Библіотека

Отъ казанскаго комитета духовной цензуры печатать дозволяется. 23 января 1870 года.

Цензоръ, профессоръ академіи, *Ив. Гвоздевъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Христіанство до Славянъ. Христіанство у Славянъ русскихъ. Аскольдъ и Диръ. Христіанство при Олегѣ и Игорѣ. В. к. Ольга. Христіанство при Святославѣ и его дѣтяхъ. Владиміръ до крещенія. Посольства о вѣрахъ. Крещеніе Владиміра. Крещеніе Кіевлянъ. Распространеніе христіанства внѣ Кіева и противодѣйствіе язычества. Первыя церкви и святыни. Духовенство. Связь русской церкви съ греческою и болгарскою. Отношеніе къ латинству. Церковное право. Уставъ Владиміра. Вліяніе церкви на гражданскія дѣла Образованіе. Первая ересь. Вліяніе христіанства на нравы. Остатки язычества . . . . . (1—14).

II. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДО УСИЛЕНІЯ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Распространеніе христіанства—въ Ростовѣ: Леонтій, Исаія, Авраамій. Волхвы. Христіанство въ Муромѣ и у Вятичей. У инородцевъ а) на югѣ, б) на сѣверѣ, в) по Волгѣ, г) на западѣ. Орденъ Меченосцевъ. Христіанство въ Литвѣ. Попытки католичества утвердиться въ Россіи . . (14—22).

Устройство іерархіи. Іерархическая связь Россіи съ Греціей. Митрополиты Греки. Митрополиты изъ Русскихъ. Споръ о поставленіи митрополита въ Россіи. Епархіи. Вліяніе удѣльной системы на церковное управленіе. Первая попытка къ раздѣленію митрополіи. Значеніе іерархіи въ гражданскихъ дѣлахъ. Вліяніе іерархіи на развитіе государственныхъ понятій. Церковные законы. Номоканонъ. Правила м. Іоанна. Вопросы Кирика. Уставы князей. Содержаніе и права духовенства . . . . . (22—34).

Церковная обрядность. Храмы и ихъ общественное значеніе. Чествованіе св. иконъ. Св. мощи. Богослуженіе. Новые праздники. Богослужебныя книги. Пѣніе. Особенности русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій. Путешествіе ко св. мѣстамъ. Споры о постахъ въ среду и пятокъ. (34—41).

Состояніе нравовъ. Грубыя страсти эпохи. Проявленія христіанскаго вліянія. Семейная жизнь. Остатки язычества Отношеніе православныхъ къ иновѣрцамъ. Примѣры св. жизни. Монашество. Преп. Антоній. Пр. Ѳеодо ій. Ихъ сподвижники до основанія Печерскаго монастыря. Игуменство Ѳеодосія. Его общественное значеніе. Его сподвижники. Построеніе Печерской церкви. Подвижники послѣ Ѳеодосія. Значеніе кіевской обители и ея средства. Монастыри югозападные. Сѣверные . . . . . (41—55).

Состояніе христіанскаго просвѣщенія. Примѣры образованности. Переводная письменность. Греческіе писатели въ Россіи. Русскіе писатели. Лука Жидята и м. Иларіонъ. Пр. Ѳеодосій. Кириллъ туровскій. Поученія

безъименныхъ авторовъ. Поученіе Мономаха. Игум. Даніилъ. Повѣствователи. Пр. Несторъ. Іаковъ. Св. Симонъ. Поликарпъ. Житія святыхъ. (55—62).

III. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОСЛѢ УСИЛЕНІЯ СѢВЕРНОЙ РУСИ ДО РАЗДѢЛЕНІЯ МИТРОПОЛІИ.

Нашествіе Монголовъ. Возвышеніе сѣверовосточной Руси. (62—64).

Іерархія и духовенство. М. Кириллъ II. Отношенія къ церкви Монголовъ. М. Максимъ. Св. Петръ. Перенесеніе митрополіи въ Москву. Феогностъ. Споръ о митрополіи. Св. Алексій и Романъ. Участіе св. Алексія въ гражданскихъ дѣлахъ. Новый споръ о митрополіи. Кипріанъ. Митяй. Пименъ. Правленіе м. Кипріана. М. Фотій. Григорій Цамблакъ. Замѣшательства послѣ кончины Фотія. М Исидоръ. Св. Іона. Окончательное раздѣленіе митрополіи . . . . . (64—79),

Отношенія между церковію и государствомъ. Государственныя заслуги русскихъ іерарховъ. Юридическіе памятники отношенія государства къ церкви. Епархія митрополита, ея средства и митрополичій дворъ. Домы архіерейскіе. Епархіальное дѣленіе Руси. Ослабленіе удѣльнаго вліянія на церковное управленіе. Новогородскіе владыки. Ихъ избраніе, значеніе, средства и отношенія къ митрополиту. Церковныя отношенія Пскова къ Новгороду. (79—87).

Бѣлое духовенство. Монашествующее духовенство. Преп. Сергій радонежскій. Значеніе его обители. Монастыри Великоруссіи. Монастыри Новгорода и Пскова. Сѣверные монастыри. Устройство монастырей. Юродивые. Недостатки монастырской жизни. Монастырскія вотчины. Общественное значеніе монастырей; ихъ колонизаціонная, благотворительная и просвѣтительная дѣятельность . . . . . (87—98).

Распространеніе христіанства. Св. Стефанъ пермскій. Христіанство у Татаръ. На сѣверозападѣ. Александръ Невскій. Довмонтъ псковскій. Борьба Новгородцевъ съ Шведами. Борьба съ католичествомъ на югозападѣ. Православіе въ Литвѣ при первыхъ князьяхъ. Успѣхи католичества въ Литвѣ при Ягеллѣ и послѣ него . . . . . (99—105).

Церковная обрядность. Прав. храмы. Ихъ общественное значеніе. Братства. Свв. иконы. Чествованіе святыхъ. Новые праздники. Богослужебныя книги. Особенности русскаго богослуженія. Противодѣйствіе обрядовому благочестію. Ересь Стригольниковъ. . . . . (106—113).

Состояніе нравовъ. Причины замѣтнаго упадка нравовъ: монгольское иго и переходный характеръ эпохи. Проявленія христіанскихъ понятій. Частная жизнь. Остатки язычества . . . . . (113—116).

Религіозное образованіе. Переводная письменность. Статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ. Русская письменность. Поученія XIII в. Поученія XIV в. Поученія митрополитовъ. Посланіе Василія новгородскаго. Поученія Матѳея сарайскаго. Поученія XV в. М. Кипріанъ. Фотій. Григорій Цамблакъ. Св. Іона. Поученія неизвѣстныхъ авторовъ. Житія святыхъ. Путешествія ко св. мѣстамъ . . . . . (116—125).

IV. МОСКОВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

Распространеніе христіанства. Въ пермскомъ краѣ. На сѣверномъ поморьѣ. На балтійскомъ поморьѣ и въ Ливоніи. Завоеваніе казанскаго цар-

ства. Св. Гурій. Свв. Варсонофій и Германъ. Христіанство въ Казани въ концѣ XVI в. Христіанство въ Астрахани и Закавказьѣ . . (125—132).

Церковное управленіе. Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. Митрополиты въ малолѣтство и первое время царствованія Грознаго. Сильвестръ. Взглядъ царя на духовенство. Митрополиты во времена опричины. Св. Филиппъ. Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ. Учрежденіе патріаршества. Судьба новогородской іерархіи. Церковныя отношенія Пскова. Епархіи московской митрополіи. Составъ епархіальнаго управленія. Поповскіе старосты. Церковный судъ . . . . . (132—145).

Состояніе духовенства. Сборы съ бѣлаго духовенства. Содержаніе его. Перехожіе и крестцовые попы. Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства. Вдовые попы. Земское значеніе духовенства. Монашество. Пр. Нилъ сорскій и Іосифъ волоцкій. Устроеніе въ монастыряхъ общежитія. Юродивые. Управленіе монастырей. Общественное ихъ значеніе. Распоряженія правительства о церковныхъ вотчинахъ. Недостатки монастырской жизни. (145—158).

Церковное благочиніе и нравы. Новые храмы. Судьба мѣстныхъ святынь. Соборы о повоявленныхъ чудотворцахъ. Св. Иконы. Дѣло Висковатаго. Нестроенія въ церковномъ богослуженіи. Обрядовые споры. Вліяніе религіозности на нравы. Обрядовый характеръ благочестія. Господствующіе пороки. Семейная жизнь. Житіе Іуліаніи Лазаревской. Остатки язычества. Волшебство. Суевѣрія. Отреченныя книги . . . . . (158—170).

Просвѣтительное движеніе XVI в. Недостатокъ школъ и живой проповѣди. Ересь Жидовствующихъ. Просвѣтительная дѣятельность св. Геннадія. Изданіе Библіи. Труды Іосифа волоцкаго. Просвѣтитель. Споръ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Старецъ Вассіанъ Патрикѣевъ. Споръ о церковныхъ вотчинахъ, вдовыхъ попахъ, казни еретиковъ . . (170—178).

Максимъ Грекъ. Его переводы. Его полемическіе труды. Обличеніе суевѣрій. Обличенія нравовъ. Участіе его въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками. Исправленіе богослужебныхъ книгъ. Ропотъ противъ его исправленій. Судьба его и его учениковъ . . . . . (178—187).

Стоглавый соборъ. Труды м. Макарія. Житія святыхъ. Домострой. Ереси Башкина и Косаго. Судъ надъ еретиками. Зиновій отенскій и его Истины Показаніе. Состояніе просвѣщенія въ концѣ XVI в. Отношеніе Русскихъ къ протестантству и католичеству . . . . . (187—197).

V. КІЕВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ ДО ПОЛОВИНЫ XVII в.

Управленіе кіевской митрополіи. Участіе мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ. Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ. Виленскій соборъ 1509 г. Состояніе церкви при Сигизмундѣ II Августѣ. Распространеніе протестантства въ Польшѣ и Литвѣ. Призваніе іезуитовъ и ихъ дѣятельность. Развитіе іезуитами мысли объ уніи. Состояніе правосл. общества и іерархіи. Король Сигизмундъ III. Средства православныхъ къ борьбѣ съ католиками. Кн. Курбскій. Кн. Острожскій. Изданіе Библіи. Православныя братства . . . . . (197—207).

Пріѣздъ п. Іереміи. Неудовольствіе противъ него архіереевъ. Подготовка уніи. Поѣздка епископовъ въ Римъ. Брестскій соборъ. Преслѣдованіе

православныхъ. Противодѣйствіе уніи, бунты козаковъ, связь православныхъ съ протестантами. Полемика противъ уніи и протестантства. Митрополиты Ипатій Поцѣй и Іосифъ Рутскій. Орденъ базиліанскій . . (207—215).

Положеніе православныхъ въ началѣ XVII в. Пріѣздъ Ѳеофана іерусалимскаго. Убійство Іосафата Кунцевича. Измѣна православію Мелетія Смотрицкаго. Гоненія на православіе. Состояніе православія при Владиславѣ IV. Петръ Могила. Образованность до П. Могилы. Братскія школы. Преобразованіе кіевской школы П. Могилою. Латинское образованіе. Ученые труды П. Могилы и его коллегіи. . . . . (215—225).

VI. МОСКОВСКОЕ ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII в.

Начало смутнаго времени. Явленіе самозванца. Дѣятельность противъ него п. Іова. Опасности для православія при самозванцѣ. П. Гермогенъ и второй самозванецъ. Дѣятельность противъ самозванца русскихъ архіереевъ. Служеніе отечеству русскихъ монастырей. Нашествіе Сигизмунда. Переговоры объ избраніи Владислава на царство. Возстаніе городовъ. Неудача его. Троицкія грамоты. Второе возстаніе и очищеніе Руси . . (225—236).

Царствованіе Михаила. Борьба съ католичествомъ и протестантствомъ. Церковное управленіе. П. Филаретъ. Его значеніе. Патріаршій дворъ. Приказы. П. Іоасафъ и Іосифъ. Государственное значеніе іерархіи. Церковный судъ. Церковныя вотчины. Состояніе духовенства. Распространеніе христіанства. Борьба церкви съ религіозными нестроеніями. Книжныя исправленія Діонисія троицкаго. Книжныя исправленія при Филаретѣ и Іоасафѣ. Церковное благочиніе. Церковное образованіе и письменность. Отношеніе церкви къ латинству. Недовѣріе къ православію западной Руси и Греціи. Борьба противъ протестантства. . . . . (236—255).

VII. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII в.

Состояніе іерархіи. Уложеніе Алексѣя Михайловича. Монастырскій приказъ. Никонъ до патріаршества. Патріаршество Никона. Власть патріарха. Враги Никона. Разрывъ между царемъ и патріархомъ. Удаленіе Никона съ каѳедры. Событія послѣ удаленія его. Соборъ 1660 г. Паисій Лигаридъ. Дѣла Бобарыкина и Сытина. Пріѣздъ Никона въ Москву. Пріѣздъ восточныхъ патріарховъ и судъ надъ Никономъ. Никонъ въ заточеніи (255—275).

Соборы 1667 и 1675 гг. Церковный судъ послѣ этихъ соборовъ. Отношеніе государства къ церковнымъ имуществамъ. Епархіальное управленіе. Состояніе бѣлаго духовенства. Духовенство монашествующее. (275—282).

Расширеніе предѣловъ московскаго патріаршества. Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Вопросъ о подчиненіи западно-русской іерархіи московскому патріархату. Распространеніе христіанства въ Сибири, Прикавказьѣ и внутри Россіи . . . . . (282—288).

Состояніе религіозности, церковныя исправленія и расколъ. Остатки язычества и религіозныя суевѣрія. Вѣра въ волшебство. Ложные пророки. Развитіе крайне-обрядовой религіозности. Холодность къ вѣрѣ и церкви. Неистовства козаковъ и черни. . . . . (288—294).

Церковныя исправленія при п. Іосифѣ. Пріѣздъ Грековъ и малороссійскихъ ученыхъ въ Москву и столкновеніе ихъ съ московскими учеными. Исправленія при Никонѣ. Недовольство исправленіями и мѣры противъ него Никона. Успѣхи старовѣровъ послѣ оставленія Никономъ каѳедры. Отдѣленіе раскола отъ церкви. Раскольническія волненія. Соловецкая осада. Московскій бунтъ. Распаденіе раскола на толки. Ересь Людей Божіихъ. Продолженіе исправленій . . . . . (294—308).

Религіозное образованіе. Отношеніе Русскихъ къ западному образованію. Состояніе образованности на югозападѣ. Характеръ кіевскаго образованія. Епифаній Славенецкій. Юрій Крыжаничъ. Симеонъ Полоцкій. Оживленіе просвѣщенія въ московскомъ государствѣ. Противодѣйствіе югозападному вліянію. Начало московской академіи. Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды. Торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ. Заслуги кіевскихъ и московскихъ ученыхъ. Св. Димитрій Туптало. Дѣло Кульмана. Просвѣщеніе при п. Адріанѣ. Начало новаго времени . . . . . (309—326).

VIII. СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМЫ.

Отношеніе Петра къ древнему религіозному быту. Отношенія его къ патріархамъ. Отношеніе его къ великорусскому духовенству. Стефанъ Яворскій и архіереи Малороссы. Дѣло царевича Алексѣя. Дѣло царицы Евдокіи. Вопросъ о патріаршествѣ. Ѳеодосій Яновскій. Ѳеофанъ Прокоповичъ. (326—339).

Открытіе св. Синода. Его составъ. Положеніе въ составѣ администраціи. Судебное вѣдомство церкви. Церковныя имущества. Монастырскій приказъ. Неудовольствіе противъ него духовенства. Возвращеніе церковныхъ вотчинъ въ вѣдомство духовной власти. Епархіальное управленіе. Его органы. Монашествующее духовенство. Бѣлое духовенство . . (339—355).

Распространеніе христіанства. Обращеніе инородцевъ казанскаго края. Христіанство у Калмыковъ. Въ Сибири. Пекинская миссія. Возстановленіе христіанства при берегахъ Балтійскаго моря. Состояніе православія въ Польшѣ. Отношеніе православія къ католичеству и протестантству. (355—364).

Вліяніе иностранцевъ на Русскихъ. Московскіе еретики. Недовольство реформами старинныхъ людей. Усиленіе раскола. Отношеніе Петра къ расколу. Духовныя мѣры противъ раскола. Хлысты. Борьба реформы съ суевѣріями. Новыя понятія о религіозности . . . . . (364—375).

Заведеніе дух. школъ. Ихъ устройство и препятствія къ ихъ распространенію. Продолженіе спора между Кіевлянами и Великоруссами. Лихуды. Исправленіе Библіи. Сочиненія Димитрія ростовскаго. Литтературная дѣятельность Стефана Яворскаго и его сторонниковъ. Труды Ѳеофана Прокоповича и единомысленныхъ съ нимъ писателей. Смерть Петра Великаго (375—386)

IX. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

Восшествіе на престолъ Екатерины. Судьба Ѳеодосія Яновскаго. Новый составъ св. Синода. Донось Маркелла Родышевскаго на Ѳеофана. Правленіе Петра II. Усиленіе іерарховъ Великоруссовъ. Борьба Ѳеофана съ Георгіемъ Дашковымъ. Воцареніе Анны Іоанновны. Перемѣны въ Синодѣ и опалы

на старую іерархію. Дѣло Родышевскаго. Рѣшиловскій розыскъ. Арестъ Ѳеофилакта Лопатинскаго. Полемика и розыски по поводу камня вѣры. Смерть Ѳеофана и его значеніе. Окончаніе розысковъ. Состояніе монашества при имп. Аннѣ. Церковныя вотчины. Бѣлое духовенство. Конецъ нѣмецкаго владычества. Имп. Елизавета. Св. Синодъ при ней. Епархіальное управленіе. Монашество. Бѣлое духовенство . . . . . (387—412).

Распространеніе христіанства въ области средней Волги. Между Калмыками. Отношенія къ Грузіи. Христіанство въ Сибири. Въ Камчаткѣ. Китайская миссія. Православіе въ польскихъ владѣніяхъ . . (412—420).

Расколъ. Хлысты. Начало ереси Духоборцевъ. Развитіе вольнодумства о имп. Елизаветы. Заботы о возстановленіи благочестія при имп. Елизаветѣ. Открытіе мощей св. Димитрія ростовскаго. Начало французскаго вліянія на религіозность . . . . . (421—430).

Усиленіе средствъ къ религіозному образованію. Изданіе Библіи. Проповѣдничество. Сочиненія церковно-историческія. Путешествія. Духовныя школы. Ихъ умноженіе. Средства. Лучшія семинаріи. Академіи. Потребность реформъ въ дух. образованіи при наступленіи философскаго вѣка. (430—439).

1. НАЧАЛО ХРИСТІАНСТВА ВЪ РОССІИ.

Христіанство въ Россіи до Славянъ. Древнее преданіе, занесенное въ лѣтопись пр. *Нестора*, говоритъ, что начало христіанства въ Россіи положено еще св. апостоломъ *Андреемъ Первозваннымъ*. Проходя съ своею проповѣдью *Ѳракію*, *Скиѳію* и *Сарматію*, онъ доходилъ до днѣпровскихъ горъ, гдѣ послѣ возникъ *Кіевъ*, благословилъ ихъ и предрекъ, что на нихъ возсіяетъ благодать Божія. Но послѣ этаго среди дикихъ кочевыхъ ордъ, двигавшихся одна за другой по русской равнинѣ изъ глубины Азіи, мы долго не видимъ никакихъ признаковъ христіанства. Только въ самыхъ южныхъ предѣлахъ страны, въ *греческихъ* черноморскихъ *колоніяхъ*, находимъ очень древніе слѣды его, начало которыхъ, можетъ быть, дѣйствительно относится ко временамъ св. ап. Андрея. Въ III вѣкѣ на устьяхъ Дуная была цѣлая епархія *скиѳская* или *томитанская*. Въ *Крыму* христіане были еще во дни св. *Климента римскаго*, который былъ сосланъ сюда въ 94 году, въ IV в. упоминаются здѣсь епархіи *херсонская* и *босфорская*, въ VII и VIII *сурожская* и *фульская*. Въ IV вѣкѣ была епархія у *Готѳовъ*, жившихъ между Допомъ и Днѣстромъ; ихъ епископъ *Ѳеофилъ* подписался подъ актами перваго вселенскаго собора. Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей сѣмена христіанства могли удобно заноситься и въ южно-русскія степи, проникать и далѣе на сѣверъ, но едва ли могли удобно прививаться здѣсь, потому что падали при пути, на большой дорогѣ, по которой двигались азіатскія орды Гунновъ, Аваръ, Болгаръ и др.

Христіанство у Славянъ русскихъ. Со времени поселенія въ Россіи славянскихъ племенъ настало болѣе благопріятное время для успѣховъ евангельской проповѣди; ея вліяніе среди осѣдлаго народонаселенія могло быть прочнѣе и пло-

дотворнѣе. Славяне были близко знакомы съ Греціей, куда они ѣздили вмѣстѣ съ Варягами для грабежа, торговли и для службы въ войскѣ императоровъ. Есть извѣстія и о результатахъ этаго знакомства съ христіанской имперіей, о случаяхъ принятія ими христіанства. Таково извѣстіе житія *св. Стефана сурожскаго* († 787 г.) о князѣ новогородскомъ *Бравалинѣ*, который вскорѣ послѣ смерти святаго напалъ съ дружиной на Сурожъ, разграбилъ его, хотѣлъ ограбить и мощи Стефана, но былъ пораженъ чудесною силой и крестился. Точно такой же разсказъ о крещеніи Россовъ, напавшихъ на Амастриду (въ Пафлагоніи), передается въ житіи *св. Георгія Амастридскаго*.—Въ половинѣ IX вѣка Болгарія, Моравія и Паннонія услыхали евангельскую проповѣдь на славянскомъ языкѣ отъ святыхъ братьевъ *Кирилла* и *Меѳодія*, которые изобрѣли славянскія письмена и переложили на славянскую рѣчь св. Писаніе и богослужебныя книги. Около этаго же времени призваніемъ князя *Рюрика* въ Новгородѣ было положено начало русскаго государства, которое должно было воспользоваться трудами Кирилла и Меѳодія болѣе всѣхъ другихъ славянскихъ странъ; княжеская власть стала соединять разрозненныя славяно-русскія племена въ одно цѣлое, и вмѣсто прежнихъ частныхъ случаевъ крещенія между русскими Славянами пролагался путь къ будущему всенародному крещенію Руси.

Аскольдъ и Диръ, кіевскіе князья, первые подпали подъ вліяніе православной Византіи и подготовили ему путь въ Россію. Въ 866 г. они сдѣлали набѣгъ на Царьградъ и сильно напугали Грековъ. Послѣ усердной молитвы императоръ *Михаилъ III* и патріархъ *Фотій* съ крестнымъ ходомъ изнесли на берегъ Босфора чудотворную ризу Богоматери и погрузили ее въ воду. Поднялась буря и стала топить суда Руссовъ; только не многіе изъ варваровъ воротились домой въ Кіевъ. Пораженные чудомъ, князья просили себѣ крещенія. Посланный къ нимъ епископъ произвелъ на народъ большое впечатлѣніе какъ своею проповѣдью, такъ особенно чудомъ, бросивъ въ огонь Евангеліе и потомъ вынувъ его невредимымъ. Многіе Руссы тогда же крестились. Вѣроятно крестились и князья; по крайней мѣрѣ извѣстно, что кіевскіе христіане на могилѣ Аскольда послѣ имѣли церковь св. Николая.

Послѣ смерти Аскольда и Дира княземъ въ Кіевѣ сталъ *Олегъ*, переѣхавшій сюда изъ Новгорода. Греки имѣли уже при немъ въ Кіевѣ епархію съ степенью митрополіи; она

считалась 60-ю въ спискѣ митрополій византійскаго патріархата. Олегъ непамѣренно самъ знакомилъ Руссовъ съ христіанствомъ. Когда его послы были въ Греціи для заключенія договора съ Греками, ихъ по приказанію императора водили по церквамъ, показывали имъ разныя святыни и давали наставленія въ вѣрѣ. Послѣ заключенія договора Русскіе чаще стали ходить въ Византію для торговли, жили тамъ по нѣсколько мѣсяцевъ при монастырѣ св. Маммы и знакомились съ православіемъ; другіе поступали на службу къ императору. Въ 946 г. преемникъ Олега *Игорь* тоже заключилъ договоръ съ Греками; въ этомъ договорѣ Русь раздѣляется уже на крещеную и некрещеную; первая клялась въ соблюденіи договора при кіевской церкви св. Иліи: „се бо бѣ соборная церковь“,—значитъ были уже и другія церкви—несоборныя.

В. К. Ольга. Супруга Игоря *Ольга*, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, какъ ее называетъ лѣтопись, убѣдившись въ превосходствѣ христіанской вѣры предъ старою языческою, сама пожелала креститься. Въ 957 году шестидесяти-семилѣтняя княгиня поѣхала въ Царьградъ. По всей вѣроятности она уже была оглашена евангельскимъ ученіемъ отъ православныхъ пастырей Кіева; одного изъ этихъ пастырей *Григорія* мы видимъ въ числѣ ея спутниковъ въ Царьградъ. Крещеніе ея совершено было самимъ *п. Полієвктомъ* въ собраніи всего греческаго двора и множества народа. Воспріемникомъ ея былъ императоръ *Константинъ Багрянородный*. Съ княгиней въ Царьградѣ были ея племянникъ, многія знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики; многіе изъ нихъ тоже крестились по ея примѣру. По возвращеніи въ Россію Ольга,—въ крещеніи *Елена*,—до самой кончины своей сіяла благочестивою жизнію, „аки луна въ нощи“, среди язычниковъ. Она уговаривала къ принятію христіанства и сына своего *Святослава*, но онъ и слышать не хотѣлъ о крещеніи. Новая вѣра была совершенно не по характеру этаго дико-воинственнаго князя и его дружины; надъ тѣмъ, кто принималъ крещеніе, дружина и князь смѣялись. Изъ Кіева Ольга поѣхала по городамъ и весямъ земли русской, вездѣ проповѣдуя христіанство: весьма важно было то обстоятельство, что во время постояннаго отсутствія Святослава изъ Кіева она была воспитательницею его сыновей.—О распространеніи христіанства въ Россіи при в. кн. Ольгѣ услыхали и на западѣ. Германскій императоръ *Оттонъ 1* послалъ въ Россію своего миссіонера *Адальберта* епископа бременскаго. Миссія его кончилась его изгнаніемъ изъ

Россіи. Блаженная княгиня скончалась въ 969 году и была погребена по ея завѣщанію безъ языческой тризны. Сравнивая ея значеніе съ значеніемъ св. Владиміра, лѣтописецъ называетъ ее „зарей утренней, предваряющею солнце". Церковь наименовала ее равноапостольною и причла къ лику святыхъ.

Послѣ смерти Ольги Святославъ воздвигъ на христіанъ гоненіе,—знакъ того, что новая вѣра обратила серьезное вниманіе языческой партіи. При его дѣтяхъ *Ярополкѣ* и *Олегѣ*, помнившихъ наставленія своей бабки, участь христіанъ опять облегчилась; надобно замѣтить при этомъ, что у Ярополка и жена была христіанка, какая-то плѣнная Гречанка монахиня. Въ 1044 году в. кн. *Ярославъ* крестилъ кости Ярополка и Олега; этотъ странный фактъ объясняютъ именно тѣмъ, что Ярославъ слышалъ о расположеніи своихъ дядей къ христіанству. Оба князя погибли въ усобицѣ. Ихъ младшій братъ *Владиміръ*, сѣвшій послѣ нихъ въ Кіевѣ, былъ еще ребенкомъ, когда умерла Ольга, и меньше другихъ братьевъ подпалъ подъ ея вліяніе; потомъ онъ, тоже еще въ дѣтствѣ, увезенъ былъ въ Новгородъ, гдѣ христіанство было менѣе извѣстно, чѣмъ въ Кіевѣ, и выросъ тамъ подъ вліяніями старой вѣры. Отъ этого занятіе имъ кіевскаго стола было вмѣстѣ и торжествомъ языческой стороны въ Кіевѣ надъ христіанскою.

Владиміръ до крещенія. Новый князь съ своимъ дядей *Добрыней* показали большую ревность къ язычеству, стали ставить и украшать въ Кіевѣ и Новгородѣ кумиры. На холмѣ предъ своимъ дворомъ въ Кіевѣ князь поставилъ Перуна деревяннаго, а голова серебряная, усъ золотой, Хорса-Дажбога, Стрибога, Волоса, Симаргла, Мокоша. По словамъ лѣтописи никогда еще въ русской землѣ не было такого гнуснаго идолослуженія; приводили сыновей и дочерей и приносили жертвы бѣсамъ; осквернилась кровью земля русская и холмъ тотъ. Въ 983 г. послѣ счастливаго похода на *Ятвяговъ* рѣшено было принести богамъ человѣческую жертву. Жребій палъ на одного христіанскаго юношу *Іоанна* сына варяга *Ѳеодора*. Отецъ не хотѣлъ выдать сына и оскорбилъ язычниковъ обличеніемъ ихъ безумія. Простая толпа убила обоихъ. Судя по немногимъ извѣстіямъ лѣтописи, в. князь обладалъ широкой натурою, способною ко всякимъ излишествамъ. Былины народныя доселѣ помнятъ о его разгульныхъ пирахъ съ дружиною. У него было 5 женъ и 800 наложницъ, кромѣ того онъ приводилъ къ себѣ и другихъ женъ и дѣвицъ на растлѣніе и, по выраженію лѣтописи, былъ ненытъ блуда, какъ Соломонъ. Но эта

же самая широта натуры дѣлала его способнымъ и къ коренному нравственному перевороту.

Славяно-русское язычество, не смотря на свое торжество, было не въ состояніи бороться ни съ одной изъ окружающихъ его религій, ни съ магометанствомъ Болгаръ, ни съ іудействомъ Хозаръ, ни съ католичествомъ запада, ни тѣмъ болѣе съ православіемъ Грековъ. А всѣ эти религіи дѣлали на него сильный напоръ, какъ это ясно видно изъ преданія о посольствахъ къ Владиміру изъ разныхъ странъ съ предложеніемъ вѣръ. Самая ревность князя къ язычеству, попытка поддержать его среди опасной борьбы съ христіанствомъ, должна была повести только къ большему обнаруженію его внутренней несостоятельности и ускорить неизбѣжный переворотъ въ убѣжденіяхъ князя и лучшихъ людей. Начался выборъ новой вѣры. Этотъ выборъ выразился въ сказаніи о бесѣдѣ Владиміра съ миссіонерами разныхъ религій. Магометанство, льстившее чувственности князя, не понравилось ему своимъ обрѣзаніемъ и запрещеніемъ пить вино. Католичество не имѣло для себя исторической подготовки въ Россіи. „Отцы наши не приняли этаго ученія“, сказалъ Владиміръ послу папы. Еврейскимъ миссіонерамъ онъ отвѣчалъ: „если бы Богъ любилъ васъ, вы не были бы разсѣяны по разнымъ странамъ; неужели и намъ того же хотите“? Но посолъ греческій сильно подѣйствовалъ на него своимъ ученіемъ объ искупленіи и будущей жизни, особенно иконою страшнаго суда, которую показалъ князю. По уходѣ его князь созвалъ для совѣщанія дружину и градскихъ старцевъ. По рѣшенію всѣхъ были посланы десять разумнѣйшихъ мужей въ разныя страны для испытанія вѣры. Греческое богослуженіе въ храмѣ св. Софіи, совершенное самимъ патріархомъ, особенно плѣнило пословъ. Воротясь въ Кіевъ, они разсказывали, что въ греческомъ храмѣ они не знали, гдѣ стояли, на небѣ или на землѣ. Въ Кіевѣ нашлось и другое доказательство въ пользу православія: „если бы дѣдъ былъ закопъ греческій, говорили нѣкоторые Владиміру, то бабка твоя Ольга не приняла бы его, а она была мудрѣе всѣхъ человѣкъ“. Рѣшено было креститься, ждали только удобнаго случая къ этому: „пожду еще немного“, говорилъ князь. Случай скоро представился въ войнѣ съ Греками (988 года).

Крещеніе Владиміра. Войско Владиміра осадило Корсунь. Подобно другимъ языческимъ вождямъ, Владиміръ далъ обѣтъ креститься въ случаѣ побѣды. Взявъ городъ, онъ потребо-

валъ у тогдашнихъ императоровъ *Василія* и *Константина* руки ихъ сестры *Анны* и обѣщалъ имъ принять ихъ вѣру. Императоры согласились, уговорили согласиться и сестру. Въ ожиданіи невѣсты князь разболѣлся глазами. Прибывшая въ Корсунь царевна убѣдила его ускорить крещеніемъ, если онъ хочетъ избавиться отъ болѣзни. Корсунскій епископъ, огласивъ, крестилъ Владиміра и князь прозрѣлъ. „Теперь только узрѣлъ я Бога истиннаго“, сказалъ онъ, дивясь своему изцѣленію. Дружина его тоже крестилась. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ его съ Анною. Въ память всего этаго онъ создалъ въ Корсунѣ церковь, городъ возвратилъ царямъ и возвратился въ Кіевъ, взявъ съ собою поповъ корсунскихъ и царицыныхъ, мощи св. Климента и ученика его Фива, церковные сосуды, кресты, иконы и всякую церковную утварь.

Крещеніе народа въ Кіевѣ. Въ Кіевѣ князь крестилъ своихъ 12 сыновей и многихъ бояръ; потомъ велѣлъ истреблять идоловъ; Перуна привязали къ конскому хвосту и потащили въ Днѣпръ, по дорогѣ били его палками. Народъ собрался на берегъ и съ плачемъ вопилъ вслѣдъ уплывающему богу: „выдыбай, боже“! По истребленіи идоловъ духовенство и князь ходили по городу съ проповѣдью. Многіе крестились съ радостью; другіе не хотѣли и слушать проповѣди; третьи колебались, какъ колебался прежде и самъ князь. Тогда Владиміръ выдалъ повелѣніе, чтобы на другой же день всѣ некрещеные явились къ рѣкѣ, а кто не явится, будетъ противникомъ князю. Это рѣшило недоумѣніе тѣхъ, которые колебались. „Еслибы новая вѣра была не хороша, думали они, то князь и бояре не приняли бы ее“, и пошли креститься; другіе явились на рѣку изъ страха. Упорные язычники бѣжали отъ княжескаго гнѣва въ степи и лѣса. На другой день послѣ княжескаго повелѣнія на Днѣпрѣ произошло общее крещеніе народа. Тогда, по слову благочестиваго лѣтописца, земля и небо ликовали, видя множество спасаемыхъ. Владиміръ, стоя на берегу, молился: „Боже великій, сотворивый небо и землю! Призри на новыя люди своя и даждь имъ увѣдѣти Тебе, истиннаго Бога, якоже увѣдѣша страны христіанскія, и утверди въ нихъ вѣру праву и несовратну“.

Распространеніе христіанства внѣ Кіева. Послѣ крещенія кіевлянъ христіанство стало распространяться по всей Россіи; народъ крестился, по свидѣтельству *м. Иларіона*, если „и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго, понеже бѣ благовѣріе его со властію спряжено“. Крестивъ народъ по горо-

дамъ и селамъ около Кіева, митрополитъ *Михаилъ* съ шестью епископами и Добрынею ходили въ *Новгородъ*, гдѣ произошло такое же низверженіе Перуна въ Волховъ, какъ въ Кіевѣ, и крещеніе народа. Изъ Новгорода проповѣдники отправились на востокъ по Волгѣ и крестили много народа въ *Ростовѣ* и *ростовской землѣ*. Самъ Владиміръ посѣщалъ съ проповѣдью вѣры страну *суздальскую*, потомъ *волынскую*, крестилъ въ Кіевѣ даже нѣсколько князей *болгарскихъ* и *печенежскихъ*. Дѣти в. князя, разосланные имъ по удѣламъ, тоже заботились о распространеніи вѣры между подвластнымъ имъ народомъ. Такъ распространилось христіанство въ главныхъ удѣльныхъ городахъ, кромѣ Новгорода и Ростова, еще въ *Муромѣ*, *Полоцкѣ*, землѣ *древлянской*, *Владимірѣ Волынскомъ*, *Смоленскѣ*, *Псковѣ*, *Луцкѣ*, *Тмуторокани*. Въ 992 году учреждены были первыя русскія *епархіи*: новогородская, черниговская, ростовская, владиміро-волынская и бѣлогородская. Главные города этихъ епархій вѣроятно были главными центрами христіанства. Вообще новая вѣра распространялась преимущественно около Кіева и по великому водному пути отъ Кіева до Новгорода; вправо и влѣво отъ этой линіи, гдѣ жили племена, еще мало подчиненныя кіевскому князю, новая вѣра распространялась слабо; чѣмъ дальше отъ Кіева, тѣмъ христіанство было слабѣе. Даже въ Новгородѣ послѣ первой проповѣди (при м. Михаилѣ) язычество было еще сильнѣе христіанства и встрѣтило вторую проповѣдь, съ которой явился туда первый новогородскій епископъ *Іоакимъ Корсунянинъ*, очень опаснымъ сопротивленіемъ.

Противодѣйствіе язычества. Іоакимъ долженъ былъ опять начать въ Новгородѣ съ уничтоженія идоловъ; Перуна опять бросили въ Волховъ. Шелъ одинъ *Пидблянинъ* (изъ мѣст. Пидблы) рано на рѣку и оттолкнулъ идолъ отъ берега, говоря: „ты, Перунище, досыта уже ѣлъ и пилъ, а теперь плыви прочь“. Но немногіе могли такъ иронически отнестись къ старымъ богамъ. Когда Іоакимъ еще только пришелъ къ Новгороду, горожане, возбуждаемые волхвомъ *Богомиломъ* и тысяцкимъ *Угоняемъ*, затворились отъ него въ городѣ и порѣшили умереть, а не давать боговъ на поруганіе. Городъ былъ взятъ *Добрыней* и тысяцкимъ князя *Путятой* послѣ злой сѣчи и пожара. Народъ силой согнали въ Волховъ креститься. Многіе отбывали отъ крещенія, говоря, что уже крещены. Для отличія крещеныхъ отъ некрещеныхъ Іоакимъ велѣлъ первымъ носить кресты. Составилась про новогородцевъ пос-

ловица: „Путята крести мечемъ, а Добрыня огнемъ“. Въ Ростовѣ народъ выгналъ первыхъ епископовъ *Ѳеодора* и *Иларіона*, не смотря на то, что въ городѣ жилъ князь *Борисъ* сынъ Владиміра. Въ Муромѣ противодѣйствіе христіанству дошло до того, что заставило удалиться изъ города и самого князя *Глѣба*, другаго сына Владиміра. Нужно замѣтить, что наибольшее сопротивленіе христіанство встрѣтило на сѣверѣ по близости финнскихъ племенъ и между самими Финнами— *Мерей* и *Муромой*. Славянскія племена легче поддавались евангельской проповѣди частію по большей подготовкѣ и склонности къ принятію ея, частію по бо́льшему развитію между ними княжеской власти, которая стояла за новую вѣру.

Первыя церкви и святыни. Вездѣ, гдѣ распространялось христіанство, на мѣстахъ древнихъ капищъ и кумировъ возникали христіанскіе храмы. Первый храмъ былъ выстроенъ въ Кіевѣ во имя св. Василія (ангела в. князя) на холмѣ, гдѣ стоялъ Перунъ. Другую церковь Владиміръ построилъ во имя Богоматери на мѣстѣ убіенія варяговъ Ѳеодора и Іоанна; греческіе мастера строили ее цѣлыхъ 7 лѣтъ; в. князь „удивилъ“ ее серебромъ и золотомъ и назначилъ на ея содержаніе десятину отъ своего имѣнія и своихъ городовъ, отъ чего эта церковь и названа *Десятинною*. По случаю освященія новыхъ церквей Владиміръ задавалъ большіе пиры дружинѣ, духовенству и народу, продолжавшіеся по нѣскольку дней. Праздники эти имѣли большое значеніе, проводили христіанство въ жизнь народа; кто праздновалъ ихъ, былъ христіаниномъ. Кромѣ Кіева Владиміръ строилъ церкви въ другихъ городахъ и въ селахъ. Святыни храмовъ, иконы, мощи и церковная утварь, привозились изъ Греціи. Въ 1007 году вел. князь открылъ первыя русскія мощи в. кн. Ольги; ихъ торжественно перенесли въ десятинную церковь.

Духовенство большею частію было пришлое, потому что, если и были въ Кіевѣ священники до Владиміра, ихъ едва-ли было много. Первые митрополиты — *Михаилъ* († 991 г.) и *Леонтій* и первые епископы не только поставлялись, но и избирались въ Греціи. Священники явились съ Владиміромъ изъ Корсуня и съ царевной Анной изъ Царьграда; есть извѣстіе, что много прислано было ихъ изъ Болгаріи, что даже первые епископы и митрополитъ были Болгаре и могли учить народъ на славянскомъ языкѣ. Такъ опредѣлилась тѣсная связь русской церкви съ греческою и болгарскою. Западная церковь тоже было сдѣлала попытку распространить свое вли-

яніе въ Россіи, какъ она распространила его среди западныхъ Славянъ; но эта попытка ей не удалась. Между греческой и римской церковью въ это время былъ уже полный разрывъ и шла сильная полемика. И философъ, проповѣдывавшій Владиміру, и греческіе пастыри, крестившіе князя, прежде всего старались предостеречь его отъ ученія латинянъ. Въ 991 году по случаю прихода въ Россію пословъ папы самъ патріархъ прислалъ посланіе къ в. князю съ увѣщаніемъ не сообщаться съ зловѣрными латинами. Второй русскій митрополитъ Леонтій написалъ противъ католичества сочиненіе объ опрѣснокахъ. По случаю брака сына Владиміра *Святополка* съ дочерью *Болеслава* польскаго съ послѣдней прибылъ въ Россію колбергскій епископъ *Рейнбернъ* и пріобрѣлъ сильное вліяніе на Святополка; черезъ этого князя онъ расчитывалъ отклонить русскую церковь отъ востока къ западу и подъучилъ его возстать противъ отца. Владиміръ заключилъ своего сына вмѣстѣ съ Рейнбергомъ въ тюрьму, гдѣ Рейнбергъ и умеръ.

Церковное право. Вліяніе Византіи преимущественно обнаружилось въ юридической области церковной жизни. Вмѣстѣ съ іерархіей необходимо явился въ Россіи греческій *номоканонъ*, можетъ быть даже въ славянскомъ болгарскомъ переводѣ, и сталъ прилагаться къ русской жизни; приложеніе къ русской жизни не могло ограничиваться только первою частью номоканона, въ которой содержатся церковные каноны, но непремѣнно должно было обнять и вторую часть его, въ которой заключаются церковные законы императоровъ,—чѣмъ же иначе, какъ не этими законами, могъ руководствоваться русскій князь въ опредѣленіи правъ и вѣдомства своей русской церкви? Но съ другой стороны при этомъ опредѣленіи правъ и вѣдомства юной церкви по номоканону нужно было взять во вниманіе особенныя потребности русскаго общества и церкви, какихъ не было у греко-римскаго общества и церкви. Такъ явился первый на Руси *церковный уставъ* Владиміра. Къ вѣдомству церковнаго суда въ немъ отнесены: 1) дѣла противъ церкви: еретичество, волшебство, языческіе обряды (моленіе подъ овиномъ или въ лѣсу), святотатство, поврежденіе могилъ и церковныхъ стѣнъ, неуваженіе къ храмамъ; 2) дѣла семейныя: умыканіе, вступленіе въ бракъ въ родствѣ и свойствѣ, споры между супругами объ имѣніи, прелюбодѣяніе, разводъ, побои дѣтей родителямъ, дѣла о наслѣдствѣ, словесное оскорбленіе чести и проч. Въ греческомъ законода-

тельствѣ нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ (о нарушеніи родительской власти, споры о наслѣдствѣ, споры супруговъ объ имѣніи) подлежали гражданскому суду; у насъ признано лучшимъ всѣ семейныя дѣла передать въ вѣдомство церкви, чтобы своимъ вліяніемъ на семейную жизнь она успѣшнѣе могла дѣйствовать на нравственное перерожденіе общества. Разширено въ сравненіи съ греческимъ законодательствомъ вѣдомство церкви и относительно лицъ подсудныхъ ему; кромѣ духовенства суду церкви подчинены: просвирня, паломникъ, прощеникъ, люди, которыхъ церковь призрѣвала въ своихъ больницахъ, гостинницахъ и богадѣльняхъ.

Вліяніе церкви на гражданскія дѣла. Вліяніе церковной іерархіи простиралось и на гражданскіе уставы юнаго общества, для котораго пришельцы изъ образованной имперіи естественно были авторитетами юридической мудрости. Владиміръ совѣтовался съ епископами не только о церковныхъ дѣлахъ, но и о строѣ земляномъ. По ихъ совѣту онъ отмѣнилъ наприм. старинную виру (штрафъ) за разбой и согласно съ греческими законами назначилъ разбойникамъ смертную казнь; потомъ вслѣдствіе большой нужды въ деньгахъ на войну онъ опять съ ихъ же согласія возстановилъ виру. Духовенство принесло съ собой изъ Византіи новыя понятія о верховной власти. Князю—вождю удалой дружины епископы говорили: „князь, ты *поставленъ отъ Бога*“. Кромѣ того съ своей религіозно-нравственной точки зрѣнія они представляли князя не только блюстителемъ внѣшняго наряда, но вмѣстѣ отцемъ своихъ людей, простирали его вліяніе на нравственную жизнь подвластныхъ: „поставленъ на казнь злымъ, и добрымъ на помилованіе“; юридическія понятія о правомъ и неправомъ превращаются въ понятія о добромъ и зломъ изъ области морали. Такъ съ самаго начала опредѣлилась важная задача духовенства въ нашей исторіи—содѣйствовать развитію княжеской власти и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣченъ знакомый всѣмъ религіозный характеръ древней русской государственности.

Съ христіанствомъ явилось и *религіозное образованіе народа.* Немедленно послѣ крещенія народа Владиміръ сталъ заводить училища, отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ ученье книжное; матери, разсказывастъ лѣтопись, плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ. Такъ было не только въ Кіевѣ, но и по другимъ городамъ и селамъ. Учителями были священники. Въ религіозномъ просвѣщеніи народа обнаружилось преимущественно вліяніе Болгаріи; от-

туда явились къ намъ и первые учители и первыя книги и самая славянская грамота, которой училось молодое поколѣніе русскихъ христіанъ. Греческое вліяніе въ дѣлѣ образованія шло къ намъ чрезъ Болгарію же, а не непосредственно. Греческіе учители, воспитанные въ духѣ тогдашняго византійскаго риторства и діалектики, совершенно погрузившіеся въ полемику съ латинянами о разныхъ догматическихъ и обрядовыхъ тонкостяхъ, не годились въ Россіи, гдѣ общество нуждалось пока въ самомъ простомъ катихизическомъ ученіи. Но вліяніе Болгаріи не обошлось и безъ вреда. Православіе Болгаръ много пострадало отъ примѣси къ нему остатковъ язычества и сильно распространенной тогда по всей Болгаріи ереси *Павликіанъ*—отрасли Гностицизма. Въ X в. попъ *Богомилъ* выработалъ изъ этой ереси особый болгарскій (*богомильскій*) толкъ, проповѣдывавшій гностическій дуализмъ, отвергавшій іерархію и обряды и отличавшійся крайнимъ аскетизмомъ. Богомильство усвоило себѣ множество христіанскихъ и еврейскихъ *апокрифовъ* или *отреченныхъ сказаній*, всегда имѣвшихъ большой успѣхъ въ массѣ народа; собраніемъ этихъ апокрифовъ и разныхъ лживыхъ молитвъ, имѣвшихъ кудесническое значеніе заговоровъ, извѣстенъ другой болгарскій попъ *Іеремія*. Изъ Болгаріи, какъ увидимъ, отреченныя книги явились и въ Россію. Начало богомильскаго вліянія открылось еще при Владимирѣ. Въ 1014 г. въ Кіевѣ училъ еретикъ *Адріанъ*, монахъ и скопецъ, хулившій уставы и іерархію церкви. М. *Леонтій* заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ скоро раскаялся.

Вліяніе христіанства на нравы. Первый примѣръ нравственнаго перерожденія въ православіи представляетъ намъ самъ Владиміръ. Изъ удалаго вождя дружины, чуждаго землѣ, какими были и онъ и всѣ прежніе князья, онъ сталъ первымъ земскимъ княземъ—нарядникомъ, который думалъ съ дружиной, епископами и старцами о строѣ земляномъ, который и воевалъ уже не изъ одной безавѣтной богатырской удали, а для защиты своей страны, сталъ „краснымъ солнышкомъ“ народа. Его широкая натура, которая вела его прежде къ излишествамъ языческаго разгула, теперь проявлялась въ необыкновенномъ благодушіи и ласковости, о которыхъ говорятъ и лѣтопись и старыя былины. Это былъ ласковый князь и хозяинъ, у котораго всѣмъ былъ радушный пріемъ и привѣтъ, добрый кормилецъ нищихъ, покровитель слабыхъ. Всякій бѣдпякъ смѣло шелъ на его княжескій дворъ и бралъ ку-

шанье, питье и деньги. Этого мало: „дряхлые и больные, сказалъ князь, не могутъ доходить до моего двора“, и велѣлъ всякіе припасы развозить по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, которые не могутъ ходить“, и такимъ раздавать все нужное. Въ праздники онъ ставилъ трапезы себѣ съ дружиной, духовенству и нищимъ. Въ своемъ церковномъ уставѣ, какъ мы видѣли, онъ тоже позаботился о богадѣльняхъ и больницахъ. 15 іюля 1015 года умеръ добрый князь и плакали по немъ всѣ, знатные и убогіе. Мощи его положены въ Десятинной церкви. Владиміръ былъ неграмотенъ; дѣти его являются уже представителями новаго грамотнаго поколѣнія, могли находить утвержденіе вѣры въ книгахъ; таковы: *Ярославъ*, *Мстиславъ*, *Изяславъ*, *Борисъ* и *Глѣбъ*. Послѣдніе двое особенно процвѣтали благочестіемъ; они и умерли мучениками за новыя нравственныя понятія въ борьбѣ съ старымъ языческимъ обществомъ, представителемъ котораго явился братъ ихъ Святополкъ. Христіанство не замедлило выставить образцы высшаго совершенства въ монастыряхъ, которые были основаны при Владиміръ въ Кіевѣ и Новгородѣ. Понятно, что дѣйствіе христіанства могло обнаружиться въ жизни пока только не многихъ лучшихъ людей. Восходящее солнце озарило еще только вершины; низменности оставались въ прежнемъ мракѣ.

Остатки язычества. Народъ крестился большею частію невольно, повинуясь властямъ или же привлекаясь къ новой вѣрѣ ея внѣшнимъ блескомъ, обрядностію. Къ нравственному перевоспитанію этаго множества крещеныхъ людей церковь не имѣла ни времени, ни средствъ. Послѣ крещенія Руси мы встрѣчаемъ въ церковной исторіи длинный періодъ грубаго двоевѣрія, въ которомъ сначала язычество даже преобладаетъ надъ христіанствомъ. Послѣ обязательной молитвы въ христіанскомъ храмѣ двоевѣръ отправлялся въ священную дуброву, къ озеру, студенцу, старому дубу, подъ овинъ, гдѣ жили его старые боги, и творилъ тутъ другую молитву по обычаю отцевъ и дѣдовъ; на ряду съ священниками и даже болѣе ихъ почиталъ своихъ прежнихъ волхвовъ. Христіанскій пастырь, преслѣдовавшій суевѣріе, тѣснившій волхва, былъ даже зломъ для полувѣра; бѣжалъ отъ него этотъ полувѣръ, какъ отъ врага своей старины, и самую встрѣчу съ нимъ считалъ зловѣщею. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣра-

ми, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ. Но если гдѣ, то именно у русскихъ Славянъ эти внѣшнія мѣры не вели ни къ какимъ важнымъ результатамъ. Славяно-русское язычество еще не развило у себя общественныхъ формъ, доступныхъ для внѣшнихъ запретительныхъ мѣръ. Это была религія домашняя съ слабыми только начатками общественнаго богослуженія въ игрищахъ между селами и обрядахъ на священныхъ урочищахъ, безъ храмовъ и жрецовъ. Храмомъ ея была изба, жрецомъ—глава семьи да еще знахарь, волхвъ, къ которому прибѣгали въ крайнихъ случаяхъ, гдѣ казались недостаточными домашнія религіозныя средства. Отъ того христіанскій храмъ строился у насъ не на развалинахъ языческаго, а на пустомъ мѣстѣ, и ничему старому не мѣшалъ; христіанскій священникъ не долженъ былъ отнимать себѣ общественное положеніе у жреца, а тоже явился на пустое мѣсто. Отъ того и христіанство распространялось у насъ необыкновенно мирно и сразу запяло свое господствующее общественное положеніе. Но этого было мало для его торжества. Ниспровергая кумиры, разгоняя рѣдкія языческія собранія, оно задѣвало несущественныя стороны славяно-русскаго язычества; для полной побѣды надъ старою вѣрою христіанству нужно было проникнуть въ самое святилище ея, въ темный уголъ семейнаго быта, а для этаго внѣшнія мѣры были недостаточны, нужна была борьба нравственными средствами, нужно было произвести замѣну однихъ вѣрованій другими чрезъ воспитаніе народа. Такой нравственной борьбы церковь не въ состояніи была предпринять долгое время послѣ крещенія народа, такъ что язычество имѣло полную возможность не только цѣликомъ сохраниться въ семейномъ быту, но даже оказать значительное вліяніе на самыя христіанскія вѣрованія народа, внести въ нихъ очень замѣтную долю нечистой примѣси изъ области своихъ вѣрованій. По своей неразвитости оно не успѣло выяснить миѳовъ о высшихъ божествахъ Сварогѣ, Перунѣ, Дажбогѣ, Волосѣ и создало только слабые образы ихъ; подъ вліяніемъ христіанства эти боги скоро были забыты или слились съ христіанскими святыми,—Перунъ съ прор. Иліею, Волосъ съ св. Власіемъ и т. д. Но зато въ народныхъ вѣрованіяхъ цѣликомъ остались образы низшихъ божествъ, бывшихъ и прежде главными предметами поклоненія, божествъ, жившихъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, въ его избѣ, на его очагѣ,

въ овинѣ, рѣкѣ, гдѣ онъ ловилъ себѣ рыбу, въ лѣсу, куда онъ ходилъ съ своимъ топоромъ, косой и сохой, божествъ съ рѣзко очерченными характерами, домовыхъ, лѣшихъ, водяныхъ, русалокъ и проч. Цѣликомъ остался и языческій взглядъ на природу съ его примѣтами, повѣрьями, чудесами, чародѣйными средствами, обрядами, которыми обставлены были каждый шагъ, каждое занятіе Славянина, каждый предметъ его домашняго обихода.

II. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ДО УСИЛЕНІЯ СѢВЕРОВОСТОЧНОЙ РУСИ.

Распространеніе христіанства.

Послѣ Владиміра Кіевъ оставался главнымъ средоточіемъ церковной жизни до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ въ области средней Волги не завязался новый узелъ государственной жизни, пока съ ослабленіемъ южной Руси послѣ монгольскаго нашествія вся русская жизнь не отлила на сѣверъ, изъ предѣловъ Малороссіи въ предѣлы великорусскаго племени. Во все это время господства Кіева въ гражданской и церковной жизни (до половины XIII вѣка) христіанство продолжало распространяться по всѣмъ мѣстамъ, которыхъ прежде не коснулось или коснулось слабо. Распространенію его много помогало самое раздробленіе Руси на удѣлы; потому что теперь каждый князь заботился о распространеніи вѣры въ своемъ удѣлѣ и дѣлалъ тоже, что прежде дѣлалъ одинъ князь для всей Руси; каждый стольный городъ сталъ для своего удѣла центромъ христіанства, какимъ прежде былъ одинъ Кіевъ тоже для всей Руси.

Въ Ростовѣ все еще продолжалась борьба съ язычествомъ. Первые епископы Греки бѣжали отъ ярости язычниковъ въ Грецію. Третій епископъ, родомъ Русскій, *св. Іоаннъ* не бѣжалъ отъ ввѣреннаго ему стада, хотя язычники и его выгнали изъ города. Оставивъ старое поколѣніе, закоренѣвшее въ язычествѣ, онъ обратился къ молодому; поселившись за городомъ, ласками привлекалъ къ себѣ дѣтей и училъ ихъ. Язычники взволновались противъ него и большой толпой пошли убить святаго, но когда онъ вышелъ къ нимъ въ своемъ святительскомъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, окруженный клиромъ, они не имѣли духа исполнить своего намѣренія. Сильное на-

ставленіе святителя такъ подѣйствовало на толпу, что многіе изъявили готовность принять крещеніе. Послѣ этаго Леонтій сталъ дѣйствовать успѣшнѣе не только въ Ростовѣ, но и въ окрестностяхъ. Подвиги его однако кончились мученическою смертію (около 1070 г.). Преемникъ его (съ 1078 г.) *св. Исаія*, кіевскій уроженецъ и постриженникъ Печерскаго монастыря, ходилъ по всей ростовской и суздальской землѣ съ проповѣдью вѣры, вездѣ крестилъ народъ, ниспровергалъ идоловъ и строилъ церкви († 1090 г.). Въ концѣ XI же вѣка прибылъ въ Ростовъ русскій инокъ препод. *Авраамій* и поселился въ хижинѣ на берегу оз. Неро. Въ Ростовѣ еще весь чудскій конецъ поклонялся идолу Волоса. Святой долго училъ народъ и молился о его обращеніи. Св. Іоаннъ Богословъ, явившись ему въ видѣніи, далъ ему жезлъ на сокрушеніе идола. На мѣстѣ сверженнаго истукана Авраамій основалъ свой *Богоявленскій* монастырь, въ которомъ сдѣлался первымъ архимандритомъ. Въ XII вѣкѣ, благодаря трудамъ святыхъ Леонтія, Исаіи и Авраамія, Ростовъ былъ уже весь христіанскимъ городомъ.

Волхвы. Новые христіане ростовско-суздальской земли были еще впрочемъ очень не тверды въ вѣрѣ. Она еще держалась въ обыкновенное, спокойное время, но во времена общихъ народныхъ бѣдствій постоянно всплывали наружу старыя суевѣрія; бѣду свою народъ приписывалъ гнѣву покинутыхъ боговъ. Среди общаго суевѣрнаго смущенія открывался обширный просторъ для дѣятельности представителей язычества—волхвовъ. Въ 1024 году по случаю голода встали волхвы въ Суздалѣ и стали избивать старыхъ женщинъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они удерживаютъ плодородіе и причиняютъ голодъ въ странѣ. Великій князь *Ярославъ* самъ пріѣхалъ въ Суздаль и казнилъ волхвовъ. Нѣсколько времени спустя (около 1071 года), пасталъ голодъ въ Ростовѣ. По этому случаю изъ Ярославля пришли два волхва и пошли по Волгѣ, избивая лучшихъ пожилыхъ женщинъ. Жители приводили къ нимъ своихъ матерей, женъ, сестеръ; волхвы надрѣзывали у нихъ за плечами и показывали видъ, что вынимаютъ оттуда хлѣбъ, медъ или рыбу; имѣнье у богатыхъ женщинъ забирали себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, около нихъ было уже до 300 послѣдователей. Здѣсь встрѣтилъ ихъ *Яна* боярин кн. Святослава черниговскаго. Произошла схватка, въ которой былъ убитъ священникъ Яна. Бѣлозерцы едва согласились выдать волхвовъ. На вопросы Яна Волхвы изло-

жили ему свое ученіе о двухъ богахъ небесномъ и подземномъ, о созданіи тѣла дьяволомъ, а души Богомъ. Янъ велѣлъ бить ихъ, выдергать у нихъ бороды и, привязавъ къ лодкѣ, поволокъ ихъ съ собой по Шекснѣ. На устьѣ этой рѣки онъ выдалъ ихъ на месть родственникамъ убитыхъ; оба волхва были повѣшены на дубѣ. Въ 1091 году опять было явился какой-то волхвъ въ Ростовѣ, но уже не имѣлъ успѣха и скоро погибъ.—Въ Новгородѣ тоже была сильна вѣра въ волхвовъ. Новгородцы ходили гадать къ финскимъ кудесникамъ. Въ 1071 году, одинъ волхвъ хулилъ христіанскую вѣру и вызывался перейти Волховъ, какъ по суху. Народъ взволновался и хотѣлъ убить епископа *Ѳеодора*. Епископъ явился съ крестомъ на вѣче и звалъ къ себѣ всѣхъ вѣрныхъ; на его сторону всталъ только кн. *Глѣбъ* съ дружиною, а весь простой народъ остался на сторонѣ волхва. Глѣбъ убилъ волхва и волненіе утихло. Въ концѣ описываемаго времени (1227 г.) уже само вѣче казнило четверыхъ волхвовъ.—Въ 1071 году явился одинъ волхвъ въ самомъ Кіевѣ; онъ утверждалъ, что ему явилось пять боговъ, и что по ихъ откровенію черезъ 5 лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, русская земля станетъ на мѣстѣ греческой, а эта на мѣстѣ русской. И въ Кіевѣ нашлись невѣгласы, которые ему вѣрили; другіе смѣялись надъ нимъ, говоря: „бѣсъ играетъ тобою на пагубу тебѣ". И дѣйствительно въ одну ночь волхвъ пропалъ безъ вѣсти.

Въ Муромѣ сопротивленіе язычниковъ утвержденію христіанства было еще серьезнѣе. Язычество поддерживалось здѣсь самою глушью этого края, сплошь населеннаго дикой Муромой и Мордвой съ весьма слабыми начатками славянскаго населенія. Послѣ св. Глѣба здѣсь не было и особаго князя до конца XI в., когда на муромско-рязанское княжество пріѣхалъ сынъ Святослава черниговскаго *Ярославъ-Константинъ*, родоначальникъ рязанскихъ князей и просвѣтитель этого края. Онъ прибылъ въ Муромъ съ дѣтьми *Михаиломъ* и *Ѳеодоромъ*, съ духовенствомъ и цѣлой колоніей христіанъ. Язычники встрѣтили его съ оружіемъ и даже убили княжича Михаила. Ярославъ занялъ городъ и велѣлъ строить въ немъ церкви. Усердіе его къ обращенію жителей въ христіанство долгое время только усиливало упорство ихъ въ язычествѣ. Однажды раздраженная ревностью князя толпа язычниковъ собралась ко двору его съ намѣреніемъ убить его. Св. князь неустрашимо вышелъ къ ней одинъ съ иконою въ рукахъ. Мятежники были поражены чудеснымъ ужасомъ и просили крещенія. Въ на-

значенный день на Окѣ произошло такое же крещеніе, какъ въ Кіевѣ при св. Владимірѣ. Послѣ этаго труды Ярослава въ пользу св. вѣры сдѣлались успѣшнѣе. До самой смерти († 1129 г.) онъ занимался обращеніемъ язычниковъ, строеніемъ по всему княжеству церквей и монастырей, въ 1095 году около церкви св. Николы заложилъ Переяславль Рязанскій (Рязань), гдѣ потомъ утвердилась и епископія, учрежденная сначала въ Муромѣ въ 1198 г.

Долѣе всѣхъ славянскихъ племенъ оставалось въ язычествѣ племя *Вятичей*. Просвѣтителемъ ихъ былъ въ XII вѣкѣ пр. *Кукша*, инокъ печерской обители, принявшій у нихъ мученическую смерть.

Христіанство у инородцевъ а) *на югѣ*. Христіанство проникало и на окраины Руси къ сосѣднимъ инородцамъ. Самое характеристическое явленіе въ исторіи русскихъ славянъ это ихъ колонизаціонное движеніе въ среду инородческихъ поселеній и славянизація послѣднихъ, для которой самымъ могущественнымъ средствомъ было крещеніе инородцевъ въ православную вѣру. Менѣе всѣхъ славянскихъ племенъ отличались вліяніемъ на инородцевъ южно-русскія племена. Среди своей воинственной, полукозацкой жизни они мало заботились о прочномъ, нравственномъ подчиненіи себѣ чуждыхъ народностей и отличались терпимостью ко всякимъ вѣрамъ. Въ южной Руси встрѣчаемъ всякія народности и вѣры, и Евреевъ, и латинянъ, и Армянъ, и магометанъ, и язычниковъ, разныхъ Коуевъ, Торковъ, Берендеевъ, Турпѣевъ, Печенеговъ и Половцевъ, которыхъ никто и не думалъ обращать въ православіе. Но и изъ южной Руси св. вѣра успѣвала иногда проникать въ степныя вежи инородцевъ. Есть извѣстія о крещеніи нѣкоторыхъ половецкихъ князей; крестились половецкія княжны, на которыхъ нерѣдко женились русскіе князья; крестились плѣнники изъ степей и разные люди, поступавшіе на службу къ русскимъ князьямъ. Послѣ страшнаго пораженія Половцевъ Мономахомъ въ 1111 г. на р. Сальницѣ множество степняковъ обратилось ко Христу вслѣдствіе видѣнія ими ангеловъ, помогавшихъ Русскимъ во время битвы. Съ другой стороны и русскіе плѣнники, попадавшіе въ степи, иногда бывали тамъ просвѣтителями для своихъ порабощителей. Въ концѣ XI вѣка крестился со всѣмъ семействомъ одинъ знатный Половчинъ, пораженный чуднымъ освобожденіемъ своего плѣнника печерскаго инока пр. *Никона Чудо*, котораго онъ три года томилъ въ заключеніи и которому въ предупрежденіе бѣгства изъ плѣна подрѣзалъ на но-

гахъ жилы. Другой печерскій инокъ пр. *Евстратій* попалъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ 50 другими христіанами къ крымскимъ Жидамъ. Всѣхъ его товарищей Евреи поморили голодомъ, а его распяли на крестѣ. Но по его предсказанію всѣхъ Евреевъ въ Крыму постигла въ скоромъ времени казнь отъ Грековъ. Пораженные исполненіемъ пророчества и чудесами отъ мощей пр. Евстратія, многіе Евреи приняли крещеніе.

б) *На сѣверѣ.* Славянизація инородцевъ главнымъ образомъ пала на долю сѣверныхъ племенъ, которыя, селясь между финскими племенами, всюду распространяли свою христіанскую образованность и претворяли инородческій элементъ населенія въ свою плоть и кровь. Начало такого вліянія на инородцевъ принадлежитъ Новгороду, который раскинулъ свои колоніи по всему русскому сѣверу. Ближайшіе къ Новгороду Финны стали креститься еще со временъ св. Владиміра, напр. *Ижора* и *Корела*. Въ 1227 году новгородскій князь Ярославъ Всеволодовичъ посылалъ къ Кореламъ миссію и они всѣ безпрекословно крестились. Отдаленные отъ Новгорода и менѣе воспріимчивые инородцы, какъ напр. *Водь*, хранили язычество даже еще въ XVI в. Просвѣтителемъ *вологодскаго* края былъ пр. *Герасимъ* изъ Печерской обители; въ 1147 г. онъ поселился около небольшаго новгородскаго торжка Вологды, основалъ монастырь св. Троицы и 30 лѣтъ проповѣдывалъ Евангеліе обитателямъ этой дикой лѣсной страны. Среди *Чуди Заволоцкой* на сѣверной Двинѣ христіанство явилось еще во времена св. Владиміра. Въ новгородскихъ колоніяхъ этого края были церкви и монастыри. При сліяніи Сухоны и Юга уже въ предѣлахъ древней *Біарміи* еще до XII в. стоялъ старый городъ Устюгъ, выстроившійся около Троицкаго *Гледенскаго* монастыря. Въ сѣверномъ краѣ монастыри вообще являются предтечами и починками русскихъ колоній и первыми разсадниками христіанскаго просвѣщенія. Сѣмена св. вѣры разносили по сѣверу и новогородскіе повольники, хотя вовсе не для ея интересовъ совершали свои удалые разъѣзды. Въ 1174 г. двѣ партіи новогородскихъ повольниковъ проникли въ область р. *Камы*, въ страну Черемисъ и Вотяковъ, и заняли ихъ города Болванскій, названный Никулицынымъ, и Каршаровъ, названный Котельничимъ. Нѣсколько времени спустя, построенъ былъ на р. Вяткѣ г. Хлыновъ, нынѣшняя *Вятка*. Во всѣхъ этихъ городахъ явились русскіе храмы и утвердилось христіанство. Инородцы впрочемъ упорно отказывались отъ

христіанскаго просвѣщенія и долго съ ожесточеніемъ нападали на русскія колоніи, возникшія въ ихъ странѣ.

в) *По Волгѣ.* Колонизація волжскаго края сначала шла тоже изъ Новгорода; но уже въ XII в. изъ смѣси русскаго и инородческаго народонаселенія здѣсь успѣло сформироваться крѣпкое Великорусское племя, которое болѣе всѣхъ другихъ племенъ заявило себя вліяніемъ на обрусеніе инородцевъ. Въ половинѣ XIII вѣка мы уже вовсе не слышимъ о существованіи стараго племени *Мери*, среди котораго шла великорусская колонизація, и все поволжье до самыхъ селеній *Мордвы* видимъ чисто русскимъ и православнымъ, кромѣ развѣ какихъ нибудь лѣсныхъ захолустьевъ. Въ 1221 г. русская колонизація по Волгѣ остановилась въ Нижнемъ. Въ предѣлахъ этого города Русскіе вступили въ долгую борьбу съ сильной и воинственной Мордвой, въ резервѣ у которой стояли сильное черемисское племя и Болгарія. За Нижнимъ встрѣчаемъ только частные примѣры обращенія инородцевъ къ православію. Напр. князь *Андрей Боголюбскій* много крестилъ у себя во Владимірѣ Болгаръ, язычниковъ восточнаго края и Жидовъ Слуга его Кузьма плакался надъ его тѣломъ: „бывало придетъ гость изъ какой нибудь страны, латинянинъ или язычникъ,—ты приказываешь: ведите его въ церковь и ризницу, пусть смотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало; много крестилось". Между Болгарами встрѣчаемъ мученика *Авраамія*, богатаго купца, замученнаго въ Болгаріи за вѣру въ 1229 г. Мощи его въ 1230 году перенесены были во Владиміръ.

г) *На западѣ* христіанское вліяніе должно было остановиться на своемъ пути очень близко отъ своихъ исходныхъ пунктовъ—Новгорода, Пскова, Полоцка и Смоленска, потому что столкнулось съ другимъ сильнымъ вліяніемъ, которое шло съ запада отъ латинской церкви. Въ Финляндіи просвѣтительная дѣятельность Новгорода ограничилась племенами *Ижоры* и *Корелы*. Жившее далѣе на западъ племя *Ямь* было крещено уже латинскими миссіонерами изъ Швеціи (въ XII в.). На югъ отъ Финскаго залива русскіе князья распространяли христіанство среди *Чуди*. Въ 1030 г. Ярославъ построилъ здѣсь городъ Юрьевъ (Дерптъ) съ церквами. Преемники Ярослава старались поддержать и распространить начатки христіанства, посылая къ Чуди и къ сѣвернымъ *Латышамъ* священниковъ. Успѣхи св. вѣры были впрочемъ очень слабые. А между тѣмъ въ XI вѣкѣ началась здѣсь дѣятельность латин-

скихъ миссіонеровъ; въ 1070 годахъ Эстоніей завладѣли Датчане, построили городъ Ревель и нѣсколько монастырей и остановили успѣхи православія. Въ Ливоніи въ концѣ XII вѣка основался орденъ Меченосцевъ, съ самаго начала вступившій въ страшную религіозную борьбу съ псковскими и полоцкими князьями.

Орденъ Меченосцевъ. Еще до основанія ордена въ Ливоніи съ половины XII в. проповѣдывали латинскіе монахи, пріѣзжавшіе сюда съ бременскими купцами; во главѣ ихъ стоялъ монахъ *Мейнгардъ*, бывшій потомъ ливонскимъ епископомъ. Латинская миссія, подкрѣпляемая военными дружинами и не пугавшаяся насильственныхъ мѣръ, очень скоро вытѣснила православную, которая было давно проникла сюда изъ сосѣдняго полоцкаго княжества. Но властолюбивые замыслы пришельцевъ скоро произвели цѣлый рядъ возстаній со стороны Ливовъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые крестились, снова возвращались къ язычеству и бросались въ Двину, чтобы смыть съ себя крещеніе и отослать его назадъ къ Нѣмцамъ. Тогда епископъ *Альбрехтъ* съ согласія папы учредилъ для распространенія христіанства между упорными дикарями духовный рыцарскій орденъ Меченосцевъ, главной резиденціей котораго сталъ городъ Рига, выстроенный въ 1200 г. Полоцкіе князья по своей слабости не могли остановить успѣховъ ордена; мало повредилъ Нѣмцамъ и походъ на нихъ *Мстислава Удалаго* съ новогородцами. Возстанія туземцевъ были укрощены жестокими мѣрами. По всей странѣ Нѣмцы настроили замковъ и крѣпко утвердили свое суровое фанатическое владычество надъ Ливонцами. Вскорѣ они проникли и въ Эстонію, завоевали у Русскихъ Юрьевъ, отъ Датчанъ получили Ревель. Въ той и другой странѣ вліяніе Русскихъ было отстранено на долгое время.

Начало христіанства въ Литвѣ. Ливонскій орденъ стремился къ подчиненію и литовскихъ племенъ по р. Нѣману, но Литва мужественно встрѣтила его напоръ и остановила распространеніе его владычества. Литовцы находились въ самомъ упорномъ язычествѣ, но и сюда уже проникали слабые лучи христіанства изъ Россіи. Въ концѣ XII и началѣ XIII столѣтія извѣстны четыре князя, бывшіе православными. Самое сильное вліяніе на Литву имѣло княжество Галицко-Волынское, особенно въ правленіе *Романа Мстиславича*, грознаго побѣдителя и цивилизатора Литовцевъ.

Попытки католичества утвердиться въ Россіи. Латинская пропаганда стремилась проникнуть и въ коренныя русскія княжества. Первая попытка къ этому была сдѣлана при *Изяславѣ* Ярославичѣ, когда онъ, выгнанный братьями изъ Кіева, искалъ себѣ помощи на западѣ, между прочимъ у папы *Григорія VII*. Папа прислалъ къ нему по этому случаю посланіе и пословъ. Но в. князь возвратилъ себѣ Кіевъ и безъ помощи папы. Послѣ этаго послы папы не разъ приходили на Русь, но всякій разъ безъ успѣха.—Только самая западная часть южной Руси—Галиція подверглась серьезной опасности отъ латинства. Въ концѣ XII в. она должна была покориться Венграмъ, которые стали гнать православіе, дѣлали изъ церквей конюшни. Мужественный *Романъ Мстиславичъ* избавилъ несчастную страну отъ насилій и присоединилъ ее къ своему волынскому княжеству. Сильный князь обратилъ на себя вниманіе папы *Иннокентія III*. Это было во время самаго широкаго развитія папской власти, когда Царьградъ былъ въ рукахъ крестоносцевъ, когда папа раздавалъ королевскія короны. Легатъ папы обѣщалъ королевскую корону и Роману, если онъ покорится св. престолу, увѣрялъ его въ содѣйствіи папскаго меча. „А такой ли мечъ у папы"? отвѣчалъ князь, ударяя по своему мечу. Но вскорѣ послѣ этого гордаго пріема папскаго посла при малолѣтнихъ сыновьяхъ Романа *Даніилѣ* и *Василькѣ* Галичъ снова сдѣлался жертвой Венгровъ, которые посадили въ немъ своего королевича Коломана. Явились латинскіе священники и монахи, выгнали изъ города православное духовенство, изъ церквей подѣлали костелы, а народъ стали принуждать къ латинству. Въ 1220 г. Мстиславъ Удалой снова избавилъ Галичъ отъ Венгровъ, но самъ испортилъ свое благое дѣло, выдавъ свою дочь за мужъ за брата Коломана и отдавъ за ней въ приданое галицкую волость. Послѣ его смерти (1228 г). здѣсь опять началось распространеніе латинства, а черезъ два года папа учредилъ уже особую галицкую архіепископію.—Въ одно почти время съ посольствомъ къ Роману (1207 г.) папа писалъ посланіе ко всѣмъ русскимъ князьямъ, духовенству и народу, въ которомъ говорилъ, что хотя они и давно удалены отъ сосцевъ своей матери (т. е. Римской церкви), но что онъ не можетъ подавить въ себѣ отеческихъ чуствъ къ заблудшимъ дѣтямъ и зоветъ ихъ къ себѣ: пусть Ефремъ обратится къ Іудѣ, Самарія къ Іерусалиму; вся Греческая церковь признала власть апостольскаго сѣдалища,—ужели часть (Русская церковь) не послѣдуетъ за цѣлымъ?... Но Греческая церковь не думала кланяться апостоль-

скому сѣдалищу, и часть ея всегда была въ тѣсной связи съ цѣлымъ.

Устройство іерархіи.

Іерархическая связь Руси съ Греціей. Русскіе митрополиты по прежнему и избирались и посвящались въ Греціи. По характеру своего внутренняго управленія русская митрополія пользовалась правами экзархата, даже болѣе, чѣмъ другіе экзархаты Греціи. Вслѣдствіе независимости Руси отъ имперіи и самой ея отдаленности отъ Византіи русская церковь была свободна отъ вмѣшательства патріарха въ ея внутреннія дѣла; митрополитъ рѣшалъ эти дѣла самостоятельно безъ утвержденія патріарха и рѣшеніе его признавалось за окончательное; примѣровъ апелляціи русскихъ епископовъ къ патріарху встрѣчаемъ очень не много. Съ этой стороны зависимость русской митрополіи отъ Грековъ пока еще не могла тяготить русскихъ людей; но она скоро сдѣлалась тягостною съ другой стороны. Митрополиты, присылаемые изъ Греціи, были люди чужіе на Руси и по происхожденію, и по языку, и по симпатіямъ. Поставленный съ согласія чужаго государя, зависимый отъ послѣдняго, митрополитъ Грекъ не могъ возбуждать полнаго довѣрія къ себѣ ни въ князьяхъ, ни въ народѣ. Нужно при этомъ имѣть въ виду дурную репутацію, какой Греки изстари пользовались на Руси и которая выразилась въ замѣткѣ лѣтописца: „суть бо Греци льстиви и до сего дне“. Притомъ же на русскую митрополію присылались даже не лучшіе люди изъ Грековъ. Изъ 25 митрополитовъ Грековъ въ первые 4 съ половиной вѣка существованія русской церкви не болѣе 5-6 человѣкъ заявили себя просвѣщеніемъ и благочестіемъ. Таковы въ описываемое время были: *Георгій* (съ 1072 г.) человѣкъ образованный, но, какъ чуждый пастырь, покинувшій свою паству во время междоусобія дѣтей Ярослава; преемникъ его *Іоаннъ II* (съ 1080 г.), по свидѣтельству лѣтописи, хитрый книгамъ и ученію, милостивый, ласковый ко всѣмъ, смиренный, молчаливый и вмѣстѣ рѣчистый, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ;—*Никифоръ I*, извѣстный своими посланіями къ Мономаху. Другіе только вскользь упоминаются въ лѣтописяхъ, а объ одномъ *Іоаннѣ III* (съ 1089 г.) даже прямо замѣчено, что онъ былъ некнижникъ и простъ умомъ. Между тѣмъ митрополиты изъ русскихъ людей всѣ оставили послѣ себя самую хорошую память по своему

образованію, благочестію, и благотворному дѣйствію на свою родную паству (1).

Митрополиты изъ Русскихъ. Мысль объ избраніи митрополитовъ изъ Русскихъ явилась очень рано. Послѣ смерти м. *Θеопемпта* 3 года не присылали изъ Греціи новаго митрополита. Въ это время только что кончилась война Ярослава съ Греками, въ которой Греки варварски ослѣпили 800 русскихъ плѣнниковъ. И вотъ въ 1051 г. „Богъ князю вложи въ сердце“ поставить митрополита русскаго и соборомъ русскихъ же епископовъ; поставленъ *Иларіонъ*, священникъ княжескаго села Берестова. Новый святитель впрочемъ въ томъ же году испросилъ себѣ благословеніе патріарха. Онъ былъ мужъ благочестивый и аскетъ, часто уединялся для молитвы въ пещеру, которую выкопалъ въ горѣ недалеко отъ своего села, и кромѣ того былъ извѣстенъ своимъ просвѣщеніемъ. Нѣсколько времени спустя, въ концѣ XI в., видимъ еще митрополита изъ Русскихъ *св. Ефрема*, бывшаго прежде придворнымъ в. к. Изяслава, потомъ епископомъ переяславскимъ. И онъ былъ извѣстенъ, какъ святой мужъ и чудотворецъ; свое управленіе и переяславской епископіей и митрополіей онъ ознаменовалъ строеніемъ многихъ церквей, больницъ и странноприимницъ. Поставленіе свое на митрополію онъ впрочемъ получилъ не въ Россіи, а въ Греціи.

Споръ о независимомъ поставленіи митрополита въ Россіи. Послѣ Иларіона другой примѣръ независимаго поставленія митрополита изъ Русскихъ видимъ въ 1147 г. при *Изяславѣ Мстиславичѣ*. Вслѣдствіе неудовольствія на митрополита *Михаила*, который покинулъ свою паству во время княжескихъ смутъ и ушелъ въ Грецію, а также вслѣдствіе смутъ изъ за патріаршаго престола въ самой Греціи, в. князь собралъ въ Кіевѣ соборъ для поставленія митрополита изъ Русскихъ. Выборъ палъ на *Климента Смолятича*, схимника и затворника и вмѣстѣ съ тѣмъ книжнаго философа, какого

---

(1) Порядокъ митрополитовъ былъ слѣдующій: 3, *Іоаннъ* (съ 1015 г.), 4, *Θеопемптъ* (1037), 5, *св. Иларіонъ* (1051), 6, *Георгій* (1056) 7, *св. Іоаннъ II* (1080), 8, *Іоаннъ III* (1089), 9, *св. Ефремъ* (1089), 10, *Николай* (1097), 11, *Никифоръ* (1104), 12, *Никита* (1122), 13, *Михаилъ* (1130), 14, *Климентъ Смолятичъ*, 15, *св. Константинъ* (1156), 16, *Θеодоръ* (1160), 17, *Іоаннъ IV* (1164), 18. *Константинъ II* (1167), 19, *Никифоръ II* (1115), 20, *Матѳей* (1205), 21, *Кириллъ* (1205), 22, *Кириллъ II* (1240).

на Руси и не бывало. О личности его не было спора, но возникъ важный вопросъ, можно ли посвящать митрополита въ Россіи однимъ епископамъ безъ патріарха. Три епископа—новгородскій *Нифонтъ*, смоленскій *Мануилъ*, оба Греки, и полоцкій *Косьма*, тоже по всей вѣроятности Грекъ, рѣшали этотъ вопросъ въ интересахъ греческаго патріарха отрицательно. Напротивъ 6 епископовъ изъ Русскихъ доказывали, что по церковнымъ канонамъ соборъ епископовъ всегда можетъ поставить себѣ митрополита; имъ легко было бы опровергнуть крайнее мнѣніе греческой партіи, еслибы они сами не впали въ крайность, настаивая на правѣ епископовъ ставить митрополита *безъ благословенія* патріарха. Греческая партія оперлась на эту ошибку противниковъ и заставила ихъ прибѣгать къ страннымъ уловкамъ. *Онуфрій* черниговскій предложилъ замѣнить благословеніе патріарха поставленіемъ митрополита посредствомъ главы Климента Римскаго; Греки ставятъ же, утверждалъ онъ несправедливо, рукою Іоанна Предтечи. Споръ не кончился ничѣмъ опредѣленнымъ; Климентъ былъ поставленъ, но Греческая партія не признала его митрополитомъ, хотя и была имъ за это преслѣдуема. Нифонтъ былъ посаженъ въ тюрьму въ Кіевѣ, Мануилъ спасся отъ тюрьмы бѣгствомъ. Но и положеніе Климента было очень не прочно; его не признавалъ соперникъ Изяслава сильный князь *Юрій Долгорукій*. Сдѣлавшись в. княземъ послѣ смерти Изяслава (1155), онъ изгналъ Климента и выпросилъ у патріарха другаго митрополита *Константина*. Нифонтъ, уже выпущенный изъ тюрьмы, съ радостію ѣхалъ изъ Новгорода на встрѣчу новому святителю Греку, но не дождался его и умеръ въ Кіевѣ. Греческая партія торжествовала; по совѣту Мануила смоленскаго митрополитъ запретилъ служеніе всѣмъ поставленникамъ Климента и проклялъ умершаго Изяслава. Ему пришлось потомъ горько поплатиться за это проклятіе, когда по смерти Юрія (1158 г.) Кіевомъ овладѣли дѣти Изяслава и посадили в. княземъ своего дядю *Ростислава* смоленскаго. Митрополитъ долженъ былъ оставить каѳедру, но ее не могъ занять и Климентъ, котораго не хотѣлъ Ростиславъ по внушеніямъ греческой партіи. Поэтому выписали изъ Греціи третьяго митрополита *Ѳеодора*. Константинъ скоро умеръ въ Черниговѣ, гдѣ поселился у епископа *Антонія* (Грека). Онъ оставилъ послѣ себя завѣщаніе не хоронить его, а вытащить изъ города за ноги и бросить псамъ. Антоній исполнилъ это завѣщаніе, но черезъ 3 дня торжественно похоронилъ мощи святителя въ черниго-

скомъ соборѣ. Уже послѣ смерти м. Ѳеодора (1163 г.) Ростиславъ вздумалъ было возвратить каѳедру Клименту Смолятичу, но въ это время изъ Греціи прислали новаго митрополита *Іоанна*, безъ согласія в. князя. Это такъ разсердило Ростислава, что императоръ и патріархъ едва уговорили его принять митрополита. „Если патріархъ, сказалъ в. князь, еще поставитъ митрополита безъ нашего вѣдома, то не только не приму его, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и ставить митрополита изъ Русскихъ съ повелѣнія в. князей. Съ этаго времени при избраніи новаго митрополита для русской церкви въ Греціи соображались съ волей в. князя.

Епархіи. Епархіальное дѣленіе русской церкви большею частію совпадало съ удѣльнымъ дѣленіемъ Руси. Всѣхъ епархій къ половинѣ XIII в. было 15. (Новогородская, ростовская, владимірская на Волыни, бѣлгородская, черниговская, юрьевская, переяславская, хельмская, полоцкая, туровская, смоленская, перемышльская, галицкая, рязанская, владимірская на Клязьмѣ и кромѣ того митрополичья кіевская). Вслѣдствіе религіознаго строя древняго общества, всякій общественный союзъ сосредоточивался обыкновенно около какой нибудь святыни, храма, и являлся, смотря по своей величинѣ, въ формѣ прихода или епархіи. Новый удѣлъ, выдѣлившись изъ стараго, стремился сдѣлаться самостоятельнымъ и въ церковномъ отношеніи, завести у себя особую епархію, потому что гражданская самостоятельность безъ церковной была неполна. Такъ въ XII в. послѣ выдѣленія новыхъ удѣльныхъ княжествъ изъ старыхъ, изъ переяславскаго удѣла—смоленскаго, изъ Волыни—галицкаго, изъ черниговскаго—рязанскаго, явились и новыя епархіи: смоленская—въ 1137 году, галицкая—въ 1157, рязанская—въ 1198. Съ паденіемъ удѣла уничтожалась и епархія; напр. въ концѣ XI в. послѣ раззоренія Половцами Тьмуторокани пала и тамошняя епархія. Возвышеніе земли возвышало и ея епархію; въ 1165 г. богатый Новгородъ выхлопоталъ своему владыкѣ Іоанну титулъ архіепископа—тогда еще первый и единственный на Руси.

Вліяніе удѣльной системы на церковное управленіе. Среди удѣльной розни церковь старалась сохранить свое единство и была могущественною силою къ объединенію самой земли. Каѳедра митрополита была центромъ всего церковнаго управленія для всѣхъ концовъ Руси; для рѣшенія церковныхъ вопросовъ при ней весьма часто собирались соборы епископовъ, обязанныхъ являться въ Кіевъ по первому зову митрополита.

Всѣ концы Руси по церковному суду судились на основаніи одной и той же Кормчей. Вездѣ слышалось одно и тоже церковное богослуженіе, одна и таже церковная проповѣдь. Но въ тоже время удѣльные порядки не могли въ свою очередь не отразиться въ церковномъ строѣ. Власть митрополитовъ въ епархіяхъ не рѣдко была стѣсняема обычнымъ тогда стремленіемъ каждаго удѣла къ автономіи, къ меньшей зависимости отъ Кіева, жизни особнякомъ.

Какъ в. князья стремились къ ограниченію патріарха въ избраніи митрополитовъ, такъ въ свою очередь удѣльные князья и жители удѣловъ стремились ограничить власть митрополита въ назначеніи епархіальныхъ епископовъ. Въ XII в. вошло уже въ общій обычай ставить новыхъ епископовъ не иначе, какъ по избранію удѣльныхъ князей и народа. Въ 1183 г. Всеволодъ III не принялъ назначеннаго въ Ростовъ епископа *Николая* Грека, потому что м. *Никифоръ* при назначеніи его не испросилъ согласія князя и народа. Лѣтописецъ выразительно замѣчаетъ по этому поводу: „нѣсть бо достойно наскакати на святительскій санъ, по егоже Богъ позоветъ, князь восхощетъ и людіе". Въ княжескихъ удѣлахъ главный голосъ при избраніи епископа принадлежалъ князьямъ. Въ Новгородѣ, гдѣ вѣче было сильнѣе князя, съ XII в. видимъ народное избраніе владыкъ на вѣчѣ. Извѣстный намъ Нифонтъ былъ послѣднимъ владыкою, присланнымъ изъ Кіева; его преемникъ *Аркадій* былъ избранъ уже на вѣчѣ. Въ этихъ выборахъ обыкновенно участвовали—князь, духовенство, Софіяне (лица принадлежавшіе къ вѣдомству Софійскаго Собора и каѳедры) и народъ. Вслучаѣ несогласія избирателей на престолѣ св. Софіи клали жребіи избираемыхъ и посылали брать ихъ слѣпца или малолѣтняго. Избраннаго владыку посылали въ Кіевъ для посвященія. Въ исправленіе своей должности онъ вводился впрочемъ и до посвященія и въ качествѣ нарѣченнаго владыки управлялъ дѣлами епархіи года по два и больше. Выборъ во владыки падалъ всегда на своего, новогородца, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ князья принимали къ себѣ въ епископы и чужихъ людей, которыхъ почему нибудь успѣвали запримѣтить во время своихъ переходовъ по удѣламъ. Къ особенностямъ Новгорода относится и то, что владыкъ выбирали здѣсь не изъ однихъ иноковъ, но и изъ бѣлаго духовенства.

Воля князя или народа могла быть причиною и изгнанія епископовъ, при чемъ дѣло обходилось иногда и безъ церков-

наго суда. Въ 1157 году Андрей Боголюбскій выгналъ изъ Ростова еп. *Нестора* за то, что онъ не разрѣшалъ постовъ въ господскіе праздники. Въ 1159 году ростовцы выгнали еп. *Леона* за то, что онъ грабилъ поповъ. Въ 1168 г. Святославъ черниговскій изгналъ еп. *Антонія*. Въ Новгородѣ владыкъ изгоняло вѣче. Особенно не прочно сидѣли здѣсь на каѳедрѣ владыки, выбранные по вліянію одного князя безъ общаго согласія вѣча. Въ 1212 г. новгородцы свергнули *Митрофана*, избраннаго кн. Всеволодомъ владимірскимъ и его партіей, а на его мѣсто выбрали, съ согласія кн. Мстислава Удалаго, хутынскаго монаха *Антонія*. Но по уходѣ Мстислава опять усилилась владимірская партія и провозгласила владыкою опять Митрофана. Антоній не уступалъ своего мѣста, и теперь только вспомнили о судѣ митрополита, которому и представили сдѣлать выборъ между двоими владыками. Митрополитъ, разумѣется, оставилъ въ Новгородѣ перваго по времени Митрофана, а Антонію далъ перемышльскую епархію. Въ 1228 г. во время святительства владыки *Арсенія*, по случаю долгой дождливой осени (отъ Успенія до Николина дня), вѣче рѣшило: „это изъ за Арсенія стоитъ у насъ такъ долго тепло“, и вытолкало владыку изъ города въ шею, какъ злодѣя.

Низшее духовенство, непосредственно связанное съ приходскими общинами, также было выборное. Въ 1228 г. патріархъ *Германъ* писалъ грамоту м. *Кириллу I*, изъ которой видно, что вліяніе свѣтскихъ лицъ на избраніе членовъ клира доходило до большихъ злоупотребленій; нѣкоторые господа обучали грамотѣ своихъ рабовъ, потомъ приводили ихъ къ архіереямъ для поставленія во священство, не освободивъ отъ рабства, и послѣ поставленія спекулировали ихъ саномъ. Въ монастыряхъ, разумѣется, болѣе видныхъ, при избраніи игуменовъ требовалось согласіе не только мѣстнаго епископа, но и князя, а въ Новгородѣ—вѣча.

Первая попытка къ раздѣленію русской митрополіи. До чего могло дойти вліяніе удѣльной розни на іерархію, показываетъ знаменательная попытка сѣверной Руси отдѣлиться отъ церковнаго вліянія южной. Это было въ половинѣ XII в. при в. к. *Андрѣ Боголюбскомъ*, когда сѣверовосточная Русь усилилась, пріобрѣла вліяніе на Кіевъ, стала заводить у себя новые самодержавные порядки и явно перетягивала центръ тяжести русской государственной жизни на свою сторону. Владимірскій князь былъ сильнѣе кіевскаго, но въ Кіевѣ былъ митрополитъ, а во владимірскомъ княжествѣ только ростовскій

епископъ. И вотъ в. к. Андрей отправилъ посла къ п. *Луки Хрисовергу* съ просьбой поставить ему во Владимiрѣ особаго митрополита; у него былъ уже готовъ и кандидатъ на новую митрополiю, его любимецъ *Ѳеодоръ*. Патрiархъ отказалъ, ссылаясь на то, что разрывать единство русской митрополiи будетъ противно канонамъ; въ угоду князю онъ посвятилъ Ѳеодора только въ епископы на ростовскую каѳедру и дозволилъ перенести эту каѳедру во Владимiръ. В. князь отказался отъ своего желанiя, но гордый Ѳеодоръ, разочаровавшись въ надеждѣ сдѣлаться митрополитомъ, хотѣлъ по крайней мѣрѣ освободиться отъ подчиненiя кiевскому митрополиту (Константину): ссылаясь на то, что получилъ посвященiе отъ самаго патрiарха, онъ не хотѣлъ ѣхать въ Кiевъ за благословенiемъ митрополита, какъ ни уговаривалъ его къ этому самъ князь. Митрополитъ послалъ во Владимiръ грамоту съ увѣщанiемъ не признавать Ѳеодора епископомъ. Многiе послушались этой грамоты. Ѳеодоръ пришелъ въ такое раздраженiе противъ нихъ, что совершенно обезумѣлъ, затворилъ во Владимiрѣ всѣ церкви, такъ что не было ни звона, ни пѣнiя по всему городу, и принялся казнить ослушниковъ. „Одни, разсказываетъ лѣтопись, лишились селъ, оружiя, коней, другiе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, iереи. Немилостивый былъ мучитель; однимъ головы рубилъ, бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ по стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть у нихъ имѣнiе: до имѣнiя былъ жаденъ, какъ адъ“. Князь наконецъ послалъ его къ митрополиту, а м. Константинъ „обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвезти его на Несiй островъ, гдѣ ему урѣзали языкъ, руку правую отсѣкли и глаза выкололи“. Замѣчательно, что Ѳеодоръ называется въ лѣтописи „бѣлый клобучекъ“,—вѣроятно онъ носилъ бѣлый клобукъ и безъ посвященiя въ митрополиты.

Значенiе iерархiи въ гражданскихъ дѣлахъ. Такимъ образомъ церковь выдержала напоръ удѣльнаго вліянiя безъ потери своего единства. Самое вліянiе общества на ея iерархiю обратилось въ ея же пользу, не смотря на нѣсколько частныхъ случаевъ, въ которыхъ страдалъ ея обычный каноническiй порядокъ. Iерархiя вслѣдствiе своего выборнаго значенiя получила народный характеръ, сдѣлалась своею для общества и пріобрѣла на него сильное вліянiе съ своей стороны. Безъ участiя ея князья не предпринимали никакого важнаго дѣла. На княжескихъ совѣтахъ и съѣздахъ на первомъ мѣстѣ видимъ ду-

хоренство. На прим. Мономахъ совѣтъ Олега черниговскаго урядиться о русской землѣ въ Кіевѣ „предъ епископы и предъ игумены и предъ мужи (дружиной) и предъ людьми градскими". Единство русской церкви оказывалось при такомъ порядкѣ вещей самою благотворною силою среди удѣльной розни: іерархи вступались почти въ каждую усобицу князей, какъ общіе миротворцы, какъ ходатаи за общее благо земли и народа; не многіе только митрополиты Греки покидали свою паству среди усобицъ и уходили въ Грецію. М. *Николай* удержалъ князей отъ усобицы по случаю ослѣпленія *Василька* волынскаго: „если станете воевать другъ съ другомъ, говорилъ онъ, то поганые возьмутъ землю русскую, которую пріобрѣли отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростію побороли по русской землѣ и другія земли пріискивали, а вы хотите погубить землю русскую." М. *Никифоръ* говорилъ князю кіевскому Рюрику: „князь! мы поставлены отъ Бога въ русской землѣ, чтобы удерживать васъ отъ кровопролитія, да не проливается кровь христіанская въ русской землѣ". М. *Кириллъ I*, бывшій предъ самымъ нашествіемъ Монголовъ, въ теченіе всего своего святительства, ѣздилъ изъ конца въ конецъ по Россіи, то во Владиміръ, то на Волынь, то въ Галичъ, то въ Черниговъ и вездѣ мирилъ враждовавшихъ князей. Гдѣ не дѣйствовали увѣщанія, іерархи удерживали князей отъ усобицъ грозой своей святительской клятвы. Во время княжескихъ переговоровъ послами между враждебными сторонами постоянно видимъ тѣхъ же всеобщихъ миротворцевъ, духовныхъ лицъ; ихъ слово было авторитетнѣе, чѣмъ слово мірскихъ пословъ; притомъ же своимъ саномъ они были ограждены отъ обидъ, отъ которыхъ тогда не спасало и званіе посла.

Каждый епископъ въ предѣлахъ своей епархіи былъ первымъ и самымъ вліятельнымъ человѣкомъ во всѣхъ гражданскихъ дѣлахъ, былъ также нуженъ удѣльной области, какъ князь. Новгородцы не могли себя и представить безъ владыки. Съ благословенія мѣстнаго святителя дѣлались всѣ дѣла, такъ что онъ невольно втягивался во всѣ мѣстные земскіе интересы. Мы видимъ его въ челѣ посольства отъ удѣльнаго земства къ какому нибудь князю съ приглашеніемъ на княжескій столъ; онъ принималъ вновь пріѣхавшаго на удѣлъ князя и совершалъ обрядъ посаженія, или введенія князя въ управленіе; въ княжеской думѣ святитель былъ первымъ совѣтникомъ, внушалъ князю миролюбивыя отношенія къ родичамъ и предстательствовалъ предъ нимъ за благо удѣльнаго народонасе-

ленія. Особенно отличались своимъ земскимъ значеніемъ новогородскіе владыки, бывшіе всегда природными новогородцами. Городское вѣче и собиралось большею частію около св. Софіи и владычняго двора. Даже печальная судьба нѣкоторыхъ владыкъ показываетъ, какъ тѣсно была связана жизнь новгородской іерархіи съ перемѣнами въ мѣстной гражданской жизни.

Вліяніе іерархіи на развитіе государственныхъ понятій. Сильное вліяніе духовенства на гражданскія дѣла было между прочимъ слѣдствіемъ его высшаго гражданскаго образованія. Для младенчествующаго государства еще нужны были пѣстуны, и оно съ самаго начала христіанства добровольно поступило подъ опеку церкви. Ясно, какія идеи должно было внушать духовенство князьямъ. Идеаломъ государства у него была византійская имперія, съ которой одни іерархи, Греки, были знакомы непосредственно, а другіе, Русскіе, черезъ Кормчую, источникъ всей ихъ юридической мудрости. И сами князья смотрѣли на имперію съ благоговѣніемъ, какъ прежде смотрѣли на нее дикіе конунги Германцевъ, громившіе ее со всѣхъ концовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ гордившіеся титуломъ римскихъ патриціевъ. Дряхлая отъ старости и разврата, она все еще поражала бѣдныхъ князей своимъ блескомъ. Князья, связанные какимъ нибудь родствомъ съ императорами, пользовались особеннымъ почетомъ, наприм. Борисъ и Глѣбъ, Владиміръ Мономахъ, потому что они „свѣтились царски“. М. Никифоръ, восхваляя Мономаха, говоритъ, что его Богъ „изъ утробы помаза, отъ царской и княжеской крови смѣсивъ“. Въ знакъ уваженія князей часто титуловали „царями“, титуломъ, который обыкновенно прилагался къ императору. О Мономахѣ составилось преданіе, по которому Византія въ лицѣ императора Алексѣя Комнена передала русскому князю знаки царскаго сана—вѣнецъ и бармы—и греческій митрополитъ *Неофитъ* совершилъ надъ нимъ обрядъ царскаго помазанія. Это преданіе имѣло потомъ большой вѣсъ на Руси, указывая на преемственность русскаго самодержавія отъ греческаго. Идея царской власти уже зародилась, но еще много требовалось времени, чтобы она нашла себѣ осуществленіе въ самой жизни. Среди удѣльныхъ порядковъ сама іерархія могла пока говорить только о единствѣ и мирѣ земли и о повиновеніи *младшихъ* князей *старшему*, какъ отцу. Съ наибольшей ясностью новая идея о верховной власти усвоена была только въ сѣверной Руси, гдѣ впервые явились князья самовластцы, Андрей и Всеволодъ. Сѣверная лѣтопись говоритъ о сво-

ихъ князьяхъ съ благоговѣніемъ и этимъ рѣзко отличается отъ новогородскихъ и южныхъ лѣтописей. Разсказавъ напр. объ убіеніи в. кн. Андрея, она предаетъ убійцъ проклятію и долго распространяется о святости княжеской власти, сравниваетъ князя по власти съ Богомъ, доказываетъ, что противникъ власти противится Богу, проповѣдуетъ прирожденное и самодержавное значеніе князя и осуждаетъ старый порядокъ съ его вѣчами, выборами князей и проч. Замѣчательно, что первый князь самовластецъ Андрей постигъ всю пользу для княжеской власти соединиться съ представителемъ византійскихъ понятій и хотѣлъ завести у себя своего митрополита. Послѣ увидимъ, что княжеская власть на сѣверѣ дѣйствительно много выиграетъ для себя, когда туда переселятся митрополиты.

Церковные законы. Основаніемъ для внутренняго церковнаго управленія служилъ Номоканонъ, несомнѣнно существовавшій у насъ въ славянскомъ переводѣ, потому что изъ него дѣлали заимствованія въ свои уставы наши князья, правила его цитовали въ своихъ сочиненіяхъ чисто русскіе авторы, напр. Ѳеодосій печерскій и Кирикъ. Инокъ XVI в. Зиновій Отенскій самъ видѣлъ въ свое время два перевода Кормчей отъ временъ кн. Ярослава и Изяслава сына Ярославова, переводы „первыхъ преводниковъ“, по всей вѣроятности болгарскіе. Кромѣ болгарскаго перевода древнѣйшей редакціи Номоканона *Іоанна Схоластика* (VI в.) у насъ еще употреблялись списки Кормчей, содержавшіе знаменитый Номоканонъ въ *XIV титулахъ*, извѣстный теперь подъ именемъ *Фотіева*, но еще въ неполной до-Фотіевской редакціи и безъ толкованій.

Русскіе пастыри въ своихъ постановленіяхъ дѣлали примѣненія Кормчей къ потребностямъ русской жизни. Такъ явилось *церковное правило м. Іоанна II* въ отвѣтъ на вопросы *Іакова черноризца*, съ XIII вѣка постоянно вносившееся въ наши Кормчія и представляющее въ своемъ содержаніи богатый матеріалъ для церковной исторіи. Въ немъ содержатся постановленія: а) относительно вѣры—противъ остатковъ язычества, общенія съ иновѣрцами въ пищѣ и посредствомъ браковъ, противъ продажи христіанъ въ рабство невѣрнымъ, отступленія отъ церкви; б) относительно семейной жизни—противъ сожитія съ женою безъ благословенія церкви и незаконныхъ браковъ; в) касательно церковнаго благочинія — о почитаніи святынь, соблюденіи постовъ, неяденіи удавленины и мертвечины, о бѣсовскихъ пѣсняхъ, ни-

рахъ по монастырямъ; г) касательно іерархіи—объ отношеніи епископовъ къ митрополиту, епархіальномъ управленіи, противъ пьянства и неблагочинія іереевъ и монаховъ.—Вмѣстѣ съ правиломъ Іоанна въ русскія Кормчія съ XIII в. постоянно вносилось другое весьма важное въ церковно-историческомъ отношеніи сочиненіе: „*Вопросы Кирика*“ (новогородскаго іеродіакона) и отвѣты на нихъ разныхъ епископовъ и др. духовныхъ лицъ; они живо изображаютъ духъ своего времени, церковные обычаи, остатки язычества, характеръ современной религіозности и состояніе нравовъ въ духовенствѣ и народѣ.

Уставы князей. Изъ постановленій князей касательно церкви общерусское значеніе имѣлъ *церковный уставъ в. к. Ярослава*, содержавшій въ себѣ подтвержденіе и раскрытіе устава св. Владиміра. Въ немъ видимъ нѣкоторыя новыя опредѣленія; такъ, къ церковному суду примѣнена тогдашняя система денежныхъ штрафовъ за преступленія и указаны случаи участія въ немъ князя. Совмѣстному суду церкви и князя подсудны были: а) оскорбленія, насилія и побои дѣвицамъ и чужимъ женамъ, поджоги, остриженіе головы и бороды, б) семейная кража и убійство. За первыя преступленія пеня шла епископу, а князь только казнилъ, за вторыя пеня дѣлилась между княземъ и епископомъ „на полы“. Удѣльные князья примѣняли общіе уставы Владиміра и Ярослава къ своимъ удѣламъ. Такъ, *Всеволодъ Мстиславичъ* новгородскій (1127—1132) на основаніи этихъ уставовъ далъ *грамоту св. Софіи* новгородской. Въ перечисленіи церковныхъ людей (подчиненныхъ вѣдомству церкви) противъ уставовъ прибавлены *изгои*, люди непринадлежавшіе ни къ какому вѣдомству и поступавшіе подъ покровительство церкви, каковы: „поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ, и аще князь осиротѣетъ“. *Грамота Ростислава смоленской епископіи* (1150 г.), кромѣ церковнаго суда, опредѣляетъ еще источники содержанія для новой епископіи. Грамоты Всеволода новгородскаго выстроенной имъ церкви *Іоанна Предтечи на Опокахъ* и Святослава Ольговича *св. Софіи* (1137 г.) исключительно занимаются опредѣленіемъ матеріальныхъ средствъ для этихъ церквей.

Содержаніе и права духовенства. Источниками содержанія для митрополита и епископовъ служили: 1) *десятина* изъ княжескихъ доходовъ и имѣнія, какую давали напр. Всеволодъ св. Софіи, Андрей Боголюбскій владимірскому собору, Ростиславъ—смоленской епископіи: иногда десятина замѣня-

лась деньгами, какъ напр. въ грамотѣ Святослава св. Софіи; 2) *вѣсчія* пошлины съ торговыхъ мѣръ и вѣсовъ, наблюденіе за которыми уставомъ Владиміра дано святителямъ; 3) *судныя*—съ церковнаго суда; 4) *ставленыя*—за поставленіе въ разныя степени клира съ ставленниковъ; 5) *недвижимыя имѣнія*. Митрополитъ напр. имѣлъ во владѣніи нѣсколько городовъ съ волостями и селами. Во владѣніи кіевской десятинной церкви былъ тоже цѣлый городъ Полонный. Ростиславъ своей смоленской епископіи пожертвовалъ озера, сѣнокосы, огороды и села съ данями и продажами. Андрей Боголюбскій далъ владимірскому Богородицкому собору нѣсколько слободъ, селъ и городъ Гороховецъ.—*Низшее духовенство* содержалось главнымъ образомъ пожертвованіями за требоисправленія. Церкви княжеской постройки, особенно соборы, получали опредѣленное содержаніе отъ князей. Такъ Ярославъ, строя церкви, давалъ имъ отъ своего имѣнія урокъ. Церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ кн. Всеволодъ (на содержаніе причта и церковное строеніе) далъ отъ имѣнія своего вѣсъ вощаной въ Новгородѣ да въ Торжкѣ пополамъ съ торжковскимъ соборомъ Спаса; при церкви была устроена торговая община, для вступленія въ которую требовалось 50 гривенъ вклада; дѣлами Иванскаго купечества поставлены управлять старосты, они же наблюдали за вѣсомъ въ притворѣ церкви и заботились о содержаніи ея и ея причта.

Уставы князей замѣчательны еще тѣмъ, что утверждали за духовенствомъ разныя *права*, свободу отъ мірскаго суда, службы и податей. Но мы уже видѣли, какъ эти права нарушала практика удѣльно-вѣчеваго уклада. Князья и вѣча судили и даже низвергали епископовъ иногда безъ всякаго церковнаго суда. Относительно повинностей встрѣчаемъ извѣстіе, которое показываетъ, что вѣче могло притягивать церковныхъ людей (впрочемъ еще не поставленныхъ въ св. санъ) даже къ личному участію въ военной повинности; въ 1148 г., собираясь на войну противъ Владимірцевъ, Новгородцы говорили кн. Изяславу: „пойдетъ (на войну) всяка душа, аче дьякъ и гуменце ему постриженo, а не поставленъ будетъ, и тотъ пойдетъ, а кто поставленъ, ать Бога молитъ“. Самъ владыка съ корпораціей своихъ Софіянъ несъ городовую повинность на ряду съ другими новгородскими общинами; онъ мостилъ крѣпость и всю дорогу по волховскому мосту до Торговой стороны. Неизвѣстно, насколько выдерживалось привиллегированное положеніе духовенства въ другихъ мѣс-

тахъ, кромѣ Новгорода. Помимо земскихъ повинностей казна архіереевъ, монастырей и церквей имѣла важное общественное значеніе. Около соборовъ, церквей и монастырей сосредоточивалась вся общественная благотворительность, содержались больницы, богадѣльни, странноприимницы и школы.

Церковная обрядность.

Храмы и ихъ общественное значеніе. Понятно, какое высокое общественное значеніе долженъ былъ имѣть христіанскій храмъ, когда около него сосредоточивалась вся общинная жизнь не только религіозная, но и гражданская. На погостѣ около него собирались общинные сходы, рѣшались всѣ общинныя дѣла, завязывались разныя сдѣлки и торги; тутъ же стояла приходская школа, въ которой учили члены клира, и приходская богадѣльня, въ которой чрезъ посредство тѣхъ же членовъ клира совершалось дѣло общественной благотворительности. Отъ этаго наша древняя община носила всегда не столько юридическій договорный характеръ, сколько религіозно-братскій. Лучшимъ выраженіемъ этаго религіознаго братства служатъ древнія приходскія *братчины*. Все приходское братство изъ сборнаго солода и крупы готовило общее братское пиво и кашу и сообща праздновало свой приходскій праздникъ. О важности этихъ праздниковъ для развитія общественности говоритъ старая пословица, замѣчающая о неуживчивомъ человѣкѣ: „съ нимъ пива (или каши) не сваришь“. Съ теченіемъ времени такія временныя братскія собранія отъ частаго повторенія ихъ обращались въ постоянные союзы, въ *братства*, которыя принимали на себя заботу о о всѣхъ приходскихъ дѣлахъ, содержаніи церкви и причта, богадѣльнѣ и приходской школѣ. Такое именно братство мы и видимъ въ Иванскомъ купечествѣ около церкви Іоанна Предтечи на Опокахъ. Въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о построеніи церквей, особенно въ Новгородѣ, постоянно говорится о строеніи церкви цѣлою общиною, напр. улицею.

Чѣмъ былъ приходскій храмъ для приходской общины, тѣмъ же былъ *соборъ* для города и для цѣлаго удѣла. Около него сосредоточивалась вся городская жизнь, жилъ владыка и князь, собиралось вѣче по звону соборнаго колокола. Самый городъ считался какъ-бы принадлежностію собора. Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы, Владиміръ—Богородицы и т. д. Всѣ волости и пригороды тоже были во-

лостями и пригородами Софіи, Спаса, Богородицы и т. д. Все городское благосостояніе ставилось подъ покровительство мѣстной святыни. О построеніи новгородскаго собора сохранилось въ этомъ отношеніи выразительное преданіе. На куполѣ собора иконописцы изобразили Спаса съ благословляющей рукою, но на другой день рука Его оказалась сжатою; два раза поправляли и оба раза рука опять сжималась; въ третій разъ услышали голосъ отъ образа: „писари, писари! не пишите Меня съ благословляющей рукою, а пишите со сжатою; въ этой рукѣ Я держу весь Новгородъ; когда она раскроется, будетъ скончаніе граду". Вслѣдствіе такихъ понятій соборы были предметомъ живѣйшихъ попеченій князей и народа. Строили ихъ главнымъ образомъ князья. Такъ, Ярославъ построилъ кіевскую Софію по подобію цареградской и еще церковь Благовѣщенія на Златыхъ вратахъ Кіева, „да радость будетъ граду тому всегда св. Благовѣщеніемъ"; сынъ Ярослава *Владиміръ* построилъ другую Софію въ Новгородѣ; братъ Ярослава *Мстиславъ* — соборъ Спаса въ Черниговѣ; Владиміръ Мономахъ построилъ соборы по своимъ городамъ, въ Ростовѣ и Смоленскѣ; сынъ его Юрій Долгорукій—въ Суздалѣ, Андрей Боголюбскій—Успенскій соборъ во Владимірѣ. Лѣтописцы съ живѣйшимъ интересомъ описываютъ великолѣпіе разныхъ соборовъ и ставятъ ихъ украшеніе въ большую похвалу благочестивымъ князьямъ.

Кромѣ общинныхъ церквей и соборовъ во всѣхъ городахъ было множество другихъ церквей частной постройки, построенныхъ князьями, пастырями церкви и частными лицами, и содержавшихся большею частію на счетъ своихъ строителей. О числѣ ихъ можно судить по лѣтописнымъ извѣстіямъ о пожарахъ, напр. въ 1182 г. во время пожара, истребившаго Владиміръ сгорѣло 32 церкви; въ 1201 г. въ Ярославлѣ—17 церквей, въ 1211 въ Ростовѣ—15 и проч. Впрочемъ большая часть церквей были деревянныя, выстроенныя въ 3—6 дней; каменныя были очень рѣдки. Мастерами были Греки или Нѣмцы; лѣтопись разсказываетъ, какъ чудо, что для возобновленія суздальскаго собора (въ 1193 г.) епископъ *Іоаннъ* не искалъ мастеровъ отъ Нѣмцевъ, а удовольствовался своими русскими.

Чествованіе св. иконъ. Иконы тоже большею частію были не русскаго мастерства, а добывались изъ Греціи. Изъ Греціи иногда нарочно вызывали иконописцевъ для разныхъ работъ, напр. для расписыванія кіевскаго, новогородскаго и влади-

мірскаго соборовъ, кіевопечерской церкви и др. Греческіе мастера, расписывавшіе печерскую церковь и лѣпившіе въ ней мозаики, оставили послѣ себя греческіе *подлинники* (свитки для руководства иконописцамъ), которые были цѣлы еще въ XVII в. Они же образовали перваго, извѣстнаго по имени, русскаго иконописца печерскаго инока *пр. Алипія*, который изъ безмезднаго писанія иконъ для церквей и частныхъ лицъ сдѣлалъ для себя христіанскій подвигъ. Житіе его разсказываетъ, что ангелъ писалъ за него иконы, когда онъ былъ боленъ, что иконы его оставались цѣлыми во время пожара украшенныхъ ими церквей. Издревѣ существовалъ обычай украшать иконы богатыми ризами; особенное удивленіе даже въ Грекахъ возбуждали богатыя ризы на иконахъ печерской Успенской церкви, соборовъ владимірскаго, смоленскаго и ростовскаго.

Особенно украшались и чествовались иконы *чудотворныя*. Самыми замѣчательными изъ нихъ были: 1) икона Богоматери *Печерская*, принесенная изъ Царяграда упомянутыми греческими мастерами; 2) икона Богоматери *Смоленская* (*Одигитрія*), написанная св. Евангелистомъ Лукою, присланная изъ Царяграда Всеволоду черниговскому, потомъ (въ 1111 г.) перенесенная въ Смоленскъ Владиміромъ Мономахомъ; 3) *Владимірская*, тоже писанная Ев. Лукою, бывшая прежде въ Вышгородѣ, потомъ перенесенная во Владиміръ кн. Андреемъ Боголюбскимъ; 4) икона *Знаменія* Божіей Матери въ Новгородѣ; 5) святителя *Николая Зарайскаго*, въ 1224 г. принесенная изъ Корсуня въ Зарайскъ Корсунянином *Евстафіемъ*, которому трижды являлся святитель, повелѣвая нести свою икону въ рязанскую землю, потому что онъ восхотѣлъ творить въ ней чудеса. Много было и другихъ чтимыхъ иконъ; почти каждый городъ имѣлъ свою чудотворную икону, которую считалъ своею славою и утвержденіемъ. На чествованіи св. иконъ, какъ и на чествованіи храмовъ Божіихъ, отразилось большое вліяніе удѣльнаго духа. Святыня являлась мѣстною, покровительствующею своему краю исключительно. Съ такой мѣстной точки зрѣнія разсказывались и чудесныя дѣйствія отъ мѣстной святыни. О Владимірской иконѣ лѣтопись разсказываетъ, что когда вышегородскіе клирики разсказали кн. Андрею, какъ икона нѣсколько разъ оставляла свое мѣсто въ храмѣ, князь убѣдился изъ этаго разсказа, что ей угодно перейти въ ростовскую землю, и тайно унесъ ее съ собою. На пути въ Ростовъ сама Богоматерь повелѣла ему нести свою икону не

въ Ростовъ, а во Владиміръ, который Андрей хотѣлъ сдѣлать своимъ стольнымъ городомъ вмѣсто Ростова. Поставленная во владимірскомъ соборѣ, св. икона сдѣлалась мѣстною святынею города. Каждое замѣчательное событіе края въ мѣстной лѣтописи разсказывается, какъ чудо Богородицы. Возникла наприм. борьба между Ростовомъ и Владиміромъ о первенствѣ, кончилась въ пользу Владиміра,—и лѣтописецъ объясняетъ, что въ этомъ спорѣ городовъ Ростовцы были правы, но они хотѣли поставить *свою* правду, а забыли о правдѣ Божіей, воспротивились Богородицѣ, которая избрала не Ростовъ, а Владиміръ, и помогла ему.—Въ 1170 году Андрей Боголюбскій послалъ на Новгородъ войско въ наказаніе за нарушеніе крестнаго цѣлованія; вся земля на 300 верстъ кругомъ Новгорода была страшно опустошена, самый городъ былъ осажденъ. Владыка *Іоаннъ* вынесъ на стѣны мѣстную святыню Новгорода—икону Знаменія Богоматери. Осаждавшіе не переставали стрѣлять и одна стрѣла попала въ чудотворный образъ; онъ самъ собою обратился ликомъ къ городу и испустилъ слезы. И вотъ тьма покрыла полки Боголюбскаго, какъ нѣкогда полки Фараона, и они потерпѣли страшное пораженіе. Такъ разсказываетъ, новгородская лѣтопись; но владимірскій лѣтописецъ, разумѣется, не считаетъ своего св. князя за Фараона, разсказываетъ, что войска его съ помощію Владимірской Богоматери достаточно наказали клятвопреступниковъ Новгородцевъ; бѣдственное возвращеніе Андреевыхъ полковъ онъ приписываетъ только трудности пути и голоду.—Разобщенность мѣстныхъ удѣльныхъ интересовъ, поставленныхъ подъ покровъ религіи, выражалась иногда въ очень грубыхъ чертахъ. Съ чужой святынею обращались неуважительно. Въ 1169 году полки того же кн. Андрея и другихъ князей его союзниковъ взяли Кіевъ и разграбили Софійскій, Десятинный и др. храмы, также монастыри, взяли съ собой ризы, колокола, иконы и всякую утварь, вѣроятно для украшенія своихъ церквей; нѣкоторыя церкви даже сожгли.

Св. Мощи. Другою Чтимою святынею православія были св. мощи. Ихъ доставлялъ по мольбамъ русскаго благочестія Царьградъ, бывшій тогда хранилищемъ мощей изъ разныхъ мѣстъ востока, захваченныхъ магометанами. Открывались и мощи св. русскихъ угодниковъ. Въ 1020 г. при Ярославѣ открыты нетлѣнныя мощи Св. *Бориса и Глѣба* и положены въ Вышгородѣ. Въ 1091 г. послѣдовало торжественное открытіе мощей пр. *Ѳеодосія* печерскаго. Въ 1164 г. обрѣтены мо-

щи св. *Леонтія* и *Исаіи* ростовскихъ, потомъ *Авраамія* ростовскаго. Во Псковѣ въ 1192 г. прославились мощи кн. *Всеволода*, перваго псковскаго князя, строителя мѣстнаго Троицкаго собора. Въ Черниговѣ мѣстно чтили мощи кн. *Игоря*, убитаго кіевлянами. Удѣльный духъ проявлялся и въ чествованіи св. мощей. Когда открыты были мощи св. Леонтія, Андрей Боголюбскій благодарилъ за нихъ Бога и говорилъ: „теперь я уже ничѣмъ не охужденъ“ предъ другими князьями, у которыхъ въ удѣлахъ были свои мощи. Въ сказаніи объ открытіи мощей кн. Всеволода въ укоризну Новгороду говорится, что Новгородцы выгнали отъ себя этаго князя при его жизни, а теперь прислали протопопа во Псковъ за его мощами, но что святой самъ не восхотѣлъ идти къ нимъ (рака съ мощами не сдвигалась съ мѣста) и только въ знакъ примиренія своего съ Новгородомъ спустилъ на благословеніе этому граду ноготь съ своей руки.

Богослуженіе. Обрѣтеніе мощей русскихъ угодниковъ Божіихъ, строеніе знаменитыхъ храмовъ, чудеса, наприм. чудо Знаменія Богородицы во время новгородской осады, чудо Спасителя, Богоматери и честнаго креста въ побѣдѣ Боголюбскаго надъ Болгарами (1164 г.) и другія событія дѣлались поводомъ къ установленію новыхъ русскихъ *праздниковъ*. Къ концу XI или въ началѣ XII вѣка явился новый праздникъ перенесенія мощей святителя Николая изъ Миръ Ликійскихъ въ городъ Баръ, (оно происходило въ 1087 г. по случая занятія Ликіи Турками), праздникъ, котораго Греки не праздновали.— *Богослужебныя книги* употреблялись у насъ сначала въ болгарскомъ переводѣ; въ самой Россіи стали переводить ихъ со времени Ярослава, любившаго „церковные уставы“ и заставлявшаго переводить „книги многи“. Изъ полнаго круга богослужебныхъ книгъ не видимъ пока употребленія однихъ мѣсячныхъ Миней. Въ концѣ XI в. былъ извѣстенъ и русскій пѣснопѣвецъ *Григорій* творецъ каноновъ, печерскій иноkъ, которому вѣроятно принадлежатъ службы пр. Ѳеодосію, муч. Борису и Глѣбу и вмч. Георгію. *М. Иларіонъ* писалъ „молитвы за князя и все православье“. *Кириллъ Туровскій* составилъ молитвы и канонъ молебный. При Ярославѣ богослуженіе русское получило особенное благолѣпіе отъ введенія въ него „изряднаго осмогласія“ (по 8 гласамъ Октоиха), которое принесли въ Россію въ 1053 г. три греческихъ пѣвца, и самаго демественнаго пѣнія, т. е. по мелодіямъ императорскихъ и патріаршихъ доместиковъ (регентовъ).

Изъ вопросовъ Кирика съ отвѣтами на нихъ, церковнаго правила м. Іоанна и другихъ памятниковъ описываемаго времени узнаемъ разныя *особенности русской церкви въ совершеніи священнодѣйствій* и обычаи, при нихъ наблюдавшіеся. *Крещеніе* младенца совершалось въ 8 и 40 день по рожденіи или даже на третьемъ году. Послѣ нареченія христіанскаго имени всегда оставалось въ употребленіи другое *мірское* славянское имя. При крещеніи взрослыхъ принято было оглашать инородцевъ въ теченіе 40, а Славянина въ теченіе только 8 дней, какъ лучше подготовленнаго къ принятію вѣры. Въ 8 день послѣ крещенія совершался обрядъ разрѣшенія, состоявшій вѣроятно въ снятіи съ крещеннаго бѣлой одежды и омовеніи знаковъ муропомазанія. Латинянъ, а равно отпадшихъ отъ православія въ плѣну, присоединяли къ церкви чрезъ одно муропомазаніе. Касательно *литургіи* извѣстно, что ее можно было совершать даже на одной просфорѣ, вообще число просфоръ было неопредѣлено. Таинство *евхаристіи* было окружено высокимъ благоговѣніемъ, которое возбуждало въ Кирикѣ иногда простодушные вопросы; напр.им: можно ли попу служить, если онъ промолится всю ночь и не соснетъ? можно ли давать причастіе человѣку, у котораго гной идетъ изъ устъ? Владыка Нифонтъ на оба вопроса отвѣчалъ ему, что можно. Можно ли давать причастіе тому, кто до обѣдни въ пасху постучитъ въ зубы яйцомъ? Отвѣтъ: постучать одинъ разъ можно, но много разъ возбраняй. Смущало также Кирика недоумѣніе, можно ли причащать женщину, умирающую тотчасъ послѣ родовъ; велѣно вынести ее въ другую избу, обмыть и потомъ причастить.—Обрядовый внѣшній взглядъ на *покаяніе* выразился между прочимъ въ дозволеніи супругамъ нести епитиміи другъ за друга. Было еще вѣрованіе, что 10 литургій, заказанныхъ въ видѣ епитиміи, могутъ избавить отъ грѣховъ за 4 мѣсяца, 20—за 8 мѣсяцевъ, 30—за цѣлый годъ. Владыка Нифонтъ отвергалъ это вѣрованіе, говоря, что богатый могъ бы при этомъ грѣшить безпрепятственно, только расплачиваясь за литургіи. — *Погребать* умершихъ было принято до захожденія солнца: „то бо есть послѣднее видитъ солнце до будущаго воскресенія“, объяснилъ Нифонтъ. Надъ умершимъ безъ покаянія онъ совѣтовалъ пѣть безъ ризъ, чтобы другіе, видя это, убоялись и покаялись. Святители находили нужнымъ запрещать совершеніе сорокоустовъ за живо.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Нельзя не замѣчать въ юномъ

христіанскомъ обществѣ слабаго знакомства съ духомъ православія и преобладанія обрядоваго направленія. Религіозное чуство находило себѣ удовлетвореніе въ исполненіи лишь наружныхъ формъ благочестія и церковные пастыри должны были даже возставать противъ этого чрезмѣрнаго упованія на обряды, въ которыхъ простота видѣла доступные ей и легкіе способы ко спасенію безъ внутренняго религіознаго развитія. Такъ, въ XII в. стало нужно запрещать путешествія ко св. мѣстамъ, которыя очень рано вошли у насъ въ благочестивый обычай. *Игуменъ Даніилъ* въ своемъ „Паломникѣ“ уже замѣчалъ, что многіе добрые, сидя дома, пріобрѣтаютъ большую мзду, чѣмъ тѣ, которые доходили до св. мѣстъ, но погубляютъ мзду свою гордостію, возпесшись умомъ, какъ будто нѣчто доброе совершили. Нифонтъ новогородскій совѣтовалъ разрѣшать путешествія только немногимъ съ большимъ разборомъ, а его преемникъ св. Іоаннъ велѣлъ даже налагать епитиміи на тѣхъ, которые давали обѣты идти ко св. мѣстамъ.

Споръ о постахъ въ среду и пятокъ, долго занимавшій русское общество, тоже принадлежитъ къ характеристическимъ явленіямъ времени. Въ 1157 году Ростовцы выгнали отъ себя благочестиваго епископа *Нестора* за то, что онъ, на основаніи дѣйствовавшихъ въ Греціи постановленій XI вѣка, не разрѣшалъ поста въ среду и пятокъ по случаю праздниковъ, кромѣ Пасхи, Пятидесятницы, Рождества и Богоявленія Господня. Противникомъ его былъ нѣкто *Θеодоръ*, племянникъ смоленскаго епископа *Манупила*, который на основаніи Студійскаго устава (X в.), считалъ дозволеннымъ разрѣшать постъ не только для господскихъ праздниковъ, но и для памяти великихъ святыхъ. М. Θеодоръ и патріархъ оправдали ученіе Нестора. Но дѣло этимъ не кончилось. Преемникъ Нестора въ Ростовѣ *Леонтій* былъ еще строже его: основываясь на древнихъ правилахъ, въ X и XI в. уже отмѣненныхъ, онъ не хотѣлъ разрѣшать поста ни для какихъ праздниковъ, и явилась, по выраженію лѣтописца, *ересь* леонтиніанская. Въ Россіи его оспорили; онъ отправился для рѣшенія дѣла въ Грецію, но и тамъ тоже былъ осужденъ послѣ долгаго спора предъ императоромъ Мануиломъ. Въ 1168 г. споръ о постѣ, затихшій было на сѣверѣ, съ новою силой возгорѣлся на югѣ. Печерскій игуменъ *Поликарпъ* съ братіей держались относительно постовъ Студійскаго устава, котораго держался противникъ еп. Нестора Θеодоръ. Но тогдашній митрополитъ Константинъ раздѣлялъ напротивъ мнѣніе Нестора. По предложенію в. кн. Мстислава въ Кіевѣ собрался соборъ,

на которомъ было до 150 духовныхъ лицъ. На соборѣ мнѣнія тоже раздѣлились; одни стали на сторону митрополита, между ними и самъ в. князь; другіе, не желая досаждать ни митрополиту ни в. князю, предоставляли распоряженіе о соблюденіи того или другаго устава волѣ архіереевъ и игуменовъ по монастырямъ; третьи думали, что дѣло нужно перенести на судъ патріарха. Кн. Мстиславъ закрылъ соборъ безъ рѣшенія, но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ разъѣхались, Поликарпъ былъ осужденъ на заточеніе. Этотъ поступокъ митрополита сильно встревожилъ противную ему партію, которая благоговѣла предъ печерскимъ игуменомъ за его святость. Святославъ черниговскій даже выгналъ своего епископа *Антонія*, который дѣйствовалъ заодно съ митрополитомъ. Послѣдовавшее вскорѣ взятіе Кіева войсками Боголюбскаго народъ объяснялъ гнѣвомъ Божіимъ за Поликарпа.

Состояніе нравовъ.

Понятно, что обрядовое благочестіе не могло представлять сильныхъ сдержекъ проявленію *грубыхъ страстей эпохи*. Это было тяжелое время общихъ княжескихъ и племенныхъ усобицъ; опустошительныя войны шли изъ года въ годъ то тамъ, то здѣсь. Князь, строившій въ своемъ городѣ церкви и монастыри, подававшій милостыню, прославляемый лѣтописцемъ, какъ князь благочестивый и добрый, грабилъ и жегъ церкви и монастыри въ чужомъ удѣлѣ, истреблялъ чужихъ смердовъ и ихъ животы, и потомъ на счетъ чужаго добра и чужихъ православныхъ же святынь украшалъ свои святыни. Тоже самое дѣлали жители одного края съ жителями другаго. Множество жестокостей, въ родѣ ослѣпленія Василька, братоубійства между князьями рязанскими, убіенія Игоря Кіевлянами, Андрея Боголюбскаго его дружинниками, ослѣпленія Ростиславичей Владимірцами, весьма мало говорятъ о торжествѣ христіанскаго духа надъ духомъ удѣльнаго времени. Въ религіи, въ крестномъ цѣлованіи было единственное ручательство мира и безопасности, но подъ вліяніемъ страстей и это ручательство оказывалось не крѣпкимъ; видимъ примѣры грубаго презрѣнія къ клятвѣ. Нарушивъ клятву, данную в. князю Изяславу II, *Владимірко* галицкій съ насмѣшкой сказалъ его посламъ, указывая на крестъ, который цѣловалъ: „что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ“? и послѣ этого спокойно отправился къ вечернѣ. Видимъ большое уваженіе къ духовенству, но и это уваженіе было тоже

не прочно. Не безопасны были даже послы изъ духовныхъ лицъ; такъ во Владимірѣ однажды едва не убили поповъ, пришедшихъ послами отъ галицкихъ князей. Ростиславъ, братъ Мономаха, убилъ св. инока *Григорія* за обличеніе. В. кн. Святополкъ тоже за обличеніе мучилъ печерскаго игумена *Іоанна*, а между тѣмъ этотъ князь славился своимъ уваженіемъ къ печерскому монастырю. Сынъ его Мстиславъ замучилъ иноковъ тогоже монастыря *Ѳеодора* и *Василія*, услышавъ, что они нашли кладъ и не хотятъ отдать ему свою находку.

При всемъ томъ нельзя не видѣть въ жизни общества и *христіанскаго вліянія*. И древнія лѣтописи, и проповѣди, и рѣчи князей—всѣ говорятъ о мирѣ, о соединеньи, осуждаютъ современную рознь и безурядицу во имя высшихъ нравственныхъ началъ. Толки не переходятъ въ дѣло, но важно, что и они существуютъ; видно, что общество все-таки христіанское. Пастырямъ церкви нерѣдко и на самомъ дѣлѣ удавалось останавливать кровопролитіе. Подъ вліяніемъ церкви является между князьями нѣчто похожее на миръ Божій, который видимъ въ это же время среди усобицъ западнаго феодализма: по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ; Мономахъ прекращалъ войну предъ великимъ постомъ. Вмѣсто древняго долга мстить за свою обиду, богатырскаго стремленія вездѣ честь свою взять, нѣкоторые князья усвоиваютъ себѣ другія высшія правила—прощать обиды, смиряться предъ соперникомъ, чтобы не проливать кровь христіанскую. Мономахъ уступаетъ великокняжескій престолъ другому, чтобы избѣжать кровопролитія, всю жизнь свою разбираетъ ссоры князей и миритъ ихъ. Сынъ его *Мстиславъ* не хочетъ воевать съ *Олегомъ* рязанскимъ, даже хлопочетъ за него предъ отцемъ своимъ, а этотъ Олегъ убилъ его брата, хотѣлъ отнять удѣлъ у него самаго. По этому случаю Мономахъ написалъ замѣчательное по своему теплому христіанскому чуству посланіе къ Олегу, вызывая его на миръ и прощая ему все. Видимъ примѣры уваженія къ крестному цѣлованію въ томъ же Мономахѣ и его сынѣ Мстиславѣ; послѣдній всю свою жизнь раскаявался въ нарушеніи одной, клятвы не смотря на то, что получилъ разрѣшеніе ея отъ духовенства.

Въ *семейной жизни* церковь старалась проводить правильныя понятія о бракѣ, ослаблять старую языческую невоздержность. Изъ правила Іоанна узнаемъ, что въ народѣ думали, будто брачный обрядъ существуетъ только для князей и бояръ, а не для простолюдиновъ. Уставъ Ярослава назначилъ пеню

съ двоеженца. Изъ вопросовъ Кирика видимъ, что языческая невоздержность, сожительство съ женами безъ благословенія церковнаго не пропали и въ высшихъ классахъ. Въ 1174 г. Галичане сожгли одну попадью за то, что съ нею жилъ князь ихъ *Ярославъ*, а съ князя взяли присягу, что онъ будетъ жить съ своей княгиней. Церковь старалась ограничить свободу разводовъ по смыслу каноническихъ постановленій, допуская послабленіе только въ томъ случаѣ, когда мужъ оставлялъ жену или жена мужа для постриженія въ монашество, остающейся въ міру половинѣ дозволялось даже вступать въ новый бракъ.— Въ отношеніяхъ между собою половъ господствовала чувственная грубость и отсутствіе стыдѣнія. Поэтому древніе проповѣдники всякія сходки мужей съ женами на праздникахъ и пирахъ прямо причисляли къ разврату. Это господство чувственныхъ инстинктовъ унижало самый бракъ и вызывало противуположную себѣ крайность—развитіе крайне-аскетическихъ воззрѣній на бракъ и на женщину. Второй бракъ допускался только изъ снисхожденія къ немощамъ природы, а третій считался уже блудомъ; священнику, благословившему такой бракъ, правило м. Іоанна назначило изверженіе. Женщина трактовалась, какъ причина соблазна и существо нечистое. Благочестивый Кирикъ сомнѣвался, можно ли причащать женщину, умирающую отъ родовъ, спрашивалъ святителей, можно ли служить въ ризахъ, въ которыя вшита заплата отъ женской одежды. Въ грамотномъ обществѣ уже ходили замѣтки о женской злобѣ, которыя потомъ разрослись въ огромныя статьи. Такъ еще до Монголовъ началось то униженіе женщины, которое потомъ развилось до крайности подъ вліяніемъ азіатскихъ нравовъ.

Остатки язычества. Вооружаясь противъ нравственныхъ нестроеній общества, церковь должна была въ тоже время бороться противъ остатковъ язычества. Свѣжѣе всего, разумѣется, сохранялись языческіе обряды. Многіе по старой памяти ходили молиться подъ овины, къ священнымъ деревамъ, клядязямъ, болотамъ, а въ церковь ходили рѣдко, не причащались, не соблюдали постовъ, ѣли удавленину и мертвечину, сходились на языческія игрища и проч. Не забыты были еще и древніе миѳы; въ „Словѣ о полку Игоревѣ“ говорится и о вѣтрахъ Стрибожихъ внукахъ, и о Даж-богѣ, и о Хорсѣ, которому прерыскивалъ путь волколакъ Всеславъ полоцкій, и о Боянѣ—внукѣ Волоса, и о миѳической силѣ стихій, къ которымъ плачущая Ярославна супруга Игоря обращается, какъ къ божествамъ, съ воззва-

ніемъ: „почто, господине"?... Мы видѣли, какъ сильны еще были волхвы—представители язычества. Самъ лѣтописецъ раздѣляетъ народную вѣру въ ихъ силу, только сообразно съ новыми понятіями приписываетъ эту силу дьяволу. О *Всеславѣ* полоцкомъ онъ разсказываетъ, что мать „родила его отъ волхвованія съ язвой на головѣ и волхвы сказали: навяжи на эту язву паузъ, который пусть носитъ онъ до смерти; Всеславъ точно носитъ его до сихъ поръ, отъ того онъ такъ и кровожаденъ". Въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ увѣряетъ, что волхвованія особенно бываютъ отъ женщинъ, повторяя языческое понятіе о вѣдьмахъ. Церковь преслѣдовала народныя игрища и волхвовъ, но ея мѣры не могли проникнуть въ недоступныя нѣдра семьи, гдѣ главнымъ образомъ и хранилась языческая старина. Тутъ по старому краяли хлѣбъ, сыръ и медъ Роду и Рожаницамъ, молились домашнему очагу, призывали волхвовъ, употребляли разные заговоры и чародѣйныя средства; жены, замѣтивъ нелюбовь мужей, омывали свое тѣло водой и воду эту давали пить мужьямъ. Примѣты, обряды и повѣрья окружали всю домашнюю жизнь, такъ что проповѣдники прямо обличали народъ въ язычествѣ. „Не поязычески ли мы живемъ? говоритъ пр. Ѳеодосій. Если кто встрѣтитъ черпеца, или свинью, или коня лысаго, то возвращается назадъ,—развѣ это не поязычески? Иные вѣрятъ чиханью" и проч. И сами грамотники не были свободны отъ народной вѣры въ примѣты и знаменія. Лѣтописецъ постоянно разсказываетъ о разныхъ небесныхъ явленіяхъ, затмѣніяхъ, звѣздахъ хвостатыхъ и т. п., постоянно приписываетъ силамъ природы таинственное значеніе.

Отношеніе православныхъ къ иновѣрцамъ. Не утвержденное въ вѣрѣ общество, допускавшее у себя столько остатковъ язычества, слабо сознавало вѣроисповѣдныя разности и допускало среди себя самую широкую вѣротерпимость, которую нужно было ограничивать. Въ Кіевѣ, Новгородѣ, Псковѣ, Смоленскѣ всегда было много латинянъ, которые имѣли здѣсь и свои храмы; въ 1231 г. въ Кіевѣ былъ даже доминиканскій монастырь, Евреи занимали въ Кіевѣ цѣлый кварталъ; много было Армянъ. Православные были въ тѣсныхъ связяхъ съ иновѣрцами; князья вступали съ латинянами въ брачные союзы. Находя такую близость къ иновѣрцамъ опасною для некрѣпкаго еще православія народа, наши древніе пастыри много писали о вѣроисповѣдныхъ разностяхъ между православіемъ и латинствомъ. Въ „вопрошаніи" Кирика православнымъ запрещается носить дѣтей своихъ къ варяжскому попу,—до-

ходило, должно быть, и до этаго. Митрополиты Георгій, Іоаннъ II и Никифоръ и пр. Ѳеодосій запрещали православнымъ участвовать въ латинскомъ богослуженіи, слѣдовать латинскимъ обычаямъ, заключать съ латинянами браки, даже болѣе—заповѣдывали не имѣть съ ними общенія въ пищѣ и питьѣ, давать имъ пищу въ особомъ сосудѣ и потомъ очищать такой сосудъ, какъ осквернённый.

Примѣры святой жизни. При слабомъ усвоеніи христіанства въ народной массѣ очень неудивительно, что примѣры истинно-христіанской жизни извѣстны намъ только между князьями, пастырями церкви и иноками. Изъ русскихъ митрополитовъ причислены церковію къ лику святыхъ: *Иларіонъ*, *Іоаннъ II*, *Ефремъ* и *Константинъ*; изъ епископовъ: ростовскіе—*Ѳеодоръ*, *Леонтій*, *Исаія*, владимірскій *Симонъ*, туровскій *Кириллъ*. Особенно много видимъ въ ликѣ святыхъ новогородскихъ владыкъ, таковы: епископъ *Іоакимъ*, *Лука Жидята*, *Никита* чудотворецъ, извѣстные намъ *Нифонтъ* и *Аркадій*, *Іоаннъ*, участвовавшій въ чудѣ Знаменія Богородицы; какъ и Аркадій, онъ подвергался изгнанію изъ Новгорода, по подозрѣнію въ нечистой жизни, но былъ оправданъ чудомъ и возвращенъ; слава о его святости и чудесахъ надъ бѣсами послужила поводомъ къ составленію сказанія о поѣздкѣ его въ Іерусалимъ на бѣсѣ. Изъ князей прославлены, какъ святые: сынъ Ярослава *Владиміръ* новогородскій, строитель новогородской Софіи, просвѣтитель Мурома *Константинъ* съ чадами, сынъ Мономаха *Мстиславъ*, сынъ Мстислава *Всеволодъ* псковскій, черниговскіе *Игорь* Ольговичъ и *Святославъ* Давыдовичъ, въ иночествѣ *Николай Святоша*, *Ростиславъ* смоленскій, *Андрей Боголюбскій*, *Петръ* и *Ѳевронія* муромскіе и друг. Между княгинями, кромѣ Ѳевроніи, прославились святостію: супруга Ярослава *Ирина*, въ иночествѣ Анна, другая *Анна*, сестра Мономаха, подвизавшаяся въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ, и *Евфросинія*, дочь Святослава полоцкаго, основавшая монастырь въ Полоцкѣ, подъ старость путешествовавшая въ Іерусалимъ и тамъ скончавшаяся (1173 г.). Было много и другихъ князей, о благочестіи которыхъ лѣтописцы отзываются съ великой похвалой; особенно хвалятъ любимый народомъ родъ Мономаха и самаго Мономаха; имѣлъ онъ, говоритъ лѣтопись, такой даръ отъ Бога, что когда входилъ въ церковь и слышалъ церковное пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ.

Монашество. Главнымъ средоточіемъ святой жизни были

монастыри. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный просторъ; въ монастырѣ былъ совершенно другой міръ, гдѣ духъ господствовалъ надъ плотію, міръ дивныхъ сказаній объ иноческихъ подвигахъ, видѣніяхъ, чудесахъ, сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ бѣсовскою силою. Подвиги монаховъ—богатырей духа—были поразительнѣе всѣхъ прежнихъ подвиговъ богатырей физической силы, сіяли, какъ выражался св. Кириллъ Туровскій, выше мірской власти. Этимъ объясняется стремленіе въ монастырь всѣхъ лучшихъ людей времени, стремленіе по крайней мѣрѣ хоть передъ смертью облечься въ иноческій образъ, стремленіе до того сильное, что церковь должна была сдерживать его. Игуменъ Поликарпъ съ трудомъ уговорилъ отказаться отъ постриженія в. кн. Ростислава, представляя ему, что князьямъ Богъ повелѣлъ жить въ мірѣ, творить судъ и правду и соблюдать данную присягу. Умирая безъ постриженія, Ростиславъ горько жаловался на то, что его удержали отъ монашества. Нѣкоторыя поученія старались внушать, что не спасутъ человѣка одинъ постъ и черныя ризы, когда онъ злобу имѣетъ и неправду дѣетъ. Монастыри стали являться у насъ съ самаго начала христіанства. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ князей и бояръ, но не таковы они, какъ тѣ, которые поставлены слезами, постомъ и бдѣніемъ“. Такимъ монастыремъ, какой былъ нуженъ для юнаго христіанскаго общества, сталъ со временъ Ярослава и Изяслава монастырь Кіевопечерскій, основанный пр. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ.

Пр. Антоній былъ родомъ изъ Любеча. Постриженіе свое онъ получилъ на Аѳонѣ, куда отправился для удовлетворенія своего стремленія къ высшему нравственному совершенству. Игуменъ монастыря, въ которомъ онъ подвизался, понялъ, какую пользу его подвиги могутъ принести въ Россіи, и сказалъ ему: „иди опять на Русь, и да будетъ на тебѣ благословеніе св. горы, ибо отъ тебя имѣютъ произойти многіе черноризцы“. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ здѣшніе монастыри, но ни въ одномъ не нашелъ строгой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ, и поселился одинъ въ пещерѣ не далеко отъ города. Скоро узнали о строгомъ подвижникѣ люди, стали приходить къ нему за благословеніемъ, а нѣкоторые просились къ нему на сожительство. Первый поселился въ его пещерѣ пресвитеръ *Никонъ*, постригавшій всѣхъ, кого потомъ принималъ Антоній. Съ нимъ пришелъ *Ѳеодосій*.

Пр. Ѳеодосій былъ родомъ изъ Василева, но всю молодость провелъ въ Курскѣ, куда переселился съ родителями. Еще 14 лѣтъ онъ лишился отца и попалъ въ руки матери, одной изъ тѣхъ матерей, которыя любятъ деспотически. Мальчикъ рано выучился грамотѣ, сталъ читать книги, увлекся мыслями въ иной міръ и предался аскетическимъ подвигамъ. Домашняя жизнь не представляла удобствъ для этихъ подвиговъ, противъ которыхъ сильно протестовала любовь матери, и Ѳеодосій однажды бѣжалъ изъ дома съ прохожими паломниками, увлеченный ихъ разсказами о св. мѣстахъ. Мать воротила его съ дороги, прибила его и долго послѣ этаго держала въ оковахъ. Чрезъ нѣсколько времени Ѳеодосій снова бѣжалъ отъ нея въ сосѣдній городъ, гдѣ пріютился у священника и пекъ просфоры для церкви; но мать опять воротила его домой. Она бранила его за то, что онъ отдавалъ свое платье нищимъ и хотѣлъ ходить въ рубищѣ; однажды увидала на немъ вериги, которыя рѣзали его тѣло до крови, съ сердцемъ сорвала ихъ и больно его прибила. Препятствія только усиливали аскетическую настроенность юноши; у него не выходили изъ ума слова Спасителя: „иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“. Онъ третій разъ бѣжалъ изъ дома и явился въ Кіевъ, чтобы поступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Нигдѣ не приняли нищаго скитальца, который не могъ дать за себя вклада. Наконецъ онъ нашелъ себѣ убѣжище по сердцу, пещеру Антонія. „Сынъ! говорилъ ему старецъ, трудно тебѣ будетъ въ этой тѣсной пещерѣ: юнъ еще ты“. Но въ лицѣ этаго неподежнаго юноши предъ Антоніемъ стоялъ мужъ, уже окрѣпшій въ подвигахъ, котораго не пугали лишенія пещеры. Антоній (въ 1032 г.) велѣлъ Никону постричь его. Черезъ 4 года мать и здѣсь нашла Ѳеодосія. Онъ едва согласился—и то по убѣжденію Антонія—дать ей свиданіе, но остался глухъ къ ея слезнымъ мольбамъ о возвращеніи. Желая умереть вблизи сына, она сама скоро постриглась въ женской обители св. Николая на Аскольдовой могилѣ. Братія Антоніевой пещеры подвизались въ строгомъ постѣ и трудахъ. Ѳеодосій трудился даже за другихъ, дѣлая часть ихъ работы; въ знойныя ночи онъ выходилъ обнаженный на болото; комары маріадами впивались въ его тѣло, а онъ спокойно прялъ волну и цѣлую ночь пѣлъ Псалтирь.

Сподвижники Антонія и Ѳеодосія до основанія монастыря. Однимъ изъ раннихъ пришельцевъ въ пещеру Анто-

нія былъ *Моисей Угринъ*, нѣкогда слуга св. кн. Бориса, одинъ уцѣлѣвшій послѣ рѣзни на р. Альтѣ. Во время нашествія Болеслава польскаго на Русь онъ попался въ плѣнъ къ Полякамъ, достался одной польской панночѣ, которая 6 лѣтъ мучила его, склоняя на любовь къ себѣ. Онъ тайно отъ нея успѣлъ постричься отъ одного странствующаго инока. Во время мятежа въ Польшѣ, по смерти Болеслава, ему удалось получить свободу; измученный истязаніями, такъ что не могъ ходить безъ жезла, оскопленный злою Полькой, онъ провелъ остатокъ жизни въ пещерѣ Антонія.—При в. кн. Изяславѣ явились къ Антонію одинъ знатный дружинникъ князя скопецъ *Ефремъ* и сынъ другаго знатнаго дружинника юноша *Варлаамъ*. В. князь долго сердился на Антонія за постриженіе ихъ, хотѣлъ даже изгнать его съ братіей изъ окрестностей Кіева; но потомъ помирился съ нимъ и оказывалъ ему великое уваженіе. Между тѣмъ въ пещерной общинѣ произошли важныя перемѣны. Никонъ удалился въ Тьмуторокань, гдѣ основалъ новую обитель. Ефремъ уѣхалъ въ Царьградъ, гдѣ жилъ въ одномъ изъ монастырей, занимаясь списываніемъ книгъ для Россіи. Потомъ и самъ Антоній удалился въ затворъ на сосѣднюю гору, поставивъ игуменомъ Варлаама. Въ игуменство Варлаама братія выпросили у кн. Изяслава всю гору надъ пещерою, выстроили на ней вмѣсто прежней пещерной церкви новую деревянную церковь во имя Успенія Божіей Матери, поставили келліи, оградили все тыномъ и такимъ образомъ съ 1062 года открыли Печерскій монастырь, поднедшій, по замѣчанію лѣтописца, отъ благословенія св. горы. Послѣ Варлаама игуменомъ (въ томъ же году) сдѣлался пр. Ѳеодосій.

Игуменство Ѳеодосія. Пр. Антоній былъ кроткой и самозаключенной натуры, стремившейся къ уединеннымъ подвигамъ. Въ пр. Ѳеодосіѣ видимъ напротивъ дѣятельный духъ законоположника, стремленіе къ практической дѣятельности, которое не могло удовлетвориться пещернымъ уединеніемъ. Съ самаго же начала своего игуменства онъ принялся за устроеніе монастыря. Число братій возросло до 100 и онъ озаботился введеніемъ между ними общежитія. По его просьбѣ Ефремъ прислалъ изъ Царяграда уставъ тамошняго Студійскаго монастыря, который и былъ положенъ въ основаніи всей жизни въ печерскомъ монастырѣ. Св. Игуменъ бралъ живѣйшее участіе въ спасеніи каждаго брата, давалъ каждому спасительные совѣты, часто поучалъ братію въ церкви;

свои поученія говорилъ онъ тихо, съ мольбою; во время обличительной рѣчи изъ глазъ его текли слезы. Онъ часто обходилъ келліи, чтобы узнать, нѣтъ ли у кого, сверхъ общихъ, своихъ вещей, пищи или одежды, и все подобное предавалъ огню. Даже ночью неусыпный игуменъ, ходя по монастырю, слушалъ у дверей келлій, что дѣлаетъ каждый братъ, и если слышалъ бесѣду двоихъ или троихъ монаховъ, сошедшихся вмѣстѣ, то ударялъ въ дверь жезломъ, а на утро обличалъ виновныхъ. Въ положенное время ворота обители запирали и никого не пускали ни въ монастырь, ни изъ монастыря. Вратарь однажды не пустилъ въ монастырь самаго в. князя. Первыми добродѣтелями иноческой дисциплины были послушаніе и смиреніе. Вся жизнь иноковъ проходила въ долгихъ церковныхъ службахъ и тяжкихъ трудахъ. Пища была скудная и малопитательная, да и ее многіе вкушали въ самомъ маломъ количествѣ и черезъ день. О матеріальномъ обезпеченіи своего монастыря не заботились ни игуменъ, ни братія, твердо вѣруя, что Питающій птицъ небесныхъ пропитаетъ и своихъ рабовъ. Случалось, что съ вечера не знали, чѣмъ будутъ питаться завтра; при всемъ томъ монастырь на послѣднія средства помогалъ нищимъ. Когда обитель нѣсколько обогатилась, Ѳеодосій отчислилъ на бѣдныхъ десятую часть всѣхъ ея доходовъ и устроилъ особый дворъ, гдѣ жили нищіе, калѣки и больные; кромѣ того каждую субботу изъ монастыря отсылался возъ хлѣбовъ по тюрьмамъ. У себя въ кельѣ онъ держалъ разслабленнаго старца и ходилъ за нимъ.

Ѳеодосій во всемъ былъ примѣромъ братіи. Никогда не видали его праздными; онъ носилъ воду, рубилъ дрова, работалъ въ пекарнѣ; ѣлъ одинъ сухой хлѣбъ и щи безъ масла; лежа не спалъ, а обыкновенно дремалъ немного сидя и, очнувшись, сейчасъ же спѣшилъ продолжать свою непрестанную молитву; тѣла никогда не мылъ, кромѣ лица и рукъ; одежду носилъ въ заплатахъ, такъ что никакъ нельзя было узнать въ этомъ нищемъ старцѣ знаменитаго игумена, котораго уважалъ самъ в. князь. Разъ онъ возвращался ночью отъ Изяслава. Возница не зналъ его и сказалъ грубо: „ты, монахъ, всегда праздень, а я постоянно въ трудахъ; ступай на лошадь, а меня пусти въ колесницу“. Ѳеодосій смиренно послушался и цѣлую ночь везъ слугу. Только утромъ слуга со страхомъ узналъ свою ошибку, когда увидалъ, какъ Ѳеодосію кланялись, слезая съ копей, встрѣчные бояре. Ѳеодосій успокоилъ его и накормилъ въ монастырѣ. Онъ часто ходилъ съ наставленіями въ до-

мы мірянъ своихъ многочисленныхъ духовныхъ чадъ; по ночамъ иногда ходилъ въ жидовскую часть Кіева спорить съ Евреями, желая или обратить ихъ ко Христу, или потерпѣть отъ нихъ мученіе. Бѣдные, угнетенные въ судахъ, находили въ немъ заступника и судьи перерѣшали дѣла по просьбѣ уважаемаго игумена. Ѳеодосій имѣлъ большой вѣсъ у кн. Изяслава. Только однажды князь сильно озлобился на Печерскій монастырь за то, что Антоній во время возстанія кіевлянъ противъ в. князя въ пользу Всеслава полоцкаго принялъ сторону послѣдняго; Антоній долженъ былъ тогда даже удалиться изъ своей пещеры и изъ Кіева къ Святославу въ Черниговъ. Умеръ онъ впрочемъ въ Кіевѣ послѣ сорокалѣтняго пещернаго затвора (1074 г.). Когда Святославъ отнялъ престолъ у Изяслава, одинъ Печерскій монастырь оставался вѣренъ изгнанному в. князю. Святославъ однако терпѣливо выслушивалъ обличенія въ неправдѣ отъ пр. Ѳеодосія и не смѣлъ гнѣваться на него. Однажды Ѳеодосій, придя къ в. князю, засталъ у него музыку, пѣсни и пляски скомороховъ. Святой сѣлъ поодаль и со слезами замѣтилъ Святославу: „будетъ ли такъ на томъ свѣтѣ?“ В. князь велѣлъ прекратить игры и съ тѣхъ поръ онѣ всегда умолкали, когда докладывали о приходѣ Ѳеодосія. Святославъ такъ уважалъ святаго мужа, что говаривалъ ему: „если бы отецъ мой всталъ изъ мертвыхъ, я такъ не обрадовался бы ему, какъ твоему приходу“. Также относились къ Ѳеодосію многіе бояре. Между ними замѣчателенъ Варягъ *Шимонъ*, обращенный Ѳеодосіемъ изъ латинства, извѣстный по своему участію въ строеніи великой печерской церкви. Въ 1074 г. мая 3 преставился великій игуменъ, назначивъ преемникомъ послѣ себя по желанію братіи *Стефана* демественника. Предъ кончиной онъ обѣщалъ братіи молиться предъ Богомъ за свой монастырь и быть непрестанно духомъ съ братіею. Печерское преданіе приписываетъ ему и другое обѣтованіе, что всякій, положенный въ стѣнахъ св. обители, будетъ помилованъ отъ Бога; преданіе это въ старину было предметомъ общаго народнаго вѣрованія.

Подъ руководствомъ мудраго подвижника воспиталось много достойныхъ его учениковъ; таковы: *св. Исаія* ростовскій, *св. Стефанъ* игуменъ, потомъ епископъ волынскій, провидѣцъ *Іеремія*, помнившій еще крещеніе русской земли, пестяжательный *Григорій*, утопленный в. кн. Ростиславомъ за обличенія, безмездный врачъ *Агапитъ* и др. Особеннымъ уваженіемъ пользовался подвигъ затворничества. Кромѣ пр. Анто-

нія и Моисея Угрина этимъ подвигомъ прославился пр. *Исаакій*. Семь лѣтъ провелъ онъ въ пещерѣ въ тяжкихъ подвигахъ и борьбѣ съ бѣсами и однажды подвергся такому сильному бѣсовскому искушенію, что дошелъ до потери сознанія и тѣлесныхъ силъ; нужны были многіе годы, чтобы св. подвижникъ поправился отъ болѣзни, но выздоровѣвши, онъ опять ушелъ въ затворъ, гдѣ и подвизался до самой смерти.

Построеніе Печерской церкви. При игуменахъ *Стефанѣ, Никонѣ и Іоаннѣ* въ теченіе 15 лѣтъ производилось строеніе великой церкви во имя Успенія Богоматери, начатое еще при Антоніѣ и Ѳеодосіѣ въ 1073 г. и оконченное освященіемъ въ 1089. Необычайныя знаменія окружали и строеніе и освященіе этой главной святыни Кіева. Варягъ *Шимонъ* два раза видѣлъ въ видѣніи изображеніе будущей церкви и, явившись къ Ѳеодосію, далъ ему откровенную свыше мѣру ея и богатый вкладъ на построеніе. Сама Богоматерь послала мастеровъ изъ Царяграда и, заплативъ имъ за труды впередъ, дала имъ для храма свою икону небеснаго написанія и мощи семи мучениковъ. Небесная роса указала мѣсто для храма, а небесный огнь очистилъ это мѣсто отъ зарослей. Сами пришли иконописцы изъ Царяграда, нанятые тамъ пр. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ спустя 10 лѣтъ послѣ смерти этихъ святыхъ. Въ 1091 г. въ великую церковь перенесены изъ пещеры мощи пр. Ѳеодосія.

Знаменитые подвижники послѣ пр. Ѳеодосія. Прославлялась обитель и св. иноками. Таковы были послѣ сподвижниковъ пр. Ѳеодосія извѣстные намъ *Евстратій, Симонъ Сухой, Кукша*, иконописецъ *Алипій*, игумены *Стефанъ, Никонъ* и *Поликарпъ*. Изъ затворниковъ извѣстны особенно: *Ѳеофилъ*, 12 лѣтъ не видавшій солнца въ пещерѣ, плакавшій день и ночь;—онъ скопилъ цѣлый сосудъ своихъ слезъ, а ангелъ предъ его кончиной показалъ ему еще другой сосудъ слезъ, которыя онъ пролилъ на полъ и которыя превратились въ благовонное муро; *Никита*, бывшій послѣ епископомъ въ Новгородѣ;—черезъ годъ своего затвора онъ подвергнулся искушенію человѣческой славы, по внушенію бѣса, явившагося ему въ видѣ ангела, пересталъ молиться, сталъ только читать книги и сдѣлался изумительнымъ учителемъ; но опытные иноки, замѣтивъ, что онъ зналъ наизусть весь Ветхій Завѣтъ, а Новаго не читалъ, поняли его состояніе и молитвою отогнали отъ него бѣса; послѣ этаго его нужно было снова учить грамотѣ, потому что онъ все забылъ, что зналъ. Третій затворникъ

Іоаннъ (многострадальный) замѣчателенъ своею борьбою противъ плотской страсти; 3 года онъ не вкушалъ пищи, по 3—7 дней и поспалъ вершки, потомъ 30 лѣтъ провелъ въ пещерѣ, наконецъ закопалъ себя въ землю по перси и пробылъ такъ весь великій постъ, претерпѣвая величайшія мученія отъ внутренняго жара и судорожныхъ корчей въ ногахъ и во всемъ тѣлѣ; огненный змѣй палилъ его пламенемъ и грозилъ пожрать; въ самый день пасхи молнія ударила въ змія, онъ изчезъ и страсть навсегда потухла въ подвижникѣ. Отъ тяжелаго затворническаго подвижничества въ монастырѣ старались отговаривать неопытныхъ иноковъ и требовали отъ нихъ общаго житія въ послушаніи игумену и смиреніи. Подвигомъ послушанія и смиренія особенно прославился кн. *Николай Святоша*, проведшій 6 лѣтъ искуса въ унизительной для князя службѣ на монастырской поварнѣ и привратникомъ, не смотря на то, что противъ этаго сильно возставали его братья князья черниговскіе. Достопамятны многіе другіе иноки: знаменитый отецъ русской исторіи лѣтописецъ *Несторъ*; *Марко* гробокопатель, *Спиридонъ* и *Никодимъ*. 30 лѣтъ пекшіе просфоры, *Прохоръ* лѣдникъ, чудесно производившій во время голода хлѣбъ изъ лебеды и соль изъ золы, подвергшійся за это корыстолюбивой зависти в. кн. Святополка, *Ѳеодоръ* и *Василій*, убитые сыномъ Святополка Мстиславомъ. Бѣсъ въ образѣ Василія сказалъ князю, что Ѳеодоръ нашелъ кладъ въ своей пещерѣ; князь потребовалъ этого клада себѣ, но Ѳеодоръ послѣ долгой борьбы съ корыстолюбіемъ дошелъ до того, что забылъ самое мѣсто клада; гнѣвъ князя поразилъ обоихъ подвижниковъ.

Значеніе кіевской обители и ея средствъ. Печерскій монастырь мало по малу сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей и получилъ огромное вліяніе на всю русскую религіозность вообще. Изъ него аскетическая настроенность распространялась и въ обществѣ; благочестіе понималось въ тѣхъ именно формахъ, въ какихъ проявлялось оно здѣсь. По своей славѣ онъ считался старѣйшимъ между всѣми другими монастырями; въ XII вѣкѣ его игуменъ Поликарпъ первый на Руси получилъ званіе архимандрита; по всей вѣроятности въ описываемое же время обитель получила наименованіе лавры и патріаршей ставропигіи. Изъ нея брали игуменовъ въ другіе монастыри и іерарховъ для епархій; болѣе 50 человѣкъ ея иноковъ занимали епископскія каѳедры; выходцы изъ нея всюду разносили ея духъ, уставъ и творенія

ея подвижниковъ Іакова, Нестора, Симона, Поликарпа. Каждый ея постриженникъ, куда бы его ни заносила судьба, хранилъ къ ней трогательную любовь и старался подъ старость воротиться въ ея св. стѣны и сложить въ ней свои кости. Симонъ владимірскій называетъ блаженными тѣхъ, которые погребаются въ священной печерской персти. Въ письмѣ къ иноку печерскому Поликарпу онъ пишетъ: „кто не знаетъ красоты церкви соборной владимірской и другой суздальской, которую я выстроилъ? Сколько городовъ и селъ принадлежатъ имъ! По всей землѣ той сбираютъ десятину, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость. Но предъ Богомъ скажу тебѣ, всю эту славу и власть вмѣнилъ бы въ прахъ, если бы мнѣ привелъ Богъ хоть хворостиною торчать за вратами или соромъ валяться въ монастырѣ печерскомъ и быть попираему людьми.“ —По мѣрѣ распространенія славы своей Печерская обитель обогащалась пожертвованіями князей и благочестивыхъ людей и стала богатѣйшимъ монастыремъ въ Россіи. Кн. Ярополкъ Изяславичъ далъ ей три волости, дочь его—5 селъ съ чѣлядью, Ефремъ епископъ суздальскій—дворъ въ Суздалѣ съ церковію и селами.—Монастырь получилъ возможность предпринимать богатыя постройки и украшенія своихъ церквей и совершать дѣла монастырской благотворительности въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ.

Монастыри южнаго. Вслѣдъ за кіевопечерскимъ монастыремъ возникали новыя обители во всѣхъ русскихъ городахъ преимущественно со второй половины XII вѣка. Въ одномъ Кіевѣ ихъ было до 17; въ Переяславлѣ и Черниговѣ было по 4 монастыря, въ галицкомъ княжествѣ 3, въ Полоцкѣ по житію *св. Евфросиніи* значится тоже 3, кромѣ ея Спасскаго монастыря, а въ Смоленскѣ по житію св. Авраамія смоленскаго и по лѣтописи—5 монастырей. Пр. *Авраамій* подвизался къ концу XII и въ началѣ XIII в. Раздавъ свое богатство, полученное отъ родителей, нищимъ, онъ нѣсколько времени юродствовалъ по улицамъ, потомъ поступилъ въ монастырь. Здѣсь, постоянно занимаясь книгами, онъ дошелъ до такой мудрости, что сдѣлался любимымъ учителемъ и священникомъ всего города. Изъ зависти къ его славѣ противъ него возстало все городское духовенство и обвинило его предъ епископомъ въ ереси, въ томъ, что онъ читаетъ *Глубинныя* книги; но онъ скоро былъ оправданъ своимъ благочестіемъ и чудесами и былъ поставленъ игуменомъ Ризположенскаго монастыря, который въ теченіи 50 лѣтъ своего управленія довелъ

до такого совершенства, что только 17 иноковъ оказались способными жить въ немъ.—Въ югозападной Руси возникновеніе обителей сильно стѣснялось набѣгами Половцевъ и частыми усобицами князей. Благочестивые иноки любили уходить для своихъ подвиговъ и для основанія новыхъ монастырей особенно на сѣверъ, гдѣ было болѣе покоя и гдѣ кромѣ того сама природа среди своихъ дремучихъ лѣсовъ представляла прекрасныя мѣста для монашескихъ подвиговъ.

Сѣверные монастыри. Въ одномъ Новгородѣ было до 20 монастырей, а по всему пространству новгородскихъ владѣній ихъ было болѣе 30. Первое мѣсто между новгородскими монастырями занималъ основанный Ярославомъ *Юрьевъ* монастырь, настоятель котораго носилъ титулъ архимандрита. За нимъ болѣе другихъ пользовались уваженіемъ *Антоніевъ* и *Хутынскій*. Первый основанъ въ началѣ XII в. пр. *Антоніемъ Римлянином*ъ, который, удалившись отъ гоненія, воздвигнутаго въ Римѣ на православныхъ, приплылъ на камнѣ въ Новгородъ и спасался здѣсь въ своемъ монастырѣ 40 лѣтъ; второй основанъ въ концѣ XII вѣка пр. *Варлаамомъ* на пустынномъ мѣстѣ въ 10 верстахъ отъ Новгорода, гдѣ прежде жили одни нечистые духи (отъ чего и мѣсто это называлось *Худынь*).—Въ ростовской землѣ также было довольно монастырей, въ Ростовѣ было ихъ 2, въ Суздалѣ 4, во Владимірѣ 5, Переяславлѣ, Костромѣ, Нижнемъ, Ярославлѣ по 1. Первымъ монастыремъ съ архимандричьимъ настолтельствомъ былъ здѣсь *Рождественскій* владимірскій, основанный Всеволодомъ III въ 1192 г. Богатствомъ своимъ славился монастырь *Боголюбовъ*, основанный въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ему явилась Богоматерь и велѣла иссти свою икону во Владиміръ. Въ началѣ XIII в. супруга Всеволода III *Марія* создала владимірскій *Успенскій* монастырь, въ которомъ и почила вскорѣ послѣ своего постриженія. Въ *Ризположенском*ъ суздальскомъ монастырѣ спасалась другая княгиня *Евфросинія*, дочь Михаила черниговскаго, прибывшая въ Суздаль невѣстою суздальскаго князя, но незаставшая его въ живыхъ († 1250 г.).

Многіе изъ упомянутыхъ монастырей, какъ и Кіевопечерская лавра, владѣли *недвижимою собственностію* и рабами. Такъ, до насъ дошли: грамоты в. кн. Мстислава Юрьеву монастырю (1128 г.) на село съ данью, вирами и продажами; грамота Варлаама Хутынскому монастырю на земли, огороды, ловища, ножни, челядь и село; купчая и духовная грамоты

Антонія Римлянина его монастырю на земли и рабовъ и др. Имущества монастырей, кромѣ содержанія обителей, вездѣ назначались еще на дѣла благотворительности, которыя давали монастырямъ высокое общественное значеніе.

Состояніе христіанскаго просвѣщенія.

Кромѣ благотворительнаго значенія монастыри имѣли для общества еще значеніе просвѣтительное, были средоточіемъ высшаго религіознаго образованія, разсадниками церковныхъ учителей, распространителями книгъ. На чтеніе и списываніе книгъ монахи смотрѣли, какъ на богоугодный подвигъ; при монастыряхъ заводились значительныя библіотеки, наприм. при Печерскомъ монастырѣ, который разсылалъ ученыхъ пастырей по всей Россіи. При Андреевскомъ женскомъ монастырѣ въ Кіевѣ *Янка*, дочь Всеволода, завела училище для обученія грамотѣ дѣвицъ. Въ Галиціи кн. *Ярославъ Осмомыслъ* распорядился, чтобы монастыри на свой счетъ содержали школы и учителей народа. Кромѣ монастырей школы заводились при церквахъ. Начало этихъ приходскихъ школъ видимъ еще при Владимірѣ. Ярославъ, строя церкви по городамъ и селамъ, велѣлъ священникамъ обучать народъ. Чтобы имѣть больше грамотныхъ людей, онъ велѣлъ въ Новгородѣ у старостъ и у священниковъ собрать до 300 дѣтей и учить ихъ книгамъ. Самъ князь читалъ книги день и ночь, по отзыву лѣтописца, собралъ много писцовъ, которые по его повелѣнію переписали много книгъ, а иныя книги переводили съ греческаго на славянскій языкъ. „Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ, а Ярославъ насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе“. Цѣль школьнаго обученія состояла главнымъ образомъ въ умноженіи грамотныхъ священниковъ. Неизвѣстно, много ли было такихъ школъ; упоминаются школы въ Новгородѣ, Курскѣ, Смоленскѣ и Владимірѣ волынскомъ.—При преемникахъ Ярослава средства къ образованію еще болѣе умножились. Сынъ Ярослава Святославъ черниговскій имѣлъ у себя полны клѣти книгъ, изъ которыхъ до насъ дошли два сборника, извѣстныхъ по его имени, одинъ переведенный съ греческаго языка въ Болгаріи для болгарскаго царя Симеона и переписанный для Святослава въ 1073 г., другой составленный въ 1076 г. Любовью къ образованію извѣстны также Всеволодъ переяславскій, говорившій на 5 языкахъ, и сынъ его Мономахъ. Романъ

смоленскій, строя училища, держалъ при нихъ учителей греческихъ и латинскихъ и истратилъ на нихъ все свое имѣніе. Ярославъ галицкій, говорившій на 8 языкахъ, много побуждалъ къ учительству свое духовенство. Константинъ Всеволодовичъ ростовскій постояпно держалъ при себѣ ученыхъ людей, покупалъ греческія книги и составилъ библіотеку, заключавшую въ себѣ до 1000 книгъ. Главнымъ средоточіемъ образованія, разумѣется, было духовенство, какъ это видно изъ отзывовъ лѣтописца о многихъ духовныхъ лицахъ, „хитрыхъ книгамъ и ученью“, и изъ сохранившихся до насъ письменныхъ памятниковъ тогдашняго образованія.

Переводная письменность. Въ письменности XI—XIII в. преобладали переводы съ греческаго, совершенные отчасти въ Россіи, но большею частію еще въ Болгаріи. Книги св. Писанія употреблялись въ болгарскомъ переводѣ св. Кирилла и Меѳодія. Важнѣйшіе списки этихъ книгъ, сохранившіеся до нашего времени суть: Евангеліе, написанное (1056—1057 г.) для новгородскаго посадника Остроміра, Евангеліе новгородскаго кн. Мстислава (1125—1132 г.), Евангеліе галичское (1144), два новгородскихъ Евангелія (1164 и 1215—1230 г.), Апостолъ (1195), Пятокнижіе (1136 г.) и Толковая Псалтырь. Полнаго состава Библіи не было; употреблялись только отдѣльныя книги, и то одпѣ каноническія, потому что апокрифическія книги не были переведены и славянскими первоучителями. Изъ сличенія сохранившихся списковъ библейскихъ книгъ видно, что древній переводъ старались исправлять чрезъ сличеніе съ греческою Библіей и подновлять, вставляя болѣе понятныя слова и фразы вмѣсто непонятныхъ. Послѣ книгъ св. Писанія въ переводахъ и болгарскихъ и русскихъ распространялись творенія св. отцевъ, житія святыхъ, хронографы, палеи, сборники разнообразнаго содержанія въ родѣ сборниковъ Святослава, Златой Цѣпи, Пчелы и проч.—Въ описываемое время находимъ уже ясные слѣды переходившей къ намъ изъ Византіи и Болгаріи апокрифической литтературы. Несторъ въ своей лѣтописи пользовался Палеей, въ которой наряду съ библейскими расказами помѣщены расказы апокрифическаго характера; видимъ у него ссылку на апокрифическое слово о послѣднихъ временахъ Меѳодія патарскаго. Авраамія смоленскаго, какъ мы видѣли, обвиняли въ чтеніи Голубиныхъ книгъ. Изъ Болгаріи переходили и богомильскія ученія; послѣ Адріана въ 1123 году явился другой такой же еретикъ *Дмитръ*, котораго *м. Никита* велѣлъ посадить подъ стражу.

Греческіе писатели въ Россіи. За переводами слѣдуютъ сочиненія нашихъ митрополитовъ Грековъ, написанныя на греческомъ языкѣ и дѣлавшіяся извѣстными русскимъ грамотникамъ тоже въ переводахъ. Греки и въ Россіи писали о такихъ предметахъ, о которыхъ прилично было писать въ Греціи; ихъ занимало не катехизическое поученіе новообращеннаго народа, а тогдашніе счеты Грековъ съ латинами. *М. Леонтій* писалъ „Объ опрѣснокахъ“, *Георгій*—„Сѣзаніе съ латиною“, *Іоаннъ* II—полемическое посланіе къ папѣ Клименту III, *Никифоръ* три посланія къ русскимъ князьямъ о латинахъ. Впрочемъ послѣдніе два митрополита, мудрые Греки, близко коснулись и русской жизни, Іоаннъ—въ своемъ церковномъ правилѣ, а Никифоръ въ „Посланіи къ Мономаху о постѣ“ и въ „Поученіи къ народу въ недѣлю сыропостную“. Въ посланіи о постѣ доказывается важность поста и содержится замѣчательная въ историческомъ отношеніи похвала Владиміру Мономаху, простотѣ его жизни, ласковости, щедрости и другимъ качествамъ. „Поученіе къ народу“ вооружается противъ господствующаго зла русской жизни—большихъ ростовъ и пьянства. Замѣчательно начало, изъ котораго видно, что митрополитъ не говорилъ поученія самъ по незнанію языка, а поручалъ читать его другимъ.

Русскіе писатели въ своихъ сочиненіяхъ подражали греческимъ образцамъ и подвергались большой опасности усвоить тѣже недостатки, какими страдала тогдашняя греческая литература,—хитросплетенія діалектики, пышное и многословное риторство, скудное живой практической мыслью. Ихъ выручилъ изъ этой опасности благой обычай подражать не столько новымъ греческимъ авторамъ, сколько древнимъ отцамъ церкви, а также самая новость образованія въ Россіи, еще не успѣвшаго войти во вкусъ діалектики и риторства, живое религіозное чуство, которое свойственно юнымъ христіанамъ и которое само собой оживляло бездушную форму риторской рѣчи, если и успѣвало облекаться въ нее, наконецъ много важнаго дѣла въ современной обстановкѣ, дѣла, которое одушевляло древнее русское поученіе и давало ему современное и практическое значеніе.

Лука Жидята и м. Иларіонъ. Первое мѣсто по времени между русскими произведеніями занимаетъ поученіе новгородскаго епископа *Луки Жидяты* (1036—1060 г.), въ безыскусственномъ перечнѣ излагающее главныя обязанности христіанина; оно вполнѣ соотвѣтствовало состоянію паствы, къ которой было обращено, и вполнѣ ее обрисовываетъ. *М. Иларіонъ* еще

въ санѣ пресвитера написалъ замѣчательное слово, содержаніе котораго опредѣляется заглавіемъ: „о законѣ, Моисеомъ данѣмъ, и о благодати и истинѣ, Іисусъ Христомъ бывшимъ, и како законъ отыде, благодать же и истина всю землю исполни и вѣра во вся языки простреся и до нашего языка русскаго и похвала кагану нашему Владиміру, отъ него же крещени быхомъ, и молитва къ Богу отъ всея земли нашея". По словамъ витіи слово его было обращено не къ невѣдущимъ, а уже къ насытившимся сладости книжныя; отсюда отсутствіе въ немъ простоты, витійственный слогъ, такъ что съ перваго разу видно, что оно, если не переводъ съ греческаго, то по крайней мѣрѣ составлено подъ сильнымъ вліяніемъ греческихъ образцовъ. Особеннымъ одушевленіемъ проникнуто изображеніе плодовъ крещенія на Руси и похвала Владиміру. Эта похвала очень нравилась въ старину, такъ что лѣтописцы часто цѣликомъ заимствовали изъ нея разныя черты и прилагали ихъ къ другимъ князьямъ, которыхъ думали похвалить. Заключительная молитва къ Богу отъ лица новопросвѣщеннаго народа была принята даже въ церковное употребленіе.—Послѣ Иларіона осталось еще „Исповѣданіе вѣры", образецъ православнаго изложенія главныхъ догматовъ, написанное имъ вѣроятно при возведеніи въ санъ митрополита. Ему же усвояется еще „Поученіе о пользѣ душевнѣй ко всѣмъ христіанамъ", возбуждающее слушателей къ заботѣ о спасеніи; сообразно съ своимъ назначеніемъ для всего народа оно отличается совершенной простотой и безыскуственностію.

Пр. Ѳеодосій, извѣстный своею учительностію не только среди своей братіи, но и за стѣнами Печерскаго монастыря, оставилъ нѣсколько поученій инокамъ и мірянамъ. Изъ поученій къ инокамъ узнаемъ темныя стороны тогдашней монастырской жизни, о которыхъ не говорятъ ни Несторъ, ни печерскій патерикъ, занимавшіеся исключительно прославленіемъ знаменитой лавры. Ѳеодосій обличаетъ иноковъ за лѣность къ богослуженію, несоблюденіе правилъ воздержанія, собираніе имѣнія въ келліи, недовольство общей одеждой и пищей, ропотъ на игумена за то, что онъ на монастырскія средства содержитъ странныхъ и бѣдныхъ. Два поученія Ѳеодосія обращены ко всему народу, одно „о казняхъ Божіихъ" за грѣхи, замѣчательное изображеніемъ остатковъ язычества въ народѣ и господствующихъ пороковъ времени, грабежей, своекорыстія, мздоимства и особенно пьянства; другое противъ пьянства, описываетъ отвратительное состояніе, до котораго доходитъ пьяни-

ца, кромѣ того содержитъ краткія наставленія не пѣть на пирахъ тропарей за чашею, не считать кутью яствомъ во оставленіе грѣховъ, не прикладывать къ ней по языческому обычаю воды и яицъ, не вносить въ церковь пищи и питья въ видѣ приношеній. Два посланія къ в. кн. Изяславу отвѣчаютъ на современные вопросы, одно—о постѣ въ среду и пятокъ, согласно съ студійскимъ уставомъ, другое—о вѣрѣ варяжской или латинской, гдѣ исчисляются отступленія отъ православія и злые обычаи латинянъ, запрещается всякое съ ними общеніе въ пищѣ, питьѣ и бракахъ. „Кто скажетъ: и ту и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двувѣрный? Развѣ не слыхалъ, что написано: едина вѣра, едино крещеніе, единъ Богъ"?

Кириллъ Туровскій. Во второй половинѣ XII в. у насъ явился проповѣдникъ, который прославился, какъ второй Златоустъ; это св. Кириллъ туровскій, отъ котораго остались слова на разные праздники, 3 посланія къ инокамъ, 20 молитвъ и молебный канонъ. Названіе Златоуста къ нему впрочемъ мало идетъ; онъ даже не столько проповѣдникъ, сколько религіозный поэтъ. Въ его словахъ менѣе всего учительности и народности; это совершенно отвлеченныя отъ дѣйствительности, восторженныя размышленія о предметѣ того или другаго праздника, даже безъ обычныхъ обращеній къ слушателямъ въ началѣ и концѣ. Только въ одномъ словѣ (въ пятую недѣлю по Пасхѣ) онъ жалуется, что его лѣниво приходятъ слушать. Едва ли и въ состояніи былъ кто нибудь его слушать, кромѣ тѣхъ, которые подобно ему воспитались на византійскомъ витійствѣ. Форма представленій у оратора большею частію символическая и аллегорическая, вдающаяся иногда въ непужное скопленіе образовъ, которое только затемняетъ мысль, или въ произвольныя, искуственныя сближенія вовсе несродныхъ предметовъ; аллегорически объясняются даже простыя евангельскія повѣствованія. Только сильный поэтическій талантъ, необыкновенное одушевленіе и симпатичный характеръ спасалъ витію отъ крайностей такого направленія. Все-таки слова его имѣютъ цѣну только съ риторической и піитической, но отнюдь не съ гомилетической точки зрѣнія.—За то св. Кириллъ по характеру своего таланта является безусловно хорошъ въ своихъ церковныхъ молитвахъ и канонѣ.—Его аскетическія произведенія, „Сказаніе о черноризческомъ чинѣ" и Посланіе къ печерскому игумену Василію изображаютъ правила монашеской жизни; наприм: „будь, какъ одежда, не заботься,

если разорвутъ тебя и на тряпки; имѣй свою волю только до вступленія въ монастырь; принимай, какъ манну, хлѣбъ, надъ которымъ ты не трудился, отъ руки келаря“ и проч. Въ послѣднемъ посланіи авторъ мимоходомъ касается непостоянныхъ иноковъ, которые рады всякому случаю ослабить строгость жизни ради праздника, ради друга и т. п. Объясняя значеніе монашескихъ одеждъ и обѣтовъ, святитель и здѣсь впадаетъ въ любимую аллегорическую форму представленій. Третье посланіе „О бѣлоризцѣ человѣцѣ“ все состоитъ изъ аллегоріи и называется притчею.

Отъ описываемаго времени до насъ дошло нѣсколько *поученій безыменныхъ авторовъ*. Особенно замѣчательны поученія противъ остатковъ язычества. Таково „Слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ“ (въ сборникѣ Златая Цѣпь). Ревнитель, какъ Илія Ѳесвитянинъ, вооружается противъ христіанъ, двоевѣрно живущихъ, вѣрующихъ въ Перуна, Хорса, Мокошь, Сима и Регла и въ Вилы; требы имъ кладутъ невѣгласы и куръ имъ рѣжутъ; молятся и огню, зовутъ его Сварожичемъ, и чеснокъ богомъ творятъ. Такъ поступали, по слову христолюбца, даже попы и книжники, но крайней мѣрѣ сонзволяли творящимъ такъ и не хотѣли ихъ поучить. Не подобаютъ христіанамъ игры бѣсовскія, плясанье, гудьба, пѣсни, жертвы идольскія; не подобаетъ молиться подъ овиномъ, молиться огню, Виламъ, Мокоши, Перуну, Волосу-скотью богу, Роду и Рожаницамъ.

Къ разряду поучительныхъ произведеній относится *Поученіе кн. Владиміра Мономаха дѣтямъ*. Оно обнимаетъ собою разныя обязанности князя и человѣка, говоритъ о домашнемъ поведеніи, семейныхъ обязанностяхъ, о молитвѣ, почитаніи духовенства, дѣлахъ милосердія, правдѣ на судѣ, общественномъ обхожденіи, гостепріимствѣ и проч. Мономахъ вездѣ ставитъ дѣтямъ въ образецъ себя и для этаго изображаетъ имъ свою дѣятельную, подвижную жизнь, свои походы, охоту за звѣрями и домашнюю дѣятельность. Поученіе это очень важно для характеристики жизни древнихъ князей и вообще лучшихъ людей древняго общества.

Игуменъ Даніилъ. Кромѣ поученій до насъ дошли назидательныя творенія и въ другихъ родахъ. Игуменъ Даніилъ, ходившій въ Іерусалимъ, составилъ для любителей св. мѣстъ любопытное описаніе своего паломничества, бывшее самымъ употребительнымъ чтеніемъ благочестивыхъ людей и распространенное во множествѣ списковъ. Послѣдующіе путешест-

вещники ко св. мѣстамъ заимствовали у него цѣлыя мѣста для своихъ путевыхъ записокъ. Даніилъ былъ въ Іерусалимѣ вскорѣ послѣ перваго крестоваго похода, былъ обласканъ королемъ *Балдуиномъ*, видѣлъ много русскихъ путешественниковъ изъ Кіева и Новгорода, въ теченіе 16 мѣсяцевъ осмотрѣлъ всѣ св. мѣста, видѣлъ чудесное схожденіе огня ко гробу Господню, молился о русскихъ князьяхъ, боярахъ и своихъ духовныхъ дѣтяхъ, записалъ ихъ имена при гробѣ Господнемъ и повѣсилъ лампаду отъ всей русской земли. Разсказъ его безъискуственный и простодушный, обнаруживающій теплую вѣру, очень назидательный и трогательный.

Писатели въ повѣствовательномъ родѣ. Изъ повѣствователей древнѣйшій *Іаковъ мних*, отъ котораго остались: житіе св. Владиміра съ похвалой ему, житіе св. Бориса и Глѣба и нравственное посланіе къ в. кн. Изяславу противъ гордости, пьянства и блуда.—Въ концѣ XI и началѣ XII в. Печерскій монастырь воспиталъ знаменитаго лѣтописца—отца русской исторіи—*пр. Нестора*; 17 лѣтъ пришелъ онъ (1073 г.) къ пр. Ѳеодосію, при игуменѣ Стефанѣ былъ постриженъ и поставленъ діакономъ, скончался послѣ 1113 года, который еще внесенъ въ его лѣтопись. Лѣтописи древней Руси, кромѣ своего историко-литературнаго значенія, всегда имѣли еще значеніе религіозно-поучительное. Лѣтописецъ искалъ въ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагалъ свой трудъ, именно какъ поученіе, и самъ смотрѣлъ на свое дѣло, какъ на благочестивый, богоугодный подвигъ. Отъ того разсказъ его постоянно прерывается назидательными размышленіями, въ которыхъ проводятся обычныя мысли современной ему морали. Такова лѣтопись пр. Нестора; таковы же труды и другихъ лѣтописцевъ какъ этаго времени, такъ и позднѣйшихъ, и разныхъ мѣстностей Руси. Еще раньше лѣтописи пр. Несторъ написалъ сочиненіе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, ихъ мученической кончинѣ и чудесахъ, дабы, по его словамъ, доставить „чтеніе на пользу повиновенія младшихъ старшимъ“, потомъ еще житіе пр. Ѳеодосія для поученія инокамъ и ободренія ихъ въ подвигахъ.

Послѣ Іакова и Нестора какъ жизнеописатель, извѣстенъ *св. Симонъ владиміркій* (1215—1226 г.). Онъ написалъ обширное посланіе къ *Поликарпу*, печерскому иноку, который былъ обладаемъ страстью почестей, два раза уже уходилъ изъ монастыря для занятія игуменскихъ мѣстъ и домогался даже епископскаго сана. Въ своемъ посланіи Симонъ увѣщевалъ его твердо стоять въ монашескихъ обѣтахъ послушанія и смиренія,

не искать высшихъ сановъ, а главное не оставлять своего монастыря. Симонъ описываетъ славу Печерской обители, выражаетъ горячую любовь и благоговѣніе къ ней въ словахъ, которыя мы приводили, и чтобы сильнѣе подѣйствовать на Поликарпа, представляетъ цѣлые разсказы о св. подвижникахъ лавры и о нѣкоторыхъ инокахъ, погубившихъ души свои страстями, наконецъ подробно передаетъ исторію созданія кіево-печерской церкви. По своему высокому значенію для общества это посланіе распространилось во множествѣ списковъ. Увѣщанія Симона подѣйствовали на Поликарпа и онъ остался въ Печерскомъ монастырѣ простымъ инокомъ.

Поликарпъ продолжалъ трудъ Симона въ своемъ *посланіи* къ печерскому архимандриту *Акиндину*, который просилъ его разсказать о печерскихъ угодникахъ. Ссылаясь на устные разсказы Симона, Поликарпъ написалъ 12 разсказовъ о печерскихъ святыхъ, о которыхъ не сказано было въ посланіи Симона.— Изъ этихъ посланій Симона и Поликарпа, съ прибавленіемъ къ нимъ извѣстій объ Антоніѣ, Ѳеодосіѣ и нѣкоторыхъ другихъ печерскихъ подвижникахъ изъ сочиненій Нестора, составился извѣстный печерскій *Патерикъ*. Образцомъ для него послужили синайскій, скитскій и др. греческіе патерики, сдѣлавшіеся у насъ извѣстными въ болгарскомъ и русскомъ переводѣ.

Изъ *житій русскихъ святыхъ* къ описываемому времени принадлежатъ еще: житіе Антонія Римлянина, написанное ученикомъ и преемникомъ святаго по игуменству *Андреемъ*, житіе Авраамія смоленскаго, написанное ученикомъ его *Ефремомъ*, житія Леонтія и Исаіи ростовскихъ, которыя началомъ своимъ восходятъ къ XII вѣку.

III. РУССКАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ УДѢЛЬНОЕ ВРЕМЯ ПОСЛѢ УСИЛЕНІЯ СѢВЕРНОЙ РУСИ ДО РАЗДѢЛЕНІЯ МИТРОПОЛІИ.

Нашествіе Монголовъ. Въ 1237—40 годахъ Россію постигло нашествіе Монголовъ. Сначала опустошены были рязанское и владимірское княжества; народонаселеніе ихъ вырѣзано; церкви и монастыри разрушены или осквернены. Во Владимірѣ погибли епископъ *Митрофанъ* и все семейство в. князя *Юрія Всеволодовича*. Самъ Юрій палъ за вѣру и отечество на берегахъ Сити. Его племянникъ *Василько Константиновичъ* ростовскій попался въ плѣнъ къ варварамъ и

погибъ мученическою смертью за то, что не хотѣлъ отречься отъ православія. Потомъ въ южной Руси разрушены Переяславль, Черниговъ, Кіевъ, города волынскіе и галицкіе. Въ Кіевѣ погибли его главныя святыни—Софійскій и Десятинный храмы; Печерская лавра разрушена, монахи ея разбѣжались по лѣснымъ дебрямъ и пещерамъ. Краса русской земли, стольный городъ в. князя и митрополита обратился въ ничтожное мѣстечко, въ которомъ насчитывалось всего около 200 домовъ.

Возвышеніе сѣверовосточной Руси. Общее бѣдствіе однако обрушилось не съ одинаковой тяжестью надъ той и другой половиной Руси. Сѣверо-восточная Русь была опустошена менѣе; когда страшная буря пронеслась, она снова поправилась, благодаря умной дѣятельности своихъ князей. Южная Русь обращена была въ сплошную пустыню; кромѣ того Монголы и послѣ ея опустошенія продолжали кочевать по ея степнымъ украйнамъ и были постоянной грозой для ея народонаселенія. Вслѣдствіе этаго все земледѣльческое и промышленное населеніе ея густыми массами потянулось на сѣверъ, потомъ она вскорѣ подпала подъ владычество Литвы. Русская историческая жизнь отлила въ область Волги и завязала тамъ для себя новый центръ, вмѣсто южнаго Кіева, въ Москвѣ. Туда же передвинулось и средоточіе церковной жизни—русская митрополія. Съ этаго времени поприщемъ церковно-исторической жизни является Великороссія, что не могло не имѣть сильнаго вліянія на весь ходъ церковной исторіи. Уже въ это отдаленное время, которое можно назвать дѣтствомъ Великороссіи, нельзя не замѣчать отличительныхъ чертъ ея народонаселенія, которыми оно отличалось отъ племенъ южной Руси: меньшее развитіе задушевности, поэтическаго элемента, скудость развитія сердечной теплоты и воображенія, преобладаніе холодной и расчетливой практичности, наклонности къ заведенному порядку, обрядности и церемоніальности всякаго рода. Въ сферѣ религіи отсюда выродилась замѣна задушевной религіозности соблюденіемъ обряда, религіозной формалистикой, которая послѣ породила расколъ, въ Малороссіи не извѣстный. И въ предшествовавшее время споры о постахъ и вопросы Кирика явились именно на сѣверѣ. Въ исторіи іерархіи въ сѣверной Руси на первомъ планѣ вопросы о правахъ іерарховъ, льготахъ всякаго рода, финансовыхъ сборахъ съ подчиненныхъ и подобныхъ, чисто практическихъ, предметахъ. Даже монашество, которое на югѣ обращалось преимущественно къ созерцательной отшельнической жизни, къ уединенному затво-

ру въ пещерѣ, на сѣверѣ получаетъ практическое, общественное направленіе.

Іерархія и духовенство.

М. Кириллъ II. Во время разоренія Кіева пропалъ безъ вѣсти м. *Іосифъ*, не задолго до этаго присланный изъ Греціи; на мѣсто его избранъ новый митрополитъ изъ Русскихъ *Кириллъ II*. Воротясь изъ Греціи, куда онъ ѣздилъ посвящаться, онъ не нашелъ себѣ пріюта въ разоренномъ Кіевѣ и долженъ былъ выбирать для своего пребыванія другой городъ,—или Галичъ, столицу южнаго в. князя, или Владиміръ, столицу сѣвернаго в. князя. Рѣшительнаго выбора митрополитъ еще не могъ сдѣлать и, не имѣя такимъ образомъ пребывающаго града, все время своего святительства провелъ въ разъѣздахъ по всей своей митрополіи съ мѣста на мѣсто. Но и теперь уже было видно, что Владиміръ со временемъ будетъ предпочтенъ Галичу; большую часть времени своего управленія Кириллъ провелъ на сѣверѣ, даже долгое время не рукополагалъ во Владиміръ особаго епископа; онъ рукоположилъ туда *Серапіона* уже въ 1274 году. Во время своихъ разъѣздовъ Кириллъ много видѣлъ безпорядковъ по всѣмъ мѣстамъ какъ въ церковномъ управленіи, такъ и въ жизни народа. Это было поводомъ къ замѣчательнымъ постановленіямъ собора, созваннаго имъ во Владиміръ въ 1274 году, которыя мы еще увидимъ. Въ правленіе этаго же митрополита въ первый разъ опредѣлились отношенія къ церкви Монголовъ.

Отношенія къ церкви Монголовъ. При завоеваніи Руси Монголы были язычниками, признавали единаго Бога, но поклонялись и многимъ другимъ богамъ, идоламъ, солнцу, лунѣ, землѣ, водѣ, огню, тѣнямъ умершихъ хановъ, вѣрили въ силу волшбы надъ бѣсами, очистительное значеніе огня, въ колдовство и держали у себя цѣлыя толпы шамановъ, волхвовъ, ламъ и заклинателей. Въ Ордѣ едва ли даже была одна религія,—по всей вѣроятности тамъ господствовала смѣсь всякихъ вѣрованій средней Азіи. Отсюда объясняется религіозный индифферентизмъ Монголовъ. Въ своей Ясѣ (книгѣ запретовъ) *Чингисъ-ханъ* велѣлъ уважать и бояться всѣхъ боговъ, чьи бы они ни были. Въ Ордѣ свободно отправлялись всякія богослуженія и ханы сами участвовали при совершеніи и христіанскихъ, и магометанскихъ, и буддійскихъ и другихъ обрядовъ, уважали и духовенство всѣхъ вѣръ. Разореніе русскихъ святынь,

жестокости противъ христіанъ во время нашествія на Русь ни мало не противорѣчатъ ихъ вѣротерпимости, проистекая изъ обычной азіатской манеры вести войну. Мученики за вѣру изъ Русскихъ, кромѣ кн. Василька ростовскаго, какъ-то: в. кн. Юрій и *Меркурій смоленскій* (погибъ во время нашествія Монголовъ на Смоленскъ въ 1238 г.), гибнутъ на войнѣ. Во время самаго нашествія Монголовъ видимъ уже и ихъ обычай щадить духовенство; изъ погибшихъ въ это время духовныхъ лицъ извѣстны только Митрофанъ епископъ владимірскій, *Симеонъ* переяславскій и нѣсколько печерскихъ иноковъ. Въ 1264 г. встрѣчаемъ первыхъ мучениковъ въ самой Ордѣ, кн. *Михаила Всеволодовича* черниговскаго съ бояриномъ *Ѳеодоромъ*. Въ 1270 г. замученъ въ Ордѣ кн. *Романъ Ольговичъ* рязанскій за то, что не хотѣлъ оказать знаковъ уваженія къ вѣрѣ хана. Но и въ этихъ двухъ случаяхъ Монголы не отступали отъ Ясы Чингиса; они не касались самаго христіанства, а требовали только отъ князей исполненія нѣкоторыхъ суевѣрныхъ обрядовъ предъ аудіенціей у хана, прохожденія чрезъ очистительный огонь, поклоненія изображеніямъ умершихъ хановъ, солнцу и кусту, уваженія къ вѣрѣ хана, какое сами привыкли оказывать всѣмъ вѣрамъ, нисколько не думая о томъ, что въ глазахъ христіанина уваженіе къ чужимъ богамъ есть уже измѣна истинному Богу.

Пользуясь вѣротерпимостью Монголовъ, Кириллъ въ самой столицѣ хановъ—Сараѣ учредилъ православную епископію, посвятивъ на нее епископомъ (въ 1261 г.) *Митрофана*. У Хана *Менгу-Темира* онъ выпросилъ *ярлыкъ* духовенству, заключавшій въ себѣ подтвержденіе прежнихъ, недошедшихъ до насъ ярлыковъ. Еще при первомъ обложеніи Руси данью духовенство было освобождено отъ ея платежа. Ханъ Менгу въ своемъ ярлыкѣ также освобождаетъ все бѣлое и черное духовенство отъ дани и всякихъ пошлинъ,—пусть безпечально молятся за него и за все его, ханово, племя. Отъ даней и пошлинъ освобождались также братья и дѣти поповъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, а не въ раздѣлѣ. Церковныя земли и угодья, церковные люди, вещи, книги, иконы и проч. объявлены неприкосновенными; запрещено подъ страхомъ злой смерти хулить православную вѣру. Ходилъ ли митрополитъ въ Орду, неизвѣстно; его преемники считали это своей неизбѣжной обязанностію, какъ и князья. Скончался Кириллъ въ 1280 г. и погребенъ въ Кіевѣ.

М. Максимъ. Преемникъ Кирилла *блаж. Максимъ* прибылъ изъ Греціи въ 1283 г. и тогда же отправился въ Орду за утвержденіемъ въ своемъ санѣ отъ хана. И онъ долженъ былъ вести странническую жизнь подобно своему предшественнику, пока въ 1299 году не поселился во Владимірѣ. Житіе его повѣствуетъ, что по прибытіи его въ этотъ городъ сама Богоматерь явилась ему во снѣ, одобрила его намѣреніе поселиться въ ея градѣ и дала ему омофоръ, который чудесно остался у него въ рукахъ и по пробужденіи отъ сна. Такъ сдѣланъ былъ рѣшительный шагъ къ переселенію митрополіи на сѣверъ. На югѣ, въ Галичѣ, должны были дурно отнестись къ этому переселенію митрополита. И дѣйствительно, непосредственно послѣ смерти Максима (1305 г.) между югомъ и сѣверомъ видимъ слѣды соперничества изъ-за митрополіи, которое съ теченіемъ времени все разрастается и ведетъ къ раздѣленію русской церкви на двѣ половины. В. кн. *Юрій Львовичъ*, управлявшій Волынью и Галичемъ, внукъ Даніила, „восхотѣ галичскую епископію въ митрополію претворити“ и, предупредивъ сѣверныхъ князей, отправилъ въ Царьградъ своего кандидата на митрополію, *св. Петра*, игумена Ратскаго монастыря. Но п. Аѳанасій (въ 1308 г.) поставилъ Петра митрополитомъ *всея Россіи*.

Св. Петръ, родомъ изъ Волыни, съ 12 лѣтъ поступилъ въ монастырь и удивилъ братію своимъ послушаніемъ и подвигами; въ юныхъ лѣтахъ онъ выучился иконному писанію и написалъ много иконъ; послѣ многолѣтнихъ подвиговъ онъ успѣлъ въ уединеніе на р. Рату и здѣсь основалъ свой монастырь. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ. Въ сѣверной Руси при немъ шла сильная борьба между князьями *Михаиломъ* тверскимъ и *Юріемъ* московскимъ изъ-за велико-княжескаго достоинства. Ставъ на сторонѣ московскаго князя, митрополитъ возбудилъ противъ себя вражду въ Твери. Тверской епископъ *Андрей* оклеветалъ святителя предъ патріархомъ, вслѣдствіе чего для суда надъ нимъ въ 1311 году созванъ былъ соборъ въ Переславлѣ. На этомъ соборѣ возникъ объ немъ такой споръ, что св. Петръ, желая укротить смятеніе, сказалъ: „братія и чада! Я не лучше пророка Іоны; если ради меня великое смятеніе, изгоните меня, да утихнетъ молва“. Клевета однако скоро обнаружилась, но смиренный святитель простилъ ея виновника Андрея, сказавъ ему: „миръ тебѣ, чадо; не ты сотворилъ это, а дьяволъ“. Замѣчательно, что св. Петръ не жилъ въ Твери, городѣ в. князя Михаила,

и болѣе всего проживалъ въ Москвѣ около своего любимаго князя, брата Юрія, *Іоанна Даниловича*.

Между тѣмъ въ Ордѣ произошла важная перемѣна, которая должна была обратить особенное вниманіе митрополита на *ордынскія отношенія*; въ 1313 г. тамъ сдѣлался ханомъ *Узбекъ* и первый изъ хановъ принялъ магометанство. Съ объявленіемъ магометанства, извѣстнаго своимъ фанатизмомъ, господствующею вѣрою въ Ордѣ нельзя было расчитывать на продолженіе прежнихъ отношеній хановъ къ православію. Св. Петръ счелъ нужнымъ отправиться въ Орду. Къ счастію старая языческая терпимость не вдругъ пропала между новыми исповѣдниками Магомета; митрополита приняли по старому съ честію и отпустили съ новымъ ярлыкомъ въ пользу духовенства. Кромѣ прежнихъ льготъ, изображенныхъ въ ярлыкѣ Менгу-Темира, въ новомъ ярлыкѣ прибавлены новыя льготы относительно церковнаго суда; всѣ церковные люди подчинены суду митрополита по всѣмъ дѣламъ, не исключая и уголовныхъ.

На Руси усобица сѣверныхъ князей все усиливалась. Въ 1319 г. Михаилъ тверской былъ замученъ въ Ордѣ по клеветѣ Юрія. Потомъ въ 1325 г. послѣдовало убіеніе въ Ордѣ самаго Юрія сыномъ Михаила *Димитріемъ*, казнь Димитрія отъ Узбека за самоуправство и новая борьба между братомъ Димитрія *Александромъ* тверскимъ и братомъ Юрія *Іоанномъ Даниловичемъ* московскимъ. Узбекъ утвердилъ в. княземъ Александра, но Іоаннъ нашелъ сильное средство удержать первенство за Москвой въ расположеніи къ нему м. Петра. Престарѣлый святитель теперь совсѣмъ поселился въ Москвѣ у любимаго князя и просилъ его устроить здѣсь свой каѳедральный соборъ. „Если послушаешь меня, сынъ мой“, говорилъ онъ, „храмъ пред. Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься болѣе другихъ князей и городъ этотъ славенъ будетъ, святители въ немъ станутъ жить, и покоритъ онъ всѣ другіе города“. Іоаннъ Калита дѣйствительно основалъ каменный соборъ Успенія Богоматери. Св. Петръ скончался 21 декабря 1326 года, не дождавшись окончанія желанной постройки. Гробъ его, поставленный въ Успенскомъ соборѣ, сталъ краеугольнымъ камнемъ величія Москвы. Новое мѣсто для каѳедры митрополитовъ было наконецъ найдено, хотя митрополія все еще продолжала именоваться не московскою, а кіевскою. Пребываніе всероссійскаго митрополита въ Москвѣ давало этому городу значеніе главнаго города всей земли, потому что князей было много,

а митрополитъ былъ одинъ; кромѣ того каѳедра митрополичья способствовала возрастанію и обогащенію Москвы, привлекая къ себѣ со всѣхъ сторонъ всякихъ людей, имѣвшихъ нужду до верховнаго святителя; наконецъ митрополитъ естественно долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго жилъ.—Между тѣмъ южная Русь подпала подъ владычество Литвы и окончательно потеряла свое первенствующее значеніе въ церковной жизни. Съ 1315 г. литовскимъ княземъ сдѣлался знаменитый *Гедиминъ* и еще при жизни св. Петра (въ 1321 г.) овладѣлъ всей Волынью и Кіевомъ. Съ этаго времени къ заботамъ объ отношеніи къ Монголамъ у митрополитовъ присоединяются еще новыя заботы объ *отношеніяхъ къ Литвѣ*, владѣвшей русскими землями.

М. Ѳеогностъ. Преемникъ св. Петра Грекъ *Ѳеогностъ*, посвященный въ 1328 г., уже прямо отправился на жительство къ гробу чудотворца въ Москву, тѣмъ болѣе что московскій князь въ томъ же году сдѣлался в. княземъ. *Александръ Михайловичъ* тверской, произведя въ Твери извѣстное возстаніе противъ ханскаго посла *Щелкана* и избіеніе Татаръ его свиты, навлекъ на себя опалу Узбека и бѣжалъ во Псковъ. Іоаннъ Калита долженъ былъ взять его у Псковичей и представить въ Орду. При этомъ вполнѣ открылось, какого важнаго союзника имѣла Москва въ митрополитѣ. Ѳеогностъ за пріемъ опальнаго князя объявилъ Псковичамъ свою анаѳему. Послѣ этаго Александръ долженъ былъ оставить полюбившій его городъ и уѣхалъ въ Литву. Скоро впрочемъ онъ снова воротился и сталъ княжить въ Псковѣ. Понятно, что старое стремленіе Пскова получить церковную самостоятельность теперь особенно должно было усилиться; Псковичи выбрали себѣ въ епископы нѣкоего *Арсенія* и послали его для посвященія къ митрополиту. Ѳеогностъ отказалъ имъ, хотя особый епископъ дѣйствительно былъ нуженъ во Псковѣ и для церковныхъ интересовъ,—для устроенія псковской церкви и распространенія вѣры въ Литвѣ. Удѣльные князья были очень недовольны постоянною связью митрополита съ Москвой, но помѣшать этой связи не могли по своей слабости. Болѣе сильнаго противодѣйствія можно было ожидать только отъ Литвы и Польши, владѣвшихъ русскими землями. Дѣйствительно, по происканъ съ этой стороны и честолюбію разныхъ духовныхъ лицъ югозападной Руси, въ Константинополѣ порѣшили было открыть *особую митрополію въ Галичѣ* съ подчиненіемъ ей всѣхъ епископій Волыни,—владимірской, хелмской, перемышльской, луцкой и ту-

ровской; были уже тамъ и митрополиты, одинъ за другимъ покупавшіе себѣ санъ у Грековъ, *Ѳеодоръ* и *Ѳеодоритъ*. Но скоро единство русской церкви опять было возстановлено на константинопольскомъ соборѣ 1352 года, который осудилъ Ѳеодорита и объявилъ, что, хотя митрополитъ русскій и живетъ въ Москвѣ, но Кіевъ все таки остается его престольнымъ мѣстомъ. Въ Орду Ѳеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза. Во вторую поѣздку (1342 г.) его встрѣтили тамъ большія непріятности. Кто-то изъ Русскихъ сказалъ хану *Чанибеку*, что митрополитъ собираетъ большіе доходы съ духовенства и что у него много денегъ. Ханъ потребовалъ у него платежа со всего духовенства. Ѳеогностъ перенесъ всякія истязанія, настаивая на льготахъ духовенства по прежнимъ ярлыкамъ, раздарилъ до 600 рублей ханшѣ и разнымъ сильнымъ людямъ и воротился домой съ новымъ ярлыкомъ, которымъ утверждены были за церковію прежнія льготы. Митрополитъ умеръ въ 1353 году вмѣстѣ съ в. кн. *Симеономъ Гордымъ* отъ моровой язвы.

Споръ о митрополіи. Св. Алексѣй и Романъ. Избранный еще при жизни Ѳеогноста его преемникъ *св. Алексѣй* былъ изъ боярскаго рода Плещеевыхъ, родился въ 1300 г. и имѣлъ своимъ воспріемникомъ Калиту. Лѣтъ 20 онъ постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ. Послѣ 20-лѣтнихъ подвиговъ въ монастырѣ его замѣтилъ м. Ѳеогностъ и сдѣлалъ своимъ намѣстникомъ, а чрезъ 12 лѣтъ епископомъ владимірскимъ. По смерти Ѳеогноста св. Алексѣй поѣхалъ въ Грецію и былъ посвященъ въ митрополиты (1354 г.). Какъ видится, неоднократное поставленіе на митрополію русскихъ людей стало обращать на себя безпокойное вниманіе Грековъ; соборъ по случаю его поставленія сдѣлалъ замѣчательную оговорку, что Алексѣй поставляется митрополитомъ, какъ исключеніе, вслѣдствіе высокихъ личныхъ достоинствъ, но что впредь митрополиты должны посылаться на Русь непремѣнно изъ Грековъ.—Еще не выѣхалъ Алексѣй изъ Царяграда, какъ пріѣхалъ сюда новый кандидатъ на митрополію *Романъ*, присланный отъ литовскаго князя *Ольгерда*, который никакъ не хотѣлъ допустить церковнаго подчиненія своей страны московскому митрополиту, а хотѣлъ имѣть своего митрополита. Опасеніе, какъ бы Ольгердъ не сдѣлалъ вреда православію въ случаѣ отказа, и богатые дары заставили патріарха посвятить митрополитомъ и Романа. Оба митрополита явились на Русь и сотворился, по разсказу лѣтописца, мятежъ во святи-

тельствѣ. Алексѣй былъ принятъ въ Москвѣ, а Романъ въ Литвѣ и на Волыни; но ни тотъ, ни другой не довольствовались своими предѣлами, отъ обоихъ являлись въ епископіяхъ послы и была вездѣ тяжесть священному чину. Св. Алексѣй не уступалъ Роману Кіева, ѣздилъ туда и требовалъ тамъ себѣ подчиненія; Романъ точно также дѣлалъ распоряженія въ Твери, пользуясь тѣмъ, что *Михаилъ Александровичъ* тверской былъ родственникъ и союзникъ Ольгерда. Церковная смута прекратилась уже въ 1362 г. смертью Романа. И. Филоѳей опять сдѣлалъ опредѣленіе, чтобы Литва не отдѣлялась отъ всероссійскаго митрополита. Но св. Алексѣй былъ вовсе не такой первосвятитель, которымъ могли бы быть довольны въ въ Литвѣ и другихъ княжествахъ, не ладившихъ съ Москвой.

Участіе св. Алексія въ гражданскихъ дѣлахъ. Еще в. кн. Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ слушаться владыки Алексѣя и старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли. Дѣятельность Алексѣя въ отношеніи къ удѣльнымъ князьямъ показала, какъ онъ хотѣлъ добра дѣтямъ и внукамъ своего крестнаго отца Калиты. Въ правленіе в. кн. *Іоанна II* онъ былъ главнымъ совѣтникомъ в. князя и во всемъ ему содѣйствовалъ, а его содѣйствіе было очень важно по благоволенію къ нему хановъ. Въ Ордѣ очень уважали митрополита. Въ 1357 г., по случаю глазной болѣзни хапши *Тайдулы*, которой не могли вылечить ни знахари, ни волхвы татарскіе, ханъ Чанибекъ писалъ московскому князю: „мы слышали, что Богъ не отказываетъ молитвамъ главнаго попа вашего; отпустите его къ намъ, да исцѣлѣетъ его молитвами царица моя; если не отпустите, пойду опустошать землю вашу". Святитель отправился въ Орду и изцѣлилъ Тайдулу. Послѣ этаго его еще болѣе стали уважать въ Ордѣ. Въ томъ же году Чанибекъ умеръ; его сынъ свирѣпый *Бердибекъ* потребовалъ отъ русскихъ князей новой дани. По просьбѣ в. князя Алексѣй снова ѣздилъ въ Орду ходатайствовать за всю русскую землю. При содѣйствіи Тайдулы онъ укротилъ хана и воротился съ ярлыкомъ отъ него. При новомъ в. князѣ малолѣтнемъ *Димитріи Іоанновичѣ Донскомъ* митрополитъ былъ настоящимъ правителемъ государства и выручилъ Москву изъ довольно опасныхъ обстоятельствъ. Онъ помогъ Димитрію удержать великокняжеское достоинство, не смотря на соперничество его старшаго родича кн. *Димитрія Константиновича* суздальскаго. Нѣсколько времени спустя, митрополитъ вступился въ ссору суздальскихъ князей *Димитрія* и *Бориса* изъ-за Нижняго и звалъ

ихъ судиться въ Москву. Борисъ отказался, не желая признавать власти московскаго князя. Св. Алексѣй послалъ къ нему въ Нижній пр. *Сергія Радонежскаго* съ повелѣніемъ затворить всѣ церкви въ городѣ и этой сильной мѣрой смирилъ Бориса, заставилъ его уступить Нижній брату. При посредствѣ митрополита заключались княжескіе договоры; онъ употреблялъ свою духовную силу и для того, чтобы заставить князей соблюдать эти договоры, предавалъ отлученію тѣхъ изъ нихъ, которые вступали противъ Москвы въ связь съ Литвой.

Новый споръ о митрополіи. М. Кипріанъ. Постоянная связь митрополита съ Москвой должна была возбуждать къ нему сильную непріязнь въ Литвѣ и Польшѣ. Въ 1371 г., не смотря на прежнія опредѣленія о единствѣ митрополіи, п. Филоѳей уступилъ настояніямъ польскаго короля *Казимира* и далъ Галичу особаго митрополита *Антонія*. Въ тоже время Ольгердъ писалъ патріарху, что никогда не бывало такого тяжелаго митрополита на Руси, какъ св. Алексѣй, никогда не посѣщаетъ Кіева и Литвы, не любитъ русскихъ князей, кромѣ одного московскаго, съ благословенія его Москва обидѣла его Ольгердова шурина Михаила тверскаго и зятя Бориса нижегородскаго, съ литовскихъ перебѣжчиковъ на московскую сторону митрополитъ снимаетъ крестное цѣлованіе и проч.; въ заключеніе просилъ поставить особаго митрополита въ Кіевъ, Малую Россію, Литву, Смоленскъ, Тверь и Нижній, т. е. во всѣ города, враждовавшіе съ Москвой. Филоѳей уступилъ и этой просьбѣ и въ 1376 г. поставилъ митрополитомъ кіевскимъ Серба *Кипріана*. Въ Россіи стало разомъ три митрополита. Для поддержанія единства митрополіи, о которомъ прежде такъ много толковали въ Греціи, патріархъ только опредѣлилъ, чтобы Кипріанъ снова соединилъ подъ своей властью всю Русь послѣ смерти Алексѣя.

Архимандритъ Митяй. Понятно, что въ Москвѣ были очень недовольны поставленіемъ Кипріана, особенно назначеніемъ его въ преемники св. Алексѣю безъ согласія в. князя. Престарѣлый святитель хотѣлъ назначить себѣ преемникомъ пр. Сергія, но смиренный подвижникъ рѣшительно отказался отъ этой чести. Тогда в. князь замѣтилъ на митрополію своего духовника и любимца священника *Митяя* (Михаила). Это былъ человѣкъ видной наружности, съ громкой и чистой рѣчью, хорошо толковавшій силу книжную, знавшій всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи, разсуждавшій краснорѣчиво во всѣхъ судахъ и дѣлахъ. В. князь уговорилъ его

постричься въ монахи и въ самый день пострижения велѣлъ его сдѣлать архимандритомъ московскаго Спасскаго монастыря. Не смотря на то, что Алексѣй никакъ не соглашался признать Митяя своимъ преемникомъ, едва только святитель скончался (въ 1378 г.), какъ Митяй вошелъ на митрополичій дворъ, облекся въ святительское одѣяніе, началъ всѣмъ распоряжаться и собирать митрополичью дань. Много явилось людей, которые не желали его имѣть митрополитомъ; монахи даже молили Бога спасти отъ него русскую церковь. Больше другихъ говорилъ противъ него епископъ суздальскій *св. Діонисій*. Митяй разсердился, запальчиво потребовалъ отъ него отвѣта, почему не является къ нему на поклонъ. „Ты долженъ мнѣ поклониться, отвѣчалъ Діонисій, потому что я епископъ, а ты попъ“.—Я тебя и попомъ не оставлю, закричалъ Митяй. Своими руками спорю твои скрижали.—Узнавъ, что Діонисій самъ намѣренъ отправиться въ Грецію за самомъ митрополита, Митяй съ в. княземъ посадили его подъ стражу. Пр. Сергій выпросилъ его себѣ на поруки, при чемъ Діонисій далъ слово не ѣздить въ Грецію. Но онъ не сдержалъ этаго слова и уѣхалъ не болѣе, какъ черезъ недѣлю послѣ своего освобожденія. Митяй страшно разсердился на него и на Сергія; Сергій даже боялся, какъ бы не раззорили его обители. Между тѣмъ изъ Кіева ѣхалъ м. Кипріанъ, который долженъ былъ занять теперь всю митрополію въ силу опредѣленія константинопольскаго собора при его поставленіи. Пр. Сергій послалъ отъ себя пословъ встрѣчать его. Но в. князь видѣлъ въ Кипріанѣ избранника Ольгерда и съ безчестіемъ выгналъ его изъ Москвы. Послѣ всего этаго Митяй двинулся въ Грецію съ огромной и блестящей свитой, съ дарами и деньгами греческимъ іерархамъ и съ нѣсколькими бланками, скрѣпленными печатью в. князя, для написанія въ случаѣ недостачи денегъ кабалы или векселя. Но уже при самомъ концѣ дороги въ виду Константинополя онъ внезапно умеръ въ 1379 году.

Споръ о митрополіи между Пименомъ и Кипріаномъ. Послѣ смерти Митяя одинъ архимандритъ изъ его свиты *Пименъ* склонилъ своихъ спутниковъ хлопотать о посвященіи его вмѣсто Митяя. На бланкѣ за в. княжеской печатью написали прошеніе отъ имени в. князя о поставленіи Пимена. П. *Нилъ* и императоръ сначала отказали въ этой просьбѣ, ссылаясь на то, что въ Россію уже давно посвященъ на митрополію Кипріанъ. Но послы, воспользовавшись другою бланкою, заняли денегъ у Венеціанъ, раздарили до 20,000 рублей

и таки достигли своей цѣли. В. князь, узнавъ о смерти Митяя и обманѣ Пимена, пригласилъ въ Москву Кипріана, а Пимена по его возвращеніи велѣлъ заточить. Но чрезъ нѣсколько времени оказалось, что онъ сдѣлалъ это единственно подъ вліяніемъ гнѣва на Пимена; къ самому Кипріану, какъ избраннику литовскаго князя, онъ вовсе не имѣлъ довѣрія. Во время нашествія на Москву *Тохтамыша* м. Кипріанъ удалился изъ Москвы въ Тверь, какъ извѣстно союзную съ Литвой и враждебную Москвѣ. Послѣ этаго в. князь велѣлъ ему опять отправиться въ Кіевъ, а на московскую митрополію пригласилъ Пимена. Но такъ какъ и этотъ митрополитъ былъ ему не угоденъ, то онъ въ тоже самое время отправилъ въ Грецію для поставленія въ митрополиты Діонисія. Діонисій дѣйствительно былъ поставленъ и уже ѣхалъ обратно въ Москву, какъ былъ задержанъ въ Литвѣ. Въ 1385 г. онъ скончался въ литовской тюрьмѣ.—Между тѣмъ и Кипріанъ съ Пименомъ ѣздили въ Грецію тягаться о митрополіи предъ патріархомъ. Дѣло рѣшено въ пользу Кипріана. Всѣ обстоятельства теперь повернулись въ его пользу; въ 1389 году умеръ недоброжелательный къ нему в. князь Димитрій Донской; умеръ и низложенный Пименъ. „И преста, говоритъ лѣтописецъ, мятежъ въ митрополіи и бысть едина митрополія, Кіевъ и Галичъ и всея Руси“. Извѣстіе это впрочемъ не вполнѣ справедливо; въ Галичѣ остался особый митрополитъ Антоній.

М. Кипріанъ. Правленіе м. Кипріана все прошло въ мирѣ. Согласіе его съ в. княземъ *Василіемъ Димитріевичемъ* не прерывалось ни разу, а такъ какъ в. князь былъ въ постоянномъ мирѣ съ литовскимъ княземъ *Витовтомъ* (его тестемъ), то и въ Литвѣ перестали хлопотать объ особомъ митрополитѣ. Въ Орду не было уже надобности ѣздить, потому что послѣ княженія Донскаго она перестала быть страшною для Руси, хотя и старалась подновить этотъ страхъ нашествіями *Тохтамыша*, *Тамерлана* и *Эдигея*. Ярлыкъ хана, данный Митяю въ 1379 году, былъ послѣднимъ. Съ этаго времени наши митрополиты обращаются за льготами и покровительствомъ къ своимъ в. князьямъ. Св. Кипріанъ умеръ въ 1406 г. и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ послѣ св. Петра погребались всѣ русскіе митрополиты.

М. Фотій. Непосредственно послѣ его смерти снова начинается раздѣленіе въ русской церкви, потому что Москва была тогда опять въ разрывѣ съ Литвой. Когда в. кн. Василій послалъ въ Грецію просьбу о присылкѣ новаго митропо-

лита,. Витовтъ съ своей стороны послалъ туда своего кандидата, полоцкаго епископа *Ѳеодосія*, съ просьбой посвятить его и обязать непремѣнно жить въ Кіевѣ. На этотъ разъ въ Константинополѣ посовѣстились поступать такъ, какъ поступали до этаго, ставя по 2 и по 3 митрополита заразъ. Витовту было отказано, а по просьбѣ Василія послали митрополитомъ на Русь строгаго инока изъ Морей *Фотія*. Витовтъ сначала не хотѣлъ его принимать, но потомъ принялъ съ условіемъ, чтобы онъ жилъ не въ Москвѣ, а непремѣнно въ Кіевѣ. Фотій дѣйствительно прожилъ въ Кіевѣ больше полгода, но потомъ все-таки уѣхалъ въ Москву (1410 г.). Новый первосвятитель былъ строгій ревнитель церковныхъ правъ, отличался практическимъ, хозяйственнымъ духомъ. Послѣ четырехлѣтняго отсутствія митрополита въ Москвѣ и послѣ Эдигеевскаго нашествія, которое недавно ее постигло, Фотій нашелъ въ ней много безпорядковъ. Домъ митрополичій былъ опустошенъ; владѣнія его, села и угодья, были расхищены разными сильными лицами; много попало и въ в. княжескую казну. Фотій началъ собирать расхищенное, обидѣлъ этимъ многихъ бояръ и самаго в. князя. Между тѣмъ и Витовтъ сильно разсердился на него за отъѣздъ изъ Кіева. Въ 1411 году Фотій посѣтилъ Литву, но только еще болѣе повредилъ себѣ тамъ, вооруживъ противъ себя много людей, вѣроятно такими же хозяйственными распоряженіями, какія произвели противъ него негодованіе въ Москвѣ.

Григорій Семивлахъ. Въ 1414 г. Витовтъ собралъ соборъ изъ литовскихъ епископовъ и настоялъ на избраніи новаго митрополита для Литвы. Избранъ *Григорій Цамблакъ* или *Семивлахъ*; онъ былъ родомъ Серб, племянникъ м. Кипріана, жилъ сначала въ разныхъ духовныхъ должностяхъ въ Болгаріи, Сербіи, Молдовлахіи, потомъ отправился въ Москву къ дядѣ, но, не заставъ его въ живыхъ, поселился въ южной Россіи, гдѣ пріобрѣлъ большую славу своей ученостію и краснорѣчіемъ. Въ Греціи не желали разрыва съ митрополитомъ Грекомъ и в. княземъ московскимъ, который былъ теперь очень нуженъ для бѣдствующей Греціи и кромѣ того только что породнился съ императ. *Мануиломъ* (чрезъ бракъ своей дочери съ сыномъ Мануила), и отказали Витовту. Витовтъ снова собралъ соборъ, говорилъ на немъ о разоренія церкви отъ московскаго митрополита, жаловался на корыстолюбіе Грековъ, которые ставятъ митрополита по покупу, кто больше дастъ денегъ, и требовалъ, чтобы епископы сами поставили себѣ митрополита. Фотій спѣшилъ въ Литву ула-

дить дѣло; но Витовтъ не хотѣлъ его и видѣть, а на возвратномъ пути велѣлъ отнять у него всю церковную дань, которую митрополитъ собралъ проѣздомъ въ Литвѣ, кромѣ того велѣлъ переписать всѣ имѣнія кіевской митрополіи, выгналъ изъ нихъ намѣстниковъ Фотія и роздалъ часть земель своимъ панамъ. Послѣ вторичнаго отказа въ Греціи соборъ литовскихъ епископовъ посвятилъ Григорія безъ согласія патріарха. Старался оправдать свой поступокъ, соборъ выдалъ окружную грамоту, въ которой указывалъ на то, что Фотій пренебрегалъ кіевской половиной своей митрополіи, заботясь только о собираніи здѣсь своей дани, что они, западные епископы, поставили себѣ митрополита по примѣру Болгаръ, Сербовъ и самихъ Русскихъ (при Изяславѣ) и по уставу апостольскому, что не думали этимъ разрывать связи съ церковію греческою, а только хотѣли избѣжать безпорядковъ и насилія отъ греческаго царя, отъ котораго зависитъ поставленіе митрополита напоминали о томъ, какіе безпорядки, смуты и безчестіе для всей церкви русской Греки произвели поставленіемъ Кипріана, Пимена и Діонисія, заботясь только о серебрѣ и золотѣ. Витовтъ тоже выдалъ окружную грамоту, въ которой тоже бранилъ Грековъ и Фотія. „Мы не вашей вѣры, писалъ онъ, и если бы хотѣли, чтобы ваша вѣра у насъ истреблялась, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но когда митрополита или какого епископа нѣтъ, мы бы намѣстника своего держали, а церковный доходъ брали бы себѣ. Но, желая, чтобы вѣра ваша не истреблялась, мы поставили соборомъ митрополита на Кіевъ, чтобы русская честь вся стояла на своей землѣ". Фотій также разослалъ свои окружныя посланія, въ которыхъ защищалъ Грековъ, порицалъ избраніе и поставленіе Григорія и требовалъ, чтобы православные не имѣли съ нимъ никакого общенія, какъ съ отлученнымъ и проклятымъ. Судя по сочиненіямъ Григорія, онъ былъ пастырь православный и ревнитель православія. Объ немъ извѣстно еще, что въ 1414 г. по желанію Витовта онъ былъ на констанцскомъ соборѣ, который между прочимъ имѣлъ цѣлію обсудить вопросъ о соединеніи церквей, предложенный имп. Мануиломъ, но разошелся, даже не начавъ этого обсужденія. Не смотря на проклятіе Фотія, Григорій оставался митрополитомъ до самой смерти († 1419 г.). Уже послѣ смерти его Витовтъ снова помирился съ Фотіемъ и обѣ половины русской церкви опять соединились подъ властью одного митрополита.

Въ послѣдніе годы своей жизни, Фотій оказалъ сильное

вліяніе на гражданскія дѣла. Въ 1425 году в. кн. Василій умеръ, оставивъ малолѣтняго сына *Василія*. Братъ покойнаго *Юрій* звѣнигородскій предъявилъ свои права на в. княженіе. Фотій крѣпко сталъ за Василія, утверждая новый московскій порядокъ престолонаслѣдія по нисходящей линіи, а не по старшинству, какъ въ старое время. Своей духовной властью онъ успѣлъ удержать Юрія отъ усобицы на все время своего святительства. Едва онъ умеръ (1430 г.), какъ эта усобица вспыхнула съ небывалой силой. Она много поддерживалась и ожесточалась тѣмъ, что долгое время послѣ Фотія не было новаго митрополита, который бы поддержалъ своимъ вліяніемъ в. князя и могъ дать ручательство въ безопасности удѣльнымъ князьямъ. Недаромъ побѣжденные князья, заключая миръ съ в. княземъ, выговаривали себѣ условіе не ѣздить къ нему въ Москву, пока тамъ не будетъ митрополита.

Новыя замышательства въ церкви. М. Исидоръ. Въ 1433 г. в. князь и соборъ епископовъ нарекли митрополитомъ *св. Іону* епископа рязанскаго. Онъ былъ родомъ изъ Солигалича, съ 12 лѣтъ постригся въ одномъ галичскомъ монастырѣ, потомъ жилъ въ Симоновомъ московскомъ монастырѣ, гдѣ его узналъ м. Фотій и предсказалъ о немъ, что онъ будетъ великимъ святителемъ. За высокое благочестіе онъ былъ поставленъ на епископію въ Рязань. Между тѣмъ въ Литвѣ выбрали своего кандидата на митрополію, смоленскаго епископа *Герасима*. Въ 1434 году онъ уже воротился изъ Греціи митрополитомъ всея Россіи; но въ Москвѣ ему не удалось и побывать, потому что въ слѣдующемъ же году литовскій князь *Свитригайло*, преемникъ Витовта, сожегъ его въ Витебскѣ по подозрѣнію въ измѣнѣ. Послѣ его смерти Іона отправился въ Грецію за посвященіемъ; но когда прибылъ туда, импер. *Іоаннъ Палеологъ* и п. *Іосифъ* встрѣтили его сожалѣніемъ, что онъ опоздалъ, что въ Россію уже уѣхалъ м. *Исидоръ*, и обѣщали ему митрополію только послѣ Исидора.

М. Исидоръ. Новый митрополитъ былъ орудіемъ императора и патріарха, замыслившихъ *флорентійскую унію*; едва явился въ Россію, какъ началъ уже собираться на флорентійскій соборъ. В. князь долго не пускалъ его, потомъ отпустилъ съ строгимъ наказомъ не приносить съ этаго, якобы VIII вселенскаго, собора ничего новаго и чужаго. На соборѣ Исидоръ явился ревностнымъ борцомъ за папу и унію. Папа *Евгеній* сдѣлалъ его за это „легатомъ отъ ребра апостольскаго въ земляхъ лифляндскихъ, литовскихъ и русскихъ“. На

возвратномъ пути Исидоръ еще съ дороги разослалъ по Россіи окружное посланіе объ уніи, призывая христіанъ обоихъ исповѣданій безразлично ходить въ православные и латинскіе храмы и пріобщаться одинаково въ тѣхъ и другихъ. На первой же литургіи въ Москвѣ онъ явился съ преднесеніемъ латинскаго креста, поминалъ папу вмѣсто патріарховъ, а послѣ литургіи велѣлъ читать актъ уніи, изъ котораго узнали, что Духъ св. исходитъ „и отъ Сына“, что хлѣбъ квасный и опрѣснокн въ евхаристіи все равно и проч. В. князь тутъ же въ соборѣ назвалъ его латинскимъ прелестникомъ, волкомъ, и велѣлъ посадить подъ стражу. Въ 1441 г. онъ былъ осужденъ соборомъ русскихъ епископовъ. Въ слѣдующемъ году онъ бѣжалъ изъ-подъ стражи въ Римъ. Это былъ послѣдній митрополитъ Грекъ въ Россіи. Произведенный имъ соблазнъ, смуты въ Греціи изъ-за уніи, потомъ разрушеніе имперіи Турками, а съ другой стороны усиленіе Россіи необходимо должны были повести къ перемѣнѣ въ отношеніяхъ русской церкви къ греческой и содѣйствовать развитію самостоятельности русской митрополіи.

Св. Іона. Послѣ сверженія Исидора в. князь послалъ въ Грецію пословъ съ прошеніемъ о поставленіи въ Россію митрополита; но, узнавъ, что императоръ съ патріархомъ приняли унію, воротилъ свое посольство назадъ. Дѣло о поставленіи Іоны затянулось и потому, что въ Россіи шла сильная усобица между в. княземъ и двоюродными братьями, дѣтьми Юрія звенигородскаго, сопровождавшаяся большими жестокостями, плѣномъ и ослѣпленіемъ Василія отъ одного изъ братьевъ, *Дмитрія Шемяки*. Во время всей этой усобицы духовенство крѣпко стояло за в. князя, всѣми силами содѣйствуя побѣдѣ Москвы и самодержавія надъ старымъ удѣльнымъ порядкомъ. Св. Іона усердно дѣйствовалъ въ пользу Василія противъ Шемяки, не смотря на то, что послѣдній очень чествлъ его и, завладѣвъ Москвой, ввелъ его въ полное управленіе дѣлами митрополіи. Заточивъ в. князя въ Угличъ, Шемяка хотѣлъ овладѣть и его дѣтьми, обманулъ Іону обѣщаніемъ безопасности для нихъ, уговорилъ его принять ихъ отъ родныхъ и приверженцевъ на святительскую епитрахиль и привести въ Москву для пожалованія ихъ удѣлами, но потомъ заточилъ ихъ вмѣстѣ съ отцемъ въ Угличъ. Іона сильно обличалъ его за такой обманъ. Между тѣмъ около Василія собрались его приверженцы и уговорили его идти противъ Шемяки. Кирилловскій игуменъ *Трифонъ* разрѣшилъ в. князя

отъ присяги, данной Шемякѣ. Послѣдній долженъ былъ уступить и обязался не домогаться велико-княжескаго престола; но не исполнилъ своего обязательства и продолжалъ свою вражду съ Василіемъ. Тогда соборъ архипастырей послалъ къ нему грозное посланіе о повиновеніи в. князю; въ этомъ посланіи осуждается весь удѣльный порядокъ вещей, осуждается поведеніе Юрія, поведеніе Шемяки сравнивается съ поведеніемъ Каина и Святополка, въ заключеніе Шемякѣ, если онъ не покорится в. князю, объявляется отлученіе отъ церкви и проклятіе. Въ 1448 г. Іона былъ наконецъ поставленъ въ митрополиты соборомъ русскихъ пастырей. Въ Грецію послана грамота, въ которой объяснялось, что русская церковь не разрываетъ союза съ греческою, что поставленіе митрополита совершено въ Россіи по великой нуждѣ отъ Турковъ, неудобству сношеній, да и потому, что въ Россіи не извѣстно даже, есть ли патріархъ въ Царѣградѣ. Въ 1453 г. Царьградъ былъ взятъ Турками. Іона утѣшилъ п. *Геннадія* посылкой даровъ и прислалъ у него благословенія. Вѣроятно, въ это время русской церкви дано было право поставлять митрополита независимо отъ греческой церкви; русская митрополія поставлена выше всѣхъ, первою послѣ іерусалимскаго патріархата. Въ званіи митрополита Іона продолжалъ свою дѣятельность въ пользу в. князя. Въ окружной грамотѣ о своемъ поставленіи онъ обличалъ клятвопреступленіе Шемяки, увѣщевалъ всѣхъ быть вѣрными в. князю, а непокорнымъ угрожалъ своей святительской клятвой, послалъ съ соборомъ епископовъ лично ходилъ увѣщевать Шемяку. Когда послѣдній, лишившись удѣла, бѣжалъ въ Новгородъ, митрополитъ и туда посылалъ свои грамоты къ нему и ко всѣмъ гражданамъ. Смута кончилась только смертью Шемяки въ 1453 году.

Разъединеніе митрополій. Другой заботой св. Іоны были дѣла литовскія. Въ литвѣ, подъ властью князя католика, флорентійская унія не прошла безслѣдно, какъ въ московской Руси. Въ 1458 г. патріархъ *Григорій*, отъѣхавшій изъ Греціи въ Римъ, посвятилъ въ митрополиты на Русь ученика Исидорова *Григорія*. Въ Москвѣ этимъ сильно обезпокоились; в. князь и митрополитъ писали къ королю и народу грамоты, умоляя не раздѣлять церкви русской. Соборъ великорусскихъ епископовъ, собравшись въ Москвѣ, клялся не отступать отъ св. *московской* церкви и опредѣлилъ на будущее время избирать митрополитовъ въ Москвѣ, по повелѣнію в. князя и безъ сношенія съ Греками. Здѣсь въ первый разъ упоминается о

московской церкви въ отличіе отъ кіевской. Послѣдовало окончательное раздѣленіе митрополіи; митрополиты стали титуловаться по главнымъ городамъ своихъ областей, московскимъ и кіевскимъ. М. Іона умеръ въ 1461 году. Въ слѣдующемъ году умеръ и в. князь, оставивъ престолъ сыну своему *Іоанну III.*

Отношеніе между церковію и государствомъ. Во все описываемое время митрополиты большею частію были изъ Русскихъ и отличались обширною патріотическою дѣятельностію, какой не видѣмъ прежде во время господства іерарховъ Грековъ; самое видное мѣсто между ними занимаютъ святые Петръ, Алексѣй и Іона. Русское духовенство, имѣя во главѣ такихъ людей, выручило Москву изъ всѣхъ ея опасностей со стороны удѣловъ. Іерархія постоянно была связующимъ средоточіемъ всѣхъ русскихъ земель,—на сколько могла, до послѣдняго времени поддерживала связь съ Россіей даже ея западной половины, оторванной владычествомъ чуждыхъ князей; пока наконецъ гражданское раздѣленіе не повлекло за собой раздѣленія самой церкви. Замѣчательно при этомъ, что, храня и укрѣпляя юное государство, іерархія вовсе не старалась изъ своего сильнаго вліянія на князей извлечь для себя независимости отъ свѣтской власти и самостоятельной постановки въ государствѣ, какъ этаго добивались средневѣковые іерархи римской церкви. Оставивъ отдаленный отъ сильныхъ князей Кіевъ, митрополиты сами стремятся подъ покровъ мірской силы во Владиміръ, потомъ въ Москву, усиливаютъ князя, у котораго живутъ, не пользуются раздорами князей для возвышенія своихъ правъ, а неуклонно стараются объ утвержденіи общаго мира и общаго подчиненія всѣхъ единому в. князю.

В. князья понимали, что для нихъ значили митрополиты, и оказывали имъ высокое уваженіе и полное довѣріе. Они звали митрополита отцемъ, со всѣмъ съ нимъ совѣтовались, всѣ дѣла дѣлали съ его благословенія. Всѣ княжескія грамоты начинаются словами: „по благословенію отца нашего митрополита", скрѣпляются митроличей подписью и печатью; предъ митрополитомъ князья давали свое крестное цѣлованіе другъ другу и разбирали свои споры; въ договорныхъ грамотахъ писалось: „а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ, а кого онъ обвинитъ, ино обидное отдати". Понятно, что верховная власть, воспитывавшаяся подъ руководствомъ іерархіи, привыкала дѣйствовать на основаніи не столько юридическихъ, сколько нравственныхъ началъ, считала своимъ

долгомъ простирать свое вліяніе не только на гражданскія отношенія подвластныхъ ей, но и на ихъ религіозно-нравственную жизнь, а чрезъ это получала обширное вліяніе и на церковныя дѣла. Такой характеръ ея дѣятельности былъ совершенно согласенъ съ духомъ всѣхъ пастырскихъ наставленій князьямъ и властелямъ, поставлявшихъ гражданскую власть въ необходимость заботиться о поддержаніи религіи и нравственности въ обществѣ, и съ патріархальнымъ характеромъ древней государственности, гдѣ право и мораль находились еще въ первобытномъ смѣшеніи. Митрополиты отъ того и усиливали власть в. князя, что онъ былъ послушнымъ сыномъ церкви, которая сама была душою государства. Но вотъ власть в. князя окрѣпла, стала меньше нуждаться въ подпорѣ и руководствѣ церковной власти. Въ одно время видимъ даже перемѣну положеній между ними; если прежде князей было много, а митрополитъ былъ одинъ, то въ XIV в. наоборотъ сильный князь является одинъ, а митрополитовъ 2—3; представилась возможность выбора между ними, значеніе митрополита отъ этаго ослабѣло, а власть в. князя усилилась. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ всего этаго было то, что прежнее участіе верховной власти въ церковныхъ дѣлахъ подъ руководствомъ іерархіи, участіе вспомогательное и служебное, обращалось въ независимое отъ іерархіи, самостоятельное. Воспитывая верховную власть въ религіозномъ духѣ, іерархія такимъ образомъ сама подготовляла свою зависимость отъ нея. Избраніе Митяя, поступки Донскаго съ Пименомъ и Кипріаномъ, удаленіе ихъ съ каѳедры безъ церковнаго суда были уже выразительнымъ знаменіемъ новаго порядка вещей, который развился потомъ въ московскомъ государствѣ. Развитію его много способствовало и то, что со времени Іоны митрополитъ пересталъ подчиняться посторонней византійской власти, поставлялся дома *своими* епископами и самъ вполнѣ сдѣлался *своимъ*.

Изъ *юридическихъ памятниковъ*, опредѣлявшихъ *значеніе церковной власти*, первое мѣсто занимаютъ уставы прежнихъ князей о церковномъ судѣ, которые въ XIII вѣкѣ были уже внесены въ Кормчія. За ними идетъ рядъ ханскихъ ярлыковъ, содержаніе которыхъ уже извѣстно. Съ ослабленіемъ монгольской власти митрополиты начали выпрашивать грамоты у в. князей. Замѣчательно, что княжескія грамоты содержатъ въ себѣ уже ограниченія прежнихъ правъ и льготъ церкви какъ въ сравненіи съ древними уставами, такъ и съ ярлыками. Первая такая грамота дана м. Кипріану въ 1404 г. Василіемъ Димитріе-

вичемъ. Люди, живущіе во владѣніяхъ митрополита, по прежнему освобождаются здѣсь отъ податей и повинностей и отъ суда княжескихъ судей, но уже съ нѣкоторыми исключеніями въ томъ и другомъ случаѣ; они должны платить ордынскій выходъ, ставить лошадей на ямы, платить тамгу съ торга, кромѣ торга своими произведеніями, участвовать въ повинности военной; на войну митрополитъ долженъ ставить свой полкъ съ воеводою подъ стягъ (знамя) в. князя. По суду церковные люди подчинены митрополиту, но если дѣло коснется княжаго и митрополичьяго человѣка вмѣстѣ, то и судъ общій, митрополита и в. князя; въ случаѣ отсутствія митрополита судитъ одинъ в. князь, а прибыткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; по челобитьямъ на митрополичья намѣстника, десятинника или волостеля князь судитъ самъ. Ограниченъ и объемъ церковнаго вѣдомства въ интересахъ княжеской казны; митрополитъ не можетъ ставить въ попы и дьяконы слугъ в. князя и тяглыхъ людей;—это было между прочимъ причиной, почему на духовныя мѣста поступали большею частію духовные же люди. Поповичъ, отдѣлившійся отъ отца, выходилъ изъ церковнаго вѣдомства, становился человѣкомъ в. князя.

Митрополичій домъ. Церковная власть митрополита простиралась на всю русскую церковь; кромѣ того у него была особая собственная *епархія* очень обширная. Она раздѣлялась на двѣ части московскую и кіевскую. Въ той и другой митрополитъ имѣлъ много *вотчинныхъ* земель отъ прежней кіевской каѳедры и отъ богатой владимірской епископіи, деревни, села, слободы и даже города, напр. г. Алексинъ съ уѣздомъ. Изъ своихъ обширныхъ вотчинъ митрополиты могли сами давать вотчины монастырямъ своей постройки; наприм. св. Алексій завѣщалъ своему Чудову монастырю 12 селъ и нѣсколько деревень. Кромѣ вотчинныхъ доходовъ митрополиты получали значительные *церковные доходы*. Отъ поставленія епископовъ имъ шли *ставленыя* пошлины и кромѣ того дары какъ отъ поставленнаго, такъ и отъ его епархіи. Во время своихъ поѣздокъ по митрополіи митрополитъ получалъ много даровъ, а духовенство кромѣ того вездѣ платило ему *подъѣздъ* на содержаніе его со свитой и ставило подводы. Важную статью его дохода составляли *судныя* пошлины какъ съ духовенства, такъ и съ мірянъ за церковный судъ. Въ своей епархіи митрополиты, какъ и всѣ архіереи, получали со всѣхъ церквей *дань*, петровскіе и рождественскіе *сборы*, *подъѣздъ*, *ставленыя*, сборъ на своихъ

десятильниковъ и другихъ служилыхъ и домовыхъ *людей*. При такихъ средствахъ каѳедра русскаго митрополита по богатству занимала первое мѣсто въ константинопольскомъ патріархатѣ и была предметомъ домогательствъ. Патріархи и императоры смотрѣли на нее, какъ на весьма важный источникъ своихъ доходовъ, сильно старались о продолженіи ея зависимости отъ Греціи и замѣщеніи ея своими кандидатами, потому что митрополиты Греки пересылали изъ Россіи въ Грецію большія суммы. На свои богатыя средства первосвятители наши, особенно изъ Русскихъ, строили многія церкви и монастыри и совершали дѣла благотворительности. *Дворъ митрополичій* былъ устроенъ, какъ дворъ удѣльнаго князя, имѣлъ своихъ бояръ, отроковъ, слугъ, стольниковъ, печатниковъ, конюшихъ и др. чины; у митрополита былъ свой полкъ съ особымъ воеводой. Для управленія митрополіею были особые духовные и свѣтскіе органы митрополичьей власти. Въ Кіевѣ всѣми дѣлами завѣдывали *намѣстники* митрополита изъ духовныхъ лицъ. Разныя судныя и административныя дѣла поручались протопопамъ и архимандритамъ. Для церковнаго суда и сборовъ съ духовенства были назначены изъ мірскихъ людей *десятинники*, поставлявшіеся надъ округами изъ нѣсколькихъ приходовъ (десятинами), а для вотчиннаго управленія волостями—*волостели*.

Архіерейскіе домы. По этому же образцу было устроено управленіе и во всѣхъ епархіяхъ. Въ нихъ были тѣже десятинники, волостели и др. чины, даже намѣстники у престарѣлыхъ владыкъ. У всѣхъ архіерейскихъ каѳедръ были тѣже доходы, какъ и у каѳедры митрополита. Всѣхъ богаче былъ обстановленъ владыка новогородскій; у него были большія вотчинныя владѣнія, даже одинъ городъ Молтовицы; жилъ онъ въ богатыхъ палатахъ, имѣлъ своихъ бояръ, стольниковъ, казначея, волостелей, множество слугъ и особый полкъ. Между другими владыками онъ занималъ первое мѣсто и носилъ титулъ архіепископа, который имѣли еще только епископы суздальскіе послѣ св. Діонисія, и то не всѣ, и ростовскіе. Нѣкоторые іерархи другихъ епархій удостоивались его только лично.

Епархіальное дѣленіе Руси. Послѣ нашествія Монголовъ и перенесенія митрополіи на сѣверъ нѣкоторыя епархіи были упразднены, какъ-то: черниговская, переяславльская, бѣлогородская и юрьевская; владимірская вошла въ составъ епархіи митрополита. Другія,—брянская, коломенская, луцкая, звѣнигородская, сарайская,—открылись вновь; съ возвышеніемъ княже-

ства тверскаго и суздальскаго въ нихъ явились отдѣльныя епархіи—въ Твери около 1271 г., въ Суздалѣ около 1347; по случаю распространенія христіанства на сѣверѣ открыта епархія въ Перми (1383 г.). Всѣхъ епархій было 18,—9 на сѣверѣ и 3 на югѣ. Предѣлы ихъ, какъ и прежде, большею частію совпадали съ предѣлами княжествъ. Неопредѣленность удѣльныхъ границъ или расширеніе предѣловъ епархіи въ чужой удѣлъ вели къ спорамъ между архіереями. Такъ, по неопредѣленности границъ рязанскаго княжества на водораздѣлѣ Оки и Дона, въ правленіе митрополитовъ Алексія и Ѳеогноста, шелъ споръ объ епархіальныхъ границахъ между архіереями рязанскимъ и сарайскимъ. Между суздальскимъ епископомъ и митрополитомъ возникъ споръ изъ-за Нижняго и Городца, которые были городами суздальскаго княжества, а причислялись къ епархіи московской; м. Алексій удержалъ ихъ за собою, но по смерти его Діонисій суздальскій выпросилъ ихъ у патріарха себѣ; въ 1394 г. м. Кипріанъ опять присоединилъ ихъ къ митрополичей епархіи.

Ослабленіе удѣльнаго вліянія на церковное управленіе. Послѣ ослабленія власти удѣльныхъ князей епископовъ все чаще и чаще стали назначать прямо изъ Москвы. При Василіѣ Темномъ такой порядокъ замѣщенія епископскихъ каѳедръ по распоряженію митрополита и безъ избранія мѣстнаго князя и народа получилъ законное утвержденіе на соборѣ. Централизація государственная такимъ образомъ повела за собой и церковную. Епископы по прежнему стояли во главѣ удѣльныхъ событій, но, потерявъ выборное значеніе, они постепенно теряли и свои мѣстныя симпатіи, стали тянуть къ одному общему центру Руси, гдѣ стоялъ столъ в. князя и каѳедра ихъ общаго отца митрополита. Противъ Шемяки во имя московскаго единодержавія дѣйствовалъ уже весь соборъ русскихъ святителей.—Вслѣдствіе той же московской централизаціи ослабѣло вліяніе на владыкъ князей и народа. Примѣры произвольнаго суда надъ іерархами встрѣчаемъ только въ началѣ описываемаго времени, когда сила Москвы была еще слаба, или въ мѣстностяхъ, гдѣ еще уцѣлѣлъ старый вѣчевой укладъ. Такъ, въ 1295 г. кн. Константинъ ростовскій схватилъ ростовскаго епископа *Тарасія* и побилъ его людей, неизвѣстно за что. Въ 1388 г. Ростовцы выгнали отъ себя *св. Іакова* по подозрѣнію въ нечистой жизни. Въ Муромѣ народъ возсталъ на своего епископа *св. Василія* по такому же подозрѣнію и заставилъ его удалиться въ Рязань; съ этаго времени

(конца XIII в.) муромская епископія стала рязанскою. Кромѣ этихъ исключительныхъ случаевъ, въ которыхъ выразилась сила удѣльнаго уклада, судъ надъ епископами и лишеніе ихъ каѳедръ принадлежали власти митрополита и собора епископовъ. Со времени усиленія Москвы князья, желая освободиться отъ нелюбимаго епископа, считали уже нужнымъ обращаться съ жалобой на него къ митрополиту. Въ своихъ настольныхъ грамотахъ епископы обязывались во всемъ повиноваться первосвятителю, наблюдать его пошлины въ своемъ предѣлѣ, являться къ нему по первому зову для суда или на соборъ; при поставленіи каждый новый епископъ объявлялъ, что онъ никому ничего не далъ и не дастъ за свое поставленіе. Всѣ святители величали митрополита „отцемъ“, за названіе „братомъ“ подвергались выговору.

Новгородскіе владыки. Только Новгородъ и Псковъ продолжали развивать у себя старыя начала мѣстной особности и земскаго вліянія на іерархію. Церковныя отношенія ихъ къ Москвѣ вполнѣ отражали на себѣ государственныя отношенія къ власти в. князя. *Избраніе* новгородскихъ владыкъ по прежнему совершалось на вѣчѣ независимо отъ митрополита и только для посвященія они ѣздили въ Москву. Но нѣкоторые владыки управляли епархіею и до посвященія года по 2—3, владыка *Евѳимій II* даже больше 5 лѣтъ, да и посвященіе принялъ не въ Москвѣ, а въ Смоленскѣ отъ западнаго митрополита Герасима (въ 1434 г.), послѣ чего считалъ себя независимымъ отъ московской каѳедры. Для того, чтобы избавиться отъ церковнаго подчиненія Москвѣ, Новгородцы думали воспользоваться раздѣленіемъ русской церкви, съ которымъ открывалась для нихъ возможность выбора между двумя митрополитами. Но послѣ м. Исидора, когда въ Литвѣ на митрополію сѣлъ его ученикъ Григорій, извѣстный по своей наклонности къ латинству, Новгородъ снова призналъ права московскаго митрополита. При избраніи владыки выборъ падалъ всегда на своего, Новгородца. Въ 1423 г. Новгородцы лишили каѳедры *Ѳеодосія*, потому что онъ былъ „шестникъ“ (пришлецъ, чужой).

Значеніе владыки развилось еще болѣе прежняго. Съ его благословенія вѣче начинало войну, заключало миръ, рѣшало дѣла, такъ что онъ недаромъ носилъ имя владыки, усвоенное ему преимущественно предъ всѣми русскими архіереями; въ новгородскихъ грамотахъ имя его ставилось выше имени не только посадника, но и князя. Во внутреннихъ дѣлахъ города владыка былъ средоточіемъ, около котораго стягивались и при-

мирялись всѣ разрозненные взаимными распрями концы и улицы города. Не имѣя возможности сами уладиться между собою на общемъ вѣчѣ, они отдавали свои споры на судъ владыкѣ, какъ человѣку болѣе довѣренному и вліятельному, чѣмъ всѣ выборныя власти города и самъ князь. Отъ того владыка былъ всегдашнимъ миротворцемъ во всѣхъ вѣчевыхъ раздорахъ.—Владычняя *казна* имѣла важное общественное значеніе. Владыка на ея средства выставлялъ свой полкъ въ новогородское войско, несъ городовыя повинности,—мостилъ мостъ въ кремлѣ, строилъ стѣны какъ въ Новгородѣ, такъ и въ его пригородахъ, напр. въ Псковѣ, Орѣшкѣ,—наконецъ дѣлалъ пожертвованія деньгами въ разныхъ особыхъ случаяхъ. Въ 1428 году пять концовъ Новгорода дали по 1000 рублей на выкупъ плѣнныхъ у Витовта; владыка Евѳимій далъ еще 1000 отъ себя. Въ 1386 г. Димитрій Донской взялъ съ Новгорода 8000 серебра; 3000 при этомъ дала софійская казна. Богатство архіерейскаго дома было однимъ изъ главныхъ источниковъ общественной благотворительности. Во время голода или пожаровъ софійская казна давала большую помощь бѣднымъ и разореннымъ, напр. послѣ пожара 1371 года раздала 5000 рублей на поправку опустошеннаго города. Имена лучшихъ владыкъ съ благоговѣніемъ передавались изъ рода въ родъ; многіе чтились, какъ святые покровители роднаго города; таковы святые владыки *Василій*, *Моисей*, *Евѳимій II*, *Іона*.— Мы видѣли, что по своему видному положенію между русскими святителями новгородскіе владыки носили титулъ архіепископовъ. Въ 1346 году м. Ѳеогностъ далъ владыкѣ Василію новое важное отличіе *крестчатыя ризы*; потомъ патріархъ прислалъ ему *бѣлый клобукъ*. Въ Новгородѣ составилась цѣлая легенда объ этомъ клобукѣ въ доказательство мѣстныхъ притязаній на независимость владыкъ отъ митрополита: будто бы этотъ клобукъ данъ былъ Константиномъ Великимъ папѣ Сильвестру, потомъ, когда папы стали нечестивыми, послѣ разныхъ чудесъ былъ отосланъ въ Царьградъ къ п. Филоѳею, наконецъ, когда и Царюграду суждено было погибнуть, явился въ Богомъ любимую страну, Россію, и именно въ Новгородъ, а не въ Москву, какъ бы слѣдовало ожидать.

Отношенія владыкъ къ митрополиту мѣнялись, смотря по тому, въ мирѣ былъ Новгородъ съ в. княземъ или нѣтъ. Дурныя отношенія между владыкой и митрополитомъ въ первый разъ обнаружились при Симеонѣ Гордомъ, который сильно стѣснилъ Новогородцевъ. Владыка *Моисей* обидѣлся, что

митрополитъ Ѳеогностъ не далъ ему, какъ его предшественнику Василію, крестчатыхъ ризъ, и послалъ къ патріарху жалобу „о непотребныхъ вещахъ, происходящихъ съ насиліемъ отъ митрополита“. Патріархъ и ему далъ крестчатую ризу, но при этомъ строго увѣщевалъ его покориться митрополиту, какъ велятъ каноны. На преемника Моусеева *Алексѣя* митрополитъ жаловался патріарху, что владыка самовольно надѣлъ на себя крестчатую ризу, не повинуется ни митрополиту, ни в. князю. Патріархъ (1370 г.) велѣлъ Алексѣю снять крестчатую ризу, объяснивъ, что это отличіе не принадлежитъ каѳедрѣ, а есть личное. Послѣ войны съ Димитріемъ Донскимъ во время смуты изъ-за митрополіи Новгородцы положили судиться не у митрополита, а только у своего владыки. М. Кипріанъ, пріѣхавъ въ Новгородъ послѣ своего утвержденія на митрополіи (въ 1391 г.), потребовалъ своего суда. Новгородцы отказали ему, говоря, что они уже крестъ цѣловали, что не будутъ у него судиться, грамоту въ томъ написали и запечатали, и души свои попечатали. Митрополитъ уѣхалъ, не получивъ ничего. Не помогли ни его неблагословеніе строптивому городу, ни увѣщанія патріарха, который сталъ за митрополита. Наконецъ въ это дѣло вступился в. князь, потому что Новогородцы и ему не платили черпаго бора, и принудилъ ихъ къ покорности силою. При Василіѣ Димитріевичѣ владыка *Іоаннъ* (въ 1398 г.) благословилъ дѣтей своихъ Новгородцевъ на войну съ в. княземъ за Двинскія волости, отнятыя Москвой. По окончаніи войны его вызвали въ Москву, обличили здѣсь въ недостаткѣ смиренія и продержали болѣе трехъ лѣтъ въ монастырскомъ заключеніи. Послѣ этаго Іоаннъ ѣздилъ въ Москву для совѣта съ митрополитомъ о духовныхъ дѣлахъ, чего, по замѣчанію лѣтописца, никогда не бывало съ владыками. Подъ конецъ описываемаго времени и въ Новгородѣ власть митрополита стала гораздо сильнѣе. Преемникъ Евѳимія, единственнаго владыки, посвященнаго не въ Москвѣ, *Іона* былъ въ постоянной связи съ Москвою. Когда Василій Темный сталъ угрожать Новгороду серьезною опасностію, св. Іона, уже дряхлый старецъ, самъ ѣздилъ въ Москву хлопотать о своемъ городѣ и умолилъ в. князя пощадить новгородскую свободу, обѣщая за это отъ Бога свободу самой Москвѣ отъ ордынскихъ царей. Св. старецъ уже провидѣлъ паденіе вольнаго новгородскаго вѣча и горько плакалъ о своемъ родномъ городѣ.

Церковныя отношенія Искова къ Новгороду. Какъ Нов-

городъ стремился обособиться отъ Москвы, такъ его бывшій пригородъ Псковъ стремился отдѣлиться отъ него самаго. Въ 1331 г., какъ мы видѣли, Псковичи просили себѣ у м. Ѳеогноста особаго епископа и получили отказъ. Послѣ этаго они старались по крайней мѣрѣ, чтобы владыка назначалъ во Псковъ своего намѣстника изъ Псковичей, а не изъ Новгородцевъ, что и было утверждено особымъ договоромъ съ Новгородомъ въ 1348 г. Другой обычай, за соблюденіемъ котораго наблюдали Псковичи, состоялъ въ томъ, что владыка долженъ былъ пріѣзжать во Псковъ для своего суда на одинъ мѣсяцъ, и то черезъ три года. И тотъ и другой обычай былъ предметомъ постоянныхъ ссоръ ихъ съ владыкой; замѣчали, въ свой ли подъѣздъ наѣзжалъ владыка, самъ ли собиралъ деньги съ поповъ, не больше ли мѣсяца жилъ, не чрезъ своихъ ли Новгородцевъ совершалъ судъ и т. п. Не разъ владыки уѣзжали изъ Пскова, объявивъ свое неблагословеніе. Весьма часто помимо владыки Псковичи по духовнымъ дѣламъ, даже для поставленія священниковъ, обращались прямо къ митрополиту. Митрополиты поощряли это, какъ в. князья поощряли такія же непосредственныя отношенія Пскова въ Москвѣ въ гражданскихъ дѣлахъ, находя въ этомъ средство къ развитію своей власти въ вѣчевыхъ городахъ.

Какъ въ Новгородѣ развилось вліяніе земства на высшую іерархію, такъ въ Псковѣ это вліяніе простерлось на приходскій клиръ, потому что приходское духовенство имѣло здѣсь такое же значеніе, какъ владыка въ Новгородѣ; во главѣ земскихъ дѣлъ стоялъ соборъ священниковъ. Вѣче присвоило себѣ право судить духовенство и распоряжаться церковными имуществами. М. Кипріанъ и Фотій писали во Псковъ грамоты, въ которыхъ обличали такой противоканоническій порядокъ. Земскій строй отразился и на организаціи псковскаго духовенства; какъ и земство, оно раздѣлялось на общины,—купы, изъ которыхъ каждая, состоя изъ нѣсколькихъ приходовъ, была приписана къ одному изъ соборовъ и управлялась *старостою поповскимъ*. Какъ села тянули обыкновенно къ городу, такъ и сельскіе приходы тянули къ городскимъ соборнымъ купамъ.

Бѣлое духовенство. Какъ организовано было бѣлое духовенство въ другихъ мѣстахъ, неизвѣстно. Въ Москвѣ, Новгородѣ, вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ при соборахъ были протопопы, которымъ давались разныя порученія относительно приходскихъ причтовъ. Въ отношеніи къ архіереямъ бѣлое ду-

ховенство было „тяглымъ“ классомъ, было обложено разными сборами и повинностями и вѣдалось архіерейскими десятинниками. Для облегченія отъ тяжести сборовъ и отъ притѣсненій десятинниковъ тяглые попы выпрашивали себѣ у архіереевъ и князей *жалованныя грамоты*, по которымъ они освобождались отъ части своего тягла и отъ подчиненія десятинникамъ. Архіереи писали: „не надобно брать съ нихъ моей дани, ни данничьихъ пошлинъ, ни десятинничей пошлины, ни доводчичей, ни другой какой, десятинники мои ихъ не судятъ и пристава своего на нихъ не даютъ“. Иногда священники силой отбивались отъ архіерейскихъ сборщиковъ и служителей, въ чемъ имъ помогали и прихожане. Въ 1435 г. во Псковѣ духовенство вмѣстѣ съ народомъ сильно поколотили владычнихъ людей. Тоже случилось въ Вышгородѣ; горожане прибили и изувѣчили десятинника и людей м. Іоны. Поставленіе въ члены клира по выбору приходской общины было уже повсюдное; приходская же община пеклась и о содержаніи причта, давала ему *землю*, извѣстное количество *руги* и *сборовъ*. Нѣкоторыя, преимущественно соборныя, церкви были подъ покровительствомъ князей, которые давали имъ свои земли и ругу. Немногія только церкви, тоже преимущественно соборныя, имѣли у себя *вотчины*. Владимірскій соборъ 1274 г. постановилъ правила касательно поставленія во священство, запретилъ ставить попозъ за мзду, посылать ставленниковъ на жатву и сѣнокосъ для заработковъ, если имъ нечѣмъ заплатить за поставленье, предписывалъ строгое испытаніе ихъ жизни и грамотности чрезъ достовѣрныхъ свидѣтелей. Исходя изъ простаго народа, мало обезпеченное, едва грамотное, духовенство мало отличалось отъ своей паствы, страдало тѣми же пороками, какъ и простонародье. Поученія къ попамъ обличаютъ ихъ въ небреженіи къ святынѣ, въ пьянствѣ, мздоимствѣ и проч. М. Петръ и м. Фотій нашли нужнымъ запретить священнослуженіе всѣмъ *вдовымъ* попамъ и дьяконамъ особыми правилами.

Монашествующее духовенство находилось въ болѣе удовлетворительномъ состояніи. Монгольское нашествіе разрушило множество монастырей и они не могли поправиться до самаго XIV в., когда Русь нѣсколько успокоилась подъ охраной московскихъ князей. Съ XIV в. начинается лучшее время для монашества, когда оно въ полтора вѣка воздвигло до 200 новыхъ обителей, выставило изъ своей среды цѣлый сонмъ высокихъ подвижниковъ и проявило необыкновенную общественную дѣятель-

ность. Причинами такого сильнаго развитія монашеской жизни были съ одной стороны большее усвоеніе лучшимъ обществомъ христіанства, съ другой тяжкія обстоятельства времени, которыя естественно возбуждали набожность и заставляли прибѣгать за утѣшеніемъ къ религіи. Упадокъ нравовъ въ монгольское время, сильная и пагубная для нравовъ борьба стараго удѣльнаго порядка съ новымъ единодержавнымъ также заставляли лучшихъ людей укрываться отъ міра въ стѣнахъ монастыря. Не нужно забывать и того, что монашество разширялось и строило свои новыя обители преимущественно въ лѣсахъ сѣвера, гдѣ въ это время господствующимъ явленіемъ была дѣятельная колонизація новыхъ земель; колонизація земская и колонизація монастырская развиваются совершенно параллельно.

Мы видѣли, какъ послѣ монгольскаго погрома всѣ лучшія силы Руси отлили съ юга на сѣверъ и какъ здѣсь завязалось новое средоточіе церковной жизни; туда же переносится и центръ монашества. Кіевская лавра была въ развалинахъ и стала поправляться только съ 1420-хъ годовъ подъ владычествомъ Литвы. Ея прежнее значеніе наслѣдовала новая *обитель пр. Сергія*, который сталъ тѣмъ же для сѣвера, чѣмъ были Антоній и Ѳеодосій для южной Руси.

Пр. Сергій, въ міру Варооломей, былъ сынъ ростовскаго боярина *Кирилла*, при Калитѣ переселившагося изъ Ростова въ московскій городъ Радонежъ, родился въ 1313 г. По смерти родителей онъ отдалъ все имѣніе ихъ младшему брату, а самъ съ другимъ (старшимъ) братомъ *Стефаномъ* удалился въ пустыню верстахъ въ 10 отъ Радонежа. Пустынники построили себѣ въ лѣсу келью и деревянную церковь св. Троицы. Стефанъ скоро оставилъ брата, перейдя въ московскій Богоявленскій монастырь. Оставшись одинъ, пр. Сергій всею душею предался пустыннымъ подвигамъ, претерпѣвая всѣ неудобства пустыни, страхъ отъ звѣрей, искушенія отъ демоновъ. Молва о святости отшельника привлекла къ нему учениковъ. Около его кельи и храма поставлено было нѣсколько избушекъ, въ которыхъ поселилось до 12 иноковъ. Св. Сергій трудился на братію, какъ купленый рабъ, строилъ келліи, рубилъ дрова, мололъ жито въ жерновахъ, пекъ хлѣбы, шилъ одежды, носилъ воду, а ночь проводилъ безъ сна въ молитвѣ, питался только хлѣбомъ и водой, носилъ заплатанную одежду. Въ 1354 г. братія почти силой заставили его принять санъ пресвитера и игумена. Игуменство его было во многомъ сход-

но съ игуменствомъ пр. Ѳеодосія; таже строгость въ жизни, неутомимость въ трудахъ, безсонныя ночи, обходъ братскихъ келлій, обличенія праздныхъ, тихія, кроткія рѣчи, растворенныя слезами братской любви и религіозной ревности. Новая обитель была очень бѣдна; не доставало ладона и вина для богослуженія, въ церкви служили съ лучиной; книги писали на берестѣ; братія голодали по 2—3 дня безъ хлѣба; однажды для утоленія голода самъ игуменъ нанялся построить сѣни къ кельѣ одного брата за куски гнилаго, негоднаго къ употребленію хлѣба. Потомъ около монастыря стали селиться крестьяне и мимо его прошла большая дорога изъ Москвы на сѣверъ. П. Филоѳей, узнавъ о пр. Сергіѣ, прислалъ ему свое благословеніе и совѣтъ завести общежитіе. Съ благословенія его и м. Алексія общежитіе было введено; но многимъ инокамъ оно показалось тяжкимъ и возбудило такой ропотъ, что самъ Сергій долженъ былъ на время отлучиться изъ своей обители на *Киржачъ*, гдѣ основалъ новый монастырь. Онъ воротился по повелѣнію м. Алексія и по просьбѣ всей братіи, потому что безъ него въ монастырѣ были большіе безпорядки.

Между тѣмъ средства Сергіевой обители значительно увеличились, такъ что она уже въ состояніи была совершать дѣла благотворительности, раздавать богатую милостыню и принимать странныхъ и больныхъ. Возрасла и слава пр. Сергія. М. Алексѣй пользовался его совѣтами, хотѣлъ даже сдѣлать его своимъ преемникомъ. Не разъ посѣщалъ обитель в. к. Димитрій Донской; св. Сергій благословилъ его на Куликовскую битву. Онъ ѣздилъ отъ в. князя и митрополита грознымъ посломъ въ Нижній мирить суздальскихъ князей. Послѣ Куликовской битвы своими тихими рѣчами онъ склонилъ къ миру съ в. княземъ суроваго *Олега* рязанскаго. Уважаемый старецъ крестилъ дѣтей Донскаго и былъ свидѣтелемъ его духовнаго завѣщанія. Еще заживо прославляли въ Сергіѣ даръ чудесъ, его прозорливость и силу молитвы. Одинъ инокъ видѣлъ небесный огонь на престолѣ, на которомъ Сергій совершалъ литургію; другой видѣлъ сослужащаго съ нимъ ангела. Не задолго до кончины Сергій въ присутствіи своего ученика *Михея* былъ посѣщенъ Богоматерію, которая сказала ему: „не бойся, избранниче мой! Молитва объ ученикахъ твоихъ и о мѣстѣ семъ услышана; при тебѣ и послѣ тебя не отступна буду отъ обители твоей и буду покрывать ее“. 25 сентября 1391 г. почилъ великій святой на 78 году своей жизни, предавъ послѣ себя игуменство ученику своему *Нико-*

ну. Вмѣстѣ съ Петромъ, Алексіемъ и Іоною митрополитами онъ сталъ по смерти небеснымъ покровителемъ Москвы.

Значеніе Сергіевской лавры. Обитель св. Сергія сдѣлалась первой святыней Москвы и образцомъ для всѣхъ монастырей; при жизни Сергія и послѣ его кончины чрезъ его учениковъ она распространила отъ себя во всѣ стороны множество новыхъ обителей—своихъ колоній и цѣлою сѣтью ихъ охватила всю сѣверную Русь, стягивая ее къ одному центру—Москвѣ. Еще при жизни Сергія явилось нѣсколько монастырей, *Киржачскій* и *Голутвинъ*, основанные имъ самимъ, *Симоновъ* въ Москвѣ, основанный племянникомъ Сергія *св. Ѳеодоромъ*, *Борисоглѣбскій* въ Ростовѣ, *Дубенскій*, основанный съ благословенія Сергія Димитріемъ Донскимъ въ память Куликовской битвы и друг. Вездѣ первыми игуменами были ученики Сергія. М. Алексій, строитель 5 монастырей (въ Москвѣ, Серпуховѣ и Нижнемъ), для своихъ московскихъ монастырей *Чудова* и *Андроникова* выпросилъ игуменовъ тоже изъ учениковъ преподобнаго.

Монастыри Великороссіи. Съ половины XIV в., послѣ прославленія Сергіевой пустыни, особенно много является новыхъ монастырей по всѣмъ краямъ Великороссіи. Москва была опоясана цѣлой линіей монастырей, какъ духовной оградой. Усердными строителями ихъ были м. Алексій, Василій Димитріевичъ и др. лица. Супруга Донскаго *Евфросинія* (въ мірѣ Евдокія), по смерти супруга, вела строгую жизнь постницы, носила вериги, но скрывала свое благочестіе подъ наружной привязанностію къ міру, такъ что молва ставила подъ сомнѣніе даже ея цѣломудріе. Святая показала однажды свои вериги и свое изможденное тѣло своимъ дѣтямъ и то лишь для успокоенія ихъ смущенія отъ людскихъ сплетенъ. Наконецъ она постриглась въ основанномъ ею московскомъ *Вознесенскомъ* монастырѣ, который сдѣлался потомъ усыпальницею всѣхъ московскихъ княгинь и царицъ. Въ Твери было основано 11 монастырей, въ Нижнемъ—4. Изъ Нижняго возсіялъ святостію извѣстный *Діонисій* суздальскій. Онъ подвизался здѣсь въ пещерѣ на берегу Волги, гдѣ и устроился *Печерскій* монастырь. Учениками его были пр. *Евѳимій суздальскій*, основатель *Спасо-Евѳиміева* монастыря, и *пр. Макарій унженскій*, съ 12 лѣтъ подвизавшійся въ монастырѣ св. Діонисія; послѣдній, желая подвиговъ уединенія, удалился на р. *Лухъ*, потомъ послѣ образованія здѣсь около его келлій *Луховскаю* монастыря—на *Желтыя воды*, гдѣ тоже основалъ монастырь; въ 1439 г.

попался въ плѣнъ къ Татарамъ, по возвращеніи изъ плѣна поселился на р. *Унжѣ* и основалъ монастырь *Унженскій*. Такъ отъ одного подвижника возникло 3 монастыря въ костромскихъ предѣлахъ. Другой костромской подвижникъ, ученикъ пр. Сергія, *Авраамій галичскій* († 1375) основалъ такимъ же образомъ, переходя съ мѣста на мѣсто, 4 монастыря. Въ боровскомъ княжествѣ прославился пр. *Пафнутій боровскій*, подвизавшійся сначала въ *Высоцкомъ* монастырѣ ученика Сергія *Никиты*, потомъ основавшій (1444 г.) свой монастырь. Подъ его руководствомъ началъ свои подвиги знаменитый послѣ пр. *Іосифъ волоцкій*.

Монастыри въ Новгородѣ и Псковѣ. Въ Новгородѣ по прежнему являлось болѣе монастырей, чѣмъ гдѣ нибудь; ихъ строили владыки (напр. Моисей основалъ 5 монастырей), иноки и простые люди (1). Какъ много было около Новгорода монастырей, можно судить потому, что (въ 1386 г.) Новогородцы, собираясь защищать свой городъ отъ Донскаго, сожгли кругомъ города 24 монастыря. Особенно извѣстны были по святости подвижниковъ монастыри: *Вишерскій*, основанный (1418 г.) пр. *Саввою вишерскимъ*, великимъ подвижникомъ и столпникомъ, и *Клопскій*, прославленный подвигами *Михаила клопскаго* изъ рода князей московскихъ; онъ пришелъ въ монастырь никѣмъ неизвѣстнымъ юродивымъ инокомъ и 44 года не оставлялъ тяжелаго подвига юродства. Въ часъ рожденія Іоанна III онъ предсказалъ паденіе новогородской вольности († 1452 г.).—Около Пскова возникло до 12 новыхъ обителей. Изъ нихъ замѣчателенъ монастырь пр. *Евфросина псковскаго*. Жизнь этаго монастыря отличалась такою строгостію, трудами и длинными бдѣніями, что одинъ новогородскій священникъ, приходившій въ обитель для повѣрки слуховъ о

---

(1) Составилось характеристичное для нравовъ времени сказаніе о построеніи (въ 1310 г.) *Щилова* монастыря. Посадникъ *Щилъ* на свое богатство, нажитое неправедно, построилъ монастырь. Владыка усомнился, угодно ли это будетъ Богу, и велѣлъ Щилу лечь въ гробъ въ неосвященной еще церкви новаго монастыря, а священникамъ совершить надъ нимъ погребеніе заживо. Во время обряда гробъ со Щиломъ провалился и на мѣстѣ его открылась бездонная пропасть. Сынъ Щила, по совѣту владыки, сталъ служить сорокоусты по отцѣ; гробъ все поднимался выше и выше изъ пропасти съ каждымъ сорокоустомъ, наконецъ вышелъ со всѣмъ. Щила похоронили и монастырь освятили. Сказаніе это помѣщалось во всѣхъ древнихъ синодикахъ.

ея святости, послѣ отзывался объ игуменѣ съ братіею: „это желѣзный съ желѣзными“. Кончина святаго относится уже къ 1481 г.

Сѣверные монастыри. Свв. отшельники особенно много основывали новыхъ обителей въ пустыняхъ сѣвера. Въ олонецкомъ краѣ въ XIII в. извѣстна каргопольская обитель *пр. Вассіана*. Недалеко отъ Каргополя въ концѣ XIII в. на горѣ Челмѣ поселился *пр. Кириллъ* и основалъ монастырь *Челмогорскій*. Въ теченіи 52 лѣтъ своей подвижнической жизни онъ просвѣтилъ христіанствомъ всю окрестную Чудь. Въ 1329 г. на Ладожскомъ озерѣ на островѣ *Валаамъ* поселился старецъ *Сергій*, съ нимъ соединился другой инокъ пр. *Германъ*; трудами ихъ основался знаменитый *Валаамскій* монастырь, имѣвшій большое вліяніе на просвѣщеніе вѣрою окрестныхъ Кореловъ. Въ концѣ XIV в. инокъ Валаамскаго монастыря *Арсеній* поселился на сосѣднемъ съ Валаамомъ островѣ *Коневскомъ*, гдѣ чудскіе язычники приносили коней въ жертву одному свящ. камню, крестилъ язычниковъ и основалъ *Коневскій* монастырь. На Онѣжскомъ озерѣ въ XIV в. *пр. Лазаремъ* основанъ монастырь *Мурманскій*. Дикіе Лопари много притѣсняли святаго и гнали его изъ своего мѣста, но изцѣлившій слѣпаго сына ихъ старшины, Лазарь пріобрѣлъ полное ихъ довѣріе и многихъ крестилъ. Онъ и его ученики были просвѣтителями Лопарей по обѣимъ сторонамъ р. Онѣги. Просвѣтительною дѣятельностію извѣстенъ еще *Спасокаменный* монастырь на Каменномъ островѣ Кубенскаго озера, въ первый разъ открытый въ 1279 г. кн. *Глѣбомъ* бѣлозерскимъ, котораго занесла къ острову буря; доселѣ иноки, числомъ 23, безвѣстно подвизались въ проповѣди чудскимъ племенамъ, претерпѣвая отъ нихъ побои и гоненія. Изъ этаго монастыря въ началѣ XV в. вышелъ въ уединеніе на р. Глушицу пр. *Діонисій глушицкій*; переходя съ мѣста на мѣсто ради уединенія, онъ основалъ 6 монастырей въ вологодскихъ предѣлахъ. Дикіе вологодскіе лѣса привлекали къ себѣ отшельниковъ и изъ московскихъ предѣловъ. Такъ въ концѣ XIV в. на р. *Нурмѣ* основалъ монастырь ученикъ Сергія—*Сергій нуромскій*. Другой ученикъ Сергія *Павелъ обнорскій* поселился въ дуплѣ стараго дерева въ Комельскомъ лѣсу, прожилъ такъ 3 года одинъ, потомъ привлекъ къ себѣ учениковъ и основалъ другой монастырь на Нурмѣ († 1429). Въ концѣ XIV в. въ вологодскихъ лѣсахъ жилъ и еще другъ Сергія *Димитрій прилуцкій*, монастырь котораго въ окрестностяхъ Волог-

ды былъ извѣстенъ своею благотворительностію и гостепріимствомъ. Въ 1389 г. въ бѣлозерской пустынѣ поселился постриженникъ Симонова монастыря *пр. Кириллъ*. Отецъ иноковъ Сергій, посѣщая въ Симоновѣ монастырѣ племянника своего Ѳеодора, болѣе всѣхъ иноковъ отличалъ Кирилла. Послѣ Ѳеодора, взятаго на ростовскую каѳедру, пр. Кириллъ сдѣлался симоновскимъ архимандритомъ. Но онъ скоро оставилъ богатый московскій монастырь ради незнаемой пустыни и сдѣлался основателемъ *Кирилло-Бѣлозерскаго* монастыря, одного изъ знаменитѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ монастырей древней Руси. Не далеко отъ него и въ одно время *пр. Ферапонтъ*, тоже симоновскій инокъ, основалъ *Ферапонтовъ* монастырь. Такъ развивалось въ сѣверныхъ пустыняхъ вліяніе Сергіевской лавры. Пустынолюбивые иноки достигали даже до Бѣлаго моря. Въ концѣ описываемаго времени пр. *Саввати́й*, *Германъ* и *Зосима*, спасавшіеся на Соловецкомъ островѣ Бѣлаго моря, положили основаніе знаменитой *Соловецкой* обители, имѣвшей огромное вліяніе на христіанское просвѣщеніе и гражданственность всего сѣвернаго края Россіи.

Устройство монастырей. Число братіи въ монастыряхъ было различно, въ однихъ было 100—300 братій, въ другихъ 6—2. Различны были и права ихъ; тогда какъ большая часть малыхъ монастырей были даже не самостоятельны, управлялись настоятелями большихъ, нѣкоторые большіе монастыри были напротивъ независимы даже отъ епархіальной власти; таковы: монастырь Симоновъ, считавшійся ставропигіей патріарха, монастыри, находившіеся подъ покровительствомъ князей, и монастыри митрополичьи по епархіямъ, бывшіе чѣмъ-то въ родѣ ставропигій митрополита. Во всѣхъ такихъ монастыряхъ монастырская экономія, перемѣна властей, судъ надъ игуменомъ, иногда и надъ братіей подлежали вѣденію самихъ покровителей ихъ. М. Фотій въ одномъ посланіи къ Новогородцамъ велитъ раздѣлять общіе монастыри, въ которыхъ жили черницы и черницы; должно быть, такія странныя обители были; по крайней мѣрѣ извѣстно, что нѣкоторые женскіе монастыри были управляемы игуменами или приписывались къ мужскимъ монастырямъ. Кромѣ общежительныхъ монастырей, было много скитскихъ обителей, гдѣ монахи имѣли каждый свое хозяйство, особо держали келейное правило и сходились вмѣстѣ только для церковнаго богослуженія. Такова была большая часть сѣверныхъ монастырей въ новогородскихъ владѣніяхъ, монастырей небольшихъ, имѣвшихъ 2—10 братій.—При устрой-

ствѣ общежитія монастыри руководствовались правилами соборовъ, Василія Великаго, Ефрема Сирина, Іоанна Лѣствичника, Ѳеодора Студита и др. Свѣденія о монастырскихъ правилахъ описываемаго времени можно получить изъ уставной грамоты св. Діонисія суздальскаго Снѣтогорскому (псковскому) монастырю, житія Кирилла бѣлозерскаго, гдѣ излагается содержаніе устава, введеннаго въ монастырѣ этаго святаго, изъ многихъ поученій и посланій объ иноческой жизни, между которыми замѣчательны посланія м. Фотія. Отрѣченіе отъ міра у нѣкоторыхъ подвижниковъ простиралось до того, что они разрывали самыя крѣпкія на Руси узы, узы родства, и не хотѣли даже видѣться съ посѣщавшими ихъ родными. *Пр. Савва* крыпецкій только послѣ усиленныхъ просьбъ сошелъ съ своего столба, чтобы благословить своего брата. Макарій унженскій черезъ 3 года послѣ своего бѣгства изъ родительскаго дома, будучи только 15 лѣтъ, не хотѣлъ видѣться съ своимъ отцемъ, не смотря на слезы старика, и согласился только высунуть ему изъ окна келліи свою руку, которую тотъ покрылъ поцѣлуями и слезами. Іосифъ волоцкій точно также отказывался отъ свиданія съ своею матерью.

Юродивые. Особеннаго рода аскетическимъ подвигомъ является подвигъ *юродства*, которому предавались нѣкоторые подвижники въ монастыряхъ, напр. Михаилъ клопскій. Но преимущественно юродивые любили жить въ міру, въ большихъ городахъ, гдѣ имъ чаще приходилось терпѣть поруганія. Въ концѣ XIII и началѣ XIV в. въ Устюгѣ подвизался въ юродствѣ *св. Прокопій*, одинъ купецъ съ запада, въ Новгородѣ обратившійся къ православію. Изъ чудесъ, прославившихъ его еще при жизни, извѣстно, какъ онъ однажды спасъ Устюгъ своею молитвою отъ страшной каменной тучи. Въ XV в. въ Ростовѣ жилъ юродивый *Исидоръ Твердисловъ*, тоже латинскій купецъ съ запада. Въ Новгородѣ въ XIV в. жили юродивые *Николай* и *Ѳеодоръ*. Одинъ жилъ на Софійской сторонѣ, другой на Торговой; представляясь непримиримыми врагами между собой, они постоянно стерегли другъ друга на волховскомъ мосту, чтобы не пускать другъ друга на свою сторону. Этимъ они пародировали новогородскія усобицы. Люди видѣли, какъ Николай бросалъ въ своего противника кочанами капусты, стоя на водѣ Волхова, какъ на сушѣ, и прозвали его Никола Кочановъ.

Недостатки монастырской жизни. Среди высокихъ подвиговъ, которыми отличалась жизнь монастырей, еще рѣзче,

чѣмъ въ міру, выдавались слабости нѣкоторыхъ непризванныхъ иноковъ, которые шли въ монастыри, слѣдуя лишь общему влеченію къ монашеской жизни или просто для покоя и матеріальнаго обезпеченія. Такіе иноки вносили въ монастыри духъ міра и часто разстраивали монастырскіе порядки. Святымъ игуменамъ приходилось прибѣгать къ самымъ строгимъ мѣрамъ для поддержанія устава своихъ монастырей, къ наказаніямъ поклонами, сухоядѣніемъ, монастырской тюрьмою, даже побоями. По смерти св. игуменовъ ихъ уставы нерѣдко ослабѣвали въ монастыряхъ; такъ было въ Симоновѣ монастырѣ послѣ св. Ѳеодора и св. Кирилла, въ Кирилловомъ монастырѣ по смерти св. Кирилла и его учениковъ *Иннокентія* и *Христофора*, въ Махрищскомъ—послѣ *св. Стефана*. Иноки старожилы, привыкшіе къ прежнимъ строгимъ порядкамъ, возставали въ защиту старыхъ уставовъ противъ самихъ настоятелей и за свои обличенія много терпѣли отъ послѣднихъ. Въ житіи пр. Варлаама хутынскаго разсказывается, какъ святой и послѣ своей смерти ревновалъ по своемъ уставѣ, являясь безпечнымъ игуменамъ и казначеямъ въ видѣніи и наказывая ихъ своимъ настоятельскимъ жезломъ. Нарушеніе стараго устава большею частію бывало тогда, когда въ монастырѣ являлся игуменъ изъ чужаго монастыря; отъ того на игуменскія вакансіи монастыри старались выбирать своихъ же иноковъ.— Развившееся у монаховъ стремленіе къ отшельничеству тоже иногда вело къ безпорядкамъ, оставленію монастыря безъ благословенія игумена и шатанію изъ одного монастыря въ другой. М. Кипріанъ въ своемъ посланіи къ игумену Высоцкаго монастыря *Аѳанасію* такихъ монаховъ не велѣлъ допускать до св. причастія.—Вотчинныя владѣнія монастырей втягивали иноковъ въ мірскія попеченія о хозяйствѣ, судѣ и управѣ надъ крестьянами, въ поземельныя тяжбы съ сосѣдями и проч. Въ описываемое время уже возникалъ вопросъ о томъ, нужно ли монастырямъ владѣть селами. Въ посланіи къ игум. Аѳанасію м. Кипріанъ говоритъ, что отцами не предано владѣть инокамъ селами, отрекшись отъ міра, снова связывать себя мірскими дѣлами, что это всего пагубнѣе для монашества, и совѣтуетъ жертвуемое село брать, но чернецамъ имъ не управлять, а дать его богобоязненному міряннину, который бы управлялъ имъ, а въ монастырь доставлялъ все готовое припасами. Въ Паисіевскомъ сборникѣ также помѣщено слово о томъ, угодно ли Богу, чтобы монастырямъ дарили села; здѣсь прямо говорится, что дающій село монастырю губитъ свою душу.

Монастырскія вотчины, не смотря на эти частныя мнѣнія немногихъ лицъ, быстро увеличивались чрезъ покупку, пожертвованія по дарственнымъ и духовнымъ грамотамъ и главнымъ образомъ чрезъ занятіе и заселеніе пустыхъ мѣстъ. Жалованными грамотами князей всѣ эти вотчины снабжены были разными льготами. Крестьяне ихъ освобождались отъ княжеской дани, яма мыта, тамги, городоваго дѣла, строенія княжаго двора, кормленія княжихъ коней, княжаго сѣнокоса и другихъ пошлинъ,—всѣхъ или нѣкоторыхъ и при томъ безсрочно или на извѣстный срокъ, отъ 2 до 10 лѣтъ. Пользованіе всѣми данями и повинностями, отъ которыхъ князья освобождали крестьянъ, предоставлялось самимъ монастырямъ. Съ хозяйственными льготами въ жалованныхъ грамотахъ соединяются еще судебныя. Намѣстники князя, волостели, тіуны, праветчики, доводчики и другія лица къ монастырскимъ крестьянамъ не въѣзжали, сборовъ своихъ съ нихъ не брали и не судили ихъ; судилъ игуменъ съ братіею, и притомъ во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы, а по нѣкоторымъ грамотамъ и безъ этаго исключенія. Въ случаѣ смѣснаго суда игуменъ судилъ съ княжимъ судьей вмѣстѣ.—Богатство монастырскихъ вотчинъ, меньшее тягло съ крестьянъ, льготы, крѣпкое заступленіе отъ сильныхъ монастырскихъ властей привлекали на монастырскія земли густое населеніе. Стремленіе сюда тяглаго люда, который такимъ образомъ освобождался отъ тягла, поступалъ въ льготное положеніе, уже и тогда начало задѣвать интересы княжеской казны. Въ жалованныхъ грамотахъ монастырямъ дозволялось перезывать къ себѣ крестьянъ только изъ чужихъ княжествъ, а не съ тяглыхъ земель князя, дающаго грамоту. Но дальше этаго ограниченія сознаніе княжескихъ интересовъ пока не простиралось.

Общественное значеніе монастырей. Разширеніе самихъ вотчинъ монастырскихъ даже поощрялось правительствомъ, потому что оно происходило главнымъ образомъ чрезъ *заселеніе монастырями пустынныхъ пространствъ*, которое было очень важнымъ интересомъ этаго времени. Придетъ инокъ въ пустыню, гдѣ въ непроходимыхъ лѣсныхъ чащахъ жили только дикіе звѣри и бѣсы, гдѣ обыкновенный колонистъ видѣлъ одинъ только страхованія, выкопаетъ землянку или поселится въ дуплѣ стараго дерева „яко врань на нырищи, по сравненію житій, или птица, особящаяся на здѣ“, и мало по малу его жилище сдѣлается починкомъ большой монастырской колоніи. Онъ первый по-

бѣдитъ дѣвственную природу своимъ трудомъ, побѣдитъ пустынные страхи своею святою молитвою и пустыня послѣ этаго привлечетъ къ себѣ густое народонаселеніе, станетъ градомъ обительнымъ. Около монастырей колонизовались цѣлыя волости и даже города, наприм. Устюгъ возникъ около Гледенскаго монастыря, Ветлуга—около Варнавинскаго, Кашинъ—около Колязинскаго и т. д.—Весьма много населенія привлекала на монастырскія земли *благотворительная дѣятельность* монастырей, которая снабжала крестьянина всѣмъ нужнымъ и во всемъ ему помогала. Въ голодные годы наприм. монастыри кормили изъ своихъ житницъ цѣлыя сотни обнищавшаго и голоднаго люда. Въ одинъ голодный годъ Кирилловъ монастырь кормилъ ежедневно 600 нищихъ. Около обителей вездѣ были устроены богадѣльни, больницы и гостинницы.

Просвѣтительная дѣятельность монастырей давала имъ еще болѣе важное общественное значеніе. Вступая въ монастырь, человѣкъ чувствовалъ себя въ особомъ мірѣ, мірѣ книжномъ, гдѣ почитаніе книжное было спеціальностью и вмѣстѣ подвигомъ, гдѣ всѣ говорили отъ Писанія, и на трапезѣ и въ церкви и въ кельяхъ предлагались благочестивыя чтенія, гдѣ наконецъ въ обширныхъ размѣрахъ производилась переписка всякаго рода книгъ. Кто хотѣлъ учиться, могъ найти въ монастырѣ и лучшихъ учителей и богатую библіотеку. Игумены считали своимъ долгомъ заботиться объ умноженіи книгъ, а иноки на списываніе ихъ смотрѣли, какъ на святой подвигъ, даже какъ на обязанность. „Печаль мя обдержитъ, писали они въ припискахъ къ своимъ книгамъ, аще не пишу... Боюся осужденія онаго раба лѣнивааго, скрывшаго талантъ“. Всѣ замѣчательные дѣятели на поприщѣ древней письменности и народнаго учительства были воспитанники монастырей. Въ монастыри шли и князья и простые люди для духовной бесѣды, для утвержденія въ благочестіи. Кромѣ устныхъ наставленій изъ монастырей выходили учительныя посланія къ разнымъ лицамъ, которыя передавались изъ рукъ въ руки и распространялись во множествѣ списковъ. Вліяніе монастырей на народную нравственность всего яснѣе видно изъ того аскетическаго оттѣнка, который замѣчается во всѣхъ проявленіяхъ древняго благочестія. Наконецъ монастыри распространяли, какъ мы видѣли, свѣтъ истинной вѣры среди дикихъ инородцевъ сѣвера. Весь инородческій сѣверъ обязанъ своимъ просвѣщеніемъ исключительно имъ.

Св. Стефанъ пермскій. Къ именамъ Арсенія коневскаго, Кирилла челмогорскаго, Лазаря, иноковъ Валаамскаго и Каменскаго монастырей въ исторіи христіанской миссіи нужно присоединить славное имя *св. Стефана пермскаго*, просвѣтителя пермскаго края. Онъ былъ сынъ соборнаго причетника въ Устюгѣ, рано выучился грамотѣ и получилъ страсть къ книжному ученью. Чтобы удовлетворить ей, онъ вступилъ (въ 1365 г.) въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, гдѣ было много книгъ. Давно уже у него возникла мысль сдѣлаться апостоломъ дикихъ *Зырянъ* Перми, съ языкомъ и жизнію которыхъ онъ хорошо былъ знакомъ еще на своей родинѣ, въ Устюгѣ. Въ теченіи 13 лѣтъ своей монастырской жизни онъ постоянно готовился къ замышленному подвигу, изучалъ греческій языкъ для перевода св. книгъ на зырянскій языкъ, составилъ зырянскую азбуку и переводилъ позырянски наиболѣе нужныя библейскія и богослужебныя книги. Приготовивъ себя такимъ образомъ и посвященный въ санъ іеромонаха, онъ отправился къ Зыряпамъ. Мѣстомъ своей дѣятельности онъ выбралъ селеніе при устьѣ *Вымп*, гдѣ устроилъ небольшую церковь. Отсюда онъ ѣздилъ во всѣ стороны для проповѣди св. вѣры, всюду разрушалъ и жегъ капища и идоловъ. Язычники съ удивленіемъ замѣчали, что онъ ничего не бралъ себѣ изъ богатыхъ приношеній, которыя находились на ихъ свящ. мѣстахъ, и невольно признавали его превосходство предъ своими жадными жрецами. „Воистину онъ Божій человѣкъ, пришедшій къ намъ не для корысти, а для спасенія пасъ“, говорили многіе и крестились. Успѣхи св. Стефана встревожили финскихъ кудесниковъ. Они возмущали противъ него народъ, пользуясь при этомъ мѣстною ненавистью къ Москвѣ. „Что, говорили они, слушать пришельца изъ Москвы, которая насъ угнетаетъ податями?“ Св. Стефанъ вступалъ съ ними въ споры и каждая побѣда его надъ ними и надъ ихъ суевѣріемъ привлекала къ церкви новыхъ чадъ. Особенно важна была для успѣховъ вѣры его побѣда надъ главнымъ волхвомъ *Памою*, который пользовался большимъ авторитетомъ даже между крещеными. Знаменитый кудесникъ самъ вызвался пройти вмѣстѣ съ Стефаномъ сквозь огонь и воду, покрытую льдомъ, чтобы испытать, чья вѣра сильнѣе, думая, что Стефанъ не согласится на это. Но когда сверхъ чаянія его святой согласился, онъ уже самъ отказался отъ испытанія. Огромная толпа, собравшаяся смотрѣть на чудо, едва не растерзала

Паму и затѣмъ перешла на сторону Стефана. Успѣхи Стефана весьма много зависѣли отъ того, что онъ обращался къ Зырянамъ на ихъ родномъ языкѣ, на немъ же совершалъ богослуженіе для новообращенныхъ. Онъ и теперь неутомимо продолжалъ свой зырянскій переводъ церковныхъ книгъ и трудился въ перепискѣ ихъ экземпляровъ для распространенія по всему обращенному краю. Кромѣ того онъ училъ Зырянъ грамотѣ по своей азбукѣ, для этаго устроивалъ при церквахъ школы. Изъ лучшихъ учениковъ годныхъ на священническія мѣста онъ посылалъ въ сосѣднія епархіи для поставленія къ зырянскимъ церквамъ. Въ 1383 году онъ ѣздилъ въ Москву ходатайствовать о поставленіи уже особаго епископа для Перми. М. Пименъ посвятилъ въ епископы его самаго. Съ основаніемъ епархіи (въ Усть-Выми) пермская страна стала удобно получать священниковъ изъ природныхъ Зырянъ и дѣло просвѣщенія пошло успѣшнѣе. Однимъ изъ самыхъ сильныхъ средствъ для привлеченія Зырянъ къ вѣрѣ была благотворительная дѣятельность св. Стефана. Въ голодные годы онъ привозилъ хлѣбъ изъ Вологды и Устюга, раздавалъ его бѣдному народу, дѣлалъ большія ссуды и милостыни изъ архіерейской казны, выхлопатывалъ у в. князя прощеніе недоимокъ. Въ 1386 г. онъ ѣздилъ въ Новгородъ съ просьбой, чтобы вѣче обуздало грабежи новгородской вольницы по Вычегдѣ, и получилъ отъ вѣча даже вознагражденіе за убытки; потомъ ѣздилъ въ Москву просить в. князя объ обузданіи насилій и поборовъ отъ княжескихъ тіуновъ и бояръ; онъ и умеръ въ Москвѣ во время поѣздки туда въ 1396 году. Въ плачѣ земли пермской о его дѣятельности говорится: „лишились мы добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, избавлялъ насъ отъ насилія, работы и тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани. Сами Новгородцы, ушкуйники, разбойники, словъ его слушались, не воевали насъ“. Въ 18 лѣтъ своего апостольства св. Стефанъ обратилъ къ христіанству всю Малую Пермь съ ея Зырянами по Вычегдѣ и Выми; Великая Пермь съ Вогулами оставалась еще въ язычествѣ. Вогулы не разъ даже нападали на Усть-Вымь, гдѣ была каѳедра епископа. Преемники Стефана *Исаакъ* и *Герасимъ* старались и ихъ обратить ко Христу. Въ 1442 г. Герасимъ претерпѣлъ даже мученическую смерть отъ одного Вогула, который задавилъ его омофоромъ. Послѣ него въ 1455 г. погибъ и другой перм-

скій епископъ *Питиримъ* въ плѣну у Вогуловъ. Св. вѣра начала распространяться у Вогуловъ уже при преемникѣ Питирима *Іонѣ*, который въ 1462 году крестилъ самаго князя пермскаго и множество народа, поставилъ въ Великой Перми церкви, игуменовъ и священниковъ.

Христіанство у Татаръ. На сѣверо-востокъ былъ большой просторъ для распространенія русской гражданственности и св. вѣры; внизъ по Волгѣ и на юго-востокѣ русское вліяніе было стѣснено Ордой. Но, тяготѣя надъ Россіей своей матеріальной силой, Орда сама подпадала нравственному христіанскому вліянію покоренной страны, хотя и весьма слабому. Въ 1301 году сарайскій епископъ *Θеогностъ* на константинопольскомъ соборѣ предлагалъ вопросы о Татарахъ, желавшихъ креститься. Извѣстны самые случаи обращенія Татаръ даже изъ ханскаго рода. Племянникъ хана *Берге*, тронутый рѣчами ростовскаго епископа *Кирилла*, бывшаго въ Ордѣ, тайно отъ родныхъ уѣхалъ въ Ростовъ, крестился и названъ *Петромъ*. Памятникомъ его благочестія остался въ Ростовѣ монастырь Петра и Павла. Онъ умеръ въ глубокой старости около 1290 г., принявши постриженіе. Крестились и другіе знатные Татары: князь *Беклемишъ* въ Мещерѣ, родоначальникъ князей Мещерскихъ; мурза *Четъ*, построившій при Калитѣ костромской *Ипатьевскій* монастырь, родопачальникъ Годуновыхъ; внукъ Мамая *Олекса* въ Кіевѣ при Витовтѣ, родоначальникъ Глинскихъ, и многіе другіе. Родственницы хановъ, выходя замужъ за русскихъ князей, тоже всегда принимали христіанство. Особенно много крестилось Татаръ во времена св. Алексія. Чаще всего крестились Татары, поселявшіеся въ Россіи и поступавшіе на службу в. князя.

Христіанство на сѣверо-западѣ. Александръ Невскій. На сѣверо-западной окраинѣ Руси шла прежняя борьба между католической и православной миссіей среди финнляндскаго народонаселенія. Изъ Швеціи и Лифляндіи противъ Русскихъ поднимались цѣлые крестовые походы. Шведскій владѣтель *Биргеръ*, возбужденный посланіями папы, отправился крестовымъ походомъ на Россію обращать православныхъ въ католичество. На Невѣ въ 1240 г. встрѣтилъ Шведовъ новогородскій князь *Александръ Невскій* и нанесъ имъ страшное пораженіе. Эта религіозная борьба ознаменовалась чудесами. Одинъ Ижоряпинъ *Пелгій* передъ началомъ битвы видѣлъ почью свв. Бориса и Глѣба, плывшихъ въ лодкѣ по Невѣ. „Поможемъ родичу нашему Александру“, говорили они другъ дру-

гу.—Въ тоже время Ливонскій орденъ нападалъ на Изборскъ и Псковъ. Его военная пропаганда латинства была надолго остановлена тѣмъ же Александромъ послѣ страшнаго пораженія Нѣмцевъ въ *ледовомъ* побоищѣ на льду Чудскаго озера (1242 г.). Послѣ этихъ подвиговъ невскаго героя папа завязалъ съ нимъ мирныя сношенія и въ 1248 г. прислалъ къ нему двоихъ легатовъ съ увѣщаніемъ покориться римской церкви, при чемъ указывалъ на то, будто еще отецъ князя Ярославъ хотѣлъ начать дѣло соединенія церквей, но что этому помѣшала его несчастная смерть въ Ордѣ. Невскій отпустилъ легатовъ съ рѣшительнымъ отказомъ.

Св. Довмонтъ. Въ 1265 году пришелъ во Псковъ другой св. князь, герой и защитникъ православія, Литовецъ *Довмонтъ*, бѣжавшій изъ Литвы отъ мщенія родичей убитаго имъ кн. *Миндовга*. Сдѣлавшись псковскимъ княземъ, онъ прославился защитою псковскихъ земель отъ Литвы и Ливонцевъ, которые снова принялись за распространеніе латинства вооруженною силою. Въ 1268 г. онъ участвовалъ въ знаменитой Раковорской битвѣ русскихъ князей противъ Нѣмцевъ и Датчанъ; въ слѣдующемъ году спасъ отъ Нѣмцевъ самый Псковъ. Послѣ своей смерти онъ сталъ небеснымъ покровителемъ Пскова вмѣстѣ съ св. Всеволодомъ псковскимъ.—Не смотря на подвиги Невскаго и Довмонта, владычество ордена твердо укрѣпилось на балтійскомъ поморьѣ; Ливы, Латыши, Чудь были обращены имъ въ католичество и слабые начатки православія вытѣснены были изъ всего края.

Борьба съ Шведами. Между тѣмъ въ Швеціи отъ времени до времени являлись папскія буллы, поджигавшія Шведовъ къ религіозной войнѣ съ Россіей. Недовольствуясь одними набѣгами на Корелу и новгородскія земли, Шведы выдвинули къ русскимъ границамъ свои колоніи—Тавастгусъ, Кекгольмъ и Выборгъ. Новгородцы съ своей стороны на устьѣ Невы построили Орѣшекъ. Орѣховскій миръ съ Шведами 1323 года сопровождался уступкою къ Швеціи части корельской земли, гдѣ были исповѣдники православія еще съ 1227 года. Едва прошло 20 лѣтъ послѣ Орѣховскаго мира, какъ въ 1347 году шведскій король *Магнусъ* открылъ большой религіозный походъ на новгородскія земли. Предварительно онъ отправилъ въ Новгородъ пословъ, прося назначить мѣсто и время для преній о вѣрѣ съ тѣмъ, чтобы всѣ приняли ту вѣру, которая одержитъ верхъ въ спорѣ. Владыка *Василій* добродушно отвѣчалъ, что Новогородцамъ нечего спорить о вѣрѣ, приняли

они ее отъ Грековъ, а потому, если король желаетъ узнать, чья вѣра лучше, пусть пошлетъ съ этимъословъ къ патріарху. Послѣ этаго король опустошилъ всю корельскую и ижорскую землю, повсюду крестилъ народъ въ латинство, взялъ и Орѣшекъ. Но по удаленіи его въ Швецію всѣ завоеванныя мѣста снова отложились отъ Шведовъ, а жители возвратились въ православіе.

Борьба съ католичествомъ на юго-западѣ. Тотъ же папа Иннокентій IV, который сносился съ Невскимъ, завязалъ сношенія съ другимъ знаменитымъ княземъ *Даніиломъ Романовичемъ* галицко-волынскимъ. Тяготясь татарскимъ владычествомъ болѣе всѣхъ русскихъ князей, Даніилъ посылалъ къ папѣословъ съ обѣщаніемъ соединиться съ римской церковію, если папа будетъ помогать ему противъ Татаръ. Буллы одна за другой посыпались въ Галичъ. Папа разрѣшалъ соблюдать греческіе обряды, оставлялъ квасный хлѣбъ въ евхаристіи, обѣщалъ проповѣдниковъ и епископа, далъ Даніилу право отнимать земли у князей, не исповѣдующихъ латинства, далъ королевскій вѣнецъ, но помощи не далъ; на проповѣдь его о крестовомъ походѣ противъ Татаръ никто не откликнулся въ Европѣ, и Даніилъ прекратилъ всѣ спошенія съ Римомъ.— Православіе. оставалось господствующимъ на юго-западѣ до самаго пресѣченія рода галицкихъ князей. Съ 1340 года въ Галиціи водворилось польское владычество, а Волынь соединилась съ Литвой. У православныхъ жителей Галиціи католики стали отнимать церкви и обращать въ костёлы: львовскимъ соборомъ завладѣлъ католическій арцыбискупъ. Съ 1376 года латинство уже имѣло въ Галиціи митрополію и 4 епископіи. Потомъ пришли сюда братья доминиканцы, захватили нѣсколько православныхъ монастырей и завели (1381 г.) свою инквизицію.

Православіе въ Литвѣ. Въ Литву христіанство переходило изъ Россіи и изъ сосѣднихъ католическихъ странъ—Польши и Ливоніи, а потому и здѣсь съ самаго же начала видимъ борьбу православія съ католичествомъ. Въ 1246 г. принялъ православіе кн. *Миндовгъ*, но только наружнымъ образомъ и съ корыстною цѣлью сблизиться чрезъ то съ русскими князьями для борьбы съ Ливонскимъ орденомъ. Потомъ онъ также легко принялъ католичество, чтобы помириться съ рыцарями. Папа далъ ему королевскій титулъ. Но, обманувъ и папу и рыцарей, онъ продолжалъ приносить жертвы старымъ литовскимъ божествамъ. У него былъ жестокій сынъ *Вошелкъ*,

каждый день убивавшій по 3—4 человѣка; и онъ тоже принялъ православіе, даже постригся въ монахи въ построенномъ имъ монастырѣ близь Новогрудка на Нѣманѣ. Убіеніе Миндовга снова обнаружило его кровожадные инстинкты, пробудивъ въ немъ языческую жажду мести. Сбросивъ съ себя монашескую рясу, онъ объявилъ себя княземъ Литвы и перебилъ множество своихъ враговъ. Насытившись местью, онъ отдалъ всѣ свои владѣнія сыну Даніила Галицкаго—*Шварну* и опять ушелъ въ монастырь. Правленіе его было очень полезно для православія въ Литвѣ, потому что для просвѣщенія своей страны онъ нарочно вызывалъ священниковъ изъ Новгорода и Пскова. Большинство литовскихъ князей уже исповѣдывали православіе.

Основатель единаго литовскаго княжества *Гедиминъ* (1315—1345) былъ язычникъ, но, не желая раздражать многочисленныхъ православныхъ жителей подвластныхъ ему русскихъ княжествъ, оказывалъ полную терпимость къ православію, дозволялъ своимъ сыновьямъ принимать крещеніе и строить церкви дочерей своихъ повыдалъ за русскихъ князей и самъ вторымъ и третьимъ бракомъ былъ женатъ на русскихъ княжнахъ.—Сынъ его *Ольгердъ* послѣ вступленія своего на престолъ вздумалъ было опереться на языческую литовскую партію, по настоянію жрецовъ даже замучилъ за православіе тропхъ своихъ придворныхъ—*Антонія*, *Іоанна* и *Евстафія* (языческія литовскія имена ихъ: Кумецъ, Нежило и Круглецъ), но сами Литовцы оказали этимъ мученикамъ такое сочуствіе и въ такомъ множествѣ стали обращаться въ христіанство, что Ольгердъ скоро оставилъ свою языческую ревность и по примѣру своего отца сталъ покровительствовать православнымъ. Онъ былъ два раза женатъ на русскихъ княжнахъ (витебской и тверской), позволилъ крестить въ православіе 12 своихъ сыновей, а подъ конецъ жизни и самъ сдѣлался православнымъ.—Католическое вліяніе тоже проникало въ Литву, но при постоянныхъ связяхъ Литвы съ Русскими не могло ослабить вліянія православнаго; притомъ же опо имѣло тогда очень дурныхъ представителей въ сосѣднихъ орденахъ прусскихъ и ливонскихъ рыцарей, которые проявляли свою католическую ревность потоками крови и были крайне ненавидимы по всей Литвѣ. Одна вѣсть о появленіи латинскихъ проповѣдниковъ приводила язычниковъ въ фанатическую ярость. При Ольгердѣ на виленскихъ горахъ распято 7 францискановъ—миссіонеровъ, тогда какъ ни одинъ русскій священ-

никъ не подвергался никакому оскорбленію, не смотря на тогдашнюю войну Литвы съ Москвою.

Успѣхи католичества при Ягелло. Обстоятельства измѣнились при преемникѣ Ольгерда *Ягелло.* Послѣ его брака съ польской королевой *Ядвигой* послѣдовало вредное для православія соединеніе Литвы съ католической Польшей. Ягелло принялъ въ Польшѣ (1386 г.) католичество и обязался ввести его и между Литовцами. Онъ воротился въ Литву съ ксендзами и началъ насильно крестить язычниковъ. Погасили древній огонь Перкуна въ виленскомъ замкѣ, разрушили свящ. башни, истребили свящ. рощи и свящ. змѣй; разогнали вайделотовъ и вайделотокъ. При этомъ къ католичеству принуждали и тѣхъ Литвиновъ, которые уже были православными. Католичество приняли братья Ягелло и нѣсколько литовскихъ князей. Двое православныхъ литовскихъ вельможъ за отказъ послѣдовать примѣру в. князя были казнены. Латинская пропаганда коснулась и русскихъ областей, соединенныхъ съ Литвою. Всѣ православные были объявлены лишенными права гербовъ, шляхетства и чиновной службы. Русскіе и Литовцы сильно вознегодовали на Ягелло, который притомъ же совсѣмъ отдался Полякамъ и жилъ даже не въ Литвѣ, а въ Польшѣ. Соединясь вмѣстѣ, они провозгласили своимъ княземъ его двоюроднаго брата *Витовта.* Витовтъ тоже былъ католикъ, но онъ лучше брата понималъ, какъ неумѣстно въ Литвѣ заявлять свою преданность папѣ насиліемъ, и отличался терпимостію. Католичество все-таки было объявлено господствующею религіей во всемъ литовскомъ княжествѣ; въ Вильнѣ и Кіевѣ учреждены латинскія епископіи; явились ксендзы и католическіе монахи. Многіе изъ православныхъ ради житейскихъ выгодъ стали переходить въ католичество.— Преемникъ Витовта *Свитригайло* явился ревнителемъ православія, выгналъ латинскихъ монаховъ, ксендзовъ и бискуповъ и пережегъ костелы по всей Литвѣ. Но когда Поляки посадили на его мѣсто *Сигизмунда*, ревностнаго католика, православіе дорого поплатилось за свое короткое торжество; большая часть его церквей была разорена. Вскорѣ за тѣмъ послѣдовала флорентійская унія. Католическая церковь, видя невозможность распространить въ западной Россіи и Литвѣ чистое латинство, ухватилась теперь за эту унію. Кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался ученикъ м. Исидора уніатъ Григорій и управлялъ цѣлыхъ 20 лѣтъ.

Прав. храмы. Тяжкія бѣдствія русской земли сопровождались сильнымъ возбужденіемъ народнаго благочестія. Оно прежде всего выразилось строеніемъ множества церквей и монастырей. Особенно много строилось церквей во время голода, мора и др. народныхъ бѣдствій: это, такъ называемыя, церкви *обытныя* и *обыденныя*, которыя строились по обѣту и обыкновенно въ одинъ день, даже въ одно утро, и тутъ же освящались. Сговорившись на сходѣ, жители города или селенія шли въ лѣсъ, рубили бревна, свозили, а иногда изъ усердія сами сносили ихъ на мѣсто и всѣмъ міромъ выстраивали церковь во имя дневнаго святаго; если бѣдствіе не прекращалось, точно также въ одинъ день строили другую церковь и т. д. Во всѣхъ городахъ было очень много церквей, даже больше, чѣмъ слѣдовало, такъ что ихъ нечѣмъ было и содержать. Особенно большимъ количествомъ церквей и богатымъ украшеніемъ ихъ отличались Новгородъ и Псковъ, а подъ конецъ описываемаго времени Москва. Лучшіе русскіе мастера для строенія и украшенія церквей тоже были въ Новгородѣ и Псковѣ; удобнѣе всего можно было достать здѣсь и нѣмецкихъ мастеровъ. Любопытны лѣтописныя извѣстія о колокольняхъ и колоколахъ, какъ видится, очень интересовавшихъ общество. Владиміръ Галицкій слилъ такіе дивные колокола, какихъ не было по всей землѣ. Тверскому соборному колоколу завидовали и въ Москвѣ; Калита, занявъ Тверь въ 1338 г., увезъ его къ себѣ. Описывая разореніе Москвы Тохтамышемъ, лѣтописецъ между прочимъ сѣтуетъ, что не стало „позвоненія въ колоколы“.

Сохранилось вполнѣ прежнее *общественное значеніе храмовъ.* Какъ Новгородъ былъ городомъ св. Софіи, Псковъ—св. Троицы и т. д., такъ и сама Москва съ своимъ домомъ Богородицы—Успенскимъ соборомъ—была землею Богородицы; пограничная съ Литвой рѣчка Угра называлась поясомъ Богородицы. Встрѣчаемъ обычное въ удѣльномъ бытѣ неуваженіе къ чужимъ храмамъ, разореніе ихъ во время войнъ. Въ 1393 и 1398 годахъ Новогородцы брали Устюгъ и оба раза грабили его соборъ. Михаилъ тверской разграбилъ церкви и монастыри въ Торжкѣ; тоже сдѣлалъ Василій Темный въ Галичѣ. Находимъ ясныя указанія относительно важнаго значенія храма для приходской общины. Одно изъ выразительнѣйшихъ проявленій приходской жизни—*братчина*—составляла повсемѣст-

пое явленіе. Грамоты князей давали братчинамъ разныя льготы и права—варить свое пиво и медъ, безпенно для общины высылать незванныхъ гостей—волостелей, доводчиковъ, и др. чиновниковъ, наконецъ самимъ разбирать произшедшія на братскомъ пиру ссоры и побои; братчина судила, какъ судья, и передавала княжескому суду только дѣла уголовныя и такія, которыхъ не могла кончить во время своего собранія. Въ такомъ видѣ временной, праздничной сходки братчина является и послѣ до XVII в. по всей Великороссіи. Въ западной Россіи она развилась до формы постояннаго союза, превращалась въ постоянное *братство*. Магдебургское право городовъ и ихъ цѣховое устройство въ связи съ обычнымъ патронатомъ общинъ надъ приходскими церквами были главными элементами, изъ которыхъ организовались юго-западныя братства. Они имѣли уже постоянныхъ старостъ и постоянныхъ членовъ; нѣкоторыя получали утвержденіе правительства въ жалованныхъ грамотахъ. Раньше другихъ становятся извѣстными братства во *Львовѣ* (1439 г.) и *Вильнѣ* (1458 г.).

Свв. иконы. Украшая храмы, любили расписывать ихъ иконами. Писаніе иконъ считалось неприличнымъ поручать Нѣмцамъ, оно производилось или греческими или русскими мастерами. На иконописное художество былъ большой запросъ, а потому иконописцевъ было много; они соединялись въ артели или дружины подъ управленіемъ старостъ; были особыя дружины в. князя и митрополита, состоявшія на ихъ содержаніи. Лучшими иконописцами въ XV в. считались: *Ѳеофанъ* Грекъ, *Даніилъ* и *Андрей Рублевъ*. Иконописаніемъ занимались нѣкоторые изъ замѣчательныхъ духовныхъ лицъ, наприм. *пр. Діонисій глушицкій*, *св. Петръ* митрополитъ, новгородскій владыка *Василій* и др.

Вѣра въ *чудотворную* силу нѣкоторыхъ св. иконъ находила себѣ неоднократное оправданіе въ жизни. Во время Куликовской битвы прославилась *Донская* икона Богоматери, находившаяся въ войскѣ в. князя; послѣ битвы плѣнные Татары объясняли свое пораженіе видѣніемъ молніеноснаго полка, который шелъ на войско Мамая подъ водительствомъ грозной небесной Воительницы. Въ новый стольный городъ в. князя изъ Владиміра перенесена икона *Владимірской* Богоматери. Во время нашествія *Тамерлана* (1395 г.) ее торжественно встрѣтили въ Москвѣ и поставили въ Успенскомъ соборѣ. Въ самый день и часъ ея встрѣчи Тамерланъ бѣжалъ изъ Россіи, устрашенный видѣніемъ грозной свѣтоносной Жены.—Въ раз-

ныхъ мѣстахъ явились новыя чудотворныя иконы: въ XIII в. *Ѳеодоровская* въ Ярославлѣ, *Путивльская*, *Устюжская*, *Муромская*, *Курская-Коренная*, въ XIV в. *Тихвинская*, *Толгская* и др. Большею частію чудотворныя иконы по прежнему чтились только мѣстно. Въ 1398 г. Новогородцы разграбили Устюгъ, похитили множество иконъ и между ними икону *Одигитріи*—мѣстную святыню города. За это они были наказаны тяжкою болѣзнью. Владыка велѣлъ имъ воротить святыню на мѣсто; они послушались и исцѣлѣли. Перенесеніемъ Владимірской иконы въ Москву началось важное дѣло собиранія мѣстныхъ святынь въ одно центральное мѣсто, около котораго собирались и всѣ удѣльныя земли; въ Москвѣ эти святыни должны были потомъ получить общерусское значеніе.

Чествованіе святыхъ. Кромѣ явленія чудотворныхъ иконъ русское благочестіе утѣшалось открытіемъ новыхъ мощей русскихъ угодниковъ—святителя Петра, св. Александра Невскаго, пр. Сергія и др. святыхъ. Открытіе мощей св. Александра послѣдовало во время нашествія Мамая; попомарь Рождественскаго монастыря (во Владимірѣ), гдѣ почивали мощи святаго, видѣлъ видѣніе: два старца вышли изъ алтаря, подошли ко гробу Александра и сказали: „встань и спаси правнука твоего Димитрія, одолѣваемаго иноплеменниками“; усопшій князь всталъ и ушелъ. И святые тоже большею частію чтились только мѣстно, наприм. Георгій II владимірскій, Василько ростовскій, Михаилъ черниговскій, Романъ рязанскій, Довмонтъ псковскій, Михаилъ тверской, Игнатій епископъ ростовскій и друг. Въ Новгородѣ въ послѣднее время его самостоятельности видимъ какое-то соревнованіе святынями съ Москвой; послѣдніе владыки старались собрать и увѣковѣчить въ письмени все, что было славнаго въ его старинѣ. Владыка *Евѳимій* (1430—1458) открылъ мощи владыки Іоанна, послужившаго чуду Знаменія Богородицы, и Варлаама хутынскаго, святыхъ наиболѣе славныхъ въ новогородскихъ преданіяхъ, и установилъ 4 октября память всѣхъ князей и владыкъ, положенныхъ во св. Софіи. Преемникъ его *Іона* заставилъ славнаго тогда ритора *Пахомія Серба* писать житія новгородскихъ святыхъ и не щадилъ для него ни даровъ, ни почестей. Замѣчательно, что только въ послѣднее время при этомъ Іонѣ Новгородъ сталъ почитать великаго покровителя Москвы пр. Сергія и въ 1463 г. создалъ у себя первый храмъ въ честь его. Въ Москвѣ новогородскихъ святыхъ не чтили долго спустя и послѣ этаго. „Каждая страна, по словамъ житія

св. Прокопія устюжскаго, своихъ святыхъ блажила. Новгородъ славитъ архіепископовъ своихъ Іоанна, Евфимія, Никиту, Іону и преподобныхъ Варлаама, Савву и Михаила клопскаго; Псковъ блажитъ Всеволода, Авраамія и Савву; Москва величаетъ Петра, Алексія и Іону; Ростовъ блажитъ Леонтія, Исаію и Игнатія, пр. Авраамія и Исидора; Вологда блажитъ Димитрія, Корнилія комельскаго, Павла и Сергія на Нурмѣ. Мы же тебя, Прокопіе, имѣемъ стражемъ и заступникомъ граду Устюгу". Въ „Плачѣ земли Пермской" (при житіи св. Стефана) можно видѣть, какъ сильно чуствовала земля потерю мощей своего святаго: „если бы гробъ твой находился въ землѣ нашей, какъ къ живому, мы приходили бы къ тебѣ... За что обидѣла насъ Москва? Она имѣетъ у себя и митрополитовъ и святителей; а у насъ былъ одинъ епископъ,—и того къ себѣ взяла".

Въ честь новоявленныхъ иконъ и святыхъ установлялись *новые праздники*. Праздновали также дни особенныхъ благодѣяній Божіихъ, напр. день срѣтенія Владимірской иконы и бѣгства Тамерлана (26 авг.). Послѣ Куликовской битвы установлена (предъ 26 октября) *Димитріевская* суббота для поминовенія павшихъ за православіе воиновъ. Составлялись и новыя службы, напр. святителю Петру, написанная *Прохоромъ* епископомъ ростовскимъ, св. Алексію—*Питиримомъ* пермскимъ, тропари и кондаки Сергію радонежскому и Михаилу черниговскому. Особенность русскихъ службъ этаго времени составляютъ молитвы объ избавленіи отъ Агарянъ.

Богослужебныя книги существовали уже въ полномъ составѣ. Новыя чинопослѣдованія, по мѣрѣ того, какъ составлялись въ Греціи, переходили и къ намъ въ славянскомъ переводѣ. Всякаго чина люди, особенно духовные, усердно занимались перепиской богослужебныхъ книгъ. Много писали ихъ на Аѳонѣ и въ Константинополѣ русскіе путешественники по св. мѣстамъ и русскіе иноки, подвизавшіеся въ тамошнихъ монастыряхъ. Все таки ихъ оказывалось очень мало; многія церкви не могли покупать ихъ по ихъ необычайной дороговизнѣ. Весьма вреднымъ явленіемъ въ исторіи богослужебныхъ книгъ была порча ихъ вслѣдствіе невѣжества и небрежности переписчиковъ. Ошибки явились даже въ спискахъ самыхъ употребительныхъ книгъ, Евангелія, Апостола, Псалтыри. Св. Алексій почелъ нужнымъ самъ переводить и исправлять съ греческаго текста весь Новый Завѣтъ. М. Кипріанъ нашелъ въ богослуженіи большія неисправности. Игуменъ Аѳанасій

спрашивалъ его о томъ, сколько молитвъ священникъ долженъ читать на вечерни и утрени и когда читать Евангелія Великаго Четверга. Изъ Пскова ему писали, что тамъ во всемъ городѣ не было церковнаго Устава; онъ послалъ туда уставъ службы Іоанна Златоустаго и Василія Великаго, чины крещенія, вѣнчанія, освященія воды и послѣдованіе въ недѣлю Православія. Митрополитъ много заботился объ исправленіи книгъ; но, исправляя въ нихъ нѣкоторыя разности и ошибки, онъ вводилъ вмѣсто нихъ не мало новыхъ, бывшихъ слѣдствіемъ сербскихъ особенностей его рѣчи. Послѣ него объ исправленіи богослуженія заботился м. Фотій. Изъ посланій его во Псковъ узнаемъ, что псковское духовенство не знало, когда совершать литургію Златоустаго, какъ приготовлять агнецъ для литургіи преждеосвященныхъ даровъ и между прочимъ какъ пѣть „аллилуія“, дважды или трижды.

Особенности Богослуженія. Самыя замѣчательныя опредѣленія касательно богослуженія заключаются въ правилахъ владимірскаго собора 1274 г., въ отвѣтахъ константинопольскаго собора 1301 г. на вопросы Ѳеогноста сарайскаго и въ посланіяхъ мм. Фотія и Кипріана. Изъ этихъ же памятниковъ можно видѣть нѣкоторыя особенности русскаго богослуженія. Посланія Кипріана и Фотія въ Псковъ вооружаются противъ обливательнаго крещенія, которое проникало туда съ запада, и противъ употребленія латинскаго мура при муропомазаніи. Младенцевъ теперь принято было крестить какъ можно скорѣе. Одному крещаемому, по наставленію Фотія и Кипріана, должно было имѣть одного воспріемника или воспріемницу, а не обоихъ вмѣстѣ.—Относительно литургіи возникъ вопросъ; какъ служить ее, когда поповъ нѣсколько, а дьякона нѣтъ? На константинопольскомъ соборѣ рѣшили, что младшій попъ долженъ говорить за дьякона ектеніи въ алтарѣ. Но м. Кипріанъ утверждалъ, что это незаконно, потому что попъ есть попъ, а дьяконъ—дьяконъ, и если іерей дьяконствуетъ, то онъ выходитъ ни попъ, ни дьяконъ. Владимірскій соборъ осудилъ псковскій обычай просфоромисать на литургіи дьякону, притомъ прежде священника. Антиминсъ былъ необходимой принадлежностію для литургіи. Поэтому во Псковѣ за недостатей антиминсовъ рѣзали ихъ на части; Кипріанъ строго запретилъ это и послалъ во Псковъ 60 антиминсовъ. Константинопольскимъ соборомъ дозволено служить нѣсколькимъ священникамъ на нѣсколькихъ агнцахъ вмѣстѣ, но возносить только одинъ изъ нихъ. Безъ вина служить не дозволялось,

по вѣроятно случаи были. Ѳеогность спрашивалъ, пельзя ли служить на виноградной сухой вѣтви; отвѣчено,—пельзя. Татямъ, душегубцамъ, сквернословамъ, живущимъ съ женами безъ благословенія и четвероженцамъ Фотій и Кипріанъ запрещали давать причастіе; троеженцы тоже отлучались отъ причастія на 5 лѣтъ. Монахамъ не дозволялось совершать вѣнчанія, равно какъ священнику считалось неприличнымъ совершать постриженіе въ монашество. Постриженіе въ монашество передъ смертію считалось необходимымъ и Ѳеогность высказывалъ недоумѣніе, какъ быть, когда умирающій не желаетъ постричься. Константинопольскій соборъ запретилъ его принуждать въ этомъ случаѣ. Въ опредѣленіяхъ того же собора находимъ любопытное запрещеніе при погребеніи епископа давать ему въ руки тѣло Христово. Посланіе Фотія въ Новгородъ заключаетъ въ себѣ замѣчательное опредѣленіе противъ господствовавшаго въ тогдашней судебной практикѣ *поля* или судебнаго поединка: выходящему на поле не давать причастія, убитаго на полѣ не хоронить, а убившаго отлучать отъ церкви на 18 лѣтъ. Церковь признавала судъ Божій, лежавшій въ основѣ судебныхъ поединковъ, только въ одной формѣ крестнаго цѣлованія. Въ 1410 году въ новгородскомъ соборѣ сотворилось чудо отъ иконы муч. Гурія, Самона и Авива, открывшее похитителей церковныхъ сосудовъ. Послѣ этаго владыка Іоаннъ судящимся въ кражѣ не велѣлъ ходить ко кресту, а ходить къ иконѣ мучениковъ. На литургіи нарочно вынимались частицы изъ просфоры съ особо-составленной молитвой мученикамъ; эту просфору потомъ давали вкушать подсудимымъ для указанія виновныхъ и невинныхъ.

Противодѣйствіе обрядовому благочестію. Крайнее развитіе обрядоваго благочестія вызывало обличенія церковныхъ учителей. Нѣкоторыя поученія доказываютъ, что нѣтъ пользы для души морить свою плоть постомъ и не накормить алчнаго, изнурять своего раба, что наружный постъ не пользуетъ безъ внутренняго, что нельзя купить спасенія вкладами въ монастыри, строеніемъ церквей, даже щедрою милостынею безъ самоисправленія и т. п. Этими обличеніями дѣло не ограничилось; крайность обрядоваго направленія вызвала другую крайность—отрицанія обрядовъ. Въ концѣ XIV в. въ Ростовѣ явился какой-то еретикъ *Маркіанъ*; онъ училъ, что не нужно кланяться иконамъ, что иконы—идолы, распространялъ и другія зловредныя мысли. Онъ имѣлъ успѣхъ у самаго князя и бояръ, потому что былъ хитръ въ словахъ и

въ книгахъ коварепъ. *Св. Іаковъ* епископъ ростовскій посрамилъ его въ публичномъ преніи и выгналъ изъ Ростова. Болѣе опасная ересь, отвергавшая уже всю церковную впѣшность и іерархію, въ XIV в. возникла во Псковѣ.

Ересь Стригольниковъ. Мы уже видѣли постоянныя столкновенія Псковичей съ новогородскими владыками. Оппозиція противъ іерархическаго подчиненія Новгороду ухватилась за обычай всѣмъ ставленникамъ платить ставленыя пошлины и отсюда, какъ изъ исходнаго пункта, развила цѣлую ересь *Стригольниковъ.* Вождями этой ереси въ 70-хъ годахъ XIV столѣтія явились дьяконъ *Никита* и нѣкто *Карпъ*, называемый Стригольникомъ (по одному объясненію онъ былъ разстрига—дьяконъ, по другому—ремесломъ стригольникъ). Еретики отрицались отъ пастырей церкви, какъ отъ незаконныхъ, поставленныхъ на мздѣ; затѣмъ переходили къ разбору ихъ жизни, находили, что архіереи и монахи собираютъ себѣ много имѣнія, все духовенство укоряли въ томъ, что оно беретъ поборы съ живыхъ и мертвыхъ и дурно живетъ; а отсюда выводили, что не нужно слушать ученія такихъ пастырей, что всѣ священнодѣйствія и таинства ихъ не дѣйствительны; не нужно принимать отъ нихъ ни крещенія, ни покаянія, ни евхаристіи, не нужно пѣть надъ умершими, ни поминать ихъ, ни приносовъ за нихъ приносить, ни милостыню раздавать. Отвергнувъ іерархію, еретики естественно должны были право учительства усвоить мірянамъ, а священнодѣйствія по возможности вовсе устранить; каяться, говорили они, можно и безъ священника, припадая къ землѣ; евхаристію нужно понимать въ духовномъ смыслѣ; другія таинства и обряды вовсе не нужны. Нѣкоторые изъ еретиковъ доходили до отрицанія соборовъ, даже евангельскихъ и апостольскихъ писаній, другіе отвергали еще воскресеніе мертвыхъ и впадали въ матеріализмъ. Въ морали они всѣ однако придерживались аскетическихъ идей, отличались строгой жизнью и постничествомъ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, такая раціоналистическая ересь главнымъ образомъ распространялась между людьми образованными, книжниками. Изъ Пскова она перешла въ Новгородъ, гдѣ тоже нашла себѣ удобную почву; перешли сюда и сами ересеначальники Карпъ и Никита. Въ 1375 г. владыка отлучилъ ихъ отъ церкви, а народъ схватилъ ихъ и бросилъ въ Волховъ. Смерть еретиковъ однако не ослабила ереси. Въ 1381 г. услыхалъ объ ней патріархъ *Нилъ* и послалъ въ Новгородъ и Псковъ увѣщательное посланіе. Его преемникъ

Антоній прислалъ еще два посланія съ подробнымъ опроверженіемъ ереси. М. Фотій тоже писалъ три посланія противъ еретиковъ во Псковъ. Псковичи возревновали о православіи, перехватали еретиковъ въ тюрьму, нѣкоторыхъ казнили. Похваляя ихъ ревность, Фотій однако укорялъ ихъ за смертныя казни еретикамъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, о Стригольникахъ больше не слышно, но раціоналистическое движеніе, возбужденное ими, не изчезло и, какъ увидимъ, снова вскрылось въ другой опасной ереси Жидовствующихъ.

Состояніе нравовъ.

Обрядовое благочестіе не могло много содѣйствовать развитію нравственной жизни. Изъ среды православныхъ выдвигались свѣтлыя личности, представлявшія собою образецъ истиннаго благочестія, проникающаго всю жизнь, каковы: святители Петръ, Алексій, Іона, Игнатій ростовскій, Стефанъ пермскій, князья Александръ Невскій, Довмонтъ, Михаилъ тверской и др., также многочисленный сонмъ подвижниковъ сѣвера съ своимъ главою Сергіемъ. Но общее впечатлѣніе, какое выносится изъ изученія нравовъ описываемаго времени, очень грустное. Большая часть изслѣдователей народной жизни видятъ здѣсь начало всего дурнаго въ русскомъ народномъ характерѣ. Трудно судить о томъ, лучше или хуже стала народная нравственность сравнительно съ прежнимъ временемъ, но дѣйствительно было много обстоятельствъ, которыя не благопріятно дѣйствовали на нравы и сильно мѣшали преуспѣянію христіанской жизни.

Первымъ обстоятельствомъ такого рода было *монгольское иго*, поставившее Россію подъ огрубляющее вліяніе дикаго народа, унижавшее и портившее народъ восточнымъ рабствомъ. Сами князья должны были ѣздить въ Орду съ заявленіемъ рабской покорности и постоянно трепетать предъ безсмысленной силой ордынскаго деспота, предъ многочисленными доносами шпіоновъ, даже своихъ братій князей. Каждый разъ предъ поѣздкой въ Орду они исповѣдывались и причащались, какъ передъ смертью, а по возвращеніи служили благодарственные молебны. Для народа эта школа рабства была еще тяжелѣе; нужно было клаияться всякому заѣзжему Татарину, исполнять все, чего онъ потребуетъ, отдѣлываться обманами и поклонами, когда Татаринъ расходится. Одинъ сильный человѣкъ не вы-

терпитъ и убьетъ Татарина; другой сильный человѣкъ убьетъ за это его самаго, спасая русскую землю отъ татарской мести; а лѣтописецъ похвалитъ послѣдняго и осудитъ перваго за недостатокъ смиренія, которое „вся козни и сѣти діавольскія разрушаетъ“. Двоедушіе, хитрость, низкопоклонничество, низкія проявленія инстинкта самосохраненія дѣлаются добродѣтелями времени, которыя проповѣдуетъ и лѣтописная мораль.

Съ другой стороны внутри самой Россіи совершался тяжелый *переходъ отъ удѣльно-вѣчеваго уклада къ единодержавному*, который тоже дурно дѣйствовалъ на нравы. При усиленіи одного княжества на счетъ другаго употреблялись всякія средства безъ разбора,—клевета въ Ордѣ одного князя на другаго, насилія, хитрость, коварства, небывалыя жестокости усобицъ. Въ администраціи, при подавленіи старыхъ вѣчевыхъ началъ, видимъ крайнія проявленія торжества новыхъ началъ, жестокость казней, насилія приказныхъ властей, поборы, неправды, противъ которыхъ такъ сильно возстаютъ посланія церковныхъ учителей къ князьямъ и властелямъ. Полоцкій князь спрашивалъ епископа тверскаго Симеона: „гдѣ быть на томъ свѣтѣ тіунамъ?“—Гдѣ и князьямъ, отвѣчалъ Симеонъ. „Но тіунъ неправо судитъ, дѣлаетъ зло, беретъ взятки, а я что дѣлаю?“—Если князь безъ страха Божія, не милуетъ христіанъ, тіуна ставитъ злаго, неправеднаго, лишь бы онъ добывалъ ему куны, пускаетъ его, какъ пса на падаль, губитъ людей: то и князь будетъ въ аду и тіунъ его тамъ же.—Насилія сильныхъ, коварство слабыхъ, общее недовѣріе другъ къ другу ослабляли всѣ общественныя узы. Лѣтописи и житія святыхъ постоянно говорятъ о разбояхъ, поджогахъ, грабежахъ и убійствахъ.

Но и среди такихъ обстоятельствъ нельзя не замѣчать въ обществѣ того времени *проявленія христіанскихъ понятій*. Это общество выставило изъ среды своей много праведниковъ и пророковъ, проповѣдывавшихъ лучшіе нравы и обличавшихъ современныя нестроенія. Тяжкія бѣды были исправительнымъ бичемъ Божіимъ; съ теченіемъ времени и поученія и лѣтописная публицистика все чаще и чаще призываютъ всѣхъ къ христіанской любви и соединенью. Голодъ, нападеніе Татаръ, знаменіе на небѣ—все служитъ для лѣтописца поводомъ къ проповѣди о покаяніи. Подъ вліяніемъ тяжкихъ обстоятельствъ, къ которымъ присоединялись еще слухи о бѣдствіяхъ востока, сильно распространилась мысль о приближеніи кончины міра, временемъ которой назначали конецъ седьмой

тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра. Эту мысль встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ, у м. Кипріана, м. Фотія и другихъ учителей. О переводныхъ трудахъ св. Стефана въ Москвѣ говорили: „прежде не было грамоты въ Перми; за чѣмъ замышлять ее въ исходѣ 7000 лѣтъ за 120 лѣтъ до кончины?“ Въ Софійской лѣтописи подъ 1459 г. написано: „здѣ страхъ, здѣ скорбь велика: якоже въ распятіи Христовѣ сей кругъ бысть 23, лупы 13, сіе лѣто на концы явися, въ опыже чаемъ всемірное пришествіе Христово. О Владыко! умножишася беззаконія паша на земли: пощади, Владыко!“ Годъ прошелъ благополучно и лѣтописецъ записалъ: „того лѣта не бысть ничтоже“. Но потомъ годъ отъ году усиливаются у него страшливыя замѣчанія по поводу разныхъ бѣдствій. Пасхаліи не доводили дальше 7000 (1492) года; за этимъ годомъ ставили кружокъ и приписывали: „горе достигшимъ до конца временъ“.

Обществу приходилось каяться во многихъ грѣхахъ. Кромѣ общественной неурядицы важными пороками страдала и *частная жизнь*. Слышимъ жалобы на грубые пороки пьянства, сквернословія, чувственности. Женщина окончательно запирается въ теремѣ, который общество признало необходимымъ и единственнымъ средствомъ сохранить семейную чистоту. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ нравы грубѣе. М. Іона въ своемъ посланіи въ Вятку обличаетъ жителей за то, что нѣкоторые изъ нихъ брали женъ по 5, 7 и даже 10, а попы ихъ благословляли; нѣкоторые жили съ женами и вовсе безъ вѣнчанія. Но и внутри Россіи въ 1406 г. встрѣчаемъ звѣрское убійство княгини вяземской *св. Іуліаніи* въ Торжкѣ послѣднимъ княземъ смоленскимъ *Юріемъ* за то, что она не хотѣла удовлетворить его плотской страсти,—явленіе, въ нѣкоторой степени оправдывающее тогдашнее убѣжденіе въ необходимости терема для женщины.

Остатки язычества были еще очень сильны въ народѣ. Вѣра въ волхвовъ и вѣдьмъ, ихъ заговоры, зелья, наузы и другія чародѣйныя средства была господствующею вездѣ. Во Псковѣ однажды по случаю язвы сожгли 12 вѣдьмъ; во Владимірѣ во время бездождія выкапывали изъ земли утопленниковъ. Во всѣхъ классахъ народа распространена была вѣра въ сонъ, встрѣчу, полазъ, птичій грай и др. примѣты. Продолжались жертвы разнымъ домовымъ, лѣшимъ, водянымъ и др. божествамъ старины. Народное веселье сопровождалось языческими обрядами даже во время церковныхъ праздниковъ, если послѣдніе совпадали по времени съ прежними языческими. Но съ дру-

гой стороны видно, что въ языческой памяти многое успѣло уже затемниться; поученія противъ язычества помнятъ еще имена старыхъ боговъ, но уже неясно понимаютъ ихъ миѳическое значеніе, перепутываютъ ихъ между собою и неловко сопоставляютъ ихъ съ божествами греческой миѳологіи. Главное вниманіе обличителей язычества обращается на остатки стараго культа, который хранился въ большей свѣжести; но и здѣсь наряду съ дѣйствительными остатками язычества ставятся пустыя проявленія обыкновеннаго народнаго веселья, пляски пѣсни, музыка и народная поэзія. Такимъ образомъ языческія преданія видимо теряли свою свѣжесть. Это былъ значительный шагъ впередъ. Вмѣсто прежняго грубаго двоевѣрія, механическаго соединенія двухъ вѣръ почти безъ измѣненія той и другой, является двоевѣріе болѣе тонкое, состоящее изъ органическаго соединенія старой и новой вѣры, при которомъ и та и другая терпятъ значительныя перемѣны; языческія понятія уступаютъ христіанскимъ, но за то и послѣднія теряютъ свою возвышенность и низводятся до степени наивнаго, полуязыческаго смысла народа. Это было начало господства всякаго рода суевѣрій и апокрифовъ, въ которыхъ впрочемъ впервые выразилось самодѣятельное отношеніе народа къ христіанству вмѣсто прежняго пассивнаго, дѣйствительное усвоеніе его народнымъ умомъ и чувствомъ, а на механическое уже, неосмысленное заучиваніе его догматическихъ и нравственныхъ формулъ. Болѣе совершенное усвоеніе православія могло явиться только съ очищеніемъ самаго народнаго смысла, при большемъ развитіи религіознаго образованія.

Религіозное образованіе.

Религіозное образованіе описываемаго времени развивалось подъ самыми неблагопріятными условіями. Татарскія нашествія разрушали и школы и монастыри съ ихъ библіотеками. Во время раззоренія Москвы при Тохтамышѣ погибло множество книгъ, снесенныхъ въ московскій кремль для сохраненія со всего города и окрестностей. Съ другой стороны среди постоянныхъ удѣльныхъ дракъ все вниманіе лучшихъ людей общества было отвлечено отъ книги къ мечу. Москва до самаго Іоанна III была чѣмъ-то въ родѣ военнаго лагеря, гдѣ мало думали о почитаніи книжномъ, а между тѣмъ она была средоточіемъ всей исторической жизни. Одинъ Новгородъ проявлялъ нѣкоторую образованность вслѣдствіе своихъ сношеній съ западомъ. Школы, заведеніе которыхъ прежде такъ поощрялось князьями,

закрывались; въ XVI в. мы услышимъ жалобы на то, что въ Россіи уже вовсе не было школъ. Само духовенство плохо удовлетворяло своему просвѣтительному призванію. М. Исидоръ на флорентинскомъ соборѣ говорилъ, что на Руси сами епископы люди некнижные;—отзывъ слишкомъ рѣзкій, но извѣстно также, что для епископовъ нужнымъ оказалось составить особый сборникъ поученій на воскресные и праздничные дни, по которому бы они учили народъ. Низшее духовенство м. Кипріанъ прямо обвинялъ въ невѣжествѣ и указывалъ на толстые сельскіе сборники, которые попы наполняли молитвами о трясавицахъ и нежитяхъ и разными суевѣрными сказаніями. Среди этой скудости образованія въ церковной письменности находимъ очень мало оригинальныхъ произведеній; главнымъ источникомъ образованія были переводы съ греческаго.

Переводная письменность вслѣдствіе этаго видимо усилилась. Русскіе нарочно ѣздили на востокъ за книгами. Изъ путешествія Стефана Новгородца узнаемъ, что въ Студійскомъ монастырѣ при немъ жили Новгородцы *Иванъ* да *Добрило* для списыванія книгъ. Съ тою же цѣлію игуменъ *Аѳанасій* высоцкій прожилъ въ Царѣградѣ цѣлыхъ 20 лѣтъ. Не пересчитывая множества переводовъ библейскихъ книгъ, твореній св. отцовъ, житій, прологовъ, патериковъ, укажемъ на болѣе важные переводные труды. О м. Кириллѣ II, созвавшемъ владимірскій соборъ 1274 г., извѣстно, что онъ выписалъ изъ Болгаріи *переводъ Номоканона* въ полномъ его видѣ съ прибавленіемъ новыхъ церковныхъ постановленій до XIII в. и толкованій, которыхъ въ нашихъ прежнихъ Кормчихъ не было. Извѣщая объ этомъ соборѣ, онъ говорилъ, что доселѣ церковныя правила „помрачены бяху облакомъ мудрости еллинскаго языка, нынѣ же облистана, рекше истолкованы быша, и благодатію Божіею ясно сіяютъ, невѣденія тьму отгоняюще“. Отъ XIII вѣка сохранились два списка Кормчей (софійскій и рязанскій), бывшіе протогипами всѣхъ ея позднѣйшихъ редакцій на Руси.—Для религіознаго просвѣщенія древней Руси имѣли большое значеніе переводные *сборники*, каковы наприм. сборникъ писателя XI в. *Никона Черногорца* изъ статей догматическаго, нравственнаго, литургическаго и каноническаго содержанія; книга *Пчела*, списки которой у насъ идутъ съ XIV в. и въ которой помѣщались изрѣченія и притчи св. писанія, отцевъ церкви, философовъ, поэтовъ и историковъ о разныхъ предметахъ; *Златая Цѣпь*, русскій сборникъ изъ поученій св. отцевъ и русскихъ статей; *Паисіевскій*

сборникъ съ многими русскими статьями и передѣлками греческихъ переводовъ на русскіе нравы; *Матица Златая* (XV в) и многіе другіе.

Статья объ истинныхъ и ложныхъ книгахъ. Вслѣдствіе умноженія переводовъ особенную важность получило опредѣленіе о книгахъ истинныхъ и ложныхъ, потому что на ряду съ истинными книгами изъ Греціи, Болгаріи и Сербіи къ намъ перешло множество апокрифовъ. Это опредѣленіе занесено къ намъ изъ Греціи еще раньше, находится еще въ сборникѣ Святослава, но въ прежнее время, при наивной довѣрчивости ко всему сообщаемому, оно не имѣло большаго значенія. Теперь явилась потребность въ сортировкѣ книгъ,—начало сознательнаго отношенія къ предметамъ чтенія. Въ полномъ видѣ статья о книгахъ находится въ Паисіевскомъ сборникѣ и молитвенникѣ м. Кипріана; потомъ она распространилась во множествѣ списковъ съ разными варіантами и дополненіями изъ русскаго быта и русскихъ суевѣрій. Изъ апокрифовъ, которые въ ней запрещаются, одни относятся къ библейской исторіи, наприм. Адамовъ завѣтъ, Сноова молитва, Енохъ, Лѣствица Іакова, Завѣтъ 12 патріарховъ, Имена ангеломъ, О древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ, Дѣяніе Павла, Посланіе Варнавы, Евангеліе отъ Оомы и другое отъ Варнавы и т. п., другіе содержатъ въ себѣ разныя народныя понятія о явленіяхъ природы и суевѣрія, наприм. Остроѳомія, Чаровникъ, Громникъ, Сносудецъ, Волховникъ съ примѣтами: храмъ трещитъ, ухозвонъ, воронограй, курокликъ, пёсъ воетъ, мышепискъ, сонъ страшенъ, кошка мяукаетъ, стѣнощелкъ и пр., Путникъ (о встрѣчахъ), Зелейникъ и т д. О нѣкоторыхъ апокрифахъ прямо замѣчено, что они произошли отъ болгарскихъ поповъ Богомила и Іеремія.—Апокрифы быстро распространялись, потому что народная масса нашла въ нихъ сродныя себѣ понятія, болѣе понятныя, чѣмъ чистое христіанское ученіе, и обильную пищу для своей наивной фантазіи и пытливости. Православіе въ нихъ было понижено до степени народнаго міросозерцанія, искажено примѣсью легендъ и суевѣрій, но зато въ такомъ видѣ легче дѣлалось достояніемъ народнаго сознанія. Даже лучшіе церковные писатели пользовались апокрифами съ полнымъ довѣріемъ; сами канонизаторы книгъ—составители ихъ списка—въ числѣ истинныхъ книгъ помѣщали и ложныя, наприм. Палею и Глубину, а о нѣкоторыхъ книгахъ отзываются, что нужно объ нихъ „вопросить вѣдущаго, аще истинна суть“.

Русская письменность. Любимымъ родомъ русской оригинальной письменности были поученія и посланія. Характеръ ея преимущественно обличительный. Съ умноженіемъ разныхъ вопросовъ у писателей начинаетъ уже пропадать прежняя эпическая простота и непосредственность, являются, особенно въ XV в., многоглаголивость, риторскія замашки, хитросплетенія въ рѣчи, бывшія слѣдствіемъ не одного только подражанія византійскому риторству, какъ напр. въ прежнее время у Кирилла туровскаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ усилившейся работы разсудка, прилива многихъ мыслей и вопросовъ, въ которыхъ тогдашній умъ еще не умѣлъ разобраться и въ которыхъ неопытное перо путалось.

Поученія XIII вѣка. Съ самаго начала монгольскаго времени являются знаменитые въ свое время дѣятели на поприщѣ церковной проповѣди: *м. Кириллъ II*, епископы *Кириллъ* ростовскій, котораго стекались слушать не только жители Ростова, но и другихъ городовъ, *Симеонъ* тверской и *Серапіонъ* владимірскій. Правило м. Кирилла (на соборѣ 1274 г.), обличающее современныя ему построенія, указывающее на современныя бѣдствія, какъ наказаніе Божіе за грѣхи, начинаетъ собою цѣлый рядъ обличительныхъ поученій; „Поученіе къ попамъ“, которымъ оно оканчивается, было долгое время любимою статьею русскихъ сборниковъ и разсылалось епископами по ихъ епархіямъ.—Семь извѣстныхъ словъ Серапіона ярко характеризуютъ темныя стороны удѣльнаго времени: междоусобія, насилія, разбои, порабощеніе слабыхъ сильными, мздоимство правителей, немилосердіе къ бѣднымъ и сирымъ, слабость семейныхъ узъ, пьянство и проч. Особенно замѣчательны обличенія остатковъ язычества. „Я было на короткое время порадовался, дѣти, сталъ было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе; но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Въ какихъ книгахъ слышали вы, что голода бываютъ отъ волхвованія и волхвованіемъ же хлѣбъ умножается?“—Затѣмъ обличается обычай жечь колдуновъ во время народныхъ бѣдствій или дѣлать имъ испытаніе водой. Въ другомъ словѣ Серапіонъ говоритъ объ обычаѣ выкапывать умершихъ утопленниковъ и удавленниковъ во время голода, засухи и др. бѣдствій.

Поученія XIV вѣка. Отъ XIV в. дошли до насъ: „Поученіе игуменомъ, попомъ и діакономъ“ *м. Петра*, очень сходное съ поученіемъ м. Кирилла; Поученіе *м. Алексія* ко всей

наствѣ, Посланіе владыки новгородскаго *Василія* къ тверскому епископу *Ѳеодору* о раѣ, замѣчательное по сильному вліянію на него апокрифовъ. Василій доказываетъ, что земной рай доселѣ существуетъ на землѣ, что до него доходилъ Макарій египетскій, что въ немъ доселѣ живутъ Енохъ и Илія; къ этому прибавляетъ онъ и русскій разказъ, какъ до рая доходилъ на судиѣ Новогородецъ Мнеславъ съ товарищами,—видѣли гору, облитую свѣтомъ, а за ней слышали ликованія; одинъ Новгородецъ побѣжалъ посмотрѣть и не вернулся, другой тоже, третьяго привязали веревкой за ногу и насильно стащили съ горы, но стащили уже мертваго; другіе Новогородцы видѣли на морѣ червь неусыпающій, рѣку молнійную Моргъ и проч. Характеромъ положительнаго нравоученія, безъ обличеній, замѣчательно поученіе *Матвея* епископа сарайскаго; оно излагаетъ рядъ наставленій о вѣрѣ, любви, постѣ, почитаніи духовенства, о князѣ, о челяди и проч., наставленій точно соотвѣтствовавшихъ потребностямъ современной жизни; напр. „спрыхъ домочадцевъ не бейте, не морите голодомъ и наготой, ибо они суть домашніе нищіе... Старыхъ отпущайте на волю". Бить рабовъ дозволяетъ только до 20—30 ударовъ, а болѣе того не дозволяетъ. О духовенствѣ сказано: „если пригласите черпеца или попа, при угощеніи болѣе трехъ чашъ не пудьте, но дайте ему волю; если самъ упьется, самъ и отвѣчаетъ за то".

Поученія XI вѣка. Особенной простотой и жизненностію отличается еще поученіе владыки новгородскаго *Симеона* къ Псковичамъ очень похожее на поученіе Луки Жидяты, такой же перечень нравственныхъ правилъ, между которыми замѣчательны наставленія чтить санъ духовный и не вступаться въ церковныя имущества.—Къ этому же разряду поученій положительнаго характера относятся посланія знаменитаго игумена бѣлозерскаго *пр. Кирилла* къ в. к. Василію Димитріевичу, къ князьямъ Андрею можайскому и Димитрію звенигородскому. Пр. Кириллъ смотритъ на князя, какъ на игумена подвластныхъ, обязаннаго печись не только объ устроеніи ихъ гражданскаго благосостоянія, но и о спасеніи ихъ душъ, за которыя онъ дастъ отвѣтъ на страшномъ судѣ. Въ этихъ же посланіяхъ находимъ замѣчательныя въ историческомъ отношеніи увѣщанія о правомъ судѣ, о непритѣсненіи сиротъ и рабовъ, объ уничтоженіи неправедныхъ мытовъ, перевозовъ, корчемства, о прекращеніи усобицъ и проч. Къ звенигородскому князю смиренный старецъ пишетъ, чтобы

онъ не пріѣзжалъ на Бѣло-озеро, потому что всѣ станутъ говорить: „только для Кирилла пріѣхалъ“. Послѣ пр. Кирилла остались еще два сборника разнообразнаго содержанія; въ одномъ обличаются суевѣрныя примѣты, вѣра въ голоса животныхъ, въ полетъ птицъ, въ бѣгъ звѣрей, обычай не ссужать сосѣда огнемъ или сосудомъ по захожденіи солнца, и объясняются явленія природы въ статьяхъ о строеніи земли, землетрясеніи, стихіяхъ, о морѣ, облакахъ, громѣ и молніи, о падающихъ звѣздахъ, большею частію изъ сочиненій Галена (греческаго врача II в.). Подобныхъ статей естественнаго содержанія довольно попадается и въ др. сборникахъ; ими старались ослабить миѳическія понятія народа о силахъ и явленіяхъ природы.

Поученія и посланія митрополитовъ XV в. За тѣмъ идутъ поученія святителей нерусскаго образованія: Кипріана, Фотія и Григорія Цамблака, произведенія большею частію отвлеченнаго, риторскаго характера, мало соприкасавшіяся съ жизнію народа. Болѣе всѣхъ имѣлъ значенія въ исторіи нашего образованія *св. Кипріанъ*, человѣкъ „вельми книжный“, предававшійся ученымъ трудамъ въ своемъ любимомъ подмосковномъ селѣ Голенищевѣ. Онъ привезъ съ собою въ Россію много сербскихъ рукописей, самъ переводилъ съ греческаго Служебникъ, Псалтырь, Лѣствицу Іоанна и творенія Діонисія Ареопагита, составилъ 9 грамотъ юридическаго содержанія, нѣсколько посланій и историческихъ трудовъ. Въ четырехъ посланіяхъ своихъ къ Сергію радонежскому и Ѳеодору симоновскому онъ разказываетъ обстоятельства своей жизни очень важныя для исторіи бывшаго при немъ спора о русской митрополіи. Онъ извѣстенъ еще, какъ составитель житій, изъ которыхъ до насъ дошло житіе св. Петра митрополита,—образчикъ многоглаголиваго витійства XV в. Изъ поученій, которыя онъ говорилъ въ церкви, до насъ не дошло ни одного.

Отъ *м. Фотія* сохранилось 8 поученій, 29 грамотъ и посланій и духовное завѣщаніе. Поученія его, содержащія въ себѣ одни общія мѣста, мало имѣютъ жизненнаго значенія. Изъ посланій нѣкоторыя ближе къ жизни, наприм. посланія къ Псковичамъ по поводу уклоненія ихъ къ латинскимъ обычаямъ и по поводу ереси Стригольниковъ, въ Литву по поводу раздѣленія церквей; но и онѣ тоже слишкомъ обильны многорѣчіемъ. Чаще всего Фотій говоритъ объ обязанностяхъ пастырей церкви, о казняхъ Божіихъ за грѣхи и близкой кончинѣ міра.—Еще менѣе значенія въ церковно-поучитель-

ной письменности имѣетъ третій иноземецъ *Григорій Цамблакъ*. Его 22 слова представляютъ собою совершенно оторванное отъ жизни, многорѣчивое и напыщенное подражаніе византійскимъ образцамъ, вовсе непонятное для русскаго народа. Кое-какое значеніе для современниковъ могли имѣть развѣ полемическія замѣтки одного его слова противъ латинянъ.

Въ лѣтописяхъ есть извѣстія о другихъ извѣстныхъ въ свое время проповѣдникахъ, поученія которыхъ до насъ не дошли, наприм. о *Моисеѣ* владыкѣ новгородскомъ и инокѣ нижегородскаго Печерскаго монастыря *Павлѣ Высокомъ* († 1382), который былъ философъ велій, много говорилъ поученій и написалъ книгъ.—Послѣ м. Фотія церковная проповѣдь замолкаетъ на Руси и поучительныя посланія дѣлаются единственнымъ родомъ поучительной словесности. Послѣ *м. Іоны* осталось 35 такихъ посланій самаго разнообразнаго содержанія, и всѣ жизненнаго, практическаго характера, чуждыя современнаго риторства; это простыя, отеческія наставленія по поводу современныхъ нуждъ. Таковы: посланія къ Шемякѣ, посланія къ Новогородцамъ и Псковичамъ съ увѣщаніемъ о прекращеніи смутъ и повиновеніи в. князю, къ Вятчанамъ тоже о повиновеніи в. князю, о прекращеніи разбоевъ, объ исправленіи пороковъ, противъ жизни съ женами безъ вѣнчанія, незаконныхъ браковъ и остатковъ язычества, посланія къ частнымъ лицамъ, учительныя, увѣщательныя и утѣшительныя.

Поученія неизвѣстныхъ авторовъ. Кромѣ помянутыхъ поученій въ сборникахъ, Паисіевскомъ, Златой Цѣпи, Маргаритахъ, Златоструяхъ и др. разсѣяно много поученій неизвѣстныхъ авторовъ, которыя большею частію озаглавливаются именами апостоловъ и св. отцовъ, но представляютъ собою русскія произведенія или передѣлки греческихъ статей на русскіе нравы. Нѣкоторыя изъ нихъ замѣчательны по характеристикѣ современныхъ нравовъ. Одно слово Паисіевскаго сборника, озаглавленное именемъ Григорія Богослова, излагаетъ вкратцѣ греческую и славянскую миѳологію и обличаетъ современное двоевѣріе; авторъ говоритъ, что еще въ его время по окраинамъ Руси держалась вѣра въ Перуна, Хорса и др. боговъ; его объясненія славянской миѳологіи изъ сопоставленія ея съ греческой не всегда удачны,—видно, что память о старыхъ богахъ стала уже слабѣть въ народѣ. Другое „Слово истолковано мудростію св. апостолъ и св. отецъ“ осуждаетъ лѣпость народа къ посѣщенію храмовъ божіихъ и слушанію

слова Божія и охотное участіе въ русальяхъ, скоморошьихъ играхъ и идольскихъ зрѣлищахъ. Третье слово „О клятвахъ и суевѣріяхъ“ запрещаетъ прибѣгать къ волхвамъ, лечить болѣзни чарами и наузами, приносить требища бѣсамъ, писать еллинскія слова на яблокѣ съ цѣлію прогнать бѣса трясцу. Въ нѣкоторыхъ сборникахъ XIV и XV в. обличается вѣра въ сны, встрѣчи, чохъ, полазъ, птичій грай, обличаются глумленія, сопѣли, пляски на пирахъ, свадьбахъ и игрищахъ, кощуны, басни и пѣсни бѣсовскія. Изъ тѣхъ же словъ безыменныхъ авторовъ замѣчательно слово на соборъ архистратига Михаила, приписываемое м. Кириллу; послѣ краткихъ сказаній о сотвореніи ангеловъ, паденіи сатаны, паденіи человѣка и о его душѣ, авторъ описываетъ жизнь души за гробомъ и мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены между прочимъ: срамословіе, пляски, басни, игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра въ примѣты и ворожбу; подъ конецъ прямо сказано, что по истеченіи 7000 лѣтъ будетъ кончина міра.

Житія святыхъ. Литература назидательныхъ повѣствованій значительно увеличилась по своему объему. Въ XIII в. написаны житія св. Михаила черниговскаго и боярина его Ѳеодора—пѣкимъ *Андреемъ*, по всей вѣроятности современникомъ событій, св. Александра Невскаго и св. Исаіи ростовскаго—неизвѣстными авторами. Въ XIV в. явились житія св. Кирилла туровскаго и м. Петра; послѣднее написано епископомъ ростовскимъ *св. Прохоромъ* († 1327 г.); своей краткостью и простотой оно рѣзко отличается отъ многословнаго и витіеватаго житія того же святителя, написаннаго м. Кипріаномъ. Въ лѣтописяхъ еще находимъ сказанія о св. Довмонтѣ, о Михаилѣ тверскомъ, о житіи и преставленіи Димитрія Донскаго, о чудѣ Владимірской Богородицы при нашествіи Тамерлана и друг., наконецъ (въ XV в.) житіе св. Алексія, составленное *Питиримомъ* (епископомъ пермскимъ). Въ XV в. прежними краткими и простыми жизнеописаніями святыхъ уже не удовлетворялись; ихъ передѣлывали, потому что они написаны были „просторѣчно“. Изъ краснорѣчивыхъ писателей житій извѣстны: троицкій монахъ *Епифаній Премудрый*, отъ котораго остались житія преподобныхъ Сергія и Никона и святителя Стефана пермскаго, и *Пахомій Логовет*ъ, родомъ Сербъ, жившій сначала при новгородскомъ владыкѣ Іонѣ, потомъ переѣхавшій въ Москву. Іона нарочно заставлялъ этаго великаго ритора передѣлывать старыя просторѣчныя житія и писать но-

вья. Пахомій написалъ житіе съ чудесами, похвальнымъ словомъ и канономъ пр. Варлаама хутынскаго, житія и службы свв. новгородскихъ владыкъ Евѳимія и Моисея, преп. Кирилла бѣлозерскаго, митрополитовъ Алексія и Іоны. Онъ былъ недоволенъ даже Сергіевымъ житіемъ Епифанія Премудраго и сдѣлалъ попытку изукрасить его своимъ витійствомъ, не смотря на то, что оно и безъ того составляетъ замѣчательное явленіе по своему многорѣчію и краснословію. Во всѣхъ такого рода обширныхъ редакціяхъ житій господствуютъ заученные и однообразные риторскіе пріемы, какъ въ разказѣ, такъ и въ характеристикѣ личностей; авторы часто заимствовали другъ у друга одинъ и тѣже, по чему нибудь понравившіяся имъ, черты и прилагали ихъ къ совершенно разнымъ лицамъ; личныя черты описываемаго святаго они какъ будто намѣренно старались сгладить, чтобы сдѣлать его представителемъ общаго, отвлеченнаго идеала святости, какъ они понимали этотъ идеалъ. Въ церковно-историческомъ отношеніи эти житія важны главнымъ образомъ по выраженію въ нихъ понятій, господствовавшихъ при авторѣ, и немногими чертами изъ жизни, которыя проскальзывали подъ перомъ автора помимо его воли, особенно въ разказахъ о чудесахъ. Самая назидательность ихъ не та, которая является отъ живаго изображенія примѣровъ, а отвлеченная, какъ отъ всякаго риторическаго поученія объ общихъ правилахъ нравственности.

Кромѣ житій, бывшихъ въ церковномъ употребленіи, въ древней письменности встрѣчаются *житія апокрифическія*, въ которыхъ отразились народныя понятія и вѣрованія. Примѣромъ можетъ служить муромское *сказаніе о Петрѣ и Февроніи*, гдѣ по древнимъ эпическимъ преданіямъ, приложеннымъ къ святымъ, Петру приписывается борьба съ мионическимъ змѣемъ, а Февронія представляется вѣщею дѣвою. Народный элементъ въ значительной степени отразился въ древнихъ житіяхъ пр. Авраамія и св. Меркурія смоленскихъ.

Путешествія ко св. мѣстамъ. Сохранились благочестивыя описанія путешествій ко св. мѣстамъ. Въ половинѣ XIV в. путешествовалъ ко св. мѣстамъ Новгородецъ *Стефанъ*. Въ своихъ запискахъ онъ замѣтилъ, какъ были ласковы Греки къ Русскимъ, какъ самъ патріархъ удостоилъ его разговоромъ, „не *нашъ* бо обычай имѣетъ“, замѣтилъ, что въ Студійскомъ монастырѣ жили Русскіе для перевода и списыванія книгъ; въ его разказѣ попадаются простодушныя легенды, которыя онъ довѣрчиво принималъ отъ своихъ греческихъ вожаковъ,

о жабѣ, пожиравшей въ Царѣградѣ людей, о метлахъ, которыя сами мели городъ и т. п. Сохранились описанія путешествій смоленскаго іеродіакона *Игнатія*, спутника м. Пимена, и тронцкаго іеродіакона *Зосимы*. Замѣчательны записки о путешествіи на флорентійскій соборъ м. Исидора одного изъ его спутниковъ, гдѣ описываются диковинки запада, поразившія русскаго человѣка,—соборы разныхъ городовъ, колокольница флорентійская, о которой недоумѣваетъ умъ, разныя иконы, статуя Мадонны, строгая жизнь одного флорентійскаго монастыря и т. п. Замѣчательно описаніе флорентійскаго собора суздальскаго монаха *Симеона*, который тоже былъ спутникомъ Исидора.

IV. МОСКОВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ.

Въ половинѣ XV в. удѣльная раздробленность Руси стала оканчиваться; вся русская земля составила двѣ большія государственныя массы—восточную подъ управленіемъ московскихъ самодержцевъ и западную подъ властью литовско-польскаго правительства. Соотвѣтственно съ этимъ государственнымъ дѣленіемъ Руси и русская церковь раздѣлилась на двѣ самостоятельныя митрополіи—московскую и кіевскую. Московская митрополія, находившаяся подъ покровительствомъ государства, возрастала въ своихъ предѣлахъ, получала богатыя средства отъ правительства, украшалась внѣшнимъ благолѣпіемъ и вмѣстѣ съ государствомъ, которое, успокоившись отъ внѣшнихъ и внутреннихъ бѣдъ, начало стремиться къ усвоенію плодовъ западной цивилизаціи, обнаружила внутри себя замѣчательное просвѣтительное движеніе. Въ концѣ XVI вѣка она возвысилась до степени самостоятельнаго патріархата.

Распространеніе христіанства.

Въ пермскомъ краѣ. Мы видѣли, что владычество Татаръ остановило успѣхи христіанства на границахъ казанскаго царства. До самаго паденія Казани мы видимъ на востокѣ только частные случаи принятія христіанства между Мещерой, Мордвой и Татарами. На сѣверовостокѣ, минуя татарскія земли, христіанство распространялось въ пермской землѣ. Не смотря впрочемъ на крещеніе пермскаго князя и множества

народа епископомъ *Іоною* въ 1462 г., св. вѣра была утверждена здѣсь очень слабо. Русская колонизація, которая помогла бы ея успѣхамъ, еще не успѣла развиться въ этомъ глухомъ краю. Сюда шли селиться только разные бѣглые и проходимцы, такіе люди, которые по своему нравственному ничтожеству не могли имѣть благотворнаго вліянія на развитіе туземцевъ. Въ болѣе значительныхъ размѣрахъ и русская колонизація и успѣхи христіанства открываются здѣсь уже послѣ покоренія Перми московскому владычеству въ 1472 г. Съ этаго времени стали креститься и Вогулы, доселѣ враждовавшіе противъ христіанства. Но еще долго послѣ этаго церковь не могла вытѣснить изъ пермскихъ лѣсовъ остатковъ язычества, тѣмъ болѣе, что само пермское духовенство не отличалось надлежащей ревностію къ вѣрѣ. Въ 1501 г. *м. Симонъ* горько укорялъ его въ своемъ посланіи за небреженіе къ исполненію пастырскихъ обязанностей и дурную жизнь; изъ его посланія къ Пермичамъ видно, что незаконные браки, нарушеніе церковныхъ уставовъ, даже открытое служеніе кумирамъ были обыкновенными явленіями въ Перми и теперь, 100 лѣтъ спустя послѣ проповѣди св. Стефана. Въ XVI в. Герберштейнъ писалъ, что въ пермскихъ лѣсахъ было еще очень много язычниковъ, но пустынники русскіе не перестаютъ обращать ихъ ко Христу. Извѣстнѣйшими проповѣдниками здѣсь были преп. *Іоннкій* и *Симонъ*, основавшіе (1535 г.) обитель на р. *Кораждѣ*. Важное просвѣтительное значеніе имѣлъ чердынскій *Богословскій* монастырь, основанный въ XV в. Послѣ завоеванія Перми важной эпохой для всего края было поселеніе здѣсь знаменитыхъ *Строгоновыхъ*; кругомъ ихъ богатыхъ усольевъ во всѣ стороны начали возникать церкви и монастыри, между которыми замѣчательны своимъ просвѣтительнымъ значеніемъ монастыри *Ныскорскій* и *Соликамскій*. Изъ Ныскорской обители въ концѣ XVI в. вышелъ просвѣтитель пермскихъ Вогуловъ и Остяковъ *Трифонъ* вятскій. Проповѣдуя дикарямъ Христа, онъ дошелъ до мѣста нынѣшней Перми, гдѣ сожегъ уважаемое св. дерево, около котораго происходили языческія моленія. Язычники едва не убили его за это, но многіе при этомъ получили высокое понятіе о подвижникѣ, котораго не въ силахъ были наказать боги за свою святыню, и стали креститься; крестились даже семейства остяцкаго и вогульскаго князей. Потомъ Трифонъ основалъ *Троицкую* обитель на р. Чусовой на одномъ свящ. урочищѣ Остяковъ, гдѣ и жилъ 9 лѣтъ, продолжая свою проповѣдь, до тѣхъ

поръ, пока его не прогнали сосѣдніе жители за неосторожно произведенный имъ лѣсной пожаръ. Послѣ этаго онъ ушелъ въ Вятку, гдѣ и скончался уже въ 1613 году въ построенномъ имъ монастырѣ.—Какъ извѣстно, Строгоновы содѣйствовали покоренію Сибири. Къ концу XVI в. христіанству была проложена дорога и въ эту обширную страну.

Христіанство на сѣверномъ поморьѣ. Просвѣтительная дѣятельность пустынолюбивыхъ иноковъ въ XV и XVI вв. проникла и въ отдаленное сѣверное поморье, гдѣ по обширнымъ тундрамъ кочевали одни дикіе Лопари, Каяне и Мурмане. Просвѣтительнымъ центромъ для этаго края былъ *Соловецкій* монастырь. Владѣя обширными землями по всему поморскому берегу, онъ заселялъ ихъ Русскими, крестилъ инородцевъ и строилъ для нихъ церкви. Въ XVI в. русскій языкъ и христіанство водворились до самыхъ границъ Скандинавіи. Слава чудесъ отъ мощей соловецкихъ чудотворцевъ заставляла обращаться къ христіанскому Богу и его угодникамъ даже языческихъ кебуновъ (волхвовъ). Долѣе всѣхъ мѣстностей поморья былъ чуждъ христіанству самый сѣверный лопскій край къ Нордкапу. При в. к. Василіѣ и Іоаннѣ Грозномъ тамъ подвизался въ проповѣди постриженникъ Соловецкаго монастыря *пр. Ѳеодоритъ*. Для пустынныхъ подвиговъ онъ отплылъ къ самымъ „ребрамъ сѣверовымъ“, къ р. Колѣ, и подвизался здѣсь 20 лѣтъ, потомъ въ Новгородѣ былъ посвященъ въ іерея и, воротясь опять въ Лапландію, основалъ на устьѣ Колы монастырь *св. Троицы*. Онъ проповѣдывалъ Лопарямъ на ихъ родномъ языкѣ, переводилъ на этотъ языкъ молитвы и училъ дикарей грамотѣ. Сила его проповѣди такъ была велика, что онъ однажды въ одинъ день крестилъ до 2000 Лопарей. Удалясь изъ своего монастыря по неудовольствію братіи за строгость его устава, онъ жилъ въ Новгородѣ, потомъ былъ архимандритомъ въ суздальскомъ Евфиміевомъ монастырѣ, ѣздилъ въ Грецію по порученію Грознаго для испрошенія у восточныхъ патріарховъ утвержденія царскаго сана, принятаго русскимъ самодержцемъ; воротясь съ востока, жилъ въ вологодскихъ предѣлахъ, но не забывалъ своихъ польскихъ духовныхъ чадъ и 2 раза уже въ глубокой старости ѣздилъ туда для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ.—Въ одно время съ Ѳеодоритомъ у самаго Нордкапа проповѣдывалъ христіанство *пр. Трифонъ печенгскій*, сынъ одного новгородскаго священника. Нѣсколько лѣтъ онъ боролся съ языческими кебунами, нѣсколько разъ подвергался побоямъ,

прятался въ горахъ отъ явной смерти, но все-таки достигъ цѣли своею настойчивостію. Просвѣтивъ множество Лопарей на р. Печенгѣ и Пазрекѣ, онъ сходилъ въ Новгородъ за антиминсомъ; построилъ на Печенгѣ церковь св. Троицы, въ Колѣ нашелъ для нея священника *Илію* и въ 1533 г. открылъ богослуженіе, а самъ постригся въ монашество. Съ Колы и Печенги христіанство потомъ распространялось на Терскомъ берегу, около Кандалашской губы и по всему поморью. Московское правительство помогало проповѣдникамъ, давая имъ средства къ устроенію церквей и освобождая крестившихся Лопарей отъ притѣсненій приказныхъ людей посредствомъ жалованныхъ грамотъ. Величайшимъ бѣдствіемъ для христіанства въ лопскомъ краѣ были частыя нападенія на него Шведовъ. Самая Соловецкая обитель должна была превратиться въ крѣпость и содержать вооруженные отряды какъ въ своихъ стѣнахъ, такъ и въ построенномъ ею Сумскомъ острогѣ.—*На балтійскомъ поморьи*, между Корелой, Ижорой и Чудью, не смотря на давно уже распространившееся здѣсь христіанство, язычество все еще было сильно. Двоевѣры ходили къ своимъ мольбищамъ, деревамъ и камнямъ съ жертвами, призывали арбуевъ (жрецовъ) для совершенія обрядовъ надъ младенцами, покойниковъ хоронили по курганамъ, не соблюдали постовъ, къ священникамъ для совершенія таинствъ ходили уже послѣ арбуевъ; нѣкоторые тайно закалали дѣтей; христіанскія иконы жгли. Мѣстное духовенство надзирало за паствой очень слабо. Новогородскіе владыки *Макарій* и *Ѳеодосій* неразъ посылали сюда священниковъ съ порученіемъ духовенство побуждать къ исполненію долга, а жителей вразумлять, мольбища ихъ разрушить и пожечь.—Въ *Ливоніи* православію приходилось терпѣть гоненія отъ Нѣмцевъ. Въ XV в. въ Юрьевѣ (Дерптѣ) Нѣмцы утопили въ рѣкѣ священника *Исидора* съ 72 прихожанами за обличеніе католической вѣры. На границахъ Лифляндіи явился просвѣтителемъ *Чуди пр. Корнилій*, съ 1529 г. игуменъ псковскаго Печерскаго монастыря; онъ построилъ храмы, между прочимъ въ Нейгаузенѣ, снабдилъ ихъ книгами и иконами, а причты содержаніемъ отъ обители. Войны съ Шведами и Ливонцами при Грозномъ были очень вредны для православія; получивъ оборотъ неблагопріятный для Россіи, онѣ даже сокращали предѣлы церкви, подвергая русскія земли владычеству иноземцевъ. Такъ Шведы завладѣли Карелiей и возвратили ее уже въ концѣ XVI в.

Завоеваніе казанскаго царства. Въ половинѣ XVI в. московское государство предприняло наступательное движеніе на казанское царство. Началось завоеваніе его, пролагавшее церкви путь на неизмѣримый востокъ,—событіе столь же важное для русской церкви, какъ наприм. открытіе Америки для церкви западной. Въ сказаніяхъ древности эта война вся запечатлѣна религіознымъ характеромъ. Первый шагъ къ завоеванію Казани,—основаніе Свіяжска, ознаменованъ чуднымъ явленіемъ пр. Сергія—покровителя Москвы; язычники Черемисы видѣли, какъ неземной старецъ ходилъ вокругъ лѣсной поляны, на которой возникъ потомъ Свіяжскъ, и съ пѣніемъ кадилъ линію будущихъ укрѣпленій. Предъ взятіемъ Казани тотъ же старецъ являлся Татарамъ на городскихъ стѣнахъ. Въ 1550 г. построенъ Свіяжскъ съ соборомъ во имя Рождества Богородицы и церковію чудотворца Сергія. Самый походъ Іоанна подъ Казань въ 1552 г. былъ окруженъ церковными обрядами и молитвами, имѣлъ форму крестоваго похода. На 2 октября Казань была взята послѣ ужаснаго взрыва ея стѣнъ, когда дьякопъ въ походной церкви пр. Сергія читалъ Евангеліе на литургіи и возгласилъ многознаменательныя слова: *и будетъ едино стадо и единъ Пастырь.* Взятіе города сопровождалось освобожденіемъ 60,000 христіанскихъ плѣнниковъ. Царь велѣлъ ломать мечети и строить церкви; въ самый день взятія города заложилъ въ немъ церковь Спаса на мѣстѣ, гдѣ стояло царское знамя съ образомъ Спаса, и выстроилъ обыденную церковь во имя дневныхъ святыхъ Киприана и Іустины, а на другой день заложилъ соборъ Благовѣщенія. За городомъ, гдѣ погребены были павшіе воины, велѣно построить монастырь *Зилантовъ.* Татары крестились цѣлыми семействами еще во время пребыванія царя въ Казани. Потомъ въ 1553 году въ Москвѣ крестились съ множествомъ Татаръ два царя казанскихъ—старый *Эдигеръ* и пятилѣтній *Утемишъ-Гирей.*

Св. Гурій. Но послѣ взятія Казани еще долго нужно было воевать съ подвластными ей Черемисами, Чувашами, Мордвой, Вотяками, Ногаями и Башкирами. Долгая борьба предстояла и церкви съ магометанствомъ Татаръ и язычествомъ другихъ инородцевъ. Для успѣховъ вѣры въ этой борьбѣ на московскомъ соборѣ 1555 г. положено открыть въ Казани епархію съ подчиненіемъ ея архіепископу всей казанской и вятской земли. Первымъ святителемъ въ Казань назначенъ былъ селижаровскій игуменъ *Гурій.* Онъ былъ прежде бояр-

ский сынъ изъ фамиліи Руготиныхъ, родился въ Воронежѣ, жилъ въ молодости на службѣ у князя Пенькова. Оклеветанный въ преступной связи съ женой Пенькова, онъ былъ ввергнутъ разгнѣваннымъ княземъ въ тюрьму. Черезъ 2 года, освободившись изъ заключенія, онъ постригся въ Волоколамскомъ монастырѣ и за святую жизнь удостоился выбора въ игумены; изъ этаго монастыря перешелъ въ Селижаровъ, а отсюда уже въ Казань. Отправленіе его на епархію совершилось съ необыкновенною торжественностію; это былъ другой духовный походъ на казанское царство. Новый святитель ѣхалъ съ иконами, книгами, церковной утварью и казной государя на строеніе церквей и монастырей. Ему данъ былъ подробный наказъ поучать народъ, привлекать его лаской, кормами, дарами, заступленіемъ предъ властями, крестить волею, а не насиліемъ, крещеныхъ наставлять въ вѣрѣ у себя на дому или по монастырямъ, крестить и тѣхъ, которые пожелаютъ того для избѣжанія отъ наказаній за вины, печаловаться предъ воеводами и судьями за подсудимыхъ, обличать неправды воеводъ и др. властелей, участвовать съ ними во всѣхъ совѣтахъ. Своимъ ученіемъ и жизнію св. Гурій благотворно дѣйствовалъ на магометанъ и язычниковъ и въ 9 лѣтъ своего святительства обратилъ ихъ многія тысячи. Послѣдніе 3 года онъ не могъ уже ходить вслѣдствіе болѣзни, развившейся въ немъ еще со времени его темничнаго заключенія, но и теперь онъ неопустительно на носилкахъ являлся въ храмъ и училъ свою новопросвѣщенную паству. Царь очень благоволилъ къ святителю, какъ это видно изъ его письма въ Казань объ устройствѣ инородческихъ школъ, и во всемъ ему помогалъ. Въ 1556 г., когда новокрещеные Татары приняли участіе въ казанскомъ бунтѣ, по настоянію св. Гурія всѣ некрещеные Татары были выселены изъ Казани въ особую слободу. Св. Гурій скончался 4 декабря 1564 г. и былъ погребенъ въ *Спасскомъ* казанскомъ монастырѣ. Въ 1596 г. послѣдовало открытіе его мощей, а въ 1630 г. они перенесены въ каѳедральный соборъ.

Свв. Варсонофій и Германъ. Помощниками св. Гурія въ его апостольскихъ подвигахъ были архимандриты *Варсонофій* и *Германъ*. Первый былъ сынъ одного серпуховскаго священника, съ юныхъ лѣтъ отличался умомъ и любовію къ книгамъ. Лѣтъ 17 онъ попалъ въ плѣнъ къ крымскимъ Татарамъ и въ три года тяжкой неволи успѣлъ изучить языкъ и вѣру своихъ поработителей, что ему очень пригодилось впо-

слѣдствіи. До своего служенія въ Казани онъ жилъ нѣсколько времени домовымъ іеродіакономъ у тверскаго архіерея, потомъ былъ игуменомъ Цѣпиноиской обители. Въ Казани онъ устроилъ Спасскій монастырь и далъ ему уставъ. По своему знанію татарскаго языка и правовъ онъ былъ полезнѣйшимъ сотрудникомъ св. Гурія, имѣлъ возможность вести успѣшные споры съ самими татарскими мудрецами; весьма много Татаръ привлекало къ нему искуство врачеванія болѣзней, которымъ онъ обладалъ. Съ 1567 г. онъ былъ епископомъ въ Твери, но подъ старость (1571 г.) снова воротился въ свой Спасскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1576 г. Мощи его обрѣтены вмѣстѣ съ мощами св. Гурія-—*Св. Германъ*, изъ боярской фамиліи Полевыхъ, родился въ Старицѣ и былъ постриженникомъ Волоколамскаго монастыря, гдѣ подвизался подъ руководствомъ св. Гурія. Въ казанской землѣ онъ устроилъ свіяжскій *Богородицкій* монастырь, сдѣлавшійся просвѣтительнымъ центромъ для праваго берега Волги и для всего казанскаго края. Получивъ въ свое управленіе всѣ церкви свіяжскаго уѣзда, св. Германъ былъ главнымъ руководителемъ тамошняго духовенства въ дѣлѣ инородческой миссіи. Послѣ смерти св. Гурія онъ три года былъ преемникомъ его по каѳедрѣ и достойнымъ продолжателемъ его дѣла († 1569 г.). Въ 1596 г. мощи его перенесены въ Свіяжскъ. Преемники св. Гурія и Германа, кромѣ *Гермогена*, не оказали особенной ревности къ обращенію инородцевъ, такъ что всѣмъ своимъ христіанскимъ просвѣщеніемъ казанскій край до самаго XVIII в. былъ обязанъ дѣятельности своихъ чудотворцевъ; послѣ нихъ остались цѣлыя селенія, такъ называемыхъ, *старокрещеныхъ* инородцевъ.

Христіанство въ Казани въ концѣ XVI в. Прославленію имени Божія между Татарами и язычниками много содѣйствовали съ 1571 г. чудеса повоявленной иконы *Казанской Божіей Матери*. Не смотря на то, въ концѣ XVI в. м. *Гермогенъ* въ донесеніи царю изобразилъ печальную картину состоянія своей паствы: новокрещенные жили вмѣстѣ съ некрещеными, не исполняли христіанскихъ обрядовъ, ходили къ муллямъ и хранили всѣ старые обычаи; въ Казани опять были построены мечети; даже многіе русскіе люди, живя у инородцевъ въ услуженіи, измѣняли своей вѣрѣ. Правительство распорядилось: отдѣлить крещеныхъ отъ некрещеныхъ въ особую слободу съ церковію; дѣтямъ боярскимъ наблюдать за ними, чтобы они держали православную вѣру крѣпко, а которые держатъ православную вѣру не крѣпко, тѣхъ

сажать въ тюрьму или отсылать къ владыкѣ на смиреніе; Русскимъ не жить у иновѣрцевъ въ услуженіи и не вступать съ ними въ браки; мечети въ городѣ въ конецъ извести. На этихъ внѣшнихъ мѣрахъ и остановилось пока все дѣло; труднаго вопроса о христіанскомъ просвѣщеніи инородцевъ не задѣвали до самаго XVIII в.

Христіанство въ Астрахани и на Кавказѣ. Завоеваніе казанскаго царства проложило путь къ завоеванію царства *астраханскаго*. Въ 1557 г. въ Москвѣ крестилась астраханская царица съ сыномъ, а въ слѣдующемъ году посланъ въ Астрахань игуменъ *Кириллъ* для крещенія народа и устроенія церквей и монастырей; онъ крестилъ очень много Татаръ, при чемъ дѣтей ихъ училъ грамотѣ и закону Божію. Въ церковномъ управленіи Астрахань присоединена была къ казанской епархіи. Изъ Астрахани Россія завязала сношенія съ народами около *Кавказа*, которые исповѣдывали православіе, но отступали отъ него вслѣдствіе магометанскихъ притѣсненій. Въ Москву одинъ за другимъ пріѣзжали омагометанившіеся черкесскіе князья и крестились. Изъ Москвы посылали къ нимъ въ горы священниковъ возстановлять православную вѣру. Въ 1586 г. пришли послы изъ единовѣрной *Кахетіи*; князь ея *Александръ*, тѣснимый Турками и Персами, просилъ о принятіи его съ народомъ въ русское подданство и о защитѣ отъ враговъ; изъ Москвы отправлены къ нему священники, монахи и иконописцы для возстановленія чистоты вѣры и богослуженія, пострадавшихъ отъ постояннаго вліянія сосѣднихъ магометанскихъ народовъ.

Церковное управленіе.

Кромѣ расширенія внѣшнихъ предѣловъ церкви, усиленіе московскаго государства было полезно для нея и потому, что она могла теперь опираться на силу гражданской власти съ большею увѣренностію, чѣмъ въ прежнее время слабости государства. Но съ другой стороны усилившееся государство, вслѣдствіе уже знакомаго намъ своего религіознаго характера, воспитаннаго подъ руководствомъ церкви, теперь вполнѣ проявило ту власть въ церковныхъ дѣлахъ, начало которой мы видѣли уже и въ предшествовавшее время. Выигрышъ во внѣшней силѣ для іерархіи съ каждымъ новымъ княженіемъ все болѣе и болѣе сопровождался проигрышемъ въ степени ея государственной самостоятельности.

Митрополиты при Іоаннѣ III и Василіѣ. Мы уже видѣли, что преемникъ св. Іоны кроткій и благочестивый *Ѳеодосій* былъ избранъ на митрополію уже безъ сношенія съ Греціей. Замѣчательно, что при его избраніи участвовали епископы одного московскаго княжества; архіереи независимыхъ отъ Москвы городовъ—Новгорода и Твери прислали на соборъ только свои грамоты, предоставляя избраніе митрополита самому в. князю и архіереямъ московскаго княжества. Также были избраны и послѣдующіе митрополиты временъ Іоанна III: *Филиппъ I* (съ 1467 г.), *Геронтій* (1473), *Зосима* (1491) и *Симонъ* (1494). При такомъ порядкѣ замѣщенія митрополичей каѳедры в. князь имѣлъ сильное вліяніе на выборъ первосвятителей, не стѣсняемое уже ни вліяніемъ Константинополя, ни вліяніемъ удѣльныхъ князей. Одинъ изъ перечисленныхъ митрополитовъ Зосима былъ даже еретикъ и попалъ на московскую каѳедру по происканъ сильной придворной партіи, которая покровительствовала тогдашней ереси Жидовствующихъ. Отношенія в. князя къ митрополитамъ выражались въ прежнихъ формахъ; русскій первосвятитель назывался отцемъ, призывался на княжескіе совѣты, скрѣплялъ княжескіе договоры, ходатайствовалъ за опальныхъ и проч. Во время борьбы в. князя съ послѣдними остатками удѣльнаго быта митрополиты, какъ и прежде, усердно дѣйствовали въ пользу верховной власти; Филиппъ и Геронтій весьма много содѣйствовали в. князю въ покореніи Новгорода, писали посланія о повиновеніи в. князю въ непокорные края—Псковъ, Вятку и Пермь. Памятниками руководительныхъ отношеній церкви къ верховной власти служатъ между прочимъ два посланія къ в. князю, одно отъ собора духовенства, другое отъ ростовскаго епископа *Вассіана Рыло*, на Угру, гдѣ в. князь въ боязливой нерѣшимости стоялъ съ полками предъ ханомъ *Ахматомъ*; оба посланія возбуждали его къ рѣшительному бою за землю русскую. Но съ другой стороны при Іоаннѣ, не смотря на его стараніе во всемъ держаться старыхъ формъ, подъ этими формами видимъ уже проявленія новыхъ отношеній. В. князь не любилъ м. Геронтія, пастыря твердаго, не боявшагося при случаѣ сказать рѣшительное слово противъ мірской власти, и однажды едва не лишилъ его каѳедры.

Въ княженіе *Василія Іоанновича*, который развилъ верховную власть еще больше отца, митрополиты поставлялись уже безъ соборнаго избранія по волѣ одного в. князя. Преемникъ м. Симона *Варлаамъ* (съ 1511 г.) твердостію своего ха-

рактера не понравился в. князю и в. князь заточилъ его въ оковахъ въ Спасо-каменный монастырь. Въ митрополиты поставленъ былъ (1521) вполнѣ послушный в. князю волоцкій игуменъ *Даніилъ*. Одинъ опальный боярин Берсень Беклемишевъ говорилъ о немъ: „учительнаго слова отъ него не слышно и не печалуется ни о комъ, а прежніе святители сидѣли на своихъ мѣстахъ въ мантіяхъ и печаловались государю о всѣхъ людяхъ“. Слабость духовной власти особенно ясно выказалась въ дѣлѣ о разводѣ в. князя съ его неплодной супругой, несчастной *Соломоніей*. Противъ этаго незаконнаго развода былъ Максимъ Грекъ, жившій тогда въ Россіи, и восточные святители, приславшіе свой голосъ изъ Греціи. Но Даніилъ, исполняя желаніе в. князя, все-таки насильно постригъ Соломонію въ суздальскомъ Покровскомъ монастырѣ и обвѣнчалъ в. князя съ *Еленой Глинской*. Плодомъ этаго брака былъ *Іоаннъ Грозный*.

Митрополиты въ малолѣтство и первое время царствованія Грознаго. Въ малолѣтство Грознаго постоянное участіе митрополитовъ въ гражданскихъ дѣлахъ втянуло ихъ въ распри бояръ и подвергло насилію партіи *Шуйскихъ*. М. Даніилъ сталъ было на сторону противной партіи *Бѣльскихъ*, но Шуйскіе заставили его отречься отъ каѳедры (1539 г.) и сослали въ Волоцкій монастырь. Преемникъ его *Іоасафъ* тоже сталъ за Бѣльскихъ и тоже подвергнулся (1542 г.) отъ Шуйскихъ безчестному низверженію съ каѳедры и ссылкѣ въ Бѣлозерскій монастырь. Послѣ него м. *Макарій*, бывшій новгородскій владыка, былъ осторожнѣе и съумѣлъ удержаться на каѳедрѣ цѣлыхъ 22 года. Но и онъ потерпѣлъ отъ Шуйскихъ много непріятностей, когда заступился за любимца Іоаннова кн. Воронцова, котораго Шуйскіе хотѣли убить, опасаясь его вліянія на царя.

Новый государь вступилъ въ управленіе дѣлами съ сильно раздраженной жаждой власти, которую у него такъ долго отнимали бояре, и съ самымъ высокимъ понятіемъ о значеніи государя. Онъ первый изъ русскихъ князей составилъ себѣ полную теорію верховной власти, весь проникся ею и самъ ревниво благоговѣлъ предъ своимъ саномъ. На 17 году (1547 г.) онъ принялъ помазаніе на *царство* по примѣру греческихъ царей и прадѣда своего Владиміра Мономаха и явился первымъ „прирожденнымъ“ и „Божіею милостію“ царемъ. Послѣ въ 1557 г. онъ выпросилъ подтвержденіе этаго сана у собора греческихъ святителей. Юный царь былъ бла-

гочестивъ, почиталъ св. чинъ, ревновалъ о благѣ церкви. Послѣ потрясенія, произведеннаго въ его впечатлительной душѣ московскимъ пожаромъ 1547 г., онъ торжественно на Лобномъ мѣстѣ принесъ покаяніе въ грѣхахъ юности и бѣдствіяхъ русской земли и просилъ м. Макарія быть его пособникомъ и учителемъ. О томъ же молилъ онъ и другихъ русскихъ святителей на *Стоглавомъ соборѣ*, который созвалъ для исправленія церковныхъ нестроеній. Для церкви, казалось, наступило время ея наибольшаго благосостоянія. Подозрительный къ боярамъ, государь довѣрчиво ввѣрялся людямъ худороднымъ, въ родѣ *Адашева*, и духовенству. Вмѣстѣ съ м. Макаріемъ руководителемъ его сдѣлался священникъ *Сильвестръ*. Но при той подозрительности и ревности къ власти, какія воспитались въ царѣ подъ впечатлѣніями его дѣтства, требовалось очень много осторожности со стороны его руководителей. Малѣйшая неумѣренность ихъ въ пользованіи своимъ вліяніемъ могла пробудить въ душѣ царя опасную мысль, что имъ управляютъ, какъ ребенкомъ, какъ управляли имъ когда-то ненавистные ему бояре.

Сильвестръ не съумѣлъ удержаться на своей высотѣ. Его назойливая нравоучительность, о которой можно судить по его „Домострою“, требованіе во всемъ наблюденія извѣстной мѣры и принятыхъ формъ непріятно столкнулись съ страстной, не терпѣвшей никакихъ сдержекъ природой царя. Съ теченіемъ времени царю именно показалось, что съ нимъ поступаютъ, какъ съ младенцемъ: „не было мнѣ ни въ чемъ воли; сколько спать, какъ одѣваться, все было опредѣлено... Попробую прекословить и вотъ мнѣ кричатъ, что и душа-то моя погибнетъ, и царство-то разорится“. Когда же Сильвестръ окружилъ себя партіей и свое пѣстунство изъ нравственной сферы перенесъ въ политическую, сталъ требовать отъ своего духовнаго сына подчиненія своимъ совѣтамъ и въ этой сферѣ, напр. укорялъ его за ливонскую войну и требовалъ продолженія крымской, когда кромѣ того еще разсорился съ много любимой супругой царя *Анастасіей*, называлъ ее Евдоксіей, а себя — Златоустомъ, когда наконецъ во время болѣзни царя при вопросѣ о престолонаслѣдіи сталъ на сторонѣ не сына Іоаннова, а на сторонѣ удѣльнаго князя *Владиміра Андреевича*,—царь окончательно поставилъ его и его партію на одну доску съ крамольными боярами. Послѣдовало удаленіе Сильвестра; къ своей теоріи царской власти, направленной прежде противъ однихъ бояръ, царь прибавилъ новыя черты, относившіяся къ участію въ государственныхъ дѣлахъ

духовенства. Онъ высказалъ ихъ въ письмѣ къ кн. Курбскому, который въ своемъ посланіи къ Іоанну доказывалъ необходимость имѣть царю мудрыхъ совѣтниковъ: „ты считаешь, писалъ царь, свѣтлостію благочестивою, когда государство обладается попомъ невѣждою? Но царство, обладаемое попомъ, раззоряется... Богъ не священника поставилъ надъ Израилемъ, но Моисея, какъ царя. Когда же Ааронъ сталъ завѣдывать людскимъ устроеніемъ, то отъ Бога людей отвелъ: смотри, какъ не подобаетъ священникамъ брать на себя царскія дѣла". На туже мысль приводятся и другіе примѣры изъ св. писанія и византійской исторіи. Съ 1560-хъ годовъ послѣдовало удаленіе прежнихъ совѣтниковъ, опалы на сильныхъ людей, отъѣздъ кн. Курбскаго въ Литву, учрежденіе опричины и боярскія казни. Свой подозрительный взглядъ на бояръ Грозный перенесъ и на духовенство. Обычный совѣтъ со стороны пастырей церкви, обыкновенное слово назиданія или печалованія за опальныхъ стали теперь казаться царю посягательствомъ на его власть, напоминали ему попа Сильвестра. При самомъ учрежденіи опричины въ 1565 году онъ объявилъ народу, что положилъ свою опалу на бояръ и духовенство за то, что захочетъ государь наказать бояръ—и духовенство ихъ покрываетъ предъ государемъ. Съ этихъ поръ, памѣревался печаловаться за кого нибудь, митрополитъ предварительно долженъ былъ испрашивать на то дозволеніе царя.

Митрополиты во времена опричины. М. Макарій не дожилъ до учрежденія опричины († 1563). Преемникомъ его былъ духовникъ царя чудовскій инокъ *Аѳанасій* (1); добрый старецъ не выдержалъ ужасовъ своего времени и черезъ годъ оставилъ каѳедру по болѣзни. При выборѣ новаго святителя вниманіе царя остановилось на Германѣ казанскомъ, но послѣ того, какъ св. Германъ рѣшительно потребовалъ уничтоженія опричины, царь выгналъ его изъ митрополичьяго дома и вызвалъ въ митрополиты соловецкаго игумена *св. Филиппа* (1566 г.). Онъ происходилъ изъ рода бояръ Колычовыхъ и въ молодости служилъ при дворѣ в. кн. Василія и Елены. Строгаго подвижника едва уговорили принять предложенный санъ и дать обѣщаніе не вступаться въ опричину. Но прош-

(1) На соборѣ 1564 г. по случаю его избранія московскимъ митрополитамъ въ первый разъ дано было право носить бѣлый клобукъ. До Аѳанасія бѣлый клобукъ носилъ одинъ м. Макарій, избранный на митрополію изъ новгородскихъ владыкъ.

ло нѣсколько мѣсяцевъ и онъ не захотѣлъ молчать при видѣ жестокостей и безпутства опричниковъ. Напрасно царь избѣгалъ съ нимъ встрѣчъ, боясь обличеній; встрѣчи были необходимы въ церкви и здѣсь же происходили обличенія. „Только молчи, одно тебѣ говорю,—молчи, отецъ святой!“ говорилъ царь, едва сдерживая свою ярость.—Наше молчаніе, отвѣчалъ Филиппъ, грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть приноситъ?—„Ближніе мои возстали на меня, ищутъ мнѣ зла. Какое тебѣ дѣло до нашихъ царскихъ совѣтовъ? Не прекословь державѣ нашей или оставь митрополію“.—Я не просилъ митрополіи, отвѣтствовалъ Филиппъ, за чѣмъ ты лишилъ меня пустыни?—Опричники не опускали случаевъ раздражать царя противъ опаснаго для нихъ святителя. Однажды въ 1568 г. въ недѣлю крестопоклонную царь пришелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ вмѣстѣ съ опричниками въ ихъ странныхъ нарядахъ и подошелъ къ митрополиту принять благословеніе. Филиппъ не благословилъ его. „Не узнаю царя, говорилъ онъ, въ такой одеждѣ, не узнаю и въ дѣлахъ царства. Убойся суда Божія; мы здѣсь приносимъ Богу безкровную жертву, а за алтаремъ льется кровь неповинная“. На угрозы царя онъ отвѣчалъ: „я пришлецъ на земли, и готовъ пострадать за истину; гдѣ же вѣра моя, если умолкну?“ Царь рѣшился наконецъ свергнуть его съ каѳедры. Нашлись клеветники съ тяжкими обвиненіями на святаго. Соборъ подобострастныхъ епископовъ (новгородскаго, суздальскаго и рязанскаго) осудилъ его на лишеніе каѳедры. 8 ноября 1568 г. опричники буйной толпою ворвались въ храмъ, гдѣ Филиппъ служилъ свою послѣднюю литургію, сорвали съ него святительскія одежды, одѣли въ лохмотья и повели въ тюрьму. Народъ со слезами бѣжалъ за ними вслѣдъ. Филиппа заточили въ тверской Отрочь монастырь. Чрезъ годъ, проѣзжая мимо Твери во время своего похода на Новгородъ, Іоаннъ заслалъ въ Отрочь монастырь *Малюту Скуратова* взять благословеніе у Филиппа. Святитель не далъ благословенія и опричникъ задушилъ его. Послѣдніе митрополиты *Кириллъ* и *Антоній* были уже только безмолвными свидѣтелями дѣлъ Грознаго. Кн. Курбскій называлъ всѣхъ русскихъ святителей страшнаго времени „потаковниками“ царя и восклицалъ: „гдѣ Илія, возревновавый о Навуфеевой крови? гдѣ Елисей, посрамившій царя израилева? гдѣ лики пророковъ, обличавшихъ неправды царей? Гдѣ Амвросій, смирившій Ѳеодосія? Гдѣ златословесный Иванъ, обличившій царицу златолюбивую? Кто отстоитъ обидимую братію? Воистину никто; если кто и явится

ревнующій по Богѣ правдою слова, осудится, какъ злодѣй, и послѣ различныхъ мукъ предастся горькой смерти". Четвертый бракъ царя съ разрѣшенія церковныхъ властей, съ наложеніемъ только легкой епитиміи, которую впрочемъ царь не исполнялъ, служитъ достаточнымъ свидѣтельствомъ упадка духовной силы іерарховъ, о которомъ говоритъ Курбскій. Послѣ этаго брака царь еще женился 3 раза, уже не спрашивая разрѣшенія церковной власти.

Митрополиты при царѣ Ѳеодорѣ. Послѣ страшнаго Іоанна сталъ царемъ слабый сынъ его *Ѳеодоръ*, коронованный монахъ, который даже во время пріема иноземныхъ пословъ презрительно улыбался, глядя на свою державу и скипетръ и думая о суетѣ земнаго величія. Но и въ его царствованіе видимъ сверженіе м. *Діонисія*, который вмѣстѣ съ Шуйскими осмѣлился дѣйствовать противъ могущественнаго *Годунова*, говорить о неправдахъ временщика и хлопотать о разводѣ царя съ неплодной *Ириной*— сестрой Годунова. Святителя сослали въ Хутынскій монастырь, изъ котораго онъ былъ пр ежде взятъ на митрополію. На мѣсто его возведенъ (1587 г.) ростовскій архіепископъ *Іовъ*, вполнѣ преданный Борису Годунову. Это былъ послѣдній митрополитъ и первый патріархъ въ нашей исторіи.

Учрежденіе патріаршества. Еще со временъ м. Іопы русская церковь на дѣлѣ достигла полной самостоятельности и независимости отъ патріарха; союзъ ея съ восточной церковью выражался въ однихъ вспоможеніяхъ страждущему востоку, за которыми едва не каждый годъ пріѣзжало въ Россію по нѣскольку духовныхъ лицъ отъ восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ, епископовъ, а также изъ аѳонскихъ, палестинскихъ, египетскихъ, сербскихъ и др. монастырей. Но оставалась еще номинальная зависимость русскаго митрополита отъ патріарха. Теперь и эта номинальная зависимость оказывалась неумѣстною, когда Россія стала благодѣтельницей востока, стала могущественной державой, а патріархъ былъ подданнымъ турецкаго султана. Къ этому присоединилось еще подозрѣніе касательно цѣлости православія у Грековъ, доходившее до того, что около 1380 г. въ архіерейскую присягу внесено было обѣщаніе не принимать никого изъ Грековъ ни на митрополію, ни на епископскія каѳедры. Въ 1586 г. царь Ѳеодоръ на совѣтѣ бояръ и духовенства говорилъ: „восточные патріархи только имя святителей носятъ, власти же едва ли не всякой лишены; наша же страна благодатію Божіей все больше расширяется, и потому я хочу устроить въ Москвѣ

превысочайшій престолъ патріаршескій". Всѣ одобрили эту мысль и положили снестись объ исполненіи ея съ патріархами, чтобы не сказали нынущіе на нашу вѣру еретики, будто патріаршій престолъ устроился въ Москвѣ одною царскою властію.

Въ 1586 г. въ Россію пріѣзжалъ за милостыней антіохійскій патріархъ *Іоакимъ* и обѣщался предложить о желаніи царя собору восточной церкви. Лѣтомъ 1587 г. прибылъ въ Россію самъ константинопольскій патріархъ *Іеремія* и привезъ съ собою согласіе всѣхъ патріарховъ на учрежденіе московскаго патріаршества. Получивъ это согласіе, въ Москвѣ немедленно приступили къ дѣлу. Сначала предложили переселиться въ Россію самому Іереміи. Но при этомъ взяли въ расчетъ и крайнее неудобство имѣть патріархомъ Грека, къ которому отнеслись также недовѣрчиво, какъ и вообще ко всѣмъ иностранцамъ, который къ тому же не зналъ ни русскихъ обычаевъ, ни русскаго языка. Съ другой стороны ни царю, ни Годунову не хотѣлось отстранить отъ себя Іова, къ которому привыкли и котораго любили. Вслѣдствіе этаго патріарху предложили жить не въ Москвѣ, гдѣ оставляли по прежнему Іова, а во Владимірѣ, какъ въ начальнѣйшемъ мѣстѣ; объ этомъ начальномъ значеніи Владиміра теперь только и вспомнили. Патріархъ не согласился на это, говоря: „что за патріаршество, что жить не при государѣ?" Тогда уже порѣшили поставить патріархомъ Іова. Торжественное поставленіе его совершено Іереміей 26 генваря 1589 года. Уже черезъ 2 года прислана была съ востока грамота объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, подписанная тремя патріархами, 42 митрополитами, 19 архіепископами и 20 епископами, въ которой московскому патріарху давалось мѣсто послѣ іерусалимскаго и русской церкви предоставлялось право поставлять своихъ патріарховъ соборомъ своихъ епископовъ.

Судьба новгородской іерархіи. Въ исторіи епархіальнаго управленія очень важнымъ событіемъ было паденіе вольныхъ городовъ и уничтоженіе ихъ іерархической самостоятельности. Въ послѣднее время, нигдѣ не находя въ Россіи сильныхъ удѣльныхъ князей, на помощь которыхъ можно бы было опереться противъ московской централизаціи, Новогородцы обратились къ покровительству Литвы. В. князь и митрополиты, сначала Ѳеодосій, потомъ Филиппъ, писали въ Новгородъ нѣсколько увѣщательныхъ грамотъ, представляя Новогородцамъ, что переходъ ихъ къ иновѣрной Литвѣ есть измѣна в. князь-

ямъ и вмѣстѣ отступленіе отъ отеческаго православія. На эти же мысли опиралась московская партія въ самомъ Новгородѣ. Послѣ смерти владыки Іоны литовская партія требовала, чтобы вновь избранный владыка *Θеофилъ* ѣхалъ ставиться не въ Москву, а въ Кіевъ къ западному митрополиту. Когда онъ не согласился на это, она выставила своего избранника на каѳедру, ключника Іоны *Пимена*, который готовъ былъ ѣхать на поставленіе, куда угодно. Въ 1471 г. Іоаннъ III предпринялъ свой походъ на Новогородцевъ, на который и онъ и его современники смотрѣли, какъ на походъ религіозный,— противъ отступниковъ отъ православія, и который тогда сравнивали даже съ походомъ Донскаго на Мамая. Стѣсненный Новгородъ вымолилъ себѣ прощеніе в. князя чрезъ своего нареченнаго владыку Θеофила. Новогородцы обязались не отступать къ Литвѣ и посвящать своихъ владыкъ при гробѣ святителя Петра въ Москвѣ. Послѣ этаго Θеофилъ ѣздилъ въ Москву и былъ поставленъ на архіепископію. Вѣрный старинному обычаю печалованія, онъ былъ постояннымъ ходатаемъ за своихъ духовныхъ чадъ предъ Іоанномъ до самаго конца новогородской вольности. Въ 1478 г. в. князь предпринялъ новый походъ противъ Новгорода и на этотъ разъ ходатайство владыки о сохраненіи старинныхъ новгородскихъ правъ уже было безуспѣшно. Вѣчевой колоколъ сняли, отвезли въ Москву и повѣсили, какъ выражается лѣтопись, на колокольницѣ съ прочими колоколы звонити. Владыка и погибъ за свой городъ; послѣ бунта противъ московской власти, который не замедлилъ послѣдовать со стороны Новогородцевъ, онъ опять было печаловался о своихъ дѣтяхъ, но в. князь вмѣстѣ съ виновными схватилъ и его самаго и отослалъ въ заточеніе въ Чудовъ монастырь. На мѣсто его въ первый разъ поставленъ былъ владыкою не Новгородецъ, избранный на вѣчѣ, а Москвичъ *Серій*, присланный в. княземъ и митрополитомъ.—Паденіе Новгорода обставлено въ лѣтописяхъ религіозными преданіями. Оно задолго предваряется печальными предзнаменованіями: сами собой звонили колокола, буря сломила крестъ на св. Софіи, плакали иконы по церквамъ, на гробахъ усопшихъ владыкъ видѣли кровь. Пр. Зосима соловецкій съ ужасомъ видѣлъ на пиру у *Марьи* посадницы нѣкоторыхъ гостей безъ головъ и предсказалъ имъ казнь отъ в. князя.—Донеслось до насъ преданіе и о первомъ владыкѣ Москвичѣ. Усопшіе владыки являлись ему во снѣ и на яву и съ гнѣвомъ укоряли его, за чѣмъ онъ возсѣлъ на ихъ каѳед-

рѣ. Году не выдержалъ Сергій своего положенія въ Новгородѣ и сошелъ съ ума. Въ 1484 г. на его мѣсто былъ поставленъ чудовскій архимандритъ *Геннадій*, которому почившіе владыки уже не являлись. Въ Новгородѣ начался уже новый порядокъ вещей.

Но въ Москвѣ долго не могли забыть новгородской вольности и подозрительно присматривались къ старому вѣчевому углу. Въ церковной сферѣ эта подозрительность и нерасположеніе къ Новгороду выразились разными притѣсненіями владыкамъ, отобраніемъ у нихъ имѣній, отпиской ихъ монастырей къ Москвѣ, лишеніемъ ихъ каѳедры. Лишенъ каѳедры св. Геннадій, обвиненный въ мздоимствѣ при поставленіи духовныхъ лицъ. Св. *Серапіонъ* выразилъ негодованіе на отписку отъ его епархіи Волоколамскаго монастыря и былъ заточенъ въ Троицкій монастырь. Въ 1570 г. Грозный предпринялъ свой кровавый походъ на Новгородъ, чтобы вывести въ немъ измѣну, о которой ему доносили клеветники. Владыка *Пименъ*, нѣкогда осудившій на соборѣ св. Филиппа, по обычаю встрѣтилъ царя съ крестомъ. Іоаннъ не пошелъ ко кресту: „не крестъ ты держишь, закричалъ онъ, а оружіе на насъ; ты не пастырь, а волкъ и измѣнникъ, нашей царской багряницѣ и вѣнцу досадитель". Послѣ обѣдни царь пошелъ къ Пимену обѣдать, сталъ ѣсть и вдругъ страшнымъ крикомъ далъ знакъ опричникамъ; они схватили владыку и пустились грабить архіерейскій домъ. За тѣмъ произошелъ погромъ города и его окрестностей, при чемъ не было пощады ни церквамъ, ни монастырямъ. Пименъ былъ заточенъ въ Веневѣ. Преемника его *Леонида* Грозный (1576 г.) велѣлъ зашить въ медвѣжью шкуру и затравить собаками, а по другимъ извѣстіямъ удавить.

Церковныя отношенія Пскова. Другой вѣчевой городъ Псковъ по прежнему все хлопоталъ объ освобожденіи своемъ отъ новгородскихъ владыкъ, расчитывая въ этомъ случаѣ на содѣйствіе Москвы. Въ 1463 г. Псковичи просили в. князя и м. Ософосія дать имъ особаго владыку. Получивъ отказъ, они въ 1468 г. порѣшили управляться въ церковныхъ дѣлахъ по Номоканону безъ владыки двоими выборными священниками; владыкѣ, который, встревоженный этою новостью, пріѣхалъ во Псковъ, сказали, что учрежденное ими церковное самоуправленіе необходимо, потому что владыка не можетъ управиться со множествомъ дѣлъ, въ это послѣднее время смущеніе явилось великое,—всего и разказать нельзя. Они принуждены были отступиться отъ своего рѣшенія уже въ 1570 г. по требованію

в. князя и м. Филиппа. Споры съ владыками продолжались по старому. Вѣче дѣлало распоряженія, которыя по праву могъ дѣлать одинъ владыка, наприм. въ 1468 г. отлучило отъ службы всѣхъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ. Даже послѣ паденія Новгорода, когда его владыки сдѣлались органами московской власти, Псковичи постоянно раздражали ихъ своимъ непокорствомъ. Между причинами отнятія псковской вольности лѣтопись выставляетъ гнѣвъ в. князя на Псковичей за ссору съ владыкой Геннадіемъ. Послѣ своего паденія Псковъ возбуждалъ такую же подозрительность къ себѣ въ Москвѣ, какъ и Новгородъ. Погромивъ Новгородъ, Грозный собирался разгромить и Псковъ, но сдержалъ свой гнѣвъ, увидя покорность жителей. — Перваго епископа (*Мисаила*) Псковъ получилъ себѣ уже при учрежденіи патріаршества (1589 г.).

Епархіи московской митрополіи. Изъ перемѣнъ въ епархіальномъ управленіи до учрежденія патріаршества замѣчательны: учрежденіе новой казанской епархіи, переведеніе пермской епархіи въ Вологду (въ началѣ XVI в.), присоединеніе къ московской митрополіи Смоленска (при Василіѣ Іоанновичѣ) и Полоцка (при Грозномъ) съ ихъ епархіями; въ 1570 г. у Нѣмцевъ былъ взятъ старинный русскій городъ Юрьевъ (Дерптъ) и сдѣланъ новой епископіей. Стефанъ Баторій снова отнялъ у Россіи и Юрьевъ и Полоцкъ; полоцкая епархія снова отошла къ Кіеву, а юрьевская была закрыта. При учрежденіи патріаршества открыта псковская епархія, а въ 1595 г., когда отъ Швеціи была возвращена Корелія, явилась новая корельская епископія. Епархія митрополита послѣ раздѣленія митрополіи значительно уменьшилась чрезъ отдѣленіе отъ нея кіевской половины, но все еще слишкомъ была обширна и послѣ этаго; она обнимала собою нынѣшнія епархіи: московскую, за исключеніемъ коломенской области, костромскую, нижегородскую, вятскую, курскую, орловскую и значительныя части владимірской, архангельской, новгородской и тамбовской. Послѣ паденія сарайской Орды сарайскій епископъ (съ 1454 г.) сталъ жить въ Москвѣ на *Крутицахъ* и сдѣлался какъ-бы викаріемъ митрополита. Съ возвышеніемъ митрополита въ патріархи четыре архіерея: новгородскій, казанскій, ростовскій и крутицкій, получили санъ митрополита, 6 епископовъ возведены въ архіепископы, предположено было открыть еще 8 епископій, но на лицо было пока только три.— Съ развитіемъ московской централизаціи всѣ архіереи и избирались и поставлялись въ Москвѣ „повеленіемъ царя, какъ

выражаются ихъ настольныя грамоты, по благословенію и рукоположенію митрополита и по совѣту освященнаго собора". Прежнее земское значеніе ихъ ослабѣло. Судъ надъ ними принадлежалъ теперь митрополиту безъ всякихъ исключеній, бывшихъ въ удѣльное время.

Составъ епархіальнаго управленія. Общія начала церковнаго управленія и главные источники церковнаго права оставались тѣже до XVI вѣка; потомъ встрѣчаемъ цѣлый рядъ новыхъ и очень важныхъ постановленій по всѣмъ частямъ церковнаго управленія. Наибольшая часть ихъ принадлежитъ *Стоглавому собору* 1551 г. Съ большимъ приличіемъ опредѣленъ личный составъ епархіальнаго управленія. Духовенство давно уже тяготилось тѣмъ, что всѣ епархіальныя дѣла производились свѣтскими чиновниками архіерейскаго дома, которые смотрѣли на свои должности, какъ на кормленіе, и притѣсняли духовный чинъ. На соборѣ 1503 года ростовскій священникъ *Георгій Скрипица* говорилъ противъ этаго зла: „господа священноначальницы! Неблагословно надсматриваете надъ вѣрными людьми... Надзираете церковь по царскому чину земнаго царя—боярами, дворецкими, недѣльщиками, подводчиками для своихъ прибытковъ, а не по достоинству святительскому. Вамъ достоитъ пасти церковь священниками благоразумными, а не мірскимъ воинствомъ". Но только чрезъ 50 лѣтъ послѣ этаго протеста Стоглавъ опредѣлилъ вѣдать духовенство по духовнымъ дѣламъ самимъ святителямъ или кому они укажутъ изъ духовныхъ, а не изъ мірскихъ лицъ, за владычними же боярами оставить судъ надъ духовенствомъ только по гражданскимъ дѣламъ церковнаго вѣдомства. Вслѣдствіе этаго постановленія увеличено число духовныхъ органовъ архіерейской власти, каковыми были архимандриты, игумены и поповскіе старосты.

Поповскіе старосты, которыхъ въ первый разъ мы видѣли во Псковѣ, въ XV в. явились и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но съ исключительно финансовымъ значеніемъ, какъ органы архіерея, къ которымъ, по выраженію грамотъ, тянули всякими сборами тяглые попы. Стоглавъ сдѣлалъ учрежденіе поповскихъ старостъ и ихъ помощниковъ *десятскихъ* священниковъ повсемѣстнымъ и облекъ ихъ, кромѣ обязанности собирать владычніе сборы, еще обязанностію надзирать за церковнымъ благочиніемъ и въ качествѣ депутатовъ сидѣть въ судѣ надъ духовенствомъ у владычнихъ бояръ. Въ опредѣленіяхъ о поповскихъ старостахъ совершенно точно отразились

тогдашнія опредѣленія касательно излюбленныхъ старостъ въ сферѣ земства. Сами поповскіе старосты были подчинены надзору архимандритовъ и игуменовъ.—Право суда по прежнему осталось за одними приказными людьми, которымъ духовная власть довѣряла больше, чѣмъ выборнымъ поповскимъ старостамъ. Отъ того жалобы духовенства на бояръ, десятильниковъ и другихъ кормленщиковъ архіерейскаго дома неумолчно раздаются и послѣ Стоглава. Касательно службы свѣтскихъ лицъ при архіерейскихъ домахъ находимъ въ Стоглавѣ постановленіе, которое ставило архіерейскіе дома подъ вліяніе правительства: архіереи не могли перезывать къ себѣ на службу бояръ и служилыхъ людей, а равно и отказывать имъ отъ службы безъ дозволенія царя. Кромѣ кормленія отъ дѣлъ, помѣстій отъ архіерея и сборовъ съ духовенства, приказные люди архіереевъ получали иногда содержаніе отъ помѣстій, даваемыхъ казною, что тоже давало правительству поводъ къ участію въ дѣлахъ архіерейскаго дома и дѣлало службу при архіереяхъ службою государственною.

Церковный судъ. Правилами судебниковъ Іоанна III и Іоанна Грознаго, новыми грамотами духовной и свѣтской власти и правилами Стоглава произведено болѣе точное распредѣленіе между церковнымъ и гражданскимъ вѣдомствомъ. Духовныя дѣла и относительно духовныхъ, и относительно мірскихъ людей подлежали духовному суду. Неподсудность духовныхъ лицъ мірскому суду признана общимъ правиломъ по всѣмъ дѣламъ, кромѣ уголовныхъ, разбоя и душегубства, но и по этимъ дѣламъ первыя дѣйствія суда до снятія сана съ виновнаго принадлежали духовнымъ же властямъ. Свѣтскія лица духовнаго вѣдомства, служилые, крестьяне и другіе, судились на тѣхъ же основаніяхъ у своихъ ближайшихъ духовныхъ начальствъ, архіереевъ и монастырскихъ властей. По искамъ постороннихъ на лицъ духовнаго вѣдомства назначался судъ *вотчій* или смѣшанный изъ органовъ духовнаго и свѣтскаго суда вмѣстѣ. Иски духовныхъ лицъ на посторонніхъ, также иски на духовныхъ властей, архіерейскихъ намѣстниковъ и бояръ разбирались верховною властію государя или его боярами въ приказѣ Большаго Дворца.—Но эти правила, выработанныя на основаніи Кормчей, соблюдались не вполнѣ. При древнемъ стремленіи каждой корпораціи людей къ обособленію и вслѣдствіе тяжкихъ поборовъ и притѣсненій со стороны архіерейскихъ чиновниковъ многіе монастыри выпрашивали себѣ у князей *несудимыя* грамоты, на основаніи которыхъ братія и мона-

стырскіе крестьяне судились у настоятелей, а настоятели помимо епархіальной власти подчинялись высшему суду князя или царя. Несудимыя грамоты выпрашивали себѣ и церковные причты, но очень рѣдко. Грамоты эти производили большую путаницу въ церковномъ судѣ, ослабляли власть архіереевъ и подчиняли духовенство мірскому суду. Поэтому Стоглавъ отмѣнилъ ихъ; но его распоряженіе, невыгодное множеству привиллегированныхъ монастырей, не вошло въ практику.

Состояніе духовенства.

Сборы съ духовенства. Въ финансовой сферѣ церковнаго управленія встрѣчаемъ нѣкоторыя опредѣленія касательно архіерейскихъ сборовъ. Послѣ рѣзкихъ обличеній Стригольниковъ касательно поставленія русскихъ пастырей на мздѣ соборъ 1503 г. отмѣнилъ было *ставленыя* пошлины, но не могъ привести своего распоряженія въ исполненіе. Стоглавый соборъ снова узаконилъ эти пошлины. За переходъ къ другой церкви каждый священнослужитель платилъ *перехожія* и *новичныя* деньги. Вдовые попы и дьяконы платили *епитрахильныя* и *орарныя* пошлины при выдачѣ епитрахильной или орарной грамоты на служеніе. Безмѣстное духовенство, служившее по найму, для котораго опо становилось на крестцахъ (перекресткахъ), обложено было пошлиной *крестцовой*. Всѣ церкви платили въ архіерейскую казну *церковную дань*, количество которой сообразовалось съ числомъ и богатствомъ приписанныхъ къ церкви приходскихъ дворовъ. Важную статью архіерейскихъ доходовъ составляли пошлины за *антиминсы* для новыхъ церквей и *вѣнечныя* съ каждаго брака, совершавшагося священниками. При Грозномъ опредѣлена была денежная сумма, которую духовенство должно было платить ежегодно за архіерейскій подъѣздъ, хотябы даже архіерей и не ѣздилъ по епархіи. Кромѣ подъѣзда духовенство платило еще *московскій подъемъ* для покрытія издержекъ на поѣздку своего епископа въ Москву къ митрополиту. Со сборами на архіереевъ соединялись еще особые сборы на ихъ чиновниковъ и служителей архіерейскаго дома (со времени Стоглава эти сборы слагались въ одну общую сумму, равную по величинѣ церковной дани и извѣстную подъ именемъ *десятильнича дохода*). При поѣздкахъ архіерейскихъ чиновниковъ по дѣламъ духовенство ставило имъ кормы и подводы. Оно же строило дворъ архіерея и дворы десятильничи. Каѳедральный причтъ тоже пользовался съ него

сборами, наприм. получалъ долю въ архіерейскомъ подъѣздѣ и извѣстную сумму изъ праздничнаго дохода по приходамъ въ Пасху, Рождество, день Петра и Павла, въ храмовые праздники (*праздничныя гривны*). Самые платежи сборовъ и запись ихъ въ книги облагались пошлинами въ пользу архіерейскихъ служителей подъ именемъ людскихъ *данскихъ* и *отвозныхъ* денегъ, *съ оброкомъ куницы* и *писчаго*. Количество сборовъ зависѣло большею частію отъ благоусмотрѣнія архіереѣ. Случалось, что церковь облагалась слишкомъ высокими сборами и оставалась безъ причта лѣтъ по 20 и больше. Случалось и то, что причтъ, соединясь съ прихожанами, силой отбивался отъ сборовъ. Законнымъ средствомъ избавиться отъ тяжести платежей были *жалованныя грамоты* самихъ архіереевъ, по которымъ нѣкоторые платежи или вовсе слагались съ церкви или сбавлялись по количеству, и притомъ навсегда или на нѣсколько лѣтъ; важной льготой считалось дозволеніе причтамъ доставлять сборы самимъ или чрезъ своихъ вотчинниковъ, помимо десятильниковъ, и на извѣстные сроки. Надобно впрочемъ замѣтить, что архіереи давали такія грамоты очень рѣдко и большею частію только такимъ церквамъ, которыя находились въ государевыхъ селахъ или въ вотчинахъ уважаемыхъ монастырей и разныхъ сильныхъ людей.

Кромѣ платежей въ архіерейскую казну духовенство не было свободно и отъ *гражданскихъ платежей и повинностей*. Съ *своихъ* земель оно должно было выставлять ратниковъ, давать деньги или припасы на военныя нужды, поставлять кормы и подводы чиновникамъ, поддерживать мосты и дороги, исполнять повинность городовую (т. е. строить городскія стѣны и казенныя зданія). Вслѣдствіе этаго земли и дворы его подлежали общему сошному и дворовому окладу. Духовныя лица, жившія на *чужихъ* земляхъ, подлежали еще сборамъ въ пользу владѣльца. Жившіе на *черныхъ* земляхъ во всемъ тянули съ черными людьми, т. е. несли тягло, платили оброкъ намѣстникамъ и другимъ чиновникамъ, деньги ямскія, стрѣлецкія, пищальныя и друг. *Бѣлою*, свободною отъ платежей, считалась только церковная земля; но и съ нея духовенство должно было нести платежи и повинности въ чрезвычайныхъ случаяхъ, во время войны, для выкупа плѣнныхъ и т. п. Изъ постоянныхъ повинностей она не освобождалась отъ повинности губной. Развитію полнаго обѣленія церковныхъ земель препятствовало само земство, потому что отъ необходимости оплачивать обѣленныя земли увеличивалось его собственное тягло. Иногда

оно даже насильно и произвольно втягивало церковныя земли въ общую тягу. Въ 1495 г. Псковичи выставили требованіе, чтобы церковныя земли были вложены въ военную повинность; духовенство возстало противъ этаго и указало на Номоканонъ; тогда вѣче разсердилось, хотѣло поповъ бить кнутомъ; двое изъ нихъ уже стояли на вѣчѣ раздѣтые, въ рубахахъ.

Содержаніе бѣлаго духовенства. Платежей было много, а средствъ къ содержанію духовенство имѣло мало. Только немногія церкви имѣли *вотчины*, и то не большія, напр. деревни въ 2—4 двора. Небольшое число церквей получало *руту отъ правительства*, но въ такомъ маломъ количествѣ, что она могла имѣть значеніе только въ связи съ другими доходами. Затѣмъ всѣ средства существованія причтовъ вполнѣ зависѣли отъ приходскихъ общинъ. Одни общины отмежевывали на содержаніе своихъ причтовъ *земли*, другія вмѣсто земли назначали *руту*, количество которой опредѣлялось по договору между прихожанами и причтомъ. Кромѣ руги причтъ выговаривалъ себѣ въ рядной грамотѣ еще *сборы* или *запросы*—петровскій и осенній, которые собирались обыкновенно хлѣбомъ, яицами и др. припасами. Наконецъ духовенство получало доходъ за *требоисправленія*.—Благосостоянію духовенства много вредило неправильное распредѣленіе приходовъ, далеко несоразмѣрное съ числомъ народонаселенія, и непомѣрное размноженіе самаго духовенства. Въ половинѣ XVI вѣка Стоглавъ почелъ нужнымъ издать запрещеніе строить лишнія церкви, которыхъ строители не могутъ обезпечить средствами нужными для ихъ существованія. Приходы были очень небольшіе, наприм. дворовъ въ 15, и притомъ растягивались на большія пространства (50—100 верстъ), такъ что иной прихожанинъ не бывалъ въ церкви по цѣлымъ годамъ. Наконецъ до прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ (въ концѣ XVI в.) нерѣдко случалось, что и богатый прежде приходъ совершенно пустѣлъ отъ перехода крестьянъ. Вслѣдствіе излишка духовенства и бѣдности приходовъ явилось много, такъ называемыхъ, *бродячихъ* или *перехожихъ* поповъ, которые съ своими ставленными и перехожими грамотами ходили съ мѣста на мѣсто и нанимались служить при церквахъ по договору съ прихожанами на годъ или на другой срокъ. Въ городахъ изъ этихъ безмѣстныхъ священнослужителей образовался классъ *крестцоваго* духовенства. Стоглавый соборъ обратилъ серьезное вниманіе на этотъ безпорядочный людъ, своимъ поведеніемъ производившій большой соблазнъ въ народѣ. Велѣно было выстроить для крестцовыхъ поповъ поповскую избу, чтобы они

по крайней мѣрѣ не стояли на улицѣ, и посадить въ ней поповскаго старосту для надзора надъ ними. Между бродячимъ и крестцовымъ духовенствомъ много попадалось людей безъ всякихъ грамотъ и состоявшихъ подъ запрещеніемъ служить; поэтому соборъ распорядился о строгомъ осмотрѣ ставленыхъ, благословенныхъ и перехожихъ грамотъ у всѣхъ духовныхъ лицъ.

Мѣры къ улучшенію нравовъ бѣлаго духовенства. Бѣдность духовенства, зависимость его отъ приходовъ, униженіе и исключительно-обрядовая постановка въ обществѣ, при чемъ со стороны духовнаго лица требовалось только исполненіе требъ и обрядовъ и не было запроса на развитіе пастырскихъ качествъ и духовной силы, производили замѣтный упадокъ и въ нравственномъ состояніи духовнаго чина. М. Ѳеодосій думалъ „поповъ и дьяконовъ нужею навести на Божій путь", разсказываетъ лѣтопись, „нача на всяку недѣлю сзывати ихъ и учити по святымъ правиломъ, и вдовцомъ діакономъ и попомъ повелѣ стричися, а еже у кого наложницы будутъ, тѣхъ мучити безъ милости, и священство сымая съ нихъ, и продавать ихъ". Вдовымъ священнослужителямъ, не постригавшимся въ монашество, служеніе было запрещено, какъ мы видѣли, еще при св. Петрѣ и Фотіѣ. Соборъ 1503 года опять поднялъ вопросъ объ этомъ запрещеніи и послѣ многихъ разсужденій рѣшилъ его въ прежнемъ смыслѣ. Извѣстный ростовскій священникъ Георгій Скрипица тогда же протестовалъ противъ такого рѣшенія. „Пусть, писалъ онъ, подвергаются запрещенію тѣ, которые не хранятъ своего вдовства. За чѣмъ безъ вины осуждать всѣхъ? Правильно ли, что вдовый священникъ, постригшись, можетъ служить, а тотъ же священникъ, не постригшись, не можетъ служить? Развѣ женою попъ святъ? Который попъ имѣетъ жену, чистъ, а не имѣетъ жены,—не чистъ, а черпецъ, не имѣя жены, чистъ. И вы, господа мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ?" Протестъ остался безъ успѣха. Стоглавый соборъ замѣчалъ, что попы и дьяконы предавались пьянству, неблагочинно вели себя въ церкви, бранились неподобными рѣчами и дрались, вдовые попы производили большой соблазнъ, а между тѣмъ исполняли всѣ требы, только литургіи не служили, пономари и дьячки были иногда двоеженцы и троеженцы. Обличать подобные пороки было легко, но когда соборъ обратился къ мѣрамъ для ихъ исправленія, его распоряженія тоже ограничились только усиленіемъ надзора за духовенствомъ и строгости наказаній, да запреще-

ніемъ служенія вдовцамъ, т. е. тѣми же мѣрами, какія существовали и прежде и безполезность которыхъ была уже испытана; сказано нѣсколько словъ о томъ, чтобы святители испытывали жизнь ставленниковъ и ставили во священство только достойныхъ, но откуда брать этихъ достойныхъ, соборъ не сказалъ.

Земское значеніе приходскаго духовенства. Духовныя лица по прежнему ставились къ церкви по выбору отъ прихожанъ. Въ Стоглавѣ находимъ описаніе того, какъ въ Новгородѣ улица, обыкновенно составлявшая особый приходъ, выбирала себѣ кандидата на церковное мѣсто и шла ко владыкѣ просить о поставленіи избраннаго, при чемъ иногда брала съ послѣдняго деньги за выборъ; кого владыка пошлетъ безъ приходскаго выбора отъ себя, тому откажутъ. Дошли до насъ и самые договоры священнослужителя съ прихожанами, при чемъ онъ обязывался исполнять всѣ требы и не переходить къ другой церкви, а послѣдніе обѣщались давать ему извѣстное количество руги и сборовъ и не отказывать отъ церкви безъ вины. Членъ клира былъ членомъ общины и притомъ членомъ грамотнымъ, что давало ему большой вѣсъ и участіе въ земскихъ дѣлахъ, въ разныхъ общинныхъ актахъ, межевыхъ искахъ, мірскомъ судѣ, выборахъ, въ общихъ челобитьяхъ предъ властями и т. п. Съ своей стороны и община была естественной участницей въ дѣлахъ своего духовенства; на судѣ надъ нимъ архіерейскихъ чиновниковъ вмѣстѣ съ поповскими старостами сидѣли и ея выборные старосты и цѣловальники. При всемъ томъ въ XVI в. нельзя уже не замѣчать и ясныхъ признаковъ скораго упадка земскаго значенія духовенства. Государство, стремясь къ тому, чтобы отъ его службы и тягла никто въ избылыхъ не былъ, болѣе и болѣе стѣсняло поставленіе въ священный чинъ людей служилыхъ и тяглыхъ, такъ что ставленники были большею частію изъ лицъ духовнаго же происхожденія. Сама приходская община въ своихъ выборахъ прежде всего обращала вниманіе на нихъ же, потому что за ними была грамотность и привычка къ церковной службѣ. Отсюда съ теченіемъ времени постепенно формировалась наслѣдственность церковнаго служенія. Стоглавъ уже прямо говоритъ о *наслѣдіи* церковныхъ мѣстъ послѣ отцовъ дѣтьми.

Монашество. Обратимся къ монашествующему духовенству. Возникновеніе новыхъ обителей шло съ обычной быстротою, такъ что съ половины XV до XVII вѣка насчитывается до 100 вновь устроенныхъ монастырей и пустынь. Не смотря

на то, что время наибольшаго процвѣтанія монашеской жизни уже оканчивалось, и теперь еще много являлось истинныхъ угодниковъ Божіихъ, преимущественно въ сѣверномъ краѣ, гдѣ они продолжали свою нечеловѣческую борьбу съ дикою природою и суевѣріемъ дикихъ людей. Кромѣ извѣстныхъ намъ просвѣтителей русскаго сѣвера своими высокими подвигами прославились *Александръ свирскій*, *Даніилъ переяславльскій*, *Нилъ столбенскій*, *Никандръ псковскій* и др. Конецъ XV и начало XVI в. выставили двоихъ великихъ подвижниковъ, имѣвшихъ важное значеніе въ исторіи русскаго монашества, устроителей и законоположниковъ главныхъ родовъ аскетической жизни,—скитскаго и общежительнаго; это были:

Пр. Нилъ сорскій и пр. Іосифъ волоцкій. Первый происходилъ изъ рода боя[illegible]ъ *Майковыхъ*, былъ постриженникомъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, извѣстнаго своимъ строгимъ уставомъ. Онъ долго путешествовалъ по востоку для изученія тамошней монашеской жизни; по возвращеніи въ Россію удалился на р. *Сору* и поставилъ здѣсь свою одинокую келью и часовню, около которыхъ скоро возникла цѣлая обитель съ скитскимъ уставомъ. Пр. Нилъ заповѣдалъ братіи питаться трудами рукъ своихъ, милостыню принимать только въ крайней нуждѣ, не заводить никакихъ дорогихъ вещей даже въ церкви, женщинъ въ скитъ не пускать, монахамъ изъ него не выходить ни подъ какимъ предлогомъ; владѣніе вотчинами совершенно отрицалось въ Ниловомъ скитѣ, какъ и въ Кирилловомъ монастырѣ при жизни пр. Кирилла. Въ своихъ посланіяхъ и преданіи ученикамъ пр. Нилъ является строгимъ аскетомъ, глубокимъ знатокомъ внутренней жизни. Тогда какъ всѣ монашескіе уставы занимались подъ часъ мелочными опредѣленіями касательно монастырской дисциплины и внѣшности, аскетическія творенія Нила развиваютъ самую сущность аскетизма, касаются глубокихъ движеній внутренняго человѣка. Жизнь его скита отличалась такою строгостію, что нашлось только 12 человѣкъ, которые были въ состояніи жить въ немъ; и послѣ кончины пр. Нила (1508 г.) его обитель всегда оставалась представительницей самаго строгаго аскетизма. Въ 1569 г. Грозный хотѣлъ выстроить въ скитѣ каменную церковь вмѣсто прежней деревянной; пр. Нилъ явился ему во снѣ и запретилъ дорогой постройкой нарушать преданіе скитской нищеты.

Извѣстный уже намъ ученикъ Пафнутія боровскаго *пр. Іосифъ Санинъ* послѣ кончины своего учителя долго уговаривалъ братію принять общежительный уставъ. Не получивъ ни-

какого успѣха отъ своихъ увѣщаній, онъ ушелъ изъ Боровскаго монастыря и въ 1479 г. основалъ свою *Волоколамскую* обитель. Въ 37 лѣтъ своего игуменства онъ выработалъ строгій общежительный уставъ и изложилъ его въ письмени. Кромѣ того, желая поддержать преданіе о строгой жизни древнихъ монастырей, онъ собралъ сказанія о ихъ подвижникахъ, о борьбѣ послѣднихъ съ нарушителями иноческихъ уставовъ и изложилъ эти сказанія въ другомъ своемъ сочиненіи „О св. отцахъ монастырей русскихъ", гдѣ провелъ свою любимую мысль о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія иноческой строгости. Мы видѣли, какъ онъ, еще будучи юнымъ инокомъ, не хотѣлъ видѣться даже съ своей матерью, чтобы не нарушить устава. Такой же непреклонной строгостью онъ отличался всю жизнь; это была терпкая натура, не допускавшая никакого послабленія ни для себя, ни для другихъ, стоявшая совершеннымъ контрастомъ съ мягкой и снисходительной натурой Пафнутія; требованіемъ отъ иноковъ соблюденія всѣхъ формъ монастырской жизни Іосифъ рѣзко отличался и отъ другаго своего современника пр. Нила. Ученики и почитатели его составили даже особую партію, такъ называемыхъ, *Іосифлянъ* и вступили съ почитателями Нила *бѣлозерскими* и *вологодскими* старцами въ замѣчательную полемику, коснувшуюся, какъ увидимъ, многихъ важныхъ вопросовъ церковной жизни и самаго понятія о монашествѣ.

Устроеніе общежитія въ монастырях. Общежитіе развивалось преимущественно въ средней Россіи, тогда какъ сѣверный край до самаго XVI в. былъ наполненъ пустынями и скитами, для которыхъ тамъ было столько благопріятныхъ условій. Въ небольшихъ монастырькахъ этаго края жило всего по 5—6, даже по 2—3 монаха. Нѣкоторыя обители имѣли даже приходы, какъ обыкновенныя приходскія церкви. Служеніе черныхъ поповъ при приходскихъ церквахъ было тамъ обычнымъ явленіемъ. Съ 1528 г. владыка новгородскій Макарій сталъ вводить общежитіе во всѣхъ монастыряхъ своей обширной епархіи; дѣло это онъ продолжалъ потомъ и по возшествіи своемъ на митрополію. Малолюдные монастыри приписывались къ большимъ въ родѣ Троицкаго, Кириллова, Ѳерапонтова и др. Общежитіе оказывалось весьма нужнымъ для монастырей, потому что стремленіе къ пустынножительству стало доходить до крайностей, развивало въ монахахъ страсть къ бродяжничеству. Стоглавый соборъ требовалъ, чтобы монахи, не исключая и настоятелей, не заводили себѣ отдѣль-

ныхъ хозяйствъ, довольствовались общей пищей и одеждой, не уходили изъ монастырей скитаться по городамъ и пустынямъ, не служили при мірскихъ церквахъ, въ монастыряхъ мірянъ не держали, гостей принимали не въ кельяхъ, а въ общей трапезѣ; въ женскихъ монастыряхъ велѣно управлять игуменьямъ, а не игуменамъ, священниковъ держать бѣльцовъ и женатыхъ, вообще инокамъ и инокинямъ вмѣстѣ не жить; бродячихъ монаховъ изъ городовъ изгонять, скитниковъ разводить по общежительнымъ монастырямъ; безвкладныхъ монаховъ и монахинь, которыхъ въ монастыряхъ не принимали и которые поэтому жили въ мірскихъ домахъ, устранвать вкладами изъ царской или святительской казны. Соборъ обратилъ вниманіе на ложныхъ юродивыхъ и пророковъ, которые ходили по городамъ и селамъ, растрепавъ власы, босые и въ лохмотьяхъ и въ изступленіи выкликали разныя видѣнія и пророчества, поддерживая и безъ того сильное суевѣріе народа.

Юродивые. Впрочемъ между ложными подвижниками на поприщѣ юродства въ описываемое время было много истинныхъ угодниковъ Божіихъ. Ихъ высокій подвигъ, доходившій до отреченія даже отъ человѣческаго разума, ихъ необыкновенныя слова и дѣйствія, поражавшія религіозное воображеніе, внушали къ нимъ необыкновенное благоговѣніе. Чванные бояре смиренно выслушивали ихъ грубыя обличенія и цѣловали ихъ руки. Во всѣхъ домахъ, куда они ни заходили, ихъ считали за благодатныхъ гостей. Купцы считали за счастіе, если блаженный бралъ что нибудь даромъ изъ ихъ товара. Грозный шелъ погромить Псковъ; весь городъ съ трепетомъ ждалъ его пришествія. Но вотъ его встрѣчаетъ блаженный *Никола Салосъ* съ кускомъ сырого мяса въ рукѣ и заставляетъ ѣсть. „Я христіанинъ и не ѣмъ сырого мяса,“ отвѣчаетъ царь. „Но ты пьешь же кровь человѣческую“, говоритъ юродивый, и царь, убившій митрополита и нѣсколько архіереевъ за обличенія, покорно выслушиваетъ тяжкое слово юродиваго и даже послѣ этаго щадитъ опалѣный городъ. Въ 1552 г. царь своими руками несъ къ мѣсту погребенія тѣло юродиваго *Василія Блаженнаго.* Самыми замѣчательными юродивыми, кромѣ Николая и Василія, были *Іаковъ* боровицкій и *Іоаннъ Большой Колпакъ* московскій, извѣстный своими безстрашными обличеніями Борису Годунову.

Управленіе монастырей. Во главѣ монастырскаго управленія по правиламъ общежитія стояли настоятель и соборъ изъ лучшихъ братій. Настоятели избирались монастырскимъ

соборомъ, но могли назначаться и безъ соборнаго выбора отъ епархіальнаго архіерея. Настоятели знатныхъ монастырей получали утвержденіе въ своей должности отъ самаго царя. Вопреки опредѣленію Стоглава, уничтожившему несудимыя грамоты, многіе монастыри вовсе не подчинялись суду епархіальныхъ архіереевъ, кромѣ духовныхъ дѣлъ. Большая часть такихъ привиллегированныхъ монастырей состояла подъ патронатомъ удѣльныхъ князей и царя, которые называли ихъ своими богомольями, снабжали средствами существованія и во всемъ защищали; по жалованнымъ грамотамъ архіерейскіе люди не могли касаться ихъ ни по суду, ни по сборамъ. Въ XVI в. царскіе монастыри вѣдались въ приказѣ Большаго Дворца, гдѣ давался судъ на ихъ властей и производилась опись и повѣрка ихъ имуществъ. Цари были совершенными игуменами ихъ, принимали всякія жалобы по монастырскимъ дѣламъ, наблюдали за благочиніемъ, писали увѣщанія братіи о соблюденіи устава и т. п. Также относились къ своимъ покровительствуемымъ монастырямъ митрополитъ и архіереи въ чужихъ епархіяхъ. Почти въ такихъ же формахъ проявлялся патронатъ земства надъ обителями мірскаго строенія; наприм. въ 1595 г. царь далъ грамоту старостамъ и судьямъ одного двинскаго стана съ дозволеніемъ завѣдывать казной ихъ Никольскаго монастыря и оберегать его отъ неправды и поборовъ архіерейскаго десятильника. Княжескій патронатъ надъ монастырями, какъ болѣе сильный, доходилъ иногда до явныхъ злоупотребленій. Такъ напр. въ началѣ XVI в. Волоцкій монастырь терпѣлъ сильныя притѣсненія отъ волоцкаго князя *Ѳедора Борисовича*, который смотрѣлъ на казну этой богатой обители, какъ на свою доходную статью, и постоянно бралъ поборы съ монаховъ. Если ему отказывали, онъ угрожалъ монахамъ кнутомъ, а игумена прп. Іосифа бранилъ. Такимъ образомъ онъ разорилъ уже не одинъ монастырь въ своемъ удѣлѣ. Напрасно пр. Іосифъ съ братіею просилъ приближенныхъ князя бояръ походатайствовать за монастырь. „Воленъ государь въ своихъ монастыряхъ, отвѣчали ему, хочетъ—жалуетъ ихъ, хочетъ—грабитъ". Тогда монастырь отдался въ вѣденіе в. князя московскаго. Кн. Ѳедоръ, не желая выпускать изъ своихъ рукъ богатой обители, обратился къ новгородскому владыкѣ *св. Серапіону*, который тоже былъ оскорбленъ отпиской этаго монастыря отъ новогородской епархіи. По внушенію Ѳедора, онъ изрекъ на пр. Іосифа отлученіе. При волоцкомъ дворѣ торжествовали и говорили: „достали мы Іосифовъ монастырь;

владыка замялъ не однимъ Іосифомъ, но и Москвою". Но Москву было трудно замять: св. Серапіонъ былъ вызванъ на судъ митрополита Симона, лишенъ каѳедры и заточенъ въ Троицкій монастырь. Стоглавый соборъ уничтоженіемъ несудимыхъ грамотъ хотѣлъ было устранить на будущее время всѣ подобные случаи, но эти грамоты продолжали выдаваться и послѣ его опредѣленій.

Общественное значеніе монастырей продолжало поддерживаться ихъ богатыми и обширными вотчинами, содѣйствіемъ русской колонизаціи и образцовымъ сельскимъ хозяйствомъ. Монастыри распахивали новыя земли, осушали болота, расчищали лѣса, копали каналы, улучшали скотоводство, заводили у себя ярмарки, заводы и разныя мастерства. Настоятели, отличавшіеся хозяйственными талантами, пользовались большимъ уваженіемъ. Напр. Соловецкій монастырь сохранялъ благодарную память о св. Филиппѣ; во время своего игуменства онъ заботился о сообщеніи острова Соловецкаго съ материкомъ чрезъ улучшенное судоходство, проложилъ дороги, распахалъ новыя земли, очистилъ лѣсъ, улучшалъ породы домашняго скота, поднялъ соляныя варницы, рыбную ловлю, кирпичные заводы и мельницы. Соловецкій лѣтописецъ съ удивленіемъ описываетъ сдѣланныя Филиппомъ водопроводныя машины, необыкновенную телѣгу,—сама насыплется рожью, сама привезется и высыплетъ рожь на сушило, сѣвальню съ 10 рѣшетами,—сѣтъ одинъ вмѣсто многихъ, мѣхи для вѣянія ржи и др. хозяйственныя улучшенія.—По прежнему множество людей привлекала на монастырскія земли монастырская благотворительность; монастырскія житницы въ голодные годы кормили цѣлыя сотни людей, напр. во время одного голода Іосифовъ монастырь ежедневно кормилъ до 700 нищихъ; при монастырскихъ, а равно при архіерейскихъ домахъ устроивались богадѣльни и больницы. На Стоглавомъ соборѣ возникъ вопросъ о выкупѣ плѣнныхъ и рѣшено было дѣлать для этаго выкупа сборъ со всей земли. Но м. Іоасафъ, жившій на покоѣ въ Троицкой лаврѣ, посовѣтовалъ брать выкупъ изъ казны архіереевъ и монастырей. „А крестьянамъ, государь, писалъ онъ, и такъ много тягли въ твоихъ податяхъ; покажи имъ милость". Вслѣдствіе этаго между духовенствомъ возникъ особый сборъ, извѣстный въ XVI и XVII вв. подъ именемъ *полоняничныхъ* денегъ.

Распоряженія правительства о церковныхъ вотчинахъ. Мы видѣли, что еще съ XIV в. поднялся вопросъ о церковныхъ

вотчинахъ, но исключительно съ нравственной точки зрѣнія. Съ развитіемъ московскаго государства этотъ вопросъ получаетъ государственный характеръ. Отъ расширенія вотчиннаго владѣнія монастырей у правительства уходила изъ рукъ земля, которая была нужна ему для раздачи служилымъ людямъ и для интересовъ казны. Притомъ же на льготныя монастырскія земли уходило много крестьянъ съ земель служилыхъ людей, которые отъ этаго бѣднѣли и затруднялись нести государеву службу. Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ при Іоаннѣ III возникла мысль объ отобраніи церковныхъ вотчинъ въ пользу государства. На первый разъ, пользуясь правомъ завоевателя, в. князь роздалъ своимъ служилымъ людямъ нѣсколько владычнихъ и монастырскихъ земель новгородской области. М. Симонъ благословилъ его на это. Хотя право завоеванія въ настоящемъ случаѣ было плохимъ оправданіемъ мѣры в. князя, потому что земли отбирались у одной и той же православной церкви, но московская іерархія не обратила вниманія на это обстоятельство, увлекаясь желаніемъ ослабить богатаго владыку и сильными еще тогда удѣльными понятіями о неприкосновенности *чужихъ* монастырей и церквей. Тотъ же м. Симонъ и московское духовенство оказались совершенно другихъ мыслей, когда в. князь на соборѣ 1503 г. предложилъ вопросъ объ отобраніи имѣній уже у всѣхъ вообще монастырей. Послѣ долгаго спора объ этомъ предметѣ соборъ отвѣчалъ в. князю, что церковь имѣетъ вотчины еще со временъ Владиміра и Ярослава, и самые цари ордынскіе, боясь Господа, щадили ея собственность, и что поэтому „святители и монастыри отдавать церковнаго стяжанія не благоволятъ“. Іоаннъ Грозный тоже протягивалъ руку на монастырскія вотчины, но духовенство отказывало и ему. Стоглавый соборъ оградилъ неприкосновенность церковнаго стяжанія клятвою. Царю впрочемъ удалось провести на соборѣ нѣкоторыя мѣры къ ограниченію возрастанія монастырскихъ вотчинъ на будущее время; положено: новыя вотчины монастырямъ пріобрѣтать только съ согласія царя; пріобрѣтенныя ими во время малолѣтства царя возвратить въ казну; во внутреннихъ областяхъ около Москвы не отказывать монастырямъ селъ на поминъ души (земли около Москвы правительство старалось раздавать служилымъ людямъ, чтобы всегда имѣть подъ рукою готовое войско). Въ 1573 г. послѣдовало новое распоряженіе давать вотчины съ согласія царя однимъ бѣднымъ обителямъ. Въ 1581 г. по случаю сильнаго истощенія государства отъ войнъ царь опять созвалъ соборъ о монастыр-

скихъ вотчинахъ, на которомъ положено: села, завѣщанныя монастырямъ на поминъ души, отдавать родственникамъ завѣщателя съ тѣмъ, чтобы послѣдніе вознаградили за нихъ монастырь деньгами по цѣнѣ завѣщанныхъ селъ; если у завѣщателя пѣтъ родни, монастырямъ отдавать завѣщанныя села на государя, получая при этомъ вознагражденіе изъ казны.—Отобрать монастырскія вотчины оказалось невозможнымъ; при царѣ Ѳеодорѣ нашли другое средство удовлетворить требованію государственныхъ интересовъ. Чтобы церковныя вотчины вслѣдствіе своихъ льготъ не отбывали отъ службы и платежей, чтобы этими льготами они не сманивали къ себѣ крестьянъ съ тяглыхъ земель и земель служилыхъ людей, на соборѣ 1584 г. положено было, уничтоживъ ихъ льготы, сравнять ихъ со всѣми другими вотчинными землями. Но и эта мѣра не состоялась, потому что и она оскорбляла могущественный духовный чинъ; льготы были уничтожены только на время, „покамѣста, сказано въ грамотѣ собора, земля поустоится“: черезъ мѣсяцъ они были возстановлены опять. Эта невозможность ни отобрать церковныя вотчины, ни сравнять ихъ съ другими и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянное возрастаніе государственныхъ тяжестей для остальныхъ нельготныхъ земель, постоянное умепьшеніе на нихъ народонаселенія чрезъ переходъ крестьянъ на льготныя земли были въ числѣ важнѣйшихъ побужденій для правительства къ прикрѣпленію крестьянъ, совершившемуся въ концѣ XVI и началѣ XVII в.

Недостатки монастырской жизни. Владѣніе вотчинами и необходимое при этомъ вмѣшательство монастырей въ мірскія дѣла возбуждало большія опасенія съ нравственной стороны. Церковное и свѣтское правительства старались предотвратить упадокъ монастырской жизни своими постановленіями и грамотами, которыя всѣ носятъ до крайности рѣзкій обличительный характеръ. Рѣзкость этихъ и другихъ обличеній въ XVI была необходимымъ и очень понятнымъ явленіемъ у современныхъ общественныхъ дѣятелей. Русская земля соединилась въ одно цѣлое государство; Москва однимъ взглядомъ могла производить обзоръ всей ея жизни, и все зло, всѣ нестроенія, формировшіяся вѣками и бывшія прежде лишь мѣстными, отрывочными явленіями, предстали теперь разомъ, въ массѣ. Неудивительно, что и правительство и общественные дѣятели пришли въ сильную тревогу, подняли жалобы, обличенія, принялись за всякаго рода исправленія. На Стоглавомъ соборѣ царь жаловался на попрошайство разныхъ пустынниковъ и

ницихъ богомольцевъ, которые постоянно тревожили правительство челобитьями о земляхъ; много помѣстныхъ и вотчинныхъ земель монастыри отняли у бѣдныхъ боярскихъ дѣтей насильствомъ или неправильной припиской, подкупя писцовъ. Приказы были завалены монастырскими поземельными исками; а между тѣмъ въ обителяхъ, по свидѣтельству собора, для братіи было оскуднѣе прежняго, потому что монастырскія власти жили очень широко, покоились у себя въ кельяхъ съ гостьми, содержали на монастырскій счетъ свою родню, себя богатили, а монастыри пустошили; въ вотчинахъ также эгоистично управляли приказщики и посельскіе старцы, притѣсняя и раззоряя крестьянъ; соборъ распорядился не посылать въ села посельскихъ старцевъ, да и властямъ съ монахами ѣздить къ крестьянамъ только по праздникамъ съ водою и для важныхъ земскихъ дѣлъ. Монастырская благотворительность ослабѣла въ большей части монастырей и современныя обличенія укоряютъ монаховъ въ жестокости не только къ нищимъ, но и къ своимъ собственнымъ крестьянамъ.

Говоря о внутренней жизни монастырей, Стоглавъ обратилъ вниманіе на постоянный приливъ въ монастыри гостей мірянъ, которые заводили въ кельяхъ пиры и пьянство, на невоздержную жизнь самихъ монаховъ, нарушенія правилъ общежитія, свободный входъ въ монастыри женщинъ и проч.— Тѣже впрочемъ отцы собора, запрещая монахамъ держать въ келліяхъ хмѣльное питіе и особое хозяйство, сдѣлали исключеніе для нѣкоторыхъ монастырей, гдѣ много бываетъ гостей и богомольцевъ, напр. Троицкой лавры, или гдѣ живутъ, постригшись, бояре и великіе люди. Понятно, что въ монастыряхъ и подавно потакали этимъ великимъ людямъ, которыхъ не рѣшался стѣснять самъ соборъ. А между тѣмъ они были страшнымъ зломъ для монастырскаго общежитія и нравственности. Они жили совершенно по мірскому, держали въ монастырѣ и за монастыремъ всякія вина и яства, имѣли у себя толпы холоповъ, дѣлали въ монастыряхъ пиры, властвовали надъ братіей и самими игуменами. Въ своемъ посланіи въ Кирилловъ монастырь Іоаннъ Грозный рѣзко обличалъ монаховъ за послабленіе устава въ угоду постригшимся боярамъ Шереметеву и Хабарову: „такъ мало по малу весь обиходъ монастырскій испразднится и будутъ обычаи мірскіе. И по всѣмъ монастырямъ основатели сначала установили крѣпкое житіе, а послѣ нихъ раззорили любострастные... Что видимъ на Симоновѣ? Кромѣ сокровенныхъ рабовъ Божіихъ всѣ толь-

ко по одеждѣ монахи, а все по мірскому дѣлается. Вотъ на нашихъ глазахъ у Діонисія преп. на Глушицахъ и у великаго чудотворца Александра на Свири бояре не постригаются и монастыри эти процвѣтаютъ постническими подвигами... Теперь у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ, что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ съ чернецами, да ѣдятъ и пьютъ, что въ міру; а Шереметевъ, не вѣсть со свадьбы, не вѣсть съ родинъ, разсылаетъ по кельямъ постилу, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ у него дворъ, а на дворѣ припасы всякіе годовые, а вы молча смотрите на такое безчиніе?... Святые не гонялись за бо́ярами, а бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространялись, потому что благочестіемъ монастыри стоятъ и неоскудны пребываютъ. У Троицы благочестіе изсякло, и монастырь оскудѣлъ. А на Сторожахъ до чего дошли? Ужъ и затворить монастыря некому, по трапезѣ трава ростетъ, а прежде братій по 80 было, клирошанъ до 11 на клиросѣ стаивало... Иноческое житіе не игрушка. Надобны четки не на скрижаляхъ каменныхъ, а на скрижаляхъ сердецъ плотяныхъ".—Кромѣ бояръ, много мірскаго духа вносили въ монастыри и другіе недостойные постриженники изъ разныхъ классовъ русскаго общества. Многіе постригались не по призванію, а по обычаю, по извѣстному обрядовому взгляду на монашество, какъ внѣшнее и вѣрное средство ко спасенію; другіе шли въ монастырь для покоя и обезпеченнаго состоянія, избывая отъ работъ. Число такихъ непризванныхъ монаховъ увеличивалось вдовыми попами и дьяконами, которые постригались по необходимости.

Церковное благочиніе и общественная нравственность.

Новые храмы. Кромѣ исправленій въ духовенствѣ и монашествѣ, особенное вниманіе русскаго общества обращено было на улучшеніе церковной обрядности.—Со времени своего общерусскаго значенія Москва стала богата, получила возможность заявлять свое усердіе къ церковному благолѣпію въ широкихъ размѣрахъ. Со временъ Іоанна III стали вызывать въ Россію разныхъ иностранныхъ мастеровъ; большую часть времени и трудовъ своихъ они должны были употреблять для украшенія церковной внѣшности. Главная святыня Москвы Успенскій соборъ обветшалъ и стоялъ только съ помощію подпоровъ изъ толстыхъ бревенъ. Итальянскій мастеръ *Аристотель Фіоравенти* въ 1475—1479 годахъ перестроилъ его

въ настоящемъ видѣ. Другіе нѣмецкіе мастера строили соборы въ Сергіевой лаврѣ, въ московскихъ монастыряхъ—Златоустовомъ и Срѣтенскомъ, соборъ Благовѣщенскій на великокняжескомъ дворѣ и др. Разобранъ и заложенъ вновь соборъ Архангельскій. При Василіѣ Іоанновичѣ въ память взятія Смоленска былъ построенъ *Поводольичій* монастырь; построено было до 11 каменныхъ церквей мастеромъ *Фрязиномъ*; мастеромъ *Николаемъ* Нѣмцемъ слитъ громадный колоколъ въ 1000 пудовъ. Въ память взятія Казани при Грозномъ построенъ въ Москвѣ Покровскій соборъ. При Борисѣ Годуновѣ уже въ началѣ XVII в. возникла около кремлевскихъ соборовъ знаменитая Иваповская колокольня. И другіе города украшались новыми храмами. По древнему обычаю во времена бѣдствій цѣлыми десятками являлись обыденныя церкви. Мы видѣли, что Стоглавый соборъ нашелъ нужнымъ ограничивать благочестивое усердіе народа къ строенію церквей. Въ литературѣ XV и XVI в. находимъ наставленія о томъ, что лучше помогать бѣднымъ, чѣмъ строить и украшать церкви.

Судьба мѣстныхъ святынь. Развитіе московской централизаціи имѣло большое вліяніе на судьбу мѣстныхъ святынь. Въ началѣ описываемаго времени мы еще встрѣчаемъ нѣкоторые остатки старинныхъ понятій объ нихъ; такъ первый владыка Москвичъ въ Новгородѣ Сергій не хотѣлъ почтить мощей св. владыки Моисея; самъ Іоаннъ III, посѣтивъ Хутынскій монастырь, унизилъ мощи пр. Варлаама предъ московскими мощами и былъ при этомъ вразумленъ грознымъ появленіемъ подземнаго огня. Новый порядокъ вещей обнаружился собираніемъ мѣстныхъ святынь въ Москву, какъ общій политическій и церковный центръ. Успенскій соборъ сдѣлался общимъ средоточіемъ этихъ святынь. Въ его иконостасѣ помѣщены: изъ покореннаго Новгорода икона Спаса, изъ Устюга икона Благовѣщенія, предъ которою молился Прокопій устюжскій объ избавленіи своего города отъ каменной тучи, изъ Владиміра икона Одигитріи Владимірская, изъ Пскова икона Псковопечерская; въ ризницу собора взяты изъ Новгорода сосуды Антонія Римлянина. Въ Москву же переносились мѣстныя мощи, наприм. изъ Чернигова мощи кн. Михаила и его боярина Ѳеодора (при Грозномъ). Наконецъ по опредѣленію двухъ московскихъ соборовъ 1547 и 1549 г. святые угодники разныхъ краевъ, прежде чтившіеся только мѣстно, получили общее чествованіе по всей Россіи и занесены въ общія Святцы. Тогда же были собраны мѣстныя службы,

каноны, житія и чудеса всѣхъ этихъ новыхъ чудотворцевъ, для нѣкоторыхъ изъ нихъ составлены вновь и тоже обнародованы повсюду.

Св. иконы. Въ XVI вѣкѣ возникъ вопросъ о писаніи св. иконъ, потому что чрезъ Новгородъ и Псковъ въ иконописаніе стало проникать западное вліяніе; появлялись иконы, писанныя съ латинскихъ образцовъ и отличавшіяся множествомъ символическихъ изображеній. Стоглавый соборъ опредѣлилъ, чтобы иконописцы непремѣнно держались древнихъ образцовъ чтобы всѣ архіереи въ своихъ епархіяхъ надзирали за иконописаніемъ и запрещали заниматься имъ людямъ неискуснымъ и худой нравственности; въ образецъ для мастеровъ онъ рекомендовалъ извѣстнаго намъ андроніевскаго инока Андрея Рублева († 1430 г.).—Вскорѣ послѣ Стоглава началось замѣчательное волненіе изъ-за иконъ, поднятое дьякомъ *Иваномъ Висковатымъ.* Послѣ большаго московскаго пожара вновь расписывали иконами кремлевскіе храмы: для этаго дѣла были выписаны древнія иконы изъ Новгорода, Смоленска, Дмитрова и Звенигорода и пріѣхали въ Москву новгородскіе и псковскіе мастера. Въ Благовѣщенскомъ соборѣ священникъ Сильвестръ съ доклада царю велѣлъ изобразить: Троицу въ дѣяніяхъ, Вѣрую, Хвалите Господа съ небесъ, Софію Премудрость Божію, Достойно, Почи Господь въ день седьмый, Пріидите людіе триосставному Божеству поклонимся и др. Висковатый соблазнился о новыхъ иконахъ; поддерживаемый нѣкоторыми московскими мастерами, которые были отставлены отъ дѣла, началъ разглашать въ народѣ, что не слѣдуетъ изображать невидимое Божество и безплотныхъ, что весь первый членъ Символа вѣры нужно изображать словами, а потомъ по плотскому смотрѣнію: „и въ Господа нашего І. Христа“, до конца, особенно порицалъ символическія изображенія добродѣтелей и пороковъ, Христа въ видѣ ангела съ крыльями и т. п., писалъ къ митрополиту жалобу, что Сильвестръ старые образа вынесъ, а новые поставилъ по своему мудрованію. Сильвестръ оправдывался и требовалъ собора. Въ 1554 г. соборъ былъ созванъ и рѣшилъ дѣло въ пользу Сильвестра. Висковатаго на 3 года отлучили отъ причастія св. таинъ за то, что иконы хулилъ и смущалъ народъ; привели правило VI вселенскаго собора, запрещающее простымъ людямъ принимать на себя учительскій санъ. Отстаивая принципъ невмѣшательства мірянъ въ духовныя дѣла, митрополитъ сказалъ Висковатому: „всякій долженъ знать свой чинъ: овца не должна

дѣлать изъ себя пастыря, нога не должна думать, что она голова. Слушай духовныхъ отцевъ. Вамъ не велѣно о Божествѣ и о Божьихъ дѣлахъ испытывать; зналъ бы ты свои приказныя дѣла,—не разроняй списковъ".

Церковное Богослуженіе. Поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи нестроеній въ церковномъ богослуженіи. При вѣрѣ въ его безусловную обязательность для спасенія души обрядовое благочестіе заботилось преимущественно о томъ, чтобы все вычитать и пропѣть по уставу, совершить все, что положено, но мало обращало вниманія на то, *какъ* это сдѣлать. Явилось неблагочинное исправленіе церковной службы, многогласіе, происходившее отъ того, что для сокращенія времени службы одинъ читалъ, другой пѣлъ, третій возглашалъ эктенію въ одно и тоже время, такъ что ничего нельзя было понять. Обрядовое благочестіе объ этомъ пониманіи и не думало, полагая всю важность въ самомъ присутствіи при богослуженіи. Явились и другія неблагочинія при богослуженіи, разговоры духовныхъ и мірянъ, перебранки, крикъ нищихъ; служба шла кое какъ наскоро; произошелъ замѣтный упадокъ эстетической стороны богослуженія, порча пѣнія, безсмысленность чтенія безграмотныхъ чтецовъ. Противъ всѣхъ этихъ нестроеній возставалъ Стоглавъ, писали въ своихъ сочиненіяхъ и грамотахъ пастыри церкви. Замѣчательно однакоже, что самыя наставленія касались больше всего внѣшности богослуженія, опредѣляли разныя обрядовыя дѣйствія священнослужителей, способы обращенія со св. вещами, съ св. водой, просфорами, занимались подробностями касательно того, какъ совершать земные и поясные поклоны, какъ при этомъ держать руки и ноги, какъ складывать уста для цѣлованія креста, иконъ и мощей, брать въ ротъ просфору и жевать ее и проч. Въ такомъ именно духѣ написаны всѣ обрядовыя наставленія Стоглава и Домостроя.

Обрядовые споры. Богословская мысль исключительно вращалась въ сферѣ церковныхъ обрядовъ, полагала въ нихъ сущность вѣры. Въ XV и XVI вв. мы уже ясно можемъ слѣдить за проявленіями того религіознаго настроенія, изъ котораго выродился послѣ расколъ старообрядчества; встрѣчаемъ и тѣ пункты, которые потомъ вошли въ его ученіе. Въ 1479 г. в. князю наговорили, что при освященіи Успенскаго собора м. Геронтій не по правиламъ ходилъ съ крестами около храма, не *по солнцу*. В. князь осердился, сталъ говорить, что за это Господь пошлетъ гнѣвъ свой. И поднялся споръ о томъ, по солнцу или противъ солнца ходить при освященіи хра-

мовъ съ крестами. На сторонѣ митрополита стояло большинство духовенства и книжныхъ людей; всѣ они указывали на то, что и на Аѳонѣ съ крестами ходятъ противъ солнца, что и дьяконъ съ кадиломъ ходитъ тоже на правую руку. Противники, державшіеся мнѣнія в. князя, приводили какое-то неясное разсужденіе: „Солнце праведное—Христосъ на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради исходятъ на Пасху, тоже прообразуютъ на утрени". Споръ разгорѣлся такъ, что митрополитъ хотѣлъ отказаться отъ каѳедры; множество церквей оставалось безъ освященія. Истины такъ и „не обрѣтоша", но в. князь уступилъ митрополиту и билъ ему челомъ о возвращеніи на каѳедру.—Въ XVI в. распространилось сильное сомнѣніе о томъ, *двоить* или *троить аллилуія*. Въ псковскомъ Ефросиновомъ монастырѣ двоили, прикрываясь авторитетомъ пр. Евфросина. Но въ Псковѣ и въ Новгородѣ этимъ смущались, видя тутъ латинство. Владыка Геннадій нарочно спрашивалъ объ аллилуіи жившаго въ Римѣ ученаго переводчика *Дмитрія Герасимова*. Герасимовъ прислалъ неопредѣленный отвѣтъ, который никого тогда не могъ удовлетворить, что все равно,—двоить или троить; поэтому вопросъ оставался попрежнему спорнымъ и рѣшался одними такъ, другими иначе. Отголосокъ тогдашнихъ споровъ можно видѣть въ житіи пр. Евфросина, написанномъ нѣкіимъ *Василіемъ*. Аллилуіи дается здѣсь необыкновенно великое и странное значеніе божественной тайны воскресенія Христова (аллилуія, по мнѣнію Василія, значитъ будто бы „воскресе"); сама Богородица является Василію протолковать эту тайну; въ толкованіи этомъ видимъ полное отсутствіе смысла и самыхъ элементарныхъ религіозныхъ свѣденій, ереси чуть не въ каждомъ словѣ; троеніе аллилуіи называется жидовствомъ и латинствомъ, даже почтеніемъ языческаго Бога, а двоенію приписывается чудесная сила, спасающая человѣка. Стоглавый соборъ однако повѣрилъ этому житію и велѣлъ двоить аллилуію. Кромѣ того онъ внесъ въ свои опредѣленія еще мнѣніе *о двоеперстіи* въ крестномъ знаменіи; вопросъ о томъ, сколькими перстами креститься, казался тогда такъ важенъ, что на троеперстіе изречено даже проклятіе.—При смѣшеніи существеннаго съ несущественнымъ, обряда съ вѣрою, обрядовый религіозный взглядъ простирался и на обыкновенныя житейскія вещи и обычаи; все свое, русское, было православнымъ, все чужое—еретическимъ и басурманскимъ. Русскіе носили бороду, и борода стала существенною принадлежностію православія, а *брадобритіе*—латинской ересью.

Стоглавъ опредѣлилъ надъ брадобритцемъ ни отпѣванія, ни сорокоуста не творить, ни просфоры, ни свѣчи по немъ въ церковь не приносить,—съ невѣрными да причтется.

Вліяніе религіозности на нравы. Привязанность къ формѣ, обряду отразились и въ жизни общества. Добродѣтелями времени были частое присутствіе при богослуженіи, строгое соблюденіе постовъ, кромѣ положенныхъ церковію, еще добровольныхъ, обѣтныхъ, напр. поста въ понедѣльникъ, въ 12 обѣтныхъ пятницъ, почитаніе св. иконъ и мощей, вклады въ монастыри и церкви, построеніе церквей, путешествіе ко св. мѣстамъ, раздача пищи и денегъ бѣднымъ и т. п. Сами князья не иначе принимались за дѣла, какъ отслушавъ службу Божію. Грозный въ Александровской слободѣ присутствовалъ на всѣхъ церковныхъ службахъ каждый день и молился до того, что у него были раны на лбу. Жизнь благочестиваго царя Ѳеодора вся почти проходила въ богослуженіи. Присутствіе на всѣхъ службахъ входило даже въ дворцовый этикетъ. Такую же ревность къ богослуженію оказывали и частные люди, если имѣли къ тому возможность по своимъ занятіямъ. Жизнь благочестиваго человѣка вся построивалась по церковному уставу; распредѣленіе времени, пища, одежда, этикетъ общежитія, отношенія членовъ семейства— все носило печать религіи, считалось православнымъ въ отличіе отъ чужаго, еретическаго и басурманскаго. Даже внѣшній видъ русскаго города и селенія показывалъ, что религія господствующая сила въ странѣ; иностранцы видѣли въ городахъ множество богатыхъ церквей и монастырей; палаты богатыхъ людей и князей украшались и внутри и снаружи на церковный ладъ. По городу постоянно слышался звонъ „добропѣумныхъ“ колоколовъ; на всѣхъ улицахъ стояли часовни и иконы въ окладахъ съ зажженными предъ ними свѣчами; прохожіе крестились предъ каждой часовней и церковью, а иные клали земные поклоны; вездѣ можно было встрѣтить духовенство съ св. водой, крестами, иконами и пѣніемъ; весьма часто совершались торжественные крестные ходы.

Но истинное религіозное чуство, которое оживляетъ обрядъ и преобразуетъ нравственную жизнь человѣка, было мало развито. Среди множества вопросовъ и обличеній въ XVI в. подверглось обличеніямъ и это противорѣчіе между христіанской внѣшностью и нехристіанскими нравами, которое бросалось въ глаза самимъ современникамъ. Но обличенія оставались

обличеніями, а жизнь шла обычнымъ заведеннымъ порядкомъ. Даже тѣ самые люди, которые всѣхъ рѣзче обличали обрядовое благочестіе, иногда были самыми типическими его представителями, наприм. І. В. Грозный, который предлагалъ такія энергическія обличенія на Стоглавѣ и поучалъ кирилловскихъ монаховъ духовному посту и молитвѣ. Вся жизнь его Александровской слободы была устроена по монастырскому чину; царь былъ игуменомъ, опричники—братіею съ разными монастырскими должностями келаря, параэкклисіарха и т. д. Каждый день эта братія упражнялась въ богослуженіи, бесѣдахъ отъ Писанія, чтеніи Прологовъ за трапезой, а въ промежуткахъ между молитвами или страшныя пытки и казни или проявленія грубаго разврата. Достоинство молитвы здѣсь опредѣлялось не силой душевнаго умиленія, а счетомъ поклоновъ и продолжительностію времени, милосердіе—счетомъ поданныхъ нищему копѣекъ, усердіе къ церкви—числомъ рублей, отданныхъ въ монастырь. Выразительнымъ памятникомъ этаго благочестія остался знаменитый *Синодикъ Грозному*, который онъ послалъ въ Кирилловъ монастырь для вѣчнаго поминовенія, заплативъ за него 2200 рублей; это огромное поминанье въ двухъ томахъ, въ которомъ записано 3470 душъ убитыхъ царемъ людей; царь даже и не помнилъ всѣхъ по именамъ, а записывалъ въ иныхъ мѣстахъ огуломъ: помяни, Господи, 39 человѣкъ, убіенныхъ тамъ-то, помяни 1505 Новгородцевъ и пр., ихъже имена Ты самъ, Господи, вѣси. Нужно при этомъ взять во вниманіе то обстоятельство, что едва ли кто изъ современниковъ могъ поспорить съ Грознымъ въ богословской начитанности и религіозномъ образованіи.

Господствующіе пороки. Подъ благочестивой внѣшностью въ обществѣ обнаруживалась азіатская грубость нравовъ. Въ общественныхъ отношеніяхъ видимъ угнетеніе низшихъ классовъ высшими, бѣдныхъ богатыми, подчиненныхъ начальствующими. Въ судѣ и управленіи господствовали страшныя пытки и страшныя казни. Неуваженіе къ личности, привычка давать волю рукамъ господствовали одинаково во всѣхъ классахъ общества. Разбои, наѣзды на чужіе дворы и имѣнія были обычными явленіями; въ нихъ упражнялись самые близкіе люди къ правительству—опричники. До чего доходила необузданность такихъ наѣздовъ, видно изъ того, что опричнѣ поплатились всѣмъ своимъ добромъ не одна церковь и не одинъ монастырь, въ новогородской волости опричники разломали даже гробъ пр. Саввы вишерскаго. Существовали грубыя по-

тѣхи, напр. кулачные бои, на которыхъ побивали людей до смерти. Грозный увеселялся травлей людей медвѣдями; тоже дѣлали и другіе сильные люди. Общественныя сходки, пиры и бесѣды нерѣдко оканчивались дракой и убійствомъ; расходившійся человѣкъ не зналъ себѣ никакого удержу; убить человѣка въ такомъ видѣ называлось „поколоть по грѣхамъ“,— Грозный и сына своего покололъ по грѣхамъ. До насъ дошло нѣсколько оффиціальныхъ мировыхъ грамотъ, въ которыхъ родня убитаго беретъ деньги съ убійцы и отказывается отъ суда; одна такая мировая заключена между двумя монастырями—Новинскимъ и Кирилловымъ въ убійствѣ крестьянъ перваго. Иностранцы замѣтили въ Русскихъ слабость чувства чести, ложь и обманы. Грозный, лаская Нѣмцевъ, говорилъ имъ: „мои Русскіе всѣ воры“. Всякій, приставленный къ какому нибудь дѣлу, старался нажиться отъ него. Стоглавъ сильно возмущался тѣмъ, что приставники богадѣленъ наживались даже на счетъ милостыни, которую подавали боголюбцы богадѣленнымъ нищимъ. Тотъ же соборъ и всѣ современные моралисты вооружались противъ пьянства, особенно пьянаго препровожденія праздниковъ и семейныхъ торжествъ. По описанію Стоглава свадебный поѣздъ наприм. совершался пьяной и шумной толпой съ дудками, бубнами, а впереди ѣхалъ верхомъ священникъ, котораго тоже предварительно напаивали виномъ.“

Семейная жизнь страдала отъ грубаго, исключительно чувственнаго отношенія половъ, которое обусловливало съ одной стороны легкость семейныхъ правовъ, съ другой затворничество женщинъ. М. Даніилъ въ одномъ поученіи описываетъ современнаго щеголя, какъ, угождая блудницамъ, онъ не знаетъ, во что и нарядиться, скачетъ и ржетъ, какъ жеребецъ. Домострой представилъ выразительное описаніе „потворепныхъ бабъ“, проникавшихъ въ самые крѣпкіе терема. Достоинство женщины было поругано, потому что на нее смотрѣли, только какъ на орудіе для чувственнаго наслажденія; для нея оставалось одно изъ двухъ: или крѣпче запереться въ своемъ теремѣ или самой предаться разврату. Статья о женахъ злыхъ выросла въ своихъ размѣрахъ и стала помѣщаться, цѣликомъ и въ отрывкахъ, во всѣхъ сборникахъ. Замѣчательно, что семейная жизнь не могла выработать себѣ даже нравственнаго идеала; въ обществѣ оставался одинъ только аскетическій нравственный идеалъ, который, не имѣя себѣ противовѣса, естественно доходилъ даже до отрицанія семейной жиз-

ни. Распространилось мнѣніе, что человѣкъ, „съ женою и чады живуще, не можетъ спастися“.

Іуліанія Лазаревская. До насъ дошло замѣчательное житіе русской боярыни XVI в. праведной *Іуліаніи Лазаревской*, написанное уже въ XVII в. ея сыномъ *Каллистратомъ Осорьинымъ*. Оно имѣетъ цѣлью доказать, что и безъ пострижения въ монашество, живя въ семьѣ, можно угодить Богу, но, не имѣя другаго нравственнаго идеала, кромѣ аскетическаго, выставляетъ въ примѣръ жизнь строгой подвижницы, женщины исключительной въ семейной жизни, даже отрицавшей эту жизнь, по крайней мѣрѣ менѣе всего заботившейся объ ея интересахъ. Іуліанія съ ранняго возраста жила сиротой у своихъ родственниковъ среди обычной обстановки русскаго терема, откуда во всю молодость ее ни разу не выпускали даже въ церковь и гдѣ ее спеціально заставляли только нѣжить свою дѣвическую красоту для наслажденія ея будущему мужу. Уже въ это время она предавалась такому усердному посту, что приводила въ сокрушеніе всю свою родню, боявшуюся, какъ бы она не похудѣла. 15-ти лѣтъ ее выдали за мужъ. Всю свою жизнь потомъ она скорбѣла о томъ, что не могла остаться чистою дѣвою, постричься въ монастырѣ, и находила себѣ утѣшеніе только въ суровыхъ подвигахъ; каждый вечеръ она клала по 100 поклоновъ, цѣлый день работала и, что вырабатывала, раздавала бѣднымъ; отдавала даже свою долю хлѣба тайно отъ свекра и свекрови, обманывала ихъ своимъ будто бы многоядѣніемъ, лишь бы увеличить милостыню; во время одной язвы тайно же отъ родныхъ она ходила за больными и лечила ихъ заразительныя язвы; отъ современнаго рабства она отвращалась, никогда не требовала услугъ отъ своихъ холоповъ и холопокъ, во всемъ ихъ покрывала предъ мужемъ и свекромъ. Нужно замѣтить при этомъ, что вся ея семья состояла изъ людей очень благочестивыхъ,—очень ее любила и ничѣмъ не вызывала того отрицательнаго отношенія, въ какое стала къ ней Іуліанія. Іуліанія родила уже двоихъ сыновей и все-таки не переставала проситься въ монастырь, такъ что мужъ ея долженъ былъ нарочно добывать и читать ей книги, въ которыхъ доказывалось, что не спасутъ человѣка ризы черныя безъ добрыхъ дѣлъ и не погубятъ ризы бѣлыя при богоугодной жизни, что ей нужно заняться воспитаніемъ дѣтей. Она успокоилась только тогда, когда мужъ ея согласился не имѣть съ ней супружескаго союза. Съ этихъ поръ она постъ паче мѣры пріяла, спала,

подложивъ подъ голову полѣно, а подъ бокъ ключи, тѣла своего никогда не мыла, въ обувь клала орѣховую скорлупу. Наконецъ послѣ смерти мужа она достигла исполненія своего всегдашняго желанія, постриглась въ монашество (1604 г.) и вскорѣ послѣ этаго скончалась уже въ пожилыхъ лѣтахъ.

Остатки язычества. Кромѣ нравственныхъ нестроеній церковь должна была и теперь еще бороться противъ многихъ остатковъ язычества. Старые боги были забыты уже и на украйнахъ Руси; борьба противъ чистаго язычества продолжалась только въ средѣ инородческаго населенія, которое еще въ первый разъ обращалось въ христіанство. Но не забывалась языческая обрядность; она вошла въ народную жизнь, въ народныя торжества, сообщила свой характеръ празднованію самихъ православныхъ торжествъ. Въ 1505 г. игуменъ псковскаго Елеазарова монастыря *Памфилъ* писалъ псковскимъ властямъ, умоляя ихъ прекратить грубый разгулъ купальскаго торжества въ ночь на Рождество Предтечи, совершавшійся съ дикимъ бѣсованіемъ всего города, съ бубнами, сопелями, скверными пѣснями, пляской, сценами разврата и собираніемъ по лугамъ и дубровамъ чародѣйскихъ травъ. Въ Стоглавѣ говорится, что вездѣ еще происходили обряды Радуницы; на В. Четвергъ палили солому и кликали мертвыхъ; въ первый понедѣльникъ Петрова поста ходили въ рощи бѣсовскія потѣхи дѣять; въ Троицкую субботу мужи и жены сходились на жальникахъ и плакались на могилахъ съ великимъ кличаніемъ, а потомъ заставляли играть скомороховъ, пѣли и плясали; въ Русальи, на Ивановъ день и на Крещенье сходились мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, бѣсовскія пѣсни, плясаніе; бывало тутъ отрокамъ и дѣвамъ растлѣніе, а послѣ ночи всѣ, какъ бѣсные, съ крикомъ шли къ рѣкѣ и купались: въ Святки ходили по домамъ съ пѣснями, играми, скоморошествомъ и переряживаньемъ. Стоглавъ велѣлъ преслѣдовать и разгонять всѣ такія сборища; но его мѣры, какъ и всѣ предшествовавшія мѣры противъ язычества, по прежнему не задѣвали множества тайныхъ суевѣрій и обрядовъ, господствовавшихъ въ домашней жизни. Какъ трудно было бороться съ послѣдними, между прочимъ видно изъ того, что тотъ же Іоаннъ Грозный, который предложилъ на соборѣ вопросъ объ искорененіи остатковъ язычества, самъ съ своими опричниками проводилъ святки, какъ и всѣ его подданные, по старымъ обычаямъ, съ переряживаніемъ и другими потѣхами.

Вмѣстѣ съ языческими торжествами и обрядами подверглись преслѣдованію прежніе представители язычества—*волхвы*. Волшебство было окружено общимъ страхомъ и общею вѣрою въ его могущество. Къ его силѣ прибѣгали не только простолюдины, но и бояре и даже княжеская семья. Супруга в. кн. Василія, несчастная Соломонія думала чрезъ знахарей избавиться отъ своего неплодія и сохранить къ себѣ любовь своего супруга. Самъ Василій, женившись на Еленѣ Глинской, призывалъ къ себѣ корельскихъ вѣдуновъ, чтобы они помогли ему произвести потомство. Грозный тоже совѣтовался съ волхвами, хотя иногда жестоко казнилъ ихъ. О Годуновѣ извѣстно, что онъ изъ многихъ городовъ призывалъ къ себѣ знахарей, чтобы привлечь къ себѣ любовь царя Ѳеодора; отъ нихъ же онъ получилъ предсказаніе, что будетъ 7 лѣтъ царствовать. При воцареніи его русскіе люди присягали: „надъ государемъ царемъ и надъ царицею и надъ ихъ дѣтьми въ ѣдѣ, питьѣ и платьѣ и ни въ чемъ другомъ лиха никакого не учинить и не испортить, зелья лихаго и коренья не давать, вѣдуновъ и вѣдуней не добывать на государево лихо, слѣду не вынимать, вѣдовствомъ по вѣтру лиха не насылать“ и проч. Народъ прибѣгалъ къ вѣдунамъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ обыкновенныя человѣческія средства казались ему недостаточными. Всякая болѣзнь приписывалась вѣдовству и лечилась тоже вѣдовствомъ. Народная медицина вся состояла изъ заговоровъ и кудесническихъ средствъ. Отъ этаго благочестивые люди, по наставленію Домостроя, лечиться считали за грѣхъ и для избавленія отъ болѣзни прибѣгали къ молитвѣ, къ св. мощамъ или чудотворнымъ иконамъ. Иностранные медики, приглашавшіеся въ Россію, считались колдунами и возбуждали суевѣрный страхъ. Народныя бѣдствія тоже приписывались вѣдовству, и средствомъ къ устраненію ихъ было вѣдовство же. Къ вѣдунамъ прибѣгали жены для привораживанія мужей, мужья для открытія невѣрности женъ, хозяева для отысканія вора, воры для удачи въ кражѣ, промышленникъ для удачи въ промыслѣ, служилый,—чтобы заговорить себя и свое оружіе, позванный на судъ,—чтобы преклонить на милость судью или чтобы побѣдить на судебномъ поединкѣ. И на всѣ случаи жизни существовало множество *заговоровъ, лживыхъ молитвъ, кудесническихъ средствъ*, кореньевъ, зелій, камней, и т. п. Духъ кудесничества проникалъ въ самое христіанство народа. Древніе заговоры получали христіанскую форму, замѣняя въ своихъ воззваніяхъ имена тайныхъ ми-

ческихъ силъ именами ангеловъ и святыхъ; съ другой стороны и христіанскія молитвы превращались въ заговоры чрезъ прибавленіе къ нимъ обычнаго въ началѣ заговоровъ упоминовенія объ островѣ Буянѣ и камнѣ Алатырѣ и сообщеніе имъ въ народномъ сознаніи чудесной силы; ихъ носили на шеѣ, хранили въ домахъ, какъ талисманы, употребляли въ колдовствѣ. Для колдовства употреблялись также псалмы и церковныя молитвы. Наконецъ народное чудесничество пользовалось разными свящ. предметами, напр. просвирни приговаривали надъ просфорами, „якоже арбуи въ Чуди“, по замѣчанію Стоглава; священники держали подъ престоломъ четверговую соль до 7 недѣль и потомъ продавали ее на врачеваніе людямъ и скотамъ, продавали мыло отъ освященія церкви, клали на 6 нѣдель на престолѣ дѣтскій послѣдъ (сорочки) и проч.

Полуязыческое настроеніе религіознаго сознанія народа искажало христіанство множествомъ *суевѣрій*, *примѣтъ* и *гаданій*. Въ природѣ видѣли дѣйствія водяныхъ, лѣшихъ и другихъ существъ, о которыхъ подсказывала языческая память. Лѣтописи продолжали записывать явленія кометъ, затмѣнія, паденія камней съ неба, всякаго рода знаменія. Въ сборникахъ пересчитывались примѣты, въ родѣ наприм. такихъ: храмъ трещитъ, ухозвонъ, окомигъ, длани или очи свербятъ, вороногай, курокликъ, утица крякнетъ, гусь гогочетъ, огнь бучитъ, песъ воетъ, мышь порты грызетъ, сонъ страшенъ, кошка мявкаетъ, сорока стрекочетъ. Ходили по рукамъ гадательныя тетради—Рафли, Аристотелевы врата, Шестокрылъ. Съ XVI в. съ запада перешли къ намъ астрологическія свѣденія и гаданія, помѣщавшіяся въ Астронумѣяхъ, Зодѣяхъ, Альманахахъ. Вѣра во вліяніе звѣздъ соединилась съ старымъ мнѣомъ о Рожаницахъ, подъ которыми стали разумѣть планеты; отъ того обличители язычества, забывъ о другихъ мнѣахъ, все еще говорятъ о Рожаницахъ. Въ большомъ ходу были статьи о часѣхъ добрыхъ и злыхъ.

Отреченныя книги. Всѣ эти суевѣрія запосились въ списокъ отреченныхъ книгъ, который значительно увеличился по своему объему. Масса апокрифовъ едвали не превышала массу истинныхъ книгъ. Во множествѣ списковъ ходили повѣсти о Китоврасѣ, о Синагрипѣ царѣ, о Іудѣ предателѣ, посланіе Авгаря, Аѳродитіана Перса о рождествѣ І. Христа и др. Къ массѣ болгарскихъ, греческихъ и своихъ домогощенныхъ апокрифовъ присоединились астрологическія и другія апокрифическія сочиненія запада. Въ XVI вѣкѣ переведенъ съ латинскаго

или нѣмецкаго языка *Лунцдаріусъ*, заключавшій въ себѣ цѣлую энциклопедію свѣденій о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, животныхъ, народахъ, странахъ и проч., въ которую вошли разнородные матеріалы изъ средневѣковыхъ бестіаріевъ, альманаховъ, гадальныхъ книгъ и народныхъ преданій. Запрещенія отреченныхъ книгъ (въ Просвѣтителѣ Іосифа волоцкаго, Домостроѣ, Стоглавникѣ) плохо дѣйствовали на практикѣ. Сами пастыри церкви не всегда могли отличить истинную книгу отъ апокрифа; м. Макарій въ своей Кормчей помѣстилъ ложную книгу Епоха праведнаго; Стоглавъ вѣрилъ ложнымъ сказаніямъ о п. Мелетіѣ и Ефросиніѣ псковскомъ, также подложному слову Ѳеодорита о крестномъ знаменіи. Кн. Курбскій рѣзко замѣчаетъ объ учителяхъ своего времени, что они занимались не столько истинными писаніями, сколько бабьими бреднями и болгарскими баснями. Для искорененія апокрифовъ и суевѣрій мало оказывалось однихъ запрещеній; нужно было возвысить уровень религіознаго образованія, который въ описываемое время стоялъ очень низко.

Просвѣтительное движеніе XVI вѣка.

Недостатокъ школъ и живой проповѣди. Вопросъ о религіозномъ образованіи былъ однимъ изъ важныхъ между многими вопросами этаго времени. Когда почувствовалась нужда всякаго рода исправленій вслѣдствіе сознанія обществомъ своей нравственной несостоятельности, оказалось, что общество это не имѣло и средствъ выйти изъ своего тяжелаго положенія; у него не было ни школъ, ни церковной проповѣди. Школы закрылись даже въ новгородскомъ краѣ, сравнительно болѣе образованномъ. Владыка Геннадій писалъ м. Симону горькую жалобу на невѣжество духовенства въ своей епархіи. „Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать Апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ: приказываю дать ему Псалтирь, а онъ и по той едва бредетъ. Откажу ему, и на меня жалобы: земля, господине, такова; не можемъ добыть, кто бы умѣлъ грамотѣ;... пожалуй, господине, вели учить. Приказываю учить эктенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ; ты говоришь ему то, а онъ—другое. Приказываю учить азбуку, и они, немного поучившись азбукѣ, просятся прочь... Мужики невѣжи учатъ робятъ грамотѣ и только рѣчь имъ портятъ, а за ученіе вечерѣ принеси мастеру кашу да гривну денегъ, за утреню тоже и больше, за часы особо, а отъ мастера отойдетъ,—ничего не умѣетъ, толь-

ко бредетъ по книгѣ, а церковнаго порядка вовсе не знаетъ". Владыка просилъ завести повсюду школы, которыя бы замѣнили мастеровъ, учить въ нихъ предполагалъ грамотѣ, и Псалтыри. Ограниченность этой программы показываетъ до чего дошла необразованность духовенства. Самыми просвѣщенными людьми въ его средѣ были начетчики, которые почерпали свои свѣденія, откуда и какъ попало, и которые не только не могли очищать религіозныхъ понятій массы, но еще были представителями и распространителями религіознаго міросозерцанія, основаннаго на почвѣ апокрифовъ и суевѣрій.—Церковная проповѣдь совсѣмъ замолкла и была, разумѣется только отчасти, замѣняема учительными посланіями церковныхъ дѣятелей о разныхъ предметахъ. Въ церквахъ читались только уставныя чтенія, которыхъ никто не понималъ и не слушалъ. Вмѣсто живыхъ поученій, которыхъ не умѣли составлять, явились формы поученій на разные случаи; въ сборникахъ напр. помѣщались: „Поученіе князем, егда пойдутъ на войну, Поученіе отъ митрополита къ князю цареву, Посланіе митрополита о утѣшеніи женѣ о мужѣ умершемъ" и т. п. Эти образцовыя поученія заимствовались у прежнихъ проповѣдниковъ, напр. у м. Фотія, и были первопачально писаны по частнымъ случаямъ.

Изъ проповѣдниковъ XVI в. извѣстны *м. Даніилъ*, отъ котораго дошло до насъ 16 поученій, заимствованныхъ впрочемъ изъ греческихъ сочиненій, и м. *Макарій*, въ свое время славившійся ораторствомъ; извѣстны 3 его рѣчи: при бракѣ царя, предъ походомъ царя на Казань и при возвращеніи отъ Казани. Но и эти немногіе остатки проповѣдничества XVI в. служатъ только доказательствомъ упадка живой проповѣди. Она приняла какое-то форменное направленіе; задушевность и живая простота убиты въ ней фальшивой торжественностію безъ одушевленія, ухищреніями риторства, къ которымъ всегда такъ склоненъ вкусъ начетчиковъ, гоняющихся за внѣшнимъ блескомъ, а не за сущностью дѣла. Очевидно, что и проповѣдь обращалась въ обрядъ и переставала быть живою силою, назначенною дѣйствовать на общество. Едва ли не лучшими произведеніями духовнаго ораторства нужно почесть полуапокрифическія слова „Отъ видѣнія ап. Павла" и „О деннопощной молитвѣ", особенно первое. Въ немъ поэтически изображено, какъ вся природа и ангелы жалуются Творцу на грѣхи человѣка и молятъ о его наказаніи; поразительные для

народной фантазіи образы этаго слова вошли даже въ поэзію духовныхъ стиховъ.

Ересь Жидовствующихъ. Первымъ возбудительнымъ толчкомъ, послѣ котораго началось просвѣтительное движеніе въ русской церкви, была *ересь Жидовствующихъ*, распространившаяся въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. въ Новгородѣ. Она явилась изъ Литвы и была смѣсью іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ. Въ Новгородъ ее принесъ съ собою кіевскій Еврей *Схарія*, замѣчательный ученый, знакомый съ астрологіей и каббалистикой. Ученіе ея состояло въ раціоналистическомъ отрицаніи догматовъ о Троицѣ, божествѣ І. Христа и искупленіи, въ предпочтеніи Ветхаго Завѣта Новому, отрицаніи писаній отеческихъ, почитанія св. мощей и иконъ, церковной обрядности и таинствъ, отверженіи монашества, какъ образа жизни, противнаго природѣ. Въ Новгородѣ ересь нашла себѣ хорошую почву, подготовленную еще Стригольниками. Первыми прозелитами Схаріи были священники *Діонисій* и *Алексѣй*, софійскій протопопъ *Гавріилъ* и самые образованные люди изъ новгородскихъ жителей. Еретики отличались благочестіемъ, которое сильно дѣйствовало на народъ, и большой ученостью, имѣли много книгъ, какихъ не было у православныхъ, и легко увлекали въ свое ученіе искусными спорами. Въ 1480 г. въ Новгородѣ былъ в. князь; Діонисій и Алексѣй такъ ему понравились, что онъ взялъ ихъ съ собою въ Москву и сдѣлалъ протопопами, одного архангельскимъ, другаго успенскимъ. Ересь нашла себѣ многихъ послѣдователей и въ Москвѣ; между ними замѣчательны симоновскій архимандритъ *Зосима* и лица, принадлежавшія къ господствующей тогда партіи при дворѣ, ученый дьякъ *Ѳедоръ Курицынъ* съ братомъ *Иваномъ Волкомъ* и невѣстка в. князя *Елена*, мать объявленнаго наслѣдника престола *Димитрія*.

Первый обратилъ вниманіе на ересь владыка Геннадій, узнавши объ ней отъ какихъ то пьяныхъ поповъ, принадлежавшихъ къ ея послѣдователямъ. Онъ тотъ часъ пустилъ дѣло въ розыскъ, захватилъ еретиковъ, ихъ книги и тетради и обо всемъ донесъ въ Москву в. князю и митрополиту. Въ Москвѣ не обратили надлежащаго вниманія на его донесеніе; м. Геронтій былъ человѣкъ престарѣлый, находился не въ ладахъ съ Геннадіемъ, былъ въ немилости у в. князя и потому не принималъ никакихъ мѣръ противъ ереси, тѣмъ болѣе, что ее поддерживала сильная придворная партія. А по смерти Геронтія (1489 г.) еретики успѣли возвести на митро-

полію своего собрата Зосиму. Новый митрополитъ тотъ часъ же началъ дѣлать придирки къ Геннадію, напр. потребовалъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія, ставя этимъ подъ сомнѣніе самое его православіе; Геннадій долженъ былъ оправдываться еще по поводу очень опаснаго тогда обвиненія въ сношеніяхъ съ Литвою. Онъ однако успѣшно выпутался изъ сѣтей Зосимы и не переставалъ убѣждать в. князя принять участіе въ дѣлѣ объ еретикахъ; въ своихъ увѣщаніяхъ къ нему онъ между прочимъ указывалъ въ примѣръ на испанскаго короля, который всю свою землю отъ еретиковъ очистилъ. Посланіями къ в. князю, митрополиту, архіереямъ ему удалось сообщить дѣлу объ еретикахъ такую гласность, что самъ Зосима долженъ былъ въ 1490 г. созвать соборъ, который и предалъ еретиковъ проклятію. Нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, которыхъ нельзя было укрыть, сосланы въ ссылку, нѣкоторые отосланы въ Новгородъ, откуда они прежде бѣжали въ Москву отъ преслѣдованія Геннадія. Владыка предалъ ихъ въ Новгородѣ публичному позору, велѣлъ возить по улицамъ на клячахъ лицемъ къ хвосту, въ вывороченномъ платьѣ, въ берестовыхъ шлемахъ, вѣнцахъ изъ сѣна и соломы и съ надписями: „се есть сатанино воинство!“ Народъ плевалъ имъ въ лицо. Въ заключеніе шлемы на нихъ были зажжены.

Но позоромъ ересь не была ослаблена. Вскорѣ она нашла случай къ новому торжеству. Прошелъ 1492 годъ, которымъ оканчивалась седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра и который народъ проводилъ въ страшной тревогѣ отъ ожиданія кончины міра. Еретики стали смѣяться надъ православными, ругались надъ ихъ книгами, на которыхъ были основаны ожиданія кончины, надъ воскресеніемъ мертвыхъ и самимъ Христомъ, отъ чего онъ не явился судить живыхъ и мертвыхъ. Самымъ сильнымъ ругателемъ былъ Зосима. Геннадій усилилъ свою дѣятельность; вмѣстѣ съ *Филоѳеемъ* псковскимъ онъ продолжилъ пасхалію на 70 лѣтъ осьмой тысячи (¹). Ему помогалъ пр. Іосифъ волоцкій своими посланіями противъ ереси и еретика Зосимы къ русскимъ епископамъ, къ в. князю и духовнику его, андроніевскому архимандриту *Митрофану*. Послѣ такого разглашенія о еретичествѣ митрополита поддерживать его стало нерасчетливо самимъ еретикамъ; въ 1494 г. Зо-

(¹) Въ послѣдствіи въ 1539 г. новгородскій священникъ *Агаѳонъ* составилъ пасхалію на всю осьмую тысячу подъ названіемъ: «Великій міротворный кругъ».

сима былъ отставленъ отъ митрополіи за пьянство и нерадѣніе о церкви. Сверженіе его съ каѳедры, разумѣется, мало ослабляло еретиковъ, когда у нихъ оставались еще такіе сильные покровители, какъ Курицынъ и Елена. Дѣйствуя противъ еретиковъ, Геннадій и Іосифъ должны были стать на сторонѣ противной придворной партіи в. княгини *Софіи Палеологъ* и ея сына *Василія Іоанновича*. Дѣло объ еретикахъ встало такимъ образомъ въ зависимость отъ торжества той или другой придворной партіи. Въ 1502 г. послѣдняя партія осилила первую; в. князь возложилъ опалу на своего внука и Елену и приблизилъ къ себѣ сына Василія. Съ этого же времени начинается паденіе ереси. Іосифъ получилъ доступъ ко двору и уговаривалъ в. князя казнить еретиковъ. В. князь однако долго не предпринималъ казней, потому что касательно этого предмета возникъ споръ между самимъ духовенствомъ. Строгій Іосифъ настаивалъ на суровыхъ мѣрахъ, доказывалъ, что нужно казнить даже кающихся еретиковъ, потому что раскаяніе изъ страха не есть раскаяніе. Противъ его мнѣнія возстали послѣдователи кроткаго Нила сорскаго—бѣлозерскіе старцы, проповѣдывавшіе любовь къ кающимся и отрицавшіе смертную казнь за ересь. Между тѣмъ Геннадій былъ лишенъ каѳедры, по всей вѣроятности не безъ содѣйствія еретиковъ. Наконецъ уже въ 1504 г. мнѣніе Іосифа восторжествовало; еретики были осуждены на соборѣ; главные изъ нихъ были сожжены, другіе разосланы по монастырямъ. Ересь впрочемъ и послѣ этаго не уничтожилась, продолжала существовать втайнѣ и чрезъ 50 лѣтъ, какъ увидимъ, возродилась въ новыхъ ересяхъ.

Просвѣтительная дѣятельность св. Геннадія и пр. Іосифа. Борьба съ Жидовствующими явила людей искусныхъ въ вѣрѣ, возбудила сильную нужду въ просвѣщеніи и подняла вопросы о современныхъ нестроеніяхъ въ церкви. Геннадій первый заговорилъ о заведеніи школъ, потому что, отыскивая себѣ помощниковъ въ борьбѣ съ ересью, не нашелъ въ своемъ духовенствѣ ни одного образованнаго человѣка, кромѣ Іосифа; всю эту борьбу они должны были выносить только одни вдвоемъ. Заслуги Геннадія состояли въ первоначальномъ раскрытіи ереси посланіями къ русскимъ святителямъ, въ расчисленіи пасхаліи и въ трудахъ по переводу и собранію книгъ св. Писанія. До его времени у насъ не было даже полной Библіи; св. Писаніе было распространено только въ отрывкахъ и отдѣльныхъ книгахъ, и то весьма мало. Даже въ софійской библіотекѣ, одной

изъ самыхъ богатыхъ въ Россіи, не было самыхъ нужныхъ книгъ для полемики съ еретиками: Бытія, Царствъ, Пророковъ, Притчей и Іисуса сына Сирахова; Геннадій посылалъ за ними въ монастыри Кирилловъ, Ѳерапонтовъ и Каменный. Еретики искажали псалмы, а у православныхъ не оказывалось ни одного надежнаго списка Псалтири, не смотря на всю важность этой книги въ богослуженіи и въ старинномъ образованіи. До Геннадія м. *Филиппъ* поручалъ переводить Псалтирь и нѣкоторыя другія книги (Есѳирь и Пятокнижіе) съ еврейскаго одному крещеному Еврею *Ѳедору*, но едва ли не его переводомъ и пользовались жидовствующіе. Геннадій первый озаботился составленіемъ *полнаго списка Библіи* (написанъ въ 1499 г.), но всѣхъ книгъ ея онъ такъ и не могъ собрать въ Россіи и долженъ былъ пополнять свой списокъ выборками текстовъ изъ разныхъ толкованій священныхъ книгъ и переводами съ латинской Вульгаты. (Съ Вульгаты переведены были: Паралипоменонъ, Ездра, Неемія, Товитъ, Іудиѳь, книга премудрости Соломона, книги Маккавейскія, части книгъ Псаіи, Іереміи, Есѳири и Притчей; изъ нея же и отчасти изъ нѣмецкой Библіи взяты предисловія къ книгамъ и раздѣленія на главы). Списокъ Геннадіевой библіи впрочемъ не былъ распространенъ въ публикѣ по причинѣ крайней его дороговизны. Сотрудниками Геннадія въ переводахъ были доминиканецъ *Вениаминъ*, родомъ Славянинъ, и переводчикъ *Димитрій Герасимовъ*, хорошо знавшій латинскій языкъ; Герасимовъ писалъ къ Геннадію посланія объ аллилуіи и о бѣломъ клобукѣ и перевелъ для борьбы съ еретиками нѣсколько западныхъ сочиненій противъ Іудеевъ.

Важнѣйшіе *труды Іосифа* тоже вызваны ересью. Онъ, какъ и Геннадій, занимался сначала собираніемъ и переписко̀й нужнѣйшихъ книгъ и положилъ основаніе обширной волоколамской библіотеки. Противъ Жидовствующихъ онъ написалъ капитальное сочиненіе, извѣстное подъ именемъ „Просвѣтителя“. Такъ какъ еретики задѣвали всѣ важнѣйшіе догматы православія, то „Просвѣтитель“ представляетъ собою почти полное и довольно систематическое изложеніе богословскихъ истинъ, первое русское богословіе, въ которомъ сведены догматическія свидѣтельства всѣхъ извѣстныхъ на Руси отцевъ церкви. Изъ практическихъ вопросовъ, поднятыхъ ересью, Іосифъ особенно занялся вопросомъ о монашествѣ, которое подверглось тогда сильнымъ нареканіямъ. Уставъ Іосифа, духовныя грамоты, описаніе жизни преподобныхъ отцевъ русскихъ

и нѣкоторыя посланія были направлены къ тому, чтобы защитить монашество, доказать его согласіе съ христіанскимъ ученіемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наставленіями и указаніемъ древнихъ примѣровъ поднять падавшую монастырскую нравственность. Вопросъ о монастырской нравственности давно уже соединялся съ вопросомъ о монастырскихъ вотчинахъ. Кромѣ еретиковъ, противъ владѣнія монастырей вотчинами былъ уважаемый аскетъ того времени пр. Нилъ сорскій съ своими послѣдователями, бѣлозерскими старцами, подавшій свой голосъ на извѣстномъ соборѣ 1503 года. Защищая монастырскую собственность противъ еретиковъ, пр. Іосифъ съ своими послѣдователями возсталъ и противъ мнѣнія пр. Нила. На соборѣ 1503 г. онъ одержалъ верхъ, но споръ о вотчинахъ не кончился и послѣ смерти пр. Нила († 1508 г.).

Споръ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ поставленъ былъ очень широко, коснулся самого воззрѣнія на монашество. Въ то время, какъ бѣлозерскіе иноки смотрѣли на монашество, какъ на жизнь, требующую полнаго отреченія отъ міра и всякихъ житейскихъ занятій, даже церковныхъ должностей, пр. Іосифъ смотрѣлъ на монастырь, какъ на разсадникъ церковныхъ властей, ставилъ монашество административнымъ, высшимъ классомъ духовнаго чина, хотѣлъ привлечь къ нему всѣ лучшія силы духовенства и на основаніи этого требовалъ внѣшняго возвышенія и обогащенія монастырей; „безъ вотчинъ, говорилъ онъ, не будетъ у монастырей честныхъ старцевъ, а не будетъ честныхъ старцевъ, кого брать на епископію и митрополію? иное и вѣрѣ будетъ поколебаніе“. Самымъ упрямымъ и опаснымъ по своей начитанности противникомъ іосифлянъ явился ученикъ пр. Нила *Вассіанъ Косой*, бывшій боярин кн. *Патрикѣевъ*, постриженный въ Бѣлозерскомъ монастырѣ въ монахи при Іоаннѣ III во время придворнаго переворота въ пользу Софіи и Василія Іоанновича. Князь-инокъ, бывшій приверженецъ Елены и Димитрія и вмѣстѣ съ тѣмъ боярской партіи, возставшей противъ развитія самодержавія в. князя, естественно былъ врагомъ іосифлянъ, стоявшихъ всегда на сторонѣ Василія и дѣйствовавшихъ въ пользу самодержавія, и примкнулъ къ бѣлозерскимъ инокамъ. Онъ написалъ до 10 словъ противъ Іосифа по различнымъ вопросамъ времени, „Слово объ иноческомъ житіи и устроеніи церковномъ“, „Собраніе на Іосифа отъ главъ Никона Черногорца“ и „Діалогъ“, содержащій сокращеніе всей полемики съ Іосифомъ. Вся эта полеми-

ка носитъ рѣзкій и раздражительный характеръ. Вассіанъ выставилъ всѣ язвы современнаго монашества, происходившія отъ вотчиннаго владѣнія монастырей, роскошь властей, пристрастіе къ стяжаніямъ, вотчинныя тяжбы по судамъ попрошайство, угодничество сильнымъ и богатымъ людямъ, притѣсненіе монастырскихъ крестьянъ тяжкими оброками, лихвой и истязаніями за долги и недоимки. Вассіану приписывается еще одно замѣчательное сочиненіе XVI в., содержащее въ себѣ апокрифическую бесѣду Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ о нестроеніяхъ послѣдняго времени. Со всею горячностью и неумѣренностію памфлета оно возстаетъ противъ владѣнія монастырей селами и описываетъ, какъ иноки, не желая кормиться своими трудами, накупаются на мірскія слезы и труды, стараются быть сытыми отъ царя по ложному и безстыдному челобитью, смотрятъ въ руки богатыхъ, расчитывая, не дадутъ ли серебро или скотинку или деревишку, а своихъ подначальныхъ всячески истязаютъ, отнимаютъ у нихъ послѣднюю коровку и лошадку, строятъ себѣ каменныя ограды и палаты, пользуются всѣмъ лучшимъ отъ міра и пр. Въ раздачѣ монастырямъ селъ авторъ видитъ простоту и малосмысліе царей, ослабленіе царской власти и даже признакъ близкой кончины міра.

Кромѣ вопроса о монастырскихъ вотчинахъ обѣ партіи непріязненно сталкивались и по другимъ вопросамъ. Полемика между ними коснулась вопроса о вдовыхъ попахъ, при чемъ Іосифъ настаивалъ на отлученіи ихъ отъ службы, а Вассіанъ доказывалъ противное. Мы уже видѣли, какъ Іосифъ разошелся съ бѣлозерскими старцами въ вопросѣ о казни Жидовствующихъ. Около 1511 года явилось посланіе отъ имени бѣлозерскихъ старцевъ, въ которомъ заключалось колкое опроверженіе Іосифова мнѣнія. Думаютъ, что оно написано Вассіаномъ; будучи приверженцемъ Елены и Димитрія, онъ всегда былъ заступникомъ за еретиковъ и самъ былъ нечуждъ того вольномыслія, какимъ они отличались. Посланіе приводитъ многіе примѣры милосердія изъ Св. Писанія, на положеніе Іосифа, что убитъ еретика руками или умертвить, какъ апостолъ Симона волхва, молитвою,—все равно, посланіе отвѣчаетъ: „и ты господине Іосифе, сотвори молитву, чтобы еретиковъ пожрала земля... Проразумѣй же, яко много разни промежъ Моусея и Иліи и Петра и Павла, да и тебя отъ нихъ“. Въ своемъ діалогѣ Вассіанъ прямо обличалъ іосифлянъ въ ереси Новата. Несогласія между обѣими партіями

дошло до того, что, когда Вассіанъ переселился съ Бѣлоозера въ Симоновъ монастырь и приблизился къ в. кн. Василію, Іосифъ боялся, какъ бы онъ совсѣмъ не раззорилъ Волоцкаго монастыря; предъ своею кончиной (1515 г.) въ завѣщаніи братіи онъ заповѣдалъ не имѣть никакого общенія съ учениками Нила и Вассіана; Вассіанъ съ своей стороны говорилъ, что іосифлянъ онъ и въ келью къ себѣ не пускаетъ и никакого общенія имѣть съ ними не желаетъ. Явилось особое посланіе, неизвѣстно чье и къ кому, которое излагаетъ причины „пелюбки“ между партіями и поучительно заключаетъ: „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе“.

Максимъ Грекъ. Еще не кончилось движеніе, произведенное ересью Жидовствующихъ, и борьба двухъ монашескихъ партій была въ самомъ разгарѣ, какъ пріѣхалъ въ Россію *Максимъ*, албанскій Грекъ, аѳонскій монахъ, получившій обширное образованіе въ Парижѣ, Венеціи и Флоренціи, современникъ и почитатель знаменитаго Іеронима Савонаролы. Онъ былъ вызванъ въ Москву для пересмотра обширной княжеской библіотеки и перевода книгъ. Пріѣздъ его въ 1518 году сообщилъ новое оживленіе просвѣтительному движенію, возбужденному въ русскомъ обществѣ. Труды его начались разборомъ княжеской библіотеки и переводами. Призваніе его въ Россію было не безъ отношенія къ ереси Жидовствующихъ. Такъ какъ послѣдніе были замѣчены въ искаженіи Псалтири, то первый трудъ Максима былъ посвященъ переводу съ греческаго языка толковой Псалтири, заключавшей въ себѣ сводное толкованіе разныхъ отцевъ церкви; потомъ онъ переводилъ толкованіе на книгу Дѣяній, бесѣды Златоуста на евангелія отъ Матѳея и Іоанна, житіе Богородицы изъ Метафраста, выписки изъ пророковъ съ толкованіями, нѣсколько главъ 2 книги Ездры, Даніила и Есѳири. Онъ и самъ писалъ толкованія на разные трудные тексты, о смыслѣ которыхъ его спрашивали. Отвлеченная ученая дѣятельность Максима продолжалась недолго; скоро онъ былъ втянутъ въ современные вопросы русской жизни. Сдѣлавшись авторитетомъ современнаго общества по своей учености, осаждаемый со всѣхъ сторонъ вопросами, онъ долженъ былъ внимательно прислушиваться ко всему, что около него дѣлалось, и на все отзываться своимъ словомъ. Кромѣ того онъ и самъ по себѣ былъ человѣкъ практики, жизни, горячій публицистъ, которому необходимо было высказываться, проводить свои идеи въ общество; его идеаломъ былъ славный пророкъ Флоренціи (Савонарола), одушевленная

дѣятельность котораго разожгла, какъ онъ выражался, и его божественною ревностію. И вотъ Максимъ сталъ русскимъ Савонаролой, обличителемъ всѣхъ современныхъ построеній; не смотря на то, что онъ былъ иностранецъ, современная ему русская жизнь отразилась въ его трудахъ цѣликомъ со всѣми вопросами и тревогами вѣка.

Полемическіе труды Максима. Остатки ереси Жидовствующихъ вызвали съ его стороны нѣсколько сочиненій противъ іудейства. Частыя сношенія Россіи съ Армянами по торговлѣ заставили его написать слово на армянское злов'ѣріе. Въ своемъ „Словѣ на агаряпскую прелесть и сквернаго пса Моамефа“ и въ своихъ „Отвѣтахъ противъ Агаряпъ“ онъ далъ образцы противомагометанской полемики, написанные впрочемъ въ крайне раздражительномъ духѣ, явно подъ живыми впечатлѣніями страданій его родины отъ турецкаго деспотизма. Главное мѣсто между его полемическими сочиненіями занимаютъ слова *противъ латинянъ*.—Латинская пропаганда не прекращалась въ Россіи и послѣ неудачной уніи м. Исидора. Папа Сикстъ устроилъ бракъ Іоанна III съ жившей въ Римѣ греческой царевной Софіей Палеологъ именно въ тѣхъ расчетахъ, чтобы сдѣлать ее орудіемъ католичества въ Россіи. Вмѣстѣ съ ней въ Москву поѣхалъ папскій легатъ *Антоній*. Но Софія обманула ожиданія папы. Легатъ его тоже не имѣлъ успѣха въ Москвѣ. Онъ требовалъ было торжественнаго въѣзда въ столицу съ преднесеніемъ креста. Но м. Филиппъ I рѣшительно объявилъ, что, если легатъ съ своимъ крыжемъ въѣдетъ въ одни ворота кремля, то онъ, митрополитъ, выѣдетъ изъ Москвы въ другія. В. князь велѣлъ легату спрятать крыжъ. Въ Москвѣ Антоній заговорилъ о соединеніи церквей, но Филиппъ отыскалъ какого-то *Никиту* поповича, мудраго книжника, который совсѣмъ заговорилъ легата, такъ что онъ отказался спорить, говоря: „книгъ нѣтъ со мною“. Въ 1519 г. папа Левъ X чрезъ своего агента *Николая Шомберга* предлагалъ в. кн. Василію унію и за нее Константинополь и санъ царя, а митрополиту санъ патріарха. Шомбергъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ въ Москвѣ въ кругу бояръ. Кромѣ его въ пользу католицизма дѣйствовалъ тогда врачъ *Николай Булевъ* или *Люсвъ*, извѣстный больше подъ именемъ *Николая Нѣмчина*; онъ между прочимъ училъ русскихъ астрологіи.—Въ своихъ сочиненіяхъ противъ латинянъ Максимъ имѣлъ въ виду преимущественно Николая Нѣмчина. Самъ сочувствуя мысли о соединеніи церквей, онъ однако ставилъ необхо-

димымъ условіемъ этаго соединенія обращеніе католиковъ въ православіе. Противъ ученія римской церкви онъ возстаетъ съ такою же горячностью, какъ и всѣ его предшественники по полемикѣ съ латинствомъ; онъ подводитъ латинянъ подъ анаѳему церкви, какъ еретиковъ, нарушителей апостольскихъ и отеческихъ постановленій и даже безбожниковъ.

Обличенія Максима против суевѣрій. Весьма важное значеніе для русской церкви имѣли сочиненія Максима, въ которыхъ онъ касается русскихъ суевѣрій и апокрифовъ. Онъ первый отнесся къ суевѣріямъ критически; не довольствуясь однимъ голословнымъ осужденіемъ и запрещеніемъ ихъ, разбиралъ ихъ внутреннее содержаніе и согласіе съ ученіемъ церкви. Сюда относятся: его посланіе о постѣ въ понедѣльникъ, разборъ сказанія объ Іудѣ, обличеніе на сказаніе Аѳродитіана о рождествѣ Богородицы, противъ глаголющихъ— „Христа во священство поставили“, къ глаголющимъ, „яко всю свѣтлую седмицу солнце не зайде“, противъ вѣры, что „потребенія ради убитаго и утопленнаго бываютъ стужи“, о томъ, „кому прежде всѣхъ съ небесе грамота сослана быть“, о рукописаніи, которое будтобы Адамъ далъ дьяволу. Максимъ разобралъ Іуцидаріусъ, сличилъ его сказанія и объясненія явленій природы съ твореніями отцевъ, особенно Іоанна Дамаскина, и рѣшилъ, что это не Іуцидарій, а Тевеврарій, произведеніе мірской мудрости, внѣшней философіи, котораго нужно избѣгать, какъ Сирены. Максима сильно возмутило распространеніе въ Россіи знакомыхъ ему еще по Италіи астрологическихъ суевѣрій, вошедшихъ и въ Іуцидаріусъ. Въ своей полемикѣ противъ астрологіи онъ преимущественно опровергалъ Николая Нѣмчина, ея главнаго распространителя въ Россіи, увлекшаго сю дьяка в. князя *Мисюря Мунехина*, боярина *Карпова* и еще какого-то игумена. Въ астрологическихъ бредняхъ Николая Нѣмчина нашло себѣ отголосокъ знакомое намъ ожиданіе скорой кончины міра, не пропавшее и послѣ 1492 года. Распространилось мнѣніе, которое высказывается въ лѣтописяхъ и въ посланіи псковскаго елеазаровскаго монаха Филоѳея къ в. к. Василію, что Москва есть послѣднее апокалипсическое царство, третій Римъ, а четвертому уже не быть. Николай Нѣмчинъ писалъ Мунехину, что въ 1524 г. будетъ странамъ и царствамъ, обычаямъ и достоинствамъ, скотамъ, бѣлугамъ морскимъ и всѣмъ земнородным несумнѣнное премѣненіе. Максимъ въ своихъ сочиненіяхъ о звѣздочетной прелести излагаетъ исторію астрологіи, выводя ее изъ

Халдеи и Египта, описываетъ увлеченіе ею въ Италіи, разказываетъ случаи, гдѣ ея предсказанія оказались ложными, и противополагаетъ ей православное ученіе о Промыслѣ и свободѣ человѣка.—Въ разныхъ сочиненіяхъ, напр. О Промыслѣ, онъ обличаетъ и другія русскія суевѣрія, вѣру во встрѣчи, въ оклики, птичій полетъ, колдовство и др., указываетъ и средство освободиться отъ нихъ—образованіе чрезъ сближеніе съ просвѣщенными народами запада. Но при этомъ онъ предостерегалъ русскихъ людей отъ схоластической философіи, обоготворенія Аристотеля и Платона, какое видѣлъ въ Италіи, отъ увлеченія классической мудростью, которое господствовало въ Европѣ въ эпоху возрожденія наукъ. На науку онъ смотрѣлъ исключительно съ религіозной точки зрѣнія, какъ на служительницу вѣры, въ образецъ научныхъ и религіозныхъ знаній ставилъ творенія Іоанна Дамаскина.

Обличенія Максима противъ нравовъ. Сдѣлавшись Савонаролой русскаго общества, Максимъ не могъ не касаться и его нравственныхъ нестроеній. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ обличалъ общественныя распри, придворныя смуты, неправый судъ, притѣсненія сильными слабыхъ, господами рабовъ, начальствующими подчиненныхъ, пьянство, развратъ. По своемъ пріѣздѣ въ Россію, онъ былъ пораженъ здѣсь противорѣчіемъ между внѣшнею набожностію и нравственной жизнью народа, и рѣзко выставилъ эту черту общественнаго религіознаго характера во многихъ своихъ сочиненіяхъ, напр. въ „Сказаніи живущимъ во грѣсѣхъ неотступно, и каноны всякими и молитвами молящимся по вся дни, чающимъ спасеніе получити“, и въ „Словесахъ, аки отъ лица пре в. Богородицы, къ лихоимцамъ и сквернымъ и всякія злобы исполненнымъ, а канопы всякими различными пѣснями угождати чающимъ“. Отъ лица Богородицы онъ говоритъ человѣку, который думаетъ замѣнить нравственность обрядами: „твое частое радуйся, будетъ пріятно Мнѣ, когда отступишь отъ злобы, лжи, блуда, гордости, хищенія неправеднаго чужихъ имѣній; веселясь кровью убогихъ, испивая несытно ихъ мозги ростами и нуждами, ты ничѣмъ не отличаешься отъ иноплеменника Скиѳа и христоубійцъ, хотя и зовешься христіаниномъ; Я не внемлю тебѣ, какъ ни ной безчисленны канопы и стихиры краснымъ гласомъ и высокимъ воплемъ“. Онъ обличалъ тѣхъ, которые не ѣли мяса въ понедѣльникъ, а цѣлый день пили вино и провѣдывали, гдѣ есть пиръ или братчина, соблюдали всѣ посты—и терзали бѣдныхъ подручниковъ. Замѣчательно его слово„ о томъ, какія рѣчи рекъ

бы къ Содѣтелю всѣхъ епископъ тверскій, сожжену бывшу соборному храму и всему дому его, и како отвѣщаетъ ему боголѣпие всѣхъ Господь". Епископъ Акакій въ этомъ словѣ жалуется, за что пришелъ на него гнѣвъ Божій, когда онъ совершалъ всѣ дѣла благочестія; Господь отвѣчаетъ, что люди только прогнѣвляютъ Его, предлагая доброгласныхъ пѣній и колоколовъ шумъ, многоцѣнное иконъ украшеніе, муръ благоуханіе, златые вѣнцы, а не милуя нищихъ и сиротъ, не отставая отъ неправдъ, лихвъ и т. п. „Вы книгу Моихъ словесъ внутрьуду и внѣуду обильно украшаете сребромъ и златомъ, силу же писанныхъ въ ней Моихъ велѣній не пріемлете и не исполняете". Подобныя обличенія должны были сильно задѣвать патріотическое чуство русскихъ и вооружать ихъ противъ смѣлаго пришельца, тѣмъ болѣе, что немногіе могли и понимать эти обличенія: для большинства такое возстаніе противъ обрядоваго благочестія было ересью, тѣмъ же Стригольничествомъ и Жидовствомъ, которыя такъ недавно еще взволновали всю русскую церковь. При этомъ Максимъ не обращалъ вниманія на лица и вскорѣ же по пріѣздѣ вооружилъ противъ себя очень опасныхъ враговъ по поводу своего вмѣшательства въ споръ іосифлянъ съ бѣлозерскими старцами.

Участіе Максима въ спорѣ іосифлянъ съ ихъ противниками. Съ самаго же начала онъ всталъ на сторону бѣлозерскихъ иноковъ и кн. Вассіана. Его идеалъ монашества былъ тотъ же, что и у нихъ: монахъ долженъ быть „странепъ, незнаемъ, бездомовенъ, безъимененъ, безсмысленъ предъ сродники и други"; крѣпостное владѣніе и мірское величіе есть отрицаніе иночества. Въ своемъ „Сказаніи о извѣстномъ иноческомъ жительствѣ" онъ изложилъ свои мысли объ этомъ предметѣ, разсѣянныя и въ другихъ сочиненіяхъ, въ наиболѣе полномъ видѣ, въ формѣ спора Антимона съ Филоктимономъ. Яркими красками онъ (въ лицѣ Антимона) описываетъ притѣсненія монастырскихъ крестьянъ, горькую ихъ скудость и нищету, росты и тяжкіе оброки, разоренія и изгнанія и въ параллель съ этимъ роскошную жизнь монаховъ, ихъ дорогія палаты и одежды, богатые пиры въ монастыряхъ и проч. Сбитый на всѣхъ пунктахъ спора, Филоктимонъ,—олицетвореніе партіи іосифлянъ, прибѣгаетъ къ обычному оправданію іосифлянъ, что вотчинное владѣніе нисколько не нарушаетъ монашеской нестяжательности, потому что въ монастырѣ все общее, а не достояніе частныхъ лицъ. Антимонъ рѣзко замѣчаетъ на это, что

такъ можно оправдаться и разбойникамъ, если только они грабятъ не для себя каждый, а въ пользу всей шайки. Тѣже мысли Максимъ развиваетъ въ „Словѣ душеполезномъ зѣло внимающимъ ему“ и въ „Повѣсти страшной о совершенномъ иноческомъ жительствѣ“. Въ послѣдней онъ выставляетъ въ примѣръ русскимъ инокамъ картезіанскихъ монаховъ запада; вся повѣсть написана очень горячо; Максимъ доходитъ въ ней даже до проклятій монахамъ вотчинникамъ. Проклятія эти были потомъ отнесены его врагами къ русскимъ чудотворцамъ, которые тоже владѣли селами.—Своими рѣчами и сочиненіями противъ монастырскихъ вотчинъ Максимъ раздражилъ самаго м. Даніила (іосифлянина) и почти всю русскую іерархію, въ рядахъ которой большинство состояло изъ іосифлянъ, а это не могло пройти даромъ для инока пришельца, какъ проходило даромъ до поры до времени его почитателю Вассіану, бывшему князю Патрикѣеву. Кромѣ того іосифляне были сильны при дворѣ;—это обстоятельство давало обличеніямъ противъ нихъ весьма опасный для Максима политическій смыслъ, тѣмъ болѣе, что Максимъ былъ втянутъ и въ современные политическіе вопросы. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ рѣзко напримъ. обличалъ современныя неправды, лихоимство и жестокости властей, говорилъ, что такого неправосудія, какъ у православныхъ Русскихъ, нѣтъ даже у латинянъ Ляховъ. Было извѣстно, что онъ, какъ Грекъ, нерѣдко высказывалъ негодованіе на независимость русской церкви отъ Грековъ, говорилъ, что русскіе митрополиты поставляются „самочинно и безчинно“, безъ благословенія патріарха. Замѣтили его сношенія съ Турецкимъ посломъ Скандербегомъ; замѣтили, что келья его часто посѣщалась опальными и недовольными людьми въ родѣ боярина *Берсеня Беклемишева* и дьяка *Жареного*, съ которыми онъ сочувственно толковалъ о политическомъ состояніи Руси, о в. князѣ, его деспотизмѣ, о м. Даніилѣ—потаковникѣ властей и проч. Наконецъ подвернулся несчастный случай, который довелъ Максима до личнаго столкновенія съ в. княземъ Василіемъ; вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ онъ высказался противъ развода в. князя съ Соломоніей. Послѣ этаго безпокойнаго обличителя заключили въ цѣпяхъ въ симоновскую тюрьму. Въ 1525 г. онъ былъ подвергнутъ допросу на соборѣ. Кромѣ подозрѣній относительно политическихъ идей и поведенія Максима, соборъ выставилъ противъ него важныя церковныя обвиненія, порчу богослужебныхъ книгъ, которыя онъ исправлялъ, и погрѣшности въ его переводахъ.

Исправленіе богослужебныхъ книгъ было поручено Максиму тотчасъ по окончаніи его работъ по великокняжеской библіотекѣ. Максимъ пересмотрѣлъ и исправилъ Тріодь, Часословъ, праздничную Минею и Апостолъ. Въ своемъ Отвѣщательномъ словѣ объ исправленіяхъ онъ послѣ указывалъ, съ какими грубыми ошибками приводилось ему встрѣчаться въ этихъ книгахъ. Въ Часословахъ Христосъ назывался „единымъ точію человѣкомъ", въ толковыхъ Евангеліяхъ—„безконечною смертію умершимъ", въ Тріоди—„созданнымъ и сотвореннымъ"; Отецъ въ Часословахъ представлялся „собезматернимъ Сыну", въ девятой пѣсни канона на В. Четвергъ—„несущимъ естествомъ созданнымъ"; въ 8-й пѣсни было сказано: „Христа единаго два Мене познайте". Даже въ символѣ вѣры были перемѣны: „изъ Маріи" вм. „Маріи", „часмъ жизни будущая вѣки" вм. „чаю жизни будущаго вѣка". Ученикъ Максима Зиновій замѣтилъ въ 8 членѣ прибавленіе слова „истиннаго" о св. Духѣ. Въ исправленіяхъ своихъ Максимъ уже не руководствовался обычнымъ пріемомъ нашихъ древнихъ справщиковъ,—исправлять книги съ помощію одного только сличенія многихъ древнихъ рукописей, которое при неисправности всѣхъ рукописей и самихъ переводовъ не могло повести ни къ чему прочному и кромѣ того допускало произволъ въ выборѣ текста для исправленія, а все дѣло велъ съ помощію строгой богословской и филологической критики текста. Кромѣ исправленія богослужебнаго текста Максимъ оказалъ важную услугу современному обществу еще тѣмъ, что старался объяснять церковные обряды и принадлежности, которыхъ вовсе не понимали тогдашніе почитатели церковной внѣшности; напр. объяснять литургію для вразумленія тѣхъ, которые говорили, что всѣ плоды ея пропадаютъ для неноспѣвшихъ къ чтенію Евангелія, ектенію „о свышнемъ мирѣ", въ которой русскіе люди подъ этимъ миромъ разумѣли міръ ангельскій и усердно молились объ ангелахъ, толковалъ значеніе буквъ въ вѣнцѣ Спасителя и въ вѣнцѣ Богородицы (Мо ѳѕ, читали Мароу), писалъ объ артосѣ, о богоявленской водѣ, о лунѣ подъ крестомъ и т. п.

Ропотъ противъ его исправленій. Небольшой кружокъ лучшихъ людей, который составился около Максима, во всемъ одобрялъ его исправленія, относился къ нему, какъ къ авторитету, гордился именемъ его учениковъ. Таковы были: князь-инокъ Вассіанъ, сотрудникъ Максима Димитрій Герасимовъ,

писецъ Максима ученый инокъ *Силуанъ*, его ученики *Илія Курлятевъ*, *Зиновій* отенскій и другіе. Вассіанъ съ обычною горячностію говорилъ: „здѣшнія книги всѣ лживыя, а правила не правила, а кривила. До Максима по тѣмъ книгамъ Бога хулили, а не славили; и теперь Бога познали Максимомъ и его ученіемъ". Но большинство Русскихъ и самъ м. Даніилъ думали иначе, говорили, что онъ не исправляетъ, а только портитъ книги по своему разуму, что хулами на русскія книги онъ творитъ велію досаду русскимъ чудотворцамъ, которые спаслись по этимъ книгамъ. Даже одинъ изъ его писцовъ, сергіевскій монахъ *Михаилъ Медоварцевъ* разказывалъ, что когда Максимъ велѣлъ ему вычеркнуть большой отпустъ въ троицкой вечерни, то онъ, вычеркнувъ двѣ строки, остановился: „дрожь мя великая понимала и ужасъ на меня напалъ": Максимъ уже своей рукой вычеркнулъ остальное и загладилъ, какъ думалъ Медоварцевъ, „великій догматъ премудрый". Послѣ въ своемъ „Словѣ отвѣщательномъ" Максимъ долженъ былъ объяснять, что всякому дается свой даръ св. Духа, что русскіе чудотворцы были святы, но дара языкъ не имѣли и исправлять книгъ не могли, что и святые принимали вразумленія отъ простыхъ грѣшныхъ людей, даже скотина безсловесная по вразумленію свыше научила старца многоразумнаго.

Кромѣ авторитета древнихъ чудотворцевъ судьямъ Максима легко можно было указать въ обвиненіе его на нѣсколько дѣйствительныхъ ошибокъ въ его исправленіяхъ и переводахъ. По причинѣ плохаго знанія славянскаго языка онъ работалъ съ помощію переводчиковъ Герасимова и *Власія*, которые съ своей стороны не знали хорошо греческаго языка; Максимъ долженъ былъ сначала переводить съ греческаго на латинскій языкъ, знакомый его сотрудникамъ, а они уже съ латинскаго перелагали его слова на славянскую рѣчь. Очень понятно, что при такомъ порядкѣ работы многія фразы могли явиться въ такой формѣ, за которую Максимъ никакъ не могъ отвѣчать. Явились неточности напр. въ Тріоди объ І. Христѣ, вмѣсто: „сѣдѣ одесную Отца", написано было: „сѣдѣлъ еси", какъ бы о мимошедшемъ фактѣ; вмѣсто: „безстрастно Божество", въ одной книгѣ сказано было: „нестрашно Божество"; въ правилахъ Максима нашли важную ошибку: „аще кто наречетъ пред. Богородицу дѣву Марію, да будетъ проклятъ", въ переводѣ житія Богородицы изъ Метафраста неловко употребляюсь „яко" вм. „яко" передъ словами: „сѣмени му-

жескаго никакоже причастившеся", и объ Іосифѣ: „акп (яко) праведенъ сый", и т. п.

Судьба Максима и его учениковъ. Максима приговорили къ заточенію въ Іосифовъ монастырь. Много пришлось ему потерпѣть тамъ отъ ожесточенныхъ противъ него монаховъ, отъ дыма и угара въ курной кельѣ, отъ оковъ, холода и голода. Князь-инокъ Вассіанъ пока уцѣлѣлъ, только лишился милости в. князя. Но въ 1531 г. и его притянули къ суду. Соборъ осудилъ его за порчу книгъ, за хулы противъ Кормчей („крпвилъ, а не правилъ"), за неисправность его собственнаго сборника правилъ, вольнодумство въ духѣ Жидовствующихъ, наконецъ за сочиненія противъ монастырскихъ вотчинъ и за хулу противъ русскихъ чудотворцевъ, владѣвшихъ селами. Вассіанъ не винился ни въ чемъ, держалъ себя на соборѣ гордо и запосчиво, говорилъ обычныя рѣзкія рѣчи; при указаніи на русскихъ чудотворцевъ, на святителя Іону, бывшій боярин сказалъ: „не знаю, чудотворецъ онъ былъ или нѣтъ. Говорятъ, въ Коломнѣ Макарь чудеса творитъ, а былъ мужикъ сельскій". На этотъ же соборъ, вызвали изъ заточенія и Максима; снова повторены вины, за которыя осудилъ его соборъ 1525 г., пополнены новыми подробностями и новыми обвиненіями политическаго характера. Онъ держался на соборѣ очень униженно; шесть лѣтъ заточенія въ Іосифовомъ монастырѣ совершенно сломили его прежнюю энергію и смягчили рѣзкость его тона, съ какой онъ бывало отзывался о властяхъ: „что они знаютъ? Имъ на обѣдѣ пиры и села, скакати и смѣятися съ воры". Онъ указывалъ въ свое оправданіе на свое незнаніе славянскаго языка, винился въ недосмотрахъ то по лѣности, то по пьянству, какъ онъ выражался, ссылался на своихъ помощниковъ, въ заключеніе три раза кланялся собору въ ноги и со слезами молилъ простить его немощи ради Бога. Соборный приговоръ оставилъ его попрежнему подъ церковнымъ запрещеніемъ, но смягчилъ его участь переводомъ изъ Іосифова монастыря въ тверской *Отроч*; тверской епископъ *Акакій* принялъ его ласково, много утѣшалъ его своею любовью и даже дѣлилъ съ нимъ свою трапезу. Вассіанъ былъ посланъ на мѣсто Максима въ Волоцкій монастырь, гдѣ и умеръ въ тѣсномъ заточеніи. Сотрудники Максима. Медоварцевъ и Силуанъ, сосланы—одинъ въ Коломну, другой на Соловки. Герасимова не тронули; въ послѣдствіи при м. Макаріи онъ переводилъ съ латинскаго языка толковую Псалтырь Брунона. Изъ своего заточенія Максимъ не разъ просилъ правительство отпустить его на Аѳонъ; объ этомъ же просили за него

восточные патріархи при Грозномъ; но эти просьбы не были исполнены. По низверженіи съ каѳедры м. Даніила участь его облегчилась; ему дозволено было ходить въ церковь и причащаться. Въ Твери онъ продолжалъ свою литературную дѣятельность, писалъ оправданіе своимъ книжнымъ исправленіямъ, свое исповѣданіе вѣры, отзывы на современныя событія и вопросы. Бѣдствія государства въ малолѣтство Грознаго дали ему поводъ написать замѣчательное „Слово, излагающее построенія и безчиненія царей и властей послѣдняго житія", въ которомъ „Василія" (царство) представляется въ видѣ скорбной жены при пути, окруженной звѣрями и жалующейся на неправды, насилія, жестокости, блудъ и сребролюбіе властей, на то, что у нея нѣтъ пастырей—обличителей, нѣтъ ни Самуила, ни Наоана, ни Иліи, ни Елисея, ни Василія, ни Златоуста. Къ самому Грозному онъ писалъ посланія о должностяхъ царя, молилъ его беречься пышности, ярости и гнѣва напраснаго, миловать сирыхъ. Въ 1551 г. царь перевелъ его на жительство въ Троицкую лавру, гдѣ онъ и скончался въ 1556 г.

Труды Максима и его учениковъ имѣли большое вліяніе на всѣ стороны церковной жизни. Встревоженное его обличеніями, общество постаралось отдѣлаться отъ обличителя его заточеніемъ, подняло реакцію противъ безпокойнаго движенія, котораго онъ былъ главою, обратилось къ своей привычной старинѣ и стало снова укрѣплять ея обычаи и строй, но оно не могло уже отдѣлаться отъ самыхъ вопросовъ, поднятыхъ Максимомъ и стоявшихъ теперь передъ глазами всѣхъ съ безпощадною ясностію. Не говоря объ ученикахъ Максима, въ родѣ кн. Курбскаго, эти вопросы занимали церковныхъ дѣятелей и противной іосифлянской стороны, напр. м. Макарія; ими занимался и Стоглавъ, на которомъ изъ 9 епископовъ 3 были іосифляне; обойти этихъ вопросовъ было уже нельзя,— духъ реакціи въ пользу старины могъ проявиться только въ характерѣ ихъ рѣшеній.

Стоглавый соборъ. Выражая ясное сознаніе современныхъ недостатковъ церковной жизни и обличая ихъ съ такою же точно рѣзкостью, какъ Максимъ и Вассіанъ, Стоглавъ искалъ врачевства противъ нихъ не въ преобразованіяхъ церковной жизни, на которыхъ настаивали прежніе обличители, а напротивъ въ поддержаніи старины; причиною этихъ недостатковъ онъ считалъ то, что „старые обычаи поисшатались". По его представленію достаточно только, чтобы всѣ слушались своихъ духовныхъ отцевъ, покаялись во грѣхахъ и пестро-

ніяхъ, и все исправится само собою.—Вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ рѣшенъ имъ въ духѣ іосифлянъ. По старому велѣно исправлять и церковныя книги „съ добрыхъ переводовъ“,—способъ давно уже осужденный филологическими пріемами Максима; гдѣ обрѣтались эти добрые переводы и почему можно было отличить ихъ отъ недобрыхъ, не было указано. Притомъ же на дѣло исправленія были уполномочены всѣ протопопы и поповскіе старосты, что могло повести только къ большей порчѣ книгъ. Послѣ этаго строгое опредѣленіе собора—неправленныхъ книгъ ни продавать, ни покупать, ни употреблять въ церквахъ—не имѣло ровно никакого значенія. Спустя немного времени послѣ Стоглава, обнаружилось, что большую часть книгъ, бывшихъ въ употребленіи, стоило сожечь въ огнѣ. Пришлось хлопотать уже не объ исправленіяхъ, а только о предотвращеніи новыхъ описокъ и недописокъ въ книгахъ: съ этой скромной цѣлью и явилась первая типографія въ Москвѣ, напечатавшая въ 1564—1565 годахъ очень неисправные Апостолъ и Часословъ.—Поднятъ былъ на соборѣ и вопросъ о просвѣщеніи, но мысль о заимствованіи западной науки, которую провозглашалъ Максимъ, не пошла въ ходъ. И въ этомъ дѣлѣ положено ограничить я одними старыми домашними средствами. Соборъ вспомнилъ, что въ старину при церквахъ и монастырихъ были добрыя школы, и велѣлъ опять устроить такія же школы въ домахъ добрыхъ поповъ и дьяконовъ, т. е. призвалъ на дѣло просвѣщенія тѣхъ же мастеровъ—грамотниковъ, о которыхъ самъ говорилъ, что они грамотѣ мало умѣютъ, а силы писанія вовсе не знаютъ. Въ 1555 г. при нѣкоторыхъ церквахъ дѣйствительно были открыты такія школы, но добрыя ли онѣ были, увидимъ изъ дальнѣйшей исторіи церковнаго просвѣщенія.

Труды м. Макарія. Между просвѣтительными трудами послѣ сочиненій Максима первое мѣсто занимаютъ труды м. Макарія—предсѣдателя Стоглаваго собора. Нельзя не замѣчать и въ нихъ господствующаго въ его время обращенія къ старинѣ. Самый важный изъ этихъ трудовъ составляютъ великія *Четіи-Минеи*, которыя онъ составлялъ еще въ Новгородѣ; въ нихъ собрано было имъ все духовное оружіе, какимъ тогда могла располагать русская церковь, „всѣ книги чтомыя, которыя обрѣтались въ русской землѣ“: жигія святыхъ, слова на ихъ праздники, ихъ творенія всякаго рода, патерики, цѣлыя книги св. Писанія и толкованія на нихъ разныхъ отцевъ церкви. Собираніе всего этаго книжнаго со-

кровища „многимъ имѣніемъ и многими писарями“ продолжалось 12 лѣтъ. Другой сборникъ Макарія содержитъ въ себѣ Кормчую, въ которой помѣщены греческій Номоканонъ, правила русскихъ князей и святителей, статьи историческія—Дороѳея тирскаго о 12 апостолахъ, Епифанія кипрскаго о пророкахъ, лѣтопись Никифора, даже выписки изъ Еноха Праведнаго (апокрифической книги). Ему же приписывается составленіе Степенной книги—обширнаго сборника свѣденій по русской исторіи. Наконецъ онъ написалъ „Великую книгу правила келейнаго и путнаго“.—Какъ въ своихъ проповѣдяхъ, такъ и въ сборникахъ Макарій заплатилъ обильную дань своему вѣку, вѣку риторства съ пышнымъ парядомъ словъ и бѣдностію мысли, вѣку формалистики какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ.

По благословенію и подъ руководствомъ м. Макарія разными лицами составлено было много *житій святыхъ*, которыя теперь, при обращеніи общества къ старинѣ, имѣли особенно важное значеніе. Бояринъ *Тучковъ*, сотрудникъ Макарія въ составленіи Четіи-Миней, передѣлалъ житіе Михаила клопскаго, потому что прежнее житіе этаго святаго Макарій нашелъ не довольно украшеннымъ; тотъ же Тучковъ написалъ житіе и службу Александру Невскому. Другой сотрудникъ Макарія священникъ *Василій* (въ иночествѣ Варлаамъ) сочинилъ житіе Евфросина псковскаго, житія Александра Невскаго, Арсенія коневскаго, Саввы крыпецкаго, Никиты и Пафонта новгородскихъ, Исидора, замученнаго Нѣмцами въ Юрьевѣ. Особенно много житій написано послѣ соборовъ о новоявленныхъ святыхъ. Раньше этаго извѣстны, какъ писатели житій,—*Василій Рыло*, написавшій житіе своего учителя Пафнутія боровскаго, *Нилъ Ярославовъ*, написавшій сказаніе о Каменскомъ монастырѣ, соловецкій игуменъ *Досиѳей*, написавшій житія соловецкихъ чудотворцевъ (въ XVI в. онѣ были передѣланы, потому что прежде написаны были „не ухищренно, ниже добрословіемъ“).—Въ концѣ XVI в. явилось замѣчательное описаніе путешествія ко св. мѣстамъ Греціи, Палестины и Египта купца *Трифона Коробейникова*, сдѣлавшееся потомъ любимымъ чтеніемъ народа. Коробейниковъ ѣздилъ на востокъ въ 1583 г. съ царскою милостынею восточнымъ святителямъ и монастырямъ на поминъ души убитаго отцомъ царевича Іоанна.

Домострой. Отъ половины XVI в. до насъ дошелъ замѣчательный памятникъ, содержащій въ себѣ полный сводъ современной ему морали и главнымъ образомъ обрисовывающій

современный идеалъ домашней жизни;—это знаменитый *Домострой* Сильвестра. И въ этомъ памятникѣ проходитъ тотъ же современный мотивъ уваженія къ старинѣ, заведенному порядку, обычаю отцовъ и дѣдовъ; весь этотъ заведенный порядокъ со всей его чинностію, неподвижностію, замкнутостію отъ всякихъ посторонннихъ вліяній, крайнимъ развитіемъ мелочной формалистики и вмѣстѣ бѣдностью своего содержанія увѣковѣченъ авторомъ Домостроя въ цѣльномъ и, такъ сказать, пластически осязательномъ образѣ.—Въ основѣ семейства положенъ деспотизмъ главы семейства; единственный взрослый и самостоятельный членъ въ семьѣ есть отецъ; всѣ передъ нимъ ребята, умственно и нравственно недозрѣлые, живущіе только его умомъ и наказаніемъ, за которыхъ онъ поэтому несетъ полную отвѣтственность и въ сей и въ будущей жизни. Жена его раба, исключительно хозяйка и работница, поставленная имъ во главѣ другихъ работницъ и работниковъ дома. Домострой строго вооружается противъ удовольствій женщины, требуетъ отъ нея исключительно работы, потому что не можетъ найти ей приличныхъ увеселеній въ часы отдыха, покоя. Когда женщина не работала, ей оставалось предаться сплетнямъ съ служанками и торговками, бесѣдамъ съ юношами бездѣльными и ворожеями или же хмѣльному питію. Среди этой пустой жизни она очень естественно тупѣла и дѣйствительно требовала педагогическихъ вразумленій побоями, которыя Домострой считаетъ совершенно для нея необходимыми даже предъ лицемъ нравственнаго христіанскаго закона. Руководясь христіанскою любовію къ женѣ, мужъ только не долженъ бить ее по уху или видѣнью, пинкомъ, кулакомъ подъ сердце или чѣмъ нибудь желѣзнымъ и деревяннымъ, а долженъ, снявъ рубашку, плеткою вѣжливенько побить за руки держа.—Дѣти являются совершенно безправными предъ отцомъ; отъ него зависитъ вся ихъ судьба, назначеніе положенія въ обществѣ, бракъ, потому что сами они люди неразумные, молодые, ничего не понимаютъ. Отецъ обязанъ ихъ выучить страху Божію и всякому порядку; средствами для этаго служатъ тоже страхъ и побои. Какъ олицетвореніе страха для всей семьи, отецъ не долженъ даже улыбаться своему дитяти и играть съ нимъ.—Въ отношеніи къ рабамъ авторъ Домостроя представляетъ себя хорошимъ господиномъ; онъ всѣхъ ихъ отпустилъ на волю, выкупалъ даже чужихъ рабовъ, училъ ихъ рукодѣльямъ, пристраивалъ къ должностямъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ правилахъ онъ трактуетъ раба, какъ человѣка скуднаго разумомъ,

котораго не научишь, если не побьешь; въ случаѣ ссоры холоповъ съ чужими холопами совѣтуетъ побранить и побить своихъ, хотя бы и правы были,—этимъ вражды избудешь, а убытка не будетъ.

Нравственныя правила Домостроя для семейной жизни носятъ общій въ древней Руси характеръ аскетизма. Запрещаются: всякое смѣхотвореніе, пѣсни, пляски, мірскія потѣхи, охота. Весь домъ долженъ обратиться въ уединенный монастырь, такъ чтобы никто и не зналъ, что въ немъ дѣлается. Входящій въ него долженъ прочитать молитву, какъ передъ кельей монаха: каждый день семья должна отправлять утреню, часы, вечерню, навечерницу и полунощницу; постоянно нужно имѣть въ устахъ молитву Іисусову, а въ рукахъ держать чотки. Во внѣшнемъ поведеніи все должно быть чинно, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ, слово благочинно; должно повиноваться старшимъ, молчать, когда говорятъ люди умные, не смѣяться, очи имѣть долу; нужно чаще призывать и слушать духовныхъ отцовъ и проч. По богатству нравственныхъ правилъ Домострой сдѣлался уважаемой книгой и пріобрѣлъ большое вліяніе на жизнь, потому что и самъ былъ произведеніемъ этой жизни; въ немъ высказался и народъ и вѣкъ съ своими понятіями и идеалами, но съ другой стороны высказались и недостатки этихъ понятій и идеаловъ. И здѣсь христіанство понято не въ духѣ, а въ формахъ, въ плоти; предписываются христіанскія добродѣтели и тутъ же вслѣдъ представляется ихъ практическая польза, благосклонность людей, доброе имя, житейскія выгоды; самыя добродѣтели не выходятъ изъ круга обрядоваго благочестія, заключаются въ одной внѣшней формѣ, которую всегда можно аккуратно наблюсти, не стѣсняя своихъ противунравственныхъ инстинктовъ.

Ереси Вакшина и Косаго. Съ крайнимъ развитіемъ консервативнаго, старообрядческаго направленія въ обществѣ люди противоположнаго направленія тоже въ свою очередь должны были доходить до крайности; критика церковныхъ писаній и обрядовъ, обличеніе религіозныхъ нестроеній, державшіяся у Максима и его учениковъ на строго православныхъ началахъ, теперь выразились въ крайнемъ отрицательномъ направленіи, въ ересяхъ. Таковы ереси *Вакшина* и *Косаго*, опиравшіяся на авторитетъ Максима Грека, но принявшія въ себя, кромѣ Максимова ученія, доведеннаго ими до крайности, еще разные элементы изъ ереси Жидовствующихъ и изъ западныхъ протестантскихъ мнѣній. Протестантскія идеи заходили къ намъ преимущественно изъ Литвы, откуда всегда было много

переселенцевъ въ Россію; учителемъ Бакшина былъ Литвинъ аптекарь *Матвей*.

Ересь *Бакшина* открылась такимъ образомъ. Къ попу Симеону въ 1553 г. пришелъ на духъ необычный сынъ духовный Матвей (Бакшинъ), просилъ у него наставленій, предлагалъ вопросы, на которые духовный отецъ ничего не въ состояніи былъ отвѣтить; потомъ являлся къ нему на домъ, читалъ разныя мѣста изъ Писанія и, не дождавшись объясненія, самъ ихъ объяснялъ, во имя любви христіанской отрицалъ рабство. Всѣ его рѣчи и вопросы показались Симеону „недоумѣнными“; духовникъ доложилъ объ нихъ Сильвестру; этотъ тоже нашелъ ихъ недоумѣнными и доложилъ царю. Бакшина схватили и подвергли допросамъ; устрашенный этими допросами, онъ собственноручно написалъ показаніе и о своихъ мнѣніяхъ и о своихъ сообщникахъ; по этому показанію сущность новой ереси состояла въ томъ, что еретики не признавали божества Сына и равенства Его со Отцемъ, евхаристію считали простымъ хлѣбомъ и виномъ, иконы звали идолами, отрицали покаяніе, утверждая, что какъ перестанетъ человѣкъ грѣшить, такъ и нѣтъ ему грѣха, отеческія писанія, житія святыхъ и постановленія соборовъ баснословіемъ нарицали, говорили, что все это писано монахами, чтобы имъ всѣмъ владѣть, и царскимъ и святительскимъ, толковали неправильно Писаніе, наконецъ говорили, что церковь есть собраніе вѣрныхъ, а созданныя церкви ничто. Еретики повторяли въ преувеличенномъ видѣ слова Максима о неприличіи вотчиннаго владѣнія монастырей, о дурной жизни духовенства, бездушной обрядности народнаго благочестія и проч. Уважая Максима, они всѣ единодушно вооружались противъ „Просвѣтителя“ Іосифа волоцкаго. На допросахъ Бакшинъ проговорился, что его ученіе похваляли бѣлозерскіе старцы. Ересь видимо становилась въ связи съ только что затихшимъ споромъ іосифлянъ и бѣлозерскихъ старцевъ. Вслѣдствіе этаго добрались и до этихъ старцевъ. Изъ Кириллова монастыря вызвали на соборъ жившаго тамъ на покоѣ тропцкаго игумена *Артемія*, потомъ монаха *Ѳеодосія Косаго*, который прежде былъ рабомъ въ Москвѣ, потомъ, обокравъ господина, бѣжалъ отъ него на Бѣлоозеро, постригся въ монахи, принялъ горячее участіе въ мнѣніяхъ бѣлозерскихъ старцевъ и, развивая ихъ до крайности, зашелъ въ еретичествѣ еще дальше Бакшина; вмѣстѣ съ нимъ призваны были въ Москву его товарищъ *Игнатій* и нѣсколько другихъ монаховъ. При тогдашней тревогѣ за пра-

вославіе можно было легко завинить въ ереси за всякій недоумѣнный вопросъ и за всякое слово обличенія и критики; наприм. на судъ притянули даже такого святаго человѣка, каковъ былъ просвѣтитель Лопарей *Ѳеодоритъ*, потому только, что онъ былъ извѣстенъ сильными обличеніями противъ дурныхъ монаховъ. Неудивительно, что когда Максима Грека пригласили на соборъ для обличенія еретиковъ, онъ очень встревожился этимъ приглашеніемъ, подумалъ, что и его ходятъ судить за ересь. Соборъ противъ еретиковъ собранъ былъ въ 1554 г. Въ какомъ духѣ шли соборные допросы и рѣшенія, за непзвѣстностію соборныхъ актовъ можно судить только изъ сохранившагося акта о судѣ надъ Артеміемъ троицкимъ.

Артемія обвиняли въ томъ, что онъ критически относился къ „Просвѣтителю“ Іосифа волоцкаго, не проклиналъ Жидовствующихъ, говорилъ, что православные сами не знаютъ, за что жгли Курицына, въ томъ, что онъ за столомъ у царя въ великій постъ ѣлъ рыбу, не отказывался отъ нея и въ домахъ разныхъ христолюбцевъ; изъ того, что во Псковѣ онъ хотѣлъ бесѣдовать съ нѣмецкими учеными и разузнавалъ объ ихъ вѣрѣ, заключили, что онъ въ вѣрѣ пошатнулся; изъ его словъ объ умершихъ во грѣхахъ безъ покаянія: „панихидами и обѣдами имъ не поможешь, отъ того они муки не избудутъ“, выводили, что онъ отрицаетъ силу церковнаго поминовенія усопшихъ; обвиняли его въ хулѣ на акаѳисты и канопы за то, что онъ, подобно Максиму Греку, говорилъ: „говорятъ въ канонѣ: Іисусе сладчайшій! а какъ услышатъ слово Іисусово,—горько становится, что надо его исполнять. Въ акаѳистѣ повторяютъ: радуйся да радуйся, Чистая! а сами о чистотѣ не радятъ, такъ это говорятъ по привычкѣ, а не въ правду“. Артемій выражалъ сомнѣніе въ самомъ существованіи ереси въ его время, Бакшина представлялъ только человѣкомъ недоумѣнныхъ вопросовъ, отрицалъ его невѣріе въ Троицу и божество І. Христа; это набросило еще большую тѣнь на его православіе. Онъ рѣшительно объявилъ собору, что ему не въ чемъ каяться: „я такъ не мудрствую, какъ на меня говорили: то на меня все налгали“. Но онъ не могъ однако очистить себя отъ обвиненія въ разныхъ вольныхъ и рѣзкихъ словахъ касательно предметовъ вѣры и въ довольно вольномъ, не монашескомъ поведеніи. Соборъ опредѣлилъ сослать его на Соловки въ самое строгое заточеніе. Ѳеодоритъ тоже былъ заточенъ въ Кирилловъ монастырь, впрочемъ скоро оправданъ и освобожденъ. Бакшина и его сообщиковъ разослали по монастыр-

скимъ тюрьмамъ. Ѳеодосій Косой и Игнатій успѣли бѣжать въ Литву, женились тамъ и проповѣдывали раціоналистическое ученіе очень близкое къ социніанству, состоявшее въ отверженіи божества І. Христа, всей церковной іерархіи и обрядовъ, въ отрицаніи повиновенія всякимъ властямъ вообще. Въ Литву же потомъ бѣжалъ и Артемій изъ Соловковъ, но онъ сдѣлался тамъ замѣчательнымъ защитникомъ православія противъ протестантства вмѣстѣ съ кн. Курбскимъ.

Зиновій отенскій. Ересь вызвала противъ себя замѣчательный полемическій трудъ со стороны ученика Максимова Зиновія, который жилъ въ это время въ Отенскомъ монастырѣ, заточенный туда въ одно время съ своимъ учителемъ. Писать противъ еретиковъ его заставили клирошане старорусскаго Спасскаго монастыря, которые приходили къ нему за разрѣшеніемъ своихъ недоумѣній, возбужденныхъ въ нихъ ученіемъ Ѳеодосія Косаго. Онъ тщательно разобралъ мнѣнія Косаго и составилъ свое „Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи“, заключающее въ себѣ полное изложеніе православнаго ученія. Это былъ второй (послѣ „Просвѣтителя“ Іосифа) обширный богословскій памятникъ XVI в.—Защищая православіе и современное положеніе церкви отъ нападенія еретиковъ, Зиновій долженъ былъ во многомъ отступить отъ принциповъ своего учителя и сойтись во мнѣніяхъ съ іосифлянами, наприм. защищать современное монашество и вотчинное владѣніе монастырей. Онъ замѣтилъ, что указаніе Максима на примѣръ картезіанскихъ монаховъ унизительно для православныхъ монастырей, что изображеніе монастырской деморализаціи у него преувеличенно, что нѣкоторые монастыри, владѣющіе вотчинами, живутъ очень бѣдно. „Плакать мнѣ хочется отъ жалости сердечной... Руки (у монаховъ этихъ обителей) скорчены отъ страданій, кожа, какъ воловья,—истрескалась; лица осунулись; волосы растрепаны; ноги и руки посинѣли и распухли. А имѣнія такъ много у нихъ, что пищіе больше имѣютъ. Обыкновенная пища ихъ—овсяный невѣяный хлѣбъ, ржаныя колосья толченые и безъ соли, питье—вода, варенное—листье капусты, зелень—свекла и рѣпа, овощи—рябина и калина, а объ одеждѣ что ужъ и говорить?“ Это изображеніе онъ усиливаетъ контрастомъ жизни Васіана, который больше всѣхъ ратовалъ противъ монастырскихъ вотчинъ: „не угодно ему было симоновскихъ блюдъ кушать—хлѣба ржанаго, щей, свекольника, каши; молока промзглаго и пива монастырскаго не пилъ,—съ деревень молъ или, а питался блю-

дами со стола княжескаго; пилъ же нестяжатель романею, бастро, мушкатель, рейнское вино".

Состояніе просвѣщенія въ концѣ XVI в. По мѣрѣ развитія старообрядческаго духа уровень церковнаго просвѣщенія естественно долженъ былъ еще болѣе понизиться. Стали проповѣдывать, что „всѣмъ страстямъ мати—мнѣніе, мнѣніе—второе паденіе". Кн. Курбскій говоритъ, что сами учители народа „прельщали юношей трудолюбивыхъ, желавшихъ навыкнуть Писанію, говоря: не читайте книгъ многихъ, и указывали, кто ума изступилъ, и онъ-сица въ книгахъ запился, а онъ-сица въ ересь впалъ". Типографія, которую было завели въ Москвѣ, была закрыта; типографщики, дьяконъ *Иванъ Ѳедоровъ* и *Петръ Тимофѣевъ*, обвинены въ ереси, потомъ „презѣльнаго ради озлобленія отъ многихъ начальникъ и священноначальникъ и учитель" бѣжали въ южную Россію. Самъ царь вступился наконецъ за книгопечатаніе и своею властію снова открылъ типографію въ 1568 г. *Андроникъ Невѣжа*, ученикъ изгнанниковъ напечаталъ въ ней два раза Псалтирь. Школы, какія и были заведены, опять закрылись. По словамъ иностранца Флетчера образованіе духовества не простиралось дальше умѣнья читать и пѣть. Въ народѣ большинство не умѣло прочитать: „Вѣрую", и „Отче нашъ". Вмѣстѣ съ распространеніемъ мрака въ обществѣ естественно развивалась свѣтобоязнь, замкнутость отъ всякихъ посторонникъ просвѣтительныхъ вліяній, которыя бы могли пробудить сонный застой мысли. Когда Годуновъ хотѣлъ завести въ Россіи обученіе иностраннымъ языкамъ, духовенство представило ему, что съ разноязычіемъ въ Россіи настанетъ разновѣріе. Отрицая все иноземное, благочестивые русскіе люди съ ужасомъ видѣли, что царь Борисъ ласкаетъ иноземцевъ, что въ высшихъ классахъ изъ подраженія имъ стали даже брить бороду. П. Іовъ скорбѣлъ, но говорить царю не смѣлъ, а только, „видя сѣмена лукавствія въ винограде Христовомъ, къ Господу Богу единому взирая, ниву ту недобрую орошалъ слезами". За границу ѣздить русскимъ людямъ было рѣшительно запрещено; въ 1589 г. явился было даже проектъ и иностранцевъ не допускать въ Россію, купцовъ принимать только на границѣ, но не состоялся. Русскому человѣку дѣйствительно было опасно встрѣтиться съ западною цивилизаціею, потому что, при религіозномъ строѣ всей своей жизни, при смѣшеніи всѣхъ обычаевъ и быта его съ православіемъ, онъ не умѣлъ различать свѣтской стороны цивилизаціи отъ религіозной, заимствуя первую, усвоялъ и послѣд-

нюю, сбривъ бороду, отпадалъ и отъ православія; при Годуновѣ послали за границу нѣсколько молодыхъ людей для науки.—они уже не вернулись домой, а остались въ западныхъ странахъ, приняли и вѣру тамошнюю. Такимъ образомъ огораживаніе себя отъ внѣшнихъ вліяній было вызвано въ русскомъ обществѣ естественнымъ инстинктомъ самосохраненія.

Отношеніе къ протестантству и католичеству. Къ протестантамъ въ Россіи относились съ большей терпимостью, чѣмъ къ католикамъ, вѣроятно потому, что съ ихъ стороны меньше видѣли попытокъ вредить православію. Во время ливонской войны многіе изъ Нѣмцевъ были переселены во Владиміръ, Кострому, Угличъ и Нижній. По просьбѣ принца *Магнуса*, жениха царской племянницы, въ 1575 г. царь позволилъ Нѣмцамъ построить кирху въ 2 верстахъ отъ кремля въ Москвѣ. При царѣ Ѳеодорѣ нѣмецкая слобода въ Москвѣ значительно увеличилась; въ Нижнемъ явилось особое евангелическое общество. Еще болѣе усилился наплывъ Нѣмцевъ въ Россію при Годуновѣ. Но всякая пропаганда была имъ строго запрещена. Въ 1563 г. одного пастора *Ѳому* за распространеніе протестантства въ Полоцкѣ царь Іоаннъ пустилъ подъ ледъ на Двинѣ. Въ 1570 г. онъ такъ бесѣдовалъ съ пасторомъ богемскихъ братьевъ *Рокитою*: „не хочу я говорить съ тобой о вѣрѣ, ибо сказано: „не давайте святыни псамъ, не мечите бисера предъ свиньями“... Учитель вашъ Лютеръ и по имени и по жизни былъ *лютъ*... Вы живете, какъ свиньи, откармливаемыя въ пость: отвергаете различіе пищи, пость, который служитъ къ укрѣпленію души и тѣла. Вы ненавистны святымъ на небѣ, потому что отвергаете, браните ихъ“ и проч. въ томъ же родѣ. Лѣтъ черезъ 6 одинъ лифляндскій пасторъ въ разговорѣ съ царемъ вздумалъ было сравнить Лютера съ ап. Павломъ; царь ударилъ его по головѣ и сказалъ: „ступай къ дьяволу съ своимъ Лютеромъ“.

Попытки папъ къ введенію католичества въ Россіи совершенно разбивались о русскую нетерпимость къ латинству. Въ Москвѣ не обратили вниманія и на приглашеніе Пія IV (1561 г.) къ участію русскихъ іерарховъ на Тридентинскомъ соборѣ. Но въ 1580 г. несчастная война съ Баторіемъ заставила Грознаго самого обратиться за помощью къ папѣ Григорію XIII. Папа отправилъ въ Россію ловкаго іезуита *Антонія Поссевина*. Согласно съ своимъ наказомъ, Антоній среди политическихъ переговоровъ домогался завязать дѣло объ уніи въ смыслѣ флорентійской уніи и просилъ дозволенія

на постройку въ Москвѣ костёла. Царь обращался съ нимъ ласково, желая извлечь изъ его пріѣзда, какъ можно, больше пользы для мира съ Баторіемъ, но рѣшительно отказалъ ему въ постройкѣ костёла и неохотно согласился говорить съ нимъ о вѣрѣ, „чтобы не было, какъ онъ говорилъ, сопротивныхъ словъ". Дѣйствительно, какъ только царь заговорилъ о латинствѣ, такъ и посыпались сопротивныя слова. Онъ укорилъ латинянъ за стриженіе бороды и усовъ, указалъ на то, что у папы крестъ на туфлѣ, а у православныхъ креста не повелось ниже пояса носить, что папу носятъ на престолѣ, какъ Христа, а ему не слѣдуетъ Христу равняться, да и Петра апостола Христу равнять не слѣдуетъ же, и въ заключеніе сказалъ, что который папа не по Христову ученію и не по апостольскому преданію станетъ жить, тотъ папа волкъ, а не пастырь.—Если уже папа волкъ, то мнѣ нечего больше говорить, сказалъ легатъ и замолчалъ. Антоній ничего не добился въ Россіи; въ знакъ своей дружбы къ папѣ царь дозволилъ только съ купцами католиками пріѣзжать въ Россію и католическимъ попамъ, но съ тѣмъ, чтобы церквей имъ не строить и ученія своего не распространять. Въ запискахъ о Московіи Поссевинъ потомъ писалъ: Московиты до того не любятъ латинства, что если желаютъ кому бѣды, то говорятъ: „чтобы тебѣ латинникомъ сдѣлаться".

V. КІЕВСКАЯ МИТРОПОЛІЯ ДО ПОЛОВИНЫ XVII ВѢКА.

Московская митрополія твердо стояла противъ вліянія Рима. Не то было въ западной митрополіи, гдѣ православнымъ народомъ управляло католическое правительство, дававшее себѣ волю увлекаться религіозною ревностію. Впрочемъ пока въ Польшѣ и Литвѣ правили Ягеллоны, православіе не подвергалось большимъ насиліямъ. Стараясь всего болѣе о соединеніи Литвы съ Польшей, Ягеллоны находили нерасчетливымъ раздражать православныхъ жителей Литвы и западной Руси религіозными притѣсненіями; православіе оставалось въ этихъ краяхъ господствующимъ. Насилія вѣрѣ видимъ только въ Галиціи, неразрывно связанной съ Польшей.

Управленіе кіевской митрополіи совершалось по старому порядку и правиламъ Кормчей. Особенностью его было живѣйшее участіе въ церковныхъ дѣлахъ народа. Московская

церковь опиралась на православное правительство; кіевская, находившаяся подъ властью иновѣрнаго правительства, могла находить себѣ единственную поддержку въ народѣ и православныхъ панахъ. Православные паны и народъ участвовали въ избраніи митрополита, епископовъ и священнослужителей, слѣдили за церковнымъ судомъ и управленіемъ, протестовали противъ церковныхъ злоупотребленій и защищали церковные интересы предъ правительствомъ. Городскія общины держали *патронатъ* надъ своими церквами и монастырями, причемъ слѣдили за церковнымъ и монастырскимъ хозяйствомъ, производили выборы на церковныя мѣста, защищали свое духовенство отъ обидъ и т. д. Такой же патронатъ имѣли паны надъ церквами и монастырями на своихъ вотчинныхъ земляхъ. И общинный и единоличный патронатъ могли быть очень полезны для церкви, предоставляя ей сильную опору противъ католичества и уніи; но могли быть и очень вредны по неопредѣленности сдержекъ для произвола патроновъ. Патронами церквей и монастырей были не одни православные паны, но и католики на своихъ вотчинныхъ и самъ король на коронныхъ земляхъ. Іерархія была сильно стѣснена въ своей власти вліяніемъ на церковныя дѣла мірскихъ людей, старалась устранить это вліяніе и выпрашивала у королей грамоты о независимости церковнаго суда и управленія отъ всякаго мірскаго вмѣшательства; но при этомъ, занявшись исключительно развитіемъ своей власти, она не различала полезнаго участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ отъ вреднаго, хотѣла одинаково устранить церковный патронатъ и католиковъ и православныхъ, отъ того обособлялась отъ мірянъ, оставалась одинокою и безсильною. Короли охотно давали ей просимыя грамоты какъ изъ принципа религіозной терпимости, такъ и потому, что это отдѣленіе іерархіи отъ народа и сильныхъ пановъ при случаѣ могло пригодиться для цѣлей католичества.

Состояніе православія при Александрѣ и Сигизмундѣ I. В. Князь литовскій, сдѣлавшійся потомъ и королемъ польскимъ, *Александръ* позволилъ себѣ увлечься внушеніями своего духовенства и началъ стѣснять православныхъ, даже свою супругу *Елену*, дочь Іоанна III московскаго. Плодомъ его католической ревности было то, что князья Трубецкіе, Ольшанскіе, Бѣльскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и Перемышльскіе со всѣми своими землями перешли изъ литовскаго подданства въ московское; Литва лишилась Чернигова, Гомеля, Любеча, Новгорода Сѣверскаго, Путивля, Мценска, Серпейска и Рыльска и кро-

мѣ того должна была выдержать тяжелую войну съ Москвою, которая явилась естественной защитницей православія въ литовскихъ владѣніяхъ. При преемникѣ Александра *Сигизмундѣ I* эта же война съ Москвой лишила Литву Смоленска; кромѣ того на сторону московскаго в. князя Василія перешли тогда сильные князья Глинскіе. Послѣ этихъ потерь король сдѣлался терпимѣе къ православію и подтверждалъ православнымъ всѣ привиллегіи, данныя прежними в. князьями.

Въ 1509 г. православные держали *соборъ въ Вильнѣ*, опредѣленія котораго должны были утвердить полную самостоятельность западно-русской церкви. Занимаясь этимъ предметомъ, соборъ долженъ былъ коснуться и церковныхъ правъ іерархіи. Опредѣлено было: ставить на іерархическія и священнослужительскія мѣста людей только достойныхъ, по избранію іерархіи и правилъ греческаго закона; недостойныхъ не поставлять, хотя бы ихъ прислалъ самъ король; священника, служащаго безъ благословенія епископа, по волѣ одного пана, лишать сана; патрону безъ вѣдома епископа церкви у священника не отнимать, а епископу до изслѣдованія дѣла не назначать новаго священника; къ церкви, пустующей 3 мѣсяца, епископъ назначаетъ священника отъ себя и безъ мірскихъ выборовъ; подъ страхомъ отлученія мірянамъ не держать у себя Кормчей, такъ какъ они, изучивъ церковныя правила, пастырей своихъ презираютъ и сами себѣ законъ бываютъ; если король или другая власть будутъ требовать у митрополита или епископа нарушенія хотя одного изъ этихъ постановленій, то всѣмъ соборомъ просить короля и твердо стоять за законъ. На этомъ же соборѣ положено отлучить вдовыхъ священнослужителей отъ служенія. Сигизмундъ подтвердилъ эти постановленія своею властію.—Пользуясь терпимостью короля, митрополиты *Іосифъ Солтанъ*, одинъ изъ лучшихъ іерарховъ западно-русской церкви, и его преемникъ *Іона II* (1519—1525) успѣли много возвысить права церкви и отвратить всѣ попытки католиковъ распространить между православными флорентійскую унію; многіе князья литовскіе, паны и граждане, принявшіе прежде католичество, возвратились къ православію. Католичество сильно встревожилось такими успѣхами православія и открыло противъ него самую дѣятельную борьбу, въ которой принялъ участіе и король.

Не смотря на постоянно провозглашавшійся принципъ свободы вѣроисповѣданій во всей Рѣчи Посполитой, гродненскій сеймъ 1522 года сильно воспротивился назначенію въ

сенатъ знаменитаго героя Польши, православнаго князя *Острожскаго*, и даже взялъ съ короля обязательство не возводить на высшія мѣста никого изъ православныхъ, не смотря ни на какія заслуги. Очень много вреда для церкви дѣлало верховное право короля утверждать на мѣстахъ епископовъ и настоятелей монастырей. Самъ Сигизмундъ впрочемъ мало имъ пользовался во вредъ православію и притомъ не столько изъ религіозныхъ видовъ, сколько изъ-за денегъ. Этимъ королевскимъ правомъ злоупотребляла особенно супруга Сигизмунда, безнравственная и корыстолюбивая королева *Бона*, продававшая церковныя мѣста людямъ совершенно недостойнымъ; отъ нея съ этой стороны одинаково съ православной страдала и католическая церковь, которая тоже подчинена была верховнымъ правамъ королевской власти.—Всего тяжелѣе, разумѣется, доставалось галицкому краю. Во второй половинѣ XV в. тамъ уже не было своего митрополита; Галиціей управлялъ кіевскій митрополитъ чрезъ своего справцу (намѣстника). Сигизмундъ въ 1509 г. право назначать этаго справцу далъ львовскому католическому арцыбискупу. Католическій справца сталъ вытѣснять православнаго, но Галичане дали 200 воловъ королевѣ и отстояли своего справцу—львовскаго гражданина *Макарія Тучапскаго*. Католики дали 50 воловъ королю и королевѣ и опять выиграли дѣло. Тучапскій и Галичане не отстали и два раза еще принимались за воловъ, дали сначала 110, а потомъ 140 воловъ и настояли на своемъ; они выхлопотали Тучапскому даже санъ епископа. Такъ, въ 1539 г. возстановлена галицкая епархія, независимая отъ львовскаго католическаго арцыбискупа.

Состояніе церкви при Сигизмундѣ II Августѣ. Преемникъ Сигизмунда I, изнѣженный, преданный роскоши и забавамъ, *Сигизмундъ Августъ* еще менѣе могъ ревновать о католичествѣ, тѣмъ болѣе что онъ совершенно отдался вліянію литовскаго канцлера *Николая Радзивила*, самаго усерднаго протестанта. Всѣмъ христіанскимъ исповѣданіямъ объявлена была полная свобода; о флорентійской уніи не было и помину; православные попрежнему пользовались всѣми правами, наполнили магистраты, засѣли въ сенатъ. Зато злоупотребленія короля своими правами при замѣщеніи епископскихъ каѳедръ и монастырскихъ настоятельствъ достигли еще большихъ размѣровъ, чѣмъ прежде, потому что король постоянно нуждался въ деньгахъ для своей роскошной жизни. Монастыри раздавались разнымъ недостойнымъ лицамъ или за деньги или въ видѣ награды за

гражданскія заслуги. Управленіе ими давалось даже вовсе не духовнымъ, а свѣтскимъ лицамъ, напр. дьяку за канцелярскіе труды или папу за военныя заслуги, съ однимъ условіемъ, чтобы такіе свѣтскіе правители держали въ своихъ монастыряхъ намѣстниковъ изъ духовныхъ лицъ или сами постригались въ монашество. Но и это условіе не выполнялось: владѣтели монастырей спокойно управляли ими лично сами, а въ монахи поступать и не думали. Они получали чисто святительскія права, судили духовенство, расторгали браки, собирали въ свою пользу церковные доходы и пошлины, и не думая о власти мѣстныхъ архіереевъ. Такой порядокъ вещей могъ бы быть чрезвычайно вреденъ для православія, если бы онъ былъ веденъ систематически и именно во имя католическихъ интересовъ. Но въ настоящее время пока ни король не имѣлъ въ виду этихъ религіозныхъ интересовъ, ни сама латинская церковь не могла продолжать своей дѣятельности въ подрывъ православію, потому что ей самой угрожала серьезная опасность отъ быстраго распространенія въ Польшѣ и Литвѣ протестантства. Цѣлые аристократическіе роды обращались къ протестантству разныхъ толковъ отъ лютеранства до крайняго социніанства. Протестантскіе проповѣдники увлекали цѣлые приходы и съ духовенствомъ. Католическіе монастыри пустѣли, монахи поженились. Женился даже одинъ бискупъ (кіевскій). Самъ король склонялся на сторону еретиковъ, впрочемъ подъ конецъ своего правленія, послѣ смерти Николая Радзивила, опять попалъ подъ вліяніе католической партіи. Католичество должно было употребить всѣ свои силы для борьбы съ опаснымъ врагомъ; въ подмогу польскому духовенству призванъ былъ въ Польшу и Литву уже испытанный въ борьбѣ съ протестантами знаменитый *орденъ іезуитовъ*.

Дѣятельность іезуитовъ. Іезуиты явились кроткими иноками, благотворителями несчастныхъ, проповѣдниками и безкорыстными наставниками юношества, всюду заводили свои безплатныя школы, изъ которыхъ выпускали горячихъ ревнителей католичества. Въ Литвѣ они основали свою школу въ Вильнѣ и черезъ 10 лѣтъ послѣ своего появленія здѣсь (1581 г.) возвели эту школу на степень академіи съ высшимъ образованіемъ. Ихъ проповѣди, диспуты, религіозныя процессіи, театральныя представленія привлекали толпы народа и были всѣ направлены къ тому, чтобы возбуждать ревность къ католичеству и ненависть противъ диссидентовъ. Сначала они не трогали православія и дѣйствовали исключительно противъ

протестантства; но когда успѣли ослабить этаго врага, принялись и за православіе. Обстоятельства сложились очень благопріятно для ихъ дѣятельности. Въ одно время съ появленіемъ ихъ въ Польшѣ и Литвѣ въ 1569 г. на *Люблинскомъ сеймѣ* окончено было дѣло, надъ которымъ работали всѣ Ягеллоны,—соединеніе Литвы съ Польшей въ одно государство, послѣ чего Поляки могли свободно проникать въ литовскія и русскія земли, завладѣвать здѣсь должностями, имѣніями, представительствомъ на сеймахъ и развивать свое вліяніе на русскую народность. Унія гражданская необходимо должна была повлечь за собою и унію религіозную. Черезъ 3 года послѣ Люблинскаго сейма умеръ Сигизмундъ Августъ, послѣдній Ягеллонъ Литвинъ, послѣдній король родственный Литвѣ. На престолъ стали восходить короли иноземцы, преданные Польшѣ, а не Литвѣ, обязывавшіеся при своемъ избраніи поддерживать католичество. Послѣ короткаго правленія *Генриха* французскаго королемъ сталъ воевода седмиградскій *Стефанъ Баторій*; прежде въ своемъ княжествѣ онъ ревновалъ за протестантство, но въ Польшѣ увидалъ, что ему слѣдуетъ опереться на силу католичества, и сталъ покровительствовать іезуитамъ.

Развитіе іезуитами мысли объ уніи. Іезуиты сразу поняли, какъ нелѣпо было бы ревновать объ обращеніи православныхъ прямо въ католичество, и ухватились за унію; они начали усердно хвалить православную церковь, но въ тоже время высказывать сожалѣніе о ея бѣдствіяхъ и дурномъ состояніи. Православнымъ панамъ они указывали на невѣжество православнаго духовенства, на то, что православіе стало вѣрою хлоповъ, внушали мысль о католическомъ образованіи; духовенству говорили о раздражающей его зависимости отъ мірянъ и о той самостоятельности, какая его ждетъ въ послушенствѣ римскому престолу; народомъ они пренебрегали, фальшиво расчитывая на его безгласіе при шляхетскомъ строѣ Рѣчи Посполитой. Въ такомъ духѣ было написано сочиненіе „О единствѣ церкви“ ученымъ іезуитомъ *Петромъ Скаргою* (изд. 1577 г.). Описавъ безпорядки въ русской церкви, Скарга причиной ихъ считаетъ: 1., женатую жизнь поповъ, при которой они пекутся только о мірскомъ, не учатъ народа, огрубѣли и обратились въ хлоповъ; 2., славянскій языкъ, который Греки нарочно оставили Славянамъ при обращеніи въ христіанство, чтобы держать ихъ въ невѣжествѣ, потому что только чрезъ латинскій и греческій языки можно быть доскопальнымъ въ наукѣ и вѣрѣ; не было и не можетъ быть ни академіи, ни

коллегіи, гдѣ бы богословіе и др. науки читались на другомъ языкѣ; у католиковъ одинъ языкъ и одна вѣра по всему свѣту; христіанинъ Индіи можетъ говорить о вѣрѣ съ Полякомъ; 3., униженіе духовенства, вмѣшательство мірянъ въ духовныя дѣла. Унія должна уничтожить все это зло; а для нея православнымъ нужно только принять ученіе римской церкви и главенство римскаго папы,—обряды можно оставить по-старому. Другой іезуитъ Антоній Поссевинъ, не успѣвъ завязать унію въ Москвѣ, сталъ усиленно хлопотать объ ней въ Литвѣ около короля и пановъ. По его просьбѣ папа открылъ въ Римѣ уніатскую коллегію для Русскихъ и прислалъ въ Литву латинскаго священника для служенія на квасномъ хлѣбѣ. Поссевинъ заботился также объ изданіи для православныхъ книгъ полезныхъ римской церкви. Скарга, первый ректоръ виленской академіи іезуитовъ былъ его ревностнымъ сотрудникомъ.

Состояніе православнаго общества и іерархіи. Литовско-русское дворянство легко поддавалось католичеству вслѣдствіе своего тяготѣнія къ польскому католическому дворянству, которому оно подражало. У немногихъ пановъ доставало духа на то, чтобы не стыдиться своего православія, которое все образованное общество считало хлопскою вѣрой, не стыдиться и своего духовенства, похожаго на хлоповъ. Кто не переходилъ въ католичество, тотъ приставалъ къ протестантамъ. Съ щеголеватымъ ксендзомъ, привыкшимъ господствовать въ высшемъ обществѣ, съ либеральнымъ, свѣтскимъ пасторомъ протестантскимъ въ домѣ папа нельзя было и думать встать рядомъ русскому священнику или монаху въ его толстой и грубой одеждѣ, въ чеботищахъ, смазанныхъ дегтемъ, съ его хлопскою рѣчью и манерами. Низшее духовенство было загнано и забито и отъ пановъ и отъ старостъ, которые сѣкли его розгами на ряду съ мужиками, и отъ самихъ владыкъ, усвоившихъ папскія привычки и смотрѣвшихъ на него очень низко. Бѣдность и униженіе, разумѣется, не замедлили повести его къ самому печальному нравственному упадку и невѣжеству. Въ то время, какъ шла ловкая пропаганда іезуитовъ, искусныхъ діалектиковъ, ораторовъ и богослововъ, когда всюду шло отступленіе отъ вѣры, у православной церкви не было ни учителей, ни проповѣдниковъ.—Высшая іерархія церкви, по своему происхожденію, богатству, образованію и образу жизни примыкавшая къ панамъ и шляхтѣ, вмѣстѣ съ послѣдними подверглась вліянію польской народности и католиче-

ства. Идеалами ея стали польскіе бискупы и пріоры. Іезуиты всячески старались усилить въ епископахъ недовольство тѣмъ, что въ ихъ суды и управленіе вмѣшиваются міряне, не только паны, но и какіе нибудь скорняки, кузнецы и сѣдельники, тогда какъ въ католической церкви бискупъ есть сильный органъ святѣйшаго отца, указывали на то, что польскій примасъ и нѣсколько бискуповъ засѣдаютъ въ сенатѣ, куда Рѣчь Посполитая постыдится допустить іерарховъ, подчиненныхъ патріарху—султанову рабу.—Король Стефанъ много помогъ іезуитамъ, назначая на епископскія каѳедры и на монастырскія настоятельства людей, какіе были нужны для цѣлей уніи, большею частію изъ дворянскихъ фамилій, людей вовсе неприготовленныхъ къ духовному служенію, желавшихъ только пользоваться богатыми церковными имѣніями для своей свѣтской разсѣянной жизни. Монастыри раздавались даже католикамъ, напр. въ Полоцкѣ всѣ были отданы іезуитамъ. Въ епископы посвящались лица недостойныя, даже двоеженцы и женатые. Самъ митрополитъ кіевскій *Онисифоръ Дівочка* былъ двоеженецъ. Епископы перемышльскій *Михаилъ Копыстенскій*, холмскій *Діонисій Збирунскій* и пинскій *Леонтій Пельчинскій* были женатые; послѣдніе двое и на епископствѣ продолжали жить съ женами. Еще при жизни стараго епископа знатный шляхтичъ испрашивалъ у короля грамоту на будущую вакантную каѳедру и носилъ пока титулъ нареченнаго епископа; иногда король давалъ такую грамоту двумъ лицамъ; отсюда происходили споры и даже междоусобія соперниковъ, выгонявшихъ другъ друга изъ епархіи вооруженной силой. Епископы жили, какъ паны, въ замкахъ, держали вооруженныхъ слугъ; какъ паны, дѣлали наѣзды на чужія земли и дрались между собою; епархія была ихъ помѣстьемъ, съ котораго они получали доходы. Виднѣе всѣхъ епископовъ былъ луцкій епископъ *Кириллъ Терлецкій*, родомъ дворянинъ, образованный, ловкій и дѣятельный человѣкъ, но всего менѣе достойный быть епископомъ, хотя и считался нѣкоторое время защитникомъ церковныхъ правъ. На первыхъ же порахъ онъ долженъ былъ силою завоевывать свою епархію у родни своего предшественника *Іоны Красенскаго*, потомъ велъ долгую борьбу съ луцкимъ старостою, который не пускалъ его служить въ соборѣ, поставилъ въ соборномъ притворѣ своихъ людей, завелъ съ ними музыку и упражнялся въ стрѣльбѣ по церковному куполу; послѣ этой борьбы Кириллъ хорошо увидѣлъ, какъ трудно отстаивать свои права противъ сильныхъ нарушителей ихъ, потому что долженъ былъ кончить

свою ссору съ старостой унизительной мировой, и сталъ очень сочуственно принимать выраженія скорби іезуитовъ объ униженіи православной церкви. Жизнь онъ велъ совершенно свѣтскую; сосѣди постоянно жаловались на его буйство и наѣзды, сопровождавшіеся даже убійствами.

Въ такомъ положеніи находилась западно—русская церковь, когда на польскій престолъ вступилъ (1586 г.) *Сигизмундъ III*, съ дѣтства воспитанный іезуитами, бывшій ихъ слугою въ теченіи всего своего тридцатилѣтняго правленія, готовый на все для католичества; при немъ наступило самое тяжелое время для православія. Какими же средствами могла располагать церковь для предстоящей ей борьбы, когда ея іерархія оказывалась несостоятельною для этой борьбы? Средства эти она нашла въ живой связи съ народомъ и въ патронатѣ православныхъ пановъ, тамъ, гдѣ іезуиты видѣли ея слабую сторону и ея позоръ. Между панами—защитниками православія явились переселенецъ изъ Москвы кн. Андрей Курбскій и кн. Константинъ Константиновичъ Острожскій.

Кн. Курбскій, ученикъ Максима Грека, посвятилъ на защиту православія всѣ свои средства и силы. Въ своей перепискѣ съ панами западной Руси онъ предостерегалъ ихъ и отъ протестантства и отъ католичества. Таковы его письма къ кн. Острожскому, княгинѣ Чарторыжской, пану Чаплію и др. Кромѣ своего сословнаго круга онъ писалъ посланія къ горожанамъ, наприм. къ виленскому бургомистру съ гражданами, пославъ имъ книгу отъ св. горы, въ которой „не теперешнія (іезуитовъ) дудки и пищульки, но всѣ силлогизмы панъ и ѳеологовъ опровергнуты“. Не совѣтуя спорить съ католиками и еретиками, которые ловко владѣютъ діалектикой, елокуціей и пронунціаціей, онъ убѣждалъ горожанъ больше учиться отъ св. книгъ въ трезвости, переставши растянувся лежать въ давнообыкломъ пьянствѣ. О томъ же писалъ къ Семену сѣдельнику львовскому, именуя его превозлюбленнымъ братомъ. Считая самымъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ врагами умноженіе книгъ и переводовъ, онъ очень жалѣлъ, что по лѣности церковныхъ учителей не переведено и десятой доли отеческихъ книгъ. Въ предисловіи къ переводу словъ Златоуста онъ расказываетъ, какъ тщетно онъ искалъ переводчиковъ между кіевскими монахами, какъ они, накидывая на себя ложное смиреніе, отказывились отъ его порученія. Онъ долженъ былъ самъ приняться за дѣло, уже старикомъ выучился латинскому языку и изучалъ Аристотеля—отца іезуитской діалек-

тики. По его просьбѣ родственникъ его кн. *Мих. Оболенскій* 3 года учился въ краковской академіи, ѣздилъ за границу и потомъ помогалъ ему въ переводахъ. Кромѣ Оболенскаго его помощниками были бѣжавшій изъ Соловковъ *Артемій* троицкій, другой московскій выходецъ *Марко Сарыгозинъ* и какой-то *Аѳанасій*.

Кн. Острожскій и его сотрудники. К. Острожскій, богатый и могущественный вельможа, открылъ у себя *въ Острогѣ* высшую *школу;* это была самая древняя школа въ западной Руси вмѣстѣ съ *слуцкою,* открытою кн. Слуцкимъ. При школѣ заведена *типографія;* вмѣстѣ съ виленской, львовской, заблудовской и краковской типографіями она долго снабжала богослужебными и учительными книгами всю православную Россію. Острожскій, какъ и Курбскій, велъ обширную переписку съ папами, много поддерживалъ своими средствами и вліяніемъ галицкія братства. Любовь къ просвѣщенію увлекала его иногда на опасную дорогу, къ дружбѣ съ протестантами, въ которой его укорялъ Курбскій, и къ мысли объ уніи съ римской церковью, отъ которой онъ ждалъ для православія умноженія просвѣтительныхъ средствъ; впрочемъ онъ мыслилъ унію не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія православія и согласія на нее всей православной церкви.—Самымъ важнымъ памятникомъ его ревности къ вѣрѣ осталась *острожская Библія* (1580—1581 г.), которая была первымъ печатнымъ изданіемъ Библіи въ цѣльномъ и полномъ видѣ. Изъ предисловія къ ней видно, какихъ трудовъ стоило ея изданіе; не было ни людей способныхъ къ исправленію текста, ни полныхъ списковъ Библіи. Единственный полный списокъ ея, присланный изъ Москвы въ 1575 г., оказался совершенно испорченнымъ. Острожскій выписывалъ другіе списки отъ п. Іереміи, съ Кандіи, изъ монастырей греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ; и все-таки нѣсколько книгъ (Товита, Іудиѳь и 3 Ездры) оказалось нужнымъ перевести съ Вульгаты. Исправители текста оставили въ немъ множество грубыхъ ошибокъ, хотя и меньше въ сравненіи съ прежними рукописными его редакціями.—Изъ духовныхъ лицъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ князя былъ священникъ *Василій*, написавшій по поводу книги П. Скарги сочиненіе „О единой истинной вѣрѣ“ (изд. 1588 г.) и принимавшій дѣятельное участіе въ изданіяхъ острожской типографіи.

Братства. Вельможное покровительство церкви недолго держалось. Благодаря іезуитамъ, папы быстро ополячивались

и слѣдующее же поколѣніе ихъ выставило даже прямыхъ враговъ православію, каковыми были дѣти самихъ ревнителей вѣры, — сынъ Курбскаго *Димитрій* и сынъ Острожскаго *Янушъ*. Прочнѣе оказалась народная сила, поддерживавшая церковь, сила городскихъ общинъ и *братствъ*. Чѣмъ болѣе росла опасность для православія, тѣмъ болѣе развивались нравственныя силы и значеніе братствъ, которыя заводились теперь во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ; они брали на себя патронатъ надъ церквами и монастырями, надзирали за духовенствомъ, заводили на свои братскія деньги госпитали, богадѣльни и школы. Въ концѣ XVI в. ихъ права получили подтвержденіе и разширеніе со стороны восточныхъ патріарховъ. *Іоакимъ* (антіохійскій) во время своего проѣзда чрезъ Россію (1586 г.) далъ грамоту *львовскому* братству. Утвердивъ обычныя правила всѣхъ братствъ о братскихъ сходкахъ и взносахъ, выборѣ старостъ, наблюденіи братьевъ за поведеніемъ другъ друга, поощреніи другъ друга къ благочестію, братскомъ судѣ, взаимной помощи во всѣхъ нуждахъ, патріархъ кромѣ того далъ львовскому братству право обличать противныхъ закону Христову, истреблять всякое безчиніе въ церкви, обличать самихъ епископовъ, даже право отлучать отъ церкви; въ ряду другихъ братствъ оно объявлено старѣйшимъ. Поощренное патріархомъ, братство завело у себя госпиталь, типографію и школу и своимъ вліяніемъ на церковныя дѣла стѣснило даже власть львовскаго епископа *Гедеона Балабана*.

Въ 1589 г. западную Россію посѣтилъ константинопольскій патріархъ *Іеремія*. Онъ еще болѣе усилилъ львовское братство въ ущербъ епархіальной власти Гедеона и далъ ему новыя права: печатать всякія книги, и церковныя и школьныя, руководить всѣмъ образованіемъ во Львовѣ, избирать и удалять отъ должности своихъ священниковъ и притомъ съ такимъ полномочіемъ, что епископъ не имѣлъ уже права не согласиться съ выборомъ или судомъ братства. Іеремія убѣждалъ православныхъ заводить и другія братства, самъ благословилъ новое братство *виленское*, которое тоже завело школу и получило право печатать всякія книги.

Неудовольствіе іерарховъ на п. Іеремію. Патріархъ очевидно принялъ сторону мірянъ, выслушивалъ ихъ жалобы на іерархію, усиливалъ значеніе братствъ; одно это должно было вооружить противъ всѣхъ него епископовъ. Но Іеремія затронулъ ихъ еще болѣе чуствительнымъ образомъ. Онъ низло-

жилъ м. *Онисифора* и на его мѣсто поставилъ *Михаила Рагозу* единственно по рекомендаціи мірянъ, вопреки даже собственному мнѣнію о достоинствѣ этаго человѣка. Новый митрополитъ былъ человѣкъ благочестивый и добрый, но по своей слабости, наклонности служить двумъ господамъ, дѣйствительно не годился на митрополію въ такое бурное и опасное время. Изъ недовѣрія къ нему Іеремія сдѣлалъ Кирилла Терлецкаго своимъ экзархомъ въ южной Россіи съ правомъ надзора и суда надъ всѣми епископами и этимъ очень огорчилъ митрополита, оставивъ за нимъ одно только номинальное значеніе. Не угодилъ онъ и Терлецкому, потому что Терлецкій мѣтилъ не на экзаршество, а на самую митрополію; притомъ же патріархъ не оказывалъ своего довѣрія и ему. Получивъ на него множество жалобъ, которыми онъ обвинялся въ наѣздахъ, буйствѣ, нечистой жизни, дѣланіи фальшивой монеты, патріархъ передъ своимъ отъѣздомъ въ Грецію поручилъ митрополиту созвать соборъ для устраненія церковныхъ безпорядковъ и низложенія недостойныхъ іерарховъ. За Кирилломъ было слишкомъ много грѣховъ, чтобы онъ остался равнодушенъ къ этому распоряженію о грозномъ соборѣ; притомъ же онъ былъ двоеженецъ, какъ и низложенный уже м. Онисифоръ. Этимъ распоряженіемъ были недовольны и другіе епископы въ родѣ Діонисія Сбируйскаго и Леонтія Пельчинскаго. Недоволенъ былъ патріархомъ и Гедеонъ Болобанъ, потому что патріархъ далъ ему строгій выговоръ за львовское братство и разширилъ права послѣдняго, не смотря на всѣ хлопоты Гедеона объ уничтоженіи этихъ правъ. Созваніе собора было замедлено. Остановясь въ Замостьѣ, патріархъ два раза посылалъ оттуда грамоты о немедленномъ созваніи его, но эти грамоты еще на дорогѣ были перехвачены Кирилломъ. Патріархъ такъ и уѣхалъ, недождавшись собора. Послѣ его отъѣзда между іерархіей пошли раздражительные толки о тяжкой зависимости отъ Грековъ, о томъ, что Русскіе для Грековъ овцы, которыхъ они стригутъ, но не кормятъ. Пріѣздъ патріарха дѣйствительно открылъ столько безпорядковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ разочаровалъ всѣхъ въ его силѣ уничтожить эти безпорядки, что даже такой ревнитель, какъ кн. Острожскій, потеряль надежду на помощь востока и думалъ объ уніи съ Римомъ. Іезуиты ловко пользовались этими обстоятельствами, снова издали книгу П. Скарги и горячо стали доказывать, что спасенія русской церкви можно ждать только отъ Рима.

Подготовка Уніи. Всѣхъ нужнѣе унія была епископамъ. Подчиненіе Риму должно было избавить ихъ отъ власти патріарха, должно было возвысить ихъ значеніе, уравнять ихъ въ правахъ съ польскими бискупами и освободить ихъ отъ непріятнаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны мірянъ, паповъ и братствъ. А между тѣмъ католическія власти послѣ отъѣзда патріарха нарочно стали притѣснять православныхъ еще болѣе прежняго. Самый предпріимчивый изъ іерарховъ Терлецкій страдалъ отъ своей борьбы съ луцкимъ старостою, рассорился и съ представителемъ православныхъ мірянъ, кн. Острожскимъ. И вотъ въ 1590 г. къ королю поступила просьба, подписанная четырьмя епископами,—Кирилломъ луцкимъ, Гедеономъ львовскимъ, Діонисіемъ хельмскимъ и Леонтіемъ пинскимъ, о подчиненіи русской церкви папѣ съ условіемъ сохраненія всѣхъ ея обрядовъ и богослужебнаго языка и обезпеченія правъ для ея іерархіи. Сигизмундъ былъ очень радъ, обѣщалъ просителямъ милости, права равныя съ католическимъ духовенствомъ, защиту отъ патріарха и неотъемлемость должностей. Все дѣло однако до поры до времени оставлено втайнѣ. Согласившіеся на унію епископы скоро нашли себѣ важнаго союзника, вновь поставленнаго (въ 1593 г.) владимірскаго епископа *Ипатія Поцѣя*, человѣка знатнаго рода, родственника и пріятеля кн. Острожскаго. Онъ былъ воспитанникомъ краковской іезуитской академіи, былъ сначала католикомъ, потомъ кальвинистомъ, наконецъ принялъ православіе. Сдѣлавшись епископомъ, онъ отличался примѣрною строгостію жизни и пользовался большимъ уваженіемъ у всѣхъ православныхъ. Склонивъ его на свою сторону, Терлецкій съ братіею прежде всего попытались чрезъ него подѣйствовать на кн. Острожскаго, который самъ заговаривалъ объ уніи, но скоро должны были убѣдиться, что унія Острожскаго вовсе не та, какой они желали. Послѣ этаго они принялись за митрополита, который только что получилъ отъ патріарха строгій выговоръ за слабость управленія. Терлецкій и Поцѣй убѣдительно разъяснили ему съ одной стороны то, какія выгоды можно получить отъ уніи, а съ другой—его затруднительное положеніе между недоброжелательствомъ къ нему патріарха и гнѣвомъ короля, если онъ откажется пристать къ уніи. Рагоза согласился, написалъ даже условія уніи для представленія королю, изложенныя въ духѣ кн. Острожскаго, но по своей слабохарактерности сталъ дѣйствовать двусмысленно; сносясь съ королемъ объ уніи, увѣрялъ православ-

ныхъ пановъ и братства, что не одобрятъ уніи; обманывалъ и Терлецкаго съ Поцѣемъ,—стараясь выждать, чѣмъ кончится дѣло, не пріѣзжалъ къ нимъ на условленныя совѣщанія. Такое поведеніе его же поставило въ безвыходное положеніе. Терлецкій и Поцѣй, не надѣясь на его вѣрность, вели все дѣло одни и надѣлали такъ много уступокъ латинству, что митрополитъ пришелъ въ ужасъ; а между тѣмъ слухи объ его измѣнѣ православію распространились повсюду и подорвали всякое уваженіе къ нему между православными.

Въ 1595 году Острожскій выдалъ свое окружное посланіе, въ которомъ онъ извѣщалъ православный народъ о замыслѣ митрополита и епископовъ, называлъ ихъ злодѣями, волками, Іудами, и всѣхъ православныхъ возбуждалъ постоять за истинную вѣру. Западная Россія взволновалась. Испуганный общимъ волненіемъ, Гедеонъ Болобанъ, болѣе всѣхъ торопившійся въ дѣлѣ уніи, отсталъ отъ своихъ товарищей, объявивъ, что его обманули, взяли у него бланкеты съ его подписью для написанія на нихъ просьбы королю о привилегіяхъ прав. церкви, а написали что-то другое, противное православію. Противъ уніи возсталъ еще другой епископъ, перемышльскій, *Михаилъ Копыстенскій*. Учитель львовскаго братства, перешедшій въ Вильну, *Стефанъ Зизаній* громилъ митрополита и епископовъ въ своихъ проповѣдяхъ и издалъ „Книжицу на римскій костёлъ“. Со всѣхъ сторонъ требовали собора изъ духовенства и мірянъ.

Поѣздка епископовъ въ Римъ и Брестскій соборъ. Терлецкій и Поцѣй спѣшили кончить свое дѣло и отправились въ Римъ съ изъявленіемъ покорности папѣ. Тамъ они были ласково приняты, кланялись папѣ (Клименту VIII) въ землю, цѣловали его ногу; въ своемъ исповѣданіи предъ нимъ они признали всѣ римскіе догматы: объ исхожденіи св. Духа, индульгенціяхъ, чистилищѣ и главенствѣ папы, вопросъ о квасномъ хлѣбѣ въ евхаристіи предоставили на рѣшеніе самаго папы; православію уступлены были одни обряды. Папа радовался, говорилъ ласковыя слова, назначилъ большое торжество и велѣлъ выбить медаль съ надписью: Ruthenis recepis. А въ Россіи въ это время братства и священники предавали измѣнниковъ архіереевъ проклятію; Стефанъ Зизаній проповѣдывалъ, что папа антихристъ, и въ доказательство этой мысли издалъ 15-е слово св. Кирилла іерусалимскаго объ антихристѣ. Острожскій своими посланіями волновалъ дворянъ и мѣщанъ и грозилъ

правительству вооруженнымъ возстаніемъ. Даже нѣкоторые католики не видѣли отъ уніи ничего хорошаго впереди.

Въ концѣ 1596 г. собрался въ Брестѣ соборъ, на который, кромѣ епископовъ, духовенства и многихъ мірянъ, прибыли два патріаршихъ экзарха, *Никифоръ* и *Кириллъ Лукарисъ*. Съ самаго же начала соборъ раздѣлился на двѣ партіи, уніатскую и православную. Уніаты открыли засѣданія въ городскомъ соборѣ, а православные въ одномъ частномъ домѣ, потому что Поцѣй, къ епархіи котораго принадлежалъ Брестъ, распорядился затворить для нихъ всѣ городскіе храмы. Экзархъ Никифоръ 3 раза приглашалъ митрополита и 4 епископовъ уніатовъ на соборъ православныхъ, и когда они не явились, соборъ предалъ ихъ отлученію отъ церкви. Уніатское собраніе отвѣчало проклятіемъ на православный соборъ и актомъ объ уніи, который былъ подтвержденъ королемъ. Православные епископы были объявлены ослушниками митрополита и измѣнниками своей церкви, греческіе экзархи—шпіонами султана, всѣ православные—преступниками противъ духовной власти своихъ іерарховъ и противъ воли короля. Такъ совершилась пресловутая унія между православной и латинской церковію, явленіе, менѣе всего отвѣчавшее своему названію.

Преслѣдованіе православныхъ. Скоро начались гоненія на православіе. Экзархъ Никифоръ былъ арестованъ и уморенъ голодомъ въ маріенбургской тюрьмѣ. Кириллъ Лукарисъ спасся бѣгствомъ изъ Россіи. Уніатскіе епископы выгоняли православныхъ священниковъ изъ приходовъ и ставили на ихъ мѣсто своихъ уніатовъ. Король объявлялъ баниціи (изгнанія) проповѣдникамъ православія, напр. Стефану Зизанію. Правительство тѣснило даже сильнаго кн. Острожскаго, насчитывая на него разныя недоимки по сборамъ. Братства объявлены были мятежными сходками и подвергались преслѣдованіямъ. У православныхъ отбирали церкви; уніаты овладѣли даже кіевософійскимъ соборомъ. Печерскій монастырь едва отстоялъ свою самостоятельность. Въ городахъ православныхъ горожанъ не допускали до городскихъ должностей, стѣсняли въ ремеслахъ и торговлѣ; жалобы ихъ на обиды были пренебрегаемы. Нечего и говорить о страданіяхъ православнаго крестьянства, которое и прежде жило, какъ въ чистилищѣ, а теперь еще подверглось новымъ бѣдамъ отъ религіозной ревности своихъ пановъ.

Противодѣйствіе уніи. И прежде хлопы толпами бѣгали въ вольную степь въ козаки. Послѣ уніи степь быстро напол-

нилась новыми бѣглецами, которые приносили сюда страшную ненависть къ Ляхамъ, ополячившимся панамъ, ксёндзамъ и уніи. Противугосударственное и противуобщественное казацкое общество получило высокое значеніе, ставъ подъ знамя вѣры и народности. Какъ только началась унія, такъ въ Малороссіи закипѣлъ страшный бунтъ подъ начальствомъ гетмана *Наливайки*, первый бунтъ за православіе. Рѣчь Посполитая ополчила козаковъ; Наливайка сожгли въ мѣдномъ быкѣ. Въ Малороссію введены королевскія войска. Жители лишены были всѣхъ правъ. Православныя церкви насильственно были обращаемы въ уніатскія; другія, особенно по селамъ, отдавались въ аренду Жидамъ. Жидъ арендаторъ держалъ у себя церковные ключи и бралъ деньги за всякую церковную службу и требу, причемъ еще жестоко издѣвался надъ религіей, за которую некому было заступиться. Ксёндзы съ своей проповѣдью, подкрѣпленною силой польскихъ жолнеровъ, ѣздили отъ церкви къ церкви на повозкахъ, въ которыя впрягали по 20 и болѣе хлоповъ.

Хлопы шли въ козаки, хотѣли защищать вѣру бунтами. Паны выставили противъ уніи силу *конфедераціи* и, чтобы сдѣлать эту конфедерацію грозиѣе для правительства, сблизились съ протестантскими диссидентами, которые тоже терпѣли гоненіе за вѣру. Въ 1599 г. православные и протестантскіе паны съѣхались въ Вильнѣ и положили общими силами защищать свободу вѣры. Противъ уніи съ католиками выступила такимъ образомъ унія съ протестантами; но если первая была уродливымъ явленіемъ и держалась только силою правительства, то эта новая унія при разгорѣвшейся религіозной ревности была совершенно невозможна; она распалась въ самомъ началѣ и послужила только ко вреду православію, положивъ на него лишнее пятно союза съ еретиками, на которое потомъ постоянно указывали и католики и уніаты.

Полемика противъ уніи и протестантства. Въ тоже время возбудилась и другаго рода борьба православныхъ противъ уніи, борьба духовнымъ оружіемъ. Явились два сочиненія о Брестскомъ соборѣ, одно православное: „Эктезисъ“, другое католическое, написанное Скаргой, въ которомъ православный соборъ признается незаконнымъ, потому что міряне, которые составляли на немъ большинство, не имѣютъ права вмѣшиваться въ церковныя дѣла и обязаны повиноваться своей іерархіи, которая приняла унію. Сочиненіе Скарги вызвало „Апокрисисъ альбо отповѣдь“, написанную *Христофоромъ*

Филалетомъ (псевдонимъ *Христоф. Бронжио*). Въ противность мыслямъ Скарги авторъ до крайности развиваетъ мысль о правѣ участія мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ; въ христіанствѣ, по его мнѣнію, не одно колѣно Левіино пользуется священными правами, но всѣ цари и іереи; если нужно слушаться іерархіи, то правы православные, не приставши къ уніи съ своими владыками Гедеономъ и Михаиломъ; правы были бы и овцы Кирилла луцкаго, если бы вслѣдъ за нимъ потуречились, а потуречиться онъ очень можетъ; значитъ, не на титулы духовные нужно смотрѣть, а на что-то иное. Раздраженіе іезуитовъ противъ Апокрисиса выразилось въ ихъ чрезвычайно бранномъ сочиненіи „Антиррезисъ“, гдѣ Хр. Филалетъ обвиняется въ протестантствѣ и называется Діаволофоромъ Филопсевдисомъ. Со стороны православныхъ вышло еще очень правдивое историческое сочиненіе о происхожденіе уніи—„Перестрога“ (предостереженіе). Послышался сильный голосъ противъ уніи съ Аѳона. Русскій монахъ *Іоаннъ Вишенскій* посылалъ оттуда свои посланія къ кн. Острожскому, къ львовскому братству и уніатамъ—епископамъ. Въ сильныхъ и рѣзкихъ чертахъ онъ обличалъ упадокъ вѣры и благочестія въ высшихъ классахъ, мірскую жизнь владыкъ, жадность ихъ къ почестямъ, правамъ и имѣніямъ, притѣсненія духовенству, паѣзды на чужія имѣнія, симонію и проч. Стараясь выставить превосходство бѣднаго и грубаго русскаго священника предъ блестящимъ ксендзомъ, строгій аѳонскій монахъ грубо смѣялся надъ образованіемъ послѣдняго, его щегольствомъ и изящными манерами, ригористически отрицалъ всю латинскую ученость, грамматику, риторику, діалектику называлъ дьявольскимъ коварствомъ, вмѣсто Платона и Аристотеля совѣтовалъ обратиться къ Часослову, Псалтыри и др. церковнымъ книгамъ, совѣтовалъ больше молиться Богу, который одинъ можетъ спасти православныхъ отъ бѣдъ.

Въ опроверженіе *протестантства* православные не пускались; единство страданій за вѣру невольно сближало ихъ съ протестантами. Изъ обличителей протестантства извѣстны только кн. Курбскій и острожскій священникъ Василій. Въ своихъ посланіяхъ къ разнымъ лицамъ Курбскій называлъ Лютеранъ врагами Божіими, безвѣрниками, псами, лясфематствующими на церковь хуже Арія, не совѣтовалъ ни говорить съ ними, ни читать ихъ сочиненій. Василій въ своей книгѣ о вѣрѣ помѣстилъ 2 статьи на лютеранъ: о церкви и объ иконахъ, написанныя спокойнымъ тономъ и съ большой осно-

вательностію. Въ началѣ XVII в. неизвѣстный авторъ Бѣлоруссъ написалъ еще 12 статей противъ протестантовъ: „о образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіи, о хвалѣ и молитвѣ святыхъ и о иныхъ артикулѣхъ вѣры единыя", которыя вписаны были потомъ въ Кириллову книгу и въ русскіе сборники.

Преемники Михаила Рагозы. Въ 1599 г. м. Рагоза умеръ въ горькомъ раскаяніи объ уніи. Онъ не видѣлъ исполненія своихъ надеждъ отъ измѣны православію. Уніаты влачили жизнь какими-то межеумками, презираемые и православными и самими католиками. Іерархія уніатская получила много имѣній, но сенаторскихъ мѣстъ такъ и не видала. Нравственное безсиліе уніи рѣзко бросалось въ глаза всѣмъ, потому что она приняла въ себя только самые дурные элементы изъ православнаго общества, деморализованную часть духовенства и тупыхъ отъ забитости хлоповъ. Паны и шляхта, измѣняя православію, стыдились ея и переходили прямо въ панскую вѣру—католичество. Въ XVII в. уніаты сами жаловались, что въ унію со свѣчей не найдешь даже простаго шляхтича, не то—что сенатора. Вся опора уніи была въ силѣ правительства. Послѣднею ловко воспользовался преемникъ Рагозы, энергическій *Ипатій Поцый*. Онъ отнималъ въ пользу уніатовъ имѣнія православныхъ церквей и монастырей, лишалъ мѣстъ соборное и приходское духовенство и наполнялъ эти мѣста уніатами, старался подорвать силу братствъ и вступилъ въ упорную борьбу съ самымъ вліятельнымъ изъ нихъ, виленскимъ. Братскій Троицкій монастырь со всѣми церквами и имѣніями былъ отданъ уніатамъ, которые завели въ немъ свое уніатское братство, поставивъ во главѣ его архимандрита *Іосифа Вельямина Рутскаго*, воспитанника іезуитовъ и совершеннаго католика по убѣжденіямъ. Православное братство основалось въ другомъ виленскомъ монастырѣ св. Духа и завело судебный процессъ за свои имѣнія. Среди общаго раздраженія одинъ православный мѣщанинъ въ Вильнѣ покусился на жизнь Поцѣя, но успѣлъ только отрубить ему два пальца. Преступника казнили; пальцы Поцѣя долго лежали на престолѣ въ Троицкой церкви, какъ пальцы мученика за вѣру. Послѣ этаго уніаты очень усилились, а православные подверглись страшнымъ преслѣдованіямъ. Для увеличенія нравственныхъ силъ уніи Поцѣй прибѣгнулъ къ допущенію на церковныя мѣста въ уніатской церкви чистыхъ латинянъ въ родѣ Рутскаго; это должно было кромѣ того сближать унію съ Римомъ, под-

готовлять преобразованіе ея въ чистое латинство, но вмѣстѣ съ тѣмъ подрывало самую ея сущность.

Преемникъ Поцѣя *Іосифъ Рутскій* (1613—1637 г.) уже прямо приступилъ къ преобразованіямъ уніатской церкви въ латинскомъ духѣ. Бѣлое духовенство, близкое къ народу и приверженное къ слабымъ остаткамъ православнаго элемента въ уніи, не годилось для цѣлей латинства; Рутскій выдвинулъ напередъ монашество. Для возвышенія монашества онъ обогащалъ монастыри имѣніями, отнятыми у церквей и соборныхъ капитуловъ, лишилъ бѣлое духовенство права занимать епархіальныя должности и раздавалъ всѣ судебные и административные посты монахамъ. Само монашество преобразовано было на подобіе латинскихъ монашескихъ орденовъ въ орденъ Василія Великаго или *Базиліанскій*. Базиліанскіе монастыри тогда же начали наполняться католиками, въ руки которыхъ такимъ образомъ перешли всѣ матеріальныя и нравственныя силы уніатской церкви. Съ этихъ поръ унія все болѣе и болѣе удалялась отъ православія и уклонялась къ латинству.

Положеніе православныхъ въ началѣ XVII в. сдѣлалось еще невыносимѣе. Ученый монахъ *Мелетій Смотрицкій* горько оплакивалъ его въ своемъ сочиненіи „Θринось, т. е. Плачъ церкви восточной“ (изд. 1610 г.). Сочиненіе это возбудило большое участіе къ страждущей церкви и вызвало два опроверженія: „Предостереженіе отъ жалобъ и воплей Ософила Ортолога“ (псевдон. Смотрицкаго), написанное Скаргой, и „Утоленіе плача“ (сочин. *Мороховскаго*); виленскій уніатскій архимандритъ *Іоаннъ* издалъ „Оборону уніи“, въ которой старается доказать давность уніи еще со времени флорентійскаго собора. Главная сила гоненія на православіе сосредоточилась въ Литвѣ, Волыни и Галиціи; Малороссія была спокойнѣе. Гетманъ козаковъ *Конашевичъ-Сагайдачный* умѣлъ сдерживать фанатизмъ Поляковъ. Притомъ же козаки въ это время усердно служили Польшѣ въ войнѣ съ царемъ Михаиломъ Осодоровичемъ и было бы крайне неловко платить за ихъ вѣрную службу притѣсненіемъ Малороссіи. Что дѣлалось въ другихъ мѣстахъ, изображаетъ сильная рѣчь волынскаго депутата *Лаврентія Древинскаго* на сеймѣ 1620 г. „Уже въ большихъ городахъ, говорилъ онъ, церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,— тамъ скотъ запираютъ. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падаль;

мужья съ женами живутъ безъ благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цѣху приписаться; къ больному съ св. Тайнами открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоту; православныхъ монаховъ ловятъ, бьютъ и сажаютъ въ тюрьму... Уже 20 лѣтъ на каждомъ сеймѣ мы со слезами молимъ и вымолить не можемъ, чтобы оставили насъ при нашихъ вольностяхъ". Орудіемъ іезуитовъ для оскорбленій православнымъ были между прочимъ оборванные жолнеры и рыцари, которые воротились изъ Москвы послѣ смутнаго времени и по наущенію іезуитовъ всегда были готовы буйствовать надъ мирнымъ народонаселеніемъ. Другимъ такимъ же воинствомъ іезуитовъ были ихъ школьники, заводившіе съ православными уличныя драки и нападавшіе на православныя процессіи; нерѣдко они разносили цѣлыя церкви и дома. Православные жаловались въ судахъ, но управы не получали никогда. Буйство школяровъ обыкновенно выставлялось въ видѣ дѣтской шалости; іезуиты даже съ гордостію указывали на послушаніе своихъ учениковъ, которые послѣ какой нибудь уголовщины смиренно сидѣли за латинской грамматикой и подставляли свои руки подъ линейку отцовъ-педагоговъ. Сильныхъ защитниковъ православія теперь уже не было. Кн. Острожскій умеръ въ 1608 г., а другіе сильные паны успѣли ополячиться. Остались одни защитники—козаки. Православное духовенство нерѣдѣло въ своихъ рядахъ. Умерли единственные православные епископы Гедеонъ (1607 г.) и Михаилъ перемышльскій (1612 г.), въ послѣднее время едва успѣвавшіе посвящать священниковъ на праздныя мѣста. Послѣ нихъ со всей западной Руси нужно было обращаться за посвященіемъ къ львовскому епископу *Іереміи Тиссаровскому*, рукоположенному молдавскимъ митрополитомъ. Открылся опасный недостатокъ въ духовенствѣ, заставлявшій православныхъ поневолѣ обращаться съ требами къ уніатскимъ попамъ.

Пріѣздъ Ѳеофана іерусалимскаго. Въ 1620 г. пріѣхалъ въ Малороссію іерусалимскій патріархъ *Ѳеофанъ* и посвятилъ для православныхъ новаго митрополита *Іова Борецкаго* и 6 епископовъ въ Полоцкъ, Владиміръ, Луцкъ, Перемышль, Хельмъ и Пинскъ. Это возстановленіе православной іерархіи сильно встревожило іезуитовъ; по отъѣздѣ Ѳеофана они пустили слухи, что онъ самозванецъ и что епископы, имъ рукоположен-

ные, не законны, притомъ же заняли каѳедры при живыхъ епископахъ (т. е. уніатскихъ). Полемика съ уніей теперь исключительно занялась оправданіемъ Ѳеофана и его дѣйствій. Мелетій Смотрицкій, посвященный имъ въ епископа полоцкаго, написалъ для этаго „Оправданіе невинности“. Подъ конецъ этой полемики явилось замѣчательное сочиненіе, разсмотрѣвшее вполнѣ всѣ вопросы касательно уніи, „Палинодія“ *Захаріи Копыстенскаго*, которое впрочемъ не было напечатано. Законность дѣйствій Ѳеофана была доказана; къ тому же козаки рѣшительно объявили, что они не пойдутъ воевать на Турковъ, если правительство не признаетъ законности новой православной іерархіи. Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1623 года опять возвысилъ свой голосъ въ защиту коренного закона Польши—о свободѣ вѣры. По новой конституціи сейма права православныхъ были подтверждены и велѣно прекратить всѣ судебныя дѣла, возникшія изъ-за религіозной вражды. Но въ то самое время, какъ миролюбивое настроеніе сейма повело было къ примиренію партій, случилось событіе, которое разрушило всѣ надежды православныхъ и повело къ новымъ гоненіямъ на нихъ. Это было:

Убійство Іосафата Кунцевича, полоцкаго уніатскаго епископа. Кунцевичъ былъ ученикъ Рутскаго и іезуитовъ, самый рьяный поборникъ уніи, раздражившій насильственными мѣрами противъ православія всѣ города своей епархіи. Назначеніе въ Полоцкъ православнаго епископа Мелетія Смотрицкаго было сильной помѣхой Кунцевичу; чуть не вся его епархія отошла къ новому епископу. Кунцевичъ прибѣгнулъ къ самымъ крайнимъ мѣрамъ насилія, такъ что даже Іосифъ Рутскій и канцлеръ *Левъ Сапѣга* нашли нужнымъ умѣрить его ревность. Сапѣга написалъ къ нему длинное письмо, въ которомъ указывалъ ему на грозное настроеніе православнаго народа и козаковъ, на то, что его фанатизмъ дѣлаетъ унію вредной для государства, источникомъ опасныхъ волненій. Жестокостями, писалъ Сапѣга, „не только не утвердится унія, но и послѣдній союзъ любви расторгнется... Когда насилуете совѣсти, запираете церкви, чтобы люди безъ христіанскихъ требъ пропадали, какъ невѣрные, и злоупотребляете правами, полученными отъ короля, то дѣло обходится и безъ насъ, а когда по поводу этихъ безпутствъ въ народѣ волненіе, то нами дыры затыкать! Довольно и того, что вы съ нами въ уніи, которую бы и берегли про себя, а не подвергали бы насъ общенародной ненависти, а себя опасности. Никогда мы не

имѣли такихъ раздоровъ, какіе породила эта благовидная унія". Но для Купцевича государственные интересы были заслонены религіозными; о своей безопасности онъ не заботился добровольно лезъ на подвигъ мученичества. Въ Витебскѣ, затворивъ всѣ церкви, не дозволяя православнымъ служить даже въ шалашахъ за городомъ, онъ до того раздражилъ народъ, что уличная чернь бросилась на него, избила палками до смерти и обезображенный трупъ его бросила въ Двину. Легко понять, какъ это убійство повредило православію. Купцевича причислили къ лику мучениковъ, составили легенды о его св. жизни, мученичествѣ и чудесахъ отъ его мощей. Папа Урбанъ VIII въ посланіяхъ къ королю, епископамъ и панамъ взывалъ объ отмщеніи и жестокихъ мѣрахъ противъ православія, проклиналъ тѣхъ, кто теперь удерживаетъ мечъ отъ крови. Многіе граждане Витебска были казнены; самый городъ лишенъ Магдебургскаго права. По всему пространству польскихъ владѣній поднялось гоненіе на православныхъ, не исключая и Малороссіи, защитникъ которой Сагайдачный уже умеръ (1622 г.). Тысячи православныхъ переходили въ унію.

Измѣна православію Мелетія Смотрицкаго. Особенно тяжела была для православія измѣна ученаго его защитника Мелетія, который, будучи обвиненъ въ связи съ убійцами Купцевича, бѣжалъ изъ своей епархіи на востокъ и воротился оттуда уже защитникомъ уніи. Трудно было бы объяснить, какимъ образомъ задушевный плачъ (Θρῆνος) о состояніи православной церкви и „Апологія" уніи, не менѣе задушевная и искренняя, которую написалъ Мелетій послѣ своего отступничества, могли излиться изъ-подъ пера одного и того же человѣка, если бы мы не знали характера того образованія, какое получилъ Мелетій въ іезуитской коллегіи. Онъ принадлежалъ къ длинному ряду тѣхъ ученыхъ западной Руси, которые получали іезуитское схоластическое образованіе, замѣнявшее у нихъ живое, сердечное отношеніе къ вопросамъ вѣры отношеніемъ діалектическимъ, дѣлавшее ихъ горячими защитниками извѣстныхъ религіозныхъ положеній не изъ вѣры въ ихъ содержаніе, а изъ любви къ самой діалектикѣ, къ игрѣ въ ея формы, къ удовольствію бить силлогизмами противника, ловить его діалектическіе промахи. Тутъ содержаніе только предлогъ, а главное форма. Схоластическіе ученые могли съ одинаковымъ жаромъ защищать и католичество, и протестантство, и православіе. Мелетій, будучи еще православнымъ, написалъ сильный трактатъ въ защиту католическаго ученія объ исхожде-

вiи св. Духа; онъ этимъ пробовалъ свою ловкость въ діалектической игрѣ. Нѣкоторые православные давно уже его понимали и предсказывали, что онъ будетъ отступникомъ. Свое малодушное отступничество Мелетій прикрылъ тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, что сама православная церковь дружитъ съ протестантами и что самъ патріархъ константинопольскій *Кириллъ Лукарисъ* заразился кальвинизмомъ. Этотъ взглядъ на церковь онъ изложилъ въ своей „Апологіи“, приглашая всѣхъ православныхъ въ унію. Кіевскій соборъ отлучилъ его отъ церкви. Слуцкій протоіерей *Андрей Мужиловскій* написалъ противъ его Апологіи „Антидотъ“. Мелетій послѣ этаго фанатически напалъ на православіе въ своей „Расправѣ между Апологіей и Антидотомъ“ и написалъ новый Ѳрпносъ уніатскій подъ названіемъ „Увѣщаніе къ русскому народу“. Онъ умеръ въ 1633 г.—Между тѣмъ гоненія въ Малороссіи все усиливались и заставили *м. Іова Борецкаго* просить царя Михаила Ѳеодоровича принять Малороссію въ московское подданство. Царь отказалъ въ этой просьбѣ, но мысль о московскомъ подданствѣ уже не пропадала съ этаго времени и все болѣе и болѣе зрѣла, удобряемая кровью православныхъ. Когда въ Кіевѣ стали печатать церкви и поворачивать ихъ въ унію, поднялось новое возстаніе козаковъ подъ начальствомъ *Тараса*. Оно прекратилось уже въ 1632 г. по случаю смерти Сигизмунда. Въ теченіе 45-ти лѣтъ фанатизмъ этаго короля тяготѣлъ надъ православною церковію и стоилъ ей около 2,000,000 народа, обращеннаго въ унію или католичество.

Состояніе православія при Владиславѣ IV. Новый король *Владиславъ IV* не любилъ уніи. На сеймахъ при восшествіи его на престолъ опредѣлено быть двоимъ митрополитамъ—уніатскому и православному, епархіи львовскую, луцкую и перемышльскую вовсе уступить православнымъ и возвратить имъ нѣсколько отнятыхъ у нихъ церквей и монастырей. Но въ Рѣчи Посполитой ни короли, ни сеймы давно уже не имѣли силы приводить свои опредѣленія въ исполненіе. Новыя опредѣленія встрѣчены были со стороны уніатовъ упорнымъ сопротивленіемъ, наприм. православнаго полоцкаго епископа уніаты вовсе не пустили въ его епархію. Лучшія церкви, монастыри и вотчины были удержаны за уніей. Правительство не могло сдерживать ни разныхъ наѣздовъ на православные монастыри, ни буйства іезуитскихъ школяровъ и черни надъ православными церквами. Въ 1634 г. человѣкъ до 100 схоластиковъ и слугъ іезуитской коллегіи напали на брат-

ство луцкое, разграбили братскую церковь, избили мальчиковъ въ братской школѣ, нищихъ, стариковъ и старухъ въ богадѣльнѣ, игумена и монаховъ; управы на такія безчинія не было. Но когда правительство по безсилію отступилось отъ своихъ обязанностей, расправа за обиды естественно переходила въ полное распоряженіе слѣпой народной силы и теряла всякую разумную и законную сдержку. Въ отвѣтъ на несправедливости и жестокости католиковъ и уніатовъ явились козацкіе бунты *Павлюка* (1637 г.) и *Остраницы* (1638 г.). Въ отвѣтъ на бунты послѣдовали со стороны Поляковъ жестокія казни и новыя притѣсненія православію. Послѣ бунта Остраницы на варшавской площади козаковъ колесовали, пробивали насквозь спицами и поднимали на сваи; козацкихъ дѣтей жгли предъ глазами отцовъ; у козачекъ отрѣзывали груди и били ими мужей по лицу. По городамъ Украины происходили подобныя же явленія. Церкви обращались въ костелы или пустѣли въ жидовской арендѣ. Православіе ставилось на ряду съ язычествомъ и величалось „пся вѣра“. Нѣсколькимъ пьянымъ шляхтичамъ ничего не стоило напасть на православную церковь, побить поповъ, взять сосуды или оклады съ иконъ и пролить въ шинкѣ у Жида. Жидовки щеголяли въ нагрудникахъ изъ церковныхъ облаченій. Православные монахи и козаки цѣлыми толпами стали переселяться въ Великороссію, куда обращены были теперь взоры всѣхъ патріотовъ. Подготовлялось славное дѣло *Богдана Хмельницкаго*.

Петръ Могила. Одновременно съ восшествіемъ Владислава на престолъ кіевскимъ митрополитомъ сдѣлался знаменитый *Петръ Могила*, сынъ бывшаго молдавскаго воеводы, получившій образованіе въ Парижѣ, потомъ въ Кіевѣ постригшійся въ монахи и бывшій архимандритомъ Печерской лавры. Предшественникомъ его по митрополіи былъ ревнитель православія, благочестивый авторъ „Духовной Лѣствицы“, *Исаія Копинскій*, уже преклонный старецъ. При восшествіи Владислава на престолъ Исаія послалъ И. Могилу на сеймъ хлопотать о возстановленіи правъ церкви. Бывшій воеводичъ, имѣвшій большія связи среди аристократіи, лично извѣстный королю, встрѣченъ былъ въ Варшавѣ съ большимъ уваженіемъ и тутъ же объявленъ митрополитомъ. Такое поставленіе на митрополію безъ народнаго избранія и при живомъ митрополитѣ не могло бы обойтись даромъ Могилѣ, если бы, кромѣ знати, его не поддерживали еще козаки, съ которыми онъ сблизился еще во время своей военной службы. Своей ревностью къ пра-

вославію и своею энергіею онъ скоро заставилъ свою паству забыть о престарѣломъ Исаіи, который провелъ остатокъ своей жизни въ безвѣстныхъ монастырскихъ подвигахъ († 1634 г.). Во время своего святительства Могила украсилъ Кіевопечерскую лавру, возстановилъ Софійскій соборъ и одинъ придѣлъ Десятиннаго храма, при чемъ обрѣлъ мощи кн. Владиміра св., писалъ и издавалъ сочиненія въ защиту православія, исправлялъ книги церковныя и заботился объ усиленіи просвѣщенія въ православной церкви.

Православная образованность до П. Могилы. Мы видѣли, какъ всѣ братства заводили у себя школы. Въ самомъ Кіевѣ въ 1594 г. завело школу *Богоявленское* братство. Въ образованіи всѣхъ братскихъ школъ преобладалъ греческій элементъ, перенесенный сюда съ востока такими умными дѣятелями просвѣщенія, какъ элассонскій митрополитъ *Іереній*, учившій во львовской школѣ, экзархъ Никифоръ и Кириллъ Лукарисъ. Не было въ этихъ школахъ многочисленныхъ классовъ и ученыхъ степеней, но образованіе ихъ тѣмъ не менѣе стояло высоко и было очень полезно для своего времени. Изъ нихъ вышли многіе знаменитые дѣятели просвѣщенія, составители первыхъ учебниковъ для школъ, авторы извѣстныхъ намъ полемическихъ сочиненій противъ уніи, авторы замѣчательныхъ произведеній по богословію и церковной проповѣди, переводчики и исправители книгъ.—Воспитанникомъ *острожскихъ* школъ былъ *Іоаннъ Карповичъ*, архимандритъ виленскаго Духова монастыря, потомъ епископъ владимірскій, извѣстный проповѣдникъ.—Изъ *львовскихъ* и *виленскихъ* школъ вышли: предшественникъ Могилы м. *Исаія*, корецкій протоіерей *Лаврентій Зизаній Тустановскій* авторъ Большаго Катихизиса, м. *Іовъ Борецкій*, *Кириллъ Транквиліонъ*, учитель львовскаго братства, послѣ черниговскій архимандритъ, написавшій „Учительное Евангеліе“ или собраніе словъ, „Перло многоцѣнное“, состоящее изъ назидательныхъ размышленій въ стихахъ и прозѣ, и „Зерцало богословія“—первый опытъ систематической догматики, въ которомъ авторъ высказалъ замѣчательныя для своего времени познанія по части отеческой письменности, свѣтскихъ философовъ и естественныхъ наукъ, іеромонахъ *Памва Берында*—составитель обширнаго славянскаго лексикона, печерскій архимандритъ *Захарій Копыстенскій*—авторъ „Палинодіи“ и книги „О вѣрѣ единой“, которая получила особенную популярность въ Москвѣ.—*Кіевская* школа тоже успѣла образовать нѣсколько замѣчательныхъ писателей,

каковы были напр. *Тарасій Земка*, написавшій ученый трактатъ о литургіи, *Ѳеодосій Сафоновичъ* проповѣдникъ, авторъ трактата „О церкви и ея тайнахъ“ и составитель Хроники княжества волынскаго, наконецъ *Іресній Сатановскій* и *Епифаній Славенецкій*, съ дѣятельностію которыхъ мы встрѣтимся еще въ Москвѣ. Православные усердно поддерживали кіевское училище во время гоненій и разныхъ несчастій. Въ 1614 г. его истребилъ пожаръ вмѣстѣ съ Богоявленской братской церковью. Жена мозырскаго маршалка *Анна Гулевичева* пожертвовала мѣсто и нѣсколько зданій для братства и школы и братство обстроилось лучше прежняго. Въ него вписался самъ гетманъ Сагайдачный.—Получивши западное образованіе, Могила былъ не доволенъ греческимъ образованіемъ русскихъ школъ, его увлекала другая, іезуитская образованность съ ея строгими схоластическими формами и всемірнымъ латинскимъ языкомъ. Сдѣлавшись печерскимъ архимандритомъ, онъ послалъ на западъ нѣсколько молодыхъ людей для образованія изъ нихъ учителей въ новомъ латинскомъ направленіи; въ числѣ ихъ были *Тарасій Земка*, *Сильвестръ Коссовъ*, *Исаія Трофимовичъ*, *Гизель* и др. извѣстныя потомъ лица. По возвращеніи ихъ онъ хотѣлъ открыть у себя въ монастырѣ новую школу, но православные уговорили его не дѣлать подрыва братской школѣ, послѣ чего онъ принялъ титулъ старшаго брата Богоявленскаго братства и сталъ преобразовывать старую школу. Онъ обстроилъ ее новыми зданіями, обогатилъ своими и лаврскими вотчинами, поощрялъ къ пожертвованіямъ на нее шляхтичей, козаковъ и духовенство, а сдѣлавшись митрополитомъ, выпросилъ для нея королевскую привиллегію и переименовалъ ее въ коллегію. По примѣру іезуитскихъ коллегій она раздѣлялась на классы или школы: низшія—фару, инфиму, грамматику, синтаксиму, пінтику и риторику, и высшія—философскую и богословскую. Начальственными лицами сдѣланы были ректоръ (Исаія Трофимовичъ), префектъ (Сильвестръ Коссовъ) и суперъ—интендентъ, имѣвшій помощниками сеніоровъ, директора, цензоровъ и визитаторовъ изъ учениковъ; кромѣ того нѣкоторые ученики были авдиторами, записывали успѣхи товарищей въ потатахъ или эрратахъ. Кромѣ уроковъ ученики занимались проповѣдями, экзерциціями и оккупаціями. Какъ и въ іезуитскихъ коллегіяхъ, для соревнованія имъ дозволялось писать спорныя оккупаціи и экзерциціи de diligentia, de loco, de erratis; бѣдные ученики писали оккупаціи de pane, de candella, de calceis и

проч. на своихъ богатыхъ товарищей. Въ высшихъ классахъ введены были богословскіе и философскіе диспуты на латинскомъ языкѣ, которые были посѣщаемы множествомъ любопытныхъ Кіевлянъ, большею частію не понимавшихъ въ нихъ ни слова. Науки преподавались по схоластическому методу; въ философіи господствовалъ Аристотель, въ богословіи—Ѳома Аквинатъ. Изъ языковъ славянскій стоялъ на второмъ планѣ, греческій преподавался кое-какъ, за то латинскій получилъ полное господство, употреблялся и въ лекціяхъ и въ оккупаціяхъ и въ диспутахъ и въ обыкновенномъ разговорѣ учениковъ; кто проговаривался порусски, того записывали въ calculus (листъ въ дерев. футлярѣ); бѣда, если calculus оставался у виноватаго на ночь, въ немъ писалось тогда: pernoctavit apud dominum NN, и бѣдный dominus на другой день подвергался наказанію.

На первыхъ порахъ въ Кіевѣ очень непривѣтливо встрѣтили новую латинскую науку. Духовенство, шляхта и козаки стали толковать, что школяры уклонились въ латинство, грозили разорить школу, а латынщиками начинить днѣпровскихъ осетровъ. Въ коллегіи такъ были всѣ напуганы этимъ волненіемъ, что стали исповѣдываться, готовясь къ смерти. Сильвестръ Коссовъ написалъ по этому поводу Апологію кіевскихъ школъ, въ которой увѣрялъ въ строгомъ ихъ православіи и доказывалъ необходимость новой науки и латинскаго языка въ спорахъ съ латинами, на судахъ и на сеймахъ, гдѣ незнающій латини простякъ, ничего не понимая, только смотритъ туда и сюда, вытаращивъ глаза, какъ коршунъ. Коллегія поправила свою репутацію и отстояла свою латынь. Новое образованіе пока еще дѣйствительно было не опасно. Среди одушевленнаго религіознаго движенія ея ученымъ не было времени втянуться въ пустую діалектическую формалистику, не было еще опасности съ латинскимъ языкомъ всосать въ себя и латинскую мысль, съ Ѳомой Аквинатомъ усвоить и схоластико-латинское воззрѣніе на догматы. Не могла коллегія и ополячиться, преобразовавшись на польскій іезуитскій ладъ, потому что, по причинѣ ополяченія высшихъ классовъ, она исключительно была связана съ средними классами, мѣщанами, козаками и мелкой шляхтой, гдѣ народность хранилась во всей свѣжести, притомъ же была заведеніемъ открытымъ, постоянно наполнялась приливомъ свѣжихъ народныхъ силъ.

Ученые труды П. Могилы и его коллегіи. Своими учеными трудами на пользу церкви коллегія скоро затмила всѣ братскія школы. Самъ Петръ Могила написалъ книгу *Λίθος* или Камень на сокрушеніе лжи Кассіана Саковича, одного отступника отъ православія, который въ своемъ сочиненіи (*Ἐπανόρθωσις*) обвинялъ православныхъ въ протестантствѣ, порчѣ обрядовъ и невѣжествѣ духовенства. Незадолго до этаго въ Европѣ распространилось на латинскомъ языкѣ „Восточное Исповѣданіе православной вѣры“, ложно приписанное п. Кириллу Лукарису; оно все было пропитнуто кальвинистскими идеями и сдѣлалось причиной многихъ нареканій на православіе. Ректоръ коллегіи *Исаія Трофимовичъ* для устраненія этихъ нареканій написалъ „Православное Исповѣданіе вѣры“. Соборъ 1640 г., созванный Могилою въ Кіевѣ, разсмотрѣлъ это сочиненіе и отправилъ его на востокъ; въ 1642 г. его снова пересмотрѣлъ соборъ епископовъ въ Яссахъ и, нѣсколько исправивъ, отослалъ на утвержденіе къ патріарху. Въ 1643 г. его одобрили и патріархи, но почему-то замедлили его отсылкой въ Кіевъ; а между тѣмъ явились новыя нареканія на православныхъ, будто они три года разсматриваютъ свое исповѣданіе и ничего съ нимъ подѣлать не могутъ. Вслѣдствіе этаго П. Могила въ 1645 г. издалъ Православное Исповѣданіе на польскомъ и русскомъ языкахъ въ сокращенномъ видѣ (Малый Катихизисъ). Полное Православное Исповѣданіе было издано уже черезъ 20 лѣтъ и то на греческомъ языкѣ (въ Амстердамѣ 1662 г.), а на славянскомъ языкѣ явилось въ 1696 году.—Кромѣ защиты вѣры митрополитъ занимался исправленіемъ церковныхъ книгъ, въ чемъ ему много помогали ученые члены братства. Печатаніе богослужебныхъ книгъ безъ утвержденія митрополита было запрещено. Однимъ изъ важнѣйшихъ его изданій было изданіе большаго Требника; въ немъ собраны были всѣ чины православной церкви по греческимъ и славянскимъ требникамъ, дополнены новыми чинами на тѣ случаи, на которые въ русской церкви не было особыхъ чиновъ, заимствованными изъ католическихъ требниковъ или составленными вновь самимъ Могилою, кромѣ того снабжены подробными объясненіями литургическаго, догматическаго и каноническаго содержанія. Извѣстно также, что Могила трудился надъ пересмотромъ Библіи для новаго изданія и житій святыхъ по Метафрасту, но эти труды были прерваны его смертію. Для учениковъ коллегіи онъ написалъ Анѳологіонъ или собраніе размышленій и молитвъ, составленное

по образцу такихъ же Аѳеологіоповъ въ іезуитскихъ коллегіяхъ.—Изъ воспитанниковъ Могилы особенную извѣстность получилъ *Сильвестръ Коссовъ*, бывшій потомъ его преемникомъ по митрополіи. Кромѣ апологіи школамъ онъ написалъ большую книгу „О семи тайнахъ“ и издалъ въ сокращенномъ видѣ печерскій Патерикъ съ своими примѣчаніями (на польско-русскомъ языкѣ). Кромѣ Коссова составленіемъ и дополненіемъ Патерика занимался архимандритъ Духова монастыря *Іосифъ Тризна*, тоже изъ воспитанниковъ кіевской школы.

Послѣ смерти П. Могилы (1647 г.) для коллегіи настали несчастныя времена. Прекратились пожертвованія на нее митрополита. Дворянство и козаки тоже отказались отъ пособія ей по случаю возстанія Хмельницкаго. Лаврскія вотчины, выпрошенныя для коллегіи П. Могилой, были отобраны опять въ лавру. Ученики высшихъ классовъ, увлеченные патріотическимъ движеніемъ, уходили подъ знамена Богдана, такъ что въ этихъ классахъ ученіе навремя совсѣмъ прекратилось. При всемъ этомъ дѣло П. Могилы оказалось прочнымъ и не погибло отъ невзгодъ. Кіевская коллегія, получившая названіе *Могилянской*, неуклонно продолжала развиваться въ указанномъ ей направленіи и, какъ увидимъ, сдѣлалась разсадникомъ образованія для цѣлой Россіи.

VI. МОСКОВСКОЕ ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Начало смутнаго времени. Восточная русская церковь, какъ и западная, тоже подверглась большой опасности отъ напора католичества. Въ концѣ XVI в. угасъ возвеличенный ею и всегда бывшій ея крѣпкою опорой родъ Рюриковичей, выставивъ изъ среды своей святаго мученика,—жертву властолюбія,—кн. *Димитрія Іоанновича* угличкаго, убитаго сторонниками *Бориса Годунова* (1591 г.). Послѣ смерти послѣдняго Рюриковича, царя Ѳеодора (1598 г.), Годуновъ сѣлъ на престолъ, но не успѣлъ сдѣлаться родоначальникомъ новой династіи. Загадочный самозванецъ—тѣнь убіеннаго Димитрія—прекратилъ эту династію въ самомъ ея началѣ, и наступило смутное время, время тяжкихъ испытаній и для русской земли и для русской церкви, но вмѣстѣ съ тѣмъ и время обнаруженія внутренней мощи той и другой. Церковной іерархіи, послѣ долгаго ея униженія, открылось обширное

поприще снова явить свое высокое земское значеніе и выдержать трудное, но привычное стояніе за благо земли и церкви.

Явленіе самозванца было страшнымъ событіемъ сколько для государства, столько же и для церкви, потому что онъ явился орудіемъ іезуитовъ, угрожая православію той же участью, какой оно подвергнулось въ западной Россіи. Желая найти для себя поддержку въ могущественномъ орденѣ братьевъ Іисуса, онъ позволилъ обратить себя въ католичество и завязалъ дѣятельныя сношенія съ папскимъ нунціемъ въ Польшѣ, *Рангони*. Въ началѣ 1604 г. въ Краковѣ нунцій взялъ съ него клятву послушанія римскому престолу, совершилъ надъ нимъ муропомазаніе и причастилъ его. Самозванецъ писалъ къ самому папѣ Клименту VIII, обѣщая ему обратить въ католичество всю Россію, и немедленно былъ обнадеженъ въ дѣятельномъ содѣйствіи апостольской власти. Въ тоже время онъ письменно обязался отдать своей будущей супругѣ *Маринѣ Мнишекъ* Новгородъ и Псковъ съ правомъ строить въ нихъ католическіе костелы и монастыри; будущему тестю своему пану *Мнишку* онъ обѣщалъ въ потомственное владѣніе княжества смоленское и сѣверское.

Дѣятельность п. Іова противъ самозванца. П. Іовъ со всею твердостію всталъ противъ самозванца. Онъ посылалъ отъ себя пословъ къ кн. Острожскому и къ польскому духовенству съ увѣщаніемъ не вѣрить Лжедимитрію, старался разсѣять тревожные слухи и толки въ самой Россіи, предалъ самозванца анаѳемѣ, во всѣхъ церквахъ велѣлъ читать грамоту, въ которой разказывалась вся прежняя жизнь самозванца, бывшаго монаха *Григорія Отрепьева*, и предавались проклятію тѣ, которые будутъ стоять за него. Послѣ смерти Бориса онъ также ревностно дѣйствовалъ въ пользу сына его *Ѳеодора*. Овладѣвъ Москвой, приверженцы самозванца прежде всего приступили къ сверженію патріарха. Въ Успенскомъ соборѣ во время литургіи они сорвали съ него святительскую одежду. Подойдя къ Владимірской иконѣ, святитель сложилъ передъ ней свою панагію и со слезами молился: „Владычице Богородице! здѣсь возложена на меня святительская панагія, съ которою исправлялъ я слово Сына Твоего 12 лѣтъ. Нынѣ ради грѣховъ нашихъ бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе молитвами къ Сыну Твоему“. Его облекли въ рясу простаго монаха, посадили въ телѣгу и отвезли въ Старицкій монастырь, откуда онъ

нѣкогда былъ взятъ на митрополію (1605 г.). Царь Осодоръ былъ убитъ и на престолъ вступилъ самозванецъ.

Опасности для православія при самозванцѣ. На мѣсто Іова новый царь выбралъ въ патріархи рязанскаго архіепископа *Игнатія*, родомъ Грека, который воспитывался въ Римѣ, былъ нѣкоторое время епископомъ кипрскимъ, потомъ явился въ Россію и получилъ здѣсь рязанскую каѳедру. По своему характеру и убѣжденіямъ онъ могъ быть очень удобнымъ орудіемъ для Рима. Самозванецъ сдѣлался орудіемъ возвышенія знаменитаго послѣ іерарха русской церкви, *Филарета Романова*, въ мірѣ боярина Осодора Никитича, постриженнаго насильно при Годуновѣ вмѣстѣ съ другими Романовыми. Какъ родственникъ Грознаго, онъ былъ вызванъ мнимымъ сыномъ Грознаго изъ заточенія и получилъ ростовскую митрополію. Православные люди, по указу патріарха Игнатія, молились въ церквахъ, да вознесетъ Господь царскую десницу надъ латинствомъ и бесерменствомъ, а между тѣмъ изъ Польши явились іезуиты и поставили свой костелъ въ самомъ кремлѣ. Самъ царь, окруживъ себя Поляками и Нѣмцами, покровительствовалъ иностраннымъ обычаямъ, смѣялся надъ невѣжествомъ Русскихъ, обѣщалъ посылать ихъ за границу для науки, плохо молился Богу, не соблюдалъ постовъ. Въ народѣ пошла молва, что онъ еретикъ, въ доказательство чего, сообразно съ тогдашними народными понятіями, указывали и на то, что онъ ѣлъ телятину, послѣ обѣда не спалъ, не ходилъ въ баню. Самозванецъ неразъ высказывалъ свое желаніе соединить церкви, говаривалъ, что вѣра латинская и греческая одинаковы, что для соединенія церквей можно созвать VIII вселенскій соборъ и т. п., но къ открытымъ, а тѣмъ болѣе насильственнымъ мѣрамъ противъ православія не прибѣгалъ, хорошо понимая, какъ эти мѣры были бы нелѣпы въ Россіи. Въ Римѣ не понимали его перѣшительности; тамъ уже приготовлены были для Россіи не только миссіонеры, но даже епископы. Отъ папы шли одно за другимъ посланія къ Лжедимитрію съ поздравленіями и увѣщаніями поскорѣе просвѣтить русскій народъ, сѣдящій во тьмѣ и сѣни смертной. Вдругъ самозванецъ, вмѣсто всякихъ рѣшительныхъ дѣйствій въ пользу католичества, попросилъ у папы и его нунція позволенія самой Маринѣ пока таить свое католичество, исполнять греческіе обряды и причащаться у патріарха. И папа и нунцій сильно возстали противъ этого. Но спустя немного, когда Марина была уже въ Москвѣ, Лжедимитрій опять извѣщалъ, что въ Россіи нельзя ни костеловъ

строить, ни іезуитовъ принять оффиціально, что царица должна сообразоваться съ народными обычаями, ходить въ церковь, причащаться, соблюдать посты, костелъ держать у себя тайно во внутреннихъ покояхъ. Въ Римѣ сильно сердились на это, а въ Россіи между тѣмъ оказывалось труднымъ оставить Марину и тайною католичкою. Между духовенствомъ нашлись твердые ревнители вѣры, казанскій митрополитъ *Гермогенъ* и коломенскій епископъ *Іосифъ*, которые рѣшительно объявили, что невѣста царя должна торжественно принять православіе, иначе бракъ съ нею будетъ незаконный. Отъ этихъ ревнителей царь успѣлъ отдѣлаться, Іосифа заставилъ замолчать, а Гермогена выслалъ изъ столицы на епархію. Но нельзя было такъ легко отдѣлаться отъ волненія въ народѣ. Являлись люди, которые въ глаза называли самозванца еретикомъ; ихъ полная готовность пострадать за правду и православіе хорошо показывала, какъ встревожена была народная масса. Бракъ съ Мариной былъ рокозымъ событіемъ для самозванца; онъ совершенъ былъ какъ разъ подъ пятницу и на Николинъ день. На свадьбу наѣхало много польскихъ гостей, для помѣщенія которыхъ въ кремлѣ и около него обыватели и даже духовенство были выведены изъ своихъ домовъ. Во время свадебныхъ торжествъ буйная шляхта, пившая нѣсколько дней подрядъ, своими буйствами раздражила весь народъ. Въ ночь на 17 мая 1606 г. общее раздраженіе наконецъ вспыхнуло страшнымъ бунтомъ, среди котораго самозванецъ былъ убитъ вмѣстѣ со множествомъ Поляковъ. Вслѣдъ за этимъ немедленно свергнутъ былъ и поставленный имъ п. Игнатій.

II. Гермогенъ и новый самозванецъ. Царемъ сдѣлался виновникъ переворота кн. *Василій Васильевичъ Шуйскій*, а патріархомъ избранъ Гермогенъ казанскій, который, какъ мы видѣли, достаточно уже обнаружилъ твердость своего характера и стойкость въ православіи при самозванцѣ. Во время своего патріаршества онъ явился непоколебимымъ столпомъ церкви и государства. Современники укоряли его въ жосткости нрава, излишней строгости, грубой прямотѣ въ рѣчахъ и поступкахъ; такимъ дѣйствительно и долженъ былъ казаться этотъ прямой, честный и стойкій человѣкъ среди общества, которое издвоедушничалось отъ измѣнъ. По своей прямотѣ онъ былъ не въ ладахъ съ царемъ, но эти личныя отношенія не мѣшали ему твердо стоять за Шуйскаго, какъ за царя вѣнчаннаго. Когда пошли слухи о второмъ самозванцѣ, онъ вмѣстѣ

съ царемъ торжественно перенесъ въ Москву мощи истиннаго царевича Димитрія. Мѣра эта впрочемъ не помогла къ успокоенію народа, потому что въ Москвѣ еще хорошо помнили, какъ тотъ же Шуйскій, который теперь съ благоговѣніемъ несъ мощи Димитрія чрезъ всю Москву, свидѣтельствовалъ прежде, что царевичъ самъ закололъ себя въ припадкѣ падучей болѣзни. Напрасно также патріархъ хотѣлъ подѣйствовать своими увѣщательными грамотами на мятежниковъ, которые подъ начальствомъ *Болотникова* поднялись во имя новаго самозванца въ сѣверской украйнѣ. Волненіе охватило въ самое короткое время чуть не всю Русь и восточный инородческій край. Тогда царь и патріархъ прибѣгнули къ новому средству для успокоенія волненія, назначивъ церемонію торжественнаго народнаго покаянія. Для нея нарочно вызвали изъ Старицы уже слѣпаго и дряхлаго п. Іова. Составлена была трогательная грамота, въ которой излагалось народное исповѣданіе измѣнъ, клятвопреступленій, убійствъ, оскорбленій святыни и другихъ земскихъ грѣховъ со смерти царя Ѳеодора Іоанновича. Церемонія совершилась въ Успенскомъ соборѣ въ присутствіи обоихъ патріарховъ. По прочтеніи протодьякономъ грамоты народнаго покаянія патріархи велѣли прочитать отъ своего имени грамоту разрѣшенія. Іовъ вскорѣ послѣ этого умеръ, даже не доѣхавъ назадъ до Старицы. Но и церемонія народнаго покаянія осталась тоже безъ вліянія на пробужденіе народа отъ его тяжелаго бреда самозванцами. Въ концѣ 1607 г. употребили новое религіозное средство; въ числѣ множества видѣній и знаменій, сопровождавшихъ смуту, было видѣніе одному благочестивому мужу: самъ Христосъ, явившись ему во снѣ, грозилъ Россіи бѣдами за то, что люди впали въ нечестіе, сквернословіе, мерзкіе обычаи, стригутъ брады, судъ судятъ неправедный, не стало правды ни въ царѣ, ни въ церковномъ чинѣ, ни въ народѣ. Извѣстіе объ этомъ видѣніи было прочитано въ Успенскомъ соборѣ и установленъ постъ отъ 14 до 19 октября.—Волненіе во имя Димитрія все возрастало, не смотря даже на то, что самозванца, который бы принялъ на себя это имя, вовсе и не было налицо. Наконецъ нашелся такой человѣкъ. Панъ Мнишекъ призналъ его зятемъ, а панна Марина мужемъ. Явились около него и Поляки съ іезуитами. Въ Польшѣ ему написали цѣлый наказъ, какъ дѣйствовать для распространенія съ Россіи католичества или уніи. По этому наказу всѣхъ Русскихъ, особенно духовенство, предполагалось совершенно от-

тереть отъ престола, окружить престолъ католиками и уніатами, бояръ и другихъ людей побуждать къ переходу въ католичество или унію всякими мѣрами, повышеніями по службѣ, воспитаніемъ въ уніатскихъ и католическихъ школахъ, строеніемъ костеловъ, изгнаніемъ изъ Россіи Грековъ, поставленіемъ на высшія церковныя мѣста лицъ склонныхъ къ уніи и т. д.

Дѣятельность іерархіи противъ самозванца. П. Гермогенъ ободрялъ царя, увѣщевалъ бояръ и народъ, разсылалъ по городамъ грамоты, въ которыхъ описывалъ дѣла и смерть перваго самозванца, указывалъ на опасность для православія отъ Поляковъ, предавалъ проклятію всѣхъ, кто измѣнитъ законному царю. За царя и гражданскій порядокъ ревностно стояли и другіе русскіе святители. М. казанскій *Ефремъ* изрекъ проклятіе за измѣну на г. Свіяжскъ и этимъ такъ поразилъ горожанъ, что они просили снять съ нихъ святительскую клятву, обѣщаясь впредь быть вѣрными Шуйскому. Тверскій архіепископъ *Ософилтъ* такъ одушевилъ свою паству, что въ 1606 г. мятежныя войска были отбиты отъ Твери; но въ 1608 г. городъ былъ взятъ и святитель былъ убитъ. *Гавріилъ* суздальскій умеръ въ изгнаніи за то, что не хотѣлъ благословить самозванца. *Геннадій* псковскій долго удерживалъ свою паству отъ перехода на сторону самозванца и не пережилъ измѣны своего города. *Исаіи* новогородскій успѣлъ поддержать въ Новогородцахъ вѣрность царю, не смотря на измѣну Пскова. *Іосифъ* коломенскій, сопротивлявшійся первому самозванцу по вопросу о бракѣ съ Мариною, былъ схваченъ воинами втораго; его привязали къ пушкѣ и всюду волочили за собою. Когда толпы измѣнниковъ заняли Ростовъ (1608 г.), м. *Филаретъ* (Романовъ) съ вѣрными гражданами заперся въ соборѣ, приготовляясь съ ними къ мученической смерти пріобщеніемъ св. таинъ. Двери церковныя были отбиты, мятежники перебили множество народа и осквернили святыню храма. Митрополита босаго, въ изодранномъ польскомъ платьѣ и татарской шапкѣ, съ поруганіемъ отвезли въ Тушино. Но самозванецъ принялъ его, какъ родную, и сдѣлалъ своимъ патріархомъ. Святитель былъ отбитъ у мятежниковъ уже въ 1610 г. *Скопинымъ-Шуйскимъ* подъ Волоколамскомъ.

Высокими патріотическими подвигами отличились и *русскіе монастыри:* Еще въ началѣ царствованія Шуйскаго Троицкая лавра пожертвовала государству 18,000 рублей. По-

томъ съ сентября 1608 г. ей пришлось выдерживать трудную 16-мѣсячную осаду отъ 30,000 польскаго войска подъ начальствомъ *Сапѣги* и *Лисовскаго*. Не смотря на то, что число всѣхъ защитниковъ ея, въ томъ числѣ и монаховъ, способныхъ владѣть оружіемъ, было не болѣе 2,500 человѣкъ, она выдержала всѣ приступы и сдѣлала болѣе 40 вылазокъ. Осада загнала въ стѣны обители множество народа съ женами и дѣтьми изъ окрестностей, такъ что не доставало ни мѣста для ихъ помѣщенія, ни запасовъ для прокормленія. Настала страшная зима безъ дровъ, безъ припасовъ, кромѣ сухарей и гнилой воды, среди свирѣпствовавшей цынги; но осажденные все это выдержали, подкрѣпляемые сильнымъ религіознымъ одушевленіемъ и вѣрою въ помощь пр. Сергія. Пр. Сергій являлся разнымъ людямъ въ видѣніяхъ, предсказывалъ побѣду и предупреждалъ о нападеніяхъ враговъ; видѣли, какъ онъ самъ ходилъ по стѣнамъ обители и кропилъ ихъ св. водою. Не смотря на всю крайность своего положенія, лавра во время самой осады нашла возможность послать правительству 2000 рублей. Когда Москва тоже была осаждена Тушинцами Лжедимитрія и терпѣла сильный голодъ, Троицкій монастырь дважды открывалъ свои житницы и, пуская хлѣбъ въ продажу по обыкновенной цѣнѣ, подрывалъ этимъ своекорыстныхъ торговыхъ людей, которые имѣли безсовѣстность пользоваться народнымъ бѣдствіемъ для своихъ барышей.—Подобныя жертвы приносили и другіе монастыри. Кирилловъ монастырь обратился въ крѣпость и цѣлыя 5 лѣтъ выдерживалъ постоянныя осады буйныхъ полчищъ. Соловецкій монастырь въ два раза переслалъ въ Москву болѣе 17,000 рублей; Спасоприлуцкій монастырь отдалъ на жертву отечеству всю свою наличную казну. Кромѣ того изъ монастырскихъ стѣнъ шли религіозныя воззванія, одушевлявшія народъ на борьбу съ врагами. По мѣрѣ того, какъ возрастали неистовства тушинскихъ козаковъ и Поляковъ, которые разоряли жилища, ругались надъ женщинами и дѣвицами, опустошали церкви и монастыри, религіозно-патріотическое движеніе охватывало все большую и большую массу народа. Города переписывались между собою о возстаніи. Во Владимірѣ горожане встали на своего воеводу *Вельяминова*, приверженца самозванца. Его притащили въ соборъ для приготовленія къ смерти. Протопопъ, совершивъ надъ нимъ напутственныя таинства, вывелъ его къ народу, и сказалъ: „вотъ врагъ московскаго государства“. Послѣ этаго воеводу всѣмъ міромъ побили кам-

нями. Побѣды *Скопина-Шуйскаго* стали было поправлять дѣла государства, но нашествіе Сигизмунда и смерть молодаго народнаго героя, въ которой подозрѣвали самого царя, погубили всѣ прежніе успѣхи.

Нашествіе Сигизмунда. Пользуясь смутой въ Россіи, Сигизмундъ потребовалъ московской короны для своего сына *Владислава* и осадилъ Смоленскъ. Смольняне хорошо знали, что дѣлалъ король въ Литвѣ, и дали обѣтъ стоять за православную вѣру и за царя до смерти. Изъ Русскихъ на сторону Сигизмунда прежде всего перешли Тушинцы. Оставленные Поляками, которые ушли къ королю, и ослабѣвшимъ самозванцемъ, который бѣжалъ въ Калугу, они заключили съ Сигизмундомъ договоръ и признали царемъ его сына. Потомъ въ пользу королевича образовалась большая партія въ самой Москвѣ. Еще въ началѣ 1609 г. недовольные царемъ вытащили п. Гермогена на лобное мѣсто и, тряся его за воротъ, требовали у него согласія на перемѣну царя. Патріархъ не побоялся толпы и честно заступился за Шуйскаго. На этотъ разъ попытка свергнуть Василія не удалась. Но когда царь былъ заподозрѣнъ въ загадочной смерти Скопина, когда русскія войска, лишившись своего любимаго вождя, были разбиты Поляками и гетманъ короля *Жолкѣвскій* сталъ подъ самой Москвой, провозглашая царемъ Владислава, патріарху уже невозможно было спасти царя. Въ іюлѣ 1610 г. толпы народа, поднятые Захаромъ Ляпуновымъ, Салтыковымъ и др. боярами, заставили Василія переселиться изъ дворца въ свой прежній боярскій домъ, потомъ бояре насильно постригли его въ монахи.

Переговоры объ избраніи Владислава. Вслѣдъ за тѣмъ немедленно поднялся вопросъ объ избраніи новаго царя; чернь хотѣла тушинскаго вора; патріархъ предлагалъ выбрать царя изъ русскихъ бояръ, кн. *Голицына* или *Михаила Ѳеодоровича Романова*, сына Филарета; бояре тянули къ Польшѣ, хотѣли въ цари Владислава. Послѣдняя партія одержала верхъ и позволила Жолкѣвскому занять Москву польскими войсками. Для окончательныхъ переговоровъ съ королемъ отправлены были подъ Смоленскъ великіе послы кн. Голицынъ и м. Филаретъ вмѣстѣ съ дѣятельнымъ келаремъ Троицкой лавры *Аврамісмъ Палицынымъ* и большою свитою изъ духовныхъ и свѣтскихъ людей. Патріархъ долженъ былъ согласиться на желаніе господствующей партіи, настоялъ только, чтобы послы во время своихъ переговоровъ о Владиславѣ имѣли необходи-

мымъ условіемъ сохраненіе православія и обращеніе въ православную вѣру самого королевича. Отъѣзжая къ королю, Жолкѣвскій захватилъ съ собою и постриженнаго царя Василія. Всѣ опасные для короля люди теперь были въ его рукахъ, и онъ возвысилъ свои требованія, отказался отъ всѣхъ предложенныхъ ему условій, потребовалъ московской короны для самаго себя и прежде всего настаивалъ на немедленной сдачѣ Смоленска. Послы съ своей стороны твердо стояли на своихъ требованіяхъ, чтобы Владиславъ немедленно былъ отпущенъ въ Москву и принялъ православіе, не уступили ни шагу даже тогда, когда изъ Москвы пришли грамоты отъ бояръ съ распоряженіемъ прекратить защиту Смоленска и отдаться во всемъ на волю королевскую. Филаретъ и Голицынъ объяснили, что ихъ отпускали патріархъ, бояре и всѣ люди вмѣстѣ, а не одни бояре, и что грамоты за подписью однихъ бояръ для нихъ необязательны. Паны было возражали, что патріархъ лице духовное и въ свѣтскія дѣла вступаться не долженъ; но послы отвѣчали на это: „изначала у насъ въ русскомъ государствѣ такъ повелось: если великія государственныя или земскія дѣла начнутся, то великіе государи наши призывали къ себѣ на соборъ патріарховъ, архіепископовъ и епископовъ и безъ ихъ совѣта ничего не приговаривали, и почитаютъ наши государи патріарховъ великою честію, и мѣсто имъ сдѣлано съ государями рядомъ; такъ у насъ честны патріархи, а до нихъ были митрополиты; теперь же мы стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный“. Въ апрѣлѣ 1611 г. великіе послы, по повелѣнію раздраженнаго короля, были схвачены и отправлены въ Маріенбургъ плѣнниками. Смоленскъ все еще продолжалъ защищаться, подкрѣпляемый воеводой Шеинымъ и увѣщаніями архіепископа *Сергія*. Когда онъ былъ наконецъ взятъ (въ іюнѣ), жители заперлись въ соборѣ и взорвали себя порохомъ. Шеинъ и Сергій увезены въ Литву. Поздравляя короля съ побѣдою, іезуитъ Скарга прежде всего выразилъ въ своей рѣчи радость о томъ, что Богъ „указуетъ путь къ разширенію своей церкви и правды католицкой среди схизматиковъ“.

Возстаніе городовъ. Но Богъ не восхотѣлъ разширенія правды католицкой. Слухи о притязаніяхъ Поляковъ на московское государство и о будущихъ опасностяхъ для вѣры производили въ народѣ сильное волненіе. Патріархъ взывалъ къ православнымъ о защитѣ отеческой вѣры и всѣхъ разрѣшалъ отъ присяги королевичу, если онъ не крестится. Изъ Москвы

разослана была повсюду трогательная грамота, въ которой, увѣщевая всѣ города къ соединенію противъ общаго врага, Москвичи выставляли на видъ религіозное единство всѣхъ русскихъ людей и священное значеніе Москвы: „здѣсь образъ Божіей Матери, который св. Лука написалъ; здѣсь великіе свѣтильники и хранители—Петръ, Алексій и Іона чудотворцы; или вамъ православнымъ христіанамъ все это ни почемъ"? Города тоже пересылались между собой грамотами, возбуждая другъ друга къ возстанію именемъ всероссійскихъ и своихъ мѣстныхъ святынь. Ратные люди ходили по соборамъ и монастырямъ, служили молебствія и составляли дружины. Патріархъ стоялъ во главѣ всего земскаго движенія; земля собиралась и возставала по его святительскому благословенію; кромѣ его, города не хотѣли знать никакого другаго начальства, и помимо бояръ, потерявшихъ довѣріе, посылали къ нему всѣ свои отписки о сборѣ ратныхъ людей. *Салтыковъ*, *Масальскій* и другіе бояре польской партіи, господствовавшей въ Москвѣ, сильно злобились на патріарха. Во время одного горячаго спора съ нимъ Салтыковъ бросался на него даже съ ножемъ. Въ то самое время, какъ великіе послы были отправлены въ Маріенбургъ, Поляки съ Салтыковымъ сдѣлали послѣднюю попытку уговорить патріарха, чтобы онъ возвратилъ земскія рати, шедшія къ Москвѣ, и услыхали рѣшительный отвѣтъ, что всѣ литовскіе люди должны выдти изъ Москвы до одного. „Вижу, говорилъ патріархъ, поруганіе св. вѣрѣ, вижу разореніе св. церквей, слышу въ кремлѣ пѣніе латинское, и не могу терпѣть". Послѣ этаго его посадили подъ стражу и лишили всякихъ средствъ сноситься съ народомъ.

Возстаніе городовъ не удалось; послѣ смерти земскаго вождя *Прокопія Ляпунова*, убитаго козаками, ополченія разошлись и бѣдствія земли еще болѣе увеличились. Москва оставалась въ рукахъ Поляковъ; Псковъ призналъ третьяго самозванца, какого-то дьякона *Неустроя;* нѣкоторыя области признали царемъ сына Марины; Новгородъ былъ въ осадѣ у Шведовъ, которые хотѣли возвести на русскій престолъ одного изъ своихъ королевичей, дѣтей короля Карла IX. Городъ былъ взятъ при геройскомъ сопротивленіи жителей, которыхъ до конца одушевлялъ м. *Исидоръ*, лично присутствовавшій на стѣнахъ и служившій молебствія для воиновъ. Софійскій протопопъ *Аммосъ* засѣлъ съ нѣсколькими горожанами на своемъ дворѣ, долго отбивался отъ враговъ, вторг-

нувшихся уже въ городъ, и погибъ въ пламени своего жилища. На сѣверѣ Соловецкій монастырь выдерживалъ неоднократныя осады отъ Шведовъ во все время смутъ до окончательнаго заключенія мира съ Швеціей. Наконецъ, когда почти всѣ области были опустошены врагами и козаками и бѣдствія земли достигли крайней степени, снова раздался сильный голосъ, призывавшій всѣхъ къ любви, совѣту и единенію, и поднялъ противъ враговъ второе земское ополченіе. Этотъ голосъ вышелъ изъ Сергіевой лавры.

Троицкія грамоты и очищеніе земли. Въ теченіе смутнаго времени лавра пожертвовала государству до 65,000 рублей, множество сосудовъ и утвари. Въ послѣдніе дни правленія Шуйскаго архимандритомъ ея сдѣлался *св. Діонисій*. Кроткій и уступчивый въ своихъ личныхъ дѣлахъ, онъ выказывалъ необычайную твердость, когда дѣло шло о благѣ общемъ. На площади, среди буйной толпы, онъ былъ всегда подлѣ Гермогена и увѣщевалъ народъ, не смотря на оскорбленія со всѣхъ сторонъ. Когда Москва была разворена и козаки свирѣпствовали по всѣмъ ея окрестностямъ, толпы нищихъ, изломанныхъ, обожженныхъ и истерзанныхъ крестьянъ со всѣхъ сторонъ стекались въ лавру и пользовались ея помощью. Весь монастырь обратился въ богадѣльню; по монастырскимъ селамъ строили дома для пріюта бездомныхъ бѣглецовъ; по окрестностямъ собирали трупы погибшихъ людей и хоронили ихъ на монастырскій счетъ. Въ тоже время въ келліи архимандрита сидѣли писцы борзые и писали грамоты въ города, призывая всѣхъ къ очищенію земли. Грамоты эти повсюду возбуждали сильное религіозное одушевленіе. Въ Нижнемъ и во Владимірѣ благочестивые люди видѣли видѣнія, возбуждавшія народъ къ покаянію; во всѣхъ городахъ установили трехдневный постъ, даже для грудныхъ младенцевъ. Русская земля, какъ Ниневія, каялась и нравственнымъ очищеніемъ своимъ подготовляла свое внѣшнее очищеніе отъ враговъ и смутъ. Въ октябрѣ 1611 г. одна троицкая грамота пришла въ Нижній и произвела здѣсь сильное впечатлѣніе. Самъ пр. Сергій явился во снѣ земскому старостѣ *Козьмѣ Минину* и повелѣлъ будить спящихъ.

По голосу Минина возстали Нижегородцы, съ Нижегородцами возстала вся земля и составилось второе великое ополченіе подъ начальствомъ кн. *Пожарскаго*. И. Гермогенъ изъ своей темницы въ послѣдній разъ благословилъ земскія рати и вскорѣ скончался, какъ разсказываютъ, замореный

голодомъ. По совѣту всякихъ чиновъ людей главою церкви сдѣланъ былъ казанскій митрополитъ *Ефремъ* (впрочемъ безъ патріаршаго сана). Троицкая лавра раздала ратнымъ людямъ свои послѣднія сокровища и напутствовала ополченіе благословеніемъ своихъ святынь. Келарь Аврамій неотлучно находился при войскѣ и своими увѣщательными рѣчами дѣйствовалъ на него не менѣе Пожарскаго и Минина. Въ рѣшительную минуту подъ Москвою онъ убѣдилъ содѣйствовать земскому ополченію и козаковъ. Когда пропившіеся козаки отказались отъ битвы, жалуясь на нищету, и требовали денегъ, лавра послала въ ихъ таборъ ризы, стихари, саженные жемчугомъ, и другія церковныя сокровища. Даже козакамъ стало совѣстно взять эту послѣднюю жертву и они обѣщали даромъ участвовать въ битвахъ. Но за то множество другихъ козаковъ разъѣзжали по областямъ и раззоряли ихъ хуже литовскихъ людей. Одинъ отрядъ ихъ напалъ на Вологду, опустошилъ ее, паругался надъ святынями, избилъ множество людей въ городѣ и окрестностяхъ и между прочимъ преп. *Галактіона*, уважаемаго отшельника; архіепископа *Сильвестра* отпустили чуть живаго отъ мученій. 27 ноября 1612 г. Москва была наконецъ освобождена, а 21 февраля 1613 г. земскій соборъ избралъ на царство *Михаила Ѳеодоровича Романова*. Смутное время кончилось. Но понятно, что послѣ такого сильнаго потрясенія, разшатавшаго всѣ гражданскія и нравственныя основы общества, слѣдствія долговременной безурядицы еще долго отзывались въ русской жизни. По воцареніи Михаила шайки бродягъ, козаковъ и Литовцевъ ходили по всѣмъ областямъ государства, производя страшныя раззоренія и убійства. Въ монастыряхъ монахи гибли человѣкъ по 20—60 разъ. Церковныя сокровища, ризы на иконахъ, жемчугъ, драгоцѣнные камни, книги — все расхищалось невозвратно. Церковный порядокъ пришелъ въ разстройство. Религіозная жизнь ослабѣла, особенно въ высшихъ классахъ, отъ наплыва иноземныхъ католическихъ и протестантскихъ вліяній. А между тѣмъ по смерти Гермогена церковь оставалась вдовствующею безъ патріарха; (лжепатріархъ Игнатій еще до воцаренія Михаила бѣжалъ въ Польшу); послѣ Ефрема казанскаго временно управлялъ ею митрополитъ крутицкій *Іона*, человѣкъ неспособный къ этому дѣлу какъ по своему недальнему образованію, такъ и по недостатку твердаго характера.

Борьба съ католичествомъ и протестантствомъ въ первые годы царствованія Михаила. Между тѣмъ Польша и ie-

зуиты все еще не оставили своихъ притязаній на Россію. Въ 1617 г., отправляя королевича Владислава на Москву, арцыбискупъ примасъ говорилъ ему напутственную рѣчь, въ которой цѣлью войны прямо поставлялъ обращеніе жестоковыйнаго русскаго народа къ католичеству. И самъ Владиславъ, отвѣчая на эту рѣчь, сказалъ, что онъ прежде всего будетъ имѣть въ виду славу Божію и католическую вѣру. Доблестный святитель Филаретъ изъ своего польскаго плѣна увѣщевалъ своего сына царя твердо стоять противъ Владислава и не уступать Полякамъ ради своего родителя ни одной пяди русской земли. Въ 1618 г. Троицкая лавра еще разъ укрѣпилась противъ приближавшихся непріятелей, но на этотъ разъ у подножія Сергіева гроба Поляки должны были отказаться отъ своего предпріятія завладѣть Россіей. Въ 3 верстахъ отъ Лавры въ с. *Деулинѣ* заключено было перемиріе, утвержденное потомъ (1634 г.) вѣчнымъ Поляновскимъ миромъ. Въ Деулинѣ произведенъ былъ размѣнъ плѣнниковъ, и теперь только воротились въ Россію смоленскій воевода Шеинъ, архіепископъ Сергій и, къ великой радости царя, м. Филаретъ. Другіе страдальцы,—Шуйскій и Голицынъ, умерли въ плѣну. Бѣдствія, какія потерпѣла Россія отъ латинянъ, произвели въ ней такую же нетерпимость къ католичеству, какая въ Малороссіи и Бѣлоруссіи развилась подъ игомъ уніи; католикамъ наприм. вовсе не дозволялось строить церквей ни въ Москвѣ, ни въ городахъ.

Другая серьезная опасность грозила Россіи и церкви со стороны Швеціи и протестантства. Преемникъ Карла IX *Густавъ Адольфъ*, потерявъ надежду на московскій престолъ, рѣшился по крайней мѣрѣ удержать за собою Новгородъ. Но Новгородцы недолго терпѣли надъ собою владычество Шведовъ; по убѣжденію м. Исидора и при содѣйствіи хутынскаго архимандрита *Кипріана* они поспѣшили опять перейти въ московское подданство. Шведы много мучили за это Кипріана, били его до полусмерти и морили холодомъ и голодомъ. По *Столбовскому* миру съ Швеціей Москва удержала за собою Новгородъ (1617 г.), но должна была уступить Швеціи Ингрію и Корелію. Православіе значительно пострадало въ этихъ областяхъ еще въ смутное время; безпрестанно двигавшіяся по нимъ шведскія войска разоряли города, церкви и монастыри. Въ 1611 г. Шведы взяли главный городъ края, Кекгсгольмъ, и изъ 3,000 русскихъ жителей оставили въ живыхъ всего до 100 человѣкъ. Древнія обители, Коневская и

Валаамская, были разрушены и оставались въ развалинахъ во все время шведскаго владычества до XVIII в.; иноки ихъ спасли только мощи преп. Сергія и Германа, а сами розошлись по разнымъ монастырямъ. Послѣ Столбовскаго мира прекратилось существованіе корельской епархіи; православные жители уступленныхъ Швеціи мѣстностей подчинены были наблюденію новгородскихъ владыкъ. Шведское правительство оказывало довольно терпимости въ отношеніи къ православнымъ, но, разумѣется, не могло не заботиться и о распространеніи между ними протестантства. Густавъ Адольфъ завелъ въ Стокгольмѣ типографію для печатанія лютеранскихъ духовныхъ книгъ на русскомъ и корельскомъ языкахъ, назначилъ награды для русскихъ, изучившихъ Лютеровъ катихизисъ, и для шведскихъ пасторовъ, которые будутъ говорить на русскомъ языкѣ проповѣди. Цѣлыя тысячи православныхъ обращались въ протестантство, особенно въ Ингріи. Несмотря на терпимость шведскаго правительства, православнымъ все-таки не сладко было жить въ иновѣрномъ государствѣ; въ Россію являлось множество перебѣжчиковъ, особенно изъ корельскаго края.

Вслѣдствіе постояннаго наплыва иностранцевъ въ смутное время протестантство очень усилилось въ самой Россіи. Въ первые годы царствованія Михаила кирхи были не только въ Москвѣ (даже въ Бѣломъ городѣ и самомъ кремлѣ, построенныя при Годуновѣ и самозванцѣ), но и въ городахъ Тулѣ, Казани, Бѣлгородѣ. Англійскіе и голландскіе реформаты имѣли въ Москвѣ молитвенные домы. Многіе православные изъ высшихъ классовъ, имѣвшіе постоянныя сношенія съ иноземцами, усвоили ихъ обычаи, а вмѣстѣ съ обычаями, по извѣстному намъ смѣшенію внѣшнихъ формъ жизни съ религіею, и чужеземныя убѣжденія. По свидѣтельству Маржерета, въ смутное время многіе русскіе, усвоивъ себѣ лютеранскія вѣрованія, явно смѣялись надъ православными постами и обрядами. Въ переговорахъ съ Поляками кн. Голицынъ говорилъ, что русскимъ никакъ нельзя служить съ королевскими людьми вмѣстѣ ради прелести,—послужатъ одинъ годъ и половина изъ нихъ уйдетъ къ королю.

Церковное управленіе. Въ такомъ положеніи была церковь, когда въ 1619 г. воротился изъ польскаго плѣна м. Филаретъ и былъ поставленъ въ патріархи посѣтившимъ тогда Москву патріархомъ іерусалимскимъ *Θеофаномъ*. Патріаршество Филарета было временемъ полнаго развитія патріаршей

власти, впрочемъ не столько вслѣдствіе увеличенія ея церковныхъ правъ и полномочій, сколько вслѣдствіе возвышенія ея государственнаго значенія. Общій іерархическій строй русской церкви и при первыхъ патріархахъ и при Филаретѣ оставался тотъ же, какой былъ при митрополитахъ. При учрежденіи патріаршества, какъ мы видѣли, потребовалось только увеличить число архіерейскихъ каѳедръ и сдѣлать нѣкоторыя изъ нихъ выше степенями. Всѣ іерархи оставались въ такомъ же подчиненіи патріарху, какъ прежде митрополиту, и попрежнему были равны между собою по власти, отличаясь одними только *богослужебными преимуществами*. Митрополиты получили преимущества прежняго русскаго первосвятителя: бѣлый клобукъ, саккосъ вмѣсто архіерейской фелони и предносимый имъ крестъ въ предѣлахъ ихъ епархій. Патріархъ отличался отъ нихъ крестомъ или херувимами на клобукѣ, цвѣтной мантіей съ образами на скрижаляхъ, митрой съ крестомъ и предшествіемъ свѣчи и креста; во время служенія онъ облачался среди церкви, а всѣ другіе архіереи, сослужившіе съ нимъ, въ алтарѣ, одинъ только сидѣлъ на горнемъ мѣстѣ, причащалъ архіереевъ изъ своихъ рукъ.

Во время смутъ и междуцарствія, оставаясь главнымъ начальнымъ человѣкомъ въ землѣ, русскій первосвятитель снова пріобрѣлъ себѣ то высокое *государственное значеніе*, которое такъ сильно было подорвано при Грозномъ. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, когда во главѣ русской церкви стоялъ отецъ царя, власть и значеніе патріарха достигли небывалой прежде высоты и величія. Патріархъ получилъ царскій титулъ „великаго государя“ и наступило время полнаго двоевластія на Руси. Всѣ грамоты и распоряженія выходили отъ имени обоихъ великихъ государей; обоимъ дѣлались доклады; обоимъ представлялись иностранные послы. Въ смутное время ослабѣло преданіе самодержавной власти, которымъ руководились Рюриковичи; есть извѣстіе, что молодой Михаилъ былъ ограниченъ въ своей власти боярами и земскимъ соборомъ. Бывшій боярин временъ Грознаго, Филаретъ снова возстановилъ это преданіе Рюриковичей въ домѣ Романовыхъ и во время своего великаго государствованія поднялъ царскую власть на ея прежнюю высоту. При немъ не было никого сильныхъ людей, кромѣ самихъ вел. государей. — *Дворъ патріаршій* при Филаретѣ получилъ болѣе блестящій видъ, устроенъ былъ по образцу царскаго. Сильный отецъ царя завелъ у себя всѣ чины и должности широкаго дворцоваго обихода;

тутъ были: подклѣтники, свѣчники, чашники, скатертники, повара, хлѣбники, пивовары, истопники, конюхи, сторожа всякаго рода, иконописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, кузнецы, столяры, рѣзчики и проч., нѣвчіе дьяки трехъ станицъ, поддьяки, книгописцы, наконецъ лица должностныя, которымъ поручались разныя дѣла патріаршаго управленія и суда, бояре, окольничіе, думные, стольники, тіуны, стряпчіе, боярскіе дѣти, дворяне, десятильники, дьяки и подъячіе. При первыхъ патріархахъ вѣдомства этихъ должностныхъ лицъ не были разграничены; всякое дѣло дѣлалось тѣмъ, кому святѣйшій патріархъ укажетъ. Со временъ Филарета начинаютъ являться спеціальные *патріаршіе приказы* на подобіе царскихъ: 1) *судный* или *патріаршій разрядъ*, завѣдывавшій всей судебной частью и дѣлами о ставленникахъ; 2) приказъ *церковныхъ дѣлъ*, вѣдавшій дѣла по церковному благочинію; 3) *казенный*, вѣдавшій всякіе сборы съ вотчинъ, церквей и монастырей, наконецъ 4) *дворцовый*, завѣдывавшій всѣмъ хозяйствомъ патріаршаго дома. По двойному вѣдомству патріаршаго управленія,—епархіальному и центральному (для всей Россіи), и приказы его, исключая развѣ одинъ дворцовый, имѣли тоже двойственное вѣдомство,—для одной патріаршей епархіи и для всей Россіи. Въ каждомъ приказѣ сидѣлъ патріаршій бояринъ съ дьяками и подъячими и рѣшалъ дѣла съ доклада патріарху. По примѣру патріарха стали заводить у себя приказы и епархіальные архіереи.

Преемникъ Филарета *Іоасафъ* (1634—1640) по своимъ личнымъ качествамъ не могъ замѣнить для царя его отца. Это былъ старецъ очень почтенный, извѣстный благочестіемъ, ревностью къ церковнымъ обрядамъ, но вовсе не государственный человѣкъ. Правда, въ смутное время въ санѣ архимандрита онъ былъ правой рукою извѣстнаго Исидора новгородскаго, но потомъ, когда былъ поставленъ псковскимъ архіепископомъ и долженъ былъ дѣйствовать самостоятельно, онъ совсѣмъ запутался въ псковскихъ смутахъ и подпалъ даже на нѣкоторое время запрещенію отъ Филарета. Ставъ патріархомъ, смиренный святитель не пускался въ дѣла государственныя и занимался исключительно церковнымъ благочиніемъ. Хронографы говорятъ о немъ, что онъ былъ прежде дворовый сынъ боярскій, нравомъ добродѣтеленъ, но къ царю недерзновененъ. Титула великаго государя онъ уже не носилъ. Его призывали въ царскую думу, испрашивали у него благословенія во всѣхъ дѣлахъ, но это была только форма,

которой требовалъ старый обычай. Не носилъ титула в. государя и преемникъ Іоасафа *Іосифъ*, поставленный уже въ послѣднее время царствованія Михаила (1641 г.).

Государственное значеніе всей вообще іерархіи проявлялось въ томъ, что представители ея вмѣстѣ съ патріархомъ призывались къ разсужденіямъ по важнѣйшимъ дѣламъ въ царскую думу и на земскіе соборы, гдѣ они обыкновенно имѣли первое мѣсто и первый голосъ. Въ городахъ воеводы должны были въ важныхъ случаяхъ совѣтоваться съ архіереями. Духовенство по старому печаловалось о несчастныхъ, ходатайствовало о смягченіи наказаній виновныхъ. Притѣсняемые воеводой и приказными людьми обращались къ архіереямъ съ просьбами о заступленіи.

Церковный судъ. Судебное вѣдомство церкви относительно дѣлъ, подвѣдомыхъ церковному суду, оставалось въ прежнемъ видѣ. Относительно лицъ, подвѣдомыхъ церкви, сдѣлано нѣсколько новыхъ опредѣленій въ видахъ устраненія большой путаницы въ судѣ, происходившей отъ разнообразныхъ несудимыхъ грамотъ. Патріаршая область была привиллегированнѣе всѣхъ другихъ епархій. На основаніи несудимыхъ грамотъ Грознаго и Годунова всѣ духовные и мірскіе люди этой области подчинены были одному суду патріарха какъ по искамъ между собою, такъ и по искамъ на нихъ посторонніхъ лицъ, а сами искали на посторонніхъ въ одномъ приказѣ Большаго Дворца. Но эти опредѣленія далеко не осуществлялись на дѣлѣ; съ одной стороны бояре и другіе мірскіе судьи постоянно вторгались въ суды патріарха, а съ другой разные сильные монастыри до сихъ поръ еще пользовались несудимыми грамотами, на основаніи которыхъ, помимо патріарха, прямо подчинялись суду царя и приказа Большаго Дворца. Въ 1625 г. Филаретъ испросилъ у царя новую жалованную грамоту, по которой всѣ духовныя лица его епархіи подчинены были во всѣхъ искахъ на нихъ, кромѣ уголовныхъ дѣлъ, суду одного патріарха, а сами должны были искать на посторонніхъ въ тѣхъ приказахъ, гдѣ вѣдомы отвѣтчики, тамъ же отвѣчать въ случаѣ встрѣчнаго иска; всѣ патріаршіе служилые люди и крестьяне, церкви, монастыри и земли патріаршей области подчинены одному приказу Большаго Дворца. Несудимыя грамоты Троицкаго, Вознесенскаго, Новодѣвичьяго и др. монастырей были уничтожены. Всѣмъ этимъ вносилось нѣкоторое единство въ общее управленіе патріаршей епархіи. Но въ отдѣльныхъ частяхъ ея управленія было все-таки мно-

го разнообразія вслѣдствіе несудимыхъ грамотъ, которыя раздавались монастырямъ уже самимъ патріархомъ. Одними монастырями патріархъ завѣдывалъ самъ; другими чрезъ бояръ, намѣстниковъ и десятильниковъ; третьи пользовались самосудомъ.

Нѣкоторые архіереи (вологодскій, новгородскій) также выпросили себѣ грамоты, подобныя патріаршей. Но вообще говоря, по епархіямъ было чрезвычайное разнообразіе въ судебномъ вѣдомствѣ. Общимъ правиломъ было только то, чтобы всѣ подчинялись суду своего архіерея по духовнымъ дѣламъ. По гражданскимъ дѣламъ одни церкви и монастыри въ епархіяхъ тянули къ патріарху или къ приказу Большаго Дворца, и притомъ или по всѣмъ дѣламъ или только по нѣкоторымъ; другіе судились своими настоятелями, а настоятели судились въ приказѣ Б. Дворца или у патріарха; третьи тянули къ суду чужихъ епархіальныхъ архіереевъ по праву патропата; четвертые были приписаны къ привиллегированнымъ монастырямъ, иногда тоже находящимся въ чужихъ епархіяхъ; пятые подчинялись мѣстнымъ гражданскимъ властямъ и т. д. Сами архіереи въ однихъ монастыряхъ и церквахъ производили судъ лично, въ другихъ чрезъ обычныхъ своихъ чиновниковъ, третьимъ давали право самосуда, кромѣ того назначали для суда извѣстные сроки. Такое же разнообразіе было въ судѣ надъ вотчинами церквей и монастырей. Даже у одного и того же монастыря однѣ вотчины имѣли болѣе, другія менѣе привиллегій, однѣ судились въ одномъ, другія въ другомъ мѣстѣ, въ третьихъ судъ производилъ самъ настоятель, въ четвертыя посылались посельскіе и приказщики съ разнообразными полномочіями, напр. судить или по всѣмъ искамъ или только до извѣстной суммы (напр. иски до 5 рубл.) и т. п.—Отправленіе правосудія чрезвычайно затруднялось такимъ разнообразіемъ привиллегій особенно для посторонннихъ лицъ въ тяжбахъ съ церковными людьми. Со всѣхъ сторонъ шли жалобы на трудность судиться съ церковными учрежденіями и лицами, а эти учрежденія и лица съ своей стороны жаловались на нарушенія ихъ привиллегій. Правительство постоянно стремилось установить однообразіе суда для всѣхъ, и привиллегированныхъ и непривиллегированныхъ членовъ государства, но рѣшительнаго шага къ этому не дѣлало до второй половины XVII в., до Уложенія царя Алексѣя.

Другимъ предметомъ жалобъ земства и затрудненій для правительства были *церковныя вотчины*, которыя все еще продолжали увеличиваться, несмотря на распоряженія, полагавшія предѣлъ ихъ возрастанію. Тяглые люди жаловались, что монастыри завладѣвали тяглыми землями, угодьями и промыслами, а тягла съ этихъ земель, угодій и промысловъ на основаніи своихъ привиллегій ничего не платили и весь платежъ поэтому падалъ на нихъ—тяглыхъ людей. Служилые люди жаловались, что монастыри смапиваютъ къ себѣ ихъ крестьянъ и отъ того ихъ помѣстья пустѣютъ и служить имъ государевой службы становится не съ чего. Всѣ эти жалобы послужили потомъ матеріалами для разныхъ ограничительныхъ распоряженій о монастырскихъ вотчинахъ и привиллегіяхъ въ послѣдующее царствованіе.

Состояніе духовенства. Послѣ потрясеній смутнаго времени *монашество* продолжало быстро распространяться, такъ что за первую половину XVII в. насчитываемъ до 100 новыхъ обителей; по вслѣдствіе уже самаго умноженія обителей въ такомъ большомъ числѣ должна была слабѣть сила ихъ внутренней жизни. Оказывалось, что многіе монастыри возникали единственно по личному благочестію ихъ основателей безъ особенной нужды въ нихъ и были очень малолюдны (2—3 монаха); ихъ цѣлыми десятками приписывали къ большимъ монастырямъ и архіерейскимъ каоедрамъ. Для поддержанія монастырской нравственности посылались въ монастыри царскія и святительскія грамоты съ обличеніемъ монастырскихъ нестроеній; изъ нихъ узнаемъ, что даже въ знаменитыхъ монастыряхъ (Соловецкомъ, Троицкомъ и др.)многія статьи пришли въ разстройство; дурные монахи, завладѣвъ всѣмъ монастыремъ, не слушались ни игумена, ни устава, творили, что хотѣли, келарей и казначеевъ нарочно выбирали потаковниковъ, а добрыхъ старцевъ затирали и не выбирали ни въ какія должности, опасаясь отъ нихъ помѣхи для своей безпорядочной жизни.—*Бѣлое духовенство* по прежнему получало мѣста по выбору прихожанъ и по прежнему зависѣло отъ послѣднихъ въ средствахъ своего существованія. Встрѣчаемъ жалобы на то, что прихожане по произволу уменьшали и даже вовсе прекращали ругу своему духовенству. Царская руга шла очень немногимъ церквамъ, и то въ самыхъ малыхъ размѣрахъ. Одинъ ружный священникъ писалъ въ своей челобитной къ Лжедимитрію 1, что у него „заводцу никакого нѣтъ, ни хлѣбца, ни клячки“,—взять негдѣ, а ку-

пить печѣмъ, „и нищенски просилъ дать ему что нибудь на хлѣбецъ и на клячку; на это челобитье послѣдовала милостивая резолюція нопольски: Latawsky, dai temu popowi 2 rub“.. При общей переписи государства (1622 г.) правительство велѣло отводить церквамъ земли (10—20 четей въ полѣ); но это распоряженіе было приведено въ исполненіе только для очень немногихъ церквей. А между тѣмъ сборы съ духовенства увеличились въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. Во время польской войны при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ оно платило, такъ называемыя, добровольныя пожертвованія и доставляло запасы на войско, даже съ церковныхъ земель. Сборы въ архіерейскую и патріаршую казну увеличились вслѣдствіе того, что со введеніемъ патріаршества для іерархіи потребовалось больше благолѣпія и больше расходовъ. Не уменьшились для духовенства и поборы архіерейскихъ чиновниковъ. Не смотря на умноженіе выборныхъ поповскихъ старостъ, приказныя мірскія власти все еще преобладали въ епархіальной администраціи. И. Іоасафъ, не довѣряя выборнымъ старостамъ, и надъ ними поставилъ свѣтскаго тіуна. Вслѣдствіе размноженія и бѣдности духовенства умножилось число бродячихъ и крестцовыхъ поповъ. Одинъ тіунъ доносилъ п. Іову, что эти попы, становясь на крестцахъ, ругались, дрались между собою въ кулачки и дѣлали большой соблазнъ въ народѣ. Патріархъ распорядился, чтобы они стояли не на улицѣ, а въ поповской избѣ, и велѣлъ досматривать у нихъ грамоты.

Распространеніе христіанства. Дѣло просвѣщенія инородцевъ въ смутное время потерпѣло большую задержку по причинѣ инородческихъ волненій восточнаго края. Послѣ прекращенія смутъ въ казанскомъ краѣ снова открылась усиленная русская колонизація. Среди черемисскихъ селеній возникли новые монастыри—*Раифскій, Седміозерный* и особенно важный въ исторіи христіанской миссіи *Спасопреображенскій*. Были не рѣдки примѣры крещенія *Мордвы*. Въ воронежскомъ и тамбовскомъ краѣ также устраивались монастыри, имѣвшіе благодѣтельное вліяніе на просвѣщеніе окрестныхъ инородцевъ. На сѣверовостокѣ съ учрежденіемъ верхотурскаго воеводства (1584 г.) успѣшнѣе пошло обращеніе *Остяковъ, Вогуловъ и Вотяковъ*. Около новыхъ русскихъ острожковъ возникали села съ храмами и даже монастыри. При Михаилѣ Ѳеодоровичѣ обращенію инородцевъ усердно содѣйствовало правительство; оно давало крестившимся льготы, запрещало воеводамъ притѣснять ихъ, заботилось о построеніи въ инородческихъ се-

лахъ церквей и снабженіи ихъ книгами и утварью, въ тоже время разными льготами поощряло русскую колонизацію среди инородцевъ.—Въ *Сибири* казацкія дружины дошли до самаго *Амура*, вездѣ ставя свои острожки и увлекая за собою осѣдлыхъ русскихъ колонистовъ. По неизмѣримымъ пустынямъ возникали русскіе города и селенія съ храмами и монастырями. Въ 1605—1606 г. явились монастыри: березовскій *Воскресенскій*, тобольскій *Знаменскій*, верхотурскій *Никольскій*, въ 1615 тюменскій *Преображенскій*.

Для большихъ успѣховъ христіанства открыты двѣ *новыя епархіи*,—одна еще при Гермогенѣ въ Астрахани, другая въ 1620 г. для Сибири въ Тобольскѣ. Первымъ архіепископомъ въ Сибирь назначенъ былъ хутынскій игуменъ Кипріанъ, уже извѣстный своими страданіями за вѣру и отечество въ смутное время. Ревностный архипастырь много заботился объ исправленіи дурной нравственности русскихъ поселенцевъ въ Сибири, трудился въ распространеніи христіанства между сибирскими дикарями и умножалъ въ своей епархіи церкви и монастыри. Имъ основаны новыя обители въ Невьянскѣ, Тагилѣ, Верхотурьи, Тарѣ, Томскѣ, Туринскѣ, Туруханскѣ и на р. Нейвѣ. Послѣ четырехлѣтняго управленія въ Сибири онъ переведенъ былъ (1625) на крутицкую епархію, а потомъ (1627) на новгородскую митрополію. Литературнымъ памятникомъ его пребыванія въ Сибири осталось его описаніе походовъ Ермака. Въ 1644 г. на р. Исети возникъ Успенскій монастырь, основанный постриженникомъ невьянскаго монастыря старцемъ *Долматомъ* и названный по его имени *Долматовскимъ*; слава монашескихъ подвиговъ Долмата привлекла къ его монастырю большое поселеніе. Монастырь этотъ потомъ сдѣлался центромъ христіанскаго просвѣщенія для огромнаго округа.

Русская церковь не оставляла своимъ попеченіемъ и отдаленнаго *Закавказья*, гдѣ Грузія, какъ мы видѣли, отдалась въ русское подданство. Но Русскимъ трудно было удержаться здѣсь при сомнительной вѣрности мѣстныхъ владѣльцевъ. Царь иверскій *Александръ* писалъ, что священники, посланные къ нему, ангелы для иверскаго духовенства, омраченнаго невѣжествомъ, и въ тоже время, стараясь помириться съ персидскимъ шахомъ, позволилъ своему сыну *Константину* принять магометанство. Шахъ Аббасъ скоро опять овладѣлъ Грузіей и въ 1617 г. разорилъ въ ней всѣ церкви. Въ 1619 г. царь *Теймуразъ*, владѣвшій Кахетіей, Карталиніей и Имеретіей, тоже предложилъ подданство Михаилу Ѳеодоровичу и просилъ пособій для Грузіи

какъ гражданскихъ, такъ и религіозныхъ. Просьба его была исполнена; Персія на время удержана была отъ войны мирными переговорами. Вскорѣ (въ 1626 г.) шахъ прислалъ п. Филарету въ даръ *ризу Господню*, которая досталась Персамъ изъ Грузіи, какъ военная добыча; патріархъ установилъ въ честь ея ежегодный праздникъ. Но потомъ Персіяне отняли у Теймураза всѣ его владѣнія, кромѣ Кахетіи, и стали истреблять въ нихъ православную вѣру. Въ 1637 г. изъ Россіи съ посольствомъ къ Теймуразу для возстановленія и исправленія православія отправились архимандритъ, два священника, дьяконъ и два иконописца.

Борьба церкви съ религіозными нестроеніями. Въ новопросвѣщенныхъ областяхъ, особенно въ Сибири, церковь должна была упорно бороться съ разными религіозными нестроеніями. Изъ посланій царя и п. Филарета къ Кипріану узнаемъ, что сибирскіе служилые люди и козаки подавали весьма дурной примѣръ инородцамъ, не исполняли церковныхъ обрядовъ, не слушались духовныхъ отцевъ и самого владыки, буйствовали, развратничали, за недостаткомъ женщинъ въ Сибири воровали и насиловали чужихъ женъ и дочерей, жили съ женщинами некрещеными, женились на сестрахъ, кумахъ, посягали даже на матерей и дочерей; вошло въ обычай брать женщинъ за долги въ закладъ до выкупа. Духовенство потакало прихожанамъ и вѣнчало всякіе незаконные браки. Въ борьбѣ съ этими нестроеніями Кипріанъ, по словамъ сибирскаго лѣтописца, „многую молву, мятежъ и тѣсноту терпѣлъ“. Сибирскія начальства, разпуздавшись вдали отъ верховной власти, не знали никакихъ сдержекъ; пастыри церкви относились къ нимъ съ трепетомъ. Это были настоящіе царьки, игравшіе въ своемъ захолустьѣ роль Грознаго; насиліе женъ, баснословные кутежи, побои и убійства были для нихъ пипочемъ. Мангазейскій воевода Кокоревъ завелъ у себя даже царскіе чины, ходилъ въ церковь съ огромной свитой и съ предшествіемъ меча; пойдетъ въ баню, и всѣ важные горожане вмѣстѣ съ духовенствомъ должны были являться передъ баней ударить ему челомъ.— Немногимъ впрочемъ лучше было и внутри Россіи. Старыя язвы, которыми болѣло русское общество въ XVI в., во время смутъ еще усилились. Непокореніе разныхъ безпорядковъ, нарушенія правилъ семейной нравственности, взяточничества и жестокостей начальствъ надъ подчиненными, наѣздовъ, грабежей, нарушенія церковныхъ уставовъ и т. п. оставили за п. Филаретомъ репутацію человѣка очень строгаго, опальчиваго и

властительнаго. Церковный судъ при немъ не стѣснялся ни передъ какими важными лицами. Въ народѣ патріархъ старался искоренять грубыя забавы, кулачные бои, пьянство и разныя суевѣрія. Бирячамъ было велѣно кликать по рядамъ, слободамъ, улицамъ и сотнямъ, чтобы съ кобылками никто не ходилъ, на игрища мірскіе люди не сходились, коледы, овсѣня и плуги не кликали. П. Іоасафъ тоже писалъ въ своей грамотѣ, что по праздникамъ православные люди затѣвали игры бѣсовскія съ скоморошьими потѣхами, предавались кулачнымъ боямъ до смертнаго убійства, всякія беззаконныя дѣла умножились, еллинскія блядословія, кощунства, непристойная брань и пр. Въ народныхъ суевѣріяхъ иногда попадалось и духовенство. При Филаретѣ засадили въ монастырскую тюрьму дьячка Семейку Григорьева за то, что онъ держалъ Рафли и гадальныя тетради. Въ Тобольскѣ попался съ чародѣйными кореньями и травами протопопъ. Вѣра въ колдовство была общая. Въ оффиціальныхъ грамотахъ и въ сказаніи А. Палицына успѣхи самозванца и Марины прямо приписываются чародѣйству. При царѣ Михаилѣ, когда съ его невѣстой *Маріей Хлоповой* сдѣлалась рвота отъ того, что она объѣлась во дворцѣ разными сластями, было оффиціально признано, что она испорчена отъ сопостатъ. Въ 1635 и 1639 г. встрѣчаемъ два любопытныхъ процесса о дворцовыхъ боярыняхъ и мастерицахъ, обвиненныхъ въ томъ, что онѣ ходили ворожить къ московскимъ вѣдунямъ и держали при себѣ вѣдовскія средства; послѣ строгихъ розысковъ и пытокъ виновныя были разосланы по отдаленнымъ городамъ. Во время одного московскаго пожара чуть не сожгли, какъ колдуна, одного живописца за то, что нашли у него черепъ и никакъ не могли себѣ объяснить, за чѣмъ онъ его держитъ. Однажды правительство запретило покупать въ Литвѣ хмель, потому что пограничные воеводы писали въ Москву, будто въ Литвѣ на хмель нагоноваривается одна баба-вѣдунья.

Книжныя исправленія Діонисія троицкаго. Особенное вниманіе церковной власти обращали на себя нестроенія обрядовыя. При п. Іовѣ и Гермогенѣ было напечатано нѣсколько богослужебныхъ книгъ, которыя предварительно были исправлены; но по невѣжеству справщиковъ ошибки въ нихъ не только не уменьшились, но еще умножились. Въ московское разореніе изданіе книгъ прекратилось, самый печатный дворъ сгорѣлъ. Послѣ возобновленія его при Михаилѣ правительство приступило къ новымъ изданіямъ и исправленіямъ книгъ. Ис-

правленія эти царь поручилъ св. *Діонисію* троицкому, старцу того же троицкаго монастыря *Арсенію Глухому* и священнику подмонастырской Клементьевой слободы *Ивану Наседкѣ*, получившему образованіе въ Троицкой лаврѣ, человѣку ловкому, хитрому и большому говоруну. Прежде всего справщики исправили Требникъ болѣе, чѣмъ по 20, въ томъ числѣ 5 греческимъ спискамъ. Ошибокъ нашли много; въ водосвятной молитвѣ на Богоявленіе выпустили слово: „и огнемъ", которое было прибавлено къ словамъ: „освяти воду сію Духомъ Твоимъ святымъ"; исправили концы молитвъ, опустивъ въ славословіяхъ призываніе того лица Троицы, къ которому обращена молитва; нашли даже ереси, наприм. въ требникахъ и служебникахъ говорилось, что „Отецъ съ Сыномъ воплотися". Чрезъ полтора года они представили исправленный Требникъ правителю церкви м. Іонѣ, и тутъ же попались за свои исправленія подъ судъ. М. Іона былъ сердитъ на нихъ, потому что все дѣло ихъ шло за его глазами, въ Троицкомъ монастырѣ, да и начато было царемъ безъ предварительнаго совѣщанія съ нимъ; противъ справщиковъ было московское духовенство, обиженное тѣмъ, что царь предпочелъ ему Діонисія съ братіею; троицкіе монахи съ своей стороны рады были посодѣйствовать осужденію своего настоятеля, которымъ были недовольны за его ревность по монастырскомъ уставѣ.

Особенно много повредили Діонисію недовольные имъ головщикъ *Логгинъ* и уставщикъ *Филаретъ*. Первый былъ голосистый чтецъ и пѣвецъ; на одинъ стихъ сочинялъ распѣвовъ по 5, по 6, по 10, не обращая вниманія на смыслъ, на то, что наприм. вмѣсто „сѣмени его" выходило „сѣмени его", Діонисій со всею своею ласковостію указывалъ ему на его ошибки, но надменный головщикъ, избалованный общимъ удивленіемъ его голосу и искуству, только раздражался этими замѣчаніями. Логгинъ самъ былъ нѣкогда справщикомъ, считалъ себя знатокомъ въ богослужебномъ чинѣ, на Діонисія, какъ монаха молодаго сравнительно съ нимъ, смотрѣлъ очень презрительно, ученость его, хитрость грамматичную и философство книжное, какъ невѣжда, ставилъ ни во что. „Погибли отъ васъ дураковъ мѣста святыя, сказалъ онъ однажды архимандриту. Много васъ всядѣ наставлено". Діонисій заставлялъ читать въ церкви поученія св. отцевъ, часто самъ читалъ ихъ и любилъ пѣть на клиросѣ. По мнѣнію Логгина во всемъ этомъ онъ вступался не въ свое дѣло: „зналъ бы ты, говорилъ онъ, одно, чтобы съ мотовиломъ своимъ на клиросѣ болваномъ стоять".

Однажды во время чтенія поученія Логгинъ выхватилъ у Діонисія книгу и уронилъ палой. Діонисій только перекрестился и молча пошелъ на клиросъ. Логгинъ началъ еще плевать и кричать на него, потомъ взялъ у него посохъ, изломалъ и бросилъ ему въ лицо. Сойдя съ мѣста, Діонисій всю заутреню пролакалъ предъ иконой Богородицы. Однаково не любилъ архимандрита другъ Логгина Филаретъ, украшенный сѣдинами добрыми, живший у Троицы больше 50 лѣтъ, бывшій 40 лѣтъ уставщикомъ и тоже, какъ Логгинъ, превозносившійся своей обрядовой опытностью. По своему невѣжеству онъ даже впалъ въ ереси, думалъ, что Сынъ отъ Отца не прежде вѣкъ родился, Божество представлялъ себѣ человѣкообразнымъ. Напрасно Діонисій увѣщавалъ обоихъ друзей, чтобы они не доводили его до доноса на нихъ. Они сами предупредили архимандрита и донесли на него, что онъ уничтожилъ въ молитвахъ Троицу и „Духа Св. не исповѣдуетъ, яко огнь есть“.

Въ іюлѣ 1618 г. справщики были осуждены на соборѣ. Не слушая оправданій Діонисія, судьи просили у него посула, иначе грозили Соловками и Сибирью. „Денегъ у меня нѣтъ, говорилъ Діонисій, да и дать не за что. Плохо черпецу, когда его разстричь велятъ, а достричь—то ему вѣнецъ и радость. Сибирью и Соловками грозите мнѣ, но я этому и радъ, то мнѣ и жизнь“. Его отлучили отъ церкви и засадили въ Новоспасскій монастырь; здѣсь томили его въ дыму на полатяхъ, били, морили голодомъ, заставляли класть по 1000 поклоновъ на день. Въ праздники его таскали къ митрополиту на смиреніе въ цѣпяхъ и въ рубищѣ. М. Іона послѣ обѣдни сядетъ со властями за столъ, а Діонисій до вечера стоитъ на лѣтнемъ зноѣ на дворѣ среди ругательствъ, пинковъ и тычковъ черни, сбѣгавшейся посмотрѣть на еретика, который хочетъ выводить огонь изъ міра. Сотрудникъ Діонисія Насѣдка какъ-то увернулся отъ заточенія, вѣроятно, приписавъ все дѣло исправленій своимъ товарищамъ. Арсеній Глухой въ посланіи къ боярину Салтыкову писалъ объ немъ, что онъ лукавый, „у дѣла бывъ большой, насъ въ бѣду ввелъ, а самъ вывернулся, какъ лукавая лисица, козла бѣднаго великобородаго, заведши въ пропасть, сама по немъ же выскочила“. Арсеній томился въ цѣпяхъ на кирилловскомъ подворьѣ. Онъ не могъ молчать, какъ Діонисій, и излилъ свою горечь въ посланіяхъ къ Салтыкову и любимцу Іоны протопопу *Ивану Лукьянову*. Указывая на множество ошибокъ въ книгахъ, онъ горячо обличалъ невѣжество тогдашнихъ представителей духовенства,

честныхъ протопоповъ и властей, которые ничего не понимали въ книгахъ, да и о благочестіи воистину не болѣли. Они, писалъ Арсеній, не знаютъ „ни православія, ни кривославія, божественныя писанія по чернилу проходятъ, разума же въ нихъ не чудятся свѣдѣти... Есть иные и таковы, которые на насъ ересь взвели, а сами едва и азбуку знаютъ, а что восемь частей слова разумѣть, роды, числа, времена и лица, званія и залоги, то имъ и на разумъ не всхаживало, священная философія и въ рукахъ не бывала“ и проч.

Чрезъ годъ п. Осодфанъ, поставивъ на патріаршество Филарета, засвидѣтельствовалъ передъ нимъ невинность Діонисія. Не смотря на это свидѣтельство, полное оправданіе справщики получили уже послѣ присылки грамотъ отъ всѣхъ вселенскихъ патріарховъ, которые единогласно утвердили, что слово „и огнемъ“ въ водосвятной молитвѣ дѣйствительно лишнее. Насѣдка и теперь выигралъ больше всѣхъ товарищей, написавъ къ Филарету льстивое посланіе о своихъ заслугахъ, въ которомъ почти дословно повторилъ отзывы Арсенія о невѣжествѣ московскаго духовенства и тонко далъ знать о своемъ собственномъ превосходствѣ въ образованіи; онъ сдѣланъ былъ протопопомъ—ключаремъ Успенскаго собора и пріобрѣлъ репутацію ученѣйшаго мужа. Еще до присылки патріаршаго рѣшенія о словѣ „и огнемъ“ одинъ монахъ *Антоній Подольскій* написалъ сочиненіе „О огни просвѣтительномъ“, гдѣ защищалъ прибавку „и огнемъ“ и уличалъ справщиковъ въ ереси. Онъ, какъ и Насѣдка, славился знаніемъ грамматики и діалектики, что однако не мѣшало ему доказывать разныя нелѣпости, наприм. что Богъ по существу огнь есть, что св. Духъ въ таинствахъ отдѣляетъ огнь просвѣтительный отъ своего существа, что этотъ же огнь освящаетъ и богоявленскую воду. Насѣдка горячо напалъ на него въ двухъ сочиненіяхъ (одно въ 35, другое въ 40 главахъ), въ которыхъ не щадилъ ни діалектики, ни бранныхъ словъ. Въ 1625 г. патріархъ велѣлъ вычеркнуть спорное слово изъ всѣхъ Требниковъ. Но и послѣ этого еще остался обрядъ погруженія въ освященную воду зажженныхъ свѣчъ, вошедшій въ практику вѣроятно въ одно время съ прибавкою „и огнемъ“.

Книжныя исправленія при Филаретѣ и Іоасафѣ. Дѣло Діонисія заставило патріарха быть осторожнѣе въ изданіи книгъ. При печатномъ дворѣ поставлены имъ для исправленій лица болѣе или менѣе образованныя, Арсеній Глухой, Иванъ Насѣдка, богоявленскій игуменъ *Илія*, немного знавшій

греческій языкъ, и другіе. Неисправныя книги велѣно жечь; такъ въ 1633 г. сожженъ уставъ, изданный при Гермогенѣ, причемъ сдѣланъ былъ достойный отзывъ объ издателѣ его: „тѣ уставы печаталъ воръ, бражникъ клирошанинъ Іоггинъ безъ благословенія патріарха“. Но и новыя исправленія были съ неменьшими погрѣшностями противъ прежнихъ, потому что справщики, частію по незнанію греческаго языка, частію по общему тогда подозрѣнію относительно православія греческихъ книгъ, исправляли книги только по славянскимъ спискамъ. Какъ относилась къ книгамъ тогдашняя цензура, видно изъ замѣтокъ игум. Иліи на учительное Евангеліе Транквилліона, которое ему было поручено разсмотрѣть въ рукописи для печати. Сличивъ эту, болѣе другихъ тогда исправную, книгу съ недавно напечатаннымъ Евангеліемъ и не заглянувъ ни въ греческіе, ни въ древніе славянскіе списки Евангелія, Илія писалъ, что этой книгѣ ни въ одной церкви быть не можно. Книга была сожжена. Въ такомъ же родѣ и такого же достоинства были книжныя исправленія при п. Іоасафѣ, при которомъ издано было до 20 богослужебныхъ и учебныхъ книгъ. Преемнику его Іосифу изъ всего круга богослужебныхъ книгъ пришлось издать вновь одни Святцы (изд. 1642 г.) и осталось только спеціально заняться книжными исправленіями; послѣднія мы увидимъ еще въ слѣдующее царствованіе. Изъ учительныхъ книгъ при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ п. Іосифъ издалъ знаменитую Кириллову книгу (1644 г.), которая одна показываетъ, въ какомъ духѣ должны были начаться новыя исправленія и изданія; внесенное въ нее слово Кирилла объ антихристѣ и возведеніе въ догматъ двоеперстія сдѣлали ее послѣ любимою книгою раскола.—Кромѣ исправленія книгъ патріаршество Іоасафа ознаменовалось распоряженіями о церковномъ благочиніи. При немъ издано было распоряженіе о степеняхъ іерарховъ при богослуженіи по старшинству епархій и градовъ, кому гдѣ въ Успенской церкви имѣть стояніе изъ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, соблюдавшееся до 1667 года. Встрѣчаемъ еще распоряженіе о благочиніи при богослуженіи, которое выразительно показываетъ, какъ слабо оказывалось обрядовое благочестіе безъ духа и жизни къ поддержанію самыхъ обрядовъ. Іоасафъ жаловался, что даже въ Москвѣ по церквамъ чинится мятежъ и соблазнъ, служба совершается наскоро, голосовъ въ 5, 6 и больше; люди и сами священнослужители стоятъ въ церкви безъ вниманія, разговариваютъ и смѣются; поповы и мірскихъ людей

дѣти шумятъ въ алтарѣ; по церкви во время пѣнія ходятъ шишки, человѣкъ по 10 и больше, бранятся и дерутся, другіе съ блюдьями и свѣчами собираютъ на церковное строеніе, иные юродствуютъ, иные ходятъ въ образѣ пустынниковъ въ черныхъ одеждахъ, растрепавъ власы, а иные во время пѣнія по церкви ползаютъ, писк творятъ и проч.

Въ числѣ обрядовъ, соблюдавшихся при патріархахъ, были двѣ замѣчательныя мистеріи: это торжественное „Шествіе патріарха на ослятѣ“ въ недѣлю Ваій отъ Лобнаго мѣста до Успенскаго собора, причемъ осля подъ патріархомъ велъ царь, и обрядъ „Пещнаго дѣйствія“ на канунѣ Рождества,— представленіе трехъ отроковъ въ халдейской пещи, причемъ въ соборѣ ставилась печь, нѣсколько архіерейскихъ слугъ, переодѣтыхъ Халдеями, сажали въ нее трехъ отроковъ (изъ архіер. пѣвчихъ), сверху въ печь спускался ангелъ и попалялъ Халдеевъ зажженнымъ порошкомъ плауна.

Церковное образованіе. Книжныя исправленія возбудили вопросъ объ усиленіи церковнаго образованія, повели къ обличеніямъ, что сами представители духовенства не знаютъ ни православія, ни кривославія. Образованіемъ нужно было спѣшить и вслѣдствіе борьбы съ иноземными вліяніями, которыя все усиливались чрезъ наплывъ иноземцевъ въ русскую службу. Патріархъ Филаретъ основалъ въ Чудовомъ монастырѣ *греко-латинскую школу*, въ которой главнымъ надзирателемъ и преподавателемъ былъ поставленъ Арсеній Глухой. Но одна эта школа, разумѣется, не могла удовлетворять современнымъ потребностямъ цѣлой Россіи; вопросъ о просвѣщеніи не былъ разрѣшенъ ею и заставлялъ искать новыхъ просвѣтительныхъ средствъ, которыя явились уже во второй половинѣ XVII вѣка изъ югозападныхъ школъ.

Церковная *письменность* занята была тѣми же знакомыми намъ предметами. Много сочиненій явилось по поводу вопроса объ исправленіи книгъ, таковы упомянутые труды Арсенія, Игнатія Насѣдки, Антонія Подольскаго, Иліи. Въ смутное время и въ царствованіе Михаила написано было множество посланій и грамотъ, касавшихся современныхъ имъ золъ и составляющихъ богатый матеріалъ для исторіи; таковы грамоты Іова, Гермогена, Діонисія, Аврамія Палицына, Кипріана сибирскаго. Подъ вліяніемъ великихъ событій времени естественно усилился историческій родъ письменности. Въ числѣ лѣтописей и сказаній о смутномъ времени особенно замѣчательна лѣтопись, изданная подъ именемъ Рукописи Фи-

ларета, и сказаніе Палицына объ осадѣ Троицкой лавры. Вся борьба съ виновниками смуты является здѣсь борьбой за вѣру, которая сначала до конца шла подъ вліяніемъ высшихъ силъ, при помощи уважаемыхъ русскихъ святынь. Господствующая манера писать, какъ можно, кудрявѣе и возвышеннѣе теперь, въ приложеніи къ дѣйствительно высокимъ предметамъ дошла до крайности, часто представляетъ событія въ фальшивомъ видѣ и, стремясь къ усиленію разсказа, постоянно ослабляетъ его важность и внутреннее величіе. Много писателей посвящало свои труды на составленіе житій святыхъ, наприм. *Каллистратъ Осорьинъ* (житіе Іуліаніи Лазаревской), *Симонъ Азарьинъ* (житіе св. Діонисія троицкаго) и др. Нѣкто *Василій Гагара* описалъ свое хожденіе (1634 г.) въ Палестину и Египетъ, наполненное обычными чудесными разсказами, напр. о самовозжигавшемся пасхальномъ огнѣ въ Іерусалимѣ;—Гагара будтобы нарочно палилъ себѣ этимъ огнемъ бороду и ни одинъ волосъ не сгорѣлъ.

Отношеніе церкви къ латинству и протестантству. Усиленіе иностранныхъ вліяній въ Россіи послужило поводомъ къ важнымъ полемическимъ трудамъ противъ неправославныхъ ученій и къ большему усиленію религіозной замкнутости. Подъ вліяніемъ непріязни къ латинамъ, виновникамъ недавнихъ бѣдствій, п. Филаретъ на соборѣ 1620 года постановилъ принимать латинянъ, обращающихся въ православіе, иначе, какъ черезъ перекрещиван'е ихъ. Къ протестантамъ отнеслись снисходительнѣе, дозволяли имъ строить кирхи въ нѣмецкой слободѣ за чертой московскаго земляного города, но постановленіе о перекрещиваніи не осталось и на нихъ. Православнымъ запрещено поступать къ иностранцамъ въ услуженіе. Какъ сильно дѣйствовало иноземное вліяніе на русскихъ людей и какъ церковь вмѣстѣ съ правительствомъ противодѣйствовала этому вліянію, показываетъ грамота царя и п. Филарета кн. *Ивану Хворостинину*. Въ смутное время Хворостининъ сблизился съ Поляками и началъ бранить все русское, говорилъ, что на Москвѣ людей нѣтъ, все людъ глупый, смѣялся надъ русскими обычаями и вѣрою, собирался бѣжать изъ Россіи въ Римъ или Литву. При Шуйскомъ онъ былъ за это подъ началомъ въ Волоцкомъ монастырѣ. Но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ доведено на него, что онъ опять знается съ ксендзами, почитаетъ ихъ образа и книги наравнѣ съ православными. Ему сдѣланъ выговоръ, но этотъ выговоръ, вмѣстѣ съ прежнимъ заточеніемъ въ монастырѣ, совершенно его озлобилъ и до-

велъ до вражды противъ церкви, такъ что онъ не только самъ не ходилъ къ богослуженію, но и людей своихъ не пускалъ, сталъ пить, пропилъ всю страстную недѣлю, не ходилъ и къ пасхальной заутренѣ, ѣлъ въ постъ мясо, Русскихъ всѣхъ бранилъ, царя называлъ деспотомъ; за все это его опять заточили въ монастырь. Освобождая его изъ заточенія, царь и патріархъ выговаривали ему въ грамотѣ всѣ эти вины, между прочимъ писали, что „деспота“ значитъ по гречески владыка, а не царь и самодержецъ, и что ему кн. Ивану, какъ природному московскому человѣку и знающему государевъ титулъ, называть царя деспотомъ было непригоже.—Опасеніе за православіе заставляло подозрительно относиться даже къ единовѣрной западной Руси, гдѣ предполагали оскудѣніе православія отъ вліянія латинства. Послѣ созженія Евангелія Транквилліона въ 1628 г. опредѣлено было: „впредь никому литовскихъ книгъ не покупать“. Въ 1627 г. въ Москву пріѣхалъ Лаврентій Зизаній съ своимъ Катихизисомъ. Патріархъ отдалъ этотъ Катихизисъ на просмотръ игум. Иліѣ и справщику Григорію. Илія и Григорій 3 сутокъ держали съ Лаврентіемъ преніе о разныхъ погрѣшительныхъ словахъ въ Катихизисѣ, отличавшееся большими придирками со стороны московскихъ грамотѣевъ. Получивъ образованіе свое изъ домашнихъ сборниковъ, они никакъ не могли сойтись съ югозападнымъ ученымъ и примириться съ его научными пріемами, напали въ Катихизисѣ на тѣ мѣста, гдѣ Зизаній, по обычаю всѣхъ южнорусскихъ богослововъ, распространялся о кругахъ небесныхъ, зодіакѣ, громѣ и молніи, движеніи звѣздъ и т. п., на томъ основаніи, что все это взято изъ астрологіи идолослужителей еллинскихъ волхвовъ; Моисей, по ихъ словамъ, не называлъ звѣздъ именами звѣрей, да и не сами движутся свѣтила, а ангелы служатъ, тварь водя; московскіе ученые осуждали у Зизанія ссылки на церковныя правила, которыхъ не было въ московской Кормчей, причемъ высказали мысль, что не только южнорусскимъ, но и греческимъ новымъ книгамъ вѣрить нельзя, потому что Греки живутъ въ невѣрныхъ странахъ и во многихъ тѣснотахъ. Зизаній во всемъ соглашался съ своими оппонентами, притворно прославлялъ московскую науку и богодарованную мудрость государя патріарха, просилъ прощенія въ своихъ ошибкахъ и такимъ поведеніемъ только льстилъ самомнѣнію начетчиковъ и подтверждалъ ихъ невыгодное мнѣніе о православіи Грековъ и Малороссовъ. Катихизисъ съ большими перемѣнами былъ изданъ въ Москвѣ въ 1628 г.

Противъ протестантовъ въ 1642 г. напечатанъ былъ „Сборникъ о чести св. иконъ“. Въ томъ же году Иванъ Насѣдка написалъ „Изложеніе на лютеры“ въ 47 главахъ,—обширнѣйшее сочиненіе противъ протестантства, собранное изъ сочиненій южно-русскихъ авторовъ. Вскорѣ ученаго попа призвали къ важному дѣлу — показать свои знанія въ полемикѣ съ *Фильгоберомъ*, пасторомъ жениха царевны Ирины Михайловны, датскаго принца *Вольдемара* (пріѣхавшаго въ 1641 г.). Для заключенія брачнаго союза съ царевной по тогдашнимъ понятіямъ было необходимо, чтобы королевичъ крестился въ православіе; но онъ рѣшительно объявилъ, что ни за что не будетъ отступникомъ отъ своей вѣры; на обѣщаніе и. Іосифа, что это отступленіе отъ вѣры онъ, патріархъ, возметъ на свою душу, Вольдемаръ отвѣчалъ, что всякій свои грѣхи несетъ и что, если патріархъ считаетъ себя въ правѣ брать на себя чужіе грѣхи, то пусть онъ возметъ на свою душу грѣхъ Ирины и дозволитъ ей вступить въ бракъ съ иновѣрцемъ. Патріархъ доставилъ принцу письменное изложеніе православной вѣры. Принцъ отвѣчалъ на него своимъ посланіемъ, на которое патріархъ написалъ новыя замѣчанія. Пасторъ принца Фильгоберъ отвѣчалъ замѣчаніями на замѣчанія. Наконецъ назначили словесное преніе о вѣрѣ между Фильгоберомъ и русскими учеными—благовѣщенскимъ протопопомъ *Никитою*, Иваномъ Насѣдкою и бывшимъ тогда въ Москвѣ черниговскимъ протопопомъ *Михаиломъ Роговымъ*. Споры тянулись до конца царствованія Михаила, но не кончились ничѣмъ. При Алексѣѣ Михайловичѣ Вольдемара отпустили домой.—По случаю этихъ споровъ вышли новыя сочиненія противъ протестантовъ: рукопись „О православной вѣрѣ„ (1644 г.) и „Кириллова книга“, составленная М. Роговымъ. Самый споръ съ Фильгоберомъ сохранился въ запискахъ Рогова и Насѣдки.

VII. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНѢ XVII ВѢКА.

Состояніе іерархіи.

Уложеніе ц. Алексѣя Михайловича. Новый царь *Алексѣй Михайловичъ*, человѣкъ еще очень молодой, мягкій, уступчивый, способный сильно привязываться къ окружающимъ и въ высшей степени религіозный, могъ встать въ такія же

отношенія къ п. Іосифу, въ какихъ былъ его отецъ къ п. Филарету; онъ дѣйствительно и относился къ нему, какъ только можетъ относиться почтительный сынъ къ отцу и верховному пастырю. Но самъ Іосифъ далеко былъ непохожъ на Филарета; по своей слабости онъ не только не способенъ былъ руководить царя, окруженнаго сильною родней и боярами, но даже не могъ поддержать своей собственной церковной власти; въ церковномъ управленіи при немъ видимъ сильное господство патріаршихъ дьяковъ и московскихъ протопоповъ. А между тѣмъ съ новымъ царствованіемъ открылась усиленная государственная дѣятельность, начало составляться новое *Уложеніе*, которое неизбѣжно должно было коснуться правъ церкви и до сихъ поръ еще нелегкаго опредѣленія отношеній между церковію и государствомъ. Не смотря на всю важность этого Уложенія, патріархъ безучастно сидѣлъ при его составленіи въ царской думѣ, давая на все свое безусловное согласіе, и также безучастно скрѣпилъ его своею подписью. Все дѣло велось *Одоевскимъ* и другими свѣтскими лицами и при безгласіи патріарха весьма чувствительно коснулось самыхъ важныхъ привилегій и всего государственнаго положенія духовнаго чина.—Во первыхъ Уложеніе рѣшительно подтвердило всѣ прежнія постановленія касательно *церковныхъ вотчинъ* и безусловно запретило всякое увеличеніе ихъ. Нѣкоторая часть церковныхъ земель была даже отписана въ казну: по жалобамъ тяглыхъ людей на то, что бѣломѣстцы, особенно духовныя лица и ихъ люди, селясь около городовъ слободами, отбиваютъ у нихъ торги и промыслы, а сами никакихъ податей не платятъ, велѣно всѣ эти слободы вмѣстѣ съ людьми взять за государя въ тягло безплатно. Во вторыхъ, стремясь установить „равный судъ и расправу“ для всѣхъ лицъ всякихъ чиновъ, составители Уложенія необходимо должны были столкнуться съ многочисленными привилегіями церковныхъ людей и учрежденій, съ гражданской неподсудностью духовенства мірскому суду и съ удѣльною особностью всего церковнаго вѣдомства вообще, по которой оно выдѣлялось среди общаго государственнаго строя, какъ особое государство въ государствѣ. Новое Уложеніе сильно поколебало эту судебную особность церковнаго вѣдомства, притянувъ его подъ общій гражданскій судъ государства.

Монастырскій приказъ. Органомъ этаго государственнаго суда надъ церковнымъ вѣдомствомъ сдѣланъ былъ *Монастырскій приказъ*, выдѣлившійся изъ приказа Большаго Дворца въ

самостоятельное государственное учрежденіе. Ему велѣно было давать судъ во всякихъ гражданскихъ искахъ на всѣхъ іерарховъ, монастырскихъ властей, поповъ и церковный причтъ, также на всѣхъ церковныхъ служилыхъ людей и крестьянъ. Такимъ образомъ предъ судомъ его уравнены были и власти, подчинявшіяся доселѣ непосредственному суду государя или приказа Большаго Дворца, какъ органа собственной власти государя, считавшіе боярскій судъ униженіемъ для себя, и ихъ люди, судившіеся прежде у нихъ самихъ. Въ немъ должны были, по смыслу Уложенія, судиться иски на духовныхъ не только со стороны посторонніихъ, но и самихъ духовныхъ же лицъ, подлежавшіе прежде церковному суду. Въ отношеніи къ искамъ между духовными и посторонними лицами ничего не сказано даже о смѣсномъ судѣ и духовенство на гражданскомъ судѣ не получило даже права представительства. Въ первое время въ приказѣ сидѣли два архимандрита, но вскорѣ и они были вытѣснены изъ него, и въ немъ остались одни бояре и дьяки. Вмѣстѣ съ этимъ надъ духовенствомъ и церковными людьми получили судебно-гражданскую власть и другіе органы государства,—приказы въ искахъ церковныхъ людей на посторонніихъ и въ отвѣтѣ противъ встрѣчныхъ исковъ, и воеводы съ городскими властями въ искахъ маловажныхъ, не доходившихъ до приказовъ. Такъ вмѣсто церковнаго гражданскаго суда надъ церковными людьми явился судъ государевъ. Кромѣ судныхъ дѣлъ къ вѣдомству приказа отнесены еще, принадлежавшія прежде приказу Большаго Дворца, распоряженія о сборахъ съ церковныхъ вотчинъ, о составленіи описей церковныхъ имуществъ и разныя полицейскія распоряженія по церковному вѣдомству.

Когда Монастырскій приказъ приступилъ къ осуществленію своихъ полномочій на практикѣ, духовенство, привыкшее къ своему суду, стало высказывать сильное недовольство новымъ учрежденіемъ, бранило составителей Уложенія, какъ враговъ Божіихъ и нарушителей каноническихъ правилъ, тѣмъ болѣе, что по неопредѣленности новыхъ законовъ и неясности въ разграниченіи церковнаго и гражданскаго вѣдомствъ, между послѣдними тотчасъ же начались недоразумѣнія, вторженія въ чужія области и даже прямыя злоупотребленія. Приказъ вступался иногда въ судъ по чисто церковнымъ дѣламъ, присвоилъ себѣ право назначать въ монастырскія вотчины священниковъ и причетниковъ, опредѣлять и отрѣшать настоятелей, келарей, казначеевъ и другихъ лицъ монастырскаго собора, позволялъ себѣ даже перерѣ-

шать распоряженія епархіальной власти. Со стороны духовенства начались разнообразныя попытки уклониться отъ силы новыхъ узаконеній. Архіереи начали выпрашивать у царя грамоты, освобождавшія духовенство ихъ епархій отъ всякаго суда, кромѣ архіерейскаго. Монастыри тоже захлопотали о несудимыхъ грамотахъ. Патріаршая область получила подтвержденіе своихъ прежнихъ привиллегій и независимость отъ Монастырскаго приказа еще при самомъ составленіи Уложенія. Такъ съ самаго же начала изъ общихъ законовъ Уложенія допускались исключенія, которыя дѣлали новый порядокъ гражданской подсудности церковнаго вѣдомства только еще болѣе чувствительнымъ для тѣхъ, которые не подпали подъ эти исключенія Самымъ усердымъ и вліятельнымъ противникомъ Монастырскаго приказа явился любимецъ царя *Никонъ*, сначала митрополитъ новгородскій, потомъ патріархъ.

Никонъ до патріаршества. Въ 1605 г. у крестьянина нижегородской области села Вильдеманова, Мины, родился сынъ *Никита*. Онъ скоро лишился своей матери и все дѣтство провелъ подъ нестерпимымъ гнетомъ мачихи. Ему рано удалось выучиться грамотѣ. Чтеніе книгъ увлекло его къ аскетической жизни и 12 лѣтъ онъ убѣжалъ изъ дома отца въ монастырь, гдѣ еще въ этомъ раннемъ возрастѣ удивлялъ братію силой своего характера въ монастырскихъ подвигахъ. Родня опять вызвала его въ міръ и заставила жениться. 20-ти лѣтъ онъ выбранъ былъ въ священники прихожанами одного сосѣдняго села, но по своимъ достоинствамъ не долго могъ оставаться въ такомъ захолустьѣ. Чрезъ 2 года объ немъ узнали московскіе купцы, бывшіе на Макарьевской ярмаркѣ, и перезвали его съ собой въ Москву. Чрезъ 10 лѣтъ, потерявъ всѣхъ своихъ дѣтей, Никита заставилъ свою жену постричься, а самъ удалился на Бѣлое море въ Анзерскій скитъ, гдѣ тоже постригся въ монахи съ именемъ *Никона*. Изъ Анзерскаго скита, по неудовольствіямъ съ скитской братіей, онъ ушелъ въ Кожеозерскій монастырь, гдѣ былъ выбранъ въ игумены. Въ 1646 году онъ былъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ и былъ замѣченъ царемъ, котораго поразила его величественная и энергическая наружность и сильная рѣчь. По своей религіозности и впечатлительности Алексѣй Михайловичъ скоро подчинился Никону, сдѣлалъ его своимъ другомъ, отцемъ, всѣмъ, чѣмъ не могъ быть для него и. Іосифъ. По желанію царя Никонъ былъ опредѣленъ архимандритомъ Новоспасскаго монастыря, долженъ былъ каждую недѣлю являться къ царю во дворецъ для ду-

ховной бесѣды и скоро сдѣлался предъ нимъ неустаннымъ ходатаемъ за несчастныхъ, обиженныхъ на судѣ, вдовъ и сиротъ. Въ 1648 г. онъ былъ поставленъ митрополитомъ въ Новгородъ. На епархіи Никонъ проявилъ обширную общественную дѣятельность. Во время страшнаго голода въ Новгородѣ онъ каждый день кормилъ бѣдный народъ и выстроилъ 4 богадѣльни. Особенно важныя гражданскія услуги онъ оказалъ во время опасныхъ бунтовъ въ Новгородѣ и Псковѣ въ 1650 г. Во Псковѣ тогда едва не убили воеводу; архіепископа *Макарія* два раза сажали на цѣпь за то, что онъ уговаривалъ народъ покориться правительству. Мятежъ утихъ уже послѣ того, какъ царь по совѣту Никона далъ всепрощеніе виновнымъ. Въ Новгородѣ Никонъ укрылъ у себя отъ ярости народа воеводу *Хилкова* и въ Софійскомъ соборѣ торжественно предалъ бунтовщиковъ анаѳемѣ; но этимъ обратилъ народную ярость на себя самого. Чернь избила его до полусмерти на площади. Съ большимъ трудомъ послѣ этого онъ отслужилъ литургію и отправился съ крестнымъ ходомъ въ ту часть города, гдѣ наиболѣе бунтовали. Пораженные его твердостію и устрашась подходившаго къ Новгороду царскаго войска, мятежники просили у Никона прощенія и ходатайства передъ царемъ. Не помня своей собственной обиды, митрополитъ охотно принялъ на себя это ходатайство и внушилъ царю благоразумную умѣренность въ наказаніи виновныхъ, которая всего болѣе способствовала къ укрощенію бунта. Смертной казни подвергся только одинъ изъ зачинщиковъ бунта. Съ этихъ поръ любовь царя къ Никону возрасла еще болѣе.

Еще будучи въ санѣ архимандрита, Никонъ не разъ говорилъ царю, что учрежденіе Монастырскаго приказа противно канонамъ; сдѣлавшись митрополитомъ, онъ не переставалъ настаивать на уничтоженіи приказа во время своихъ частыхъ поѣздокъ въ Москву. Но приказъ былъ крѣпокъ не силою кроткаго и благочестиваго царя, а духомъ времени, былъ крѣпокъ потому, что вполнѣ отвѣчалъ современнымъ идеямъ объ отношеніи между церковію и государствомъ. Не успѣвъ настоять на его уничтоженіи, Никонъ получилъ только царскую несудимую грамоту, по которой всѣ духовныя лица новгородской епархіи подчинялись суду одного своего митрополита какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ. За то своимъ вліяніемъ онъ побудилъ царя къ другому важному дѣйствію, въ которомъ выразилось преклоненіе свѣтскаго могущества предъ величіемъ церковной власти. Въ 1652 г. по пору-

ченію царя онъ отправился на Соловки, чтобы перевезти оттуда въ Москву мощи м. Филиппа. Съ нимъ отправлена была царская молитвенная грамота къ св. Филиппу, въ которой правнукъ Грознаго, преклоняя свой царскій санъ предъ святителемъ, погибшимъ жертвою столкновенія съ царской властью, молилъ св. мученика пришествіемъ въ Москву разрѣшить грѣхъ Грознаго и упразднить поношеніе, лежавшее на царской власти. Во время отсутствія Никона царь писалъ ему замѣчательныя письма, въ которыхъ выразилась вся душа религіознаго Алексѣя. Какъ средневѣковые вожди юныхъ народовъ, при которыхъ развивалась папская власть, въ своемъ благоговѣніи предъ пастыремъ церкви, онъ совершенно забывалъ свой царскій санъ; не щадилъ словъ, чтобы возвеличить митрополита и унизить предъ нимъ самого себя. Изъ писемъ царя видно, что бояре очень недовольны были силой Никона, видно и то, что самъ Никонъ, не умѣлъ смягчать своей силы кротостію и благодушіемъ. Въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ царь совѣтовалъ ему быть поснисходительнѣе къ боярамъ, но въ тоже время просилъ его не сказывать имъ объ этомъ совѣтѣ, не выдавать его—царя, что онъ за одно съ нимъ—митрополитомъ. Добрый до слабости, находясь подъ двумя вліяніями,—Никона и бояръ, царь боялся оскорбить и ту и другую сторону, лавировалъ между ними, старался мирить ихъ и какъ нибудь замять ихъ рознь. Такъ поступалъ онъ и въ вопросѣ о Монастырскомъ приказѣ. Оставляя приказъ во всей его силѣ, потому что онъ нравился боярамъ, царь думалъ удовлетворить и своего друга, давъ ему несудимую грамоту. Въ отсутствіи Никона умеръ п. Іосифъ. Донося объ этомъ Никону, царь описывалъ свой испугъ, когда на Иванѣ Великомъ раздался троекратный ударъ колокола—вѣстникъ смерти патріарха, описывалъ скорбь церкви, которая какъ есть пустынная голубица пребываетъ, не имущи подружія, лишилась своего жениха и къ такимъ днямъ (передъ Пасхой), описывалъ, какъ при видѣ разлагающагося трупа во время ночнаго посѣщенія покойника возымѣлъ онъ суевѣрный помыселъ: „побѣги де ты вонъ, тотъ часъ де тебя вскоча удавитъ“, но прогналъ этотъ помыселъ, съ молитвой облобызавъ руку святителя; на погребеніи онъ надѣлся плачучи; онъ самъ распоряжался всѣмъ имуществомъ покойнаго, послѣ котораго осталось до 13,000 рублей и множество всякаго добра. Толковали, что въ послѣднее время Іосифъ былъ очень неспокоенъ, боялся свержепія; царь спѣшилъ оправдаться предъ Никономъ, увѣряя, что ему и помыслить

о томъ страшно,—хотя бы и еретичества держался, то какъ свергнуть верховнаго святителя безъ собора?—По возвращеніи Никона съ мощами выборъ въ патріархи, разумѣется, палъ на него. Но ему не такого хотѣлось патріаршества, какое было у Іосифа. Усиленіе мірской власти бояръ и вражда ихъ къ нему заставили его отказаться отъ выбора, чтобы потомъ быть снова выбраннымъ на всей своей волѣ. Въ Успенскомъ соборѣ въ собраніи бояръ и народа царь, весь въ слезахъ, лежалъ у ногъ Никона, умоляя его принять патріаршій санъ. Тогда Никонъ, обратясь ко всѣмъ, спросилъ: будутъ ли почитать его, какъ архипастыря и отца, слушать его во всемъ, и дадутъ ли ему устроить церковь? Всѣ сказали, что будутъ и дадутъ, и Никонъ принялъ патріаршество (25 іюля 1652 г.).

Патріаршество Никона. Неограниченная дружба соединяла царя и патріарха въ первые 6 лѣтъ управленія Никона. Безъ патріарха не рѣшалось ни одно государственное дѣло, какъ во времена Филарета. Усиленію его государственнаго значенія много содѣйствовалъ скорый отъѣздъ царя къ войску по случаю польской войны. Во время своего отсутствія (1654—1655 г.) царь поручилъ Никону все управленіе государствомъ; царскій намѣстникъ и бояре каждое утро должны были являться къ патріарху съ докладами и безъ него не могли вершить никакого дѣла. Особенно энергичную дѣятельность Никонъ проявилъ послучаю открывшейся тогда моровой язвы. Разсылая грамоты о мѣрахъ предосторожности противъ заразы, вразумляя суевѣрный народъ, который по обычаю пассивно встрѣчалъ бѣду и считалъ за грѣхъ противустоять ей, какъ наказанію Божію, онъ въ тоже время успѣлъ оказать важныя личныя услуги царю, все время хранилъ царское семейство, спасая его отъ язвы переѣздами по незараженнымъ мѣстамъ. Благодарный царь предложилъ Никону дать взаимную клятву не оставлять другъ друга до смерти и почтилъ его титуломъ „великаго государя“. И снова стало два великихъ государя, но теперь другой великій государь носилъ этотъ титулъ, уже не какъ отецъ царя, а какъ патріархъ. Власть патріаршая приравнивалась къ власти царской.—Монастырскій приказъ на время потерялъ всякую силу. Вопреки Уложенію, которое безусловно запретило увеличивать церковныя имущества, патріаршій домъ обогатился новыми вотчинами, вмѣсто прежнихъ 10,000 дворовъ сталъ владѣть 25,000. Когда Никонъ выстроилъ свои великолѣпные патріаршіе монастыри—*Иверг-*

скій, *Крестный* и *Новый Іерусалимъ*, царь и имъ далъ богатыя вотчины. Другіе монастыри тоже получили возможность дѣлать новыя пріобрѣтенія. Но въ тоже время, вслѣдствіе той же дружбы царя съ патріархомъ, никогда еще съ церковныхъ земель не было такихъ большихъ сборовъ даточными людьми, лошадьми, военными припасами, какъ при Никонѣ. Самъ патріархъ выставилъ въ поле до 10,000 воиновъ; столько же выставили монастыри. Патріархъ кромѣ того на свои богатыя средства увеличивалъ свои домовыя богадѣльни, раздавалъ богатую ручную милостыню, дѣлалъ пожертвованія на тюрьмы и т. п.

Патріаршая власть дошла при немъ до высшей степени силы. Патріархъ былъ дѣйствительнымъ, а не номинальнымъ только великимъ государемъ, окружилъ себя царской пышностію и недоступностію, возлюбилъ, какъ говорило духовенство, стоять высоко, ѣздить широко. Онъ выстроилъ себѣ новый дворецъ, употреблялъ всѣ средства тогдашняго искуства для украшенія соборовъ и сообщенія пышности своему богослуженію; лучшія облаченія, какія есть въ патріаршей ризницѣ, принадлежатъ ему; на нихъ употреблены цѣлые пуды жемчуга, золота и камней; около митры первосвятителя видимъ корону. Штатъ его дома былъ еще многочисленнѣе, чѣмъ при Филаретѣ. Алеппскій дьяконъ *Павелъ* видѣлъ великое множество патріаршихъ чиновниковъ, 7 палатъ съ 7 судьями и множествомъ дьяковъ, при каждой палатѣ тюрьмы съ цѣпями и колодками, которыми обременяли виновныхъ священниковъ. Протопопъ казанскаго собора *Іоаннъ Нероновъ* говорилъ однажды патріарху: „государевы царевы власти уже не слыхать, всѣмъ отъ тебя страхъ, и послашники твои нынѣ царевыхъ всѣмъ страшны; никто не смѣетъ съ ними и говорить; затверженно у нихъ: знаете ли патріарха?“ Никона боялись сами бояре, которыхъ онъ обличалъ безъ всякаго стѣсненія. Еще до патріаршества о немъ говорили, что лучше погибнуть въ новой землѣ за Сибирью, чѣмъ попасться подъ начало къ новгородскому митрополиту. Патріархомъ онъ сталъ еще самовластнѣе. Онъ напр. жегъ у бояръ вывезенныя съ запада иконы и органы; у боярина Никиты Романова изрѣзалъ въ куски ливрею, сдѣланную по западному образцу для домовыхъ слугъ. Какъ-бы въ противодѣйствіе новымъ началамъ, выраженнымъ въ Уложеніи, Никонъ издалъ вновь пересмотрѣнную и дополненную *Кормчую*, въ которую включилъ уложеніе восточныхъ патріарховъ о патріаршествѣ въ

Россіи, бывшее основаніемъ всѣхъ патріаршихъ правъ, и еще подложную грамоту Константина Великаго папѣ Сильвестру, которая была важна для него, какъ апологія церковной власти и церковныхъ имуществъ. Подложности этой грамоты впрочемъ не подозрѣвали ни царь, ни патріархъ. Никонъ убѣждалъ царя даже вовсе оставить Уложеніе и замѣнить его Кормчей; онъ, разумѣется, не успѣлъ въ этомъ, но все-таки заставилъ Алексѣя Михайловича разослать по всѣмъ воеводамъ выписки изъ градскихъ законовъ Номоканона въ дополненіе Уложенія съ повелѣніемъ производить судъ по этимъ выпискамъ.

Враги Никона. Патріархъ хотѣлъ воротить исторію назадъ, къ тому времени, когда государство не знало ничего выше градскихъ законовъ Кормчей, и не чувствовалъ, что чѣмъ энергичнѣе онъ будетъ настаивать на возстановленіи такой старины, тѣмъ будетъ хуже и для него и для его дѣла. Значеніе его держалось только на его личной силѣ и любви царя, опорахъ слишкомъ непрочныхъ для того, чтобы они могли устоять противъ историческаго хода государственной жизни. Орудіемъ, которымъ эти опоры были подкомлены, были многочисленные враги Никона, дѣйствовавшіе противъ него со всѣмъ усердіемъ личнаго раздраженія. Своимъ великимъ государствованіемъ, крутымъ характеромъ, привычкой сталкиваться со всѣми, власть имѣющими, онъ вооружилъ противъ себя очень сильную партію бояръ; противъ него были *Стрѣшневы* — родня царя по матери, *Милославскіе*—родня первой супруги царя, *Морозовъ*—царскій своякъ, супруга царя *Марья Ильинишна*, составитель Уложенія кн. *Одоевскій*, бояре *Долгорукій*, *Трубецкой*, *Салтыковъ* и др. Семенъ Стрѣшневъ до такой степени ненавидѣлъ Никона, что назвалъ его именемъ собаку и выучилъ ее подражать патріаршему благословенію. Всѣ эти люди зорко слѣдили за патріархомъ, ловили всякій случай, гдѣ онъ слишкомъ рѣзко выставлялъ свою власть, перетолковывали каждый его опрометчивый шагъ, а такихъ шаговъ много допускалъ горячій человѣкъ, никогда не умѣвшій владѣть собой и не обращавшій вниманія на то, что говорилъ и что дѣлалъ.—Много враговъ явилось у Никона по поводу его церковныхъ исправленій, которыя были имъ введены очень круто, съ обычною его самоувѣренностію и деспотизмомъ его личнаго авторитета. Привычка не обращать вниманія на другихъ поставила его въ самое невыгодное положеніе между двумя сильными партіями, партіей новизны

стремившейся къ западу, и партіей, коснѣвшей въ тупой привязанности къ старинѣ. Образованные бояре, въ родѣ Морозова, Романова и др., раздражены были не менѣе старовѣровъ, когда патріархъ, вводя свои церковныя „новшества“, въ тоже время возставалъ противъ новыхъ государственныхъ понятій и проблесковъ европейской цивилизаціи, жегъ картины и органы, рѣзалъ ливреи у боярской дворни. Между приверженцами старины было тоже немало сильныхъ людей, нѣсколько бояръ, духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ*, уважаемые протопопы *Іоаннъ Неронов* и *Аввакумъ*. Наконецъ противъ патріарха было все духовенство, раздраженное его строгостью, недоступностью, жестокими наказаніями, поборами въ патріаршую казну и на войско.

Разрывъ между царемъ и патріархомъ. Много было враговъ у Никона, и всѣ эти враги шли съ доносами къ царю, что патріархъ превышаетъ свою власть, самовольно распоряжается въ дѣлахъ государственныхъ, пренебрегаетъ властію царскою. Вслѣдствіе этихъ внушеній въ душу мягкаго и впечатлительнаго царя невольно стало закрадываться нелюбье къ его другу патріарху. Перемѣна отношеній между ними особенно стала замѣтна по возвращеніи царя изъ втораго его похода (ливонскаго) въ 1657 г. Походы царя замѣтно его развили, сдѣлали самостоятельнѣе и пріучили къ разлукѣ съ Никономъ, къ независимости отъ него; въ тоже время и Никонъ въ отсутствіи царя болѣе прежняго успѣлъ развить свое властелинство. Пріѣхалъ великій государь въ Москву и увидалъ здѣсь другаго великаго государя... А враги Никона неотступно внушали царю, что патріархъ сталъ сильнѣе его. Къ этому присоединилось потомъ раздраженіе отъ неудачнаго исхода шведской войны, присовѣтованной патріархомъ, и отъ тяжелаго безденежья, которое довело до опаснаго бунта изъ-за новыхъ мѣдныхъ денегъ, выпущенныхъ правительствомъ; а Никонъ въ это время строилъ свои монастыри (Воскресенскій и Крестный) и просилъ для нихъ вотчинъ; когда царь для поддержки казны захотѣлъ коснуться монастырскихъ богатствъ, патріархъ сдѣлалъ противъ этого рѣзкое возраженіе. Царь сталъ сердиться на патріарха, но по своему слабому характеру, вмѣсто личнаго объясненія съ нимъ, сталъ дѣйствовать уходомъ, избѣгая съ нимъ встрѣчи. Патріархъ видѣлъ нелюбье къ нему царя, но по своей неуступчивости не хотѣлъ забѣгать ему въ глаза, обидѣлся и тоже съ своей стороны удалился отъ царя, выжидалъ, чтобы

царь самъ сдѣлалъ первый шагъ къ примиренію. Между тѣмъ враги Никона оставались при царѣ; своимъ удаленіемъ отъ царя патріархъ самъ же оставилъ за ними все поле борьбы, потому что царь остался теперь подъ однимъ только ихъ вліяніемъ. Пользуясь этимъ вліяніемъ, они неутомимо разжигали вражду между великими государями, все болѣе и болѣе подготовляя рѣшительный взрывъ накопившихся неудовольствій. За поводами къ этому взрыву дѣло не стало. Монастырскій приказъ, доселѣ безсильный, усилился, сталъ отмѣнять даже распоряженія патріарха и отобралъ у него нѣсколько вотчинъ. Патріархъ писалъ царю рѣзкія посланія о неприличіи мірскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла, указывалъ на примѣры нечестивыхъ царей, память которыхъ погибла съ шумомъ, а это, по толкованію бояръ, значило, что онъ называлъ государя нечестивымъ царемъ. Въ іюнѣ 1658 г., по случаю пріема грузинскаго царя *Теймураза*, было торжество при дворѣ. Никона на это торжество не пригласили; недоумѣвая о томъ, что бы это значило, онъ послалъ во дворецъ своего дворянина узнать, въ чемъ дѣло. Въ то время, какъ посланный пробирался чрезъ толпу, окольничій Хитрово, наблюдавшій за порядкомъ, ударилъ его палкой. „Не дерись“, сказалъ посланный, „я не безъ дѣла сюда пришелъ, я отъ патріарха“. — Не чванься, закричалъ Хитрово и повторилъ ударъ. Это была уже прямая обида Никону и онъ потребовалъ у царя суда. Царь обѣщалъ самъ поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ, но свиданіе не состоялось и Никонъ остался безъ удовлетворенія. 10 іюля, въ праздникъ Рязположенія, патріархъ вполнѣ былъ увѣренъ, что царь будетъ у литургіи въ Успенскомъ соборѣ, и хотѣлъ объясниться съ нимъ при этой встрѣчѣ. Но царь прислалъ въ соборъ сказать, что не будетъ; *Юрій Ромодановскій*, который былъ посланъ съ этимъ, прибавилъ еще отъ себя, что царь гнѣвенъ на патріарха за титулъ великаго государя. Отслуживъ литургію безъ царя, Никонъ вышелъ говорить поученіе и народъ услыхалъ страшныя слова: „лѣтнивъ я былъ учить васъ; не стало меня на это; отъ лѣни я окоростовѣлъ и вы окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени я вамъ не патріархъ, и если помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема“. Послѣ этаго онъ переодѣлся въ простую мантію съ чернымъ клобукомъ, написалъ въ ризницѣ письмо къ царю о своемъ оставленіи престола и въ сопровожденіи огромной толпы вышелъ изъ собора. Народъ плакалъ, не пускалъ его изъ собора и изъ кремля, от-

нялъ у него карету; но патріархъ ушелъ пѣшкомъ на воскресенское подворье, а съ воскресенскаго подворья уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь.

Событія по удаленіи Никона съ патріаршества. Изъ монастыря онъ далъ знать, чтобы поспѣшили избраніемъ ему преемника, чтобы церковію управлялъ пока Питиримъ крутицкій, себѣ просилъ во владѣніе три монастыря, Воскресенскій, Иверскій и Крестный, и снова повторилъ свое клятвенное отреченіе отъ патріаршества. Несмотря впрочемъ на это отреченіе, онъ все еще ждалъ, что государь одумается и опять повторитъ передъ нимъ то слезное моленіе о принятіи патріаршества, которое видѣлъ народъ въ Успенскомъ соборѣ въ 1652 г. Вмѣсто этаго послѣдовали новыя огорченія. Былъ раскрытъ тайный архивъ патріарха въ Москвѣ; крайне этимъ обиженный, Никонъ написалъ царю письмо, въ которомъ горько и рѣзко обличалъ его за такое нарушеніе тайнъ не только частныхъ и государственныхъ, хранившихся въ архивѣ, но и тѣхъ, которыя ввѣрялись ему духовными чадами для облегченія совѣсти, припоминалъ прежнія обиды, бранилъ павѣтниковъ, жаловался на то, что царь захотѣлъ судить духовный чинъ, чего ему не дано Богомъ. Послѣ этаго письма самъ царь, доселѣ все еще ласковый къ патріарху, все еще сокрушавшійся о томъ, не тяжко ли съ нимъ поступилъ, увидалъ, что заискивать у него мира было бы оскорбленіемъ царской чести, и прекратилъ всѣ попытки къ сближенію съ Никономъ. Скоро Никонъ тяжело почувствовалъ перемѣну своего положенія, свою забытость, отсутствіе прежней широкой и видной дѣятельности, прежней пышной и величественной обстановки. Напрасно онъ думалъ подавить свою внутреннюю бурю суровыми подвигами, даже физическими трудами при постройкѣ Воскресенскаго монастыря. Искушенія патріаршества были сильнѣе его нравственной силы; онъ сталъ смягчать свое отреченіе отъ патріаршества, писалъ царю, что сана съ него никто не снималъ, что онъ ушелъ изъ Москвы своею волею. Когда въ 1660 г. въ недѣлю Ваій Питиримъ крутицкій совершилъ хожденіе на ослятѣ, Никонъ писалъ, что этимъ онъ „сѣдалище великаго архіерея всея Руси олюбодѣйствовалъ“. Отказываясь ворочиться на московскую каѳедру, онъ въ тоже время утверждалъ, что отъ самаго патріаршества онъ не отказался, что благодать св. Духа осталась при немъ, и настаивалъ на своемъ правѣ избранія и посвященія себѣ преемника. Но при этомъ возникалъ труд-

ный вопросъ, въ какомъ же отношеніи долженъ быть новый патріархъ къ старому; ясно было, что русской церкви грозитъ опасное двоевластіе.

Въ февралѣ 1660 г. для рѣшенія затянувшагося дѣла созванъ былъ соборъ изъ русскихъ и бывшихъ въ Москвѣ греческихъ іерарховъ. Но между русскими іерархами не было человѣка, который бы не имѣлъ личнаго раздраженія противъ властительнаго патріарха. Теперь они припомнили ему и его гордое обращеніе съ ними, и то, какъ онъ не хотѣлъ архіереевъ братіей нарицати, какъ одного изъ нихъ, *Павла* коломенскаго, хотя и совершенно законно, по винѣ (за расколъ), но самовольно, безъ собора, свергнулъ съ каѳедры; обвинили его въ Амановой гордости, въ безумномъ оставленіи престола и осудили даже на изверженіе изъ священнаго сана. Греческіе іерархи подобострастно вторили русскимъ. Только ученый Епифаній Славенецкій и одинъ полоцкій архимандритъ *Игнатій* возвысили честный голосъ противъ незаконности такого осужденія даже безъ допроса подсудимаго о причинахъ его удаленія съ каѳедры. Царь оставилъ соборное рѣшеніе безъ исполненія. Съ своей стороны Никонъ громко протестовалъ противъ собора, называлъ его жидовскимъ сонмищемъ, сравнивалъ съ соборами на Василія Великаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоустаго и на м. Филиппа. Узнавъ, что Питиримъ запретилъ его поминать въ церквахъ, самъ становился при богослуженіи на патріаршее мѣсто и посвятилъ одного епископа, гнѣвный патріархъ предалъ его анаоемѣ, которая произвела сильное впечатлѣніе въ Москвѣ и встревожила самаго царя.

Паисій Лигаридъ. Въ это время (1662 г.) пріѣхалъ въ Москву *Паисій Лигаридъ*, митрополитъ газскій, одинъ изъ образованнѣйшихъ Грековъ своего времени, но хитрый интриганъ, жертвовавшій для своихъ интересовъ и долгомъ и совѣстью. Лишенный каѳедры за латинство, онъ скитался по Греціи и Италіи, потомъ въ 1657 г. былъ приглашенъ въ Москву самимъ Никономъ, который очень нуждался въ образованныхъ людяхъ. Но пріѣздѣ въ Москву онъ былъ принятъ очень ласково, какъ знатокъ каноновъ, дорогой человѣкъ въ такое тревожное время, и немедленно присталъ къ выгоднѣйшей для себя сторонѣ царя и враговъ Никона. Стрѣшневъ далъ ему на обсужденіе разные вопросы касательно поведенія и отношеній патріарха къ царю. Паисій со всею гибкостію своего ума и совѣсти отвѣчалъ на нихъ полнымъ осужденіемъ дѣйствій Никона, осудилъ тиранство великаго государя, оправ-

далъ учрежденіе Монастырскаго приказа, утвердилъ право епископовъ судить своего патріарха, осуждалъ Никона за то, что онъ жестоко обращался съ духовенствомъ и слишкомъ часто употреблялъ свою святительскую анаѳему; между прочимъ, стараясь оправдать Стрѣшнева за его собаку, Паисій писалъ: „если бы мышь взяла освященный хлѣбъ, нельзя сказать, что причастилась, такъ и благословеніе собаки не есть благословеніе“,—поражать анаѳемой за шутку не годится. Никону доставили и вопросы и отвѣты. Онъ горячо принялся разбивать и тѣ и другіе, исписалъ большую тетрадь, излилъ въ ней все свое раздраженіе, которое теперь ни въ чемъ не имѣло исхода, кромѣ бумаги, съ замѣчательной начитанностію, смѣло и рѣзко высказалъ всѣ свои убѣжденія о власти патріарха и отношеніи церкви къ государству; вполнѣ основательныя замѣчанія идутъ здѣсь рядомъ съ запальчивыми выходками противъ Уложенія, Монастырскаго приказа, мірскаго суда надъ церковію. Неудержимый человѣкъ не щадилъ ни Одоевскаго, ни Стрѣшнева, ни Паисія, ни самаго царя, дошелъ въ своемъ увлеченіи до замѣчательной близости къ идеямъ папства: „не отъ царей начало священства пріемлется, но отъ священства на царство помазуются; священство выше царства. Не давалъ намъ царь правъ, а похитилъ наши права: церковію обладаетъ, св. вещами богатится; весь свящ. чинъ ему работаетъ, оброки даетъ, воюетъ; завладѣлъ онъ церковнымъ судомъ и пошлинами. Господь двумъ свѣтиламъ свѣтить повелѣлъ, солнцу и лунѣ, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую: архіерейская власть сіяетъ днемъ, власть эта надъ душами, царская въ вещахъ міра сего“. Между тѣмъ Паисій составилъ 25 подобныхъ же вопросовъ, на какіе отвѣчалъ самъ, для отсылки на судъ патріарховъ; имя Никона въ нихъ не было упомянуто и все дѣло представлено отвлеченно отъ его личности. Отвѣты патріарха были всѣ противъ Никона. Одинъ *Нектарій* іерусалимскій, хотя и подписался на общемъ свиткѣ, въ отдѣльной грамотѣ царю умолялъ его помириться съ Никономъ безъ суда.

Дѣло Бобарыкина и Сытина. Но въ то время, какъ Нектарій взывалъ о примиреніи, явились новыя обстоятельства, устранявшія всякую возможность этаго примиренія. Еще въ 1661 г. окольничій *Бобарыкинъ* завладѣлъ вотчинной патріаршаго Воскресенскаго монастыря. Монастырскій приказъ не обратилъ никакого вниманія на челобитье патріарха и его же осудилъ за самовольную снимку хлѣба на спорной землѣ.

По этому поводу Никонъ написалъ къ Алексѣю Михайловичу самое обидное письмо противъ мірскаго вмѣшательства въ церковныя дѣла и между прочимъ противъ поставленія іерарховъ и поповъ „по указу царя и по благодати св. Духа“: „мало св. Духа безъ твоего указа“? писалъ онъ; угрожая царю гнѣвомъ Божіимъ за изданіе Уложенія, онъ разказывалъ въ своемъ письмѣ, что не давно видѣлъ объ этомъ видѣніе, будто стоялъ онъ въ Успенскомъ соборѣ, и всѣ московскіе святители, вставъ изъ гробовъ, велѣли ему сказать царю, чтобы не обижалъ церкви, и будто послѣ этаго огонь, освѣщавшій соборъ, весь устремился на дворецъ и сожегъ его. Не удовольствовавшись этимъ, онъ предалъ Бобарыкина анаѳемѣ въ своей монастырской церкви. Бобарыкинъ донесъ, что патріархъ проклиналъ самаго царя. Царь былъ сильно огорченъ этимъ; однако ни допросы Никону, ни розыски надъ его людьми не доказали обвиненія. Только что кончилось это дѣло, какъ началось другое о побояхъ по повелѣнію патріарха крестьянамъ другаго сосѣда воскресенскихъ вотчинъ, *Сытина*. По поводу этаго послѣдняго дѣла Никонъ рѣшительно высказалъ, что не признаетъ надъ собой суда московскихъ соборовъ, назвалъ всѣхъ епископовъ русскихъ безграмотными, а Паисія явнымъ еретикомъ; единственнымъ судомъ онъ признавалъ надъ собой только судъ восточныхъ патріарховъ. Послѣ этаго царь рѣшилъ пригласить въ Россію патріарховъ. Іерусалимскій *Паисій* и антіохійскій *Макарій* приняли это приглашеніе; двое другихъ, константинопольскій и александрійскій, отказались по смутному состоянію дѣлъ въ ихъ собственныхъ областяхъ.

Пріѣздъ Никона въ Москву. Въ то время, когда дѣло Никона приняло такой рѣшительный оборотъ, одинъ изъ бояръ, *Зюзинъ*, приверженный къ Никону, вздумалъ помирить великихъ государей, устроивъ между ними свиданіе. Затишье вражды, наступившее послѣ приглашенія восточныхъ патріарховъ, и частыя сожалѣнія царя о Никонѣ внушили Зюзину надежду, что личное свиданіе съ Никономъ снова воскреситъ прежнія чувства царя къ его бывшему другу. Онъ написалъ къ Никону, чтобы внезапно пріѣхалъ въ Москву на праздникъ Петра чудотворца къ утрени прямо въ соборъ и послалъ звать государя на молитву, какъ будто бы и не было между ними никакихъ огорченій, при этомъ намекалъ, что такова тайная воля самаго государя. Два такихъ письма, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ и мыслямъ самого Никона, заста-

вили послѣдняго повѣрить Зюзину. Онъ предался горячей молитвѣ и посту, чтобы самъ Господь вразумилъ его, что дѣлать, и вотъ однажды въ топкомъ снѣ явилось ему видѣніе: онъ въ Успенскомъ соборѣ и всѣ почившіе святители, вставъ изъ гробовъ, подписываютъ свитокъ о вторичномъ возведеніи его на патріаршество... Съ 17 на 18 декабря 1665 г. въ Успенскомъ соборѣ служили заутреню. Вдругъ часа въ 3 утра во время чтенія второй каѳизмы съ шумомъ растворились двери и явился Никонъ съ толпою монаховъ и съ предшествіемъ креста, быстро подошелъ къ патріаршему мѣсту, взялъ посохъ м. Петра и сталъ. Монахи пропѣли: „исполла эти деспота“ и „достойно“. Раздался знакомый голосъ, повелѣвающій дьякону читать большую эктенію. Приложившись къ мощамъ, патріархъ позвалъ потомъ всѣхъ служащихъ къ благословенію. Растерянное духовенство и митрополитъ ростовскій *Іона*, заступившій мѣсто Питирима, стали подходить къ его рукѣ. 7 лѣтъ отсутствія Никона изъ Москвы какъ будто не бывало; всѣ по прежнему преклонялись предъ могучимъ патріархомъ. Во дворцѣ поднялось смятеніе; власти и бояре спѣшили къ государю, качая головами и повторяя: „ахъ, Господи! ахъ, Господи“! Патріархъ прислалъ изъ собора письмо къ царю, въ которомъ разказалъ о своемъ видѣніи и въ заключеніе писалъ: „пришли мы въ кротости и смиреніи, неся съ собою миръ: хощеши ли самого Христа пріять“? Царь былъ въ такомъ замѣшательствѣ, что врагамъ Никона не трудно было повернуть дѣло по своему. Патріарху послано сказать, чтобы ѣхалъ, откуда пріѣхалъ. Взявъ съ собой посохъ м. Петра, онъ вышелъ изъ собора, отрясая прахъ отъ ногъ своихъ на Москву. „Мы этотъ прахъ подметемъ“, съострилъ одинъ стрѣлецъ. На небѣ горѣла комета; указывая на нее, Никонъ сказалъ: „да размететъ васъ Господь оною божественною метлою“, и уѣхалъ въ Воскресенскій монастырь. На дорогѣ у него отобрали чудотворцевъ посохъ и допросили о причинѣ пріѣзда. Никонъ выдалъ Зюзина; боярин послѣ нѣсколькихъ допросовъ съ пытками сознался въ винѣ и былъ сосланъ въ Казань. Послѣ этой несчастной поѣздки въ Москву Никонъ сталъ дѣлать уступки, письменно просилъ царя отмѣнить пріѣздъ патріарховъ, соглашался на поставленіе новаго патріарха съ условіями, чтобы оставить за нимъ, старымъ патріархомъ, патріаршее титло, три его монастыря и независимость отъ новаго святителя. Но было уже поздно; въ Москвѣ рѣшили дожидаться суда патріарховъ.

Тогда Никонъ въ видѣ предупрежденія послалъ отъ себя къ *Діонисію* константинопольскому посланіе, въ которомъ откровенно разказалъ обстоятельства своего удаленія съ каѳедры, безъ всякаго стѣсненія въ выраженіяхъ жаловался на Монастырскій приказъ, бояръ, мірской судъ надъ духовенствомъ, на самаго царя, разбранилъ Паисія, какъ еретика, и Стрѣшнева за его собаку и изложилъ Зюзинское дѣло. Посланіе это было перехвачено и послѣ послужило документомъ на судѣ противъ самаго же Никона.

Судъ надъ Никономъ. Въ ноябрѣ 1666 г. пріѣхали патріархи; цѣлый мѣсяцъ прошелъ въ торжествахъ по случаю ихъ прибытія и нѣсколькихъ частныхъ совѣщаніяхъ ихъ съ царемъ, властями и боярами, на которыхъ они были ознакомлены съ дѣломъ и достаточно предупреждены противъ своего подсудимаго, благодаря особенно Паисію Лигариду. Въ началѣ декабря Никонъ былъ позванъ на первое соборное засѣданіе. Его почью вывезли изъ монастыря съ такими предосторожностями и тайной, что онъ спросилъ посланныхъ за нимъ, не давить ли его везутъ, какъ м. Филиппа; предъ отъѣздомъ онъ приготовился къ собору причащеніемъ и елеосвященіемъ, что очень обидѣло его судей. Въ кремлевскихъ палатахъ въ присутствіи царя и бояръ собрался соборъ изъ греческихъ и русскихъ іерарховъ, какого еще никогда не видала русская церковь; на немъ присутствовали 2 патріарха, 10 митрополитовъ, кромѣ Паисія, который уклонился отъ собора, самъ опасаясь обличенія, 8 архіепископовъ, 5 епископовъ, болѣе 50 архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и множество чернаго и бѣлаго духовенства. Патріархъ явился съ обычной торжественностію, въ преднесеніи креста, совершилъ входъ и хотѣлъ было сѣсть на патріаршемъ мѣстѣ, но не видя его, не сѣлъ съ архіереями, а стоя провелъ все время соборнаго засѣданія, продолжавшагося около 8 часовъ. Обвинителемъ явился самъ царь. Весь взволнованный, въ слезахъ стоялъ онъ предъ святителями, произнося обвиненія на своего бывшаго душевнаго и тѣлеснаго друга, жаловался на самовольное удаленіе патріарха, на осмилѣтнюю церковную смуту по его винѣ, отрицалъ всякую вражду къ нему съ своей стороны. Сдѣлай Никонъ и теперь одинъ добрый, уступчивый шагъ,—и Алексѣй Михайловичъ тутъ же на соборѣ устроилъ бы сцену трогательнаго примиренія съ нимъ. Но гордый человѣкъ не сдѣлалъ этаго шага; онъ отвѣчалъ, что ушелъ отъ царскаго гнѣва, но въ свою же епархію, и патріарше-

ства не оставлялъ. Царь представилъ собору перехваченное письмо Никона и жаловался на безчестіе. Никонъ отвѣчалъ, что письмо это онъ написалъ духовно и тайно къ своему брату и не его вина, что написанное тайно сдѣлается явно. Все время этаго и послѣдующихъ соборныхъ засѣданій проведено было въ чтеніи письма; оно возбуждало постоянныя замѣчанія и споры, въ которыхъ разныя лица обвиняли патріарха въ самовластіи, гордости, превышеніи власти, защищали царя, защищались сами и вызывали Никона на рѣзкія замѣчанія. Всѣ опроверженія главныхъ пунктовъ посланія построены были довольно странно и на одинъ ладъ: Никонъ жалуется на то-то, а самъ дѣлалъ вотъ что. Нечего было ожидать Никону добраго отъ патріарховъ, явно пастроенныхъ противъ него и угождавшихъ сильной сторонѣ. На второмъ засѣданіи, когда дѣло дошло до побой Хитрово патріаршему человѣку, антіохійскій патріархъ порѣшилъ, что Хитрово правъ, потому что исполнялъ царскую службу, и при этомъ даже всталъ съ мѣста и благословилъ его. Особенно крѣпко привязались къ сильнымъ фразамъ письма о неправославіи Паисія Лигарида, бросавшимъ тѣнь на всю русскую церковь, давшую Лигариду право голоса на своихъ соборахъ и право рукоположенія. Никонъ далъ поводъ и къ другому подобному же обвиненію противъ себя; выведенный изъ терпѣнія, онъ выразилъ сомнѣніе въ достоинствѣ самихъ патріарховъ, судившихъ его, и даже въ православіи греческаго Номоканона, на который ему указывали. „По нуждѣ и дьяволъ истину исповѣдуетъ, сказали патріархи, а Никонъ истины не исповѣдуетъ“.

12 декабря въ патріаршей крестовой соборъ прочиталъ Никону обвинительные пункты, что онъ смутилъ русское царство, вмѣшиваясь въ гражданскія дѣла, самовольно и съ клятвой оставилъ каѳедру за одно оскорбленіе своего слуги, по оставленіи престола самовольно распоряжался въ своихъ монастыряхъ, давалъ имъ гордыя названія Виѳлеема, Голгоѳы, Іерусалима, расхищалъ государственное достояніе, мѣшалъ избранію новаго патріарха, злоупотреблялъ анаѳемой, удаленіемъ своимъ умножилъ соблазны и расколы, двоихъ архіереевъ называлъ Анною и Каіафою, а двоихъ бояръ — Иродомъ и Пилатомъ, патріарховъ называлъ безпрестольными, а Номоканонъ — книгой еретической, потому что онъ напечатанъ въ Венеціи, въ письмѣ къ патріарху обвинялъ царя и синклитъ въ латинствѣ, царя называлъ мучителемъ непра-

веднымъ, уподоблялъ Іеровоаму и Осіи, Павла коломенскаго самовольно низвергъ и предалъ біенію, такъ что тотъ сошелъ съ ума и погибъ безвѣстно, называлъ Паисія еретикомъ, въ Воскресенскомъ монастырѣ иноковъ и бѣльцовъ мучилъ мірскими казнями, кнутомъ, палицами, а иныхъ на пыткѣ жегъ. Его объявили лишеннымъ патріаршества и священства съ оставленіемъ только иночества. При снятіи сана Никонъ сказалъ: „За чѣмъ вы дѣйствуете здѣсь, въ монастырской церкви, тайно, какъ воры? При всемъ народѣ въ соборѣ умоляли меня принять патріаршество; пойдемъ и теперь въ туже великую церковь". Патріархи сами сняли съ него клобукъ и панагію. „Жемчугъ-то раздѣлите, снова заговорилъ Никонъ. Будетъ вамъ по нѣскольку золотниковъ. Бродяги! Ходите вездѣ за милостыней, чтобы заплатить дань султану". Послѣ этаго его повезли въ заточеніе въ Ѳерапонтовъ монастырь. „Никонъ, Никонъ! говорилъ онъ, садясь въ сани. Отъ чего все это тебѣ приключилось? Не говори правды, не теряй дружбы. Давалъ бы ты богатые обѣды и вечерялъ съ ними, не было бы тебѣ этаго"... О результатахъ своего суда оба патріарха извѣстили другихъ патріарховъ грамотами, въ которыхъ писали даже то, чего не было, напр. что низложили Никона всенародно въ церкви, іерусалимскому патріарху писали (ad hominem), что Никонъ хиротонисалъ себя патріархомъ Новаго Іерусалима, — „въ такое пріиде напыщеніе", а главное извѣщали: „обычная милостыня нашимъ престоламъ будетъ возобновлена и умножена, возстановится наша честь, такъ какъ нѣкоторые своимъ буйствомъ обезчестили здѣсь изящную свѣтлость нашего (греческаго) рода и сдѣлали насъ достойными презрѣнія".

Заточеніе Никона въ первые годы было очень тяжкое; всѣ сношенія съ нимъ были преграждены. Алексѣй Михайловичъ все еще жалѣлъ объ немъ, посылалъ ему дары, просилъ у него прощенія, но Никонъ самъ отвергалъ всѣ знаки его участія и отсылалъ его дары назадъ. Только въ Пасху 1667 г. онъ въ первый разъ принялъ присланное ему вино и пилъ за царское здоровье. Послѣ этаго царь немедленно облегчилъ его заточеніе, позволилъ ему выходить изъ монастыря, далъ лучшее содержаніе и особенную церковь. Никона стали почитать въ монастырѣ, какъ патріарха; онъ самъ постоянно употреблялъ этотъ титулъ, вырѣзывалъ его на стульяхъ собственной работы и на крестахъ, которые ставилъ около монастыря по дорогамъ. Въ Москву

даже доносили, что онъ хочетъ бѣжать изъ монастыря и возвратить себѣ патріаршество съ помощію черни. Во время Разинскаго бунта имя его обносилось въ рядахъ козаковъ; они имѣли у себя на Волгѣ богатое судно, о которомъ распускали слухи, что на немъ ѣдетъ патріархъ. Слышно было, что къ Никону приходили 3 козака съ какими-то предложеніями. Самъ Разинъ на допросѣ показалъ, что у него былъ монахъ отъ Никона съ обѣщаніемъ содѣйствія бунту. Никона подвергли по этому поводу допросамъ, но, какъ видно, ничего противъ него не нашли. Царь до конца своей жизни оказывалъ ему свое расположеніе, посылалъ дары, терпѣливо разбиралъ его гнѣвныя жалобы на сосѣдній Кирилловскій монастырь, съ которымъ Никонъ былъ въ постоянныхъ неладахъ. „Вотъ насъ вашъ батька“, говорили кирилловскіе монахи ософаноповскимъ. Безпокойный заточникъ всѣмъ былъ въ тягость и сдвали не болѣе всѣхъ своимъ приставникамъ, съ которыми обращался очень запальчиво. Въ 1676 г. Царь Алексѣй скончался, оставивъ въ своемъ завѣщаніи моленіе къ Никону о прощеніи и разрѣшеніи. Суровый патріархъ заплакалъ при этой вѣсти, но скрѣпился и не далъ письменнаго разрѣшенія почившему, указалъ даже на страшный судъ, гдѣ они оба будутъ судиться. По смерти царя участь Никона отягчилась. Съ воцареніемъ *Ѳеодора Алексѣевича* палъ боярин *Матвѣевъ*, другъ Никона, потеряли значеніе благоволившіе къ заточнику *Нарышкины* — родня второй супруги царя Алексѣя; первенствующее значеніе при дворѣ получили родственники первой супруги покойнаго царя, матери Ѳеодора, *Милославскіе* и *Хитрово*, враги Никона. Подъ тѣмъ предлогомъ, что Никонъ дурно отзывается о восточныхъ патріархахъ, считаетъ ихъ приговоръ надъ собой незаконнымъ, продолжаетъ называться патріархомъ, дурно живетъ, допускаетъ жестокости къ окружающимъ его людямъ, его перевели въ суровое заточеніе во враждебный ему Кирилловъ монастырь. Уже подъ конецъ своего царствованія, когда вліяніе Милославскихъ и Хитрово ослабѣло, царь вспомнилъ Никона и по ходатайству своей тетки царевны *Татьяны* велѣлъ перевести его въ любимый его Воскресенскій монастырь. Но Воскресенскій монастырь увидалъ только его бездушное тѣло; 75-лѣтній старецъ умеръ на дорогѣ въ 1681 г. Обрядъ погребенія совершилъ надъ нимъ митрополитъ казанскій *Кornилій* по повелѣнію царя, безъ благословенія патріарха, потому что тог-

данній патріархъ *Іоакимъ* никакъ не соглашался, чтобы низверженнаго святителя хоронили по патріаршему чину.

Соборы 1667 и 1675 годовъ. Но возвратимся къ собору 1667 г. Осудивъ поведеніе Никона, соборъ утвердилъ однако всѣ его церковныя распоряженія, призналъ даже справедливымъ его взглядъ на Монастырскій приказъ. Было признано, что патріархъ не долженъ носить титула в. государя, долженъ повиноваться верховной власти и не вступаться въ мірскія дѣла; но въ тоже время была подтверждена независимость духовенства и всѣхъ людей церковнаго вѣдомства отъ мірскаго суда не только въ гражданскихъ, но даже въ уголовныхъ дѣлахъ. Этой уступкѣ со стороны государства не мало содѣйствовала личность новаго патріарха, избраннаго на соборѣ, *Іоасафа* (1), человѣка тихаго и кроткаго, отъ котораго государству нечего было опасаться никоновскихъ притязаній. Самый духовный судъ соборъ опредѣлилъ поручать духовнымъ же особамъ, а не мірскимъ чиновникамъ архіерейскихъ домовъ. Вмѣстѣ съ этимъ опредѣлено, чтобы помимо всякихъ привиллегій всѣ монастыри и церкви подчинялись суду своей епархіальной власти. Статьи эти были подтверждены потомъ на соборѣ 1675 г. Монастырскій приказъ былъ закрытъ и вошелъ по прежнему въ составъ приказа Большаго Дворца.

Церковный судъ послѣ московскихъ соборовъ. Но такое возвращеніе къ старому порядку не могло быть прочно, потому что все болѣе и болѣе развивающееся государство не могло спокойно сносить обособленія изъ своего судебнаго строя цѣлаго вѣдомства, весьма важнаго, многочисленнаго и владѣвшаго богатою поземельною собственностію. Жизнь скоро взяла свое. Не смотря на соборныя постановленія, воеводы и другія мірскія власти постоянно вторгались въ церковные суды. Само духовенство предпочитало духовному суду свѣтскій, продолжало подавать свои иски на посторонннихъ въ разныхъ приказахъ, а также судиться у воеводъ и городскихъ властей; многіе монастыри судились по старому въ приказѣ Большаго Дворца. Духовная власть въ гражданскихъ дѣлахъ оказывалась несостоятельною; она не могла ни правильно организовать своихъ судебныхъ учрежденій, ни сдержать злоупотребленій своихъ приказныхъ органовъ, которые до сихъ поръ все еще держались старинной системы кормленія и дѣлали возмути-

(1) Послѣ Никона патріархами были: *Іоасафъ* (1667—1673), *Питиримъ* (въ 1673 г.), *Іоакимъ* (1673—1690) и *Адріанъ*.

тельныя злоупотребленія своими полномочіями. Въ 1697 и 1698 г. правительство напр. принуждено было послать указы къ сибирскимъ воеводамъ съ порученіемъ охранять земскихъ людей отъ насилій десятильниковъ тобольскаго митрополита. Земскіе люди постоянно жаловались на самосудъ духовенства, на то, что въ случаѣ обидъ отъ сильныхъ духовныхъ лицъ и богатыхъ монастырей, наприм. Иверскаго, имъ, государевымъ сиротамъ, нельзя найти ни суда, ни управы. Въ 1689 г. всѣ Новгородцы били челомъ п. *Іоакиму*, чтобы духовныхъ лицъ въ гражданскихъ дѣлахъ судили не на митрополичьемъ дворѣ, а въ приказной палатѣ. Патріархъ, отстаивая неподсудность духовенства мірскому суду, пригрозилъ имъ за это судомъ Корея, Даоана и Авирона. Въ концѣ XVII вѣка наконецъ явилась мысль о разграниченіи церковнаго и мірскаго вѣдомства не по лицамъ, какъ было до сихъ поръ, что поддерживало удѣльное положеніе церкви и отдавало церковному суду множество чисто мірскихъ дѣлъ, а по предметамъ, чтобы государственный судъ вѣдалъ мірскія дѣла и между духовными людьми. Эта мысль нашла себѣ осуществленіе уже въ реформѣ Петра Великаго. Когда стало составляться новое уложеніе, п. *Адріанъ*, преемникъ Іоакима, въ 1700 г. велѣлъ составить „статьи о святительскихъ судахъ“, въ которыхъ были собраны всѣ права русской церкви, начиная съ Номоканона, уставовъ Владиміра и Ярослава и ханскихъ ярлыковъ; въ заключеніе этихъ статей престарѣлый патріархъ умолялъ правительство помнить всѣ эти права и уставы и не отступать отъ преданій старины. Это былъ послѣдній голосъ въ защиту стараго церковнаго суда.

Отношеніе государства къ церковнымъ имуществамъ. Въ финансовомъ отношеніи церкви къ государству московскіе соборы не произвели никакихъ перемѣнъ противъ Уложенія. Правила Уложенія объ уничтоженіи нѣкоторыхъ привиллегій церковныхъ вотчинниковъ, особенно безпошлинныхъ промысловъ и торговъ, и запрещеніе увеличивать церковныя вотчины остались во всей силѣ. Въ этомъ случаѣ государство не дѣлало уступокъ, потому что давно уже тяготилось развитіемъ церковныхъ вотчинъ. По счету Котошихина (въ Описаніи Россіи) во владѣніи церкви было до 118,000 крестьянскихъ дворовъ; иностранцы считали за нею даже цѣлую треть всей государственной территоріи. Стараясь извлечь, какъ можно, болѣе пользы изъ духовныхъ вотчинъ безъ особенно замѣтнаго нарушенія ихъ свободы отъ разныхъ платежей и повинностей,

правительство увеличивало съ нихъ тѣ сборы, какіе они несли на ряду съ другими вотчинами, стрѣлецкіе, полоняничные, ямскіе и др. Коломенскій архіепископъ *Іосифъ* при Алексѣѣ Михайловичѣ жаловался, что „прежніе государи св. мѣста снабжали, а теперь раззоряютъ, берутъ всякія подати лишнія большія". Кромѣ этого, на основаніи испоконнаго благотворительнаго назначенія церковныхъ богатствъ, государство посылало въ монастыри для прокормленія своихъ престарѣлыхъ и раненыхъ служилыхъ людей, даже ихъ вдовъ и сиротъ. Въ 1676 г. положено было увеличить патріаршія богадѣльни и содержать въ нихъ 412 человѣкъ; всѣ церкви въ Россіи обязаны были доставлять на содержаніе ихъ по гривнѣ въ годъ. Соборъ 1681 года, по предложенію царя, опредѣлилъ по всѣмъ городамъ разобрать нищихъ и тѣхъ, которые не могутъ прокармливаться своими трудами, всѣхъ размѣстить по церковнымъ богадѣльнямъ и больницамъ. Вслѣдствіе своего государственнаго и общественнаго значенія церковныя вотчины давно уже подпали подъ контроль государства, выражавшійся въ повѣркѣ ихъ приходовъ и расходовъ приказомъ Б. Дворца. При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ государство распорядилось произвести самую подробную перепись церковныхъ имѣній, которая должна была сдѣлаться основой всѣхъ сборовъ съ церковнаго вѣдомства и государственнаго контроля надъ его экономіей. Усиленіемъ этаго контроля и требованіемъ строгой отчетности въ расходахъ отъ всѣхъ архіереевъ и монастырей начались потомъ реформы Петра относительно церковныхъ вотчинъ.

Епархіальное управленіе. Въ епархіальномъ управленіи во вторую половину XVII в. замѣчательно умноженіе архіерейскихъ каѳедръ. Въ 1663 г. съ согласія царя Никонъ открылъ епархію вятскую и великопермскую, а въ 1672 г. для лучшаго противодѣйствія расколу открыта епархія нижегородская со степенью митрополіи. На соборѣ 1667 г. патріархи предлагали открыть въ Россіи 19 новыхъ епархій, а соборъ 1682 г. предполагалъ раздѣлить русскую церковь на 13 митрополій, 6 архіепископій и 19 епископій; но по недостатку средствъ на содержаніе столькихъ каѳедръ дѣло ограничилось открытіемъ только архіепископій устюжской и холмогорской и епископій воронежской и тамбовской; кромѣ того суздальская архіепископія сдѣлана митрополіей, а вятская епископія—архіепископіей. Кромѣ того, на томъ и другомъ соборѣ поднимался вопросъ объ іерархическомъ подчиненіи архіереевъ митрополитамъ, но рѣшенъ

былъ отрицательно, дабы не явились въ архіерейскомъ чинѣ расшри и превозношеніе. Около этаго же времени былъ въ ходу фантастическій проэктъ *Симеона Полоцкаго*, сильнаго придворнаго монаха, возвести русскаго патріарха въ санъ папы съ подчиненіемъ ему четырехъ патріарховъ изъ прежнихъ русскихъ митрополитовъ, а патріархамъ подчинить остальную русскую іерархію, которую такимъ образомъ раздѣлить на 4 патріаршества; папой Полоцкій проектировалъ сдѣлать старика Никона.—Въ концѣ XVII в. въ русской церкви было 12 митрополій, 7 архіепископій и 3 епископіи.

Состояніе духовенства. Возвышеніе власти и значенія высшей іерархіи, какое видимъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, по настоящему должно было бы возвысить положеніе всего вообще духовнаго чина. На самомъ дѣлѣ этаго не видимъ. На великое государствованіе Никона со стороны духовенства послышались сильныя жалобы. Московскіе священники подали государю челобитную, въ которой писали, что патріархъ окружилъ себя недоступностію и страхомъ, уничтожилъ прежнее благодушное обхожденіе патріарховъ съ духовенствомъ, дворъ свой устроилъ подобно адову подписанію, и къ воротамъ приблизиться страшно, священники и къ благословенію подойти не смѣютъ, не только что вопросить о недовѣдомыхъ вещахъ; все духовенство поэтому отдано на жертву алчному дьяку *Кокошилову*. Послышались жалобы на тяжесть наказаній виновнымъ священникамъ, цѣпи, тюрьмы, батоги, ссылки по отдаленнымъ монастырямъ. Въ епархіяхъ, являясь на архіерейскій дворъ, духовное лицо должно было прежде, чѣмъ дойдетъ до архіерея, одарить болѣе 40 человѣкъ,—казначея, приказнаго, дьяковъ, подъячихъ, стряпчаго, дворецкаго, житника, ключника, келейниковъ, воротнаго сторожа, протопопа, іеромонаховъ и проч.; для виновнаго духовенства употреблялись жестокіе способы „смиренія“, за которые епископъ коломенскій *Іосифъ* подалъ даже суду. Также челобитная московскаго духовенства царю выразительно изображаетъ и крайнее *гражданское униженіе* духовнаго чина; безчестье священниковъ, сказано здѣсь, оцѣнено законодательствомъ въ 5 рублей на ряду съ безчестьемъ Черемисину, Мордвину и убійствомъ собаки: „и нынѣ похвальное слово у небоящихся Бога,—бей попа, что собаку, да кинь 5 рублей“.

Матеріальное благосостояніе духовенства сильно страдало отъ увеличенія съ него разныхъ сборовъ по случаю войнъ, напр. стрѣлецкаго хлѣба и драгунскихъ лошадей. Касатель-

по церковныхъ сборовъ при патріархахъ Никонѣ, Іоасафѣ и Іоакимѣ сдѣланы были распоряженія объ одинообразіи окладовъ во всѣхъ епархіяхъ по образцу патріаршей; этимъ устранялся произволъ епархіальной власти въ назначеніи количества сборовъ съ духовенства; но зато самые оклады, опредѣленные теперь высшею властію, сравнительно съ прежними были значительно возвышены. Самая раскладка церковной дани была очень невыгодна для духовенства; дань совершенно законно раскладывалась на духовенство и церкви по количеству церковныхъ земель и угодій и вовсе неправильно по числу и зажиточности приходскихъ дворовъ, потому что количество церковнаго дохода съ дворовъ зависѣло не отъ зажиточности, а отъ доброхотства ихъ обывателей. Въ то время, какъ сборы съ духовенства увеличивались, доходы его едва ли не уменьшались вслѣдствіе его размноженія и все большаго и большаго дробленія приходовъ. На 400 душъ прихода приходилось иногда до 7 священниковъ съ множествомъ другихъ членовъ клира, ихъ дѣтей, племянниковъ и другихъ родственниковъ, которые тоже кормились отъ прихода. Въ иныхъ мѣстахъ на 5 священниковъ приходилось до 50 причетниковъ, а число приходскихъ душъ не восходило до 200. Духовенства такъ было много, что ему даже некуда было дѣваться; дѣти его всѣми мѣрами стремились занять церковныя мѣста, обманывали архіереевъ, подкупали прихожанъ и втирались въ приходы, гдѣ не было никакой нужды въ новыхъ членахъ клира. При Алексѣѣ Михайловичѣ правительство вздумало сократить число поповичей, стало ихъ брать въ военную службу и тягло, но скоро отступилось отъ этой мѣры. При множествѣ кандидатовъ на церковныя мѣста приходскія общины получили возможность развернуть всю свою разсчетливость относительно своего духовенства, принимали къ своей церкви только такихъ, которые сговаривались на меньшую ругу. Изъ жалобы правительству псковскаго митрополита *Маркела* въ концѣ XVII в. видимъ, что по милости этой расчетливости приходскія мѣста наполнялись людьми недостойными, такъ какъ хорошимъ священникамъ, которые не соглашались на малую ругу, прихожане отказывали, что бѣдные попы были у прихожанъ вмѣсто рабовъ и говорить противъ нихъ ничего не смѣли. Съ своей стороны и духовенство, когда на него являлся большой запросъ, непомѣрно поднимало цѣну своему труду; напр. въ концѣ XVII в. крестьяне Шуйскаго погоста жаловались на поборы своего духовенства во время моровой

язвы. Въ 80-хъ годахъ XVII в. при всеобщей переписи государства поднялся вопросъ о надѣленіи причтовъ землею; ко многимъ церквамъ дѣйствительно были примежеваны, такъ называемыя, писцовыя земли, но большая часть осталась безъ земель и послѣ этаго.

Съ умноженіемъ духовенства все болѣе и болѣе затруднялось вступленіе въ него для постороннихъ людей и развивалось сословное значеніе духовнаго чина. Соборъ 1667 г. замѣтилъ, что церкви переходили по наслѣдству отъ отцевъ къ дѣтямъ, какъ частная собственность; доходило до того, что у кого не было дѣтей, тотъ продавалъ свою должность при церкви чужимъ. Соборъ строго возсталъ противъ такого корчемства церквами и хозяйственнаго взгляда духовныхъ лицъ на свои должности, какъ на кормленіе, на доходную статью, обратилъ вниманіе на образованіе духовенства, на выборъ достойныхъ ставленниковъ, церковное благочиніе, нравственность духовенства и на исполненіе пастырями долга учительства. По случаю появленія раскола и развитія вредныхъ для церкви западныхъ вліяній, въ тогдашнее время чувствовалась особенная нужда въ достойномъ бѣломъ духовенствѣ, безъ котораго іерархія, не имѣя непосредственнаго вліянія на народную массу, оказывалась совершенно безсильною. Не удовлетворяясь современнымъ духовенствомъ, и соборы и іерархи и правительство стали горячо обличать его въ невѣжествѣ и недостаткахъ нравственной жизни; рѣзкость этихъ обличеній была соразмѣрна современной нуждѣ и превосходила даже рѣзкость тѣхъ отзывовъ о русскомъ духовенствѣ, какіе находимъ у иностранныхъ писателей о Россіи; таковы напр. слова собора 1667 г., что въ священство поставляются „невѣжды, которые ниже скоты пасти умѣютъ, кольми паче людей“. Вслѣдствіе своей необразованности, упадка нравственной силы и обрядоваго развитія самаго общественнаго благочестія священникъ вовсе терялъ свое пастырское, нравственно-воспитательное значеніе для пасомыхъ и оставался только съ обрядовымъ значеніемъ, какъ совершитель требъ. Отъ того онъ не былъ отечески привязанъ къ приходу, не былъ заинтересованъ нравственнымъ состояніемъ своей паствы, могъ всегда оставить свою церковь, къ которой его наняли, перейти къ другой церкви, гдѣ было лучше. Число *бродячаго духовенства*, которое такъ безпокоило іерархію еще въ XVI в., все возрастало; въ одной Москвѣ (въ началѣ XVIII в.) считалось его до 150 человѣкъ. Соборы 1667 и 1681 г. положили устано-

вить строгое наблюденіе за всѣми перехожими и крестцовыми попами, досматривать у нихъ ставленыя, перехожія и благословенныя грамоты, смотрѣть, не вѣнчаютъ ли они незаконныхъ браковъ, не содѣйствуютъ ли расколу и проч. Приманкой матеріальнаго обезпеченія расколъ увлекъ на свою сторону множество бѣдныхъ духовныхъ лицъ и особенно много нашелъ себѣ помощниковъ въ деморализованномъ безмѣстномъ духовенствѣ, которое за деньги готово было служить по какимъ угодно книгамъ и какія угодно службы. Оба собора изыскивали средства къ уменьшенію числа этаго безмѣстнаго духовенства. Самое полезное въ этомъ отношеніи распоряженіе сдѣлалъ соборъ 1667 г.; оно состояло въ отмѣнѣ старинаго запрещенія службы вдовымъ священнослужителямъ; этимъ пресѣклась одна изъ самыхъ важныхъ причинъ умноженія безмѣстныхъ поповъ и дьяконовъ. Кромѣ того соборы старались еще ограничить домовое богослуженіе у частныхъ лицъ, которымъ всего болѣе кормилось крестцовое духовенство; домовыхъ поповъ дозволено было держать только великимъ людямъ и непремѣнно съ благословенія архіерейскаго.

Духовенство монашествующее. Обличенія коснулись и духовенства монашествующаго. Особенное вниманіе церковнаго и свѣтскаго правительства обратило на себя чрезвычайное размноженіе монастырей. Въ теченіе полувѣка явилось до 120 новыхъ обителей, большая часть которыхъ состояла изъ малолюдныхъ скитовъ, которые возникали въ глуши лѣсовъ и дѣлались вредными притонами раскола. Сначала ихъ по прежнему старались приписывать къ большимъ монастырямъ; потомъ соборъ 1681 г. вовсе запретилъ заводить новые скиты, а выстроенные прежде велѣлъ упразднять и сводить въ большіе общежительные монастыри. Вмѣстѣ съ этимъ соборы 1667 и 1681 г. старались ограничить излишнюю свободу постриженія въ монашество, потому что замѣтили въ монастыряхъ много недостойныхъ монаховъ, которые постригались не ради спасенія, а ради тунеядства, убѣгая отъ тягла и государевой службы. Многіе постригались даже не въ монастыряхъ, а въ мірскихъ домахъ отъ разныхъ бродячихъ черпецовъ безъ всякаго разрѣшенія духовной власти и безъ всякаго предварительнаго искуса. Соборы постановили совершать постриженіе только въ монастыряхъ и притомъ самимъ настоятелямъ и послѣ строгаго законнаго искуса; запрещено было постригать мужей отъ живыхъ женъ и женъ отъ живыхъ мужей. Кромѣ того соборы вооружились противъ бродяжничества

монаховъ, частыхъ переходовъ изъ монастыря въ монастырь, пребыванія въ мірскихъ домахъ, собиранія милостыни по улицамъ; всѣхъ бродячихъ монаховъ и монахинь велѣно было ловить и заключать въ особо отведенные на то монастыри для исправленія. Внутри монастырей церковь старалась возстановить строгость монашескаго общежитія и оградить монашество отъ мірскихъ вліяній. Между монастыремъ и міромъ успѣло завязаться самое близкое общеніе. Кромѣ того, что въ монастырскихъ кельяхъ можно было свободно принимать гостей, въ монастыряхъ постоянно проживало много мірянъ, разной родни настоятелей и монаховъ; съ другой стороны и монахи, даже монахини въ большомъ числѣ проживали въ мірскихъ домахъ у своихъ родственниковъ и сердоболей или въ кельяхъ, нарочно устроенныхъ для нихъ около приходскихъ церквей. Нѣкоторые монастыри, даже женскіе, построены были среди мірскаго строенія и изъ домовъ въ нихъ подѣланы были ходы, которыми монашествующіе и міряне сообщались между собою и днемъ и ночью. Соборъ 1681 г. опредѣлилъ устранить всѣ эти безпорядки; монахинямъ не велѣно было вступаться даже въ управленіе своими вотчинами, а велѣно держать для этаго довѣренныхъ людей. Свѣтское правительство, принимая на себя игуменскія попеченія, писало въ монастыри грамоты, чтобы настоятели, келари, казначеи и братія не держали у себя хмѣльнаго питія, не упивались, не оставляли церквей безъ нѣнія, не ѣздили по мірскимъ домамъ, не держали у себя родни и не давали ей самоуправствовать въ монастырѣ и по вотчинамъ, не ходили по кабакамъ, не валялись пьяные по улицамъ и т. п.

Расширеніе предѣловъ московскаго патріаршества.

Присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Въ западной Россіи съ самаго начала описываемаго времени шло возстаніе противъ польско-католическаго владычества подъ предводительствомъ гетмана *Богдана Хмельницкаго*. Козаки и гайдамацкіе загоны крестьянъ истребляли паповъ, ксендзовъ и Жидовъ, разбивали костёлы, ругались даже надъ трупами, вырываемыми на католическихъ кладбищахъ. Для успокоенія этаго страшнаго возстанія по Зборовскому трактату 1648 г. Поляки обѣщали православнымъ важныя права: митрополиту обѣщали дать мѣсто въ сенатѣ, города, гдѣ есть православныя школы, освободить отъ пребыванія іезуитовъ, обѣщались поду-

мать объ уничтоженіи въ украйнѣ уніи и возвращеніи православнымъ ихъ церквей. Но когда волненіе успокоилось, всѣ эти обѣщанія были забыты. Второе возстаніе Хмельницкаго кончилось неудачно и въ новомъ Бѣлоцерковскомъ трактатѣ объ уніи и правахъ митрополита уже не было ни одного слова; вся западная Россія очутилась въ прежнемъ своемъ положеніи. Тогда цѣлыя тысячи переселенцевъ устремились на востокъ въ московское государство. На востокъ наконецъ обратился и самъ Хмельницкій, и въ 1654 г. Малороссія присягнула на подданство царю московскому. Во время послѣдовавшей за тѣмъ войны Россіи съ Польшей русскія войска въ нѣсколько мѣсяцевъ взяли Смоленскъ, Оршу, Минскъ, Вильну, Ковну, Гродну, Полоцкъ и др., болѣе 20 городовъ Литвы и Бѣлоруссіи. По перемирію 1655 г. Польша должна была уступить Россіи всю Малороссію и Бѣлоруссію и обѣщала православнымъ въ остальныхъ областяхъ своихъ свободу вѣры. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ Россіи въ Москвѣ возникла отрадная надежда на то, что вслѣдъ за этимъ должны будутъ соединиться между собою и обѣ доселѣ раздѣленныя половины единой русской церкви; и. Никонъ титуловался уже патріархомъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. Но послѣдствія долго не оправдывали этой надежды.

Вопросъ о подчиненіи западно-русской іерархіи московскому патріарху. Западная Русь раздѣлялась на партіи, которыя далеко не сходились между собою въ вопросѣ о своемъ подчиненіи Москвѣ. Народная масса, города и простые казаки всегда стремились подъ царя православнаго; имъ сочувствовало все бѣлое духовенство. Но шляхетство и козацкая старшина тянули къ шляхетской Польшѣ; этой партіи сочувствовало высшее духовенство, получавшее большею частію польско-іезуитское образованіе и расчитывавшее, что номинальная зависимость отъ константинопольскаго патріарха для него выгоднѣе дѣйствительной зависимости отъ патріарха московскаго. Митрополитъ кіевскій *Сильвестръ Коссовъ* долго не изъявлялъ своей покорности царю и патріарху, отговариваясь при этомъ страхомъ польской мести. Въ 1654 г. онъ посылалъ въ Москву пикольскаго игумена *Иннокентія Гизеля* хлопотать о томъ, чтобы малороссійская іерархія была по прежнему оставлена въ вѣдомствѣ греческаго патріарха, чтобы на всѣ духовныя мѣста въ Малороссіи ставились Малороссіяне, а не Великороссы, и чтобы по духовнымъ дѣламъ Малороссовъ не вызывали на судъ въ Москву. Нѣтъ сомнѣнія,

что энергичный Никонъ скоро успѣлъ бы подчинить себѣ западно-русскую церковь; его власть признали одинъ за другимъ архіереи смоленскій, могилевскій и черниговскій; самъ митрополитъ повиновался ему. Но вліяніе его ослабѣло какъ разъ въ то самое время, когда особенно было нужно.—Преемникъ Сильвестра (съ 1657 г.) *Діонисій Балабанъ* рѣшительно отказался принять посвященіе въ Москвѣ и явно тяпулъ къ Польшѣ, приверженцемъ которой былъ и тогдашній гетманъ *Выговскій*. Чтобы опять получить въ свою власть всю Украйну, Польша щедро разсыпала обѣщанія, между прочимъ обѣщала русской іерархіи сенаторскія мѣста. Выговскій измѣнилъ царю; съ нимъ вмѣстѣ измѣнилъ и м. Діонисій. До посвященія на мѣсто его новаго митрополита для управленія западно-русскою церковію въ Москвѣ положили назначить намѣстника. Съ согласія царя Питиримъ крутицкій (управлявшій патріаршествомъ) опредѣлилъ на эту должность извѣстнаго царю пѣжинскаго протопопа *Максима Филимонова*, посвятивъ его (1661 г.) по именемъ *Меѳодія* въ епископа мстиславскаго. Но его намѣстничество не было признано ни греческимъ патріархомъ, ни многими западными іерархами, которые пристали къ сторонѣ Діонисія. Много повредилъ Меѳодію и Никонъ, наложивъ за его посвященіе анаѳему на Питирима.

Послѣ измѣны Выговскаго Малороссія раздѣлилась на двѣ половины, польскую за Днѣпромъ и русскую по сю сторону Днѣпра; пошли междоусобія и измѣны гетмановъ. Общая смута отозвалась и на церковныхъ дѣлахъ. Послѣ смерти Діонисія въ 1663 г. митрополитомъ былъ избранъ извѣстный своими страданіями за православіе могилевскій епископъ *Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій*; но на польской сторонѣ Днѣпра выбрали другаго митрополита *Антонія* перемышльскаго. Въ слѣдующемъ же году Іосифъ Тукальскій попался въ плѣнъ къ Полякамъ и 2 года томился въ мріенбургской тюрьмѣ; вмѣсто его на восточной сторонѣ продолжалъ управлять церковными дѣлами Меѳодій мстиславскій, котораго поддерживалъ преданный Москвѣ гетманъ *Брюховецкій*. Но войдя во вкусъ независимой іерархической власти, и Меѳодій сталъ теперь на сторонѣ высшей іерархіи и польско-шляхетской партіи Малороссіи, не смотря на то, что всѣмъ своимъ значеніемъ обязанъ былъ Москвѣ. Когда гетманъ сталъ хлопотать о присылкѣ настоящаго митрополита изъ Москвы, Меѳодій вмѣстѣ съ *Иннокентіемъ Гизелемъ*, который былъ теперь печерскимъ архимандритомъ, и съ другими лицами изъ монашествующаго ду-

ховенства рѣшительно объявили, что какъ скоро изъ Москвы пріѣдетъ митрополитъ, всѣ архіереи и архимандриты запрутся въ своихъ монастыряхъ, и развѣ ихъ за ноги оттуда выволокутъ, тогда только въ Кіевѣ будетъ московскій митрополитъ. Гетманъ и Меѳодій сильно разошлись на этомъ пунктѣ и стали слать другъ на друга доносы въ Москву. Вслѣдствіе гетманскихъ доносовъ Меѳодія очень дурно приняли въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ на соборъ 1667 года. Возвратясь въ Малороссію, онъ сталъ поднимать здѣсь противъ Москвы всѣхъ, кого могъ. Въ это самое время Россія заключила съ Польшей *Андрусовскій* миръ, по которому уступила Полякамъ всѣ свои литовскія завоеванія и всю задпѣпровскую Малороссію, оставивъ за собой только Кіевъ и то на 2 года. Эти уступки сильно огорчили жителей западной стороны Малороссіи, снова отданныхъ на жертву уніи и католическаго фанатизма. Гетманъ задпѣпровья *Дорошенко* поддался Турціи, чтобы съ ея помощью освободиться отъ польской неволи, какъ прежде Хмельницкій освободился отъ Польши съ помощью Москвы. Между тѣмъ на восточной сторонѣ Днѣпра прошелъ слухъ, что царь и остальную Малороссію хочетъ отдать подъ унію и короля. Вслѣдствіе этаго турецкая партія, во главѣ которой стоялъ Дорошенко, усилилась и здѣсь. Къ ней пристали и Меѳодій съ Брюховецкимъ; первому Дорошенко сулилъ независимую отъ Москвы митрополію, а послѣднему — гетманство на обѣихъ сторонахъ Днѣпра. Но лишь только Брюховецкій измѣнилъ, промѣнявъ царя на султана, какъ Дорошенко убилъ его, желая самъ остаться гетманомъ надъ обѣими сторонами. Обманулъ онъ и Меѳодія. Еще раньше этаго онъ освободилъ изъ польскаго плѣна настоящаго митрополита Іосифа Тукальскаго, который теперь немедленно снялъ съ Меѳодія санъ и приговорилъ его къ заточенію. Меѳодій было бѣжалъ въ Москву, но и здѣсь подвергся заточенію за измѣну. — На восточной сторонѣ Днѣпра однако не хотѣли повиноваться Іосифу; всѣми церковными дѣлами управлялъ здѣсь вмѣсто Меѳодія старшій изъ епископовъ *Лазарь Барановичъ* черниговскій. Не смотря на то, что константинопольскій патріархъ единственнымъ законнымъ митрополитомъ Кіева считалъ Іосифа, послѣдній, по своему нежеланію подчиниться Москвѣ и постоянной связи съ турецкой партіей, никакъ не могъ явиться въ Кіевъ и долженъ былъ оставаться до самой своей смерти (1676 г.) при Дорошенкѣ въ Чигиринѣ. Со смертью его управленіе церковными дѣлами перешло въ руки Лазаря Барановича уже на

обѣихъ сторонахъ Днѣпра, тѣмъ болѣе, что и въ государственномъ отношеніи обѣ стороны соединились теперь подъ булавой одного гетмана *Самойловича*. Въ 1686 г. Россія заключила съ Польшей, такъ называемый, вѣчный миръ, по которому закрѣпила за собой восточную Малороссію съ Кіевомъ; въ другихъ русскихъ областяхъ, оставшихся за Польшей, Поляки обязались дать православнымъ свободу вѣры и возвратить имъ старинныя православныя епархіи: луцкую, львовскую, перемышльскую и могилевскую. Теперь только приступлено было къ избранію митрополита. Первыми кандидатами на митрополію были мѣстоблюститель Лазарь Барановичъ и печерскій архимандритъ, преемникъ Иннокентія Гизеля, *Варлаамъ Ясинскій*. Но ни тотъ, ни другой не хотѣли ѣхать на поставленіе въ Москву. Поэтому, обойдя ихъ обоихъ, п. Іоакимъ поставилъ въ митрополиты луцкаго епископа *Гедеона Четвертинскаго* (изъ князей Четвертинскихъ), который бѣжалъ изъ своей прежней епархіи отъ католическаго гоненія и жилъ въ это время въ Батуринѣ. Лазарь и Варлаамъ и теперь протестовали противъ іерархическаго подчиненія Кіева Москвѣ, объявивъ поставленіе Гедеона незаконнымъ. Дѣло могло дойти до серьезнаго раскола въ малороссійской церкви, если бы въ него вступились еще Греки. Но константинопольскій патріархъ, послѣ соборнаго совѣщанія съ другими восточными патріархами, въ 1687 г. самъ согласился признать зависимость кіевской митрополіи отъ московскаго патріаршества. Такимъ образомъ кончилось раздѣленіе русской церкви, продолжавшееся со времени Витовта около двухъ съ половиной столѣтій.—Единство ея однако возстановилось не вполнѣ; отъ нея остались отторгнутыми литовскія области и Галиція, очутившіяся теперь въ самомъ жалкомъ положеніи. Потерявъ свою прежнюю поддержку въ Малороссіи, онѣ остались послѣ этаго одинокими и совершенно безпомощными противъ враговъ православія и подверглись всѣмъ ужасамъ католическаго и уніатскаго фанатизма.

Распространеніе христіанства. На востокѣ церковь успѣшно пріобрѣтала себѣ новыхъ чадъ. П. Никонъ обратилъ особенное вниманіе на *Сибирь*, гдѣ козаки продолжали покорять новыя земли и гдѣ вслѣдъ за ними по новымъ острожкамъ являлись русскіе священники и монахи съ проповѣдью. Сибирскій Митрополитъ *Симеонъ* прислалъ царю просьбу отъ 14 воло тей кондскихъ Остяковъ о присылкѣ священниковъ и иноковъ; по настоянію Никона царь грамотою отъ 1653 г.

велѣлъ устроить въ Кондѣ монастырь и причтъ для крещенія Остяковъ; *Кондскій* монастырь сталъ послѣ этаго просвѣтительнымъ центромъ края. Съ половины XVII в. козаки стали покорять южную Сибирь; дружины *Хабарова* проникли за Яблоновый хребетъ въ далекую *Даурію*, на р. Амуръ. Въ крѣпости *Албазинѣ* явилась приходская церковь, а въ 1671 г. іеромонахъ *Гермогенъ* основалъ здѣсь монастырь. Въ 1681 г. сибирскій м. *Павелъ* отправилъ туда проповѣдниками игумена *Ѳеодосія* и нѣсколько монаховъ; для распространенія вѣры велѣно устроить монастырь въ *Селенгинскѣ*. Соборъ 1681 г. положилъ послать искусныхъ духовныхъ людей въ *Дауры* на р. Лену. Съ 1660 по 1672 г. по восточной Сибири возникли обители въ *Якутскѣ*, *Киренскѣ* и *Иркутскѣ*. Нельзя сказать, чтобы успѣхи вѣры были очень велики, но въ спискахъ ясачныхъ и служилыхъ людей конца XVII в. встрѣчаемъ довольное число новокрещенныхъ. Въ 1689 г. весь амурскій край былъ уступленъ Китаю; Албазинъ срытъ, и христіанская вѣра перестала здѣсь существовать, но за то она проникла теперь въ самый Китай. Послѣ разоренія селеній нѣсколько русскихъ плѣнныхъ съ священникомъ были поселены въ Пекинѣ въ особой русской слободѣ подъ именемъ русской роты съ дозволеніемъ имѣть у себя церковь св. Софіи. Въ 1695 г. тобольскій митрополитъ *Игнатій* посылалъ къ нимъ священника и дьякона съ антиминсомъ, муромъ, церковными книгами и утварью. Изъ донесенія его посланныхъ узнаемъ, что Китайцы бывали въ русскомъ храмѣ и трое изъ нихъ крестилось.

Продолжались попеченія русской церкви и о другой отдаленной окраинѣ государства—*Прикавказьи*. Въ 1650 г. имеретинскій царь *Александръ* снова принялъ русское подданство. Не смотря на гнѣвъ шаха, Имеретія и Кахетія остались за Россіей. Царь грузинскій Теймуразъ, какъ мы знаемъ, самъ былъ въ Москвѣ для присяги на подданство. Послѣ паденія Никопа дѣло о защитѣ грузинской церкви остановилось, за неимѣніемъ у Россіи военныхъ средствъ. Попеченія Россіи ограничились лишь помощью въ устроеніи богослужебнаго порядка въ Грузіи и радушнымъ пріемомъ грузинскихъ эмигрантовъ. Такъ въ 1694 г. принятъ былъ изгнанный имеретинскій царь *Арчилъ*.

Въ самой Россіи оставалось еще очень обширное поприще для христіанской миссіи среди инородцевъ финскаго *сѣвера*, *приволжья* и *прикавказскаго* края. Въ половинѣ XVII в. въ приволжскомъ краѣ произошелъ приливъ новыхъ инородческихъ

силъ чрезъ переселеніе къ Волгѣ калмыцкихъ ордъ изъ степей Азіи. Разинскій бунтъ едва было не погубилъ здѣсь и тѣхъ слабыхъ начатковъ христіанства, какіе были насаждены въ прежнее время. Разинъ обѣщалъ всѣмъ инородцамъ свободу вѣры и весь край, ожесточенный насиліями приказныхъ людей, совершавшимися иногда подъ прикрытіемъ религіозной ревности, пришелъ въ волненіе очень опасное для вѣры. Торжество государства надъ бунтомъ было вмѣстѣ и торжествомъ церкви. Въ концѣ XVII в. правительство узнало, что разные татарскіе мурзы, имѣя въ своихъ помѣстьяхъ христіанъ, принуждали ихъ къ магометанству, и распорядилось такія помѣстья съ христіанскимъ населеніемъ у нихъ отписать, испомѣстивъ ихъ за то землями Мордвы и др. инородцевъ.—Гораздо успѣшнѣе шло дѣло миссіи между Мордвой и Татарами рязанскаго и тамбовскаго края, гдѣ въ половинѣ XVII в. явился замѣчательный дѣятель,—архіепископъ рязанскій *Мисаилъ*, посвященный Никономъ въ 1651 г. изъ ризничихъ новгородскаго архіерейскаго дома. Въ 1645 г. онъ началъ свои поѣздки по епархіи для крещенія Татаръ и Мордвы въ Касимовѣ, Шацкѣ, Тамбовѣ и ихъ уѣздахъ. Въ Касимовѣ крестились два царевича, касимовскій и сибирскій, въ шацкомъ и тамбовскомъ уѣздахъ крещено было 4200 человѣкъ Татаръ и Мордвы; къ православію присоединялись иногда цѣлыя селенія заразъ. Въ 1656 г. святитель отправился во второе путешествіе; на этотъ разъ онъ встрѣтилъ себѣ упорное противодѣйствіе со стороны магометанъ и язычниковъ, но съ помощію гражданской власти успѣлъ обратить еще множество Мордвы и Татаръ. Во время третьей поѣздки Мордва застрѣлила его стрѣлами около села Конобѣева. Кровь святителя была новымъ сѣменемъ христіанства; слѣдствіе по этому убійству до того напугало и Мордву и Татаръ, что они начали креститься въ необыкновенномъ множествѣ. Одинъ шацкій священникъ *Ѳеодоръ* въ 1657 г. доносилъ преемнику Мисаила *Иларіону*, что въ 5 деревняхъ его прихода крестилось до 684 человѣкъ.

Состояніе религіозности, церковныя исправленія и расколъ.

Для искорененія *остатковъ язычества* и *религіозныхъ суевѣрій*, господствовавшихъ въ средѣ самаго русскаго общества, духовное и свѣтское правительства разсылали по городамъ и другимъ мѣстамъ грамоты, которыми воспрещалось кликать коледу, плуга и усень, праздновать купалу, скакать

черезъ костры, заниматься бѣсовскими пѣснями и играми, качаться на качеляхъ, принимать скомороховъ съ музыкой и медвѣдями, гадать по новой лунѣ, во время грома купаться въ водѣ, умываться съ серебра, въ Пасху скакать на доскахъ, въ Святки переряживаться и гадать, загадки загадывать и сказки сказывать небылыя; запрещались безчинія, грязные обычаи и сквернословіе на свадьбахъ; не велѣно было держать въ домахъ домры, сурны, гудки, хари и всякіе бѣсовскіе сосуды. Правительство постоянно вооружалось противъ праздничнаго народнаго разгула, который дѣлалъ православные праздники днями пьянства, безчиній, дракъ и даже убійствъ. За недостаткомъ другихъ болѣе благородныхъ способовъ занять праздничное время, пьянство по праздникамъ было не рѣдкостью не только въ простомъ народѣ, но и въ знатныхъ домахъ, даже во дворцѣ самаго царя. На масляницу и въ Пасху стрѣльцы подбивали по улицамъ цѣлые десятки опившихся. Въ запретительныхъ грамотахъ противъ остатковъ язычества мы уже не встрѣчаемъ упоминовенія старыхъ божествъ, кромѣ Рожаницъ, Купалы и Ярилы, но языческій складъ мыслей и теперь еще хранился во всей свѣжести. Въ явленіяхъ природы видѣли таинственныя силы разныхъ лѣшихъ, домовыхъ, водяныхъ, русалокъ, кикиморъ и другихъ миѳическихъ существъ; на христіанскихъ святыхъ и ангеловъ по прежнему еще переносили образы стихійныхъ божествъ и обращались къ нимъ съ заговорами и жертвами. Не только въ народныхъ сказаніяхъ, но и въ книжной письменности господствовали разказы о фантастическихъ животныхъ и растеніяхъ и о необычайной, таинственной силѣ разныхъ предметовъ природы. На такой полуязыческой точкѣ зрѣнія стоятъ всѣ эти сказанія о животныхъ, о камняхъ, травники, лечебники, сборники примѣтъ и заговоровъ, книги астрологическія, гадальныя и др., которыя давно уже были отречены церковію, но которыми пробавлялись еще всѣ книжные люди. Большая часть сборниковъ и рукописей старинныхъ монастырскихъ библіотекъ наполнена статьями именно такого апокрифическаго и полуязыческаго содержанія. Индексъ отреченныхъ книгъ, помѣщавшійся иногда въ этихъ же самыхъ сборникахъ, разросся до громадныхъ размѣровъ, заключалъ въ себѣ до 100 названій, хотя и обнималъ собою только малую долю тѣхъ лживыхъ молитвъ, легендъ и суевѣрій, которыя существовали въ самой жизни.

Вѣра въ волшебство, какъ и прежде, была распространена во всѣхъ классахъ общества. Уложеніе назначило за колдовство страшныя казни, кнутъ и сожженіе на кострѣ; но въ тоже время къ колдунамъ и колдуньямъ постоянно обращались и простолюдины, и лица изъ высшихъ классовъ. Въ царскомъ семействѣ опасеніе порчи было развито до крайности; болѣзнь царицы или царскихъ дѣтей обыкновенно приписывалась порчѣ и вела къ строгимъ розыскамъ среди придворнаго штата. Встрѣчаемъ нѣсколько любопытныхъ процессовъ о колдовствѣ и порчѣ; наприм. въ 1648 г. возникло цѣлое дѣло объ одной дворцовой мастерицѣ, за чѣмъ она продѣвала царское полотенце сквозь кольцо. Одинъ кречатій помощникъ, не поймавъ кречета, жаловался царю Алексѣю, что надъ нимъ похимостилъ его товарищъ. Въ Шуѣ казнили смертью одного вѣдуна за то, что онъ дѣлалъ женщинъ кликушами. Тамъ же однажды собрали всѣхъ гражданъ по указу архіерея и спрашивали: „не видалъ ли и не слыхалъ ли кто, какъ соборный попъ Иванъ на медвѣдѣ ѣздилъ“? Всѣ сказали, что не видали и не слыхали. Изъ одного мѣста писали въ Москву, что явился лихой человѣкъ, напускаетъ на людей икоту, изъ другаго, что знахарь испортилъ молодыхъ или гостей на пьяномъ свадебномъ пиру, навелъ на нихъ скорбь и они начали кликать безъ ума и памяти и т. п. Кликушъ было безчисленное множество; онѣ были главнымъ безобразіемъ всѣхъ св. мѣстъ и богослуженія всякой церкви. Уже въ концѣ XVII в., когда реформа стучалась во всѣ двери, встрѣчаемъ обвиненіе въ колдовствѣ и ссылку въ Пустозерскъ образованнаго боярина Матвѣева за то, что онъ читалъ черную книгу,—лечебникъ. Въ правленіе царевны *Софьи* главный вельможа кн. *Голицынъ*, возбуждавшій своимъ образованіемъ удивленіе иностранцевъ, пыталъ нѣкоего Бунакова за то, что тотъ вынималъ его княжой слѣдъ; онъ же бралъ у своего крестьянина вѣдуна приворотные коренья для снискапія себѣ любви царевны Софіи, одного Полика Силина заставлялъ лазить на Ивановскую колокольню, чтобы узнать по звѣздамъ, сбудутся ли дерзкіе планы Софьи и ея приверженцевъ. Наконецъ встрѣчаемъ двухлѣтніе розыски колдуновъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи извести царя Петра съ его матерью.

На ряду съ кудесниками и волхвами необыкновеннымъ благоговѣніемъ и вѣрою окружены были разные *ложные пророки*, религіозные обманщики, поражавшіе народъ своимъ страннымъ поведеніемъ, своими таинственными рѣчами и дѣй-

ствіями, въ которыхъ суевѣріе видѣло тоже кудесническую, таинственную силу, какъ въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ вѣдуновъ. Церковь строго вооружалась противъ всѣхъ этихъ пророковъ и чудотворцевъ, смущавшихъ народъ своими видѣніями и соніями. Соборъ 1667 г. велѣлъ ловить „власы растящихъ и ризы черныя носящихъ и босыхъ ходящихъ, иже мнятся благоговѣйни быти, не суть же таковы", и приводить ихъ на святительскіе дворы для суда. Но темная масса почитала этихъ темныхъ людей едвали даже не болѣе, чѣмъ своихъ духовныхъ пастырей, и они имѣли возможность жестоко отмстить православной церкви за ея преслѣдованія, дѣлаясь сильными опорами раскола. Кромѣ этихъ людей повсюду являлись бродячіе чернецы, и свои и чужіе, обманывавшіе народъ ложными святынями. Бродячіе чернецы, приходившіе изъ Греціи и называвшіеся митрополитами и епископами, успѣвали обманывать не только простой народъ, но и бояръ, даже царскую семью. По разсказамъ Серба Крыжанича, эти самозванцы продавали ложныя разрѣшительныя грамоты патріарховъ отъ всякихъ грѣховъ и разныя святыни востока, предварительно поторговавшись, какъ Іуда: „что ми хощете дати и азъ предамъ вамъ Его?"

Развитіе крайне-обрядовой религіозности. Полуязыческій взглядъ на христіанскія святыни и теперь, какъ во времена Стоглава, проявлялся въ волхованіи священными предметами, напр. частицами просфоры, богоявленской водой, ладаномъ, молитвами, которыя для этаго писались на бумажкахъ и хранились въ домахъ или носились на шеѣ въ видѣ талисмановъ и паузовъ, а также въ передѣлкахъ церковныхъ молитвъ въ заговоры и заговоровъ въ молитвы. Духъ этаго полуязыческаго кудесничества соединился съ обрядовымъ благочестіемъ суевѣрной массы и произвелъ извѣстный взглядъ на обряды, не какъ на форму внутренняго богопочтенія, а какъ на нѣчто самостоятельное, спасительное само по себѣ. Въ сознаніи массы внѣшнее богослуженіе теряло всю свою силу отъ малѣйшаго измѣненія въ немъ всякаго слова и дѣйствія, какъ терялъ свою силу заговоръ, прочитанный невѣрно или безъ наблюденія какой нибудь мелочи въ его кудеснической обстановкѣ. Это вредное для православія явленіе обнаружилось теперь по поводу обрядовыхъ исправленій Никона, въ которыхъ масса увидѣла полное разрушеніе вѣры, совершенную гибель для всего спасенія. Соборъ 1667 г. оставилъ нѣсколько обличительныхъ замѣчаній касательно такого край-

няго обожанія религіозной внѣшности; онъ напр. обратилъ вниманіе на то, что въ церквахъ каждый чествовалъ свою икону, ставилъ ей свѣчи и ей только молился, что пескусные люди „своя си иконы боги именовали, чесо ради явствуется не знати единства Божія, паче же многобожіе пещевати". Далѣе этаго обожаніе внѣшности у христіанскаго народа простираться уже не можетъ.

Холодность къ вѣрѣ и церкви. Но съ другой стороны, при этой привязанности къ церковной внѣшности, встрѣчаемъ постоянныя жалобы на холодность къ церкви, показывающія, какъ велика была слабость самаго обряда, неодушевленнаго искреннимъ благочестіемъ. При неразвитости религіознаго чуства обрядъ только и держался привычкой; а между тѣмъ, видя въ немъ самостоятельную спасающую силу, человѣкъ прибѣгалъ къ нему только въ особыхъ случаяхъ, когда эта сила была особенно нужна, наприм. передъ смертью, и забывалъ его при обычномъ теченіи жизни, невозмущаемомъ ничѣмъ чрезвычайнымъ. Многіе не исповѣдывались и не ходили въ церковь цѣлые десятки лѣтъ. Правительство должно было посылать указы по всѣмъ приказамъ и воеводамъ, чтобы они всѣхъ подвѣдомыхъ людей заставляли каждогодно говѣть, а по праздникамъ непремѣнно ходить въ церковь, запрещали въ праздники всякія работы и торги. Пастыри церкви постоянно жаловались на холодность народа къ церкви и на крайнее его небреженіе къ исполненію христіанскихъ обязанностей. У нѣкоторыхъ эта холодность къ церкви являлась вслѣдствіе усилившагося тогда вліянія иностранцевъ протестантовъ, но большая часть отвыкала отъ исполненія христіанскихъ обязанностей или по отдаленности своихъ жилищъ отъ церкви, или за неимѣніемъ времени отъ множества работъ, или просто отъ лѣности и вслѣдствіе особеннаго рода жизни, какъ напр. служилые люди, козаки и стрѣльцы, которые пріучались на своей службѣ къ извѣстнаго рода безшабашному разгулу. Въ пьяномъ видѣ, во время разгула силы и удали, когда человѣку было не до богомолья, эти люди доходили до того, что оскверняли святыни, били духовенство, смѣялись надъ таинствами и т. п. Какъ древній богатырь, сильный человѣкъ, во время разгула своей силы, не вѣрилъ ни въ сонъ ни въ чохъ, а вѣрилъ въ одну свою силу богатырскую; въ другое время, напр. подъ старость, онъ же начиналъ душу спасать, ходилъ ко св. мѣстамъ на богомолье или даже постригался въ монахи.

Неистовства козаковъ и черни. Во время народныхъ волненій видимъ не менѣе противурелигіозныхъ явленій, чѣмъ видѣли въ смутное время или даже во времена удѣльныхъ дракъ. Козаки Разина и самъ Разинъ, ходившій до своего бунта на Соловки къ мощамъ чудотворцевъ, не щадили ни церквей, ни монастырей, убивали „царскихъ богомольцевъ“ священниковъ и монаховъ, кощунствовали надъ святынями. Разинъ вѣнчалъ своихъ козаковъ съ женщинами, заставляя ихъ плясать около дерева, на манеръ древнихъ богатырей, которые „вокругъ ракитова куста вѣнчалися“. Во время кровопролитій бунта явилось много мучениковъ за церковь и отечество, какъ въ смутное время. Въ Астрахани козаки убили архіепископа *Іосифа*. Ревностный архипастырь хорошо зналъ козаковъ; еще 8-лѣтнимъ ребенкомъ онъ былъ свидѣтелемъ, какъ они свирѣпствовали въ Астрахани при Заруцкомъ и безчестили тогдашняго астраханскаго архіепископа Ѳеодосія; отъ удара, полученнаго тогда отъ нихъ, голова Іосифа постоянно тряслась. Не смотря на это, онъ неустрашимо обличалъ теперь бунтовщиковъ, стараясь возвратить ихъ къ порядку. Въ маѣ 1671 г. козаки позвали его въ свой кругъ. Святитель явился во всемъ облаченіи и съ соборомъ духовенства. Его тутъ же хотѣли убить, нѣкоторые хватались уже за его облаченіе, но послышался голосъ изъ толпы: „какъ вы, братцы, на такой великій санъ хотите руки поднять? Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя“. Точно, было страшно коснуться до архіерейскаго облаченія; толкая поповъ и браня ихъ скаредной бранью, козаки велѣли имъ разоблачать Іосифа. Послѣ этаго поднять руки на самаго святителя стало уже не страшно. Его пытали, потомъ взвели на соборный раскатъ и оттуда бросили на землю. Трудно представить еще фактъ, въ которомъ бы такъ близко сходились уваженіе къ церковной внѣшности и полное отсутствіе религіозности. Но въ меньшихъ размѣрахъ повторялось тоже самое, когда напр. уже не козакъ, а дворянинъ трясъ священника за бороду, волочилъ его за ноги по землѣ въ ризахъ, проливалъ у него св. дары и дѣлалъ другія неистовства (о которыхъ разказываютъ намъ автобіографія протопопа Аввакума и челобитныя конца XVII в.) и въ тоже время давалъ вклады въ монастыри, ставилъ передъ иконами пудовыя свѣчи, одѣлялъ милостынею нищихъ. Туже близость обрядоваго направленія въ религіи съ полнымъ отсутствіемъ религіозности обнаруживаетъ легкость, съ какою человѣкъ отрекался отъ вѣры вслѣдствіе какихъ нибудь пасмѣшекъ надъ обрядомъ заѣзжаго протестанта;

оставляя форму религіи, онъ оставался безъ всего, потому что самой религіи въ этой формѣ у него и не было. Этой же неразвитостью задушевной преданности православной церкви, при всемъ уваженіи къ ея обрядамъ, объясняется и то крупное явленіе нашей церковной исторіи XVII в., что, ради воображаемой порчи обряда во время церковныхъ исправленій, ради сугубой аллилуіи, двоеперстія и т. п., огромная масса народа отдѣлилась отъ общенія съ церковію въ расколъ.

Церковныя исправленія. Господствующій духъ времени, подготовлявшій уже близкую реформу, духъ всякаго рода исправленій, прежде всего долженъ былъ коснуться церковной обрядности. Но если предшествовавшія исправленія Максима Грека и Діонисія вызвали сильный обрядовый протестъ, то теперь, когда эти исправленія начались въ небывалыхъ еще размѣрахъ, и самый протестъ противъ нихъ долженъ былъ обнаружиться съ небывалой же силой. Если прежде темная старина восторжествовала надъ поборниками церковнаго обновленія, которыхъ было немного и которые были одиноки и безсильны, то теперь, когда представителей преобразовательнаго духа стало много и когда они стали во главѣ церковной и гражданской администраціи, они сами должны были осилить старинныхъ людей; болѣе упорные изъ послѣднихъ естественно должны были явиться противниками церкви и государства; однимъ словомъ долженъ былъ явиться *расколъ старообрядчества.*

Первую широкую попытку къ исправленіямъ сдѣлалъ п. Іосифъ. При печатномъ дворѣ для исправленія книгъ составилась цѣлая комиссія изъ лучшихъ представителей тогдашняго духовенства. Это были извѣстные тогда книжностію и благочестіемъ: благовѣщенскій протопопъ и духовникъ царя *Стефанъ Вонифатьевъ*, ключарь Успенскаго собора, потомъ протопопъ Казанскаго *Іоаннъ Неронов*ъ, благовѣщенскій дьяконъ *Ѳеодоръ*, протопопы *Аввакумъ* изъ Юрьевца, *Логинъ* изъ Мурома, *Даніилъ* изъ Костромы, священники *Никита* изъ Суздаля, *Лазарь* романовскій и др. Первые двое были люди сильные при дворѣ и при патріархѣ, могли оказывать покровительство даже кандидатамъ на епископство, кромѣ того люди передовые своего времени, съ которыми были въ дружбѣ всѣ лучшіе люди, какъ наприм. Никонъ во время своего архимандритства и на новгородской митрополіи, начальникъ печатнаго двора кн. *Львовъ*, образованный ревнитель благочестія боярин *Ѳедоръ Ртищевъ* и др. Какъ низко стояла образованность этихъ

передовыхъ людей времени, показываетъ множество ошибокъ, которыя были допущены въ исправленныхъ и изданныхъ ими книгахъ. Всѣ старыя спорныя мнѣнія о двуперстіи, объ имени Іисусъ, о сугубой аллилуіи, о хожденіи посолонь, прибавленіе слова „истиннаго“ въ символѣ и др. были возведены теперь на степень несомнѣнныхъ принадлежностей православія и внесены въ книги самыя употребительныя, напр. учебную и слѣдованную Псалтири, Служебникъ, Требникъ, Малый Катихизисъ, Кириллову книгу и Книгу о вѣрѣ, которыя разошлись въ множествѣ экземпляровъ и воспитали на своихъ ошибкахъ цѣлое поколѣніе. Ученые справщики сдѣлали впрочемъ все, что было можно при тогдашнихъ домашнихъ средствахъ образованія и, разумѣется, считали свое дѣло совершеннымъ. Какъ люди передовые, преобразователи, и они въ свое время должны были бороться съ невѣжествомъ массы и съ упрямымъ ея коснѣніемъ въ старомъ обрядѣ. Не ограничиваясь дѣятельностью на печатномъ дворѣ, они подняли вопросы о церковномъ благочиніи, исправленіи церковнаго пѣнія и иконописанія, объ оживленіи церковной проповѣди. Боярынъ Ртищевъ, Никонъ, Нероновъ и Воинфатьевъ заботились о благолѣпіи и благочиніи церковнаго богослуженія, старались вмѣсто прежняго многогласія церковной службы ввести единогласіе. Никонъ выписалъ къ себѣ въ Новгородъ кіевскихъ пѣвчихъ, завелъ у себя прекрасное хоровое пѣніе по кіевскимъ и греческимъ напѣвамъ, которое такъ понравилось царю, что и онъ вызвалъ къ себѣ такихъ же пѣвчихъ и завелъ такое же пѣніе при дворѣ. Самъ патріархъ испугался такихъ нововведеній и сердился на Никона и его друзей. Среди духовенства поднялся сильный ропотъ, говорили, что „заводится ересь новая—единогласное пѣніе и людей въ церкви учить, а прежъ сего людей въ церкви никогда не учивали, учивали ихъ втайнѣ“. Нѣкоторые изъ священниковъ рѣшительно отказались прикладывать руки подъ актомъ объ единогласіи; одинъ изъ нихъ объявилъ, что дѣло объ единогласіи нужно рѣшить судомъ Божіимъ,—пусть ему съ Нероновымъ дадутъ жеребій, чья вѣра правѣе; такимъ образомъ многогласіе стало вопросомъ *вѣры*.—Долгая неподвижность стараго обряда была поколеблена и началось быстрое преобразовательное движеніе въ церкви. Но оно не могло уже остановиться на трудахъ Іосифовскихъ справщиковъ. Скоро явились новые передовые люди съ новой болѣе обширной программой исправленій и съ новыми средствами для ея выполненія; ста-

рые передовые люди остались назади и сами сдѣлались главами старовѣровъ.

Пріѣздъ Грековъ и малороссійскихъ ученыхъ въ Москву. Въ 1649 г. въ Москву пріѣхали іерусалимскій патріархъ *Паисій* и образованный Грекъ *Арсеній*, учившійся въ римской коллегіи и знавшій нѣсколько языковъ. Они первые указали Никону и п. Іосифу на ошибки справщиковъ. Смущенный этимъ, Іосифъ послалъ на востокъ троицкаго келаря *Арсенія Суханова* для изученія греческихъ обрядовъ. Но мы знаемъ, какъ давно уже была подорвана въ Россіи репутація греческаго православія; самъ Никонъ говаривалъ своимъ знакомцамъ, московскимъ протопопамъ, что Греки потеряли вѣру, чревамъ своимъ работаютъ и постоянства въ нихъ не объявилося. Когда пѣзжіе Греки стали обличать русскіе обряды въ неправильностяхъ, въ неправославіи, когда задѣли этимъ обличеніемъ и русское національное чуство и личное самолюбіе справщиковъ, это сомнѣніе въ греческомъ православіи естественно усилилось; вспомнили, что Греки и учатся въ западныхъ еретическихъ странахъ, и книги свои печатаютъ въ Венеціи. Арсеній Сухановъ, одинъ изъ строгихъ старовѣровъ, выполнилъ свое порученіе какъ разъ въ духѣ этой подозрительности къ Грекамъ; дважды возвращаясь съ Аѳона, онъ разказывалъ о такихъ обрядовыхъ отступленіяхъ въ Греціи отъ православія, что совершенно поколебалъ православную репутацію востока у всѣхъ, кому это было теперь нужно. Отъ него же получили вѣсти, что соборъ аѳонскихъ монаховъ жегъ русскія книги и предалъ двоеперстіе проклятію. Къ довершенію всего п. Паисій, уѣзжая изъ Москвы, оставилъ здѣсь Арсенія, который могъ быть выставленъ живымъ образчикомъ еретичества Грековъ, потому что, учась въ Римѣ, отрекался отъ православія. П. Іосифъ сослалъ его на Соловки.

Но кромѣ Грековъ въ Москвѣ въ это время были еще другіе обличители московскихъ грамотѣевъ—ученые монахи изъ Кіева, которыхъ выписали оттуда въ 1649 г., какъ знатоковъ греческаго языка, для исправленія Библіи. Сначала пріѣхали *Епифаній Славенецкій* и *Арсеній Сатановскій*, потомъ въ слѣдъ за ними еще *Дамаскинъ Птицкій*, *Ѳеодосій Сафоновичъ* и др. Не далеко отъ Москвы Ѳедоръ Ртищевъ завелъ учительный *Андреевскій* монастырь; здѣсь, по его приглашенію, и поселились кіевскіе старцы, завели ученое братство и стали заниматься переводами и преподавать греческій

и латинскій языки. Московскіе грамотѣи сначала приняли ихъ радушно, даже переняли у нихъ церковное проповѣдничество, но потомъ сильно разошлись съ ними. Школьное образованіе пришельцевъ было вовсе не похоже на доморощенную ученость московскихъ начетчиковъ, казалось страннымъ, слѣдовательно, по тогдашней логикѣ, истинному правовѣрію несходнымъ. Мы уже видѣли, какъ въ Москвѣ встрѣтили при Филаретѣ Лаврентія Зизанія; отъ обвиненія въ ереси, которое было тогда очень часто и обыкновенно, его спасло только льстивое и униженное согласіе на все, что ему говорили. Новые же пришельцы не только не уступили ученымъ Москвичамъ, но еще отбили у нихъ первенство ученаго авторитета въ обществѣ. Изъ Андреевскаго монастыря стали выходить обидныя рѣчи о невѣжествѣ Москвичей. Поучившись грамматикѣ у Кіевлянъ, московскій ученикъ становился ученѣе своего стараго учителя—отца духовнаго, начиналъ небрежно отзываться даже о такихъ столпахъ, какъ протопопы Иванъ (Неронов) и Степанъ (Вонифатьевъ). Ясно, что кіевскіе старцы учатъ ересямъ и сами еретики, латины и униты. Но сослать ихъ, какъ Арсенія, на Соловки было уже нельзя, потому что за нихъ были царь, Никонъ, Ртищевъ, Морозовъ, Милославскіе, всѣ сильные люди. П. Іосифъ, видя около себя какое-то новое движеніе, которое было ему еще менѣе понятно, чѣмъ прежнее, произведенное московскими протопопами, въ послѣднее время совсѣмъ опустился, предоставивъ всѣ дѣла Никону. Онъ чуствовалъ, что пора его прошла, боялся, что его смѣнятъ съ патріаршества, и умеръ съ этими горькими мыслями.

Исправленія при Никонѣ. Въ патріаршество Никона прежніе справщики потеряли всякое значеніе и книжныя исправленія окончательно получили новый характеръ. Греки все чаще пріѣзжали въ Москву съ своими обличеніями. Послѣ п. Паисія былъ въ Москвѣ *Гавріилъ* митрополитъ назаретскій, *Діонисій* болгарскій, и наконецъ самъ константинопольскій патріархъ *Іоанасій*. Въ 1653 г. воротился съ востока Арсеній Сухановъ и представилъ царю и Никону записки о своемъ путешествіи, названныя „Проскинитаріемъ“. Вмѣсто того, чтобы представить отчетъ о греческихъ уставахъ, онъ описалъ одну практику греческой обрядности, которая была въ очень неудовлетворительномъ положеніи отчасти вслѣдствіе магометанскаго ига, отчасти вслѣдствіе упадка религіозной жизни въ Греціи. Его старообрядческіе отзывы о

Грекахъ очень понравились противникамъ новыхъ исправленій, но уже не могли подѣйствовать на патріарха. Запявшись сличеніемъ книгъ, Никонъ своими глазами увидѣлъ ихъ порчу; онъ самъ видѣлъ символъ вѣры безъ прибавленія слова „истиннаго“ въ соборномъ актѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи и на древнемъ саккосѣ м. Фотія. Въ 1654 г. онъ созвалъ соборъ изъ 5 митрополитовъ (одинъ изъ нихъ былъ сербскій), 4 архіепископовъ, одного епископа, и многихъ духовныхъ лицъ, на которомъ исправленіе книгъ было признано совершенно необходимымъ; подъ соборнымъ актомъ не подписались только епископъ коломенскій *Павелъ*, 2 архимандрита съ игуменомъ и 2 протопопа, въ томъ числѣ Вонифатьевъ. Рѣшеніе московскаго собора тогда же было одобрено на большомъ константинопольскомъ соборѣ, который прислалъ отъ себя книгу Скрижаль, содержавшую въ себѣ обширное толкованіе на чинъ богослуженія. Въ 1656 г. въ Москвѣ былъ собранъ новый соборъ, одобрившій исправленія, на которомъ присутствовали два патріарха антіохійскій *Макарій* и сербскій *Гавріилъ* и два митрополита никейскій и молдавскій. П. Макарій въ Чудовомъ монастырѣ при обрядѣ въ недѣлю православія торжественно объявилъ за двоеперстіе анаѳему; съ нимъ согласились и другіе пріѣзжіе іерархи. Между тѣмъ для руководства въ книжныхъ исправленіяхъ въ Москву отвсюду свозились древнія книги. Арсеній Сухановъ, снова отправленный на востокъ, привезъ оттуда до 700 книгъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были написаны за 600, даже за 1000 лѣтъ. Справщиками сдѣланы были тѣ самые кіевскіе старцы, которые возбудили такое сильное неудовольствіе между московскими начетчиками: изъ Андреевскаго монастыря они переселены были въ Чудовъ, куда перешла съ ними и ихъ школа; начальнымъ человѣкомъ и по печатному двору и по школѣ сдѣланъ былъ между ними Епифаній Славенецкій. Никонъ вызвалъ изъ заточенія и Арсенія Грека, поселилъ его въ своихъ кельяхъ и сдѣлалъ помощникомъ Епифанія. Самая живая дѣятельность закипѣла въ братствѣ; не было года, чтобы оно не издавало вновь исправленныхъ или вновь переведенныхъ книгъ. Весьма важнымъ изданіемъ его было изданіе Скрижали, которая своимъ объясненіемъ богослуженія впервые вносила смыслъ въ обрядовое благочестіе, но за то и подверглась особенно жаркимъ нападеніямъ старовѣровъ.

Недовольство исправленіями и мѣры Никона противъ него. Очутившись въ обидномъ для себя положеніи людей от-

ставшихъ, старые справщики и учители придирчиво слѣдили за дѣйствіями новыхъ дѣятелей и предавали ихъ безусловному порицанію. Съ личнымъ раздраженіемъ соединялся у нихъ еще религіозный ужасъ передъ церковными „новшествами“; имъ казалось, что отъ этихъ новшествъ вся вѣра поколебалась, какъ это казалось прежде людямъ, возставшимъ противъ ихъ собственныхъ церковныхъ исправленій. Они подавали царю челобитныя, умоляя его защитить церковь отъ ересей, ходили на печатный дворъ ругаться съ новыми справщиками, вездѣ рисовались своимъ древнимъ благочестіемъ, старались, какъ можно, рѣзче выставлять свое двоеперстіе и сугубую аллилуію, публично хулили патріарха и со всѣмъ фанатизмомъ личнаго раздраженія лезли на столкновеніе съ крутымъ первосвятителемъ. Начались аресты, истязанія виновныхъ и ссылки. Павелъ коломенскій лишенъ сана и сосланъ въ Палеостровскій монастырь; Іоаннъ Нероновъ лишенъ скуфьи и сосланъ въ Каменскій монастырь, Даніилъ и Іоаннъ лишены сана и сосланы, первый въ Астрахань, второй въ Муромъ, гдѣ скоро умеръ отъ язвы. Аввакумъ сосланъ въ Даурію, кн. Львовъ заточенъ въ Соловецкій монастырь; уцѣлѣлъ одинъ только уклончивый придворный протопопъ Вонифатьевъ. Патріархъ много вредилъ своему дѣлу тѣмъ, что велъ его слишкомъ круто, безъ объясненій, однимъ авторитетомъ своей власти и возбуждалъ противъ себя много личнаго раздраженія. Даже между коноводами старовѣрства нашелся человѣкъ, который оказался въ числѣ противниковъ патріарха изъ одной личной обиды и недоразумѣнія;—это былъ Нероновъ. Когда дѣло исправленій одобрено было на соборѣ 1656 г., онъ принесъ покаяніе патріарху, сознаваясь, что доселѣ считалъ исправленія однимъ личнымъ его дѣломъ, но что противникомъ самой церкви быть не желаетъ. Никонъ благодушно относился къ тѣмъ, которые изъявляли ему покорность; онъ обласкалъ Неронова, терпѣливо выслушивалъ его укоризны за старое, даже снисходилъ его привычкѣ къ старымъ книгамъ; „обои де добры, говоритъ онъ, все де равно, по комъ хочешь, по тѣмъ и служишь“.

Протестъ противъ новшествъ не ограничился однимъ кружкомъ старыхъ справщиковъ, распространился въ массѣ народа и получилъ здѣсь еще болѣе опасные размѣры. Непривычныя для слуха измѣненія въ текстѣ церковныхъ чтеній и пѣсней, новое пѣніе, запрещеніе двоеперстія, четверокопечный крестъ на просфорахъ—все это сильно смущало народъ,

у котораго привязанность къ внѣшности богослуженія была, разумѣется, еще грубѣе, чѣмъ у его учителей. Когда патріархъ возревновалъ потомъ объ исправленіи иконописанія, объявилъ строгія наказанія, даже анаѳему всѣмъ мастерамъ, которые будутъ отступать отъ древнихъ подлинниковъ, сталъ преслѣдовать иконы, написанныя по латинскимъ образцамъ или неискусными иконописцами, велѣлъ ихъ соскабливать и носить по улицамъ, все это представлялось народу ничѣмъ инымъ, какъ иконоборствомъ. Общее волненіе еще болѣе усилилось, когда главные противники исправленій, старые справщики, стали подвергаться строгимъ наказаніямъ, потому что всѣ они были люди уважаемые, пользовались въ народѣ непоколебимой репутаціей учительности и святости: кто гласы отъ образовъ слышалъ, кто исцѣлялъ болѣзни, кто изгонялъ бѣсовъ. Къ этому присоединились еще тяжкія народныя бѣдствія, война съ Польшей и моровая язва, которыя приписывались гнѣву Божію за отступленіе отъ вѣры, за то, что патріархъ съ еретикомъ Арсеніемъ стали книги и иконы портить къ конечной погибели всего православія. Въ народѣ разказывали по этому случаю о разныхъ откровеніяхъ и видѣніяхъ, противъ которыхъ патріархъ напрасно писалъ указы, чтобы „впредь такимъ небывалымъ вракамъ не вѣрили“. Изъ Москвы волненіе разошлось по областямъ, гдѣ весьма много содѣйствовали ему своею проповѣдью ссыльные противники патріарха. Новоисправленныхъ книгъ не приняли во многихъ мѣстахъ, не смотря на всѣ строгости къ ослушникамъ церковной власти. Эти строгости только еще болѣе усиливали волненіе, развивали мысль о мученичествѣ за вѣру и о послѣднихъ временахъ. Давнишняя мысль о кончинѣ міра нашла теперь самое удобное время для своего развитія; для большаго уясненія ея недавно явились очень подходящіе матеріалы въ сочиненіяхъ, которыя шли изъ западной Руси, въ Книгѣ о вѣрѣ и Кирилловой. Въ западной Руси антихристъ представлялся въ лицѣ папы, отъ котораго попалъ соблазнъ уніи; это же представленіе о латинствѣ, какъ духѣ антихриста, перешло и въ московскую Русь. И вотъ всѣ новшества Никона стали объяснять латинствомъ, говорили и писали, что православные сложились съ унитами Малороссами и Грекомъ Арсеніемъ, который учился въ Римѣ. Намѣченъ былъ и годъ, котораго съ трепетомъ нужно ждать православнымъ, годъ 1666 по числу, еже отъ антихриста.

Успѣхи старовѣровъ послѣ оставленія Никономъ каѳедры. Оставленіе Никономъ каѳедры оживило партію старины.

Во время 8-лѣтняго отсутствія патріарха она до того усилилась, что успѣла возвратить изъ ссылки самаго рьянаго своего вождя Аввакума. Фанатическій страдалецъ за старую вѣру имѣлъ очень сильныхъ поклонниковъ, каковы были: боярынь *Салтыковъ* и его дворецкій *Илья*, богатыя и близкія къ царицѣ боярыни, *Морозова* и *Урусова*, благородная жена *Данилова*, наставница этихъ женщинъ монахиня *Іустина*, даже боярынъ Ртищевъ. Самъ царь принялъ Аввакума съ лаской, уговаривалъ соединиться съ церковію и своей добротой едва не смягчилъ упрямаго фанатика, такъ что онъ, по его собственному признанію, едва укрѣпился противъ духа антихристова. Но, окрѣпившись, онъ началъ еще съ большимъ фанатизмомъ дѣйствовать и писать противъ исправленій и Никона, котораго звалъ антихристомъ, сыномъ геенны, злѣйшимъ изъ всѣхъ еретиковъ. Его снова отправили въ ссылку на Мезень. Въ тоже время заговорили и другіе ревнители. Дьяконъ Ѳедоръ разсылалъ жаркія посланія о правой вѣрѣ и пришествіи антихриста; архимандритъ Покровскаго монастыря *Спиридонъ Потемкинъ* тоже издалъ сочиненіе о правой вѣрѣ, а Златоустовскій игуменъ *Ѳеоктистъ*—объ антихристѣ; попы Лазарь и Никита подавали царю раскольническія челобитныя. По областямъ тоже явились проповѣдники противъ Никоновскихъ новшествъ, напр. въ костромскихъ предѣлахъ черпецъ *Капитонъ*, увлекавшій народъ своею строгою постническою жизнію, въ нижегородской области—строгій пустынникъ *Ефремъ Потемкинъ* и старецъ *Аврамій*. Сторону старовѣровъ принялъ даже одинъ архіерей, *Александръ* вятскій. Нероновъ, принесшій было покаяніе, снова присталъ къ старовѣрамъ.

Отдѣленіе раскола отъ церкви. Наконецъ наступилъ страшный 1666 г., ознаменованный дѣйствіями великаго московскаго собора. Осудивъ Никона, соборъ одобрилъ его церковныя исправленія, одобрилъ книгу Скрижаль и другую книгу Жезлъ правленія, написанную противъ раскола ученымъ Симеономъ Полоцкимъ, и сдѣлалъ допросы главнымъ противникамъ церкви; изъ нихъ Александръ вятскій, Ѳеоктистъ, Ефремъ, Никита и Нероновъ принесли покаяніе и получили разрѣшеніе; нераскаянные, Аввакумъ, Лазарь, Ѳедоръ, преданы анаѳемѣ и сосланы въ дальнія ссылки. Потомъ пріѣхали восточные патріархи и въ 1667 г. великій соборъ въ ихъ присутствіи снова подтвердилъ прежнія постановленія и скрѣпилъ ихъ клятвою противъ тѣхъ, которые впредь не будутъ

принимать церковныхъ исправленій и явятся противниками церкви. Соборъ коснулся и главной опоры старовѣровъ—Стоглава, отмѣнилъ его клятву на троеперстіе и на трегубую аллилуію, осудилъ житіе Ѣвфросина съ его бреднями объ аллилуіи и повѣсть о бѣломъ клобукѣ. Послѣ этихъ опредѣленій старовѣры явились уже раскольниками и произошло ихъ рѣшительное отдѣленіе отъ церкви. Такъ явился *расколъ*,—одно изъ выразительнѣйшихъ и исключительныхъ явленій именно русской религіозной жизни. Представители нравственныхъ силъ древняго русскаго общества, знаменитые протопопы, попы, настоятели монастырей, уважаемые народомъ начетчики взволновали всю Русь, героически шли противъ рожна, лезли на костры,—изъ за чего? изъ за старины, древляго благочестія и древняго обрядоваго безнарядья, о которыхъ новое благочестіе дало въ 1667 г. соборный отзывъ, какъ „о простотѣ и невѣжествѣ“. Оживленная послѣ продолжительнаго застоя, церковная жизнь тронулась по новому пути, стала исправлять обряды, вносить въ нихъ духъ и мысль, поставила вопросъ о религіозномъ образованіи. Ревнители древляго благочестія возстали противъ всего этаго, выставили отрицаніе всякихъ новшествъ, но отрицаніе безъ положенія, съ однимъ голословнымъ: „до насъ положено,—лежи оно такъ во вѣки вѣкомъ; православнымъ нужно помереть за одинъ *азъ*“. Расколъ отдѣлился отъ церкви не вслѣдствіе *движенія* въ какую нибудь *свою* сторону отъ теченія общей исторической жизни церкви, а именно вслѣдствіе своей косности, неспособности слѣдовать за жизнію церкви. Отрекшись отъ движенія, онъ остался окаменѣлостью, замѣчательнымъ историческимъ памятникомъ древней жизни и древляго благочестія со всею ихъ обрядностію, привязанностію къ азамъ и со всей порчей этихъ азовъ.

Раскольническія волненія. Послѣ церковнаго осужденія расколъ подвергся преслѣдованіямъ церковнаго и мірскаго правительства и сталъ въ оппозицію какъ церкви, такъ и государству. Замѣчательно, что многіе поборники церковнаго безнарядья во время Разинскаго бунта соединили свое дѣло съ дѣломъ козаковъ—поборниковъ безнарядья государственнаго. Еще раньше великаго собора началось знаменитое *стояніе за старую вѣру Соловецкаго монастыря*. Въ 1657 г. въ монастырь присланы были новыя книги. Попы посмотрѣли на нихъ и сказали, что они старики и по старымъ книгамъ едва читаютъ, а по новымъ, сколько ни учиться, не навыкнуть

будетъ. Нѣкоторые помоложе хотѣли было служить поповому, но имъ запретилъ это архимандритъ *Илія*. Въ Москвѣ въ это время заняты были дѣломъ Никона и не обратили надлежащаго вниманія на отдаленный монастырь, только смѣнили Нлію. А между тѣмъ старообрядчество все зрѣло въ обители подъ вліяніемъ множества сосланныхъ сюда противниковъ Никона. Здѣсь жили кн. Львовъ, Феоктистъ, Герасимъ Ѳирсовъ и другіе ревнители старой вѣры, человѣкъ до 150; здѣсь же жилъ на покоѣ архимандритъ Саввина монастыря *Никаноръ*, ставшій въ главѣ соловецкаго возстанія. Когда послѣ великаго собора отъ Никона прислано было въ монастырь требованіе служить по новому, келарь *Азарій* и казначей *Геронтій* написали челобитную государю отъ лица всей братіи, въ которой просили оставить монастырь въ старомъ преданіи чудотворцевъ. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ къ вразумленію упорныхъ въ 1668 г. царь послалъ въ монастырь стрѣльцовъ и началась соловецкая осада, въ которой болѣе всего поддерживали бунтовавшую обитель козаки изъ шаекъ Разина. Изъ за крѣпкихъ стѣнъ обители, привыкшей къ осадамъ во время нападеній отъ Шведовъ, раздались пушечные выстрѣлы по царскому войску, впервые возвѣстившіе открытый разрывъ раскола съ государствомъ. Въ первый же разъ расколъ отвергъ здѣсь и молитву за царя. Священники всѣ протестовали противъ этаго рѣшенія монастырскаго собора и успѣли ускользнуть изъ монастыря. Тогда явилось другое крайнее положеніе раскола: „мы и безъ священниковъ проживемъ“, порѣшилъ Никаноръ съ козаками и нѣкоторыми изъ монаховъ, „священники намъ не нужны“, и дѣйствительно стали жить безъ богослуженія и безъ таинствъ. Осада монастыря затянулась 10 лѣтъ, потому что государство, занятое тогда еще Разинскимъ бунтомъ, не могло употребить на нее достаточныхъ силъ. Наконецъ въ 1676 г. уже третій воевода *Мещериновъ* взялъ монастырь. Многіе бунтовщики погибли въ сѣчѣ; оставшіеся въ живыхъ зачинщики бунта, въ томъ числѣ и Никаноръ, перевѣшаны, другіе разосланы въ Колу и Пустозерскъ; объявившіе повиновеніе церкви и государству прощены и оставлены въ монастырѣ.

Между тѣмъ расколъ быстро распространялся и грозилъ серьезными затрудненіями церкви и государству. Укрываясь отъ преслѣдованій правительства, онъ наполнилъ своими тайными скитами всѣ лѣса внутреннихъ областей Россіи, костромскіе, вязниковскіе, брынскіе, особенно керженскіе. Сѣвер-

ное Поморье сдѣлалось его любимымъ притономъ; въ концѣ XVII в. дьячекъ *Данило Викуловъ* основалъ здѣсь знаменитую раскольническую пустынь на р. *Выгѣ*. Съ Поморья расколъ переходилъ въ новгородскіе и псковскіе края, перекинулся за рубежъ—въ Швецію и Польшу, гдѣ нѣкто *Ѳеодосій* основалъ цѣлое согласіе, носящее его имя, *Ѳеодосіевщину*. На польской границѣ процвѣли расколомъ лѣса *Стародубья* и знаменитая *Вѣтка*. На югѣ Россіи расколъ нашелъ себѣ спокойный пріютъ среди донскихъ казаковъ. Наконецъ обширнымъ поприщемъ его стала безконечная Сибирь (1). Распространеніе раскола усиливало противъ него строгія мѣры правительства. Главные расколоучители, Аввакумъ, Лазарь, Ѳедоръ и Епифаній, были сожжены на кострѣ. Московскій соборъ 1681 г. положилъ усилить средства къ отысканію раскольниковъ, запретилъ продажу раскольническихъ тетрадей и старыхъ книгъ, подчинилъ строгому надзору домовыя церкви, скиты, молельни и часовни, служившія притономъ расколу, и сталъ сокращать ихъ число.

Но едва только опредѣленія собора стали приводиться въ исполненіе, какъ въ 1682 г. возгорѣлся новый *раскольническій бунтъ въ самой Москвѣ*. Раскольники воспользовались борьбой, возникшей послѣ смерти царя Ѳеодора между партіей Нарышкиныхъ и партіей Милославскихъ изъ-за престола. Послѣ страшнаго стрѣлецкаго бунта, кончившагося объявленіемъ двоевластія царевичей *Петра* и *Іоанна* подъ регентствомъ сестры ихъ *Софьи*, когда вся Москва была еще въ трепетѣ отъ стрѣльцовъ, раскольники подговорили послѣднихъ постоять за старую вѣру. Сторону ихъ принялъ самъ начальникъ стрѣлецкаго приказа кн. *Хованскій*. Бродячій монахъ *Сергій* написалъ челобитную о возстановленіи старой вѣры, а другой расколоучитель, знакомый намъ попъ *Никита*, прозванный *пустосвятомъ*, назначенъ былъ для публичнаго пренія о вѣрѣ со властями. Послѣ своего покаянія на соборѣ 1667 г. Никита опять совратился въ расколъ и успѣлъ пріобрѣсти себѣ у раскольниковъ громкую репутацію непобѣдимаго книжника. Самъ Хованскій сказалъ про него, что онъ всѣмъ заградитъ уста, что и прежде никто не могъ его перекричать. Увѣренность въ успѣхѣ была такъ велика, что рас-

(1) Такъ какъ расколъ сдѣлался у насъ предметомъ особой науки, то мы въ своемъ изложеніи будемъ слѣдить только за общимъ ходомъ его жизни, предоставляя подробности спеціальной его исторіи.

кольники еще до прeнія требовали, чтобы государей непремѣнно вѣнчали по старому чину. Заручившись помощью стрѣльцевъ, расколоучители кромѣ того успѣли взволновать своими проповѣдями народъ. 5 іюля старовѣры огромной толпой привалили на дворцовую площадь, неся съ собой старыя книги, иконы и свѣчи и шумно потребовали прeнія съ властями непремѣнно на Лобномъ мѣстѣ. Но патріархъ не шелъ на Лобное мѣсто, гдѣ они были сильны числомъ и могли надѣлать духовенству оскорбленій, звалъ ихъ въ кремлевскія палаты. Послѣ долгихъ споровъ о мѣстѣ прeнія, оно было назначено по настоянію царевны Софіи въ грановитой палатѣ, куда явилась и сама Софія съ царицей Натальей и двумя царевнами. Раскольники съ шумомъ вошли въ палату, разставили аналои и образа и стали читать челобитную. При первыхъ же возраженіяхъ Никита, для смѣлости выпивши, зашумѣлъ, чуть не прибилъ *Аѳанасія* холмогорскаго, который сталъ его оспаривать, и замолчалъ только послѣ грознаго окрика Софьи. Горячая царевна не утерпѣла, чтобы не поспорить съ раскольниками; особенно задѣли ее хульныя рѣчи челобитной о православіи ея отца и брата. Она вскочила съ мѣста и грозила, что все царское семейство послѣ этаго уйдетъ изъ Москвы. Стрѣльцы струсили этой угрозы, потому что въ случаѣ ухода царскаго семейства изъ Москвы на нихъ поднялись бы всѣ войска и земли; они поспѣшили успокоить гнѣвную правительницу. По прочтеніи челобитной п. Іоакимъ, держа въ рукахъ Евангеліе святителя Алексія, сталъ увѣщевать и опровергать раскольниковъ. Но поднялся такой шумъ, что ничего не было слышно, и только видны были надъ головами поднятыя руки съ двуперстіемъ. Отпущенные изъ палаты, раскольники толпой высыпали на улицу, крича: „побѣдили!“ отправились за Яузу въ стрѣлецкія слободы и стали тамъ служить молебны и звонить въ колокола. Въ туже ночь Софья призвала къ себѣ на увѣщаніе стрѣлецкихъ выборныхъ. Стрѣльцы не устояли передъ соблазномъ царскаго погреба и выдали своихъ отцовъ. Никитѣ отсѣчена голова; другихъ разослали по монастырямъ подъ строгій началъ. Послѣ этаго бунта правительство еще болѣе усилило свою *строгость къ раскольникамъ*. Въ 12 статьяхъ указа 1685 г. расколъ былъ совершенно запрещенъ въ государствѣ; раскольниковъ велѣно ловить и жечь; тѣхъ, которые перекрещиваютъ совращенныхъ, казнить смертію, хотя бы они и покаялись; за пристанодержательство раскольниковъ виновныхъ

бить кнутомъ и налагать на нихъ пеню. Множество раскольниковъ въ отчаяніи бросилось за границу или укрывалось отъ правительства въ непроходимыхъ лѣсахъ Россіи и Сибири; самые рьяные изувѣры сами лезли на казни, считая ихъ подвигомъ мученичества за вѣру, или же сами себя сожигали въ срубахъ; ученіе объ очистительномъ подвигѣ самосозженія, которое проповѣдывалъ еще Аввакумъ, нашло себѣ множество послѣдователей.

Распаденіе раскола на толки. Между тѣмъ, отвергнувъ церковный авторитетъ, расколъ, предоставленный самому себѣ, распался на множество толковъ. Прежде всего, вслѣдствіе отверженія православной іерархіи, между раскольниками возникъ трудный вопросъ: откуда брать священниковъ? Одни стали брать ихъ у церкви, сманивая къ себѣ пьяныхъ и нищихъ поповъ и разными способами очищая въ нихъ благодать рукоположенія отъ Никоновой скверны; другіе положили, что можно обойтись и безъ священства, предоставивъ всѣ требоисправленія выборнымъ мірянамъ. Такъ возникли два основныхъ толка въ расколѣ: *Поповщина* и *Безпоповщина*, которые въ свою очередь распались на множество мелкихъ толковъ, раздѣленныхъ другъ отъ друга или обрядовыми разностями или степенью отрицательнаго отношенія ихъ къ церкви и государству. Ничѣмъ необуздываемое отрицаніе часто принимаетъ въ нихъ характеръ уже не раскола, а чистой ереси. Говоримъ не о случайныхъ ересяхъ, не составляющихъ сущности раскола, каковы напр. мнѣнія Аввакума, что Троица тресущна въ трехъ равныхъ естествахъ, что Христосъ Богъ особый, сидитъ на четвертомъ престолѣ, сосарствуя Троицѣ, что душа человѣка и ангелы плотовидны, или противуположное мнѣніе дьякона Оедора, что Троица несѣкома, одно лице; подобныя мнѣнія зависѣли отъ личнаго невѣжества учителей. Еретическій характеръ раскольническаго отрицанія главнымъ образомъ выразился въ отверженіи православной іерархіи, отверженіи таинствъ евхаристіи, священства и брака или въ ложномъ представленіи о силѣ и способахъ совершенія этихъ и другихъ таинствъ, въ смѣшеніи ихъ съ обрядами, раздаваніи напр. вмѣсто евхаристіи пасхальнаго хлѣба и богоявленской воды. Крайняя степень отрицанія выразилась въ *Нетовщинѣ*, которая совершенно отвергнула всѣ таинства и обряды и, отчаянно опустивъ руки, все предоставила Богу: пусть спасаетъ, какъ Самъ знаетъ. Такъ исключительно-обрядовое направленіе религіозности

въ своемъ крайнемъ развитіи дошло до полнаго обрядоваго нигилизма, отрицанія себя самого. И здѣсь видимъ свидѣтельство того, какъ одна обрядовая вѣра можетъ близко граничить съ невѣріемъ, даже быть съ нимъ тождественною.

Ересь Людей Божіихъ. Въ одно время съ развитіемъ обрядоваго раскола, въ контрастъ непомѣрно развивавшемуся обрядовому направленію, развивалось противуположное мистическое направленіе религіозности въ небольшой пока сектѣ *Людей Божіихъ* или *Христовщины*. Вѣра въ общеніе человѣка съ тайными силами, въ кудесническое значеніе разныхъ лжепророковъ, почитаніе ихъ до обожанія были не новостью въ русскомъ народѣ. Трясущіеся пророки и пророчицы были нерѣдки еще во время Стоглава; во всѣ времена существовало также убѣжденіе, что въ человѣка могутъ чувственно вселяться и демоны и божества. Нѣтъ нужды выводить мистику Людей Божіихъ съ запада; она только до крайности развила значеніе народныхъ пророковъ, сдѣлавъ ихъ не только органами небесныхъ откровеній, но и носителями Божества. По ея ученію, посредствомъ разныхъ способовъ богоугожденія или „таинственной“ смерти пророкъ можетъ дойти до состоянія „таинственнаго воскресенія“, когда Духъ Божій, вселясь въ него, совершенно уничтожаетъ его личность и онъ дѣлается Сыномъ Божіимъ по природѣ, новымъ Христомъ. Всѣ его дѣйствія и слова становятся послѣ этаго дѣйствіями Божества; онъ безгрѣшенъ, всевѣдущъ, можетъ творить чудеса; воля его—воля Божія и всѣ ученики его должны ему покоряться безусловно. Секта эта открылась въ самомъ началѣ царствованія Алексѣя Михайловича. Въ муромскомъ уѣздѣ на гору Городину сошелъ съ неба Богъ Отецъ и принялъ плоть одного бѣднаго солдата *Даніилы Филипповича*. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ проповѣди въ костромскихъ, владимірскихъ и нижегородскихъ предѣлахъ онъ объявилъ своимъ сыномъ муромскаго крестьянина *Ивана Тимоѳеича Суслова* и въ 1649 г. далъ ему свое божество. Лжехристосъ Сусловъ завелъ себѣ богородицу,—одну дѣвицу, и 12 апостоловъ, и сталъ проповѣдывать преимущественно въ нижегородскихъ предѣлахъ. Скоро его поймали и наказали плетьми. Люди Божіи разказываютъ, что царь и п. Никонъ распяли его у Спасскихъ воротъ въ Москвѣ, но черезъ 3 дня онъ воскресъ и опять проповѣдывалъ до 1671 г. Схваченный опять, онъ получилъ свободу по случаю рожденія царевича Петра и свободно жилъ въ Москвѣ 30 лѣтъ. Здѣсь въ послѣдній разъ посѣтилъ его Да-

пила Филиппычъ и послѣ этаго въ 1700 г. вознесся на небо. Похожденія Суслова кончились уже въ 1716 г., когда и онъ тоже вознесся на небо. Такъ начался у Людей Божіихъ рядъ новыхъ воплощеній Христа въ лицѣ ихъ пророковъ, который продолжался и послѣ Суслова. Отвергнувъ церковные обряды, Христовщина выработала свою собственную обрядность, которая состоитъ въ пѣсняхъ, напряженныхъ движеніяхъ, круговыхъ пляскахъ или „радѣніяхъ“, которыми изувѣры, какъ и всѣ вообще мистики всѣхъ народовъ и временъ, приводятъ себя въ напряженное состояніе или духовный восторгъ.

Продолженіе обрядовыхъ исправленій въ церкви. Выдѣливъ отъ себя расколъ, церковь между тѣмъ могла свободнѣе продолжать свои исправленія. При п. Іоакимѣ изъ круга церковныхъ книгъ неисправленной оставалась только Библія. Въ 1674 г. дѣло исправленія ея поручено было Епифанію Славенецкому, но онъ не дожилъ до окончанія своего труда. Для исправленій церковнаго благочинія соборъ 1667 г. издалъ нѣсколько распоряженій о храмахъ, св. вещахъ, облаченіяхъ, о совершеніи службъ и таинствъ; соборъ 1675 г. опредѣлилъ богослужебныя преимущества іерарховъ,—между прочимъ позволилъ митрополитамъ облачаться вмѣсто фелони въ саккосъ, бывшій доселѣ отличіемъ одного патріарха; соборъ 1678 г. запретилъ дѣйство въ недѣлю Ваій всѣмъ архіереямъ, кромѣ патріарха. Продолжались заботы объ улучшеніи церковнаго пѣнія по кіевскимъ образцамъ. Въ иконописаніи, кромѣ старыхъ школъ, новогородской, строгоновской, московской, явилась еще царская школа, начальнымъ человѣкомъ которой былъ мастеръ *Симонъ Ушаковъ;* она много позаимствовала у западныхъ мастеровъ, которыхъ царь Алексѣй вызывалъ въ Россію для обученія русскихъ иконописцевъ, вводила въ иконопись болѣе правильный рисунокъ и живой колоритъ. Произведенія суздальскихъ и другихъ иконописцевъ, стоявшихъ на старой степени развитія, подверглись гоненію; противъ нихъ написаны были (1668 г.) грамоты царя, п. Іосифа и двухъ греческихъ патріарховъ, бывшихъ въ Россіи. Но съ другой стороны оказывалось нужнымъ предохранять русскую иконопись и отъ крайностей западнаго *(фряжскаго)* письма. П. Іоакимъ своею окружною грамотою запретилъ продажу иконъ, печатанныхъ на бумагѣ „Нѣмцами еретиками по своему ихъ проклятому мнѣнію и въ одеждахъ странныхъ нѣмецкихъ, а не съ древнихъ подлинниковъ, въ посмѣхъ христіаномъ“. Для руководства иконописцамъ составлялись обширные *Подлинники* на основаніи древняго греческаго под-

лицника, прологовъ, четминей и кіевскихъ печатныхъ листовъ.

Религіозное образованіе.

Отношеніе Русскихъ къ западному образованію. Преобразовательное движеніе, которое такъ сильно встревожило застоявшуюся старину, не ограничилось одними обрядовыми исправленіями. Сознаніе недостатковъ старой жизни все развивалось, поднимало одинъ вопросъ за другимъ и дѣлало программу исправленій все шире и шире; въ недалекомъ уже будущемъ ясно вилѣлась коренная и широкая реформа всей русской жизни по образцу просвѣщеннаго запада. Наплывъ иностранцевъ невольно приводилъ къ печальному сравненію своего съ чужимъ. Въ Москвѣ завелась большая нѣмецкая слобода, которую, какъ свою передовую колонію, западъ выдвинулъ въ самое средоточіе русской жизни и съ помощью которой знакомилъ Россію съ своимъ общежитіемъ, мастерствами, диковинками и игрушками своей цивилизаціи. Заимствованіе западныхъ обычаевъ въ русскомъ обществѣ началось еще задолго до реформы Петра Великаго. Въ раскольнической литературѣ поднялись сѣтованія, что Русь позавидовала иностраннымъ обычаямъ, стала перенимать у еретиковъ взоры, хожденія, одежды и всякую ихъ пеструю прелесть. Но, увлекаемое на новую дорогу западной цивилизаціи, общество все еще страшилось своего увлеченія, шло съ боязливыми оглядками на каждомъ шагу, по старой памяти каялось въ своемъ общеніи съ еретиками, какъ въ грѣхѣ, и все еще думало сохранить свою старую религіозную замкнутость. Религіозная нетерпимость была еще такъ сильна, что наприм. п. Никонъ насильно отнималъ и истреблялъ у бояръ нѣмецкіе органы, ливреи и картины; однажды онъ невзначай благословилъ на дорогѣ Нѣмцевъ, одѣтыхъ въ русское платье, и послѣ этаго выхлопоталъ царскій указъ всѣмъ Нѣмцамъ ходить непремѣнно въ своихъ, а не въ русскихъ платьяхъ, чтобы по ошибкѣ и впредь не повредили святыни благословенія псамъ; въ 1655 г. онъ велѣлъ перекрещивать всѣхъ православныхъ Бѣлоруссовъ, надъ которыми крещеніе совершено было не чрезъ погруженіе, а чрезъ обливаніе. Перекрещиваніе обращающихся въ православіе латинянъ отмѣнилъ уже соборъ 1667 г. По иниціативѣ духовенства, еретическіе обычаи, напр. употребленіе табаку и брадобритіе, преслѣдовались и правительствомъ. Какъ запоздалы и безплодны были подобныя

усилія остановить вторженіе западнаго духа, видно изъ того, что само же правительство искало себѣ на западѣ пособій тамошнихъ наукъ, художествъ, ремеслъ и военнаго искуства, и годъ отъ году усиливало вызовъ иностранцевъ въ Россію; въ самомъ дворцѣ царя явились нѣмецкая музыка, нѣмецкія картины, часы, зеркала, кареты, сосуды и другія заморскія вещи, завелся театръ и придворная школа комедіантовъ. Гоненія на иноземныя заимствованія теперь ничего не могли сдѣлать, кромѣ вреда, потому что только озлобляли новыхъ людей, ставили въ ихъ глазахъ и духовенство и правительство на одну доску съ старовѣрами. Мы видѣли, какъ при царѣ Михаилѣ кн. Хворостининъ собирался бѣжать изъ Россіи, гдѣ по его словамъ жилъ все глупый народъ; при царѣ Алексіѣ сынъ боярина Ордына-Нащокина, одинъ изъ образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ Москвѣ, къ великому огорченію своего отца и царя, бѣжалъ въ Польшу, потомъ навсегда поселился во Франціи. Правительство поэтому до сихъ поръ еще поддерживало старинное запрещеніе ѣздить русскимъ людямъ за границу, дабы, какъ разсказываетъ Котошихинъ въ своемъ Описаніи Россіи, „узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и обычаи, не начали свою вѣру отмѣнять и приставать къ инымъ и о возвращеніи къ домамъ своимъ и къ сродичамъ никакого попеченія не имѣли и не мыслили". Продолжительный застой, по замѣчанію нашего историка Соловьева, не могъ дать русскому человѣку силы спокойно и твердо встрѣтиться съ цивилизаціей и овладѣть ею, производилъ духовную слабость, которая обнаружилась въ двухъ видахъ: или человѣкъ съ страшнымъ упорствомъ отвращалъ взоры отъ всего чужаго, новаго, потому что не имѣлъ силы, мужества взглянуть на него прямо, помѣряться съ нимъ, трепеталъ передъ нимъ въ суевѣрномъ страхѣ, какъ ребенокъ, котораго ни лакомства, ни розги не могутъ заставить подойти къ новой нянькѣ, или, когда преодолѣвалъ страхъ, то уже вполнѣ подчинялся чужому, новому; второе явленіе повѣряло первое. При такомъ колебаніи, какое видимъ въ обществѣ XVII в. между настоятельной потребностью образованія и болѣзнью неповѣрія, ереси, предстоялъ одинъ исходъ изъ затрудненія, именно—прибѣгнуть за образованіемъ къ югозападнымъ школамъ и къ Грекамъ. Какъ ни подозрительно казалось православіе Малороссіи и Греціи, все же учители, приходившіе оттуда въ одеждѣ православныхъ монаховъ, казались менѣе опасными, чѣмъ учители запада.

Состояніе образованности на югозападѣ. Не смотря на всѣ невзгоды междуусобной войны во время возстанія Хмель-

ницкаго, на гоненія отъ уніи и католицизма, на скудость средствъ, югозападная образованность неуклонно продолжала развиваться въ направленіи, какое указалъ ей Петръ Могила. Кіевская коллегія привлекала къ себѣ цѣлыя сотни учениковъ, несмотря на то, что ей постоянно приходилось терпѣть разныя несчастія и крайнюю нищету до самаго 1685 г., когда кіевская митрополія присоединилась къ Московскому патріаршеству. Въ концѣ XVII в. она имѣла для своего содержанія 5 небольшихъ селъ, 2 хутора, 2 мельницы, 15 дворовыхъ мѣстъ въ Кіевѣ и небольшой окладъ изъ казны (50 руб. и 50 четв. хлѣба въ годъ), но все еще до того была бѣдна, что ея наставники должны были служить безъ жалованья, содержались отъ монастыря наравнѣ со всею братіею, а бурса жила нищенскими сборами съ горожанъ.

Самыми видными *представителями кіевской учености* во второй половинѣ XVII в. были два ректора коллегіи: *Іаѳаръ Барановичъ* (1650—1658) и *Іоаникій Голятовскій* (1658—1662). Въ 1663 г. оба они соборомъ малороссійской церкви были выбраны на состязаніе съ латинянами, по поводу разныхъ нареканій на русскую церковь со стороны іезуитовъ и уніатовъ, и блистательно оправдали свое избраніе, какъ люди, владѣвшіе орудіемъ схоластики наравнѣ съ іезуитами. Опытомъ полемики Барановича служитъ книга: „Новая мѣра старой вѣры“, написанная противъ сочиненія іезуита Боймы о главенствѣ папы и исхожденіи св. Духа. Особенно знаменитъ Барановичъ, какъ проповѣдникъ. Онъ оставилъ послѣ себя два собранія словъ: „Мечъ духовный“ и „Трубы словесъ“. Кромѣ русскихъ сочиненій онъ писалъ по-польски стихи, до которыхъ кіевскіе ученые были большіе охотники, и житія святыхъ.—*Голятовскій* считался еще лучшимъ проповѣдникомъ, чѣмъ Барановичъ. Собраніе его проповѣдей названо „Ключъ разумѣнія“; къ нему авторъ присовокупилъ замѣчательную для характеристики кіевскаго проповѣдничества „Науку сложенія казаній“, въ которой по схоластическимъ руководствамъ, на основаніи Аристотеля, Цицерона и Квинтиліана, изложены правила касательно выбора темы для проповѣди, дѣленія слова на части и, такъ называемаго, изобрѣтенія мыслей. Какъ матеріалъ для проповѣдничества, Голятовскій по примѣру іезуитовъ издалъ два сказанія о чудесахъ Богородицы: „Небо новое съ новыми звѣздами“ и „Скарбницу потребную всему свѣту“. Полемическія его сочиненія считались у іезуитовъ самыми опасными. Памятникомъ его состязанія въ 1663

г. (въ Бѣлой Церкви) съ іезуитомъ Пекарскимъ осталась „Бесѣда Бѣлоцерковская“ о священноначаліи; другое сочиненіе написано противъ іезуита Боймы объ исхожденіи св. Духа. Кромѣ того Голятовскій написалъ еще „Отвѣтъ на Фундаменты вѣры“, какъ называлось одно католическое сочиненіе, и „Души умершихъ людей“ противъ католиковъ и протестантовъ. По поводу явленія въ его время одного лжемессіи, увлекавшаго Евреевъ обѣщаніемъ новаго царства въ Палестинѣ, написано Голятовскимъ сочиненіе „Мессія праведный“. Противъ магометанства направлены его сочиненія: „Лебедь съ періемъ своимъ“ и „Алкоранъ Махметовъ, отъ когелеоа Христова разрушенный“; въ обличеніе язычества—трактатъ „Боги поганскіе“. Кромѣ Голятовскаго и Барановича изъ проповѣдниковъ особенно сдѣлался извѣстенъ игуменъ *Антоній Радивиловскій*. Два собранія его проповѣдей извѣстны подъ хитрыми заглавіями: „Огородокъ (садъ) дѣвы Маріи“ и „Вѣнецъ Христовъ, изъ проповѣдей недѣльныхъ, аки изъ цвѣтовъ рожаныхъ, сплетенный“. Натянутымъ символизмомъ, хитрыми изворотами риторики, наивнымъ употребленіемъ фабулъ и анекдотовъ и свѣденій изъ естественныхъ наукъ Радивиловскій довелъ кіевскую манеру проповѣдничества до смѣшной и уродливой крайности.

Сохранились богословскія лекціи кіевскихъ профессоровъ, изложенныя строгимъ схоластическимъ методомъ, и большею частію полемическаго направленія. Самыми солидными полемическими трудами были труды „*Ѳдама Зерникава*, человѣка впрочемъ не кіевскаго образованія. Онъ родился въ Кенигсбергѣ отъ родителей лютеранъ, учился въ лучшихъ университетахъ запада, былъ въ Оксфордѣ и Кембриджѣ, Парижѣ и Римѣ, наконецъ въ Россіи изъ лютеранства присоединился къ православной церкви. По поводу этого присоединенія онъ подалъ Лазарю Барановичу въ Черниговѣ свое опроверженіе лютеранской вѣры, цѣлый ученый трактатъ, доселѣ впрочемъ извѣстный только изъ похвальнаго отзыва о немъ Ѳеофана Прокоповича. Другое сочиненіе его написано въ 1682 г. противъ католичества объ исхожденіи св. Духа; такого полнаго и образцоваго полемическаго труда объ исхожденіи св. Духа, какъ этотъ, православная церковь еще не имѣла. Зерникавъ умеръ въ Батуринскомъ монастырѣ въ 1690-хъ годахъ. Кіевскіе ученые сдѣлали нѣсколько попытокъ литературной работы и въ историческомъ родѣ; таковы собранія житій и чудесъ, хроники, лѣтописи, сказанія. Особенно замѣчателенъ трудъ ученика Могилы, *Иннокентія Гизеля*, названный „Синопсисомъ“; это

былъ насъ еще первый учебникъ русской исторіи; не смотря на всѣ свои ошибки, обиліе фальшиваго риторства, страсть къ словопроизводствамъ и т. п., онъ оставался единственнымъ руководствомъ для школъ до времени Ломоносова.

Характеръ кіевскаго образованія. Въ огромной массѣ литературныхъ трудовъ, которыя произвела кіевская ученость, видно, какъ все болѣе и болѣе развивалось въ ея направленіи схоластическое господство внѣшнихъ формъ надъ содержаніемъ. *Богословская наука* развивалась, такъ сказать, количественно, а не качественно. Послѣдующій богословъ отличался отъ предшественника только перестановкой частей въ своей системѣ, прибавленіемъ новыхъ артикуловъ, аргументовъ, дивизій и субдивизій и новыхъ силлогистическихъ тонкостей въ опроверженіе новыхъ, иногда очень мелочныхъ и курьезныхъ возраженій, придуманныхъ самимъ авторомъ единственно въ діалектическихъ интересахъ, для упражненія разсудка. Система разбухала по внѣшней величинѣ, не расширяясь по содержанію далѣе простаго, и то далеко неполнаго катихизиса. Въ самыхъ аргументахъ обращали вниманіе не столько на ихъ силу, сколько на правильность ихъ силлогизма и на ихъ количество. Формально развивавшаяся мысль была въ сущности очень простодушна, и наивно, безъ критики, пользовалась всякими средневѣковыми толками о небесныхъ кругахъ, планетахъ, зодіяхъ, громѣ и проч., свидѣтельствами сивиллъ, апокрифами и т. п. источниками. *Риторика* вселяла въ своихъ питомцевъ любовь къ дѣтской игрѣ словами, вычурнымъ тропамъ и фигурамъ, натянутымъ толкованіямъ, символамъ и аллегоріямъ, что видно изъ самыхъ уже заглавій кіевскихъ произведеній. Церковная проповѣдь, подъ вліяніемъ такого рода риторства, сдѣлалась по временамъ занимательнымъ, но вообще пустымъ разглагольствіемъ безъ плодотворнаго приложенія къ жизни. Проповѣдникъ по цѣлымъ часамъ напр. доказывалъ, что Іоаннъ Предтеча подобенъ соловью, или разбиралъ перья крылъ Божіей Матери и перебиралъ для этаго всѣхъ птицъ, даже небывалыхъ, о которыхъ что нибудь зналъ, или въ панегирикѣ какому нибудь лицу занимался разборомъ его имени и основывалъ на этомъ разборѣ всѣ свои похвалы. Въ качествѣ главнаго источника изобрѣтенія мыслей проповѣдь пользовалась тѣми же средневѣковыми сказаніями и свѣденіями о разныхъ естественныхъ предметахъ, птицахъ, звѣряхъ, камняхъ и пр., какъ и богословіе, только еще менѣе его заботясь о критикѣ всѣхъ подобныхъ свѣдѣній; пропо-

вѣдники пользовались всякими средневѣковыми бреднями и апокрифами, и даже охотнѣе, чѣмъ строго научными свѣдѣніями, потому что находили въ нихъ болѣе фантастическихъ образовъ и курьезовъ, годныхъ для интересовъ риторства.—Не смотря однако на всѣ недостатки схоластическаго направленія въ кіевскомъ образованіи, это образованіе все таки было научное, по крайней мѣрѣ служило преддверіемъ дѣйствительной науки, пріучало къ умственной работѣ, отчетности въ мысляхъ, сознательности въ вѣрованіяхъ и во всякомъ случаѣ стояло несравненно выше образованія московскихъ начетчиковъ; кіевскій ученый уже не могъ дойти до такихъ нелѣпостей обрядоваго разрыва съ церквію, до какихъ доходили московскіе совопросники-начетчики. Важно было и то, что схоластика не чуждалась произведеній западной науки и смѣло шла ей на встрѣчу, сама пользуясь всѣмъ, что у нея было добраго. Вредное вліяніе кіевской схоластики, а вмѣстѣ съ ней и кіевской латыни всего чувствительнѣе отозвалось въ томъ, что и та и другая тянули своихъ питомцевъ къ латинству и Польшѣ. Польскія симпатіи образованнаго класса малороссійскаго духовенства мы уже видѣли въ вопросѣ о подчиненіи Малороссіи Москвѣ. Латинскій оттѣнокъ кіевскаго богословствованія обнаружился при переходѣ кіевской образованности въ Москву, гдѣ свѣжее православное чувство простодушныхъ ревнителей вѣры тотчасъ почуяло въ ученіи южныхъ схоластиковъ примѣсь чуждаго православію элемента.

Епифаній Славенецкій. Первая дружина югозападныхъ ученыхъ, явившихся въ Москву при Никонѣ, была еще домогилянскаго, греческаго образованія старыхъ братскихъ школъ. Это были люди безукоризненно православные, честные и скромные труженики, дѣятельность которыхъ признана была въ высшей степени полезною какъ со стороны правительства, такъ и со стороны іерархіи. Выше всѣхъ изъ этихъ пришельцевъ стоялъ Епифаній Славенецкій, оказавшій особенно важныя услуги русскому просвѣщенію. По своему уединенному, аскетическому характеру онъ мало способенъ былъ къ личной общественной дѣятельности, оставался исключительно кабинетнымъ труженикомъ, ограничивая свое непосредственное вліяніе небольшимъ кружкомъ своихъ учениковъ, которымъ добросовѣстно старался передать всю свою мудрость. Такое поведеніе много спасало его отъ лишнихъ столкновеній съ московскими учителями и возбудило въ послѣднихъ общее уваженіе къ нему. Литературная дѣятельность его пропикнута тѣмъ

же ученымъ характеромъ, отличается строгою точностью, серьезною добросовѣстностью и даже кропотливостью въ работѣ; его мысль всегда глубока и строго обдумана, хотя форма, въ какой она выражалась у него, не только не блестѣла тогдашнимъ ріторствомъ и изворотами діалектики, но часто была вовсе необработана и тяжела. Онъ вездѣ вѣренъ своему греческому образованію, любитъ символы, таинственный смыслъ, является человѣкомъ болѣе сердца, глубокаго чувства, чѣмъ разсудочной діалектики. Работы у него было очень много, потому что, за недостаткомъ въ то время ученыхъ людей и при множествѣ новыхъ вопросовъ, правительство и іерархія рады были воспользоваться ученостію этаго труженика и постоянно задавали ему новыя задачи. Прежде всего онъ былъ завалепъ переводами, перевелъ многія отеческія творенія, сочиненія историческія, юридическія, нравственныя, географію, анатомію, написалъ наставленіе объ изученіи греческаго языка, составилъ славяно-россійскій лексикопъ, потребовавшій съ его стороны долгаго и усидчиваго труда, и лексикопъ филологическій, занимался кромѣ того исправленіемъ библейскаго текста и церковныхъ книгъ, писалъ любопытныя для исторіи предисловія къ вновь издававшимся книгамъ, Скрижали, Служебнику, Шестодневу, Часослову, Тріоди, Библіи; при этой обширной дѣятельности онъ имѣлъ еще время заниматься проповѣдничествомъ. Послѣ себя († 1675 г.) Епифаній оставилъ нѣсколько учениковъ, хорошо знавшихъ греческій языкъ; таковы были избранные имъ самимъ сотрудники его въ исправленіи Библіи: чудовскіе монахи *Евѳимій* и *Моисей*, московскій священникъ *Никифоръ* и игуменъ *Сергій*. Самымъ любимымъ ученикомъ его былъ Евѳимій, которому передъ смертью своею онъ передалъ всѣ свои книжныя работы.

Юрій Крыжаничъ. Въ то время, какъ Славенецкій насаждалъ въ Москвѣ еллино-славянское образованіе, пріѣхалъ сюда другой учитель-представитель латинскаго образованія, ученый католическій священникъ, Сербъ, Юрій Крыжаничъ, но, недолго пробывъ въ Москвѣ, попалъ въ ссылку, въ Тобольскъ (въ 1661 г.). Въ теченіе 14 лѣтъ этой ссылки онъ написалъ важныя сочиненія: о русскомъ государствѣ въ XVII в., о промыслѣ (о причинахъ процвѣтанія и упадка государствъ съ богословской точки зрѣнія), славянскую грамматику и опроверженіе соловецкой челобитной. Крыжаничъ явился въ Россію славянскимъ патріотомъ—цивилизаторомъ; онъ видѣлъ въ ней единственное славянское государство, въ ко-

торомъ подъ покровительствомъ самодержавія можно водворить самостоятельное славянское просвѣщеніе и положить основаніе къ освобожденію всего славянства отъ матеріальной и нравственной работы чуждымъ народамъ—Нѣмцамъ и Грекамъ. Въ своемъ сочиненіи о Россіи онъ сильно обличаетъ темныя стороны русской жизни, народное самомнѣніе—слѣдствіе незнанія чужихъ странъ, невѣжество и мудроборство, т. е. гоненіе на науку, тупость и косность народнаго ума, лѣность, поголовное пьянство, грубость нравовъ, развитіе однихъ чувственныхъ инстинктовъ, крутое владѣніе, людодерство судей и правителей, о которыхъ говоритъ Исаія: „начальники твои сообщники воровъ“. Средствомъ къ устраненію этихъ недостатковъ онъ ставитъ просвѣщеніе, но просвѣщеніе именно латинское, выставляетъ спасеніемъ всего славянства покореніе всѣхъ Славянъ римской церкви и соединеніе съ Польшей. Латинскій попъ своими обличеніями оскорблялъ и національное чувство и православныя вѣрованія русскаго народа. Его латинская пропаганда только усиливала подозрительность Русскихъ къ западнымъ учителямъ и заставляла еще крѣпче держаться за малороссійскихъ ученыхъ. Но и въ Кіевѣ повѣяло уже западнымъ духомъ, и оттуда стали являться люди непохожіе на православнаго Епифанія.

Симеонъ Полоцкій. Въ 1664 г. въ Москву явился воспитанникъ новой кіевской школы, Симеонъ Полоцкій; онъ уже не зналъ греческаго языка и принесъ съ собою въ Москву исключительно-латинское образованіе. Это былъ усердный собиратель чужихъ мнѣній, настоящая ходячая энциклопедія всякихъ знаній, которыя онъ ловко умѣлъ облечь въ обычныя риторскія и діалектическія формы, придавъ имъ внѣшнюю доказательность и занимательность. Своимъ многознаніемъ, развитіемъ формы и діалектики, занимательностью, внѣшнею силою своихъ произведеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтной мелкостью мысли и недостаткомъ силы во внутреннемъ ея содержаніи онъ рѣзко отличался и отъ Славинецкаго и отъ другихъ учениковъ старыхъ югозападныхъ школъ, которые немного заучивали, но за то много думали, не владѣли діалектикой, но были сильны своимъ глубокимъ убѣжденіемъ и серьезностію мысли. По своему характеру Полоцкій былъ не кабинетный, а общественный дѣятель, ловкій придворный монахъ, занимательный собесѣдникъ, неутомимый борзописецъ, готовый во всякое время писать и переводъ, и проповѣдь, и ученый трактатъ, и стихи на чье нибудь рожденіе или смерть,

и комедію для придворнаго театра. Отъ этаго у него еще больше было работы, чѣмъ у Славенецкаго. Вскорѣ по пріѣздѣ въ Москву онъ сдѣлался учителемъ царскихъ дѣтей, жилъ во дворцѣ, былъ на виду и у правительства и у іерархіи и постоянно получалъ разныя ученыя порученія; такъ онъ долженъ былъ заняться опроверженіемъ раскола, которое представилъ въ сочиненіи „Жезлъ правленія“; потомъ написалъ полное систематическое изложеніе вѣры, по схоластическимъ образцамъ, названное „Вѣнцомъ вѣры“; по порученію п. Іоасафа сочинялъ для народа поученія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ, противъ игръ и ворожбы; составилъ два большихъ сборника проповѣдей: „Обѣдъ душевный“ и „Вечерю духовную“. Къ чести его надобно сказать, что, слѣдуя обычнымъ кіевскимъ пріемамъ проповѣдничества, онъ имѣлъ въ виду и практическія, жизненныя цѣли, старался быть проще и ближе къ потребностямъ своихъ слушателей. Въ своихъ проповѣдяхъ и другихъ сочиненіяхъ онъ сильно задѣвалъ лѣность духовенства къ проповѣдничеству, обличалъ невѣжество народа, расколы, грязные пороки, суевѣрія, остатки язычества, вѣру въ волшебство, въ паузы, шептыванія, заговоры, встрѣчи, примѣты, ложныя чудеса и святыни, обличалъ народныя игры, праздники Коляды и Купалы, проповѣдывалъ необходимость просвѣщенія и обращался къ царю съ моленіемъ завести школы, умножить учителей и спудеовъ (учениковъ).

Оживленіе просвѣщенія. Дѣятельность Епифанія и Симеона имѣла живительное вліяніе на церковное образованіе. Заговорили о школахъ и церковной проповѣди. Въ 1667 г. прихожане московской Богословской церкви подали царю просьбу о дозволеніи открыть при ихъ церкви школу и найти проповѣдника для сказыванія поученій. Въ усольяхъ Строгоновыхъ въ далекой Перми явился подражатель Полоцкаго, орловскій священникъ, который, слыша, что въ Россіи во многихъ мѣстахъ священники стали говорить проповѣди, и самъ выступилъ на поприще проповѣдничества. Старинные переводы отеческихъ поученій и проповѣди Полоцкаго оказались непонятными для простаго народа; орловскій священникъ сталъ составлять свои, простыя поученія; въ 1684 г. онъ издалъ ихъ подъ названіемъ „Статира“. И въ Перми, какъ прежде въ Москвѣ, духовенство и народъ очень дико встрѣтили церковную проповѣдь, говорили, что такой новости никогда не бывало, что проповѣдникъ хочетъ вводить ересь, и сильно ему досаждали. При царѣ Ѳеодорѣ, воспитанникѣ

Полоцкаго, предположено было завести въ Москвѣ большую школу не только для Россіи, но и для Греціи, откуда приходили печальные слухи о совершенномъ упадкѣ просвѣщенія подъ игомъ мусульманъ. На первый разъ Іоакимъ и царь (въ 1679 г). основали *школу въ типографскомъ домѣ* и собрали въ нее до 30 учениковъ всякаго званія. Начальникомъ ея сдѣланъ іеромонахъ *Тимоѳей*, очень долго путешествовавшій по востоку и въ совершенствѣ знавшій греческій языкъ. Обучать велѣно греческому языку, чтенію и письму; учителями назначены Греки *Мануилъ* и *Іоакимъ*. Царь и патріархъ такъ были рады этой школѣ, что посѣщали ее каждую недѣлю.

Противодѣйствіе юзападному вліянію въ Москвѣ. Усиленіемъ греческаго образованія въ новомъ училищѣ патріархъ стремился дать противовѣсъ польско-латинскому вліянію, которое начало бевпокоить русскую іерархію еще при жизни Славенецкаго, вскорѣ по прибытіи въ Москву Симеона Полоцкаго. Между этими представителями двухъ направленій юго-западнаго образованія, стараго, славянскаго, и новаго, польско-латинскаго, съ самаго начала обнаружилось столкновеніе, въ которомъ московская іерархія приняла сторону Епифанія и старалась его авторитетомъ ослабить авторитетъ Полоцкаго. По своему кроткому и миролюбивому характеру Епифаній не входилъ въ непріязненныя отношенія къ Полоцкому, но не скрывалъ и своего несочувствія къ образу его мыслей, наприм. указывалъ на то, что въ основу своего „Вѣнца вѣры“ Полоцкій принялъ не никейскій, а мнимо-апостольскій католическій символъ вѣры, а также на то, что онъ невѣрно училъ о времени пресуществленія даровъ въ евхаристіи, будто бы они пресуществляются не во время призыванія св. Духа, а при произношеніи словъ Спасителя: „пріимите, ядите“,... какъ учатъ латиняне. Когда Епифанію было поручено исправлять Библію, онъ не принялъ Полоцкаго въ число своихъ сотрудниковъ, какъ человѣка, не знающаго греческаго языка, а знающаго одинъ латинскій, и замѣтилъ, что вообще въ послѣднее время въ Кіевѣ читаютъ одни латинскія книги и отъ этого иногда истины не знаютъ. Послѣ смерти Епифанія Полоцкій, оставшись безъ соперниковъ, началъ еще рѣзче отзываться о невѣжествѣ Москвитянъ, держалъ себя запосчиво и гордо, не хотѣлъ знать ни патріарха, ни другихъ духовныхъ властей, даже сочиненія свои печаталъ безъ благословенія патріарха въ дворцовой типографіи. П. Іоакимъ, самъ человѣкъ ученый, авторъ замѣчательной книги противъ рас-

кола, „Увѣта духовнаго“, былъ сильно раздраженъ противъ гордаго придворнаго монаха, обвинялъ его въ „хлѣбопоклонической ереси“ (такъ какъ онъ училъ покланяться хлѣбу въ евхаристіи до времени его дѣйствительнаго пресуществленія), называлъ его орудіемъ іезуитовъ, его „Вѣнецъ Вѣры“ называлъ вѣнцемъ, изъ западнаго терніе сплетеннымъ, а „Обѣдъ Душевный“—исполненнымъ душевныхъ бѣдъ, и хотѣлъ запретить ему церковную проповѣдь. Но Полоцкій былъ недоступенъ для патріаршей власти, потому что находилъ себѣ сильную поддержку въ царѣ и при дворѣ. Царь Осодоръ былъ истый ученикъ кіевской риторики, выучился у Полоцкаго латинскому и польскому языку и даже самъ слагалъ съ своимъ учителемъ вирши. Братъ царя Іоаннъ и сестра Софія тоже учились у Полоцкаго и получили такое же польско-латинское образованіе. Въ боярскихъ домахъ западно-русскіе и польскіе шляхтичи играли тогда такую же роль, какую въ XVIII в. играли французскіе гувернеры. Высшее общество ходило въ польскихъ кунтушахъ и говорило какой-то смѣсью польскаго языка съ русскимъ. Полоцкій такъ и умеръ (1682 г.), не потерявъ своей силы. Послѣ его смерти противодѣйствіе польско-латинскому образованію пошло успѣшнѣе и скоро дошло даже до вредной для просвѣщенія крайности.

Начало московской академіи. Послѣднимъ произведеніемъ Полоцкаго былъ проектъ академіи, которую царь предположилъ основать въ московскомъ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Но этотъ проектъ по всей вѣроятности дошелъ до насъ уже въ измѣненномъ видѣ, потому что въ немъ заключаются правила очень стѣснительныя для югозападныхъ пришельцевъ въ Москвѣ, которыя не могли принадлежать перу самого Полоцкаго. Въ академіи предположено преподавать гражданскія и духовныя науки (отъ грамматики до богословія) и языки славянскій, греческій, польскій и латинскій для людей всякихъ чиновъ и возрастовъ. Царь предоставилъ въ ея пользу свою библіотеку, вотчины восьми монастырей, одну дворцовую волость и 8 пустошей, далъ ей судебныя привиллегіи съ предоставленіемъ всего суда надъ ея людьми ея блюстителю, обѣщалъ пенсіи учителямъ и лучшія мѣста на службѣ ученикамъ. Блюстителемъ и учителями могли быть только Русскіе и Греки, извѣстные своимъ православіемъ; учителей изъ Литвы и Малороссіи безъ свидѣтельства достовѣрныхъ людей въ академію принимать не велѣно, хотя бы они и на письмѣ обличали неправды латинянъ и протестантовъ, потому что эти прелест-

ники, сказано въ проектѣ, сначала притворяются православными, а потомъ развратныя словеса всѣваютъ и цѣлость вѣры нашей терзать начинаютъ. Назначенная главнымъ образомъ для служенія церковнымъ интересамъ, славяно-греко-латинская академія призывалась къ наблюденію за цѣлостью православія въ Россіи. Никто не долженъ былъ держать въ домахъ учителей иностранныхъ языковъ, а долженъ былъ отдавать дѣтей для обученія этимъ языкамъ въ академію. Ученые иностранцы, поступая на службу, должны были подвергаться въ академіи испытанію и потомъ находиться подъ ея постояннымъ наблюденіемъ; она обязывалась смотрѣть, чтобы иностранцы не распространяли въ Россіи неправославныхъ ученій, наблюдать за новообращенными, тверды ли они въ вѣрѣ, не держитъ ли кто у себя въ домѣ вредныхъ для церкви книгъ, и всѣ такія книги жечь. На судъ блюстителя и учителей отдавались иностранцы, уличенные въ хулѣ на православіе; такіе должны были подвергаться сожженію на кострѣ, равно какъ и тѣ, которые будутъ совращены ими изъ православія въ латинство или протестантство. Въ томъ же 1682 г. царь послалъ къ патріархамъ грамоту о присылкѣ изъ Греціи православныхъ и искусныхъ учителей. По этому приглашенію въ Москву отправились ученые Греки изъ Кефалоніи, іеромонахи *Іоаникій и Софроній Лихуды*, родные братья, получившіе обширное образованіе сначала въ Греціи, потомъ въ Венеціи и Падуѣ.

Сильвестръ Медвѣдевъ и Лихуды. Вскорѣ послѣ этаго приглашенія Лихудовъ послѣдовала кончина царя Осодора. Но вліяніе латинской образованности продолжало развиваться и послѣ него въ правленіе Софьи Алексѣевны. Ея любимецъ кн. Голицынъ явно дружилъ съ іезуитами. Мѣсто Полоцкаго заступилъ одинъ изъ лучшихъ его учениковъ *Сильвестръ Медвѣдевъ*, строитель Заиконоспасскаго монастыря и первый кандидатъ на должность академическаго блюстителя. Это былъ тоже придворный монахъ, какъ и Полоцкій, опирался на силу тогдашнихъ временщиковъ при Софьѣ,—Голицына и Шакловитаго. Какъ прежде противъ Полоцкаго патріархъ выставилъ Славенецкаго, такъ теперь противъ Сильвестра онъ выставилъ ученика Епифаніева, Евѳимія. Предметомъ несогласій между этими учеными монахами явилось ученіе о времени пресуществленія даровъ. Сильвестръ, искусный діалектикъ, какъ и его учитель, мужъ, по отзыву современниковъ, великаго ума

и остроты, сталъ было уже одерживать верхъ надъ Евфиміемъ, какъ на подмогу послѣднему въ 1685 г. явились Лихуды. На другой же годъ по пріѣздѣ они открыли свои курсы въ Заикоспасской школѣ, съ которой была при этомъ соединена и типографская. Медвѣдевъ, потерявши всякую надежду сдѣлаться блюстителемъ академіи и видя въ Лихудахъ соперниковъ по ученому авторитету, сталъ отъявленнымъ врагомъ ихъ, заводилъ съ ними тяжбы, разславлялъ ихъ еретиками и напечаталъ противъ нихъ книгу „Манну“, въ которой развилъ свое мнѣніе о пресуществленіи. Лихуды написали въ отвѣтъ на нее „Акосъ или врачеваніе отъ угрызеній зміевыхъ“, потомъ противъ новаго сочиненія Сильвестра„—Діалоги Грека къ нѣкоему іисуиту“. Споръ перешелъ въ публику и разгорѣлся до того, что о пресуществленіи спорили и мущины и женщины, и въ домахъ и на улицахъ. Въ него вмѣшались іезуиты, жившіе въ Москвѣ, и стали поддерживать Сильвестра. Между тѣмъ постоянныя ссылки Медвѣдева на кіевскія книги, особенно на „Выкладъ о тайнахъ“ (Сафоновича), возбудили въ Москвѣ сильное подозрѣніе на счетъ кіевскаго православія. Въ посланіи къ м. Гедеону, печерскому архимандриту Варлааму и Лазарю Барановичу Іоакимъ горячо возсталъ противъ „новыхъ Могилянскихъ книгъ“, и требовалъ положительнаго отвѣта о времени пресуществленія. Въ Кіевѣ долго отмалчивались, наконецъ прислали согласіе на православное ученіе. Іоакимъ сносился по этому предмету и съ восточными патріархами.

Торжество православія надъ латинскимъ вліяніемъ послѣдовало однако не ранѣе государственнаго переворота, свергнувшаго владычество Софьи. Въ 1689 г. Медвѣдевъ былъ осужденъ на соборѣ и лишенъ иночества; онъ долженъ былъ отречься отъ своихъ мнѣній и объявилъ свою „Манну“ обманною; черезъ годъ онъ попался подъ розыскъ по дѣлу Софьи и Шакловитаго и въ 1691 г., какъ участникъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ противъ Петра, былъ обезглавленъ. Въ одно время съ его осужденіемъ (1689 г.) изъ Москвы были изгнаны всѣ іезуиты и московскимъ католикамъ позволено держать при себѣ только плебановъ ксёндзовъ, а отнюдь не іезуитовъ. Въ 1690 г. Евфимій написалъ „Остепъ“, въ которомъ разобралъ какъ ученіе латинянъ о времени пресуществленія и о происхожденіи св. Духа, такъ и ошибки Сафоновича, Полоцкаго, Медвѣдева и его приверженцевъ. Въ тоже время Софроній Лихудъ составилъ полное опроверженіе католичества

подъ названіемъ „Мечецъ духовный“. Патріархъ съ своей стороны въ 1690 г. созвалъ соборъ, на которомъ „хлѣбопоклонническая“ ересь предана проклятію и запрещено читать многія малороссійскія книги, въ которыхъ замѣчены отступленія отъ православія, Большой Требникъ, Евангеліе Кирилла Транквилліона, Перло многоцѣнное, оба Катихизиса, Лѳосъ, Мессію праведнаго, Выкладъ о церкви и тайнахъ, сочиненія Полоцкаго и др. Малороссійскіе ученые спѣшили выѣзжать изъ Москвы, и кіевское вліяніе на великорусское образованіе было устранено, но за то Москва лишилась теперь самаго главнаго источника для своего просвѣщенія.

Заслуги кіевскихъ и московскихъ ученыхъ. Почти все умственное и религіозное движеніе въ церкви съ половины XVII в. вращалось именно около кіевскихъ ученыхъ. Не было отрасли церковнаго образованія, въ которой они не оставили бы болѣе или менѣе важныхъ памятниковъ своей работы. Эта многосторонность занятій была еще чужда московскимъ ученымъ, дѣятельность которыхъ вся сосредоточивалась въ обрядовыхъ исправленіяхъ и борьбѣ съ расколомъ, да еще въ историческихъ работахъ. Борьба съ расколомъ произвела замѣчательные труды, не уступавшіе трудамъ и малороссійскихъ ученыхъ, каковы: опроверженія раскольническихъ челобитныхъ, Увѣтъ, Щитъ вѣры, окружныя посланія *Ипатія* тобольскаго, одного изъ самыхъ сильныхъ борцовъ противъ раскола и лучшихъ историковъ его. Среди историческихъ трудовъ, лѣтописей и житій особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе обширный сводъ лѣтописей, извѣстный подъ именемъ *Никоновой* лѣтописи, житіе Никона, составленное иподіакономъ *Иваномъ Шушериным*ъ, записки о стрѣлецкомъ бунтѣ *Медвѣдева* и др.

Св. Димитрій Туптало. Изъ югозападныхъ ученыхъ, занятыхъ исключительно теоретическими работами, подобныхъ историческихъ трудовъ не производилъ никто, кромѣ одного св. *Димитрія* (послѣ епископа ростовскаго), который впрочемъ мало обязанъ былъ своимъ образованіемъ кіевской академіи, вышелъ изъ нея до окончанія своего курса по случаю военныхъ тревогъ 1665 г. и довершилъ свое образованіе самъ, подъ вліяніемъ не школы, а дѣйствительной жизни. По своему чисто русскому народному характеру онъ составлялъ даже рѣшительное исключеніе между учеными югозапада. Своимъ задушевнымъ, народнымъ проповѣдничествомъ безъ школьныхъ фразъ и ухищреній молодой инокъ, не имѣвшій и 25 лѣтъ, составилъ себѣ такую ораторскую извѣстность, что объ

немъ спорили Литва и Малороссія, наперерывъ приглашая его къ себѣ въ проповѣдники. Въ 1684 г. онъ приступилъ къ составленію своихъ Чети-Миней,—труду многосложному, требовавшему обширнаго чтенія и осторожной критики. Работа быстро кипѣла подъ мастерской рукой и въ 1689 г. готова была уже первая часть ея, въ 1695 кончена вторая, а въ 1700—третья (послѣдняя 4-я вышла въ 1704 г.). Это было безсмертное произведеніе, доставившее неистощимое чтеніе благочестію, понятное для всѣхъ классовъ народа и давшее автору такую всероссійскую извѣстность, какой не имѣлъ никто изъ церковныхъ писателей ни до, ни послѣ него. Подозрѣніе въ неправославіи коснулось было даже и этаго святаго человѣка. Въ 1689 г. п. Іоакимъ изъявилъ ему свое неудовольствіе за то, что Чети-Минеи стали печататься безъ патріаршаго дозволенія и что въ нихъ вкралось одно католическое мнѣніе о непорочномъ зачатіи Богоматери. Св. Димитрій исправилъ эту ошибку и п. Іоакимъ благословилъ его трудъ. Одного его только и уважали въ Москвѣ между кіевскими учеными. П. Адріанъ написалъ къ нему двѣ похвальныя грамоты.

Дѣло Кульмана. Въ одно время съ осужденіемъ малороссійской учености обращено было серьезное вниманіе на протестантовъ, которые досель спокойно жили въ Нѣмецкой слободѣ. Во второй половинѣ XVII в. противъ нихъ находимъ только одно полемическое сочиненіе: „О иконоборцахъ, кальвинахъ и лютерахъ“ (1671 г.) духовника царя Алексѣя, *Андрея Савиновича.* При п. Іоакимѣ въ Нѣмецкой слободѣ явился изступленный мистикъ *Квиринъ Кульманъ*, который величалъ себя княземъ Бога Израилева, сыномъ Сына Божія, пророкомъ, пришедшимъ для возстановленія 1000-лѣтняго царства Божія на землѣ, жену свою—Маргариту царицей новаго Іерусалима, свое ученіе—Апокалипсисомъ. Въ 1689 г. Нѣмцы сами выдали его правительству съ самымъ дурнымъ отзывомъ о его ученіи. Онъ былъ сожженъ вмѣстѣ съ своими книгами и письмами. Послѣ этаго патріархъ выхлопоталъ у правительства указъ, которымъ велѣно строго допрашивать на границѣ всѣхъ пріѣзжихъ иностранцевъ, кто они, откуда и за чѣмъ ѣдутъ. Въ то время, какъ молодой царь Петръ не могъ обойтись безъ иностранцевъ, Іоакимъ отнесся къ нимъ очень недоброжелательно. Въ своемъ завѣщаніи († 1690 г.) онъ умолялъ правительство не допускать православныхъ до дружбы съ еретиками, не дозволять въ Россіи строенія еретиче-

скихъ мольбищъ, а построенныя прежде раззорить, не давать Нѣмцамъ начальства при полкахъ и не вводить новыхъ иноземныхъ обычаевъ въ одеждѣ и въ жизни.

Просвѣщеніе при п. Адріанѣ. Слѣдующій патріархъ Адріанъ былъ такой же ревнитель православія, какъ Іоакимъ, но менѣе его образованный, человѣкъ старинаго направленія, считавшій брадобритіе великой ересью. Онъ еще болѣе усилилъ противодѣйствіе западному образованію. Къ несчастію для русскаго образованія, встрѣтились случаи, еще болѣе утверждавшіе въ іерархахъ подозрительность къ западнымъ ученымъ. При Адріанѣ попался въ отступничествѣ отъ православія одинъ московскій дьякъ, *Истръ Артемьевъ*, который ѣздилъ учиться въ Венецію; этотъ болѣзненный и первый человѣкъ попалъ тамъ въ руки іезуитовъ и былъ доведенъ ими до такого фанатизма, что по возвращеніи въ Россію началъ горячо отстаивать и проповѣдывать свои латинскія убѣжденія даже съ церковной каѳедры. Въ 1698 г. онъ былъ разстриженъ и сосланъ въ крѣпкое заточеніе на Соловки. Изъ допросовъ ему узнали, какъ русскіе ученые отрекались на западѣ отъ православія, писали противъ него сочиненія на ученыя степени, какъ іезуитское воспитаніе пріучало ихъ ко лжи, скрывательству своихъ убѣжденій, ложнымъ клятвамъ. Вслѣдствіе этаго въ Москвѣ не вѣрили заграничнымъ воспитанникамъ даже въ томъ случаѣ, когда они съ клятвою отрекались отъ латинства и просили присоединенія къ церкви. Въ тоже время, какъ шло дѣло объ Артемьевѣ, пріѣхалъ въ Москву другой ученый, учившійся въ Римѣ, *Григорій Скибинскій*, и проспался въ учители академіи. Не смотря на всю искренность его покаянія въ своемъ отступничествѣ, его не только не приняли въ академію, но запретили давать даже частные уроки въ Москвѣ.

Реакція противъ западнаго образованія коснулась самихъ Лихудовъ. Они преподавали своимъ ученикамъ грамматику, піитику, реторику, логику и физику. Всѣ эти науки излагались ими по схоластическому, по сглаженному методу; вмѣсто Аристотеля ученые Греки выдвинули напередъ отцевъ церкви, вмѣсто латини—греческій языкъ. Но для возбужденія подозрѣній на счетъ ихъ православія теперь довольно было и того, что они съ греческимъ языкомъ не оставляли и латинскаго. Главнымъ обвинителемъ ихъ явился іерусалимскій патріархъ *Досиѳей*, который давно уже слѣдилъ за успѣхами латинской науки въ Россіи и нѣсколько разъ писалъ въ Мо-

скву предостереженія противъ кіевскихъ ученыхъ. Отправляясь въ Россію, Лихуды дали ему обязательство учить Москвичей только по гречески. Узнавши, что они не сдержали своего обѣщанія, Досиоей (1693 г.) отправилъ въ Москву три посланія—къ царямъ, патріарху и самимъ Лихудамъ, въ которыхъ рѣшительно осуждалъ преподаваніе въ академіи латини, Лихудовъ укорялъ за то, будто они не занимаются своимъ дѣломъ, а забавляются около физики и философіи, и не образовали ни одного учителя, звалъ ихъ не Лихудами, а Ликудіями (отъ λύκος—волкъ), грозилъ имъ отлученіемъ. Ученыхъ братьевъ отставили отъ академіи; но Досиоей не былъ доволенъ и этимъ, требовалъ, чтобы ихъ вовсе выгнали изъ Москвы, обвинялъ ихъ въ сношеніяхъ съ турецкимъ правительствомъ. Тогда ихъ заточили въ костромской Ипатьевскій монастырь. Мѣсто ихъ въ академіи заняли ихъ ученики, при которыхъ латинскій языкъ уже совершенно былъ изгнанъ изъ академіи.

Начало новаго времени. Но это было послѣднее и кратковременное торжество стараго образованія надъ новымъ. Западное вліяніе, проникавшее чрезъ Кіевъ, было вытѣснено, но этимъ только опросталось мѣсто для новой, западной образованности, которая шла въ Россію чрезъ Нѣмецкую слободу, образованности уже не церковно-религіозной, а свѣтской, реальной, которая должна была сильно потрясти всю прежнюю исключительно—религіозную жизнь древней Руси. Эта образованность успѣла уже утвердиться такъ прочно, что могла сломать противодѣйствіе даже могучей силы народнаго протеста. Новыхъ людей, тронутыхъ западнымъ духомъ, было уже много; во главѣ ихъ стоялъ самъ царь; имъ уже не нужно было искать исхода своему увлеченію западомъ въ бѣгствѣ изъ Россіи, какъ прежде, потому что теперь въ ихъ рукахъ была сила и власть, съ помощію которыхъ они сами могли перестроивать русскую жизнь по своему вкусу. Въ глазахъ этихъ новыхъ людей духовенство ничѣмъ не могло такъ сильно подорвать своего духовнаго авторитета, какъ именно своимъ недоброжелательствомъ къ западной наукѣ. Начали являться и признаки этаго упадка церковнаго авторитета. Въ одной проповѣди п. Адріанъ жаловался на то, что многіе „отъ пипокъ табацкихъ и злоглагольствъ люторскихъ, кальвинскихъ и прочихъ еретиковъ объюродѣли. Совратясь со стезей отцовъ своихъ, говорятъ: для чего это въ церкви такъ дѣлается? нѣтъ въ этомъ пользы, человѣкъ это выдумалъ.

Едва только св. книгамъ узнаетъ имя или складъ словесный, и уже учитъ архіереевъ и священниковъ, монастыри правитъ, устрояетъ чинъ церковный". Патріархъ требовалъ, чтобы всѣ по-старому учились у своихъ духовныхъ отцовъ, но теперь и отцы духовные и сама московская академія оказывались уже несостоятельными. Въ 1699 г. Петръ писалъ Адріану, что русское духовенство малограмотно, есть въ Москвѣ школа, но мало отъ нея пользы, надобно послать хоть 10 человѣкъ въ Кіевъ для науки; при этомъ царь высказалъ новую мысль о восполненіи древняго исключительно—религіознаго образованія новыми элементами образованія свѣтскаго, писалъ, что надобно завести не одно только церковное обученіе, но еще гражданское, военное, строительное и врачевское.

VIII. СОСТОЯНІЕ РУССКОЙ ЦЕРКВИ ВО ВРЕМЯ РЕФОРМЫ.

Отношеніе Петра къ древнему религіозному быту. Преобразованія предпринимали и прежніе цари до Петра; но по характеру своей церемоніальной, неподвижной дворцовой жизни и своего церковнаго образованія они только и могли писать грамоты изъ дворца, обличать нестроенія, выставлять новыя требованія только на бумагѣ и въ тѣсныхъ границахъ религіозныхъ понятій, направленныхъ нестолько къ нововведеніямъ, сколько къ охраненію старины. Новый царь явился человѣкомъ отрѣшеннымъ и отъ дворцоваго этикета, связывавшаго дѣятельность его предшественниковъ, и отъ древней исключительно—религіозной жизни. По своему опальному положенію въ царской семьѣ при господствѣ Милославскихъ онъ проводилъ свое дѣтство не во дворцѣ, а на улицѣ села Преображенскаго, среди полнаго простора для его необычайныхъ природныхъ силъ, безъ всякаго стѣснительнаго надзора разныхъ приставниковъ, которыми окружались русскіе царевичи, среди шумныхъ военныхъ потѣхъ съ своими сверстниками; изъ него выработался дѣятель, который все видѣлъ собственными глазами, за все брался собственными руками, практикъ съ крутой силой воли и необычайной энергіей, который не умѣлъ ходить, а только бѣгать, у котораго работа кипѣла подъ руками съ такой быстротой, что между мыслью и дѣломъ не было, казалось, никакого промежутка. Религіознаго воспитанія онъ не получилъ ни въ кіевскомъ духѣ, ни въ духѣ великорусскаго древняго благочестія; отсюда шаткость его религіозныхъ убѣжденій, готовность къ воспріятію всего новаго въ религі-

озной сферѣ и свѣтскій характеръ его реформы. Онъ учился безъ руководителей и даже безъ книгъ, на ходу, среди потѣхъ, и прежде всего, разумѣется, бросался на то, что его поражало своей очевидной пользой; его заняли не кіевская элоквенція съ діалектикой, какъ его братьевъ, а корабли, пушки, крѣпостныя работы, ремесла, то, чѣмъ Европа такъ возвышалась надъ Россіей, для чего Россія толпами вызывала къ себѣ иностранцевъ, не смотря на свою религіозную замкнутость; это былъ уже не ученикъ риторики, какъ царь Ѳеодоръ, а корабельный плотникъ, бомбардиръ, шкиперъ, человѣкъ совершенно реальнаго направленія. Реальное направленіе сблизило его съ Нѣмецкой слободой, въ которой въ одной только онъ могъ найти удовлетвореніе своей любознательности. Для его предшественниковъ, для большинства русскихъ людей знаться съ сретиками было страшно; для Петра, не воспитаннаго въ старинныхъ понятіяхъ, этаго страха не существовало, и онъ безъ всякаго стѣсненія протянулъ къ иноземцамъ свою руку, прося ихъ быть своими учителями. Въ такомъ же направленіи была воспитана и знаменитая Петровская компанія, дружина новыхъ людей, съ которой царь дѣлилъ и горе и радость, вмѣстѣ работалъ и вмѣстѣ отдыхалъ на разгульныхъ пирахъ въ сообществѣ съ Нѣмцами. Между тѣмъ старая жизнь не замедлила и его съ компаніей встрѣтить такимъ же противодѣйствіемъ, какимъ она озлобляла всѣхъ новыхъ людей прежняго времени. Понятно, какъ долженъ былъ отнестись къ этому противодѣйствію такой огненный человѣкъ, какъ Петръ.

Петръ выросъ въ гоненіи отъ родныхъ, Милославскихъ, царевенъ тетокъ и царевенъ сестеръ, подъ страшными впечатленіями стрѣлецкихъ бунтовъ, впечатленіями вѣчныхъ жалобъ матери Натальи Кирилловны, постоянно раздражаемый указаніями окружающихъ на отнятую у него власть, на его заброшенность въ Преображенскомъ, на торжество нелюбимой родни. У насъ былъ одинъ царь, воспитанный подъ такими же впечатленіями; изъ него вышелъ Іоаннъ Грозный. Изъ Петра вырабатывался другой Грозный съ такою же ревностію къ своей власти, неудержимый каратель всякаго противодѣйствія этой власти, но кромѣ мономаніи самодержавія у него выработалась еще другая мономанія—болѣзненная ненависть къ религіозному суевѣрію и религіозной исключительности, отрицанію всего, что лежитъ внѣ религіозной сферы, потому что отсюда онъ и встрѣтилъ главное противодѣйствіе всей своей дѣятельности. Еще въ правленіе Софьи его раздражали придворныя сплетни царе-

вень тетокъ и царевенъ сестеръ, которыя указывали на то, что въ кремлевскомъ дворцѣ у Софьи Богу молятся, а въ Преображенскомъ на органахъ да на скрипкахъ играютъ. Вся родня тужила объ его дружбѣ съ еретиками; недовольна была этой дружбой и Наталья Кирилловна, которая терпѣть не могла Нѣмцевъ и никогда не допускала ихъ къ своей рукѣ. Не нашелъ онъ себѣ сочувствія и въ своей первой супругѣ *Евдокіи Лопухиной* съ ея родственниками, и при дворѣ своего брата *Іоанна*, супруга котораго, царица *Прасковья Ѳеодоровна*, держала у себя цѣлый притонъ пророковъ и блаженныхъ. Съ тѣмъ съ первыхъ же шаговъ на своемъ многотрудномъ преобразовательномъ поприщѣ онъ встрѣтился съ страшными народными протестами и бунтами, въ которыхъ масса недовольныхъ реформами постоянно становилась подъ знаменемъ вѣры и дѣйствовала во имя православія. Въ 1697 г., по случаю посылки за границу нѣсколькихъ молодыхъ людей для науки и поѣздки туда самого царя, составился заговоръ *Цыклера* на жизнь Петра. Страшныя казни виновныхъ въ первый разъ обнаружили силу того озлобленія, какое успѣло накипѣть у Петра противъ старинаго духа, враждебнаго его просвѣтительнымъ планамъ. За этимъ заговоромъ черезъ годъ послѣдовало возстаніе стрѣльцовъ, которые большими толпами устремились къ Москвѣ, порѣшивъ—„Нѣмецкую слободу разорить, Нѣмцевъ побить за то, что отъ нихъ православіе закоснѣло, на царство посадить царевну Софью, государя въ Москву не пускать и убить за то, что началъ вѣровать въ Нѣмцевъ“. На это возстаніе царь отвѣчалъ страшнымъ стрѣлецкимъ розыскомъ съ троекратными и четырехкратными пытками и жестокостями, какихъ исторія не видала даже во времена Грознаго; это былъ актъ не правосудія, а ожесточенной ярости царя, который въ это время, по словамъ современниковъ, былъ какъ левъ рыкающій. Ярость царя не пощадила и его семейства; царевны Софья и Мароа, мутившія стрѣльцовъ, и супруга царя Евдокія Лопухина, державшаяся старинной партіи, были пострижены, послѣдняя въ томъ самомъ Покровскомъ суздальскомъ монастырѣ, который принялъ нѣкогда въ свои стѣны другую невольную постриженицу, в. кн. Соломонію, супругу Василія Іоанновича. Вслѣдъ за возвращеніемъ царя изъ-за границы начались преобразованія; всѣмъ русскимъ людямъ, кромѣ духовенства, велѣно брить бороды и одѣваться въ нѣмецкое платье; велѣно праздновать новый годъ, вмѣсто 1 сентября, 1 января. Съ этаго времени страшные застѣнки Преображенскаго постоянно на-

полнялись новыми жертвами царскаго гнѣва; среди пытокъ и казней, орудіе крутой воли Петра, суровый князь-кесарь *Ромодановскій* непрестанно, по его словамъ, кровьми омывался. Съ самаго же начала реформа получила крутой и даже фанатическій характеръ, стала вводиться насильственными и жестокими средствами; но при этомъ нужно вспомнить, что такія же насильственныя и жестокія средства въ свое время употребляла и старина противъ повшествъ; еще недавно правительство за употребленіе табаку рѣзало носы, а п. Адріанъ разослалъ окружное посланіе, въ которомъ предавалъ брадобритіе анаѳемѣ.

Отношенія Петра къ патріархамъ. Всѣ протесты противъ реформы раздавались во имя вѣры и съ спльнымъ участіемъ въ нихъ духовныхъ лицъ; это обстоятельство не могло не отозваться весьма дурно на положеніи главы всего духовенства—патріарха. Еще до времени своего единодержавія, при жизни матери, Петръ уже далеко разошелся съ п. Іоакимомъ. Къ этому времени относится грубая насмѣшка Петра надъ патріаршествомъ, выразившаяся въ учрежденіи „всешутѣйшаго и всепьянѣйшаго собора“, во главѣ котораго былъ поставленъ пьяный *Никита Зотовъ*, бывшій учитель царя, съ титуломъ Іоаникита, патріарха презбургскаго, яузскаго и всего Кокуя; членамъ компаніи розданы въ этомъ соборѣ разныя должности—экклезіарховъ, дьяконовъ и проч., самъ царь принялъ на себя должность протодьякона. Преемникъ Іоакима Адріанъ сначала было рѣзко высказался въ старомъ духѣ, противъ иноземныхъ обычаевъ и нововведеній, но скоро долженъ былъ замолчать; въ послѣдпее время онъ даже вовсе уѣхалъ изъ Москвы и жилъ безучастно въ своемъ любимомъ Переръвинскомъ монастырѣ, такъ что въ народѣ говорили: „какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска, бережетъ мантіи да клобука бѣлаго, за тѣмъ и не обличаетъ“. Патріархъ не мѣшалъ реформамъ; но Петру этаго было мало, ему нужно было, чтобы патріархъ ему содѣйствовалъ; безучастное положеніе главы церкви было тѣмъ же отрицаніемъ новыхъ порядковъ, только безмолвнымъ. Чѣмъ больше разгаралась борьба реформы съ противодѣйствіями, тѣмъ положеніе патріарха дѣлалось хуже, а отношенія къ нему царя подозрительнѣе. По случаю небольшаго замедленія въ постриженіи царицы Евдокіи, Петръ такъ опалился на Адріана, что тотъ испугался и поспѣшилъ отвести отъ себя бѣду, сославшись на архимандрита и 4-хъ священниковъ; ихъ немедленно отвезли

въ Преображенское. Очень понятно, что значила та встрѣча, какую царь сдѣлалъ патріарху, когда послѣдній вспомнилъ старинный обычай печалованія и передъ стрѣлецкими казнями явился къ Петру съ образомъ Богоматери ходатайствовать за стрѣльцовъ. „Зачѣмъ эта икона? закричалъ гнѣвный царь. Развѣ твое дѣло приходить сюда? Поставь образъ на свое мѣсто. Быть можетъ, я побольше тебя почитаю Бога и Его пречистую Матерь. Я исполняю свой долгъ, когда защищаю народъ и казню злодѣевъ, противъ него злоумышлявшихъ". Петръ видѣлъ въ патріархѣ живое нравственное средоточіе всѣхъ недовольныхъ; для подтвержденія такого взгляда, среди тогдашнихъ обстоятельствъ, ему вовсе не нужно было какихъ нибудь особенныхъ фактовъ въ поведеніи Адріана; достаточно было и того, что Адріанъ высказывался въ духѣ недовольныхъ прежде; теперь онъ замолчалъ, но онъ могъ заговорить опять, и притомъ въ такое время, когда противодѣйствіе патріарха было всего болѣе опасно, могло надѣлать еще больше хлопотъ, чѣмъ во времена п. Никона. Не смотря на то, что Адріанъ вовсе былъ не похожъ на Никона, грозная тѣнь этаго властительнаго в. государя была постоянно въ глазахъ Петра. Въ октябрѣ 1700 г. патріархъ скончался и возникъ трудный вопросъ о назначеніи ему преемника. Гдѣ было найти человѣка, сочувствующаго реформамъ, когда между духовными лицами трудно было выбрать даже такого патріарха, который давалъ бы право надѣяться даже на одно только безмолвіе съ своей стороны? Петръ рѣшился повременить избраніемъ патріарха. Управленіе церковію на время поручено было *мѣстоблюстителю патріаршаго престола*, рязанскому митрополиту *Стефану Яворскому*. Съ этаго времени идетъ непрерывный рядъ перемѣнъ въ іерархическомъ строѣ русской церкви.

Отношеніе Петра къ великорусскому духовенству. Прежде всего всѣ важные іерархическіе посты стали замѣщаться малороссійскими учеными, которыхъ такъ еще недавно преслѣдовали въ Москвѣ при послѣднихъ патріархахъ. Великорусскимъ духовенствомъ Петръ былъ недоволенъ; оно не имѣло нужнаго для цѣлей реформы образованія и постоянно попадалось въ числѣ недовольныхъ. Попадались не одни священники и монахи, но даже архіереи, напр. *Исаія* нижегородскій, который видѣлъ въ шведской войнѣ наказаніе Божіе за новые порядки, и *Игнатій* тамбовскій, который давалъ деньги книгописцу *Талицкому* и плакалъ при чтеніи его фанатическихъ тетрадей, гдѣ доказывалось, что Петръ антихристъ. Большая

часть іерарховъ подражала безмолвію п. Адріана; и только очень немногіе выражали свое сочуствіе Петру. Къ числу послѣднихъ относились *Аванасій* холмогорскій и св. *Митрофаній* воронежскій. Первый лично былъ извѣстенъ Петру своимъ образованіемъ и ласковымъ обращеніемъ съ иностранцами, которые пріѣзжали къ архангельскому порту. Послѣдній, хотя и не отличался образованіемъ, но былъ человѣкъ съ здравымъ взглядомъ на вещи; онъ прославлялъ царя за намѣреніе завести флотъ и за войну съ Турками, пожертвовалъ ему все сбереженіе отъ своихъ архіерейскихъ доходовъ (до 6000 руб.) и потомъ постоянно отсылалъ ему всѣ вновь накоплявшіяся деньги съ надписью: „на ратныхъ“. Живя въ Воронежѣ во время строенія флота, Петръ былъ очень друженъ съ почтеннымъ святителемъ и горько оплакалъ его кончину (1703 г.). Но и этотъ святитель въ своемъ духовномъ завѣщаніи, какъ нѣкогда п. Іоакимъ, убѣдительно просилъ царя не оказывать благосклонности иновѣрцамъ. Извѣстно также, какъ однажды онъ не пошелъ во дворецъ, увидавъ при входѣ скульптурныя изображенія греческихъ боговъ, и услыхавъ, что царь сильно за это разгнѣвался, сталъ даже готовиться къ смерти; государь снисходительно уступилъ ему и убралъ статуи. Кромѣ св. Митрофанія царь получалъ большія пожертвованія отъ *Тихона* митрополита казанскаго и *Іова* новогородскаго; послѣдній особенно угодилъ царю тѣмъ, что завелъ у себя на свои средства нѣсколько школъ и благотворительныхъ заведеній.

Стефанъ Яворскій и архіереи Малороссы. Первымъ великорусскимъ архіереемъ изъ югозападныхъ ученыхъ былъ Стефанъ Яворскій. Онъ родился въ 1658 г. въ Галиціи отъ русскаго шляхетскаго семейства, учился сначала въ кіевской коллегіи, потомъ въ польскихъ школахъ у іезуитовъ, гдѣ, какъ и всѣ русскіе ученики, долженъ былъ отречься отъ православія; въ 1689 г. въ Кіевѣ опять присоединился къ православію, постригся въ монашество и опредѣленъ на службу при кіевской коллегіи. Въ 1700 г. м. *Варлаамъ Ясинскій* послалъ его въ Москву съ просьбой къ патріарху о посвященіи его на переяславльскую епископію, но Петръ, замѣтивъ его проповѣдническій талантъ, пожелалъ имѣть его поближе къ Москвѣ и указалъ поставить его прямо въ митрополита рязанскаго. По старой подозрительности къ югозападнымъ ученымъ Яворскаго встрѣтили въ Москвѣ очень недружелюбно, называли еретикомъ, обливанникомъ, ляшенкомъ, и тол-

ковали, что онъ купилъ себѣ архіерейство за 3000 червонцевъ; поэтому онъ очень упорно отказывался отъ великорусской каѳедры и принялъ посвященіе уже по непреклонному желанію самого царя. Къ концу года молодой митрополитъ, имѣвшій всего 42 года отъ роду, сдѣланъ былъ мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола. Найдя умнаго и образованнаго архипастыря, Петръ былъ очень милостивъ къ нему, давалъ ему значительныя награды, послѣ лишенія сана Игнатія тамбовскаго далъ Стефану и тамбовскую епархію.

Вслѣдъ за Яворскимъ на великорусскихъ каѳедрахъ стали являться и другіе архіереи—Малороссы. Послѣ смерти Игнатія тобольскаго (1701) вызванъ на его мѣсто въ митрополиты батуринскій игуменъ св. *Димитрій Туптало*; онъ впрочемъ не поѣхалъ въ Сибирь по болѣзни, а выпросилъ себѣ ростовскую каѳедру, гдѣ и продолжалъ свою труженическую просвѣтительную дѣятельность. Онъ былъ въ тѣсной дружбѣ съ Яворскимъ; оба іерарха переписывались между собою и заключили условіе, чтобы тотъ изъ нихъ, который останется въ живыхъ по смерти другаго, лично похоронилъ своего умершаго друга. Стефану пришлось выполнить эту печальную обязанность надъ св. Димитріемъ въ 1709 г. На тобольскую епархію, отъ которой отказался Димитрій, выбранъ былъ тоже Малороссъ, *Филовей Лещинскій*. Въ 1707 г. открыта епархія иркутская и первымъ епископомъ ея сдѣланъ тоже воспитанникъ кіевской коллегіи, *Варлаамъ Коссовскій*. Съ востока отъ н. Досноея опять послышались обличенія противъ Малороссовъ. Въ 1702 г. онъ прислалъ къ царю посланіе, въ которомъ просилъ его не ставить на іерархическія должности ни Грековъ, ни Сербовъ, ни Черкасъ (Малороссовъ), а ставить однихъ природныхъ Москвитянъ, „аще и немудріи суть“. Въ концѣ 1703 г. онъ прислалъ новое посланіе къ Стефану Яворскому, въ которомъ выразилъ сильное негодованіе на недоброжелательство послѣдняго къ Грекамъ, на латинское направленіе его сочиненій и на изгнаніе изъ московской академіи греческаго языка; при этомъ онъ заранѣе предварялъ мѣстоблюстителя, что на востокѣ не потерпятъ, если его выберутъ въ патріархи. Но Петръ уже не обращалъ вниманія на представленія патріарха, потому что разница между дѣятельностію кіевскихъ питомцевъ и великорусскихъ іерарховъ была слишкомъ очевидна и далеко не въ пользу послѣднихъ. Въ то время, какъ пріѣзжіе архіереи заводили школы, боролись съ расколомъ, обращали инородцевъ, помогали царю въ рефор-

махъ, старая іерархія, воспитанная среди старой немногосложной жизни, гдѣ важнѣйшимъ церковнымъ вопросомъ былъ только вопросъ объ обрядовомъ благолѣпіи и церковной дисциплинѣ, не нашла въ себѣ ни подготовки, ни силъ къ новой обширной дѣятельности, какая теперь требовалась отъ нея новыми задачами реформы. Разумѣется, она вовсе не сознавала своей несостоятельности, и сильно была обижена, видя, какъ всѣ важнѣйшія порученія и милости правительства помимо ея идутъ къ архіереямъ Черкасамъ, которые притомъ же были все люди молодые и новые. Затаенное неудовольствіе противъ Черкасъ по временамъ изливалось въ дружескихъ письмахъ даже такихъ почтенныхъ святителей, какъ новогородскій митрополитъ Іовъ.

Дѣло царевича Алексѣя. Люди недовольные преобразованіями, какъ извѣстно, всю надежду полагали въ будущемъ, когда долженъ былъ воцариться царевичъ *Алексѣй*, воспитанный въ старомъ духѣ. На него же возлагало свои надежды и недовольное новыми порядками духовенство. Благочестивый царевичъ постоянно былъ окруженъ духовными лицами стариннаго направленія и самъ высказывалъ большое расположеніе къ пѣшимъ Черкасамъ. Особенно сильное вліяніе на него имѣлъ его духовникъ, *Яковъ Игнатьевъ*, человѣкъ энергичный, съ сильнымъ характеромъ, бывшій для царевича тѣмъ же, чѣмъ былъ Никонъ для царя Алексѣя; царевичъ далъ ему клятвенный обѣтъ чтить его, какъ ангела Божія и судію дѣлъ своихъ, и во всемъ покоряться его волѣ. Будучи однимъ изъ злѣйшихъ враговъ Петра, Игнатьевъ употреблялъ все свое вліяніе на царевича, чтобы внушить ему ненависть ко всѣмъ дѣламъ и самой личности его отца, напоминалъ Алексѣю о судьбѣ его несчастной матери Евдокіи, указывалъ на счастливую *Екатерину*, на которой царь женился вторымъ бракомъ, порицалъ распоряженія и реформы Петра, какъ противныя православію и т. д. Однажды царевичъ съ страхомъ признался ему на исповѣди, что желаетъ отцу смерти, и услыхалъ отъ своего духовника: „Богъ проститъ; мы и всѣ желаемъ ему смерти“. Царевичъ всего болѣе расчитывалъ на расположеніе духовенства, въ которомъ былъ совершенно увѣренъ, и говорилъ своимъ приближеннымъ: „Когда будетъ мнѣ время безъ батюшки, тогда я шепну архіереямъ, архіереи приходскимъ священникамъ; тогда меня и не хотя владѣтелемъ учинятъ“. Къ нему былъ привязанъ самъ мѣстоблюститель Стефанъ, который начиналъ уже замѣтно скучать въ

напрасномъ ожиданіи патріаршаго сана и понемногу сблизился съ недовольной великорусской партіей духовенства. Въ 1712 г. онъ говорилъ проповѣдь на день Алексѣя человѣка Божія, тезоименитство царевича, и не утерпѣлъ, чтобы не сдѣлать въ ней очень прозрачныхъ намековъ на поведеніе царя, неодобрительно коснулся въ ней недавняго учрежденія въ Россіи фискаловъ, пустился въ обличенія противъ оставляющихъ своихъ женъ, не хранящихъ постовъ и обидящихъ церковь, и обращаясь къ лицу царевича, называлъ его единою надеждою Россіи. Петру донесли объ этой проповѣди и онъ совсѣмъ запретилъ Стефану говорить проповѣди. Съ этаго времени друзья царевича считали мѣстоблюстителя своимъ. Царевна *Марья Алексѣевна*, державшаяся старины, говорила Алексѣю, что м. Стефанъ склоненъ къ нему и не благо пріялъ бракъ царя съ Екатериною, отъ котораго могли быть другіе наслѣдники престола, кромѣ его. Не смотря на то, что царевичъ рѣдко сносился съ мѣстоблюстителемъ, Петръ сильно подозрѣвалъ послѣдняго въ соучастничествѣ съ своимъ сыномъ. Когда царевичъ скрылся отъ отца за границу (1718 г.), царь однажды спросилъ Яворскаго, что онъ объ этомъ думаетъ. „Думаю, отвѣчалъ уклончивый Малороссъ, что онъ хочетъ поучиться за границей". Царь быстро взглянулъ на него и сказалъ: „если ты говоришь это въ утѣшеніе мнѣ, то хорошо; иначе слова твои Мазепины рѣчи". Яворскій даже захворалъ отъ этаго слова. Изъ-за границы Алексѣй писалъ письма къ довѣреннымъ лицамъ, Якову Игнатьеву, архіереямъ, *Досиѳею* ростовскому, *Игнатію Смоль* крутицкому и *Іоасафу Кроковскому* кіевскому. Когда его схватили и привезли изъ-за границы въ Москву, онъ выдалъ всѣхъ своихъ сторонниковъ и между прочимъ сильно повредилъ духовенству, поставивъ главною причиной своей вражды съ отцемъ „бесѣды съ попами и черницами". Смерть Алексѣя была для царя самой тяжелой жертвой во имя реформы; раздраженіе его во время розысковъ по дѣлу царевича напоминало страшное время стрѣлецкаго розыска. Понятно, какъ онъ долженъ былъ отнестись къ виновникамъ всего этаго дѣла, на которыхъ указалъ ему самъ царевичъ. „Когда бы не монахиня (Евдокія) и не монахи, говорилъ онъ, не дерзнулъ бы Алексѣй на такое неслыханное зло. Многому злу корень старцы и попы; отецъ мой имѣлъ дѣло съ однимъ, а я съ тысячами".

Дѣло царицы Евдокіи. Въ одно время съ дѣломъ царевича шло не менѣе тяжелое дѣло о его матери. По розыс-

камъ оказалось, что она не переставала считать себя царицей, свое невольное постриженіе считала недѣйствительнымъ, ходила въ мірскомъ платьѣ и мечтала снова быть на престолѣ. Въ сочувствіи къ ней и ея сыну снова попалось множество духовныхъ лицъ, которыя помнили ее царицей при богослуженіи и воздавали ей царскія почести; попались монахини Покровской обители, монахи окрестныхъ монастырей, духовникъ ея, ключарь суздальскаго собора, *Ѳедоръ Пустынный*, архимандритъ Досиѳей (сдѣлавшійся потомъ ростовскимъ архіереемъ) и крутицкій митрополитъ Игнатій. Ѳедоръ Пустынный, Досиѳей и еще какой-то юродивый, *Михайло Босой*, пророчили ей скорую смерть царя и вмѣстѣ съ тѣмъ скорую перемѣну ея участи, ссылаясь при этомъ на свои видѣнія и гласы отъ образовъ. Когда она пеняла Досиѳею за то, что пророчества въ назначенное время не сбывались, онъ увѣрялъ, что это случилось за грѣхи ея отца, и бралъ отъ нея многіе дары и деньги, чтобы молиться объ ея отцѣ; черезъ годъ увѣрялъ ее, что видѣлъ ея отца выпущеннымъ изъ ада до пояса, еще черезъ годъ,—что онъ уже только по колѣна въ аду и т. д. Послѣ розыска Евдокія была заточена въ ладожскій монастырь. Сторонники ея и ея сына подверглись жестокимъ казнямъ и ссылкамъ. Казнены Яковъ Игнатьевъ и Ѳедоръ Пустынный. Досиѳея ростовскаго тоже приговорили къ смертной казни. „Только я одинъ попался, говорилъ онъ на соборѣ предъ архіереями, снимавшими съ него санъ. Посмотрите, и у всѣхъ что на умѣ; извольте пустить уши и въ народъ, что въ народѣ говорятъ“. Онъ былъ колесованъ. Менѣе другихъ виновный, м. Игнатій назначенъ къ переводу изъ Крутицъ въ Иркутскъ, но отпросился по старости на покой въ Нилову пустынь. Іоасафъ Кроковскій вызванъ изъ Кіева къ допросу, но скоропостижно скончался на дорогѣ.

Вопросъ о патріаршествѣ. Оба слѣдствія имѣли рѣшительное вліяніе на отношенія Петра къ духовенству. Оказывалось, что и малороссійскіе іерархи не всѣ могутъ раздѣлять его идей. Воспитанные на латинской мудрости, кіевскіе ученые въ своихъ понятіяхъ о правахъ духовенства и отношеніи между церковной и государственной жизнью невольно увлекались клерикальнымъ духомъ латинства, тогда какъ понятія объ этихъ предметахъ самого Петра во многомъ носили оттѣнокъ протестантскій. Съ своей государственной точки зрѣнія онъ терпѣть не могъ папства и всего, что его напоминало, и еще во время перваго своего путешествія

по Европѣ съ сочувствіемъ выслушивалъ совѣты Вильгельма Оранскаго организовать русскую церковь на подобіе англиканской, объявивъ ея главою самого себя. Въ 1712 г. въ Виттенбергѣ онъ сказалъ предъ статуей Лютера: „сей мужъ подлинно заслужилъ это; онъ на папу и на все его воинство столь мужественно наступалъ для величайшей пользы своего государя и многихъ князей, которые были поумнѣе прочихъ“. Свою ненависть къ папству онъ выразилъ въ шутовской пародіи на папу и конклавъ, устроивъ свою коллегію кардиналовъ съ княземъ папой во главѣ изъ самыхъ горькихъ пьяницъ и выставивъ ее на грубую народную потѣху. Но этотъ же князь-папа, когда было нужно, превращался еще въ яузскаго и кокуйскаго патріарха. Въ то время, какъ Яворскій и другіе іерархи ждали возстановленія патріаршества, оно сближалось въ головѣ Петра съ папствомъ. Въ 1714 г. онъ уже ясно высказалъ свою мысль о замѣнѣ единоличнаго церковнаго управленія соборнымъ. Въ 1715 г. онъ праздновалъ извѣстную свадьбу яузскаго патріарха Зотова,—шумный антипатріаршій праздникъ съ маскарадомъ, публичными процессіями и колокольнымъ звономъ на всѣхъ московскихъ колокольняхъ. Вопросъ объ уничтоженіи патріаршества былъ рѣшенъ. Въ 1718 г., когда были учреждены вмѣсто старинныхъ приказовъ коллегіи, вышелъ указъ учредить и духовную коллегію. Яворскій, вмѣсто патріаршества, назначался только въ президенты этой коллегіи; но и въ этомъ скромномъ званіи ему предстояло быть только номинальнымъ правителемъ церкви; дѣйствительное вліяніе на церковную администрацію должны были получить другія лица, болѣе соотвѣтствовавшія видамъ Петра.

Ѳеодосій Яновскій. Въ новгородской епархіи Петръ замѣтилъ хутынскаго архимандрита, Ѳеодосія Яновскаго, одного изъ югозападныхъ выходцевъ, который сначала жилъ въ Москвѣ, потомъ во время гоненія на Малороссовъ удалился оттуда въ Новгородъ и пріютился у добраго и ласковаго къ ученымъ людямъ м. Іова. Его свободный взглядъ на религіозные предметы, умѣнье поддѣлаться къ современному духу, развязность и энергичность характера очень понравились царю при первой же встрѣчѣ съ нимъ въ Новгородѣ. Въ 1712 г. онъ сдѣланъ былъ архимандритомъ петербургскаго Александроневскаго монастыря и сталъ самымъ довѣреннымъ лицемъ у государя. Чрезъ него объявлялись царскіе указы по церковнымъ дѣламъ для всего петербургскаго края; онъ устроилъ Невскій монас-

тырь, по мысли Петра, долженъ былъ сдѣлаться образцовымъ для всей Россіи и разсадникомъ церковныхъ властей, приписывалъ къ нему монастыри и вотчины изъ новгородской и др. епархій, отвсюду переводилъ въ Петербургъ лучшее духовенство, дѣйствуя во всемъ этомъ властными указами отъ себя лично и не обращая никакого вниманія на архіереевъ и даже на своего митрополита Іова, которому за всѣ благодѣянія онъ платилъ теперь самой обидной неблагодарностью. Разгнѣванный святитель написалъ ему сильное посланіе, въ которомъ, напомнивъ свои благодѣянія, обличалъ его въ гордости, въ томъ, что онъ „всѣхъ людей нарицалъ свиньями, единаго себя мнилъ нѣкоего быти. Скачеши, яко козелъ, высоко, но бойся, яко не поползнешися глубоко. Азъ тебѣ скажу, кто еси: буій еси, непаказанъ, грубіянинъ, сельчукъ нелюдскій“ и проч. Но какъ ни сердились на Ѳеодосія Іовъ и всѣ русскіе іерархи, положеніе его было уже совершенно упрочено. Петръ не обращалъ вниманія ни на шаткость его убѣжденій, ни на его слишкомъ свѣтскую жизнь, которая производила соблазнъ въ великорусскомъ духовенствѣ; видѣлъ въ немъ только умнаго человѣка, борца противъ суевѣрій и раскола, хорошаго помощника для своихъ церковныхъ реформъ. Въ 1716 г. м. Іовъ скончался и на мѣсто его царь велѣлъ посвятить Ѳеодосія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ. Въ томъ же 1716 г. въ Петербургъ былъ вызванъ другой еще болѣе видный и образованный монахъ, впослѣдствіи лучшій сотрудникъ Петра, Ѳеофанъ Прокоповичъ. Еще въ кіевской коллегіи онъ отличался отъ своихъ товарищей необыкновенной даровитостью, любовью къ ученію, начитанностью и вмѣстѣ живымъ, симпатичнымъ характеромъ; это былъ не сухой кіевскій школяръ, который могъ бы всю жизнь услаждаться хорошими словами и игрой въ діалектику, а человѣкъ страстный, стремившійся пробиваться впередъ практической дѣятельностью. Изъ академіи онъ отправился за границу, гдѣ, разумѣется, отрекся отъ православія, учился во Львовѣ, Краковѣ и въ Римѣ. Іезуитская схоластика не переломала его головы, а сама сломалась предъ его прямымъ взглядомъ на вещи; не удалось іезуитамъ втянуть его и въ католическую доктрину. Онъ вышелъ изъ римской коллегіи съ полнымъ сознаніемъ всей пустоты схоластическихъ разглагольствій и самымъ рьянымъ врагомъ католичества. Въ 1704 г. онъ воротился въ Кіевъ и, присоединившись къ православію, поступилъ на службу въ академію.

гдѣ постепенно проходилъ должности учителя, префекта и ректора. Въ 1706 г. царь во время посѣщенія Кіева въ первый разъ слышалъ его привѣтственное слово и замѣтилъ его. Въ 1709 г. Прокоповичъ опять привѣтствовалъ Петра съ Полтавской побѣдой; въ его панегирикѣ были прославлены побѣды Петра надъ Шведами, не забыта была и прострѣленная шляпа царя, вставлено ловкое сравненіе Полтавской битвы (въ день св. Самсона) съ побѣдой Самсона надъ львомъ (гербъ Швеціи). Петръ никогда еще не слыхивалъ подобной предики, живой и современной; съ риторствомъ Яворскаго ее и сравнивать было нельзя. Карьера Ѳеофана была упрочена. Съ 1716 г., вызванный въ Петербургъ, онъ постоянно говорилъ проповѣди, въ которыхъ выяснялъ слушателямъ политическія событія и планы Петра. Въ 1718 г., во время розысковъ, когда русское духовенство уличалось въ связяхъ съ царевичемъ и Евдокіей, Ѳеофанъ говорилъ слово о власти царской съ ясными намеками на современниковъ; тутъ говорилось о богословствующихъ невѣждахъ, которые хотятъ летать, но, какъ пузи, имѣя малыя крыльца, а чревище великое, сей часъ же падаютъ на землю, о мудрецахъ, какимъ-то бѣсомъ льстимыхъ или меланхоліею омраченныхъ, которые считаютъ грѣшнымъ, что ни увидятъ чуднаго, славнаго, веселаго, о видящихъ сонія и гласы слышащихъ, доказывалось, что и свящ. чинъ обязанъ повиноваться государю, ибо этотъ чинъ не есть иное государство. Понятно, что такой человѣкъ при Петрѣ былъ первымъ кандидатомъ на архіерейство, но понятно также и то, что московская іерархія и самъ Яворскій должны были сильно мѣшать его возвышенію.—При неразвитости отечественнаго богословія русскіе ученые, воспитывавшіеся по западнымъ руководствамъ, невольно увлекались или католическимъ или протестантскимъ направленіемъ. Какъ врагъ латинства, Ѳеофанъ въ своихъ воззрѣніяхъ на предметы вѣры и церковное устройство естественно долженъ былъ склониться на сторону протестантства и въ этомъ отношеніи значительно расходился съ Яворскимъ и другими кіевскими учеными, бывшими въ Москвѣ. Двое изъ нихъ, ректоръ московской академіи архимандритъ *Ѳеофилактъ Лопатинскій* (пріѣхавшій въ Москву еще въ 1704 г.), и префектъ іеромонахъ *Гедеонъ Вишневскій* (вызванный въ 1714 г.) отыскали въ его богословскихъ лекціяхъ протестантскія понятія о первородномъ грѣхѣ, оправданіи вѣрою, о преданіи, какъ источникѣ вѣры, о церковной внѣшности и т. п. и подали на него до-

носъ мѣстоблюстителю, а послѣдній доложилъ объ этомъ доносѣ царю съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія, что Ѳеофанъ не можетъ быть епископомъ. Петръ предложилъ Прокоповичу самому оправдаться противъ обвиненій, и онъ такъ ловко успѣлъ въ этомъ, что самъ Стефанъ просилъ у него прощенія, сославшись на то, будто бы подписалъ доносъ на него, не читавши. Въ 1718 г. Ѳеофанъ поставленъ былъ епископомъ псковскимъ и съ этаго времени сдѣлался правою рукою Петра во всѣхъ его послѣдующихъ церковныхъ реформахъ. Въ то время, какъ мѣстоблюститель вмѣстѣ съ великорусскими іерархами сѣтовалъ объ уничтоженіи патріаршества, Ѳеофанъ по порученію царя писалъ Регламентъ для Духовной Коллегіи (1).

Открытіе синода. Въ 1720 г. Духовный Регламентъ былъ уже готовъ, а въ 1721 г. 14 февраля послѣдовало торжественное открытіе Духовной Коллегіи, получившей наименованіе святѣйшаго и правительствующаго Синода. Въ 1723 г. учрежденіе Синода было подтверждено и восточными патріархами, которые въ грамотѣ своей называли его своимъ братомъ и признавали за нимъ власть равную патріаршей. Причины новой формы церковнаго управленія были указаны въ Регламентѣ, гдѣ говорилось, что коллегіальное правленіе, въ сравненіи съ одноличнымъ, съ одной стороны можетъ безпристрастнѣе и скорѣе рѣшать дѣла, менѣе можетъ стѣснятьсѧ боязпію предъ сильными лицами, и какъ соборное, имѣетъ болѣе авторитета, а съ другой стороны представляется менѣе опаснымъ для государства, ибо „простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и удивляемый славою и честію верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь самодержцу равносильный или и больше его, и что духовный чинъ есть

(1) Сохранился разговоръ съ нимъ царя по поводу этаго порученія. «Скоро ли нашъ патріархъ поспѣетъ»? спрашивалъ его шутливо Петръ.—*Я* дошиваю ему рясу, отвѣчалъ авторъ Регламента. «А у меня, замѣтилъ царь, и шапка для него готова». Сохранился другой разказъ объ отношеніяхъ Стефана къ Прокоповичу. По доносу перваго на дурную жизнь Ѳеофана царь, любившій повѣрять всѣ доносы самъ, наѣхалъ къ Ѳеофану въ полночь и засталъ его среди веселой пирушки съ друзьями. Ѳеофанъ не смутился, запѣлъ на встрѣчу царя: «се женихъ грядетъ въ полунощи», и провозгласилъ тостъ за его здоровье. Государю это понравилось и онъ охотно самъ присоединился къ компаніи.

другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборютъ по самомъ Богѣ". Въ доказательство указано на византійскую исторію и папское властолюбіе. „Да не воспомянутся, сказано въ заключеніи, подобные и у насъ бывшіе замахи". Президентъ же Коллегіи не имѣетъ на себѣ никакой, народъ удивляющей славы, не имѣетъ и особенной силы, такъ какъ его голосъ въ Коллегіи равенъ съ голосами всѣхъ остальныхъ членовъ; и въ случаѣ суда надъ нимъ не нужно созывать вселенскаго собора и обращаться на сторону, такъ какъ онъ подлежитъ суду самой же Коллегіи. Синодъ явился учрежденіемъ правительственнымъ, чрезъ которое *внѣшнее* управленіе церковію вдвигалось въ составъ общей государственной администраціи; члены его давали присягу считать государя своимъ „крайнимъ судіею" и наблюдать всѣ государственные интересы.

Составъ св. Синода. Св. Синодъ состоялъ изъ президента (Стефанъ Яворскій), двоихъ вицепрезидентовъ (Ѳеодосій и Ѳеофанъ), четырехъ совѣтниковъ и четырехъ ассессоровъ. Въ числѣ членовъ его были представители всѣхъ классовъ духовенства—административнаго (архіереи), подчиненнаго чернаго (настоятели монастырей) и бѣлаго (городскіе протопопы); для большей свободы голоса всѣхъ членовъ Синода положено, чтобы настоятели и протопопы не выбирались въ Синодъ въ одно время съ своими архіереями. Всѣхъ сильнѣе между членами Синода были Ѳеодосій и Ѳеофанъ. Яворскій сохранялъ между ними только номинальное первенство и никакъ не могъ помириться съ новою формою церковнаго управленія; въ послѣднее время онъ совершенно примкнулъ къ архіереямъ Великоруссамъ и заодно съ ними сѣтовалъ о невозвратно минувшихъ временахъ патріаршества. Другаго президента въ Синодъ послѣ смерти Яворскаго (1722 г.) Петръ уже не назначалъ. На открывшуюся синодальную вакансію назначенъ былъ новымъ членомъ Ѳеофилактъ Лопатинскій, вскорѣ посвященный епископомъ въ Тверь. Между вліятельными членами іерархіи это былъ теперь единственный Кіевлянинъ, къ которому дружелюбно относились великорусскіе архіереи, одна изъ самыхъ чистыхъ и свѣтлыхъ личностей своего времени. Старшимъ между всѣми членами Синода послѣ Стефана остался Ѳеодосій Яновскій, носившій званіе перваго синодальнаго вицепрезидента. Пользуясь довѣріемъ царя и будучи у него почти домашнимъ человѣкомъ, онъ до того развилъ свое вліі-

яніе, что ему во всемъ старался уступать даже Ѳеофанъ Прокоповичъ, неизмѣримо превосходившій его и умомъ и широтой своей дѣятельности по церковнымъ дѣламъ. Все нерасположеніе къ Черкасамъ сосредоточилось поэтому главнымъ образомъ на Ѳеодосіи. Своимъ недуховнымъ поведеніемъ онъ еще болѣе усиливалъ общее негодованіе великорусской іерархіи; онъ жилъ на широкую ногу, какъ знатный вельможа, заводилъ у себя роскошные столы, въ 1724 г. въ подражаніе царю устроилъ въ Москвѣ даже ассамблеи, на которыя должны были собираться всѣ духовные сановники Москвы поочередно то у того, то у другаго. По своему безпокойному и властолюбивому характеру онъ однако ненадолго могъ удержаться на своей высотѣ. Недовольный тѣмъ, что послѣ Стефана не былъ назначенъ президентомъ, потомъ урѣзываніемъ архіерейскихъ доходовъ духовными штатами, онъ сдѣлался рѣзокъ, началъ высказывать негодованіе на обидѣніе и порабощеніе церкви свѣтскою властью, вспоминалъ м. Филиппа, бранилъ царя и подъ конецъ царствованія Петра окончательно потерялъ довѣріе и любовь государя; къ этому присоединилось еще опасное слѣдствіе о расхищеніи имъ церковныхъ вещей въ своей епархіи. Вскорѣ послѣдовавшая кончина Петра (въ началѣ 1725 г.) была поэтому очень счастливымъ событіемъ для Ѳеодосія которое спасало его отъ серьезной опасности.

Положеніе Синода въ составѣ администраціи. По своимъ правамъ св. Синодъ былъ во всемъ сравненъ съ Сенатомъ и на ряду съ послѣднимъ непосредственно подчиненъ государю. Въ отсутствіи государя ихъ совокупныя рѣшенія получали силу рѣшеній верховной власти. Какъ и Сенатъ, Синодъ получилъ власть въ предѣлахъ своего вѣдомства издавать новые законы и дополнять ими свой Регламентъ, признанный основнымъ закономъ церковнаго управленія. Въ дѣлахъ, касающихся вѣдомства церковнаго и государственнаго вмѣстѣ, Синодъ долженъ былъ имѣть конференціи съ Сенатомъ. Представителемъ верховной власти государя, какъ крайняго судіи Духовной Коллегіи, въ Синодѣ явился *оберъ-прокуроръ*; указомъ Петра велѣно было „въ Синодъ выбрать изъ офицеровъ добраго человѣка, кто бы имѣлъ смѣлость и могъ управленіе дѣла синодскаго знать, и быть ему оберъ-прокуроромъ“. Оберъ-прокуроръ, названный въ одномъ указѣ „окомъ государя и стряпчимъ по дѣламъ государственнымъ“, долженъ былъ наблюдать за рѣшеніемъ

дѣлъ въ Синодѣ, незаконныя рѣшенія останавливать и доносить о нихъ государю. Ему были подчинены *прокуроры* духовныхъ приказовъ и духовные *фискалы*,—чиновники, разсылавшіеся для надзора за духовнымъ управленіемъ по городамъ, монастырямъ и заказамъ. При Синодѣ организовалось цѣлое фискальное управленіе въ формѣ *Инквизиторскаго* приказа, во главѣ котораго стоялъ прото-инквизиторъ; ему были подчинены провинціалъ-инквизиторы или фискалы.

Въ *области духовнаго управленія* Синодъ получилъ „силу и власть патріаршескую или, по выраженію Регламента, едвали не большую, попеже соборъ". Ему поручено смотрѣть за чистотою вѣры, искоренять суевѣрія и расколы, свидѣтельствовать чудотворныя мощи, иконы, сказанія о святыхъ, разсматривать духовныя сочиненія, наблюдать за церковнымъ управленіемъ, избирать епископовъ и духовныхъ властей, разрѣшать ихъ недоумѣнія, судить ихъ по жалобамъ, наблюдать за поведеніемъ духовенства и мірянъ, рѣшать дѣла о бракахъ и разводахъ, наблюдать за строеніемъ церквей и монастырей, заботиться о религіозномъ просвѣщеніи и о матеріальныхъ средствахъ церкви.—Св. Синодъ наслѣдовалъ и епархіальную власть патріарха въ его епархіи. Такъ какъ члены Синода жили большею частію въ Петербургѣ, то въ Москвѣ съ 1722 г. устроено было особое отдѣленіе Синода—*Дикастерія* или *Консисторія*, управлявшаяся архіепископомъ крутицкимъ съ нѣсколькими московскими архимандритами.

Судебное вѣдомство церкви при Петрѣ значительно сократилось чрезъ отдѣленіе отъ него многихъ дѣлъ въ гражданское вѣдомство. Къ послѣднему отошли гражданскіе иски объ имуществахъ по рядными и сговорнымъ записямъ и по духовнымъ завѣщаніямъ, дѣла о насильственныхъ и самовольныхъ бракахъ, о любодѣйствѣ, насиліи женщинъ, кровосмѣшеніи, о правахъ законнаго рожденія, наконецъ опредѣленіе наказаній за важнѣйшія уголовныя преступленія противъ вѣры и церкви, богохульство, еретичество, волшебство и святотатство. Въ 1701 г. возстановленъ *Монастырскій* приказъ съ правомъ суда надъ всѣми церковными крестьянами и служилыми людьми по всѣмъ искамъ отъ посторонникъ; церковнымъ людямъ на посторонникъ велѣно искать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ кто вѣдомъ изъ отвѣтчиковъ. Духовныя лица подчинены суду духовной власти, кромѣ дѣлъ „тяжебныхъ, яко покупки, промыслы, торги и проч"., по которымъ они вѣдались въ разныхъ коллегіяхъ, и еще дѣлъ уголовныхъ, особенно поли.ниче-

скихъ, по которымъ они на ряду со всѣми вѣдались въ Тайной канцеляріи и въ Юстицъ-коллегіи. Въ 1721 году, когда Монастырскій приказъ подчиненъ Синоду, духовному суду подчинены и мірскія лица духовнаго вѣдомства. Къ числу нововведеній въ церковномъ судѣ надобно отнести учрежденіе судебныхъ инстанцій въ порядкѣ исковъ и апелляцій

Церковныя имущества. Реформа, направленная преимущественно къ созданію матеріальныхъ силъ Россіи, естественно должна была заняться разрѣшеніемъ стараго вопроса о церковныхъ вотчинахъ. Вслѣдствіе ломки и перестройки цѣлаго государства, огромныхъ издержекъ на заведеніе войска и флота, строеніе крѣпостей, 20-лѣтнюю войну, заведеніе фабрикъ, путей сообщенія, школъ и разныхъ общественныхъ заведеній, народныя силы были въ страшномъ напряженіи, которое необходимо должно было притянуть къ общей работѣ и жертвамъ и привиллегированныя церковныя учрежденія. Требованіе, чтобы никто въ избылыхъ не былъ, доходило теперь до крайности, до препебреженія другимъ служеніемъ обществу, кромѣ матеріальнаго. Съ этой крайней точки зрѣнія духовное служеніе монастырей, которое такъ высоко цѣнилось въ старину, теперь казалось Петру безполезнымъ, а монастырскія вотчины и доходы „тунегиблемыми“. Въ 1724 г. Ѳеофанъ Прокоповичъ изложилъ мысли Петра въ „Объявленіи, когда и какой ради вины начался чинъ монашескій и каковый былъ образъ житія монаховъ древнихъ и како нынѣшнихъ исправить“; объ этихъ „нынѣшнихъ“ здѣсь рѣзко замѣчено: „а что говорятъ—молятся, то и всѣ молятся; чтоже прибыль обществу отъ сего?... Большая часть бѣгутъ (въ монастыри) отъ податей и отъ лѣности, чтобы даромъ хлѣбъ ѣсть“.

Сначала былъ усиленъ только государственный контроль надъ церковнымъ хозяйствомъ съ помощію прежняго приказа Большаго Дворца; какъ архіереямъ, такъ и монастырямъ запрещены были дорогія постройки и другія излишнія траты на пустую роскошь. Потомъ для управленія церковными имѣніями въ 1701 г. былъ снова возстановленъ приказъ *Монастырскій;* къ вѣдомству его отнесены: всѣ хозяйственныя операціи по церковнымъ вотчинамъ, раскладка и взысканіе всякихъ сборовъ и повинностей, наборъ рекрутовъ, сборъ всякихъ окладныхъ и неокладныхъ доходовъ архіерейскихъ домовъ, церковной дани, десятильничаго дохода, ставленыхъ, храмозданныхъ, вѣнечныхъ денегъ и проч. Монастыри и архіереи послѣ этаго были совершенно устранены

какъ отъ управленія своими хозяйствами, такъ и отъ самостоятельнаго пользованія своими доходами. На содержаніе ихъ назначено было выдавать изъ приказа жалованье по опредѣленному окладу, урѣзанному съ крайней экономіей, „безъ чего пробыть не возможно“. За исключеніемъ суммы на это жалованье весь остатокъ сборовъ съ церковныхъ имѣній приказъ долженъ былъ употреблять на удовлетвореніе государственныхъ и общественныхъ нуждъ, на школы и благотворительныя учрежденія, домы подкидышей, богадѣльни и госпитали. Петръ хотѣлъ вовсе уничтожить частную благотворительность, велѣлъ ловить всѣхъ нищихъ, размѣщать ихъ по работамъ или въ богадѣльни и назначилъ штрафъ за каждую подачу ручной милостыни (отъ 5 до 10 руб.). Монастырскій приказъ обязанъ былъ побуждать къ заведенію богадѣленъ и тѣхъ духовныхъ властей, которымъ вотчины возвращались въ ихъ собственное управленіе. Между архіереями всѣхъ болѣе отличался благотворительностію Іовъ новгородскій, котораго царь ставилъ за это въ примѣръ другимъ; до 1714 г. онъ устроилъ 10 странноприимницъ, 15 больницъ и домъ для подкидышей. Съ своей стороны приказъ въ теченіе 20 лѣтъ (до 1721 г.) успѣлъ устроить въ Москвѣ 93 богадѣльни, въ которыхъ было до 4400 нищихъ, и огромный московскій госпиталь, въ которомъ число больныхъ доходило до 500 человѣкъ. Кромѣ того, въ монастыри постарому посылались на прокормленіе старые и раненые инвалиды, которыхъ особенно много оставалось безъ пріюта и безъ всякихъ средствъ по случаю шведской войны; какъ имъ самимъ, такъ и ихъ семействамъ назначались въ монастыряхъ оклады денегъ и хлѣба наравнѣ съ братіей. Въ 1723 г. по случаю синодальнаго доклада, что въ монастыряхъ нѣтъ болѣе лишнихъ окладовъ и принимать новыхъ солдатъ не на что, вышелъ было указъ никого не постригать въ монашество вновь и всѣ монастырскія вакансіи замѣщать солдатами, но вскорѣ это крутое распоряженіе было отмѣнено и явилось новое—отдѣлять для отставныхъ солдатъ часть денежной и хлѣбной дачи у самихъ монаховъ. Нечего и говорить, что теперь должны были уничтожиться всѣ *льготы церковныхъ вотчинъ*, какія успѣли сохраниться послѣ Уложенія, и эти вотчины стали нести всѣ повинности и сборы на ряду со всѣми прочими, даже болѣе, чѣмъ прочія. Найдя для себя новый источникъ доходовъ въ суммахъ Монастырскаго приказа, правительство стало усердно черпать изъ него средства на свои нужды, посто-

янно обращалось къ нему съ новыми требованіями то на литье пушекъ, то на расходы приказныхъ палатъ, то на содержаніе иностранныхъ посланниковъ, то на постройку тріумфальныхъ воротъ и т. д., такъ что въ 1720 г. на вотчинахъ однихъ подмосковныхъ монастырей числилось 19,000 руб. недоимки.—Еще до 1700 г. окончательно были отмѣнены всѣ сохранившіяся привиллегіи самихъ монастырей, напр. свобода нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ печатныхъ пошлинъ и таможенныхъ сборовъ съ припасовъ на ихъ содержаніе и при продажѣ ихъ собственныхъ произведеній, право курить вино про свой обиходъ, право сбирать пошлины съ торжковъ на своихъ земляхъ. Послѣ 1700 г. казна объявила своими оброчными статьями пчельники, рыбныя ловли, соляныя варницы, мельницы, наконецъ бани; оброкъ со всѣхъ этихъ статей стало платить и духовенство. Были примѣры отписки отъ монастырей самихъ вотчинъ за недоимки и просто для раздачи разнымъ служилымъ людямъ и приписки къ разнымъ заводамъ.

Монастырскій приказъ съ самаго начала возбудилъ противъ себя большое *неудовольствіе духовныхъ властей*. Въ 1707 г. Исаія нижегородскій дошелъ до открытаго протеста. „Ты овца“, сказалъ онъ чиновнику, посланному отъ приказа усчитывать архіерейскій домъ. „Вамъ ли овцамъ про насъ пастырей разыскивать? Мусинъ-Пушкинъ (управлявшій приказомъ) вотчины наши выдаетъ, а теперь у насъ и данныя и вѣнечныя деньги отнимаетъ. Я въ своей епархіи церкви затворю и архіерейство покину. Какое мое архіерейство, что мое у меня отнимаютъ? Какъ хотятъ другіе архіереи, а я за свое умру, а не отдамъ“. За это его лишили епархіи и услали въ Кирилловъ монастырь. На приказъ жаловались даже и такіе архіереи, какъ Іовъ и св. Димитрій, потому что дѣйствительно, заботясь болѣе всего о томъ, чтобы не поплатиться за недоимки, онъ мало заботился о поддержаніи церковныхъ учрежденій, урѣзывалъ ихъ средства до послѣдней степени. Архіерейскіе дома скудѣли годъ отъ году. Св. Димитрій принужденъ былъ даже закрыть школу при своемъ домѣ. „Питающій насъ, писалъ онъ Іову, вознегодовалъ, будто много издерживается на учителей и учениковъ, и отнято все, чѣмъ дому архіерейскому питаться, не только отчины, но и церковныя дани и вѣнечныя памяти. Умалчиваю о прочихъ поведеніяхъ нашихъ. Sat sapienti“. Въ монастыряхъ окладъ монахамъ выдавался на половину, а то и вовсе не выдавался;

зданія разваливались безъ поправки. Въ вотчинахъ отъ тяжести всякихъ сборовъ число дворовъ уменьшалось годъ отъ году въ страшной прогрессіи; недоимка все росла; многіе крестьяне бѣжали на Волгу, на Донъ, за рубежъ, поступали въ шайки воровъ.

На другой же годъ по учрежденіи Монастырскаго приказа началось постепенное *возвращеніе вотчинъ духовнымъ властямъ* и продолжалось до учрежденія св. Синода. На первомъ же своемъ засѣданіи св. Синодъ сдѣлалъ докладъ государю о подчиненіи церковныхъ вотчинъ синодальному управленію, потому что „отъ гражданскихъ правителей онѣ пришли въ скудость и пустоту". Докладъ былъ исполненъ; Монастырскій приказъ перешелъ въ вѣдомство св. Синода, и въ 1724 г. преобразовался въ особое хозяйственное отдѣленіе при Синодѣ подъ именемъ *Камеръ-конторы*. Но, получивъ вотчины въ свое управленіе, архіереи и монастыри все-таки не могли распоряжаться своими доходами самостоятельно, по прежнему должны были довольствоваться опредѣленнымъ окладомъ, а за тѣмъ все остальное предоставлять въ распоряженіе правительства. Въ сущности имъ было все равно, самимъ ли собирать себѣ окладъ съ своихъ вотчинъ или получать его отъ Монастырскаго приказа, — больше положеннаго, не прибѣгая къ злоупотребленіямъ, получить они не могли, а между тѣмъ должны были теперь нести лишнюю тяжесть хозяйственныхъ хлопотъ и отвѣтственности. Всѣ хозяйственныя дѣйствія ихъ подчинены строгой отчетности; при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ заведены шнуровыя книги; велѣно подавать въ св. Синодъ ежегодные отчеты; назначены наказанія за недоимки и начеты по сборамъ. Прежнее неудовольствіе на Монастырскій приказъ теперь обратилось на св. Синодъ, который принялъ на себя и обязанности и отвѣтственность приказа. Стали толковать, что Поляки и Черкасы, сдѣлавшись членами Синода, тѣснятъ Великоруссовъ, себя богатятъ, а на другихъ копѣйки и алтыны взыскиваютъ. Между тѣмъ самъ св. Синодъ очень тяготился своею отвѣтственностію по недоимкамъ, которыя правительство приписывало единственно дурному хозяйству „духовной команды". За 1721—1722 г. недоимки возросли до 1,224,620 руб., и правительство распорядилось не выдавать членамъ Синода жалованья до тѣхъ поръ, пока эти деньги не будутъ уплачены сполна. Подозрительность къ духовной командѣ, нареканія на нее въ дурномъ хозяйствѣ и въ утайкахъ поддержива-

лись всего болѣе тѣмъ, что правительство не имѣло даже вѣдомостей и описей церковныхъ вотчинъ и доходовъ, назначало свои сборы почти наобумъ и налагало ихъ больше, чѣмъ слѣдовало. Ни Монастырскій приказъ, ни послѣ него св. Синодъ такъ и не успѣли составить этихъ описей и вѣдомостей до самой смерти Петра, не смотря на постоянные подтвердительные указы и энергическія побужденія.

Епархіальное управленіе. Въ епархіальномъ управленіи послѣ дѣла царевича Алексѣя обращено было особенное вниманіе на избраніе архіереевъ, чтобы „такихъ не наставить, писалъ Петръ Стефану Яворскому, какъ тамбовскій и ростовскій были". Кандидатовъ на епископство, для лучшаго испытанія ихъ, велѣно вызывать на чреду въ Невскій монастырь; въ Регламентѣ есть предположеніе ставить на епископство преимущественно членовъ св. Синода. Избранный кандидатъ утверждался государемъ и давалъ при поставленіи присягу — никого напрасно не проклинать, быть кроткимъ, не допускать бродяжничества духовныхъ лицъ, не допускать строенія лишнихъ церквей и поставленія лишнихъ священнослужителей, заботиться объ искорененіи суевѣрій и раскола, не вмѣшиваться въ мірскія дѣла. Каждому архіерею вмѣнено въ обязанность знать церковные каноны; для этаго Регламентъ распорядился при трапезѣ архіерея каждый разъ читать поурочно Номоканонъ. Кромѣ искорененія суевѣрій и расколовъ особенное вниманіе архіереевъ обращено на образованіе духовенства и заведеніе школъ. Епархіальное вѣдомство распространено на всѣхъ, живущихъ въ епархіи, и на всѣ монастыри, не исключая и ставропигіальныхъ.

Возвышая и облекая своимъ довѣріемъ образованныхъ Малороссіянъ, къ великорусскимъ архіереямъ Петръ относился недовѣрчиво. Одинъ только Питиримъ нижегородскій былъ въ благоволеніи у правительства за свою усердную дѣятельность противъ раскола. Въ 1719 г. Петръ опредѣлилъ его на нижегородскую каѳедру на смѣну м. *Сильвестра*, судьба котораго можетъ служить примѣромъ того, какъ тяжело было людямъ старой іерархіи при новыхъ порядкахъ. Изъ Нижняго Сильвестръ переведенъ былъ на смоленскую епархію, которая до того ему не нравилась, что онъ пытался освободиться отъ нея даже подарками Ѳеодосію Яновскому. Прошелъ годъ и его опять перевели въ Тверь, при чемъ оставили за нимъ санъ митрополита, но клобукъ велѣли носить не бѣлый, а черный. Потомъ еще черезъ 2 года онъ былъ переведенъ въ

Рязань на мѣсто умершаго Яворскаго уже въ званіи простаго епископа (послѣ 15-лѣтняго служенія въ санѣ митрополита). Подобные знаки своего опальнаго положенія архіереи Великоруссы приписывали обыкновенно кознямъ Ѳеодосія Яновскаго и партіи Малороссіянъ. Понятно, почему Духовный Регламентъ такъ настаивалъ на томъ, чтобы всѣ архіереи, каковы бы они ни были саномъ, повиновались св. Синоду; и самъ св. Синодъ постоянно долженъ былъ напоминать архіереямъ свое значеніе, посылать имъ выговоры за умаленіе синодальной чести. Заслуженнымъ и престарѣлымъ архіепископамъ и митрополитамъ казалось обиднымъ подчиняться молодымъ Черкасамъ, которые стали выше ихъ, какъ члены Синода, и притомъ были заподозрѣны въ неправославіи. Послѣ упраздненія патріаршества Петръ пересталъ раздавать архіереямъ санъ митрополита; бѣлый клобукъ замѣненъ былъ чернымъ; кромѣ того всѣ архіереи получили право при служеніи облачаться въ саккосъ, бывшій прежде отличіемъ однихъ митрополитовъ и архіепископовъ. Ослабляя всякую, „народъ удивляющую славу“, Регламентъ требовалъ, чтобы архіереевъ, пока они здравы, не водили подъ руки и чтобы подчиненные не кланялись имъ въ землю и не воздавали имъ „линшей и почитай царской чести“. Здѣсь же запрещается епископамъ частое и произвольное употребленіе страшнаго оружія святительской клятвы безъ предварительнаго доклада св. Синоду и самому государю. Въ видахъ контроля надъ епархіальнымъ управленіемъ оно было подчинено надзору фискаловъ; кромѣ того архіереи обязывались дважды въ годъ подавать св. Синоду отчеты о состояніи своихъ епархій.—Для лучшаго наблюденія за епархіальной паствой всѣ приходскіе священники обязывались подавать архіереямъ ежегодныя росписи объ исповѣдывавшихся и причащавшихся и метрическія книги о родившихся, бракомъ сочетавшихся и умершихъ. По прежнему архіереямъ вмѣнено въ обязанность объѣзжать епархіи, но при этомъ велѣно щадить духовенство въ кормахъ и подводахъ, ѣздить лѣтомъ, когда припасы дешевле, на одномъ мѣстѣ долго не жить, гостей во время объѣзда епархій принимать на свой счетъ, а не на счетъ духовенства, смотрѣть за своей свитой, чтобы она не дѣлала поборовъ и, „какъ Татарове, на расхищеніе не устремлялась“. Дозволено употреблять тайное развѣдываніе о поведеніи духовенства.

Органы епархіальной власти остались тѣже. Архіерейскіе приказы у архіереевъ Малороссовъ стали преобразовываться

на манеръ коллегій; въ Регламентѣ этимъ приказамъ дано право управлять епархіей въ отсутствіе или во время болѣзни архіереевъ и непосредственно сноситься съ Синодомъ; такимъ образомъ они начали отдѣляться отъ личности самихъ архіереевъ и организоваться въ самостоятельныя присутственныя мѣста, изъ которыхъ впослѣдствіи образовались духовныя консисторіи. Въ штатѣ архіерейскихъ домовъ при Петрѣ произошло значительное сокращеніе. Послѣ отписки многихъ дѣлъ изъ духовнаго вѣдомства въ гражданское многіе мірскіе служилые люди архіереевъ оказались лишними. Съ 1701 г. начался разборъ архіерейскихъ бояръ, дѣтей боярскихъ и домовыхъ людей; одни изъ нихъ взяты въ военную службу, другіе—не шляхетскаго рода—записаны въ подушный окладъ; на службѣ при архіерейскихъ домахъ осталось только небольшое число дворянъ, подчиненныхъ общимъ законамъ о дворянахъ, и необходимыхъ домовыхъ служителей.

Монашествующее духовенство. Церковныя преобразованія коснулись и состоянія духовенства, какъ монашествующаго, такъ и бѣлаго. Взглядъ Петра на монашество, выраженный еще при учрежденіи Монастырскаго приказа и потомъ подробно развитый въ „Объявленіи“ 1724 года, проходитъ по всему его законодательству о монастыряхъ. Руководясь своими матеріальными понятіями о служеніи обществу и раздраженный тѣми подметными письмами противъ реформы, которыя изъ монастырскихъ келлій распространялись въ народѣ, онъ смотрѣлъ на монаховъ, какъ на людей, которые „поядаютъ чуждые труды“ и отъ которыхъ кромѣ того являются „забобоны, ереси и суевѣрія“. Припоминая изъ византійской исторіи, какъ Византія въ послѣднее время своего существованія содержала около себя до 300 монастырей и не могла набрать 6000 солдатъ для своей защиты отъ Турковъ, Объявленіе о монашествѣ замѣчаетъ, что „Господь еще не лишилъ такъ благодати своей русскихъ царей, какъ греческихъ, въ неразсмотрѣніи сего излишества“. Вслѣдствіе такихъ понятій первою заботою Петра было сокращеніе числа монастырей и монаховъ. Духовный Регламентъ опредѣлилъ не строить новыхъ монастырей безъ разрѣшенія св. Синода и верховной власти, скитовъ не строить вовсе, малые монастыри сводить въ одинъ, а ихъ церкви обращать въ приходскія; св. Синоду вмѣнено въ обязанность искоренять старинное вѣрованіе, будто безъ постриженія нельзя спастись и что по

крайней мѣрѣ передъ смертью нужно непремѣнно постричься въ монашество. Еще съ 1701 г. Монастырскій приказъ началъ перепись монастырей для составленія опредѣленнаго штата монашествующихъ. Штаты не были составлены, но принято было общимъ правиломъ—числа монаховъ и монахинь, противъ переписи, не увеличивать, постригать желающихъ только на убылыя мѣста. Съ теченіемъ времени и то число монашествующихъ, какое найдено по переписи, стало уменьшаться; вмѣсто убылыхъ монаховъ въ монастыряхъ помѣщались больные, нищіе, съумасшедшіе и особенно солдаты. Въ 1723 г., какъ мы видѣли, вышелъ было указъ не постригать монаховъ и на убылыя мѣста, но скоро былъ отмѣненъ, обнаруживъ только одно чрезвычайное стремленіе правительства къ умаленію монашескаго чина. Изъ монастырей были изгнаны всѣ бѣльцы, проживавшіе здѣсь у своихъ монашествующихъ родственниковъ или въ услуженіи, и оставлено только нужное число слугъ и служебниковъ.

Перепись монашествующихъ должна была прикрѣпить ихъ къ монастырямъ, какъ ревизія прикрѣпила къ мѣстамъ жительства податныхъ людей. Переходъ ихъ изъ одного монастыря въ другой, даже выходъ изъ монастыря безъ отпускной отъ настоятеля для посѣщенія родныхъ были строго воспрещены. Архіереи въ своей присягѣ обѣщались не допускать скитальчества монаховъ и монахинь; священники обязывались ловить этихъ бродячихъ монашествующихъ въ своихъ приходахъ и представлять ихъ въ архіерейскій приказъ; для поимки ихъ назначались еще разсыльные изъ Монастырскаго приказа и сыщики отъ гражданскихъ и военныхъ начальствъ.—Во внутренней жизни монастырей усилена строгость надзора за поведеніемъ братіи. Въ настоятели предположено назначать людей извѣстныхъ правительству, преимущественно изъ Александроневскаго монастыря. При вступленіи въ должность настоятель давалъ присягу, что не будетъ держать у себя въ монастырѣ затворниковъ и хапжей и способствовать распространенію суевѣрій. Нѣсколько разъ издавался указъ, запрещавшій монахамъ держать въ кельяхъ чернила и бумагу и писать что нибудь безъ вѣдома настоятеля. Монастырскій духовникъ долженъ былъ доносить настоятелю о порокахъ, господствующихъ среди братіи. Сообщеніе монаховъ съ міромъ по возможности пресѣкалось; монахъ могъ отлучаться изъ монастыря не болѣе четырехъ разъ въ годъ, гостей долженъ былъ принимать только при свидѣтеляхъ,

назначенныхъ отъ настоятеля; входъ міряпъ въ женскія обители совершенно воспрещенъ. Для поддержанія правилъ общежитія монахи лишены права собственности и права дѣлать духовныя завѣщанія. Чтобы монастыри не „поядали чуждые труды", какъ выражался Петръ, онъ старался призвать ихъ къ какому нибудь роду общественнаго служенія. Останавливаясь на этой мысли, „Объявленіе" о монашествѣ разсуждаетъ, что монашество существуетъ: 1) для удовлетворенія наклонности нѣкоторыхъ людей къ религіозному уединенію и 2) для приготовленія избранныхъ монаховъ къ архіерейскимъ и др. важнымъ церковнымъ должностямъ. Для послѣдней цѣли предполагалось устроить при монастыряхъ ученыя братства и школы. На первый разъ такое образовательное значеніе предоставлено пока Невскому монастырю, въ который велѣно принимать главнымъ образомъ учившихся въ архіерейскихъ школахъ для дальнѣйшаго образованія; ихъ велѣно упражнять здѣсь въ переводахъ, сочиненіяхъ и проповѣдяхъ. Неученымъ монахамъ предполагалось давать въ монастыряхъ разныя работы, столярную, иконописную и др., а монахинь заставлять прясть, вышивать, плести кружева. При переписи монашествующихъ въ спискахъ между прочимъ отмѣчалось, кто какое знаетъ ремесло или рукодѣліе. Кромѣ того монастыри назначались къ благотворительному служенію обществу, обращались въ богадѣльни, больницы и воспитательные дома. „Объявленіе" проектировало выдѣлить изъ числа монашествующихъ особый классъ служебныхъ монаховъ и монахинь для служенія въ богадѣленномъ и больничномъ отдѣленіяхъ при монастыряхъ. Осуществленіе всѣхъ этихъ предположеній остановилось за смертію Петра.

Бѣлое духовенство требовало еще болѣе попеченій, чѣмъ монашествующее; реформа застала его въ самомъ жалкомъ положеніи. Священники, по словамъ публициста Петровскаго времени, крестьянина Посошкова, были „ничѣмъ отъ пахотныхъ мужиковъ неотмѣнны; мужикъ за соху, и попъ за соху; мужикъ за косу, и попъ за косу. Попеже, аще попии ему не пахать, то голодну быть; гдѣ было идти въ церковь на славословіе Божіе, а попъ пойдетъ съ мужиками овины сушить; гдѣ было обѣдню служить, а попъ пойдетъ съ причетниками хлѣбъ молотить, а паства духовная остается въ сторонѣ". Матеріальныя средства духовенства такъ были плохи, что Посошковъ дивится: „чѣмъ имъ питатися, Богъ вѣсть... Иной пресвитеръ возложитъ на ся одежду златоткацную, а

на ногахъ лапти растоптанные и во всякомъ калѣ обвалянные, а кафтанъ нижній весь гнусенъ". Матеріальному состоянію соотвѣтствовало нравственное. Регламентъ велѣлъ наблюдать за священниками, чтобы они не шумѣли пьяные по улицамъ, не ссорились по мужичьи на обѣдахъ, не являли силы и храбрости къ питію, не пили по кабакамъ, не ложились спать на улицахъ и т. п.

Для улучшенія матеріальныхъ средствъ приходскаго духовенства правительство предприняло сокращеніе числа церквей и священно-церковнослужителей. Въ архіерейскую присягу включено обѣщаніе не строить лишнихъ церквей и не посвящать лишнихъ ставленниковъ. При построеніи новой церкви требовалось предварительное разрѣшеніе высшей духовной власти и самого государя, обращалось вниманіе на число приходскихъ дворовъ, отводимымъ для новой церкви, достаточность средствъ для ея содержанія и на разстояніе ея отъ сосѣднихъ церквей. Въ 1722 г. для опредѣленія числа лишнихъ церквей производилась общая перепись церквей, но не была кончена. Домовыя церкви велѣно закрывать, кромѣ церквей царской фамиліи и знатныхъ престарѣлыхъ особъ. При поставленіи ставленниковъ велѣно было обращать вниманіе, кромѣ законныхъ лѣтъ и умѣнья читать и пѣть, еще на то, нуженъ ли при церкви новый членъ клира и есть ли у прихода средства его содержать. Въ ставленическихъ прошеніяхъ объ опредѣленіи на мѣсто велѣно обозначать количество земли или руги отъ прихожанъ съ заручнымъ обѣщаніемъ ставленика, что онъ будетъ доволенъ этою дачею. По штату приходскихъ церквей (1722 г.) на 100—150 дворовъ прихода дозволено ставить только одного священника, на 200—250 двоихъ, дьяконовъ въ малые приходы вовсе не ставить, причетниковъ назначать по 2 на каждаго священника. Еще съ 1719 г., въ одно время съ ревизіей, началась перепись духовенства и продолжалась все время царствованія Петра; она должна была представить статистическія данныя для введенія приходскихъ штатовъ; кромѣ того духовенство прикрѣплялось ею къ церквамъ. Переходъ отъ церкви къ церкви былъ строго запрещенъ, „кромѣ самой великой нужды"; въ исполненіи этаго запрещенія архіереи клялись въ своей присягѣ, а ставленики давали подписку при своемъ поставленіи. Бродячихъ поповъ велѣно ловить, какъ и бродячихъ монаховъ; за требоисправленіе у бродячаго попа назначены тяжелые штрафы, напр. 10 руб. за исповѣдь. Крестцовыхъ поповъ велѣно разобрать, ученыхъ пристроить въ учители къ духов-

нымъ школамъ, а неучепыхъ опредѣлять въ викарные священники по приходамъ подъ строгій надзоръ штатныхъ священниковъ. Занявшись уменьшеніемъ числа духовенства, Петръ обратилъ серьезное вниманіе на многочисленный классъ духовныхъ дѣтей, который давно уже обезпокоивалъ русское правительство. Еще съ 1708 г. неграмотныхъ поповичей велѣно всѣхъ забирать въ солдаты. Съ началомъ ревизіи всѣхъ лишнихъ церковнослужителей и духовныхъ дѣтей, не учившихся въ школахъ и не имѣвшихъ опредѣленной церковной или гражданской службы, велѣно писать въ подушный окладъ, а уклонявшихся отъ этой записи ссылать на галеры. Кромѣ этихъ распоряженій о сокращеніи числа духовенства, для обезпеченія матеріальнаго благосостоянія причтовъ Регламентъ предполагалъ назначить каждогодный обязательный взносъ съ прихожанъ („подать священству и прочимъ причетникомъ церкви своей"), чтобы „священство отъ симоніи и безстуднаго нахальства отвратить, дабы впредь не домогалися платежу за крещеніе, погребеніе, вѣнчаніе и проч." Но это предположеніе такъ и осталось предположеніемъ; только въ раскольническихъ приходахъ, гдѣ вовсе не было дохода отъ прихожанъ, причту велѣно брать по гривнѣ съ каждой души въ годъ, да по гривнѣ съ каждаго рожденія, погребенія и брака. Вопросъ объ улучшеніи содержанія духовенства такъ и остался нерѣшеннымъ. При Петрѣ уменьшалось даже и то благосостояніе, какимъ духовенство пользовалось прежде. Такъ еще съ 1698 г. всѣмъ церквамъ, у которыхъ были какія нибудь угодья и приходскіе дворы, прекращена была казенная руга, а тѣмъ, у которыхъ вовсе не было ни прихода, ни угодій, эту ругу велѣно выдавать только на половину. Кромѣ того самыя угодья церквей, мельницы, рыбныя ловли, лавки, постоялые дворы и пчельники, которые были особенно любимой доходной статьей духовенства, были объявлены теперь оброчными статьями казны и обложены оброкомъ. Старые платежи въ архіерейскую казну сдѣлались для духовенства еще тяжелѣе прежняго, попавъ теперь въ вѣдомство сборщиковъ Монастырскаго приказа. Кромѣ ихъ явились еще новые платежи, которые должно было нести духовенство въ пользу школъ и богадѣленъ и на жалованье вновь явившемуся военному духовенству; явился новый сборъ съ священнослужителей вмѣсто личной военной службы,— сборъ драгунскихъ лошадей, по одной лошади въ 12 рублей съ каждыхъ 150 дворовъ прихода, и особый сборъ съ причетниковъ, тоже въ замѣнъ службы, извѣстный подъ именемъ Коз-

ловскаго оклада: явились новыя повинности—караульная по улицамъ, пожарная и др. Земскіе камериры и комиссары иногда требовали съ духовенства даже такихъ платежей, которымъ оно вовсе и не подлежало, напр. на капальное дѣло, городовое строеніе, кирпичное дѣло, известковое жженіе и т. п. Всѣ эти сборы производились съ духовенства, какъ и съ крестьянъ, посредствомъ жестокихъ правежей, съ большими запросами и взятками въ пользу сборщиковъ.—Нищенство духовенства не уменьшалось, если не возросло еще болѣе; не уменьшались и его результаты, противъ которыхъ такъ энергично возставали указы: домогательство за требы, взиманіе платы за сорокоусты, „будто пошлины за смерть“, служеніе по найму на крестцахъ, переходы отъ церкви къ церкви, упадокъ нравственности и вмѣстѣ съ тѣмъ униженіе въ обществѣ.

Напрасно законодательство старалось оградить духовное лицо отъ обидъ разныхъ сильныхъ людей и прихожанъ распоряженіями о штрафахъ съ обидчикомъ, о запечатаніи за эти обиды приходской церкви и даже объ анаоемѣ за нихъ отъ св. Синода. Духовенство попрежнему во всемъ зависѣло отъ прихожа, попрежнему повторялись и давнишнія явленія оскорбленій и насилій духовному чину, отъ которыхъ не могъ иногда защитить его даже самъ св. Синодъ. Случалось, что помѣщикъ побьетъ своего попа „дубиной мученически“, нагрянетъ къ нему въ домъ съ ватагой челяди, надѣлаетъ пьяныхъ скандаловъ съ его семьей; архіерей заступится за попа, пошлетъ помѣщику повѣстку явиться въ духовный приказъ, а помѣщикъ повѣстку изорветъ, посланнымъ архіерея пригрозитъ палками, если еще явятся съ тѣмъ же; архіерей пожалуется св. Синоду, но св. Синодъ постарается замять непріятное дѣло. Какой нибудь воевода, незаконно командуя надъ духовенствомъ, еще пригрозитъ, чтобы Синодомъ никто не смѣлъ отговариваться.—Между тѣмъ съ большимъ опредѣленіемъ сословныхъ началъ духовный чинъ еще болѣе замкнулся въ себѣ и отдѣлился отъ народа. Приходскіе выборы новыхъ членовъ клира подвергались все большимъ и большимъ ограниченіямъ; изъ дворянъ дозволено посвящать однихъ младшихъ сыновей дворянскихъ фамилій, изъ крестьянъ—только въ случаѣ крайней необходимости, по недостатку духовныхъ лицъ; кромѣ того, учившихся въ школахъ велѣно ставить на мѣста и безъ приходскихъ выборовъ. Были законы, гдѣ прямо говорилось *о наслѣдственности* духовнаго званія; напр. духовнымъ лицамъ велѣно отдавать своихъ дѣтей въ школу, что-

бы послѣдніе могли быть наслѣдниками отцовскихъ мѣстъ; если для вакантнаго мѣста при церкви не было дѣтей у членовъ мѣстнаго причта, въ такомъ случаѣ велѣно обращаться за кандидатами изъ духовенства къ причтамъ другихъ церквей. Мы видѣли, что еще въ XVII в. церковныя мѣста обращались въ какую-то родовую собственность, переходили по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ или за неимѣніемъ наслѣдниковъ продавались чужимъ вмѣстѣ съ хоромнымъ строеніемъ и хозяйствомъ священно-служителей. Для устраненія этаго зла Петръ распорядился, чтобы члены причта жили въ домахъ церковныхъ и передавали ихъ своимъ преемникамъ даромъ; всѣ частные дома священно-и-церковнослужителей на церковной землѣ велѣно купить въ церковную собственность. Но за недостаткомъ денегъ у церквей это распоряженіе не приведено въ исполненіе.—Народному значенію духовенства весьма много вредило еще то, что оно было притянуто къ общей тогда системѣ полицейскихъ доносовъ, обязано было доносить правительству о прихожанахъ, которые противодѣйствовали реформѣ, о распространителяхъ суевѣрій и расколовъ, о замыслахъ противъ правительства и словахъ, касающихся чести государя, даже въ томъ случаѣ, если узнавало о нихъ на исповѣди.

Распространеніе христіанства. Въ отношеніяхъ государства къ религіи реформа провозгласила *принципъ свободы вѣроисповѣданій*, который тогда былъ въ большой модѣ на западѣ. „Совѣсти человѣческой, писалъ Петръ въ указѣ 1702 г., приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому на его отвѣтственность пещися о спасеніи души своей“. Эта мысль о вѣротерпимости въ началѣ царствованія Петра была приложена и къ инородческой миссіи, для которой единственными средствами были признаны теперь проповѣдь и убѣжденіе. Отправляясь на сибирскую епархію, Филоѳей Лещинскій получилъ наказъ крестить инородцевъ только волею, послѣ испытанія искренности ихъ обращенія и довольнаго наставленія ихъ въ вѣрѣ, крещеныхъ не освобождать ни отъ ясака, какъ въ старину, ни отъ наказаній за преступленія, какія они совершили и которыя думаютъ покрыть крещеніемъ. Но потомъ, вслѣдствіе крайняго недостатка въ проповѣдникахъ, правительство должно было воротиться къ старымъ мѣрамъ; притомъ же отъ всѣхъ главныхъ дѣятелей миссіи присылались представленія, что инородцы плохо понимаютъ духовныя блага св. вѣры и нуждаются въ ма-

теріальныхъ поощреніяхъ къ обращенію. Въ 1713 и 1715 гг. изданы указы отписывать у некрещеныхъ помѣщиковъ ихъ крѣпостныхъ людей, принявшихъ крещеніе. Съ 1720 г. крестившимся инородцамъ стали давать трехлѣтнюю льготу отъ податей и свободу отъ рекрутства. На казанскую епархію ассигновано было 1000 руб. ежегодной суммы для строенія церквей и для дачъ крестящимся инородцамъ. При этомъ впрочемъ не ослабѣвала мысль о развитіи и духовныхъ средствъ для миссіи. Въ 1721 г. св. Синодъ предлагалъ казанскому и вятскому архіереямъ устроить школы для новокрещеныхъ инородческихъ дѣтей. Посошковъ указывалъ на необходимость обученія инородцевъ грамотѣ, изученія ихъ языковъ и перевода на эти языки нужныхъ книгъ. Одинъ починковскій канцелярист въ 1723 г. написалъ проектъ о заведеніи школъ для нижегородской Мордвы, при чемъ предполагалъ сдѣлать русскій языкъ обязательнымъ для всей Мордвы подъ угрозой штрафовъ.

Обращеніе инородцевъ казанскаго края. Однимъ изъ усерднѣйшихъ дѣятелей въ обращеніи инородцевъ при Петрѣ былъ митрополитъ казанскій *Тихонъ*. Въ первое же время своего святительства съ 1701 по 1705 г. онъ обратилъ, съ помощію ключаря *Ѳеодора*, до 3680 иновѣрцевъ. Въ 1707 г., еще раньше проектовъ объ инородческихъ школахъ, въ Казани была уже открыта школа, въ которой училось 32 ученика изъ инородческихъ дѣтей. Черезъ два года, за недостаткомъ средствъ къ содержанію и вслѣдствіе смертности, открывшейся между учениками, она была закрыта; но м. Тихонъ не поколебался отъ этой неудачи, писалъ къ царю и въ св. Синодъ, прося указаній, гдѣ взять средства для возстановленія школы, какъ ее вновь комплектовать и брать ли въ нее инородческихъ дѣтей неволею. Не получивъ успѣха въ этихъ представленіяхъ, онъ сталъ обучать новокрещенскихъ дѣтей въ своей духовной школѣ, открытой въ 1723 г. Послѣ дарованія новокрещеныхъ льготъ дѣло казанской миссіи пошло успѣшнѣе. Главнымъ помощникомъ Тихона былъ теперь сынъ ключаря Ѳеодора, іеромонахъ *Алексѣй Рашевскій*. Отправившись въ уѣзды уржумскій, ярапскій, царевосанчурскій и царевококшайскій, въ 1720 г. онъ крестилъ 379 Черемисъ, потомъ въ слѣдующемъ году еще 438 человѣкъ. Съ 1719 по 1724 г. числовсѣхъ обратившихся иновѣрцевъ въ казанской епархіи было 2184 души, преимущественно изъ инородцевъ язычниковъ; магометане оказались упорнѣе въ своей вѣрѣ. — Въ сосѣдней вятской

епархіи тамошній епископъ *Алексій* своими наставленіями успѣлъ склонить къ христіанству 37 Вотяковъ. Въ Вяткѣ тоже была устроена инородческая школа, но вѣроятно и она скоро закрылась, какъ казанская, по крайней мѣрѣ о дальнѣйшей судьбѣ ея ничего неизвѣстно.

Между Калмыками христіанство начало распространяться еще въ концѣ XVII в. Въ 1700 г. новокрещеные жили уже особымъ и довольно большимъ селеніемъ на р. Терешкѣ. Ханъ *Аюка* разорилъ это селеніе, а жителей его отвелъ въ калмыцкіе улусы. Калмыки однако и послѣ этаго не переставали креститься и переходить на сторону Русскихъ. Аюка очень сердился за пріемъ его поддапныхъ, особенно разсердился въ 1710 г., когда на р. Донъ къ Русскимъ перешло до 10,000 Калмыковъ, и потребовалъ немедленнаго возвращенія бѣглецовъ. Русское правительство дѣйствительно возвратило ему нѣсколько некрещепыхъ Калмыковъ, но крещеныхъ не возвратило, продолжало оставлять ихъ у себя и послѣ этаго; ихъ обыкновенно отсылали на жительство или въ Кіевъ, или въ Чугуевъ въ число козаковъ. Одинъ изъ сильныхъ препятствій къ распространенію христіанства на востокѣ были башкирскія возстанія, которыя мѣшали крещенію инородцевъ не только на нижнемъ теченіи Волги, но и въ казанскомъ краѣ, поддерживая въ его магометанскомъ населеніи мысль объ освобожденіи отъ русскаго владычества.—Въ 1724 г. св. Синодъ отправилъ въ калмыцкіе улусы миссію, во главѣ которой стоялъ іеромонахъ *Никодимъ Ленкевичъ*, хорошо знавшій калмыцкій языкъ. Внукъ Аюки († 1722 г.), *Тайшимъ*, кочевавшій съ 344 кибитками около Астрахани, своимъ обращеніемъ подалъ сильный примѣръ своимъ единоплеменникамъ. Его воспріемникомъ былъ самъ Петръ. Никодимъ послѣ этаго крестилъ весьма многихъ людей Тайшимовой орды. Чтобы избавить новокрещеныхъ отъ гоненія и соблазновъ со стороны некрещеныхъ, правительство переселяло ихъ въ Чугуевъ, Царицынъ и Астрахань.

Въ Сибири обращеніе инородцевъ особенно успѣшно пошло съ прибытіемъ туда м. *Филовея Лещинскаго*. Его епархія, до сихъ поръ еще находилась во мракѣ язычества и магометанства, на 30,000 квадр. миляхъ своего пространства имѣла всего 160 православныхъ церквей. Съ помощію нѣсколькихъ ученыхъ иноковъ пріѣхавшихъ изъ Кіева, Филоѳей началъ усердно подвизаться на поприщѣ миссіи, разъѣзжая по своей епархіи изъ конца въ конецъ. Онъ отправ-

лялъ проповѣдниковъ даже къ пограничнымъ съ Сибирью Монголамъ и старался обратить къ христіанству самаго калмыцкаго кутухту (первосвященника). Въ 1711 г. тяжкая болѣзнь на время прекратила его дѣятельность; онъ отказался отъ каѳедры и принялъ схиму съ именемъ *Ѳеодора*. На его мѣсто поступилъ кіевскій ученый *Іоаннъ Максимовичъ*, тоже показавшій большую ревность къ миссіонерскому дѣлу. Въ 1712 г. Ѳеодоръ почувствовалъ облегченіе отъ болѣзни и, нестѣсняемый больше дѣлами епархіальными, всецѣло посвятилъ себя дѣлу миссіи. При содѣйствіи м. Іоанна и губернатора *Гагарина*, предложившаго ему гражданскую помощь при обращеніи инородцевъ, онъ началъ дѣлать неутомимые разъѣзды изъ своего тюменьскаго монастыря по Иртышу, Турѣ, Кондѣ, Оби, около Нелыми и въ березовскомъ краѣ, повсюду цѣлыми сотнями крестилъ Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ, разрушалъ идоловъ и строилъ церкви. Въ 1715 г. сатыгинскіе Вогулы едва было не убили проповѣдника, собравшись въ числѣ 600 человѣкъ, но страхъ предъ русскимъ правительствомъ и кроткія убѣжденія святителя произвели то, что эта грозная толпа приняла крещеніе. Въ томъ же году, по смерти Іоанна Максимовича, онъ опять принялъ сибирскую митрополію въ свое управленіе и управлялъ ею до 1721 г., до пріѣзда новаго святителя *Антонія Стаховскаго* (тоже изъ Малороссовъ). Въ 1716 г. его миссіонеры обратили Татаръ на р. Чулыми и множество инородцевъ на р. Томи. Въ 1718—1719 гг. Ѳеодоръ опять поѣхалъ проповѣдывать христіанство самъ и на этотъ разъ проникъ далеко на востокъ, ѣздилъ по Ангарѣ, Тунгузкѣ и Кети, два раза былъ за Байкаломъ. До 1721 г., когда онъ снова удалился въ монастырь, онъ успѣлъ обратить ко Христу до 40,000 Остяковъ, Вогуловъ, Татаръ и др. инородцевъ, нѣкоторыхъ изъ нихъ обучилъ грамотѣ и закону Божію въ тюменьскомъ монастырѣ и образовалъ изъ нихъ весьма полезныхъ миссіонеровъ. Недостатокъ хорошихъ священниковъ былъ самымъ сильнымъ препятствіемъ къ насажденію св. вѣры между инородцами, такъ что дѣло обращенія послѣднихъ большею частію должно было ограничиваться однимъ только крещеніемъ безъ надлежащаго наставленія ихъ въ вѣрѣ. И тѣ немногіе священники, которые шли на службу въ Сибирь, были далеко не изъ лучшихъ людей между духовенствомъ, страдали корыстолюбіемъ, слишкомъ много полагались на гражданскую власть и этимъ часто вооружали противъ себя дикарей.— Еще менѣе средствъ имѣла христіанская миссія на далекомъ

сибирскомъ востокѣ, между Якутами береговъ Лены, которые стали креститься съ 1724 г. Къ нимъ изрѣдка только наѣзжали священники изъ Якутска, чтобы совершить нужныя требы. Иркутская епархія, открытая для восточной Сибири въ 1707 г., съ 1714 г. оставалась безъ архіерея во все время царствованія Петра. А между тѣмъ ревность сибирскихъ митрополитовъ къ распространенію вѣры простерлась даже на отдаленную Камчатку. Въ 1705 г. Филоѳей послалъ туда для проповѣди архимандрита *Мартиніана*; дѣятельность его имѣла мало успѣха, но въ Нижнемъ Острогѣ при немъ была уже церковь. Послѣ его смерти († 1718 г.) въ Камчатку ѣздили для проповѣди якутскіе монахи. Наконецъ въ 1723 г. м. Антоній послалъ туда для исправленія требъ священника *Ермолая Иванова*, который и оставался единственнымъ священникомъ на всемъ полуостровѣ до 1743 года.

Святитель Филоѳей заботился и о плѣнныхъ христіанахъ *въ Пекинѣ*, въ 1711 г. посылалъ къ нимъ свою учительную грамоту и возбудилъ въ нихъ желаніе испросить у китайскаго правительства дозволеніе вызвать въ Пекинъ православнаго священника. Съ согласія богдыхана, въ 1714 г. изъ Тобольска отправилась въ Пекинъ первая русская миссія,—архимандритъ *Иларіонъ Лежайскій*, іеромонахъ, іеродіаконъ, 3 причетника и 4 служителя. Богдыханъ принялъ ихъ ласково, далъ имъ квартиры, содержаніе и чины мандариновъ. Они служили въ каменной церкви при русской ротѣ. Въ 1721 г. рѣшено было отправить въ Пекинъ епископа; назначенъ св. *Иннокентій Кульчицкій*, который прежде былъ вызванъ изъ Кіева (1710 г.) въ учители московской академіи, а потомъ былъ оберъ-іеромонахомъ флота. Но по проискамъ іезуитовъ богдыханъ не дозволилъ ему ѣхать въ Китай; Иннокентій по этому остался въ Селенгинскомъ монастырѣ, гдѣ и жилъ до самой смерти Петра, пока не сдѣланъ былъ епископомъ иркутскимъ.

На противоположномъ концѣ Руси, *при Балтійскомъ морѣ*, гдѣ было главное поприще шведской войны, Россія не только возвратила себѣ старыя свои земли, уступленныя Швеціи по Столбовскому миру, но сдѣлала еще новыя пріобрѣтенія. На устьѣ Невы основалась новая столица русской имперіи, въ которую по окончаніи шведской войны перенесены изъ Владиміра мощи св. Александра Невскаго (положены въ Невскомъ монастырѣ). Съ основаніемъ Петербурга и завоеваніемъ Выборга началось покореніе Финляндіи и возстановленіе правосл. вѣры по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ она была до владычества Шве-

ціи. Въ 1708 г. снова возстановлена корельская епархія. Въ 1718 г. возобновлены древнія запустѣвшія обители, Валаамская и Коневская; въ первую возвращены мощи Сергія и Германа валаамскихъ чудотворцевъ, доселѣ хранившіяся вѣроятно въ Бѣлозерскомъ монастырѣ. По Ништадтскому миру къ Россіи присоединены Лифляндія и Эстляндія; послѣ долгаго протестантскаго владычества здѣсь оставались только едва замѣтные слѣды древняго православія. Въ Ревелѣ для стоявшихъ тамъ войскъ устроены двѣ церкви.

Состояніе православія въ Польшѣ. Война съ Карломъ XII въ союзѣ съ Польшей заставила Петра обратить серьезное вниманіе на облегченіе участи православныхъ въ польскихъ владѣніяхъ. Съ того времени, какъ Россія по договору съ Польшей 1686 г. получила право ходатайствовать за православныхъ жителей польскихъ владѣній, оттуда неумолчно раздавались жалобы на притѣсненія за православіе и годъ отъ году дѣлались настойчивѣе, по мѣрѣ того, какъ побѣды Петра возвышали Россію надъ Польшей. Въ 1705 г., въ бытность свою въ Полоцкѣ, Петръ на опытѣ узналъ справедливость этихъ жалобъ, самъ подвергнувшись жестокому оскорбленію отъ уніатовъ. Въ одномъ уніатскомъ монастырѣ монахи не пустили его въ алтарь, какъ схизматика; онъ снесъ эту обиду терпѣливо. Потомъ онъ увидалъ въ монастырской церкви одинъ образъ, отличавшійся особеннымъ украшеніемъ, и спросилъ, чей онъ. Монахи отвѣчали: „священномученика Іосафата (Кунцевича), котораго ваши единовѣрцы еретики и богоотступники убили“. Тутъ Петръ уже не выдержалъ и велѣлъ схватить дерзкихъ фанатиковъ. Но они не дались въ руки царской свиты и вступили съ ней въ драку. Произошла свалка, въ которой 4 монаха были смертельно ранены; одного монаха, отличавшагося особеннымъ фанатизмомъ, царь велѣлъ повѣсить. Католики и уніаты, разумѣется, не замедлили разгласить объ этомъ событіи въ свою пользу, представивъ царя какимъ-то чудовищемъ—варваромъ и гонителемъ вѣры.

Царь неоднократно дѣлалъ сильныя представленія въ защиту православія и королю и сейму. Король *Августъ*, всѣмъ обязанный Петру, находившій въ немъ главную поддержку для себя противъ своего соперника *Станислава Лещинскаго* (короля, избраннаго Карломъ XII), не могъ оставлять этихъ представленій безъ вниманія. Но въ такомъ государствѣ, какъ Рѣчь Посполитая, гдѣ каждый шляхтичъ могъ безнаказанно дозволять себѣ всякое своеволіе, особенно противъ схиз-

матиковъ, ничего не значили ни распоряженія короля, ни даже постановленія сейма. Сильное вліяніе Россіи на дѣла Польши только раздражало Поляковъ и заставляло ихъ еще недоброжелательнѣе относиться къ православнымъ. Гоненія на православіе сильно разрѣдили тогда ряды православной іерархіи. Епископы перемышльскій, львовскій и полоцкій перешли въ унію, такъ что у православныхъ оставалось всего только два епископа: луцкій *Кириллъ Шумлянскій* и могилевскій *Сильвестръ Четвертинскій*, но первый изъ нихъ въ 1711 г. былъ изгнанъ изъ своей епархіи и жилъ въ Кіевѣ, а второй, хотя и держался на мѣстѣ, но постоянно терпѣлъ всякаго рода обиды, отнятіе церквей и церковныхъ имѣній, подвергался даже опасности быть убитымъ. Отъ него одна за другой шли къ царю жалобы на горькую участь православныхъ, на утѣсненіе, какого еще нигдѣ не обрѣтается подъ солнцемъ, на униженіе, какого не терпѣли даже Татары и Жиды. Дѣйствительно, Татары и Евреи въ Рѣчи Посполитой пользовались полной свободой богослуженія, могли строить и возобновлять свои молитвенные домы, между тѣмъ какъ православнымъ строго запрещалась всякая починка церквей; ихъ религіозныя процессіи, даже похоронныя, постоянно подвергались уличнымъ оскорбленіямъ. На сеймѣ 1717 г. явился проектъ совершеннаго истребленія православной и даже уніатской вѣры, причемъ предполагалось преслѣдовать православныхъ и уніатовъ всѣми возможными способами, презрѣніемъ, обвиненіями ихъ въ преступленіяхъ, клеветами, отнятіемъ у православнаго и уніатскаго дворянства всякихъ должностей, у духовенства—матеріальныхъ средствъ, у всѣхъ вообще—всякихъ средствъ къ образованію, развитіемъ аренды надъ церквами и т. п. Уніатское духовенство и народъ успѣли уже достаточно отупѣть и обезсилѣть еще въ XVII в. такъ что теперь можно было сдѣлать рѣшительный шагъ къ сліянію *уніи съ католичествомъ* и такимъ образомъ выполнить мысль, которая была у іезуитовъ еще при самомъ учрежденіи уніи. Базиліанскій орденъ окончательно возобладалъ надъ всей уніатской церковью и сильно тянулъ ее въ католичество. Замойскій уніатскій соборъ 1720 г. распорядился издать новые служебники, въ которыхъ многія службы были измѣнены на католическій ладъ, въ молитвахъ прибавлено поминовеніе папы, а въ символѣ вѣры—латинское „и отъ Сына“. Съ этаго же времени въ церквахъ уніатскихъ стали выводиться иконостасы, между уніатскимъ духовенствомъ ввелось бритье бороды и платье католическихъ

монаховъ и ксендзовъ. Православіе подвергалось, разумѣется, еще большей опасности, чѣмъ унія. Въ 1718 г. Петру подана была жалоба отъ всѣхъ православныхъ монастырей Литвы и Бѣлоруссіи, въ которой говорилось, что, если царь не поможетъ имъ теперь, то православіе будетъ совершенно уничтожено въ польскихъ земляхъ; такія же жалобы шли отъ Сильвестра Четвертинскаго. Въ 1720 г. сильнымъ меморіаломъ объ обидахъ православію Петръ заставилъ короля Августа выдать привиллегію о подтвержденіи всѣхъ правъ православнаго населенія Рѣчи Посполитой. Но ни эта привиллегія, ни новыя представленія сейму русскаго посла кн. Долгорукаго, ни усердная дѣятельность назначеннаго для защиты православія особаго русскаго комиссара въ Бѣлоруссіи, *Игнатія Рудановскаго*, не имѣли никакихъ результатовъ; страданія православныхъ продолжались попрежнему. Въ 1722 г. канцлеръ кн. Вишневецкій праздновалъ въ Пинскѣ свадьбу двухъ своихъ дочерей; когда всѣ гости сильно подгуляли на пиру, на нихъ нашла ревность къ уніи. Самъ хозяинъ, нѣсколько магнатовъ и луцкій уніатскій епископъ *Рупіевскій*, съ множествомъ шляхты, гусаровъ и гайдуковъ, сѣли на коней, разбили три православныхъ монастыря и объявили ихъ уніатскими, кромѣ того объявили за уніей всѣ церкви въ окрестностяхъ со всѣми прихожанами, число которыхъ простиралось до 20,000 человѣкъ. Отъ русскаго правительства по этому поводу пришло такое грозное представленіе, что даже папскій нунцій почелъ нужнымъ сдѣлать выговоръ Рупіевскому и разослалъ грамоту съ запрещеніемъ безпорядковъ, которые могутъ быть вредны для католичества въ Россіи. Петръ дѣйствительно заявилъ римскому двору, что воздвигнетъ у себя гоненіе на католичество, а королю пригрозилъ разрывомъ. Крупныя насилія православнымъ дѣйствительно прекратились, но такія, которыя считались мелкими и на которыя въ Польшѣ не обращали никакого вниманія, остались; напр. то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ отнимали у православныхъ церковь, разбивали процессію, какой нибудь шляхтичъ или панъ приводилъ въ унію попа, билъ его, держалъ въ тюрьмѣ, рубилъ ему пальцы или заставлялъ милю 3 бѣжать за лошадью, привѣшивъ его за шею веревкой къ лошадиному хвосту.

Отношеніе православія къ католичеству. Всѣ такія явленія естественно должны были усиливать и безъ того уже сильную антипатію Петра къ католичеству. До гоненія противъ католиковъ, которымъ онъ угрожалъ Риму, дѣло впро-

чемъ не доходило; вѣрный провозглашенному въ 1702 г. принципу свободы вѣроисповѣданій, Петръ дозволялъ католикамъ строить въ Россіи храмы и держать при нихъ духовенство, не терпѣлъ только іезуитовъ; послѣ перваго изгнанія ихъ изъ Россіи въ 1689 г. они опять подверглись изгнанію въ 1719 г. Обманывая себя терпимостью царя, парижскіе богословы Сорбонны возымѣли было даже мысль начать дѣло о соединеніи церквей и во время посѣщенія царемъ Сорбонны въ 1717 г. подали ему объ этомъ предметѣ длинную записку, которую Петръ по возвращеніи въ Россію передалъ на обсужденіе русскимъ архіереямъ. Въ 1718 г. составлены были двѣ отвѣтныя записки на посланіе Сорбонны, одна Стефаномъ Яворскимъ, другая Ѳеофаномъ, обѣ съ одинаковымъ отказомъ, сущность котораго состояла въ томъ, что въ рѣшеніи такого важнаго вопроса, какъ вопросъ о соединеніи церквей, должна участвовать не одна русская, но и вся вселенская церковь. Въ Сорбонну была отослана записка Ѳеофана. Такъ какъ онъ былъ уже извѣстенъ своей враждой къ католичеству, то на западѣ прошелъ слухъ, что все дѣло о соединеніи церквей отъ него именно и разстроилось, что другая записка Стефана была написана въ болѣе миролюбивомъ духѣ, но была остановлена по интригамъ Ѳеофана. Въ 1723 г. вышло распоряженіе—католикамъ, живущимъ въ Россіи, избирать себѣ духовныхъ лицъ преимущественно изъ Французовъ; галликанской церкви Петръ оказалъ такимъ образомъ предпочтеніе за ея либеральное отношеніе къ папѣ.

Отношеніе къ протестантству. Къ протестантамъ Петръ относился всегда благосклонно; всѣ окружавшіе его иностранцы были протестанты, а не католики. Со стороны протестантства въ 1717 г. тоже открылась попытка къ соединенію съ православною церковью; она шла отъ англійскихъ богослововъ. Англиканскіе епископы сдѣлали письменное предложеніе о такомъ соединеніи сначала восточнымъ патріархамъ. Блюстители восточнаго православія отвѣчали имъ пространнымъ изложеніемъ незыблемыхъ истинъ православія, на основаніи которыхъ англиканскіе христіане могутъ быть приняты въ общеніе съ церковію, а п. Досиѳей написалъ 18 членовъ православнаго исповѣданія съ опроверженіемъ всѣхъ главныхъ пунктовъ протестантства, опираясь главнымъ образомъ на Православное Исповѣданіе П. Могилы, признанное символической книгой православной церкви. Послѣ этаго англиканскіе епископы вошли въ сношеніе о томъ же предметѣ

съ русскимъ св. Синодомъ и прислали въ Россію свое возраженіе на отвѣты патріарховъ. Узнавъ объ этомъ, патріархи въ 1723 г. прислали въ Россію свое окружное посланіе съ исповѣданіемъ п. Досиѳея, умоляя всѣхъ православныхъ непоколебимо держаться отеческой вѣры. Попытка англиканской церкви, какъ и римской, кончилась безуспѣшно. Въ 1718 г. русская церковь оказала снисходительность къ лютеранамъ и кальвинистамъ, опредѣливъ на московскомъ соборѣ присоединять ихъ къ православію безъ перекрещиванія, чрезъ одно муропомазаніе. Въ 1721 г. св. Синодъ въ первый разъ издалъ разрѣшеніе православнымъ вступать въ бракъ съ неправославными, которымъ преимущественно воспользовались тоже протестанты, жившіе въ Россіи; но дѣтей отъ такихъ браковъ велѣно крестить въ православіи. Совращеніе православныхъ строго преслѣдовалось. Въ св. Синодъ изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ представлялись вѣдомости о числѣ кирокъ и пасторовъ въ Россіи. Безъ дозволенія св. Синода никто не могъ держать у себя духовныхъ особъ иной вѣры. Иновѣрные помѣщики за совращеніе своихъ православныхъ крестьянъ лишались помѣстій.

Вліяніе иностранцевъ. Не смотря на запрещеніе иновѣрцамъ пропаганды, чрезвычайный наплывъ ихъ въ Россію при Петрѣ не могъ обойтись безъ вліянія на религіозность русскихъ людей. Старинное смѣшеніе народныхъ обычаевъ и житейской обстановки съ вѣрою теперь было особенно вредно для православія среди множества нововведеній съ запада. Реформа стремилась восполнить русскую религіозную исключительность мірской образованностью запада; но, отрекаясь отъ одной исключительности, юное общество на первыхъ порахъ невольно впадало въ другую, противуположную исключительность пренебреженія къ вѣрѣ, религіознаго вольнодумства. Въ должныхъ границахъ умѣренности не удержалось общество и на западѣ, гдѣ въ это время тоже шла горячая ломка средневѣковаго теократическаго быта и гдѣ тоже перегнули дугу въ противную сторону, стали ломать самую твердыню вѣры, запявшись мірскими интересами, ударились въ крайности сенсуализма и матеріализма; а западное общество обладало болѣе крѣпкой цивилизаціей, чѣмъ русское. Насмѣшки протестантовъ надъ церковною внѣшностію тѣмъ сильнѣе дѣйствовали во вредъ русскому православію, что до сихъ поръ русское общество страдало религіознымъ невѣжествомъ, допускало въ своихъ вѣрованіяхъ множество суевѣрій

и апокрифовъ, которые падали при первой встрѣчѣ съ цивилизаціей, но, падая, роняли съ собой и самыя православныя убѣжденія, наконецъ смѣшивало сущность вѣры съ формой, страдало обрядовымъ направленіемъ религіозности, которое и безъ всякаго западнаго вліянія, само по себѣ уже близко граничило съ холоднымъ, безсознательнымъ невѣріемъ. Само законодательство временъ Петра не чуждо было нѣкоторой доли легкаго отношенія къ священнымъ предметамъ; своимъ гоненіемъ противъ суевѣрій и ханжества оно иногда неразборчиво касается и чисто православныхъ вѣрованій. Самого царя обвиняли въ еретичествѣ, наприм. за то, что онъ не соблюдалъ постовъ, хотя онъ и оградился въ этомъ случаѣ разрѣшительной грамотой константинопольскаго патріарха. Однажды онъ спрашивалъ Стефана Яворскаго, какая разница между простымъ и чудотворнымъ образомъ. „Государь, отвѣчалъ мѣстоблюститель, шляпа твоя, которую мнетъ во своихъ рукахъ твой денщикъ, и та, которая на твоей головѣ была простѣлена подъ Полтавой, одной шерсти и дѣло однихъ рукъ человѣческихъ, но послѣдняя почетно хранится въ казенной комнатѣ; тоже и съ образами". Но Петръ, по самому положенію своему, долженъ былъ сдерживаться отъ излишнихъ проявленій свободомыслія, долженъ былъ сдерживать и другихъ. Однажды онъ прибилъ своей знаменитой дубинкой Татищева, допустившаго какую-то вольность на счетъ преданій церкви, приговаривая при этомъ: „не соблазняй вѣрующихъ душъ, не заводи вольнодумства, вреднаго общественному благоустроенству; не за тѣмъ я тебя выучилъ, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви". На развитіе вольнодумства и протестантскихъ идей въ обществѣ жаловался еще п. Адріанъ, потомъ жаловались Аѳанасій холмогорскій, Димитрій ростовскій, Іовъ новогородскій, Стефанъ Яворскій и др.

Московскіе еретики. Въ 1713 г. началось замѣчательное дѣло о московскихъ еретикахъ. Во главѣ ихъ стоялъ лекарь *Димитрій Тверитиновъ*, учившійся медицинѣ въ Нѣмецкой слободѣ. Познакомясь здѣсь съ Нѣмцами, онъ скоро увлекся протестантскими вѣрованіями и сдѣлался ревностнымъ ихъ проповѣдникомъ. Если больной просилъ у него лекарства отъ глазной или зубной боли, онъ со смѣхомъ совѣтовалъ ему сдѣлать серебряный глазокъ или зубокъ и привѣсить къ образу Ипатія или Антипія чудотворца; увидѣвъ постную пищу, онъ начиналъ бранить посты; въ переднемъ углу его дома вмѣсто иконъ висѣлъ листъ, на которомъ изображены были двѣ

первыя заповѣди, а на стѣнахъ другіе листы съ текстами въ защиту протестантскихъ мыслей. Свое ученіе онъ изложилъ въ особыхъ тетрадкахъ, которыя давалъ читать разнымъ людямъ вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ Лютерова катихизиса. Онъ отвергалъ почитаніе св. мощей, ученіе о пресуществленіи даровъ въ евхаристіи, о ходатайствѣ святыхъ предъ Богомъ, поминовеніи умершихъ, отрицалъ церковное преданіе и силу церкви, говоря о себѣ: „я де и самъ церковь“. Сила его діалектики такъ была велика, что его не могли оспоривать даже ученые московской академіи. Надѣясь на вѣротерпимость правительства, онъ мало стѣснялся въ высказываніи своихъ мыслей и часто вступалъ съ православными въ споры; на угрозы судомъ отвѣчалъ; „нынѣ у насъ, слава Богу, вольно всякому,—кто какую вѣру изберетъ, такую и вѣруетъ“. Въ теченіи 10 лѣтъ около него составился большой кружокъ единомышленниковъ; главными изъ нихъ были: фискалъ *Михаилъ Андреевъ*, торговые люди *Иванъ Мартыновъ* и *Михайло Мининъ*, заиконоспасскій школьникъ *Иванъ Максимовъ* и самый рьяный изъ всѣхъ, цирюльникъ *Ѳома Ивановъ*. Въ 1713 г. еретики подверглись допросу и розыску духовнаго начальства при содѣйствіи Преображенскаго приказа и были во всемъ уличены множествомъ свидѣтелей, въ числѣ которыхъ было нѣсколько школьниковъ славено-латинскихъ школъ, нѣсколько московскихъ священниковъ и монаховъ, родня и знакомые Тверитинова и московскій вице-губернаторъ *Ершовъ*. Но государь не хотѣлъ поднимать серьезнаго дѣла объ этой ереси и подвергать виновныхъ строгому наказанію; удовольствовавшись ихъ отреченіемъ отъ еретическихъ мнѣній, онъ поручилъ Стефану Яворскому присоединить ихъ къ церкви и потушить все дѣло. Ревностный мѣстоблюститель былъ этимъ недоволенъ, собралъ противъ еретиковъ новыя показанія, захватилъ тетради Тверитинова и поставилъ преступниковъ внѣ всякаго сомнѣнія. Особенно сильно повредилъ своимъ товарищамъ Ѳома Ивановъ, находившійся тогда въ Чудовомъ монастырѣ; церковное наказаніе монастырскимъ заключеніемъ привело его въ такое раздраженіе, что однажды онъ пришелъ въ церковь и разсѣкъ косыремъ образъ св. Алексія чудотворца. Въ 1714 г. московскій соборъ предалъ еретиковъ проклятію и отдалъ ихъ гражданскому суду. Они были разосланы по монастырямъ, а Ѳома Ивановъ сожженъ на кострѣ. Во время казни одинъ изъ его почитателей говорилъ народу: „вотъ какъ наши страждутъ!..

И сожгли, а не перекрестился". Петръ былъ очень недоволенъ ревностію Стефана и даже сдѣлалъ ему обидный выговоръ черезъ Сенатъ. По поводу ереси Стефанъ написалъ большое сочиненіе въ опроверженіе протестантовъ „Камень вѣры", стоившее ему большаго труда; но государь не одобрилъ его къ печати, какъ неблаговременное и обидное для жившихъ въ Россіи иностранцевъ.

Недовольство реформами старинныхъ людей. Строгость правительства обращена была не на протестантскія ереси, а на домашнія произрастенія народной религіозности, расколы и суевѣрія, которыя всего болѣе вредили дѣлу реформы и, „аки снѣжные заметы, по выраженію Регламента, правымъ истины путемъ идти возбраняли". Всѣ нововведенія Петра толковались въ народѣ съ обычной религіозной точки зрѣнія, какъ отступленіе отъ вѣры. Старинные люди сначала усердно молились, чтобы Богъ вразумилъ царя и удержалъ его въ правой вѣрѣ. Но когда стремленія правительства окончательно выяснились, когда всѣ народныя силы приведены были въ страшное и неестественное напряженіе для удовлетворенія цѣлямъ реформы и вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе усиливались строгія мѣры, пощадныя наказанія батогами, ссылки на каторжную работу, жестокія пытки и смертныя казни непокорнымъ крутой волѣ царя, старинные люди стали толковать, что царь не настоящій царь, а подмѣненный, Нѣмецъ, отъ того и вводитъ нѣмецкую вѣру и нѣмецкіе обычаи. Потомъ не остановились и на этомъ объясненіи поведенія царя;— тяжести времени и крутой переходъ отъ стараго къ новому возбуждали уже знакомое намъ мистическое настроеніе мыслей, знакомый бредъ объ антихристѣ, апокалипсическомъ Вавилонѣ, послѣднемъ времени. Въ 1700 г. сожженъ былъ книгописецъ *Григорій Талицкій*, который одинъ изъ первыхъ уяснилъ въ своихъ тетрадяхъ страшную мысль, что настало царство антихриста и что Петръ именно и есть самый антихристъ. Талицкій умеръ на кострѣ, но мысль его не умерла вмѣстѣ съ нимъ и начала быстро распространяться въ темной массѣ народа. Эту мысль развивали на всѣ лады и священникъ, у котораго отобрали пчельникъ и требовали небывалыхъ прежде сборовъ, и бродячій старецъ, котораго ловила полиція, и крестьянинъ, которому приходилось не въ мочь отъ тягостей новаго тягла, и сынъ боярскій, изнуренный службой, и вдовая стрѣльчиха послѣ колесованнаго мужа, и нищій, которому не зелѣно было просить милостыню,—всѣ,

кого только коснулись новые порядки. Были фанатики, которые сами лезли на казни, чтобы побороться съ антихристовою прелестью и пострадать за Христа, попосили царя на площадяхъ, на улицахъ, въ церквахъ. Другіе распространяли свои фанатическія мысли чрезъ подметныя письма, которыхъ являлось такъ много, что правительство, сначала усердно ловившее и разыскивавшее ихъ авторовъ, наконецъ (1715 г.) запретило даже предъявлять эти письма, а распорядилось жечь ихъ, не читая, на томъ же мѣстѣ, гдѣ будутъ найдены.

Усиленіе раскола. Среди такого настроенія народныхъ массъ была богатая почва для сѣянія раскольническихъ заблужденій. Расколоучители увлекали своей проповѣдью цѣлыя толпы простодушныхъ людей, запугивая ихъ мыслью о воцареніи антихриста. Эта мысль среди раскольниковъ была развита до такой степени ясности и несомнѣнности, что въ сѣверномъ краѣ Россіи жители цѣлыхъ селеній уходили въ лѣса и, сколотивъ себѣ гробы, ложились въ нихъ ждать втораго пришествія Христова; другіе зажигали костры и во множествѣ гибли на нихъ добровольною мученическою смертью. Всѣ дѣйствія Петра раскольники толковали примѣнительно къ истиннымъ и ложнымъ сказаніямъ о признакахъ антихриста; указывали на то, что онъ носитъ собачьи кудри, принялъ звѣриный образъ, находили таинственные признаки въ томъ, что онъ головою запрометываетъ и ногою запинается; побѣды его приписывали бѣсовской силѣ, предсказывали, что онъ воцарится и въ Царѣградѣ и въ Римѣ и въ Іерусалимѣ и что на немъ вѣкъ сей скончается; въ титулѣ императора (читали: іператор) находили число 666; толковали, что по учрежденіи Синода онъ принялъ власть не только царскую, но и святительскую и Божію, сталъ искоренять остатокъ православія, составилъ многіе регламенты по духовному и гражданскому законоположенію, учинилъ народное описаніе, изчисляя живыхъ и мертвыхъ, дабы никто не могъ укрыться отъ руки его. Изъ такихъ толковъ впослѣдствіи составилась большая статья подъ названіемъ Исторіи Петра, дополнявшаяся въ теченіе XVIII вѣка новыми подробностями, особенно отъ секты Бѣгуновъ. Находились изувѣры, которые шли на самыя дерзкія предпріятія, наприм. въ 1720 г. одинъ раскольникъ въ Москвѣ бросился съ дубиной на архіерея во время крестнаго хода, ударилъ нѣсколько разъ по иконѣ, которую несли въ ходу, а на допросахъ показалъ, что убилъ бы самаго царя, еслибы онъ участвовалъ въ ходѣ; въ 1722 г. другой раскольникъ

проникъ въ самый дворецъ и только выпавшій у него изъ руки ножъ обнаружилъ его намѣреніе и предостерегъ царя.

Отношеніе Петра къ расколу. Подобныя явленія естественно должны были вызывать со стороны Петра самыя жестокія мѣры противъ раскольниковъ. Но при этомъ нельзя не замѣтить въ его время совершенно новой черты въ отношеніяхъ государства къ расколу: во всѣхъ указахъ противъ раскольниковъ, въ полицейскихъ и судебныхъ розыскахъ, въ объявленіяхъ преступленій казнимыхъ изувѣровъ причиною преслѣдованій раскола вездѣ выставляется не религіозная его виновность, какъ прежде, а только его противогосударственный характеръ. Собирая всѣ русскія силы на общую работу, Петръ видѣлъ, какъ невыгодно для себя поступало доселѣ государство, объявивъ расколъ недозволенной сектой и отказываясь чрезъ это отъ множества служилыхъ и тяглыхъ силъ, которыя стали прятаться отъ него въ лѣсахъ и уходить за границу. Когда царю донесли, что на р. Выгѣ живетъ много раскольниковъ, онъ только сказалъ: „пускай живутъ“, и не велѣлъ ихъ трогать. Въ другое время, услышавъ хорошій отзывъ о раскольникахъ купцахъ, онъ замѣтилъ: „если они таковы, то по мнѣ пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть,— ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ“. Раскольникамъ въ первый разъ теперь дано было право гражданства съ обязательствомъ нести для государства службу и платежи.

Прежде всего гражданскою свободою воспользовались благоустроенныя раскольническія общежитія—*Выговское* и *Стародубское*. Учители Поморцевъ *Данилъ Викуловъ*, особенно братья *Андрей* и *Семенъ Денисовы* дали своимъ Выгорѣцкимъ скитамъ образцовое устройство, упорядочили вѣрованія Выговцевъ, ослабили въ нихъ духъ раскольническаго фанатизма, основали школы для обученія чтенію, пѣнію и иконописанію, собрали богатую библіотеку и сдѣлали свои скиты центромъ своеобразнаго раскольническаго просвѣщенія; въ то же время Выговцы завели у себя обширное хлѣбопашество, торговлю и промыслы, имѣли свои суда, пристани, угодья, мельницы, заводы и проявили замѣчательную хозяйственную дѣятельность, которую Петръ поощрялъ во всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ 1705 г. правительство приписало скиты къ олонецкимъ же лѣзнымъ заводамъ, предоставивъ имъ за службу на этихъ

заводахъ полную свободу вѣры и независимость отъ всѣхъ мѣстныхъ начальствъ, кромѣ заводскаго. Начальникъ заводовъ *Геннингъ* съ этихъ поръ постоянно заступался за Выговцевъ, спасая ихъ отъ преслѣдованія архіерейскихъ чиновниковъ м. Іова.—Стародубскія слободы раскольниковъ, оказавшія правительству услуги во время шведской войны, царь велѣлъ переписать на себя, утвердилъ за ними ихъ земли, промыслы и торги и далъ амнистію всѣмъ бѣглецамъ, которые въ нихъ скрывались.—Въ 1714 г. дарованіе гражданскихъ правъ простерлось на всѣхъ раскольниковъ; ихъ велѣно переписать по всему государству и обложить *двойнымъ окладомъ* подушныхъ денегъ. Многіе съ радостію записывались въ этотъ окладъ, который долженъ былъ оплачивать ихъ древлее благочестіе, и сдѣлались полезными членами государства; но другіе упорно отказывались отъ него и употребляли всевозможныя уловки, чтобы только не быть записанными въ антихристовы книги, прибѣгали для этого къ подкупамъ, притворству, бѣжали въ Сибирь, въ тайные лѣсные скиты и за границу. Противъ такихъ *тайныхъ* раскольниковъ, отрицавшихся отъ государства, употреблялись самыя строгія мѣры, ничѣмъ не мягче тѣхъ, которыя въ XVII в. существовали противъ всего раскола вообще. Утайка раскольниковъ за взятки и для разныхъ выгодъ объявлена была тяжкимъ преступленіемъ, за которое назначена политическая смерть и анаѳема св. Синода. Къ розыскиванію потаенныхъ изувѣровъ, особенно расколоучителей, призваны были всѣ начальства, военныя, гражданскія и духовныя, фискалы, священники и всѣ обыватели. Для того, чтобы никто изъ раскольниковъ не могъ укрыться отъ двойнаго оклада, въ этотъ окладъ велѣно писать даже всѣхъ тѣхъ, которые держались только одного двоеперстія, „не взирая ни на что“, сказано въ указѣ. Священники обязывались наблюдать въ своихъ приходахъ, кто уклоняется отъ богослуженія, и подавать ежегодно росписи объ исповѣдывавшихся и причащавшихся. Уклонявшихся отъ богослуженія и таинствъ велѣно приводить къ присягѣ, при чемъ они должны были проклинать всѣ раскольническіе толки; не желавшихъ присягать, велѣно писать тоже въ двойной окладъ. Въ избѣжаніе утайки раскольниковъ со стороны священниковъ, послѣдніе обязывались исповѣдывать умирающихъ наединѣ, но причащать непремѣнно при свидѣтеляхъ. Такая строгость вела иногда къ тому, что раскольники, принужденные причащаться, удерживали св. тайны во рту и потомъ извергали ихъ съ поруга-

ніемъ. Раскольническіе скиты, гдѣ много жило потаенныхъ раскольниковъ, подвергались обыскамъ; тайные скиты велѣно разыскивать и разворять.

Въ послѣдніе годы своего правленія Петръ сдѣлался гораздо строже къ раскольникамъ. И прежде онъ преслѣдовалъ ихъ своей жосткой сатирой въ указахъ, комедіяхъ, потѣшныхъ процессіяхъ и маскарадахъ; въ 1722 г. онъ выдумалъ для нихъ особое смѣшное платье, для мущинъ—зипунъ съ стоячимъ краснымъ козыремъ, для женщинъ—опашни и шапки съ рогами. Раскольниковъ не велѣно было возводить ни въ какія начальственныя должности, чтобы „не вооружить на себя лютыхъ непріятелей, и государству и государю зло мыслящихъ", не велѣно брать ихъ въ свидѣтели на судѣ и принимать у нихъ челобитныхъ; наконецъ имъ запрещено переселяться съ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они записаны на жительствѣ по переписи.

Духовныя мѣры противъ раскола. Однимъ изъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ обращенія раскольниковъ къ правосл. церкви явился св. Димитрій ростовскій, который при самомъ пріѣздѣ своемъ на епархію встрѣченъ былъ вопросами о бритьѣ бороды, за которую многіе изъявляли готовность пожертвовать головою. „Голова не отростетъ, когда ее снимутъ, отвѣчалъ святитель, а борода отростетъ; такъ уже лучше пожертвовать бородою". Онъ часто боролся съ расколомъ въ своихъ поученіяхъ и написалъ противъ него сочиненіе „Объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ" и капитальное изслѣдованіе главныхъ раскольническихъ сектъ подъ именемъ „Розыска о брынской вѣрѣ". Другимъ знаменитымъ дѣятелемъ противъ раскола былъ Питиримъ нижегородскій, который самъ былъ прежде раскольникомъ. Послѣ своего обращенія къ православію онъ сдѣлался строителемъ Переяславскаго монастыря и въ теченіе 12 лѣтъ до своего епископства обратилъ множество раскольниковъ въ юрьевецкомъ и балахнинскомъ уѣздахъ. Въ 1716 г. онъ послалъ въ керженскіе поповщинскіе скиты 130 вопросовъ, на которые раскольники тоже отвѣчали вопросами (числомъ 240), но отвѣтовъ на вопросы Питирима не прислали, уклоняясь отъ состязанія съ нимъ изъ боязни посрамленія. Послѣ неоднократныхъ требованій съ его стороны эти отвѣты присланы были къ нему уже въ 1719 г., когда онъ сдѣлался епископомъ; за недостаткомъ на Керженцѣ ученыхъ людей они написаны были поморскимъ безпоповщинскимъ учителемъ Андреемъ Денисовымъ. Въ селѣ Нафнутовѣ наконецъ состоялся обмѣнъ

этихъ отвѣтовъ съ отвѣтами Питирима и знаменитое собесѣдованіе его съ учителями Керженцевъ *Варсонофіемъ* и дьякономъ *Александромъ* въ присутствіи многочисленной толпы раскольниковъ, кончившееся присоединеніемъ расколоучителей къ православію; Александръ однако скоро опять отступилъ отъ церкви и былъ казненъ смертью, какъ оскорбитель власти и обманщикъ. Отвѣты Питирима были напечатаны подъ именемъ „Пращицы". Ревностный борецъ противъ раскола имѣлъ большое вліяніе на законодательство Петра относительно раскольниковъ. Въ 1727 г. онъ доносилъ о своихъ трудахъ, что съ 1718 по 1724 г. имъ обращено къ православію болѣе 68,000 раскольниковъ.—Св. Синодъ съ своей стороны издавалъ увѣщательныя посланія къ раскольникамъ, отвращая ихъ отъ произвольнаго мученичества и приглашая ихъ безбоязненно являться въ Синодъ для собесѣдованій. Въ 1722 г. онъ отправилъ въ Поморье ученика Питиримова іеромонаха *Неофита*, который тоже предложилъ Поморцамъ вопросы, числомъ 106. Денисовы написали противъ нихъ свои „Поморскіе отвѣты", въ которыхъ расколъ явился во всеоружіи исторической и археологической учености, на одно двуперстіе приведено было 105 свидѣтельствъ. Въ расколѣ ничего еще не являлось выше этаго сочиненія и двухъ другихъ произведеній братьевъ Денисовыхъ: „Исторіи о отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ" и „Винограда россійскаго". Миссія Неофита имѣла очень мало успѣха, потому что встрѣтила въ Денисовыхъ сильныхъ и вліятельныхъ противниковъ, съ которыми нельзя было и сравнивать невѣжественныхъ противниковъ Питирима.

Хлысты. Въ началѣ XVIII в. обратила на себя вниманіе хлыстовская ересь. Св. Димитрій слышалъ о лжехристѣ Суслові и записалъ о его сектѣ въ своемъ Розыскѣ. По смерти Суслова (1716) христомъ сдѣлался *Прокопій Лубкинъ*, одинъ изъ стрѣльцовъ, послѣ стрѣлецкаго бунта сосланный въ Нижній. Онъ распространялъ свое ученіе сначала въ нижегородской, костромской и владимірской губерніяхъ, потомъ поселился въ Москвѣ вмѣстѣ съ женой *Акулиной*, которую выдалъ за богородицу. Между многочисленными его послѣдователями въ его радѣніяхъ участвовалъ сынъ извѣстнаго ростовскаго епископа Досиѳея. Въ 1716 г. еретики попались подъ судъ; но Лубкинъ какъ-то успѣлъ освободиться отъ суда и спокойно жилъ въ Москвѣ до самой смерти († 1732 г.), продолжая распространять свою ересь.

Борьба съ суевѣріями надѣлала правительству еще больше хлопотъ, чѣмъ борьба съ расколомъ, потому что суевѣріе, по словамъ Регламента, было зло общее, обрѣталось не въ нѣкоторыхъ только, а во всѣхъ людяхъ. Народная масса вовсе не была тронута современнымъ образованіемъ и находилась постарому въ состояніи религіознаго невѣжества, главныя черты котораго намъ уже довольно извѣстны. Толпы народа собирались со страхомъ около поддѣльныхъ плачущихъ иконъ и слушали пророчества и видѣнія ложныхъ пророковъ, въ числѣ которыхъ попадались даже такія лица, какъ Досиѳей ростовскій. По свидѣтельству Регламента духовныя власти иногда нарочно разглашали о явленныхъ иконахъ для поддержанія бѣдныхъ церквей и монастырей. По Россіи ходили странствующіе Греки съ ложными святынями, однажды въ отсутствіе Петра успѣли сбыть за 1000 рублей кусокъ незгараемаго полотна, выданнаго ими за ризу Богоматери, самой царицѣ. Петръ при всякомъ удобномъ случаѣ старался обнаруживать подобные обманы предъ народомъ, однажды самъ открылъ при всемъ народѣ поддѣлку въ дскѣ одной плачущей иконы. Всѣ власти и духовенство были призваны имъ къ преслѣдованію юродивыхъ, пустосвятовъ, пророковъ, колдуновъ, кликушъ и другихъ распространителей суевѣрій. Кликушъ велѣно пытать до тѣхъ поръ, пока онѣ сознаются въ обманѣ. За разглашеніе чудесъ и видѣній назначено тѣлесное наказаніе и ссылки на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей. Для колдуновъ, явныхъ хулителей имени Божія, распространителей вредныхъ государству суевѣрій назначена смертная казнь; Грековъ, странствующихъ безъ патріаршихъ грамотъ, не велѣно пропускать въ Россію, какъ „безвѣрниковъ и попрошаекъ“. Сохранилась одна записка Петра, въ которой находится краткое толкованіе заповѣдей; грѣхъ лицемѣрія и хапжества подводится здѣсь подо всѣ заповѣди, ставится тяжелѣе всѣхъ грѣховъ, потому что хапжи и обманщики, вымышляющіе чудеса и пророчества, лгутъ на Бога, губятъ народъ, подвигая его на бунты и подводя подъ казни, крадутъ не только рукой, но и духомъ и т. д. Дух. Регламентъ возложилъ на св. Синодъ обязанность подвергнуть строгому изслѣдованію сказанія о святыхъ, св. мощи и чудотворныя иконы, всякія чудеса, ложнымъ употребленіемъ которыхъ отъ иновѣрныхъ на православіе наводится нареканіе, выводить суевѣрные обычаи, въ родѣ напр. обычаевъ не дѣлать въ пятокъ, поститься въ 12 пятницъ, и непотребныя церемоніи, наприм. слышится, что въ Стародубскомъ полку

въ церковномъ ходѣ водятъ жонку простоволосую подъ именемъ Пятницы, въ другомъ мѣстѣ попы молебствуютъ съ народомъ подъ дубомъ; вельми срамно и сіе обрѣтается,—молитвы отсутствующимъ людямъ чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать. По мысли царя св. Синодъ дѣйствительно издалъ нѣсколько распоряженій противъ суевѣрій; въ одномъ указѣ возсталъ противъ обычая обливать водой проспавшихъ пасхальную заутреню, объясняя, что это обычай языческій въ честь идола Купалы; въ другомъ указѣ возставалъ противъ суевѣрнаго чествованія артоса и богоявленской воды. Въ 1723 г. въ Синодѣ освидѣтельствованы были одни мощи, взятые изъ частнаго дома, и оказались простою слоновою костью; тогда царь велѣлъ написать на нихъ цѣлый трактатъ для общаго свѣденія и положить ихъ на храненіе въ синодальную кунсткамеру.

Новыя понятія о религіозности. Подъ вліяніемъ порицанія отъ иновѣрныхъ, на которое часто ссылаются указы, гоненіе противъ суевѣрій нерѣдко доходило до крайностей, смѣшивало съ суевѣріемъ иногда и добрыя проявленія благочестія. Въ разныхъ мѣстахъ ломѣно разворятъ часовни, отъ иконъ снимать оклады и привѣски, запрещались публичныя хожденія по улицамъ съ образами и св. водой, отмѣнены нѣкоторые крестные ходы. Образованное общество какъ будто стыдилось теперь своей прежней простодушной религіозности и старалось ее спрятать. Св. Синодъ долженъ былъ заняться очищеніемъ церковной службы отъ лишнихъ обрядовъ, которые, хотя не вредны сами по себѣ, но не установлены церковію и могутъ напрасно отягощать совѣсть человѣческую. Обряды нецнаго дѣйствія и шествія на осляти уничтожены еще въ концѣ XVII в. Правительство обратило вниманіе на иконописаніе, которое особенно подвергалось насмѣшкамъ иноземцевъ, и въ 1707 г. учредило цѣлый приказъ для надзора за иконописцами; во главѣ этаго приказа поставленъ художникъ *Зарудный* съ званіемъ суперинтендента изуграфствъ исправленія. Св. Синодъ издалъ увѣщаніе, въ которомъ доказывалось, что въ богатыхъ ризахъ на иконы, равно какъ въ дорогихъ подсвѣчникахъ и лампадахъ, славѣ Божіей и благочестію приплода никакого нѣтъ и гораздо лучше давать деньги на содержаніе богоугодныхъ заведеній. Старое обрядовое направленіе религіозности подверглось теперь сильнымъ обличеніямъ и порицаніямъ. „Я мню, писалъ Посошковъ, что и на Москвѣ едва сотый человѣкъ знаетъ, что то есть христі-

анская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, или какъ Ему молиться... Не обрѣтается въ насъ ни знака христіанскаго, кромѣ того, что только мы именемъ словемъ христіане, а почему и что за сила въ томъ названіи, не знаемъ же". Онъ проектировалъ написать для народа краткія книжки съ катихизическимъ содержаніемъ, въ которыхъ изъяснить, „какъ Бога знать и какъ Его чтить и молить и какъ пресв. Богородицу, ангеловъ Господнихъ и святыхъ чтить и молить, и какъ образы ихъ почитать, и свѣщи съ каковымъ намѣреніемъ предъ кои иконы поставлять" и проч. Петръ тоже писалъ въ своихъ указахъ, что народъ не знаетъ ни вѣры, ни надежды, ни любви, все упованіе кладетъ на пѣніе церковное, постъ, поклоны, строеніе церквей, свѣчи и ладонъ, и неоднократно поручалъ Синоду сочинить краткія книжки и поученія съ изложеніемъ сущности вѣры и съ точнымъ при этомъ различеніемъ существеннаго въ православіи отъ несущественнаго, вѣры отъ обрядовъ, закона отъ совѣтовъ, неизмѣннаго отъ измѣняемаго, чтобы всѣ знали, что въ каковой силѣ имѣть. Въ 1722 г. онъ велѣлъ по всѣмъ епархіямъ разослать Букварь Ѳеофана Прокоповича, въ которомъ кратко изложено было толкованіе догматовъ, заповѣдей и блаженствъ, и читать его въ церквахъ вмѣсто Ефрема Сирина и другихъ церковныхъ чтеній. Въ тѣхъ же видахъ религіознаго обученія народа царь поощрялъ церковное проповѣдничество, переводы религіозныхъ книгъ, даже лютеранскихъ и кальвинскихъ катихизисовъ, и предпринялъ важное дѣло распространенія въ народѣ Библіи.

Заведеніе духовныхъ школъ. Съ вопросомъ объ исправленіи народной религіозности неразрывно связывался вопросъ о религіозномъ образованіи. Но прежде всего нужно было позаботиться объ образованіи самого духовенства, о которомъ встрѣчаемъ самые дурные отзывы. Посошковъ наприм. жалуется, что многіе священники не знали, что значитъ самое слово— „вѣра", не умѣли даже церковной службы отправить, какъ слѣдуетъ. Св. Димитрій ростовскій разказываетъ, что во время своихъ объѣздовъ по епархіи онъ встрѣчалъ такихъ священниковъ, которые не знали даже общаго порядка библейской исторіи, думали наприм., что прор. Илія жилъ послѣ І. Христа, что онъ умертвилъ жрецовъ Ваала тѣмъ самымъ ножомъ, которымъ ап. Петръ отсѣкъ прежде ухо Малху и т. п. Послѣ изгнанія изъ Москвы Малороссовъ русская церковь вовсе лишилась образовательныхъ средствъ; московская ака-

демія была въ запустѣніи, такъ что въ ней и потолки и печи обвалились. Пришлось обратиться опять къ кіевской коллегіи, которая была тогда единственной школой правильно и прочно устроенной, въ которой поэтому училось болѣе 1000 учениковъ. Петръ былъ очень къ ней милостивъ, утвердилъ за нею ея доходныя статьи, далъ ей наименованіе академіи, посылалъ въ нее учиться молодыхъ людей и вызывалъ ея воспитанниковъ для занятія важнѣйшихъ церковныхъ должностей въ Россіи.

Съ 1700 г. начала подниматься и московская академія, ректоромъ которой еще при п. Адріанѣ сдѣлался воротившійся изъ-за границы ученикъ Лихудовъ *Палладій Роговскій*. Со времени мѣстоблюстительства Стефана началось ея преобразованіе по образцу кіевской коллегіи; изъ Кіева въ нее пересажено латинское образованіе, вызваны преподаватели, перенесены всѣ школьные порядки, раздѣленіе классовъ, составъ курса, школьныя должности, диспуты, экзамены, школьное проповѣдничество, даже средства для развлеченія учениковъ, рекреаціи, пѣніе виршей, представленіе мистерій. Между тѣмъ стали заводиться и другія школы. Раньше всѣхъ заведена въ 1700 г. славено-латинская школа въ Черниговѣ, потомъ въ 1703 г.—въ Ростовѣ; 1706 г. Іовъ новогородскій, вызвавъ къ себѣ Лихудовъ, съ помощію ихъ завелъ при своемъ архіерейскомъ домѣ греко-славянское, а потомъ и латинское училища, отъ которыхъ съ теченіемъ времени произошло еще 14 школъ по разнымъ городамъ новогородской епархіи. Правительство начало строго требовать, чтобы на церковныя мѣста поставлялись непремѣнно учившіеся въ школахъ, за поставленіе безграмотнаго священника назначило для архіереевъ лишеніе каѳедры. Съ 1714 г. духовныхъ дѣтей, кромѣ архіерейскихъ школъ, велѣно еще забирать въ открывавшіяся по городамъ цифирныя школы; нежелавшихъ учиться велѣно брать въ солдаты.—Духовнымъ Регламентомъ опредѣлено открыть архіерейскія школы во всѣхъ епархіяхъ; содержать ихъ велѣно отчасти изъ архіерейскихъ доходовъ, отчасти изъ сборовъ со всѣхъ церковныхъ и монастырскихъ земель,—съ первыхъ 30-й, а со вторыхъ 20-й доли хлѣбнаго дохода. Въ томъ же году открыты были двѣ школы—въ Нижнемъ (славяногреческая) и въ Александроневскомъ монастырѣ, въ 1722—въ Твери и Бѣлгородѣ, въ 1723—въ Казани, Суздалѣ, Коломнѣ, Вяткѣ и Холмогорахъ, въ 1724—въ Вологдѣ, въ 1725—въ Устюгѣ. Требованія правительства касательно просвѣщенія духовенства сдѣлались еще строже; указы о вы-

силѣ духовныхъ дѣтей въ школы выдавались одинъ за другимъ. Кромѣ поповичей, въ 1723 г. въ московскія школы велѣно было высылать для науки молодыхъ и способныхъ монаховъ изъ монастырей.

Кромѣ немногихъ славяно-славянскихъ училищъ, всѣ епархіальныя школы основывались на началахъ латинскаго образованія кіевской коллегіи. Въ томъ же кіевскомъ духѣ Регламентъ изложилъ *уставъ* для этихъ школъ. Велѣно было построить домы „образомъ монастыря“, въ которыхъ и жить воспитанникамъ, какъ можно рѣже вѣдаясь съ родными; такимъ образомъ предполагали воспитать новое поколѣніе духовныхъ лицъ, отрѣшенное отъ стараго быта. Вся жизнь этой замкнутой бурсы подчинена была строгому надзору ректора, префектовъ и фискаловъ, подчинена точнымъ регуламъ, распредѣлена по часамъ, обозначаемымъ звонками, „и всѣ бы семинаристы, какъ солдаты на барабанный бой, такъ на колокольцевъ голосъ принимались за дѣло, какое на часъ урѣченный назначено“. Для отдыха ученикомъ назначены водное плаваніе на судахъ, геометрическіе размѣры, строеніе крѣпостей, акціи, диспуты, наконецъ чтеніе пріятныхъ къ слышанію и полезныхъ исторій, ово воинскихъ, ово церковныхъ. Курсъ ученія опредѣленъ въ такомъ объемѣ: 1) грамматика съ географіей и исторіей, 2) ариѳметика и геометрія, 3) логика съ діалектикой, 4) риторика съ піитикою, 5) физика и краткая метафизика, 6) политика Пуффендорфа, 7) богословіе. На первыя 6 наукъ назначено по году, на богословіе 2 года, потому что духовныя школы назначались быть заведеніями спеціальными и сословными,—для обученія духовныхъ дѣтей „въ надежду священства“. Этотъ принципъ спеціальности духовныхъ школъ еще не могъ быть выдержанъ теперь до конца вслѣдствіе крайней нужды въ образованныхъ людяхъ; кромѣ духовной службы, правительство назначало ихъ воспитанниковъ на разные роды службы государственной; но послѣ Петра онѣ все болѣе и болѣе становятся замкнутыми. Развитію сословной замкнутости ихъ много способствовало и то, что при Петрѣ явились отдѣльныя свѣтскія школы разнаго рода спеціальностей.

Регламентъ изложилъ уставъ духовныхъ школъ, опредѣлилъ ихъ курсъ; но самое заведеніе ихъ на первыхъ порахъ пошло очень медленно. Нужно было прежде всего возбудить въ духовенствѣ еще самую потребность образованія. Духовныхъ дѣтей набирали въ школы силою, иногда даже въ кан-

далахъ подъ конвоемъ; матери плакали объ нихъ, какъ во времена Владиміра святаго. Нѣкоторые изъ школьниковъ нарочно притворялись глупыми, какъ другіе, говорится въ Регламентѣ, притворяютъ себѣ тѣлесную немощь отъ солдатства: такихъ велѣно было испытывать цѣлый годъ. Многіе бѣжали изъ школъ въ свои домы и скрывались у родныхъ; ихъ велѣно было разыскивать и привозить въ школы чрезъ Монастырскій приказъ. Правительство очень дорожило учениками; ректору, если онъ отпуститъ ученика за взятку, объявлено жестокое наказаніе; исключеніе ученика дозволялось только послѣ годичнаго его испытанія, и то въ такомъ только случаѣ, если онъ окажется „дѣтина непобѣдимой злобы". — Далѣе, заведеніе школъ находило себѣ препятствіе въ недостаткѣ епархіальныхъ средствъ на ихъ содержаніе. Сборы хлѣба съ церквей и монастырей были крайне неисправны. Нѣкоторыя епархіи вовсе не могли открыть у себя школъ за скудостію, наприм. воронежская, крутицкая, астрахапская. Еще труднѣе было найти учителей; даже Регламентъ дозволилъ опредѣлять въ учители не знающихъ, а только талантливыхъ людей, которые могутъ заняться изученіемъ своего предмета уже на должности. Въ 1722 г. правительство наконецъ вынуждено было совсѣмъ отступиться отъ своихъ проектовъ и ограничить курсъ архіерейскихъ школъ только изученіемъ славянской грамматики и букваря, содержавшаго въ себѣ одни только начатки христіанскаго ученія и назначеннаго собственно для народа.

Продолженіе спора между Кіевлянами и Великорусами. Въ самомъ началѣ Петровскаго царствованія встрѣчаемся съ остатками стараго спора между малороссійскими и великорусскими учеными. Въ это время въ Новгородѣ жилъ одинъ изъ кіевскихъ ученыхъ монахевъ *Гавріилъ Домецкій*, бывшій прежде симоновскимъ архимандритомъ; онъ пріѣхалъ сюда изъ Москвы во время извѣстнаго гоненія на Малороссовъ, былъ ласково принятъ м. Іовомъ и въ сьоромъ времени сдѣланъ былъ архимандритомъ Юрьева монастыря. Когда Малороссійскіе ученые снова стали входить въ силу, онъ рѣшился снова поднять старый споръ о времени пресуществленія даровъ и съ этой цѣлію въ 1704 г. написалъ опроверженіе на книгу Остенъ, въ которомъ рѣзко обличалъ Москвитянъ въ невѣжествѣ и горой возставалъ за кіевскую ученость. Противъ него выступилъ чудовскій іеродіаконъ *Дамаскинъ*, одинъ изъ представителей школы Епифанія Славенецкаго, человѣкъ тоже близкій къ м. Іову, и написалъ на

его сочиненіе 105 отвѣтовъ, въ которыхъ защищалъ православное ученіе о пресуществленіи св. даровъ и далъ замѣчательно вѣрный отзывъ о латинской односторонности кіевскихъ ученыхъ. Этими отвѣтами и тремя посланіями къ Іову онъ совершенно подорвалъ неограниченное довѣріе митрополита къ Домецкому. Послѣдній еще болѣе повредилъ себѣ, вступивъ въ полемику съ пріѣхавшими въ Новгородъ Лихудами,—которые съ своей стороны тоже не замедлили выставить его еретическое направленіе предъ митрополитомъ. Въ 1709 г. Іовъ отставилъ его отъ должности и заставилъ удалиться изъ Новгорода въ Кіевъ.

Лихуды надолго утвердили въ Новгородѣ образованіе еллинославянское, оказавшееся очень популярнымъ среди духовенства. Въ то время, какъ ученики по всѣмъ епархіямъ толпами бѣгали изъ славено-латинскихъ школъ, въ новогородской школѣ напротивъ всегда было очень большое число учащихся и бѣгства между ними не замѣчалось; до 1726 г. ихъ обучено было здѣсь свыше 1000 человѣкъ, болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Изъ Новгорода Лихуды были опять вызваны въ Москву,—Софроній въ 1709 г. въ учители греческой школы при типографіи, а Іоанникій — въ 1716 г. (первый умеръ въ Москвѣ въ 1730 г., а послѣдній еще въ 1717). Ученые братья и въ Новгородѣ и въ Москвѣ неутомимо продолжали свою многоплодную дѣятельность въ пользу русскаго просвѣщенія, составляли руководства по всѣмъ предметамъ тогдашняго школьнаго курса, составили схоластическое богословіе, написали обличеніе ересямъ Лютера и Кальвина, говорили похвальныя рѣчи Петру. Софроній написалъ „Тріумфъ о мирѣ съ Швеціей“ въ 1721 г. и обличилъ расколъ въ сочиненіи: „Коллурій отъ лютой страсти очеболѣнія Капитонскаго“. Однимъ изъ важнѣйшихъ трудовъ его было участіе въ исправленіи Библіи, которую Петръ хотѣлъ напечатать новымъ изданіемъ для распространенія въ народѣ.

Исправленіе Библіи, остановившееся еще послѣ смерти Епифанія Славенецкаго, возобновилось по мысли м. Іова въ 1712 г. и было поручено Петромъ Ѳеофилакту Лопатинскому и Софронію; въ помощники къ нимъ назначены переводчики *Ѳедоръ Поликартовъ*, *Николай Семеновъ*, монахи *Ѳеологъ* и *Іосифъ*. Они добросовѣстно сличили рукописи и западныя изданія Библіи по греческому, латинскому и еврейскому текстамъ, пользуясь при этомъ толкованіями отцевъ церкви и

западныхъ ученыхъ. Исправленія славянскаго текста велѣно было дѣлать по переводу LXX; но такъ какъ славянская Библія во многомъ отъ него отличалась, то, чтобы не отступать далеко отъ его прежняго текста, они исправляли ее по разнымъ библейскимъ редакціямъ и переводамъ, мѣстами по Вульгатѣ, мѣстами по еврейскому тексту, большею частію впрочемъ держась текста LXX. Все дѣло исправленія было кончено въ 1723 г.; но такъ какъ синодальная типографія была занята тогда печатаніемъ богослужебныхъ книгъ, то печатаніе исправленной Библіи замедлилось въ теченіи всего 1724 г., потомъ совсѣмъ оставлено за смертью государя.

Димитрій ростовскій. Кромѣ произведеній Лихудовъ и немногихъ трудовъ великорусскихъ писателей, направленныхъ главнымъ образомъ противъ раскола, вся церковная письменность временъ Петра исключительно принадлежитъ ученымъ Малороссамъ. Великорусской грамотной публикѣ между ними всѣхъ болѣе пришелся по душѣ св. Димитрій. Его преимущественно историческое направленіе, чуждое схоластики кіевской школы, чисто народный языкъ, доведенный до замѣчательнаго изящества и простоты, самая теплая и задушевная назидательность нравственныхъ поученій,—всѣ эти качества возбуждали общее уваженіе къ его трудамъ, сдѣлали его писателемъ народнымъ. Кромѣ окончанія Четіи-Миней, онъ написалъ „Келейную лѣтопись“,—сводъ библейской исторіи съ гражданскою, „Лѣтописаніе царей и патріарховъ“ и „Каталогъ россійскихъ митрополитовъ“, которымъ положено начало исторіи русской церкви. Сдѣлавшись митрополитомъ, онъ долженъ былъ заняться исключительно практическими предметами для удовлетворенія требованіямъ своей паствы; въ это время онъ началъ изучать расколъ и написалъ противъ него „Разсужденіе объ образѣ Божіемъ въ человѣкѣ“ и свой „Розыскъ о брынской вѣрѣ“, въ которомъ въ первый разъ находимъ подробное различеніе раскольническихъ сектъ; проповѣди его получили теперь еще болѣе простой и практическій характеръ, чѣмъ прежде въ Малороссіи, гдѣ вкусъ публики нерѣдко заставлялъ его прибѣгать къ школьнымъ пріемамъ риторства. Благочестивая и полная христіанской любви душа святителя изливалась въ довольно обширной перепискѣ его съ друзьями и духовной поэзіи молитвенныхъ размышленій, псальмъ, кантовъ и мистерій; народное благочестіе до сихъ поръ помнитъ нѣкоторыя изъ его псальмъ и кантовъ, а церковь величаетъ его „духовною цѣвницею“.

Стефанъ Яворскій. Первымъ полнымъ представителемъ и распространителемъ кіевскаго образованія въ Великороссіи при Петрѣ явился Стефанъ Яворскій. Еще до пріѣзда въ Москву онъ пріобрѣлъ себѣ большую ученую извѣстность богословскими лекціями въ кіевской коллегіи, которыя были читаны имъ въ самомъ строгомъ схоластическомъ направленіи, подъ руководствомъ системы знаменитаго Ѳомы Аквината. Но эти же лекціи сдѣлались для него причиною многихъ непріятностей, послуживъ поводомъ къ обвиненію его въ латинствѣ, которое неотступно преслѣдовало его и въ Кіевѣ и особенно въ Москвѣ. П. Досиѳей замѣтилъ въ нихъ развитіе латинскаго мнѣнія о времени пресуществленія даровъ въ евхаристіи. Великорусскіе книжники прямо называли Яворскаго обливанцемъ и латынникомъ и долго не могли помириться съ его направленіемъ. Новогородская школа Лихудовъ въ 1711 г. послала въ московскую академію нѣсколько философскихъ и богословскихъ вопросовъ; Стефанъ хорошо понималъ, что значатъ эти вопросы заведенію, имъ преобразованному и находившемуся подъ его покровительствомъ; онъ видѣлъ въ нихъ не что иное, какъ обидный экзаменъ въ его собственномъ православіи. Какъ богословъ, воспитанный на католическихъ системахъ, онъ, разумѣется, долженъ былъ сдѣлаться особенно жаркимъ противникомъ протестантства и дѣйствительно боролся съ нимъ почти все время своего мѣстоблюстительства; памятникомъ этой борьбы остался его Камень вѣры. Но обличая протестантовъ, онъ невольно увлекался при этомъ своими латинскими образцами и источниками (наприм. Беллярминомъ) и навлекъ на себя еще большее подозрѣніе „въ папежскомъ духѣ“, которое раздѣлялъ и самъ царь. Подозрѣніе это оправдывалось въ глазахъ царя извѣстными понятіями Стефана объ отношеніи церкви къ государству и единоличномъ ея управленіи; высказанное въ Камнѣ вѣры мнѣніе Стефана о правѣ церкви казнить еретиковъ смертною казнью и о необходимости этой казни для ихъ же собственнаго блага, потому что она пресѣкаетъ имъ дальнѣйшую возможность прогнѣвленія Бога, тоже отзывалось сильнымъ вліяніемъ латинскихъ понятій. Сначала Яворскій усердно содѣйствовалъ Петру, написалъ противъ Талицкаго книгу „О знаменіяхъ пришествія антихриста“ (по сочиненію испанскаго богослова Мальвенды) и восхвалялъ дѣла Петра въ своихъ проповѣдяхъ; потомъ, какъ мы видѣли, они совершенно разошлись между собою. Живаго отношенія къ эпохѣ невидно впрочемъ ни въ раннихъ, ни въ позднихъ

предикахъ Стефана; держась постоянно на одной отвлеченной, риторской высотѣ общихъ сравненій, подобій и нравственныхъ сентенцій, онѣ никогда, не схватываютъ живыхъ и существенныхъ сторонъ реформы. Большая часть ихъ отличается замѣчательнымъ остроуміемъ и занимательностію, но въ то же время натянутой изысканностію кіевской школы, заказнымъ тономъ школьныхъ экзерцицій и панегириковъ, умышленно поддѣланными хитросплетеніями, игрой словъ, претензіями на занимательность, иногда неприличными каѳедрѣ шутками (¹). Современники говорятъ, что Стефанъ силой рѣчи по произволу могъ заставить слушателей и плакать и смѣяться. Послѣ извѣстной проповѣди на день Алексѣя человѣка Божія (1712 г.) онъ долженъ былъ отойти въ сторону и дать мѣсто другимъ Кіевлянамъ другаго направленія.

По единству образованія и направленія къ Яворскому близко примыкали: *Іоаннъ Максимовичъ* (черниговскій, потомъ тобольскій архіепископъ), подражатель Голятовскаго и Барановича, авторъ многихъ виршей; *Ѳеофилактъ Лопатинскій*, знатокъ греческаго языка, исправитель Библіи, сотрудникъ Стефана въ обличеніи московскихъ еретиковъ; его лекціи по богословію, которыя онъ читалъ въ московской академіи во время своего ректорства, изложенныя въ строго-схоластическомъ духѣ по системѣ Ѳомы Аквината, надолго утвердили здѣсь преобладаніе схоластическаго направленія въ богословіи, которому слѣдовали всѣ послѣдующіе преподаватели богословія до 1740-хъ годовъ; къ тому же классу ученыхъ, солидарныхъ по направленію съ Яворскимъ, принадлежалъ преемникъ Ѳеофилакта по академической ректурѣ, *Гедеонъ Вишневскій*. Московская академія, какъ и кіевская, упражнялась въ сочиненіи виршей и панегириковъ на знатныя событія Петрова царствованія, носившихъ пышныя названія, наприм. „Политиколѣйная апотеозисъ россійскаго Геркулеса Петра 1“ по случаю „преславной (Полтавской) викторіи надъ химероподобными дивами—гордынею, неправдою и хищеніемъ свейскимъ“.

(¹) Наприм. въ одномъ словѣ онъ шутитъ: «поминайте, рече, жену Лотову. Какъ же, Спасителю мой, ю поминати? панихиду ли пѣти или въ ектеніяхъ ю поминати? Не вѣдаемъ ей имя» и проч. Говоря о взятіи Орѣшка у Шведовъ, проповѣдникъ распространяется о твердости сего Орѣшка, котораго не берутъ никакіе зубы, взялъ только камень, о которомъ речено: «ты еси Петръ». Слово о призваніи апостоловъ все состоитъ изъ длинныхъ и затѣйливыхъ сравненій, чѣмъ люди похожи на рыбъ.

Θеофанъ Прокоповичъ. Вѣрнаго и искренняго проповѣдника дѣлъ своихъ Петръ нашелъ въ Θеофанѣ, который входилъ въ самую мысль преобразователя и самъ былъ такимъ же преобразователемъ въ церковной сферѣ. По своему богословскому направленію онъ былъ основателемъ новой школы богословія, которая впрочемъ долго не находила себѣ адептовъ и не вводилась въ семинаріи. Во время своего ректорства въ Кіевѣ онъ написалъ свои знаменитыя лекціи по богословію изъ 7 трактатовъ; въ нихъ онъ отрѣшился и отъ старыхъ латинскихъ авторитетовъ, и отъ старыхъ схоластическихъ пріемовъ и, по образцу славныхъ въ свое время протестантскихъ богослововъ, Квенштедта и Гергарда, ввелъ въ богословіе новый методъ протестантской науки, въ основѣ котораго лежало филологическое и историческое изученіе св. Писанія и церковной древности. Онъ вступилъ въ совершенный контрастъ съ Яворскимъ, потому что какъ тотъ исключительно руководствовался католическими источниками, такъ Θеофанъ, увлекшись своей враждой къ схоластикѣ и латинству, дошелъ до излишняго подражанія протестантскому богословствованію. Вліяніе послѣдняго замѣтно и въ его богословскихъ сочиненіяхъ, и въ проповѣдяхъ, и даже въ законодательныхъ памятникахъ, которые онъ редактировалъ по порученію Петра; оно сказалось наприм. въ довольно либеральномъ отношеніи Θеофана къ церковному авторитету, почитанію св. мощей и чудотворныхъ иконъ и ко всей вообще церковной обрядности; въ богословскихъ трудахъ его дальше православныхъ границъ развиваются положенія о поврежденіи человѣческой природы, объ оправданіи единой вѣрою и благодатію І. Христа, о второстепенномъ значеніи преданія предъ св. Писаніемъ, какъ единымъ источникомъ вѣры. Богословская полемика его вся направлена противъ католичества за исключеніемъ немногихъ трудовъ противъ протестантства, которые онъ написалъ еще въ Кіевѣ; таковы: Апологія кіевскимъ мощамъ и Апологія православію на вопросы нѣкоторыхъ лютеранскихъ богослововъ печерскому монаху Михаилу Шію. По пріѣздѣ его въ Москву Яворскій, Лопатинскій и Вишневскій встрѣтили его сильными обвиненіями въ протестантствѣ. Кромѣ извѣстнаго допоса на него царю, Стефанъ написалъ опроверженіе на сочиненіе „Объ иглѣ неудобопоснмомъ“, гдѣ Θеофанъ развивалъ мысль объ оправданіи вѣрою безъ дѣлъ; Лопатинскій написалъ еще опроверженіе на это же сочиненіе подъ названіемъ: „Объ иглѣ Господнемъ благомъ“. Петръ отстоялъ

Θеофана отъ нападеній Яворскаго, сдѣлалъ его своимъ любимцемъ и правою рукою во всѣхъ реформахъ относительно церкви. Найдя въ немъ вѣрное отраженіе своихъ мыслей и кромѣ того замѣчательную ученость, государь поручалъ ему редактировать свои указы, оправдывать свои распоряженія исторіей и церковной археологіей и объяснять ихъ въ воззваніяхъ и проповѣдяхъ къ народу. Прокоповичъ написалъ Духовный Регламентъ, трактатъ о томъ, „съ коего времени началось патріаршеское достоинство въ церкви и какимъ образомъ 400 лѣтъ церкви управляемы были безъ патріаршества“, „О возношеніи имени патріаршаго въ церквахъ, чего ради оное въ Россіи отставлено“, трактатъ „О понтификахъ и о томъ, могутъ ли христіанскіе государи и въ какомъ разумѣ нарещись епископы, съ прибавленіемъ аргументовъ о правѣ императора пещись о церкви изъ соборовъ, декретовъ и дипломовъ императорскихъ“, Объявленіе о монашествѣ, нѣсколько увѣщаній къ раскольникамъ, разсужденія о бракахъ съ невѣрными, о правильномъ разводѣ, о достоинствѣ поливательнаго крещенія, Первое ученіе отрокомъ, О блаженствахъ противъ ханжей и лицемѣровъ. Кромѣ церковныхъ предметовъ, по порученію царя онъ долженъ былъ заниматься и другими, не относившимися къ церковной реформѣ, наприм. долженъ былъ доказывать, что государь не обязанъ признавать своимъ наслѣдникомъ только старшаго сына, а можетъ объявить своимъ наслѣдникомъ, кого ему угодно; съ этою цѣлію написана была въ 1722 г. „Правда воли монаршей“. По порученію царя Θеофанъ написалъ предисловіе къ Морскому Регламенту, занимался собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра, написалъ описаніе мѣстностей, упомпнаемыхъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ, трактатъ объ Амазонкахъ, изслѣдованія о миѳологіи для русскаго перевода Аполлодоровой Библіотеки о богахъ. Будучи усерднымъ панегиристомъ реформы, Прокоповичъ въ своихъ сочиненіяхъ сильной и колкой сатирой бьетъ старое время съ его темными сторонами. Сатира, общая у него съ самимъ Петромъ, насквозь проникаетъ даже Духовный Регламентъ; въ немъ наприм. находимъ сильныя выходки противъ величавости епископовъ, поведенія архіерейскихъ людей въ отношеніи къ духовенству, противъ суевѣрій, ханжества и ложныхъ святынь, находимъ портреты упрямаго и невѣжественнаго русскаго начетчика и кіевскаго школяра, изучившаго риторику съ діалектикой и думающаго, что все позналъ и т. п. Сатира прони-

кастъ и все его церковное проповѣдничество. Въ проповѣди онъ явился такимъ же реформаторомъ, какъ и въ богословіи. Онъ свелъ ее съ отвлеченной схоластической высоты ближе къ жизни и современнымъ потребностямъ, освободилъ ее отъ ея фальшиваго и смѣшнаго наряда изъ троповъ, фигуръ, символовъ, натянутыхъ сравненій, изъ лоскутьевъ астропоміи, исторіи и др. наукъ, которыми она щеголяла у старыхъ школяровъ, и сдѣлалъ ее ясною, положительною и сильною учительницей общества. Съ своей каѳедры Ѳеофанъ опровергалъ суевѣрныя понятія народа о дѣлахъ Петра, сравнивалъ старую Русь съ новою, доказывалъ необходимость уничтоженія національной замкнутости, пользу сношеній съ другими народами, необходимость просвѣщенія, морскихъ силъ, важность современной политики и войнъ, обличалъ невѣжество, суевѣрія, расколы, религіозные обманы и проч. Главный недостатокъ его проповѣди состоялъ въ слишкомъ свѣтскомъ направленіи, при которомъ изъ церковнаго оратора онъ часто обращался въ свѣтскаго публициста. Ѳеофанъ далъ и правила для новаго проповѣдничества, изложенныя въ Регламентѣ и въ сочиненіи: „Вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель проповѣдати долженъ“. Содержаніемъ проповѣди, по его опредѣленію, должно быть простое и ясное изложеніе главныхъ догматическихъ и нравственныхъ истинъ и обличеніе суевѣрій. Онъ запрещалъ подражать западнымъ проповѣдникамъ, совѣтовалъ проповѣднику образовывать свой талантъ преимущественно чтеніемъ св. Писанія и отцевъ церкви, заботиться о простотѣ и въ изложеніи и въ самомъ произношеніи, избѣгать неумѣренной мимики, не шататься, будто въ суднѣ весломъ гребетъ, руками не силяскивать, въ боки не упираться, не подскакивать, не смѣяться, да и не рыдать.

Около Ѳеофана группировались единомысленные съ нимъ люди и его подражатели: чудовскій архимандритъ и членъ Синода *Ѳеофилъ Кролик*ъ, бывшій тоже провозвѣстникомъ дѣлъ Петра, и іеромонахъ *Симонъ Кохановскій*. Полемика противъ старины доходитъ у послѣдняго до излишне-грубой и озлобленной сатиры; онъ бичевалъ этой сатирой лицемѣріе и невѣжество тѣхъ, которые бѣгутъ въ монастыри, думая, что тутъ скорѣе спасутся, чѣмъ въ міру, что „лучшее спасеніе въ черномъ платьѣ, нежели въ красномъ или зеленомъ, въ клобукѣ, нежели въ парикѣ, солдатской шляпѣ или мужицкой шапкѣ“, ратовалъ противъ суевѣрій, „мужицкой или бабьей богословіи“, занимающейся „смѣхотворными вопросами,

которыми персты знаменіе на себѣ положити, двоить или троить аллилуія, которая пятница святѣе, и прочими бездѣльями и идолослуженіями", рѣзко указывалъ при этомъ на то, что изъ тысячи православныхъ развѣ одинъ знаетъ молитву Господню и 10 заповѣдей. Усерднымъ глашатаемъ дѣлъ Петровыхъ былъ вмѣстѣ съ Ѳеофаномъ *Гавріилъ Бужинскій*, архимандритъ Троицкой лавры и членъ Синода. Будучи еще іеромонахомъ флота и сопутствуя Петру въ походахъ, онъ постоянно говорилъ проповѣди на разныя событія своего времени, побѣду при Полтавѣ, взятіе Шлиссельбурга, основаніе новой столицы и проч. По порученію Петра онъ переводилъ сочиненія Пуффендорфа: Введеніе въ исторію европейскихъ государствъ, въ которомъ проведенъ крайній государственный взглядъ на отношеніе церкви къ государству, и О должностяхъ человѣка и гражданина, также сочиненіе Стратемана—Феатропъ или Позоръ историческій, проникнутый крайнимъ протестантскимъ взглядомъ на исторію; переводчикъ противопоставляетъ его Церковной исторіи Баронія, написанной въ крайне-католическомъ духѣ, которая переведена была еще раньше. Нельзя не обратить вниманія на то, что книга Стратемана, не смотря на рѣзкія мысли противъ іерархіи, преданій и отцовъ церкви, переведена была безъ всякихъ измѣненій, тогда какъ католическая исторія Баронія издана съ большими пропусками и снабжена полемическими замѣчаніями издателя.

Пока живъ былъ Петръ, направленіе Прокоповича было господствующимъ въ церковной жизни и наукѣ; сильный ропотъ на новые церковные порядки, толки объ еретичествѣ Ѳеофана и его подражателей были сдавлены подъ крѣпкой рукой царя. Въ началѣ 1725 г. эта крѣпкая рука отпялась, великаго императора не стало, и все до сихъ поръ затаенное недовольство явилось наружу и обратилось на голову Ѳеофана, который остался главнымъ представителемъ реформы. Для него наступило время тяжелой борьбы съ врагами, въ которой, отстаивая свою личную безопасность, онъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ выносить на своихъ плечахъ все дѣло церковной реформы. Недаромъ проповѣдь его на погребеніи почившаго императора проникнута была такимъ сильнымъ чувствомъ, и всѣ слушатели были потрясены, когда раздались надъ гробомъ слова оратора: „Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ? Что дѣласмъ? Петра Великаго погребаемъ"!...

IX. СОСТОЯНІЕ ЦЕРКВИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХЪ ПЕТРА.

Восшествіе на престолъ Екатерины I. Императоръ умеръ, не оставивъ послѣ себя никакого письменнаго завѣщанія о преемствѣ престола. Партія старинныхъ вельможъ хотѣла возвести на престолъ *Петра*, сына царевича Алексѣя. Но противъ этаго со всею энергіею инстинкта самосохраненія возстали Осо фанъ, Меншиковъ, Толстой и другіе птенцы Петра Великаго, дѣйствовавшіе прежде противъ царевича Алексѣя. Осо фанъ, авторъ Правды воли монаршей, объявилъ, что императоръ оставилъ *словесное* завѣщаніе въ пользу *Екатерины*, своей супруги. Это свидѣтельство имѣло рѣшительное вліяніе на провозглашеніе императрицей Екатерины. Оказавъ такую услугу новому правительству, Осо фанъ пріобрѣлъ себѣ сильное вліяніе въ Синодѣ. Въ скоромъ времени первенство его въ церковномъ управленіи упрочилось паденіемъ старшаго синодальнаго члена Осодосія Яновскаго.

Судьба Осодосія. Вслѣдствіе извѣстныхъ уже намъ причинъ Осодосій былъ очень радъ смерти грознаго императора и не думалъ скрывать этой радости. „Государь утѣснялъ насъ штатомъ, говорилъ онъ въ Синодѣ, а теперь смотрите: мы всѣ живы, а онъ умеръ, его нѣтъ“. Теперь онъ началъ еще свободнѣе высказываться противъ новыхъ порядковъ и униженія церкви. Наприм. въ апрѣлѣ 1725 г. онъ сильно пашумѣлъ въ передней дворца за то, что часовой не пропустилъ его карету чрезъ дворцовый мостъ, разбранилъ и часоваго и дежурнаго офицера, сказалъ, что онъ самъ выше свѣтлѣйшаго (Меншикова). „Вы боитесь палки, грозился неудержимый человѣкъ, такъ наши палки длиннѣе“. Чрезъ нѣсколько дней императрица указала синодальнымъ членамъ собраться на панихиду о Петрѣ; Осодосій чѣмъ-то тутъ обидѣлся и сказалъ въ Синодѣ: „какое тиранство, Боже милостивый! мірская власть указываетъ духовной молиться! Буду служить панихиду, боюсь ссылки; но угодна ли будетъ Богу такая молитва“? Послѣ панихиды онъ не поѣхалъ во дворецъ на панихидный столъ, говорилъ, что боится новой обиды отъ часовыхъ и что нога его не будетъ во дворцѣ; но потомъ, когда его не пригласили къ дворцовому столу на Пасху, еще болѣе обидѣлся и говорилъ объ императрицѣ: „будетъ еще трусить“. Осо фанъ отъ имени синодальныхъ членовъ подалъ на него доносъ въ непристойныхъ словахъ, и начался розыскъ. Кромѣ указанныхъ выходокъ, синодальные члены до-

носили, что Феодосій часто поносилъ царя, жаловался на униженіе церкви, что въ ней монархіи нѣтъ никакой, что ея пастыри силы никакой не имѣютъ, сравнивалъ „злато съ блатомъ“, Петра съ Іоанномъ Грознымъ, убившимъ м. Филиппа, обвинялъ царя въ непостоянствѣ, подозрительности и жестокости, въ томъ, что онъ училъ народъ казнями, а учить надобно черезъ школы, инструментъ же желѣзный не диковина, всего дать 2 гривны. Въ числѣ доносителей о винахъ Феодосія явился и знакомый уже намъ Сильвестръ рязанскій. Въ своемъ доношеніи онъ нашелъ случай высказать свои личныя отношенія къ Феодосію, называлъ его франтышкомъ, изуромъ, сретикомъ, выставлялъ на видъ свои несчастія отъ него, переводы по епархіямъ, лишеніе митрополичьяго сана, обвинялъ его въ корыстолюбіи, взяткахъ, недуховной жизни, вспомнилъ при этомъ и другихъ архіереевъ Черкасъ, какъ они себя богатятъ, а на русскихъ архіереяхъ копѣйки усчитываютъ и проч. Поднято было и прежнее дѣло о расхищеніи Феодосіемъ церковныхъ суммъ и вещей въ новогородской епархіи. Кромѣ того на него послѣдовалъ важный доносъ, что онъ всѣхъ своихъ домовыхъ служителей обязалъ присягой своему собственному лицу. Послѣ слѣдствія онъ былъ лишенъ сана и подъ именемъ простаго черница Федоса сосланъ подъ крѣпкій караулъ въ Корельскій монастырь, гдѣ и умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ въ тѣсной и холодной тюрьмѣ. Его не оставили въ покоѣ и послѣ смерти; тѣло его велѣно было вырыть изъ могилы, и, учинивъ надъ нимъ анатомію, везти въ Петербургъ, но потомъ новымъ указомъ дозволено было снова похоронить его въ Кирилловскомъ монастырѣ. Блестящій архіепископъ, любимецъ Петра, вздумавшій быть Никономъ XVIII вѣка, сдѣлался началомъ длиннаго ряда несчастныхъ жертвъ, которыя гибли потомъ среди переворотовъ XVIII вѣка.

Новый составъ св. Синода. Мѣсто Феодосія занялъ Феофанъ, сдѣлавшійся съ этаго времени архіепископомъ новогородскимъ и первымъ членомъ св. Синода. Но въ тоже время вторымъ членомъ св. Синода объявленъ непріятный ему Феофилактъ Лопатинскій. Этаго мало; покровительствуя Феофану за его услугу, императрица, чувствовавшая себя еще нетвердой на русскомъ престолѣ, не могла оставлять безъ вниманія и партіи противной Черкасамъ, за которую стояли сильные люди изъ старинаго боярства, наприм. Долгорукіе. Несмотря на противодѣйствіе Феофана, третьимъ членомъ Сино-

да назначенъ былъ ростовскій архіерей *Георгій Дашковъ*, Великоруссъ, врагъ Малороссовъ и новыхъ ученыхъ, симпатизировавшій патріаршей старинѣ, человѣкъ необразованный, но энергичный и талантливый, способный быстро пробиваться впередъ; недостатокъ образованія онъ замѣнялъ свѣтской ловкостью, съ помощію которой завелъ обширныя связи въ кругу стариннаго вельможества. Вскорѣ послѣ своего назначенія въ Синодъ онъ подалъ императрицѣ докладъ, въ которомъ ясно высказалось его направленіе; онъ жаловался, что церковныя имѣнія истощены поборами на государственныя нужды; что архіерейскіе домы и монастыри стали чуть не богадѣльнями, архіереи и духовныя лица бродятъ, какъ бывало Греки, даже хуже, священники по селамъ хуже нищихъ, и просилъ сдѣлать новыя распоряженія о такихъ непорядкахъ. Императрица не обратила вниманія на этотъ докладъ; церковныя имущества остались въ управленіи Камеръ-конторы на прежнихъ основаніяхъ. Въ 1726 г. Синодъ былъ раздѣленъ на 2 департамента, изъ которыхъ въ первомъ сидѣли духовные члены для управленія духовными дѣлами, а второй, названный Коллегіей Экономіи, состоялъ изъ свѣтскихъ лицъ и занимался дѣлами судебными и экономическими; званіе синодальнаго вице-президента было уничтожено, какъ приличное однимъ свѣтскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Въ тоже время Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ потеряли свое первенствующее значеніе въ администраціи и были подчинены вновь учрежденному Верховному Совѣту, причемъ у нихъ отнято и наименованіе правительствующихъ. Этимъ проложенъ былъ путь къ преобладанію въ церковномъ управленіи всѣхъ временщиковъ какъ этаго, такъ и послѣдующихъ царствованій первой половины XVIII в. Покровительствуемый вельможами, Георгій Дашковъ старался составить около себя сильную партію изъ духовныхъ лицъ, враждебныхъ Ѳеофану. Въ Синодѣ скоро явился еще новый членъ изъ Великороссовъ, тоже нерасположенный къ Черкасамъ, горицкій архимандритъ *Левъ Юрловъ*. Поднялся опальный архіерей прошлаго царствованія Сильвестръ; онъ былъ переведенъ въ Казань и скоро опять возведенъ въ митрополиты. Вліяніе Ѳеофана слабѣло все болѣе и болѣе.

Донос Маркелла Родышевскаго. Еще въ началѣ 1725 г. Осодосій и оберъ-прокуроръ Синода *Болтинъ* подняли дѣло о томъ, что въ псковскомъ монастырѣ (епархіи Ѳеофана) лежатъ на полу 70 иконъ съ ободранными окладами и что

сдирать эти оклады велѣлъ судья псковскаго архіерейскаго дома *Маркелл Родышевскій*, бывшій правою рукою Ѳеофана во всѣхъ епархіальныхъ дѣлахъ. Дѣло это замялось паденіемъ Ѳеодосія, но потомъ въ 1726 г. поднялось снова. Родышевскій былъ вызванъ къ отвѣту въ св. Синодъ, но вмѣсто Синода попалъ въ Тайную Канцелярію по доносу самаго Ѳеофана о томъ, будто онъ, Маркеллъ, говорилъ о какихъ-то имѣющихъ быть въ народѣ волненіяхъ. Синодальное дѣло замялось опять; вмѣсто него началось другое, болѣе опасное дѣло въ самой Т. Канцеляріи,—первый актъ той длинной борьбы Ѳеофана съ врагами, въ которой послѣдніе нападали на него съ обвиненіями въ ересяхъ, а онъ защищался отъ нихъ политическими доносами, борьбы, на которую этотъ великій умъ своего времени долженъ былъ потратить всѣ свои силы и о которую сокрушилась вся его нравственная репутація. Маркеллъ сдѣлалъ на него доносъ Тайной Канцеляріи въ церковныхъ противностяхъ и непристойныхъ рѣчахъ о томъ, будто государыней многіе недовольны за ея излишнее довѣріе къ Меншикову и за то, что она Нѣмка, на военныхъ экзерциціяхъ уже два раза въ нее стрѣляли и въ скоромъ времени должно непремѣнно произойти нѣчто великое, будто Меншиковъ много зла дѣлаетъ, поетъ молебны и только Бога обманываетъ. Въ политическихъ обвиненіяхъ Ѳеофану было легко оправдаться указаніемъ на свои сочиненія и вѣрную службу государству, но онъ не представилъ никакого оправданія касательно хульныхъ словъ о свѣтлѣйшемъ. Защищаясь отъ обвиненій церковныхъ, онъ прежде всего сильно налегъ на то, что своимъ доносомъ Маркеллъ терзаетъ славу Петра Великаго, который не находилъ въ немъ, Ѳеофанѣ, никакой ереси и самъ утверждалъ къ печати всѣ его сочиненія; затѣмъ разобралъ частные пункты обвиненія, будто онъ не почитаетъ ученія св. отцовъ, не чтитъ св. иконъ, отрицаетъ оправданіе дѣлами, водоосвященіе называетъ суевѣріемъ, смѣется надъ акаѳистами, минеями, прологами, хулитъ церковное пѣніе, хвалитъ лютеранскіе органы, желаетъ искоренить монашество; всѣ эти обвиненія онъ объяснялъ крайнимъ невѣжествомъ и недобросовѣстностью, съ какими Маркеллъ перетолковывалъ его ученіе и рѣчи совершенно православнаго характера; въ заключеніе всего онъ нашелъ однако нужнымъ представить въ доказательство своего православія клятву, отбожиться отъ всѣхъ обвиненій въ ереси. Императрица, блистая свѣтомъ, заимствованнымъ отъ Петра, не рѣшилась зави-

нить Θеофана, какъ знаменитость Петровскаго времени и лучшаго представителя реформы. Маркелла за продерзкія слова велѣно было заключить въ Петропавловскую крѣпость. Но обида свѣтлѣйшему тоже не могла пройти даромъ; Θеофану было объявлено, что императрица его *прощаетъ*, хотя въ отвѣтахъ его нѣкоторые пункты и неподлинно изъяснены, и чтобы онъ впредь противностей церкви никакихъ не чинилъ а жилъ, какъ живутъ всѣ *великороссійскіе* архіереи, иначе не ожидалъ бы себѣ никакой милости.

Правленіе Петра II. Усиленіе іерарховъ Великороссовъ. Еще хуже сдѣлалось положеніе Θеофана съ восшествіемъ на престолъ Петра II. Всѣми церковными дѣлами распоряжались кн. Меншиковъ и Верховный Совѣтъ, явно настроенные противъ него и старавшіеся возвысить партію духовенства великорусскаго. Левъ Юрловъ сдѣланъ былъ епископомъ воронежскимъ; вліяніе Георгія Дашкова усилилось еще болѣе; св. Синодъ долженъ былъ принять въ число своихъ членовъ еще новаго архіерея Великорусса, бывшаго крутицкаго митрополита, *Игнатія Смолу*; вызванный изъ заточенія, онъ опредѣленъ былъ митрополитомъ коломенскимъ и при этомъ, къ явной обидѣ Θеофана, получилъ право завѣдывать петербургскимъ духовенствомъ, которое принадлежало къ новгородской епархіи. Въ тоже время началось усердное преслѣдованіе всего, что только напоминало несчастное дѣло царевича Алексѣя; это преслѣдованіе должно было серьозно встревожить Θеофана. Запрещена была служба св. Александру Невскому, въ которой были намеки на царевича; вездѣ велѣно отбирать Правду воли монаршей; невская типографія, гдѣ печаталась большая часть сочиненій Θеофана, была закрыта. Наконецъ снова поднялось дѣло по доносу о снятыхъ съ образовъ окладахъ, и Θеофанъ былъ присужденъ къ унизительному для него взысканію денегъ за утрату церковнаго жемчуга. Единственной опорой его теперь былъ *Остерманъ*, который въ это время искусно подкапывался подъ Меншикова.

Послѣ паденія временщика Θеофанъ вздохнулъ свободнѣе; но не надолго, потому что власть Меншикова наслѣдовалъ не Остерманъ, а Долгорукіе, люди старинные, при которыхъ началась сильная реакція реформѣ въ пользу московской старины. Въ кружкахъ духовенства и стариннаго вельможества стали толковать даже о возстановленіи патріаршества. Кандидатовъ въ патріархи намѣчали, разумѣется, уже не изъ Черкасъ, а изъ великорусскаго духовенства; самымъ же видным

архіереемъ изъ Великоруссовъ былъ теперь Георгій Дашковъ, который и самъ усердно домогался патріаршества и, чтобы задобрить въ свою пользу сильныхъ вельможъ, раздарилъ имъ, какъ говорила современная сплетня, весь свой конскій заводъ. Понятно, что онъ не могъ равнодушно смотрѣть на первенствующее положеніе Ѳеофана, который притомъ былъ самымъ опаснымъ человѣкомъ для реакціи; нужно было воспользоваться благопріятными обстоятельствами, чтобы устранить эту помѣху; готово было и орудіе для этого. Въ концѣ 1727 г. Маркеллъ Родышевскій опять явился съ своимъ доносомъ на Ѳеофана въ сочиненіи еретическихъ книгъ. Ѳеофанъ понялъ, какая опасность ему угрожала, и на этотъ разъ выступилъ противъ Дашкова въ открытую борьбу. Онъ вошелъ въ Синодъ съ представленіемъ, что всѣ помянутыя въ доносѣ сочиненія напечатаны съ разрѣшенія св. Синода и по указу покойнаго императора, что слѣдовательно доносчикъ обвиняетъ въ ереси самаго императора и св. Синодъ, а это уже не только безстыдные плевелы и ложь, но и настоящій мятежъ; при этомъ намекнулъ, что Маркеллъ по всей вѣроятности подалъ доносъ по наущенію другихъ, которые „для интересовъ своихъ, церкви и государству зловредительныхъ, сего злодѣя употребляютъ къ сему возмущенію и великими обѣщаніями дурака обнадеживаютъ“, а въ скоромъ времени уже прямо указалъ, кто эти зловредительные подстрекатели, представивъ въ Синодъ распросныя рѣчи двухъ своихъ слугъ, которые говорили съ самимъ Маркелломъ и слышали отъ него, что онъ дѣйствуетъ противъ Ѳеофана по повелѣнію преосвященнаго Георгія, который скоро будетъ патріархомъ. Выведя такимъ образомъ Дашкова на открытую борьбу, Ѳеофанъ потомъ отстранилъ его отъ слѣдствія по доносу Маркелла. Но, потерявъ опору въ Георгіѣ, Маркеллъ самъ поспѣшилъ теперь ускользнуть отъ синодальныхъ допросовъ въ Тайную Канцелярію, сказавъ за собой „слово и дѣло“. Тайная Канцелярія узнала отъ него давно извѣстную вещь, что Ѳеофанъ написалъ Правду воли монаршей, противную царствующему императору, и не добившись еще ничего новаго, послала его въ заключеніе въ Симоновъ монастырь. Синодальное слѣдствіе остановилось, но безпокойство Ѳеофана о своей безопасности отъ этаго не уменьшилось. Реакція реформѣ все еще продолжалась. Въ 1728 г. Ѳеофилактъ Лопатинскій издалъ знаменитое сочиненіе Яворскаго Камень вѣры; это изданіе книги, написанной противъ тѣхъ самыхъ ересей, въ которыхъ обвиняли Ѳеофана, было новымъ, литературнымъ

камнемъ, брошеннымъ для его пораженія. Тревога его кончилась уже послѣ смерти императора Петра II (въ январѣ 1730 г.).

Воцареніе Анны Іоанновны и паденіе Верховнаго Совѣта было такимъ же радостнымъ событіемъ для Ѳеофана, какъ прежде паденіе Меншикова. Въ разрушеніи замысловъ верховниковъ ограничить при новой императрицѣ русское самодержавіе онъ явился однимъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей вмѣстѣ съ Остерманомъ и лучшими представителями дворянства, Кантеміромъ и Татищевымъ, которые, какъ и онъ, были врагами реакціи и поборниками реформы. Есть извѣстіе, что онъ подарилъ императрицѣ часы, подъ доской которыхъ вложенъ былъ полный планъ, какъ нужно ей дѣйствовать въ рѣшительную минуту. Своею услугою новому правительству онъ успѣшно предупредилъ своихъ враговъ, которые тоже старались пріобрѣсти вліяніе на императрицу. Они расчитывали при этомъ на ея благочестіе и на ту силу, какой пользовался при ней духовникъ ея архимандритъ *Варлаамъ*. Это былъ человѣкъ стараго направленія, отличавшійся безукоризненнымъ внѣшнимъ благочестіемъ, за которое старинные люди прочили его на мѣсто патріарха, а Кантемиръ осмѣялъ въ одной изъ своихъ сатиръ, какъ ханжу. Съ нимъ тотчасъ поспѣшили сблизиться Родышевскій и еще одинъ врагъ новыхъ порядковъ, бывшій правитель типографіи *Аврамовъ*, человѣкъ въ свое время очень близкій къ Петру I, зять кабинетъ—секретаря Макарова, извѣстный царю своимъ образованіемъ и благочестіемъ; и при Петрѣ, и особенно послѣ него, онъ постоянно высказывалъ свое недовольство Синодомъ, Регламентомъ, сочиненіями Ѳеофана и новыми обычаями, въ которыхъ не видѣлъ согласія съ стариннымъ благочестіемъ, настаивалъ на возстановленіи патріаршества и прежняго государственнаго значенія духовенства; свои мысли онъ выражалъ въ запискахъ и проектахъ, которые подавалъ и Петру I, и Екатеринѣ и Петру II; Аннѣ Іоанновнѣ онъ тоже подалъ записку „О должности, какъ ея величеству управлять боговрученною ей имперіею“, гдѣ тоже говорилось о возстановленіи патріаршества и о приведеніи государственныхъ законовъ въ согласіе съ закономъ Божіимъ и правилами Кормчей. Сблизившись съ Варлаамомъ, Родышевскій и Аврамовъ сдѣлали чрезъ него представленія императрицѣ, чтобы она не допускала Прокоповича до своей коронаціи, потому что онъ врагъ церкви и еретикъ хуже Ѳедоса, короновалъ Екатерину и Петра II—и оба царствованія

были кратковременны, обручалъ Петра II съ двумя невѣстами— и иподной свадьбы не было, вѣнчалъ Анну Петровну съ герцогомъ голштинскимъ—и она скоро скончалась. Не смотря на это представленіе, коронованіе императрицы совершилъ все-таки Ѳеофанъ.

Перемѣны въ Синодѣ и опалы на старую іерархію. Обвиненія въ ересяхъ оказывались безсильными, но за то страшную силу получили теперь доносы политическіе; первѣнъ въ ожесточившейся борьбѣ очевидно перешелъ поэтому на сторону Ѳеофана. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны для него засіяла заря лучшей будущности, но эта заря была вмѣстѣ зарей Бироновщины и нѣмецкаго владычества въ Россіи. Ходъ событій, заставившій Ѳеофана сблизиться во время реакціи съ Остерманомъ, сблизилъ его и со всей нѣмецкой партіей, въ которой онъ нашелъ для себя крѣпкую опору и съ интересами которой множествомъ нитей связывались его собственные интересы. Также партія старыхъ Русскихъ, которая во время своего торжества угрожала Ѳеофану участью Ѳеодосія, была теперь грозою и новаго нѣмецкаго правительства; это нѣмецкое правительство слишкомъ живо чувствовало свою слабость и иноплеменность, хорошо знало, что права на престолъ по завѣщанію Екатерины принадлежатъ прежде всего дочерямъ Петра Великаго съ ихъ потомствомъ, и подозрительно прислушивалось ко всѣмъ заявленіямъ въ пользу народности и православія и къ толкамъ о цесаревнѣ Елизаветѣ, о сынѣ цесаревны Анны, даже объ Евдокіѣ Лопухиной. Полемика противъ протестантства, обвиненіе кого нибудь въ ереси среди такихъ обстоятельствъ становились признакомъ нерасположенія къ правительству, политическимъ преступленіемъ, за которымъ слѣдовали страшные допросы въ Тайной Канцеляріи.

Первый изъ іерарховъ попался въ политическомъ дѣлѣ сторонникъ Дашкова Левъ Юрловъ воронежскій. Когда въ Воронежѣ полученъ былъ сенатскій указъ о кончинѣ Петра II и восшествіи на престолъ Анны Іоанновны, Юрловъ въ ожиданіи синодскаго указа велѣлъ поминать въ церквахъ царицу Евдокію, какъ старшую въ царскомъ семействѣ, а за нею цесаревну и царевенъ. Вице-губернаторъ Пашковъ донесъ объ этомъ въ Синодъ. При слушаніи этаго дѣла въ Синодѣ Георгій Дашковъ замѣтилъ, что у Пашкова со Львомъ давняя ссора и что надобно подождать новыхъ объясненій изъ Воронежа; слѣдствіе было отложено. Вслѣдъ за этимъ вскорѣ всѣ члены Синода, кромѣ Ѳеофана, были смѣнены. Указомъ императрицы велѣно умножить число

синодальныхъ членовъ до 11, включить въ него по старому архимандритовъ, которые были вытѣснены изъ состава св. Синода вскорѣ послѣ смерти Петра Великаго, одну половину членовъ выбрать изъ Великороссіянъ, а другую изъ Малороссіянъ, Ѳеофану вмѣстѣ съ Питиримомъ нижегородскимъ, который былъ одинъ человѣкъ съ Ѳеофаномъ, быть членами постоянными. Эта реформа Синода совершенно упрочила силу Ѳеофана и разсѣяла у его противниковъ всякія надежды. Немедленно началось слѣдствіе по дѣлу Льва. На допросахъ предъ новыми членами Синода онъ между прочимъ показалъ, что всегда надѣялся на заступленіе Георгія и Игнатія, бывшихъ членовъ Синода; послѣдніе по этому тоже привлечены были къ суду и признаны противниками государыни; кромѣ того на Дашкова поступило въ Синодъ нѣсколько обвиненій въ поборахъ по его епархіи. Всѣ трое были лишены сана и сосланы въ крѣпкое заключеніе, Юрловъ въ Крестный, Дашковъ въ Каменный, а Игнатій въ Свіяжскій монастыри. Въ томъ же 1730 г. лишенъ сана и сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь кіевскій архіепископъ *Варлаамъ Вонатовичъ*; онъ былъ виноватъ въ томъ, что не сдерживалъ своей властью толковъ, какіе ходили въ кіевской академіи и Печерскомъ монастырѣ о еретичествѣ Ѳеофана, и кромѣ того великолѣпно издалъ у себя въ Кіевѣ Камень вѣры; оффиціальный приговоръ обвинялъ его въ томъ, что онъ, какъ и Юрловъ, не расположенъ къ императрицѣ, при восшествіи ея на престолъ не отслужилъ молебствія.—Въ слѣдующемъ году въ Синодѣ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Каменномъ монастырѣ Дашкова держатъ слабо, позволяютъ ему сноситься съ родней. Начался строгій розыскъ, къ которому были притянуты власти монастыря, послушники, караульные, казанскій вицегубернаторъ Кудрявцевъ, женатый на племянницѣ Дашкова, мѣстный (вологодскій) архіерей *Іоанасій Кондоиди*. Послѣдній едва успѣлъ выпутаться изъ бѣды, клятвенно завѣривъ, что онъ всегда былъ врагомъ Дашкова, отъ котораго только и спасался прежде заступленіемъ преосвященнаго Ѳеофана—единственнаго своего отца и благодѣтеля, что никоимъ словомъ не явилъ Георгію снисхожденія, вмѣсто этого даже не пожалѣлъ его. Послѣ этого Дашкова сослали въ неисходное пребываніе до смерти въ Перчинскій монастырь.—Кондоиди уцѣлѣлъ, но не уцѣлѣлъ другой архіерей, Сильвестръ казанскій, на котораго было донесено, что онъ слабо держитъ въ Свіяжскѣ Игнатія Смолу. Сильвестръ былъ въ сильной ссорѣ съ казанскимъ губернаторомъ *Арте-*

мѣстѣ Волынскимъ и подалъ на него жалобу, въ которой обвинялъ его въ разныхъ обидахъ архіерейскому дому, монастырямъ, духовенству, въ насиліяхъ всѣмъ жителямъ казанской губерніи, взяткахъ, побояхъ, потворствѣ расколу, даже въ убійствахъ. Волынскій былъ смѣщенъ съ губернаторства, но скоро вошелъ въ большую силу при дворѣ, послѣ чего Сильвестру пришлось дорого поплатиться за свой донось. На него на самого донесено было, что онъ держитъ Игнатія, какъ архіерея, говоритъ съ нимъ непристойныя рѣчи объ императрицѣ, что при Екатеринѣ I писался митрополитомъ еще до возвращенія ему этаго сана, не велѣлъ поминать въ церквахъ св. Синодъ, рвалъ прошенія на высочайшее имя и заставлялъ ихъ переписывать на свое имя, дѣлалъ поборы по епархіи. Въ концѣ 1731 г. его сослали въ Невскій монастырь, но потомъ усилили наказаніе, лишили сана и заточили въ выборгскую крѣпость. Игнатій сосланъ изъ Свіяжска въ неисходное пребываніе въ Корельскій монастырь.

Дѣло Родышевскаго. Между тѣмъ Маркеллъ Родышевскій въ своемъ симоновскомъ заключеніи съ непостижимымъ упорствомъ продолжалъ составлять свои обвиненія противъ Ѳеофана въ ересичествѣ, написалъ нѣсколько тетрадей съ рѣзкими возраженіями противъ Регламента, указа о монашествѣ 1724 г., сочиненій Ѳеофана о блаженствахъ, поливательномъ крещеніи, понтификсахъ, смѣшанныхъ бракахъ, противъ Букваря, переводовъ Пуффендорфа и Стратемана, написалъ большой пасквиль подъ названіемъ „Житіе еретика Ѳеофана Прокоповича“, въ которомъ приводилъ примѣры либеральныхъ рѣчей Ѳеофана, разбиралъ его распоряженія объ истребленіи часовенъ, закрытіи нѣкоторыхъ мощей, уменьшеніи числа чудотворныхъ иконъ, описывалъ гоненіе на монашество, на народныхъ пророковъ и т. п., и порочилъ частную жизнь Ѳеофана. Одинъ монахъ *Іона* дополнялъ этотъ пасквиль новыми подробностями. Аврамовъ тоже не оставался безъ дѣла; онъ повсюду разглашалъ о Родышевскомъ и его страданіяхъ, собиралъ новыя свѣденія о Ѳеофанѣ у кіевскихъ монаховъ, которые тогда были въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ Іоною распространялъ тетради Маркелла въ кругу знакомыхъ лицъ. Въ началѣ 1731 г. Ѳеофанъ донесъ о сочиненіяхъ Родышевскаго Кабинету министровъ, употребивъ при этомъ доношеніи свой обычный пріемъ: не вдаваясь въ полемику съ своими противниками, онъ, какъ и прежде, обратилъ главное вниманіе Кабинета на то, что хула противъ книгъ, изданныхъ

по указу императора и св. Синода, и хула противъ Регламента, содержащаго въ себѣ дѣйствующее законоположеніе, есть прямое противленіе власти, потомъ отыскалъ въ тетрадяхъ нападки на лютеранъ и кальвинистовъ и на тѣхъ, кто съ ними дружится, и поставилъ многознаменательный вопросъ, кого тутъ разумѣетъ Родышевскій съ братіей. Послѣ этаго дѣло, разумѣется, пошло чрезъ Тайную Канцелярію. Начался розыскъ, который запуталъ въ свои изгороты множество лицъ, такъ или иначе соприкосновенныхъ къ дѣлу, читавшихъ тетради Маркелла или только слыхавшихъ объ ихъ существованіи. Родышевскій былъ сосланъ въ Бѣлозерскій монастырь, разстриженный Іопа—въ Валаамскій, Аврамовъ—въ Иверскій.

Рѣпиловскій розыскъ. Новое обстоятельство усилило дѣятельность Тайной Канцеляріи и отягчило участь сосланныхъ. Въ половинѣ 1732 г. явилось подметное письмо съ пасквилемъ на Ософана, сильнымъ порицаніемъ всей реформы и сѣтованіями на владычество Нѣмцевъ. Сопоставивъ это письмо съ тетрадями Родышевскаго, Ософанъ снова представилъ Кабинету министровъ и Тайной Канцеляріи, что существуетъ опасная злодѣйская факція противъ правительства, которую необходимо расыскать. Въ монастыряхъ, гдѣ жили сосланные, начались строгіе розыски, не имѣли ли арестанты съ кѣмъ нибудь сношеній; нѣсколько человѣкъ въ Иверскомъ монастырѣ наказано плетьми; архимандритъ *Серафимъ* былъ разстриженъ и сосланъ въ Свирскій монастырь. Родышевскаго, Аврамова и Іопу снова вызвали въ Тайную Канцелярію къ новымъ допросамъ; во время этихъ допросовъ Іопа на пыткѣ оговорилъ въ связяхъ съ Аврамовымъ и Родышевскимъ множество новыхъ лицъ,—ихъ тоже притянули къ допросамъ; но всѣ розыски такъ и не обнаружили автора подметнаго письма. Послѣ этаго подозрѣніе Ософана пало на тверскаго іеромонаха *Іосифа Рѣпилова* на основаніи нѣкотораго сходства выраженій въ разговорахъ Рѣпилова съ выраженіями письма. Іосифъ былъ прежде раскольникомъ, потомъ обращенъ Питиримомъ въ православіе и пріютился въ Твери около добраго Ософилакта Лопатинскаго, который, не имѣя способности дѣлать выбора между людьми, оказывалъ ему полное довѣріе. Рѣпиловъ былъ человѣкъ пустой, безъ всякихъ правилъ, болтливый крикунъ, о которомъ говорили, что онъ, какъ мельница, на весь свѣтъ мелетъ. Въ Твери онъ сблизился съ другимъ довѣреннымъ лицемъ Ософилакта, архимандритомъ *Іоасафомъ Миевскимъ*, изъ ученыхъ Кіевлянъ. Часто видаясь между собою,

они много толковали о разныхъ предметахъ, занимавшихъ тогда духовенство, о Регламентѣ, еретичествѣ Ософана, о патріаршествѣ, возстановленія котораго очень желали, будучи увѣрены, что патріархомъ будетъ ихъ милостивецъ Ософилактъ. Съ первыхъ же допросовъ Рѣшиловъ выдалъ всѣ эти рѣчи, притянулъ къ розыску и Маевскаго. Вслѣдъ за этимъ въ Тайную Канцелярію стали вызывать изъ Твери архимандритовъ, разныхъ духовныхъ лицъ и чиновниковъ тверскаго архіерейскаго дома. Арестованныхъ спрашивали не о какомъ нибудь опредѣленномъ предметѣ, а вообще обо всемъ, кто что говорилъ, замышлялъ, слышалъ противнаго правительству; розыскивая одно, находили другое; распутывая одну факцію, запутывались неожиданно въ другой. До какой степени были страшны эти, такъ называемые, *пристрастные* допросы (съ пытками), видно наприм. изъ того, что архимандритъ Воскресенскаго монастыря *Мельхиседекъ*, притянутый къ розыску въ 1735 г., два раза покушался повѣситься въ тюрьмѣ: между прочимъ онъ обвиненъ былъ въ томъ, что въ высокоторжественный день служилъ въ ризахъ не перваго, а втораго разряда; подъ конецъ розыска его лишили священства и сослали на Соловки. Въ виду грозныхъ орудій пытки арестованные страшно ломали головы, припоминая, кто что говорилъ за 4, за 5 и болѣе лѣтъ, путались сами, запутывали другихъ. Слѣдствіе принимало все болѣе и болѣе громадные размѣры, усложнялось новыми эпизодами, затягивало въ свои извороты новыхъ лицъ, и страшной бѣдой повисло надъ всѣмъ духовенствомъ; изъ Москвы оно протянуло свои нити въ Тверь, Устюгъ, Вологду, Саровскую пустынь, задѣло множество свѣтскихъ лицъ, разныхъ грамотѣевъ, иконниковъ, приказныхъ людей, богадѣленныхъ нищихъ и вмѣстѣ съ ними нѣсколько лицъ, высоко поставленныхъ въ обществѣ, княгиню Долгорукову, графиню Матвѣеву, бывшаго кабинетъ-секретаря Макарова, подвело подъ подозрѣнія даже монковскую синодальную контору, доходило даже до лица цесаревны Елизаветы, которую тогда многіе желали бы видѣть на престолѣ вмѣсто Анны Іоанновны. Никто изъ духовныхъ лицъ не могъ быть увѣренъ въ томъ, что какой нибудь знакомый на виселѣ или подъ кнутомъ не вспомнитъ какихъ нибудь „противныхъ“ его словъ и его самаго не привлекутъ къ розыску.

Арестъ Ософилакта Лопатинскаго. Арестъ Рѣшилова, Маевскаго и другихъ лицъ тверской епархіи сильно безпокоилъ Ософилакта. „Спать не могу, говорилъ онъ, во снѣ ну-

гаюсь и наяву всегда боюсь; хоть бы въ Польшу уѣхать". Рѣшиловъ и Маевскій дѣйствительно знали про него очень много лишняго. Довѣрчивый и словоохотливый святитель часто разговаривалъ съ ними и о патріаршествѣ, и о Θеофанѣ, и о Нѣмцахъ, и о томъ, что Анна Іоанновна сѣла на престолѣ, обойдя цесаревну Елизавету;—наговоритъ обыкновенно много, горячо и, уже высказавшись весь, спохватится и спроситъ: „да не продашь ли ты меня"? Рѣшиловъ и Маевскій дѣйствительно его продали. Въ 1735 г. онъ внезапно былъ привезенъ въ Петербургъ и оставленъ подъ арестомъ на архіерейскомъ подворьѣ. На всѣ допросы въ Кабинетѣ министровъ и въ Синодѣ, не замышлялъ ли онъ чего противъ государыни, или не знаетъ ли другихъ какихъ злоумышленниковъ, онъ отвѣчалъ отрицательно и подтвердилъ свои показанія клятвою. Изъ-подъ ареста его однако не освободили, потому что за нимъ было еще одно важное и подозрительное дѣло,—изданіе непріятнаго Нѣмцамъ Камня вѣры. Это роковое сочиненіе Стефана Яворскаго, сдѣлавшееся знаменемъ реакціи въ прошедшее царствованіе, теперь сдѣлалось средоточіемъ новыхъ розысковъ наряду съ тетрадями Родышевскаго и подметнымъ письмомъ.

Полемика и розыски по поводу Камня вѣры. Съ самаго появленія въ печати Камень вѣры сдѣлался предметомъ жаркой полемики между католиками и протестантами. Въ 1729 г. явилось опроверженіе на него протестантскаго богослова Буддея подъ именемъ посланія къ другу въ Москву, въ которомъ Яворскій обвинялся въ католицизмѣ, клевегахъ на протестантство, въ томъ, что наполнилъ свою книгу разсказами о чудесахъ, видѣніяхъ, бѣсноватыхъ и тому подобныхъ предметахъ въ католическомъ вкусѣ. Θеофилактъ сильно заподозрилъ въ составленіи этаго посланія Θеофана, наприм. говорилъ Маевскому, что Буддей умеръ еще до изданія посланія, да и слогъ послѣдняго похожъ на Θеофановъ. Въ 1731 г. въ Германіи напечатано было опроверженіе Мосгейма на главу Камня вѣры о казни еретиковъ, а потомъ въ Тюбингенѣ издана книга избранныхъ мѣстъ изъ Камня подъ названіемъ Духъ Яворскаго. Въ Россіи явился отвѣтъ на письмо Буддея, написанный доминиканцемъ *Рибейрою*, который жилъ въ Россіи при испанскомъ послѣ де-Лирія и былъ хорошо знакомъ съ нѣкоторыми духовными лицами изъ противниковъ Θеофана. Католики защищали Камень вѣры, потому что торжество религіознаго направленія, котораго онъ былъ представителемъ и которое было совершенно противно направленію реформы и Θеофана, казалось имъ выгоднымъ для достиже-

нія ихъ завѣтной цѣли,—соединенія церквей. Съ самаго еще начала реакціи, при Петрѣ II, въ Россіи началась сильная пропаганда католичества изъ Польши, такъ что правительство должно было принять противъ нея строгія мѣры. Въ семействахъ Голицыныхъ и Долгорукихъ, господствовавшихъ въ Верховномъ Совѣтѣ, обнаруживалась тогда сильная склонность къ католичеству. Пользуясь этимъ, Сорбонна прислала въ Москву своего агента аббата *Жюбе* съ порученіемъ завязать съ русскими епископами сношенія о соединеніи церквей. Жюбе прибылъ въ Россію (1728 г.) подъ видомъ домашняго учителя княгини *Ирины Долгорукой*, урожденной Голицыной, которая на западѣ приняла католичество; хитрый и ловкій аббатъ познакомился съ Рибейрою, втерся въ высшее общество, искусно воспользовался ослабленіемъ значенія Прокоповича и враждой къ нему господствующей тогда партіи духовенства и завязалъ совѣщанія съ тогдашними членами Синода, Георгіемъ Дашковымъ, Игнатіемъ, Ѳеофилактомъ и чудовскимъ архимандритомъ *Евѳиміемъ Колетти*. Паденіе Долгорукихъ и успленіе Ѳеофана разрушило всѣ замыслы Жюбе; онъ былъ высланъ за границу. Рибейра уѣхалъ изъ Россіи еще раньше.

Ѳеофилактъ предпринялъ намѣреніе защищать Камень вѣры и написалъ Апокрисисъ на письмо Буддея, но выбралъ для этого самое неудачное время, когда нужно было всего опасаться за самое уже изданіе Камня вѣры и когда подобное предпріятіе можно было совершенно легко связать съ дѣломъ Жюбе и Рибейры. При личномъ свиданіи съ Лопатинскимъ императрица Анна дозволила ему издать его сочиненіе, но потомъ кабинетъ-министръ Черкасскій и начальникъ Тайной Канцеляріи Ушаковъ объявили ему новый указъ съ самымъ строгимъ запрещеніемъ этаго изданія. Самый Камень вѣры былъ запрещенъ и отобранъ. Въ тоже время въ Россіи явилось протестантское опроверженіе на него подъ именемъ Молотка на Камень вѣры, въ которомъ Яворскій прямо называется іезуитомъ, агентомъ папы, поборникомъ папежскаго духа въ Россіи, а почитатели его памяти—Лопатинскій, Игнатій, Дашковъ и др.,—врагами реформы, защитниками папскаго тиранства и проч. Сочиненіе Рибейры, переведенное на русскій языкъ при содѣйствіи Колетти, сдѣлалось предметомъ строгихъ розысковъ, которые слились съ огромнымъ розыскомъ о тетрадяхъ Родышевскаго и подметномъ-письмѣ. Въ 1732 г. взяты были въ Тайную Канцелярію Евѳимій Колетти и другой зна-

комый Рибейры, архимандритъ *Платонъ Малиновскій*; первый изъ нихъ умеръ въ крѣпости, послѣдній сосланъ въ Сибирь, оба разстриженные. Ѳеофилактъ успѣлъ было скрыть свой Апокрисисъ, но объ немъ знали уже многія лица; Маевскій имѣлъ у себя даже копію съ этаго сочиненія, которую и представилъ, куда слѣдуетъ.

Смерть Ѳеофана и его значеніе. Ѳеофанъ не дожилъ до окончанія начатыхъ при немъ розысковъ († въ сентябрѣ 1736 г.). Въ послѣднее время онъ достигъ до такой высоты, до какой не достигалъ ни одинъ изъ архіереевъ послѣ патріарховъ. Бирономъ и Остерманъ были его друзьями. Онъ лично имѣлъ 16,000 крестьянъ, получалъ громадные доходы съ своихъ и архіерейскихъ имѣній, имѣлъ 4 дома въ столицахъ, мызу около Стрѣльны, держалъ большую свиту, дѣлалъ богатые пріемы и окружалъ себя роскошной обстановкой вельможъ XVIII вѣка. Онъ слылъ ученѣйшимъ человѣкомъ своего времени даже на западѣ, былъ въ сношеніяхъ съ разными членами Академіи, съ Татищевымъ, Кантеміромъ и другими образованными людьми, былъ покровителемъ молодаго Ломоносова. Библіотека его простиралась до 30,000 томовъ. Въ царствованіе Анны Іоанновны около него сосредоточивалась вся церковная литература; безъ его одобренія не выходило ни одно сочиненіе. Послѣ Петра Великаго онъ самъ написалъ нѣсколько важныхъ сочиненій въ разныхъ родахъ; написалъ краткую повѣсть о смерти Петра Великаго, описаніе кончины Петра II, о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны, составилъ педагогическую записку о воспитаніи Петра II и Уставъ для своей петербургской школы; изъ его богословскихъ сочиненій, кромѣ проповѣдей, извѣстны: Краткое христіанское ученіе младому отроку, Разговоръ селянина и гражданина съ дьячкомъ, Разговоръ тектона съ купцомъ, Наставленіе священнику о необычномъ паденіи его духовнаго сына, обширный трактатъ о безбожіи, сочиненіе о книгѣ Пѣснь Пѣсней. До послѣдняго времени Ѳеофанъ оставался жаркимъ полемистомъ противъ католиковъ и раскольниковъ; противъ послѣднихъ написалъ сочиненіе объ антихристѣ, въ которомъ по примѣру протестантовъ доказывалъ, что антихристъ есть папа; извѣстна его переписка съ англійскимъ пасторомъ *Малярдомъ*, котораго онъ обратилъ въ православіе. На смертномъ одрѣ, готовясь предстать на судъ Божій, этотъ величайшій умъ своего времени, предметъ удивленія для однихъ и ненависти для другихъ, сказалъ, обращаясь къ себѣ: „Главо, главо! разума

упившись, куда ся преклонить"? Память его помрачена его связью съ Бирономъ и Тайной Канцеляріей; но при оцѣнкѣ его личности не надобно забывать и того, что въ свое время онъ одинъ только твердо и постоянно отстаивалъ знамя реформы, съумѣлъ неразрывно связать свои личные интересы съ интересами церковныхъ преобразованій и просвѣщенія, чего не съумѣли сдѣлать его противники; не нужно забывать и того, что время, когда онъ жилъ, было временемъ постоянныхъ переворотовъ, внезапныхъ возвышеній и внезапныхъ же паденій сильныхъ людей, временемъ „случая", какъ говорили современники, когда человѣкъ, выдвинувшійся впередъ, долженъ былъ или погибать гдѣ нибудь въ Березовѣ, Пелымѣ, Охотскѣ, или самъ губить другихъ, когда дѣйствовали въ жизни не право и мораль, а животное чувство личной жизни, слѣпой инстинктъ самосохраненія.

Окончаніе розысковъ. Розыски, начатые при Ѳеофанѣ, продолжались послѣ его смерти. Подверглось опалѣ еще нѣсколько архіереевъ; лишились каѳедры *Досиѳей* курскій (1736), *Иларіонъ* черниговскій (1738), *Варлаамъ* псковскій (1739). Особенно тяжелы были для духовныхъ лицъ послѣдніе годы царствованія Анны Іоанновны, когда подозрительность нѣмецкаго правительства достигла крайнихъ предѣловъ. Ѳеофилакта, содержавшагося подъ синодальнымъ арестомъ, въ 1738 г. призвали въ Тайную Канцелярію, три раза поднимали на виску и били; измученнаго пытками, разбитаго параличомъ, разстриженнаго святителя заперли потомъ въ выборгскомъ замкѣ. Множество людей, замѣшанныхъ въ розыскахъ по дѣламъ Родышевскаго и Рѣпнилова, было сослано въ Сибирь; другіе оставались въ крѣпости до смерти императрицы.

Состояніе монашества при Аннѣ Іоанновнѣ. Строгіе розыски часто нападали среди духовенства на разные безпорядки, которые вели къ новымъ розыскамъ и жестокостямъ. Играя роль цивилизаторовъ Россіи, иноземные правители чрезвычайно строго наказывали духовныхъ лицъ за нарушеніе указовъ Петра Великаго противъ суевѣрій, а обвиненіе въ суевѣріи было тогда очень легко. Розыски Тайной Канцеляріи напр. открыли между монахами Саровской и Берлюковской обителей поклоненіе одному юродивому подъячему *Тимоѳею Архипычу*, который въ качествѣ пророка 28 лѣтъ жилъ при дворѣ царицы Прасковьи Ѳеодоровны и былъ погребенъ (1731 г.) въ церкви Чудова монастыря; саровскіе монахи имѣли у себя его иконы, записки о его пророчествахъ и чудесахъ, со-

ставляли ему службу. Въ той же Саровской пустыни попался одинъ монахъ *Георгій Зварыкинъ*, который увѣрялъ, что въ 1724 г. продалъ свою душу дьяволу и долго пользовался услугами бѣсовъ. Далѣе, при Аннѣ Іоанновнѣ возобновлены забытые было законы Петра о сокращеніи числа монаховъ, изданъ былъ новый указъ не постригать никого, кромѣ вдовыхъ священнослужителей и отставныхъ солдатъ, и велѣно переписать всѣхъ наличныхъ монаховъ. Перепись открыла, что послѣ Петра настоятели часто постригали въ монахи, прямо противъ указовъ, недостигшихъ законныхъ лѣтъ, мужей отъ живыхъ женъ, крестьянъ безъ увольненія отъ помѣщиковъ, даже бѣглыхъ солдатъ. Всѣхъ такихъ монаховъ велѣно разстригать и отдавать въ солдаты. Благодаря строгому разбору монаховъ и розыскамъ Тайной Канцеляріи, дѣло дошло до того, что въ 1740 г. св. Синодъ докладывалъ уже о совершенномъ оскудѣніи монашества; въ монастыряхъ остались старики, неспособные ни къ служенію, ни къ послушаніямъ, а въ иныхъ обителяхъ и такихъ не оставалось, некого было опредѣлять ни въ настоятели, ни въ учители для школъ, а между тѣмъ монашество все продолжало умаляться „чрезъ разные случаи“, такъ что св. Синодъ изъявлялъ опасеніе, какъ-бы оно вовсе не прекратилось въ Россіи.

Церковныхъ вотчинъ при Аннѣ Іоанновнѣ коснулась страшная Доимочная Канцелярія, которая тогда налегла на весь податной классъ. Недоимка, лежавшая на церковныхъ вотчинахъ еще при Петрѣ, послѣ него быстро возрастала отъ непомѣрныхъ требованій правительства; до 1732 г. она возросла до 81,128 рублей, а между тѣмъ правительство строго требовало, чтобы духовныя власти заводили богадѣльни и школы, постоянно посылало въ монастыри на прокормленіе отставныхъ солдатъ, налагало на церковныя вотчины новые сборы для удовлетворенія вновь открывавшихся потребностей государства и двора; напр. вслѣдствіе страстной любви Бирона къ лошадямъ въ Россіи заведены были обширные конскіе заводы, — на содержаніе ихъ, ассигнованы особые сборы съ архіерейскихъ домовъ. Попрежнему подозрѣвая духовныхъ властей въ роскоши и дурномъ хозяйствѣ, правительство поручило сборъ недоимокъ въ церковныхъ вотчинахъ губернаторамъ, воеводамъ и военнымъ командамъ. Новые сборщики подвергли церковныхъ крестьянъ, приказныхъ и стрѣлецкихъ тѣмъ же истязаніямъ и правежамъ, отъ которыхъ страдало все вообще крестьянство. У духовенства за недоимки удерживали

жалованье. Наконецъ въ 1738 г. самая Коллегія Экономіи переведена въ вѣдомство Сената и получила тоже значеніе, какое имѣлъ Монастырскій приказъ до учрежденія Синода. Церковныя вотчины были совершенно раззорены; въ 1740 г. на однихъ синодальныхъ приказахъ считалось недоимки 32,335 рублей; Коллегія Экономіи не знала, чѣмъ заплатить жалованье членамъ Синода, потому что сумма, собранная съ вотчинъ, вся употреблена была на дѣланіе ружей въ Тулѣ.

Бѣлое духовенство пострадало едвали не болѣе монаховъ. Въ эту эпоху крупныхъ и мелкихъ временщиковъ, угнетенія всѣхъ слабыхъ сильными, оно было совсѣмъ забито. Губернаторы и разныя свѣтскія начальства забирали священнослужителей въ свои канцеляріи, держали подъ арестомъ, подвергали тѣлеснымъ наказаніямъ; въ сельскихъ приходахъ члены причтовъ были полными рабами помѣщиковъ. Полезныхъ для духовенства распоряженій видимъ очень немного; наприм. въ 1735 г. священнослужители были избавлены отъ безпокойныхъ и унизительныхъ повинностей ходить на пожары, на караулы къ рогаткамъ, дежурить на съѣзжихъ дворахъ, являться къ офицерамъ для работъ и посылокъ, также повинности постойной; въ 1739 г. велѣно ружнымъ причтамъ выдавать полную ругу, потому что со времени шведской войны при Петрѣ она выдавалась на половину. Правительство прямо содѣйствовало развитію замкнутости духовенства; въ 1783 г. св. Синодъ и Сенатъ своимъ указомъ постановили—духовныхъ дѣтей вовсе не увольнять изъ духовнаго въ свѣтское званіе; только въ 1737 г. сдѣлано было исключеніе для духовныхъ дѣтей, получившихъ образованіе въ духовныхъ школахъ,—имъ позволено принимать и на гражданскую службу, а между тѣмъ они-то и нужны были для церковнаго служенія. Вслѣдствіе замкнутости духовнаго сословія въ немъ постоянно долженъ былъ накопляться излишекъ людей. Этотъ излишекъ сокращался записью въ подушный окладъ, которая не прекращалась послѣ Петра ни при Екатеринѣ I, ни при Петрѣ II, и особенно усердно приводилась въ исполненіе при Аннѣ Іоанновнѣ. Въ Бироновщину кромѣ того духовенство сильно порѣдѣло въ своихъ рядахъ вслѣдствіе того, что множество священнослужителей подверглось разстриженію, наказанію плетьми и ссылкамъ за связи съ разными опальными людьми и за неслуженіе царскихъ молебновъ и панихидъ. Особенно много пострадало духовныхъ лицъ за небытіе у присяги новой императрицѣ въ 1730 г. Не смотря на то, что это случилось отъ

одной оплошности духовенства и отъ того, что объ этой присягѣ не было выдано своевременныхъ распоряженій, правительство въ 1736 г. опредѣлило—всѣхъ духовныхъ дѣтей, сверхштатныхъ церковниковъ и церковныхъ служителей, не бывшихъ у присяги взять въ солдаты; въ слѣдующемъ году велѣно брать въ солдаты и тѣхъ изъ нихъ, которые исполнили эту присягу послѣ, въ 1732 г. По этимъ двумъ указамъ взято было въ солдаты 6557 человѣкъ. Немного времени спустя, въ 1737 году вышелъ новый указъ—отдать въ солдаты всѣхъ вообще не дѣйствительно служащихъ церковниковъ, имѣющихъ отъ 15 до 40 лѣтъ, кромѣ увѣчныхъ. Желающіе освободиться отъ военной службы могли выставлять за себя наемщика или платить 200 рублей, но и послѣ этаго все-таки не могли оставаться при церквахъ, а должны были записываться въ подушный окладъ. Въ 1738 г. въ окладъ велѣно записать даже дряхлыхъ и увѣчныхъ, въ солдаты брать имѣющихъ и болѣе 40 лѣтъ отъ роду, только бы были способны къ службѣ. Этаго мало, всѣ набираемые въ военную службу за туже присягу были еще наказываемы плетьми. Священнослужители, не бывшіе у присяги, должны были платить денежную пеню или тоже ложиться подъ плети. Нѣкоторые со страху стали было подписываться подъ присяжными листами заднимъ числомъ; такихъ тоже били плетьми, кромѣ того еще разстригали и записывали или въ подушный окладъ или въ солдаты. Разборъ духовенства прекратился уже въ 1740 г. по милостивому указу по случаю заключенія мира съ Турціей и вслѣдствіе ходатайства св. Синода, который представилъ императрицѣ, что многія церкви совсѣмъ опустѣли, что въ однихъ только тверской, псковской, архангельской и вологодской епархіяхъ 182 церкви оказывались вовсе безъ причта, а замѣстить эти вакансіи некѣмъ. Св. Синодъ вынужденъ былъ издать указъ объ опредѣленіи въ священнослужители даже такихъ людей, которые не въ состояніи были выучить букваря, только „за доброе житіе".

Конецъ нѣмецкаго владычества. Въ октябрѣ 1740 г. императрица Анна скончалась. Вслѣдствіе несчастной слабости къ Бирону эта государыня, сама по себѣ простая и добрая русская душа, не лишенная даже своего рода благочестія и привязанности къ церкви, усердно строившая и украшавшая храмы Божіи, вылившая знаменитый Царь-колоколъ въ 10,000 пудовъ, сдѣлалась участницей и поддержкой ужасовъ Бироновщины. Бироновщина пережила ее только нѣсколько недѣль. Послѣ свержения Бирона (въ ноябрѣ 1740 г.) *Анна*

Леопольдовна, сдѣлавшись правительницею вмѣсто своего малолѣтнаго сына императора *Іоанна*, выдала милостивый манифестъ объ освобожденіи отъ заточеній и наказаній всѣхъ несчастныхъ жертвъ прошедшаго царствованія, въ томъ числѣ и духовныхъ лицъ. Ѳеофилактъ Лопатинскій былъ освобожденъ изъ крѣпости и помѣщенъ въ домѣ новгородскаго архіепископа *Амвросія Юшкевича* (преемника Ѳеофана и первенствующаго члена св. Синода). Очистивъ его отъ загрубѣвшей на немъ грязи, Амвросій со слезами возложилъ на него знаки его прежняго сана; разбитый параличемъ страдалецъ былъ лишенъ всякаго движенія и едва могъ говорить. Здѣсь посѣтила его цесаревна Елизавета и спросила его: знаетъ ли онъ ее. „Знаю, проговорилъ онъ, ты искра Петра Великаго“. Цесаревна, отвернувшись, заплакала и дала ему 300 рублей на лекарства. Черезъ 4 мѣсяца онъ скончался. Изъ другихъ страдальцевъ архіереевъ Сильвестръ казанскій скончался въ Выборгѣ (1735 г.), Георгій Дашковъ—въ Нерчинскѣ (1739), Левъ Юрловъ и Игнатій получили прощеніе, но безъ возвращенія сана; первый возстановленъ въ своемъ санѣ уже при императрицѣ Елизаветѣ, а второй вскорѣ скончался. Евѳимій Колетти умеръ около 1739 г.; Платонъ Малиновскій оставался въ Иркутскѣ учителемъ при тамошней школѣ. Рѣшиловъ, Маевскій, Родышевскій и другія лица, замѣшанныя въ ихъ дѣло, по освобожденіи изъ крѣпости, разосланы по монастырямъ. Правительница не успѣла привести въ исполненіе своего милостиваго манифеста; въ ноябрѣ 1741 г. реакція противъ нѣмецкаго владычества свергла и ее и кончилась восшествіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, къ которой давно уже стремились мысли и подавленные вздохи всѣхъ русскихъ людей и едвали не болѣе всѣхъ духовенства.

Императрица Елизавета. Восшествіе ея на престолъ было встрѣчено общею радостію. Проповѣдное слово, такъ долго сдерживаемое страхами Тайной Канцеляріи, громко заговорило съ церковныхъ каѳедръ и разразилось энергичнымъ осужденіемъ прошлому времени. Проповѣдники описывали гоненія Нѣмцевъ на православіе, казни и ссылки духовныхъ лицъ, оскудѣніе въ обществѣ благочестія, бѣдствія всего народа отъ поборовъ, насилій и ссылокъ. Временщики-Нѣмцы, Остерманъ и Минихъ, представлялись въ проповѣдяхъ совами смрадными, которыя возсѣли въ гнѣздѣ россійскаго орла, златыми кумирами, которымъ не стыдились кланяться русскіе люди, діавольскими эмиссарами, чадами геенны, министрами беззa-

конія и т. п. именами. Новая императрица величалась, какъ возстановительница вѣры и народности, сильное сѣмя Петра, русская Есопръ и Пульхерія; проповѣдники не находили словъ, чтобы восхвалить ея тѣлесныя и душевныя качества, ея вѣру, мужество, мудрость, благочестіе; восшествіе ея на престолъ составляло, по ихъ словамъ, радость земли, радость самаго Христа и небожителей.—По своему поверхностному образованію, любви къ удовольствіямъ, неумѣнью и непривычкѣ къ занятіямъ, новая государыня была не болѣе способна къ правленію, чѣмъ Анна Леопольдовна; но за нее было ея русское происхожденіе, имѣвшее теперь особенно важное значеніе, ея русскій характеръ и привычки, ея чисто русское благочестіе. Всѣмъ было извѣстно, что въ своей любимой Александровской слободѣ она присутствовала каждый день при богослуженіи, любила духовныя книги и проповѣди, часто подолгу молилась предъ иконой Знаменія, которая при восшествіи ея на престолъ слышала ея обѣтъ отмѣнить въ Россіи смертную казнь, со всею строгостію соблюдала посты, дѣлала вклады въ церкви деньгами и работами своихъ рукъ. Такою же она оставалась и на престолѣ. Надъ этимъ престоломъ она поставила св. икону; она ѣздила на богомолье въ Кіевъ, въ Троицкую лавру однажды ходила изъ Москвы пѣшкомъ; при ея парадныхъ обѣдахъ всегда почти присутствовало духовенство; ея духовникъ *Дубянскій* имѣлъ на нее огромное вліяніе. Есть преданіе, что она хотѣла со временемъ постричься и для этой цѣли на берегу Невы велѣла построить Воскресенскій (Смольный) монастырь. Временщики были и при ней, но это были уже не Нѣмцы, а русскіе и православные люди. Самымъ сильнымъ человѣкомъ въ ея царствованіе былъ *Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій*. Добродушный Малороссъ, не умѣвшій даже грамотѣ, бывшій пѣвчій цесаревны, онъ всю свою жизнь сохранялъ свое церковное направленіе, любовь къ церковной обрядности, къ архіерейскому служенію, голосистымъ дьякопамъ, хорошимъ пѣвчимъ, въ высшей степени былъ заинтересованъ всѣмъ, что дѣлалось среди духовенства, былъ хорошимъ знакомымъ членовъ Синода, архіереевъ, архимандритовъ, всѣхъ болѣе видныхъ духовныхъ лицъ и постояннымъ ходатаемъ за нихъ предъ императрицей.

Чрезъ мѣсяцъ послѣ восшествія на престолъ императрица объявила освобожденіе отъ ссылокъ и штрафовъ всѣхъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, впавшихъ въ вины въ прежнее время. Льву Юрлову возвращенъ епископскій санъ († 1755

г.); Платонъ Малиновскій, возвращенный изъ Сибири, въ 1742 г. посвященъ въ епископа сарскаго, а въ 1748 г. переведенъ архіепископомъ въ Москву; Маркеллъ Родышевскій поставленъ епископомъ корельскимъ († 1742). Аврамовъ, освобожденный изъ Охотской ссылки, опять выступилъ съ своими проектами объ устройствѣ государства въ церковномъ духѣ и возстановленіи патріаршества, между прочимъ предполагалъ для всѣхъ ввести говѣніе 4 раза въ годъ, мірянъ подчинить нравственному надзору священниковъ, назначить денежныя награды за благочестіе, судей воспитывать въ монастыряхъ, гдѣ они должны каждый день ходить къ богослуженію, утромъ и вечеромъ класть по 300 поклоновъ, читать Библію и Камень вѣры; Тайная Канцелярія, куда онъ не замедлилъ снова попасть за хульныя рѣчи о Петрѣ и Регламентѣ, признала его выжившимъ изъ ума и опредѣлила держать въ заключеніи до смерти († 1752 г.). Важною милостію для духовенства было распоряженіе 1742 г., по которому судъ надъ духовными людьми за страшное „слово и дѣло“ переданъ былъ отъ Тайной Канцеляріи св. Синоду и было запрещено по преступленіямъ, кромѣ тяжкихъ государственныхъ, брать духовенство въ свѣтскіе суды безъ сношенія съ епархіальнымъ начальствомъ.

Св. Синодъ при имп. Елизаветѣ. Импер. Елизавета объявила себя возстановительницей законовъ и порядковъ своего отца. Кабинетъ министровъ былъ при ней уничтоженъ и св. Синодъ вмѣстѣ съ Сенатомъ возстановлены въ прежнихъ правахъ высшихъ правительствующихъ мѣстъ. Ободренные благочестіемъ государыни, члены Синода Амвросій Юшкевичъ и *Арсеній Маціевичъ*, епископъ ростовскій, подали докладъ, въ которомъ писали, что если государынѣ уже неугодно возстановить патріаршества, то по крайней мѣрѣ надобно назначить въ Синодъ президента и этимъ хотя нѣсколько приблизить наше церковное управленіе къ характеру управленія церкви восточной, а оберъ-прокурора и Коллегію Экономіи упразднить, потому что въ Синодѣ даже и секретарямъ неприлично быть мірянамъ. Въ этомъ духовномъ правительствѣ „что смотрѣть или разбирать оберъ-прокурору или иной свѣтской персонѣ, не имѣющей власти рѣшить и вязать? Въ Синодѣ нынѣ не только протоіереи, но и архимандриты и протопопы, да еще же оберъ-прокуроръ и оберъ-секретари заключаются и до всѣхъ тая титла, св. Синодъ или верховный святитель, касается; ежели бы регентъ (Бирон) или генералиссимусъ (Ми-

нихъ) съ Остерманомъ утвердился, кто бы ихъ смѣлъ поспорить, когда бы единого или двухъ своихъ пасторовъ въ Синодъ посадили"? Въ 1744 г., докладывая о мѣрахъ противъ раскола, Амвросій снова повторялъ, что нужно возстановить единоличное управленіе церкви, потому что раскольники всего болѣе соблазняются Синодомъ, какъ формой управленія, заимствованной у протестантовъ. Императрица не уважила этихъ представленій и оставила св. Синодъ по прежнему. Любопытныя свѣдѣнія о св. Синодѣ находимъ въ запискахъ кн. *Шаховскаго*, бывшаго при Елизаветѣ оберъ-прокуроромъ. При поступленіи въ должность онъ нашелъ, что послѣ Петра синодальные порядки были совсѣмъ запущены, суммы расходовались безотчетно, множество дѣлъ оставалось безъ рѣшенія; онъ едва могъ добыть даже оберъ-прокурорскую инструкцію, и то не въ Синодѣ, а въ Сенатѣ. Поборникъ государственнаго интереса скоро непріязненно столкнулся съ членами Синода по вопросамъ объ излишнихъ расходахъ вотчинныхъ суммъ, о жалованьѣ синодальнымъ членамъ, которое было прибавлено вопреки указомъ Петра, о наказаніи духовныхъ лицъ, попадавшихся въ предосудительныхъ для духовенства грѣхахъ, которые ради соблазна св. Синодъ старался не обнаруживать. Шаховской описываетъ, какъ ему трудно было отстаивать свои представленія Синоду вслѣдствіе превосходства предъ нимъ синодальныхъ членовъ въ діалектикѣ и краснорѣчіи и вслѣдствіе постояннаго заступленія за нихъ сильныхъ людей—Дубянскаго и Разумовскаго. Но, опираясь на сильныхъ людей, члены Синода иногда сами же тяготились ихъ силою. Однажды св. Синодъ посадилъ подъ арестъ одного аѳонскаго архимандрита, который ходилъ по домамъ столицы съ фальшивыми святынями, самовольно служилъ молебны и въ самомъ присутствіи Синода оказалъ презрѣніе къ его власти, сославшись на то, что ему дозволилъ служить *самъ* протоіерей Дубянскій. Императрица разгнѣвалась за его арестъ и сдѣлала Синоду выговоръ, но Шаховской прямымъ разъясненіемъ дѣла заставилъ ее сознаться въ несправедливости, въ томъ, что ее постоянно обманываютъ ея приближенные.

Въ епархіальномъ управленіи замѣчательно открытіе новыхъ епархій — московской, петербургской (1742 г.), переяславльской (1744) и костромской (1645). Въ 1750-хъ годахъ въ южномъ краѣ Россіи поселилось до 150,000 Сербовъ и Болгаръ; въ 1760 г. они просили уже особаго епископа, но св. Синодъ отказалъ имъ, оставивъ ихъ въ вѣденіи бѣлогородскаго

епископа. Въ 1753 г. въ вѣденіи Синода было 30 епархій и въ 28 изъ нихъ считалось 18,070 приходскихъ церквей. Съ 1744 г., по образцу малороссійскихъ епархій, архіерейскіе приказы вездѣ стали преобразовываться на коллегіальныхъ началахъ и получили наименованіе Консисторій. Замѣчательно распоряженіе императрицы, которымъ дозволено было на архіерейскія каѳедры и архимандричьи мѣста въ знатныхъ монастыряхъ возводить духовныхъ лицъ не одного малороссійскаго, но и великорусскаго происхожденія.

Монашество. Елизавета Петровна оказывала большія милости монастырямъ, утверждала за ними ихъ земли и угодья, раздавала новыя, возвращала тѣ, которыя были отняты у нихъ при Биронѣ. Троицкій монастырь получилъ при ней наименованіе и права лавры. Прежнія строгости касательно увеличенія числа монашествующихъ прекратились; въ 1760 г. позволено постригать желающихъ изъ всѣхъ сословій. По докладамъ св. Синода въ 1742 и 1745 гг. императрица закрыла Коллегію Экономіи и предоставила церковныя имѣнія снова въ управленіе духовныхъ властей. Но при этомъ всѣ сборы съ нихъ на государственныя и общественныя нужды и штатные оклады самыхъ духовныхъ учрежденій оставлены попрежнему, потому что и такая благочестивая государыня, какъ Елизавета, не могла уже теперь измѣнить государственному взгляду на церковныя имѣнія. По прежнему продолжалась посылка въ монастыри солдатъ, престарѣлыхъ сумасшедшихъ и малолѣтныхъ колодниковъ. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы стали строиться инвалидные дома, съ открытіемъ коихъ посылка инвалидовъ въ монастыри должна была прекратиться, но и эти инвалидные домы предполагалось устроивать и содержать тоже на счетъ монастырскихъ вотчинъ. Въ 1757 г., присутствуя на одной конференціи Синода и Сената, императрица замѣтила, что „монастыри, не имѣя власти употреблять свои доходы инако, какъ только на положенные штатомъ расходы, суетное себѣ дѣлаютъ затрудненіе управленіемъ вотчинъ“, и начала было дѣлать новыя распоряженія объ этихъ вотчинахъ, но не успѣла ихъ кончить за своею кончиною. Преемникъ ея, *Петръ III*, бывшій голштинскій герцогъ, человѣкъ, пропитанный протестантскими понятіями и оскорблявшій русскій патріотизмъ и религіозность привязанностію ко всему нѣмецкому, въ свое короткое царствованіе сдѣлалъ было наконецъ рѣшительное распоряженіе включить церковныя вотчины въ общій составъ имуществъ государственныхъ,

а на содержаніе духовенству назначить жалованье; но переворотъ, свергнувшій его (1762 г.) съ престола, не далъ ему привести этаго распоряженія въ исполненіе. Судьба церковныхъ вотчинъ рѣшилась уже въ слѣдующее царствованіе Екатерины II.

Судьба бѣлаго духовенства менѣе занимала императрицу Елизавету; подобно всѣмъ, высоко поставленнымъ, благочестивымъ женщинамъ, въ своемъ уваженіи и милостяхъ она изливалась только въ отношеніи къ близкому ей высшему духовенству и мало вникала въ нужды безвѣстныхъ приходскихъ причтовъ. Прежняя жестокость разборовъ духовенства при ней прекратилась, но самые разборы продолжались, потому что замкнутое духовное сословіе дѣйствительно постоянно нуждалось въ очищеніи отъ лишнихъ людей. Во время новой ревизіи 1744 г. лишнихъ церковниковъ съ ихъ дѣтьми и дѣтей сверхштатныхъ священнослужителей велѣно писать въ подушный окладъ при посадахъ, заводахъ, фабрикахъ, на пашенныя земли, при помѣщикахъ, куда похотятъ, или отдавать въ солдаты. По ходатайству Синода тогда же впрочемъ дозволено было такими лишними духовными людьми одной епархіи восполнять недостатокъ духовенства въ другой. Для возвышенія нравственности духовенства выданы распоряженія, чтобы духовныя лица не пускались въ торги, подряды, откупа, промыслы, ростовщичество подъ опасеніемъ извержения изъ сана, не домогались излишней платы за требы, изъ корысти не совершали требъ незакопныхъ, не предавались пьянству во время хожденія съ иконами и св. водой и при совершеніи требъ. Подтверждено старинное правило не посвящать ставленниковъ въ попы раньше 30, а въ дьяконы ранѣе 25 лѣтъ (1).—Касательно возвышенія внѣшняго благосостоянія духовенства заботливость правительства ограничивалась большею частію одними благи-

(1) По поводу этаго указа встрѣчаемъ любопытную жалобу студентовъ петербургской семинаріи въ св. Синодъ. «Гдѣ намъ нижайшимъ правильныхъ лѣтъ дожидаться? У родителей или сродниковъ? но тѣхъ большее насъ число не имѣетъ. Рукодѣлію не обучены. Куплями промышлять? но и на двѣ деньги почти у всѣхъ насъ не наберется... И такъ мы вмѣсто чаемаго за труды 12-лѣтніе награжденія, Богъ вѣсть, съ какою надеждою остаемся. Въ монахи постриженія нѣтъ, въ дьяконы желаемаго прихожаны голосу недостаетъ, въ дьячки же и пономари стыдно и весьма обидно. Отъ чего и тѣмъ, которые въ классахъ обучаются, уповательно, что охота ко ученію крайне ослабѣетъ».

ми предположеніями, которыя впрочемъ въ исполненіе не приводились. Такъ наприм. правительство предполагало составить новый штатъ ружныхъ церквей. По случаю общаго межеванія земель въ 1754 г. вышло распоряженіе отмежевать по 10—20 четвертей земли въ полѣ ко всѣмъ церквамъ, которыя не обезпечены ни землями, ни ругой; но по неопредѣленности правилъ для межевщиковъ самое межеваніе скоро остановилось и вновь начато уже при импер. Екатеринѣ II. Съ бо́льшимъ успѣхомъ приводились въ исполненіе только распоряженія о нестроеніи лишнихъ церквей, издававшіяся на основаніи указовъ Петра Великаго; построеніе церквей для приходовъ, имѣющихъ менѣе 100 дворовъ, дозволялось только въ томъ случаѣ, если сосѣднія церкви отстоятъ отъ нихъ не менѣе, какъ на 20 верстъ; челобитчики о построеніи новой церкви должны были давать обязательство въ томъ, что новая церковь непремѣнно будетъ снабжена достаточнымъ количествомъ земли и другихъ средствъ къ содержанію. Правительство заботилось также о томъ, чтобы духовныя лица не подвергались обидамъ; въ 1757 г. за обиду священнику два драгуна были наказаны шпицрутенами въ количествѣ 6000 ударовъ и сосланы на 10 лѣтъ въ Оренбургъ на работы;—объ этомъ случаѣ велѣно публиковать указами въ острастку другимъ.

Распространеніе христіанства. Благочестивая императрица обратила особенное вниманіе на дѣло инородческой миссіи, которая успѣла значительно ослабѣть послѣ Петра. *Въ области средней Волги* успѣхи св. вѣры до самыхъ 40-хъ годовъ поддерживались, только благодаря личному усердію нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ. Въ казанской епархіи, по донесенію м. Сильвестра, новокрещеные инородцы находились въ самомъ жалкомъ религіозномъ невѣжествѣ и дѣло миссіи крайне нуждалось въ возобновленіи правительственной поддержки. Одинъ Алексѣй Раевскій неизмѣнно трудился на своемъ поприщѣ; въ теченіи 1724—1733 гг. онъ успѣлъ обратить ко Христу до 1300 человѣкъ. Въ 1731 г. въ Свіяжскѣ учреждена была особая комиссія новокрещенскихъ дѣлъ для казанскаго и нижегородскаго края. Въ 1735 г., по докладу преемника Сильвестрова, просвѣщеннаго архіепископа *Иларіона Рогалевскаго*, Сенатъ распорядился устроить въ казанской епархіи 4 инородческія школы и ассигновалъ на нихъ сумму изъ вѣчныхъ денегъ казанской епархіи (2000 р. на постройку и 1378 р. ежегодно). По частію по недостатку

энергіи къ дѣлу миссіи въ правительствѣ, частію потому, что послѣ Иларіона казанскимъ архіереемъ сдѣлался *Гавріилъ*, человѣкъ старинный, не любившій никакихъ новостей, распустившій даже самую семинарію въ Казани, инородческія школы не были заведены до 40-хъ годовъ. Свіяжская коммиссія дѣйствовала нерадиво, не имѣла даже списка новокрещеныхъ, такъ что нѣкоторые инородцы для полученія подарковъ крестились по 2, по 3 раза, наконецъ раздавало новокрещеныхъ разнымъ людямъ въ крѣпость, „якобы воспріемникамъ и для обученія христіанскаго закона". Гражданскія начальства, вмѣсто содѣйствія миссіи, только вредили ей своими поборами съ инородцевъ. При смѣнѣ губернатора Волынскаго тотъ-часъ поднялось дѣло о поборахъ его съ Чувашъ и Черемисъ; по его собственному признанію онъ набралъ съ нихъ болѣе 2500 рублей. Подъ конецъ царствованія имп. Анны дѣла миссіи стали поправляться. Съ 1738 г. казанскимъ епископомъ сдѣлался энергичный просвѣтитель казанскаго края, *Лука Конашевичъ*. Въ 1740 г. для обращенія инородцевъ при свіяжскомъ Богородицкомъ монастырѣ учреждена правильно организованная миссія съ Конторою инородческихъ дѣлъ; ее составляли свіяжскій архимандритъ *Димитрій Сѣченовъ*, 2 казанскихъ протопопа и 5 человѣкъ изъ духовенства, знающихъ инородческіе языки. Всѣмъ имъ назначено жалованье, даны наказы, ассигновано 10,000 р. въ годъ на расходы; новокрещенымъ велѣно давать крестъ, рубашку, обувь, шапку и денегъ,— 1½ руб. взрослымъ и 50 коп. малолѣтнимъ. Дѣятельность миссіи должна была простираться на казанскую, нижегородскую, воронежскую и астраханскую губерніи. Для большихъ успѣховъ ея импер. Елизавета всѣмъ крещенымъ вновь инородцамъ объявила свободу отъ ихъ некрещеныхъ помѣщиковъ, 3 года льготы отъ податей, свободу отъ рекрутчины и прощеніе тяжкихъ преступленій (убійства и др.), совершенныхъ до крещенія. Вмѣстѣ съ этимъ всѣ платежи, отъ которыхъ освобождались крестившіеся, положено разлагать на некрещеныхъ для побужденія и ихъ къ принятію св. вѣры. Въ отношеніи къ Татарамъ, которые держались своей вѣры тверже всѣхъ инородцевъ, употреблена очень крутая мѣра: велѣно ломать всѣ новыя мечети, особенно въ селеніяхъ, гдѣ съ некрещеными жили крещеные Татары, строеніе мечетей вновь совершенно запрещено; по этому указу въ одной Казани съ уѣздомъ сломано было 418 мечетей изъ 536, а въ Астрахани изъ 40 оставлено только 11. Сильныя жалобы Татаръ заставили правительство

смягчить свою строгость; въ 1744 г. позволено строить новыя мечети на 200—300 душъ въ селеніяхъ, гдѣ нѣтъ крещеныхъ; жалобы Татаръ впрочемъ не прекратились и послѣ этаго, потому что въ рѣдкомъ селеніи не было крещеныхъ.

При такомъ содѣйствіи правительства миссіонеры крестили инородцевъ цѣлыми волостями. При Димитріѣ Сѣченовѣ въ 2 года крещено свыше 17,000 инородцевъ; въ 1742 г. онъ былъ поставленъ епископомъ въ нижегородскую епархію, гдѣ обратилъ ко Христу около 50,000 душъ; въ 1748 г. онъ удалился на покой въ казанскую Раиескую пустынь, откуда въ 1752 вызванъ снова на святительство въ Рязань, а въ 1757 переведенъ въ Новгородъ. Самыми дѣятельными проповѣдниками христіанства явились, вызванные изъ Кіева, учители казанской семинаріи, *Сильвестръ Головинскій*, сдѣлавшійся преемникомъ Сѣченова по управленію Новокрещенскою Конторою, и іеромонахъ *Веніаминъ Пуцекъ-Григоровичъ*, ѣздившій по инородческимъ селеніямъ съ проповѣдью и учившій инородческихъ дѣтей въ казанской школѣ. Усерднымъ ревнителемъ обращенія инородцевъ былъ и самъ Лука Конашевичъ; онъ доходилъ иногда въ этомъ дѣлѣ даже до крайностей, наприм. насильно бралъ инородческихъ дѣтей въ школы, строилъ среди татарскихъ поселеній церкви, учреждалъ мимо татарскихъ домовъ въ Казани крестные ходы и довелъ казанскихъ Татаръ до того, что они едва удерживались отъ общаго возстанія. Нашлись ревнители вѣры и изъ мірскихъ людей, руководившіеся частію искреннимъ желаніемъ помогать св. дѣлу, частію желаніемъ отличиться благочестіемъ предъ набожнымъ правительствомъ (1). Совѣтникъ Новокрещенской Конторы *Ярцевъ* обратилъ до 10,000 инородцевъ. Цѣлыя селенія изъявляли готовность креститься, даже не видавши еще миссіонеровъ. Случаи сопротивленія видимъ только между Татарами и терюшевской Мордвой, которая возстала противъ сильныхъ мѣръ Димитрія Сѣченова и однажды едва его не убила. Миссіонерамъ не было никакой возможности удовольствовать да-

(1) Крестили вездѣ, гдѣ были инородцы. Полковые священники и командиры обращали инородцевъ между солдатами. Гвардейскій подполковникъ Ушаковъ прислалъ однажды нѣсколько солдатъ иновѣрцевъ въ Синодъ для опредѣленія ихъ на тяжкія работы по монастырямъ, чтобы скорѣе обратились въ христіанство. Св. Синодъ отвѣчалъ ему представленіемъ всего неприличія прибѣгать къ такимъ средствамъ въ дѣлѣ вѣры.

чами все множество крестившихся и приходилось иногда спасаться отъ раздраженія обманутыхъ дикарей съ помощью военныхъ командъ. Въ 1741—1756 гг. крещено было: въ казанской губерніи мужескаго и женскаго пола 368,430 душъ, въ нижегородской 9325, оренбургской. 4999, воронежской 30,207. Надобно впрочемъ замѣтить, что крестились почти одни инородцы—язычники; Мордва крещена вся, некрещеныхъ Черемисъ, Чувашъ и Вотяковъ осталось самое малое число; но изъ Татаръ крещеныхъ считалось (въ 1755 г.) всего 3670 душъ. Магометанство успѣло развить даже свою собственную пропаганду среди инородцевъ язычниковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ въ Астрахани совращено было въ магометанство 634 человѣка; при Елизаветѣ Петровнѣ въ свіяжской провинціи татарскіе проповѣдники обрѣзали 293 человѣка изъ Чувашъ;—правительство распорядилось возвратить послѣднихъ къ ихъ старой вѣрѣ, а тѣхъ, которые пожелаютъ креститься, крестить. Крещеные Татары были очень ненадежны въ православіи, наприм. въ 1750 г. многіе изъ нихъ подали въ св. Синодъ просьбу о возвращеніи ихъ къ старой вѣрѣ, потому будто бы, что архіерей (Лука Копашевичъ) крестилъ ихъ насильно; съ этаго времени велѣно крестить только тѣхъ Татаръ, которые подадутъ о крещеніи письменныя прошенія.

Нельзя впрочемъ сказать, чтобы прочно было обращеніе и другихъ инородцевъ; миссіонеры успѣвали только крестить всю эту массу народа, но научить крещеныхъ вѣрѣ не могли успѣть. Поэтому въ селеніяхъ новокрещеныхъ во всей силѣ оставались и старые жрецы, и керемети, и языческія жертвы. Духовенства, знающаго инородческіе языки, которое бы продолжало дѣло миссіонеровъ, было мало. Объ инородческихъ школахъ все еще только разсуждали, двѣ первыя школы явились въ Казани уже въ 1745 г., другіе двѣ въ 1750,—въ Елабугѣ и Царевококшайскѣ; въ 1753 г. Лука Копашевичъ всѣ эти школы соединилъ въ одну, устроенную имъ въ Казани, но послѣ него и эта новая школа пришла въ совершенный упадокъ. Лучшимъ средствомъ къ ознакомленію новокрещеныхъ съ вѣрою правительство признавало переселеніе ихъ въ среду русскихъ поселеній и отдѣленіе ихъ отъ некрещеныхъ въ особыя селенія съ церквами и причтами. Главнымъ распорядителемъ этихъ переселеній назначенъ былъ Ярцовъ съ обязанностію защищать переселенцевъ отъ всякихъ обидъ и заботиться объ ихъ благосостояніи. Но, не

смотря на его усердіе и добросовѣстность въ исполненіи своихъ обязанностей, новокрещеные чрезвычайно тяготились своими переселеніями, которыя заставляли ихъ терпѣть всякія обиды и невознаградимыя хозяйственныя потери на новыхъ мѣстахъ. Вслѣдствіе этаго вышло новое распоряженіе: если число крещеныхъ въ извѣстномъ мѣстѣ окажется болѣе десятой доли всего населенія, то для отдѣленія крещеныхъ отъ некрещеныхъ, на новое мѣсто переселять послѣднихъ. Успѣхи миссіи, тяжесть платежей за крещеныхъ, разрушеніе мечетей, невольныя переселенія сильно взволновали инородческое населеніе приволжскаго края, особенно Татаръ, а между тѣмъ въ сосѣдяхъ, между Башкирами, кипѣлъ опасный бунтъ. Правительство нашло поэтому нужнымъ умѣрить свою ревность къ вѣрѣ. Въ 1755 г. Лука Конашевичъ переведенъ былъ въ Бѣлгородъ. Въ 1756 г. Татарамъ позволено строить мечети въ селеніяхъ, гдѣ число крещеныхъ менѣе десятой доли населенія, сдѣлано послабленіе въ переселеніяхъ и дозволено на этотъ годъ не ставить рекрутовъ. Съ этихъ поръ дѣятельность миссіи слабѣла годъ отъ году, а при имп. Екатеринѣ закрыта была и самая Новокрещенская Контора.

Между Калмыками съ успѣхомъ продолжалъ свою миссію *Никодимъ Ленкевичъ* съ помощію учениковъ московской славено-латинской школы, *Чубовскаго*, *Лялова* и *Вестужева*. Въ 1725—30 гг. онъ обратилъ 432 человѣка; потомъ, посвященный въ 1731 г. въ архимандрита, до 1734 г. еще крестилъ 1230 Калмыковъ. Въ этомъ году онъ былъ уволенъ на покой въ Кіевъ, но безъ него миссія стала упадать, явились даже совращенія въ старую вѣру и тѣхъ, которые были крещены; до 1737 г. совратилось 1594 души. Тогда правительство снова вызвало изъ Кіева Никодима и для прекращенія совращеній рѣшилось исполнить давнишнее желаніе новокрещеныхъ Калмыковъ, которое они высказывали еще въ 1729 г., чтобы не разселять ихъ въ разныя мѣста, а назначить для ихъ поселенія одно мѣсто. По ходатайству Никодима и хана *Дондука-Омбо*, преемника Тайшима († 1736), для поселенія крещеныхъ Калмыковъ построенъ городъ Ставрополь. Сюда переселена вдова Тайшима *Анна* со всей ея ордой, которая вся была крещена Никодимомъ. Для совершенія богослуженія по улусамъ дана была этой колоніи походная церковь. Велѣно переводить на калмыцкій языкъ Н. Завѣтъ и молитвы; переведены были впрочемъ только: Вѣрую, Отче нашъ и X заповѣдей. Велѣно учредить школу, которая и бы-

ла дѣйствительно открыта въ Ставрополѣ. Послѣ Никодима († около 1739 г.) главою миссіи сдѣлался *Андрей Чубовскій*, посвященный въ санъ протоіерея. При имп. Елизаветѣ число крещеныхъ возросло до 6000; крестилось много Калмыковъ въ астраханской губерніи, гдѣ были главныя кочевья ихъ; крестилась вдова Дондука-Омбо вмѣстѣ съ дѣтьми. Въ 1750 г. въ астраханскомъ краѣ крещено было 200 кибитокъ (до 1000 душъ обоего пола). Новокрещенымъ отводили земли между Волгой, Черемшаномъ и Дономъ; для пріученія ихъ къ вѣрѣ и осѣдлой жизни среди нихъ поселено было нѣсколько сотъ русскихъ крестьянъ.

Несчастная *Грузія*, получившая большія надежды послѣ завоеваній Петра въ Персіи, снова потеряла эти надежды, когда Россія въ 1732 г. обратно отдала свои завоеванія Персіи. Впрочемъ Россія постоянно продолжала давать у себя пріютъ всѣмъ Грузинамъ, уходившимъ отъ магометанскихъ гоненій, и принимала живое участіе въ ихъ судьбѣ. Въ 1737 г. св. Синодъ по просьбѣ царевича *Вахтанга* разрѣшилъ издать на грузинскомъ языкѣ Библію и богослужебныя книги; изданіе Библіи послѣдовало въ 1743 г. послѣ тщательнаго исправленія текста архіепископомъ *Іосифомъ Самабелли;* богослужебныя книги исправлялъ архіепископъ *Аѳанасій*. Въ 1755 г. прибылъ въ Россію изгнанный католикосъ *Антоній* и былъ опредѣленъ на владимірскую каѳедру; онъ былъ очень полезенъ Грузіи переводами многихъ русскихъ книгъ.—Въ 1746 г., по предложенію грузинскаго архіепископа *Іосифа*, св. Синодъ принялъ на себя заботу о возстановленіи правосл. вѣры между *Осетинами* и отправилъ къ нимъ въ горы миссію изъ Грузиновъ, которая впрочемъ мало имѣла успѣха.

Въ *Сибири*, въ западной ея половинѣ, при Елизаветѣ Петровнѣ дѣйствовали тѣже мѣры къ обращенію инородцевъ, какія мы видѣли въ приволжскомъ краѣ, тѣ же льготы новокрещенымъ, тѣже постановленія о татарскихъ мечетяхъ; въ тобольскомъ и тарскомъ уѣздахъ изъ 133 мечетей разрушено было 98. Тѣ же были и результаты этихъ мѣръ; цѣлыми толпами крестились язычники и повсюду возновались Татары. Въ 1748 г. крестилось много Остяковъ и князь ихъ *Мурзинъ*; въ 1751 г. игуменъ *Іовъ* обратилъ множество Вогуловъ, Вогуловъ, Тунгузовъ и Бурятъ; въ 1753 г. разныхъ инородцевъ крестилось 482 души; въ 1754—311 и т. д. Митрополитъ Сильвестръ Головацкій, поставленный въ Тобольскъ въ 1749 г., былъ тѣмъ же для западной Сибири, чѣмъ Лука Конашевичъ для казанскаго края; и на

него, какъ на Луку. Татары поднялись съ жалобами за насилія; въ 1755 г. правительство перевело его въ Суздаль въ званіи епископа и назначило по жалобамъ слѣдственную комиссію, которая сильно ободрила Татаръ. Въ 1756 г. въ одно время съ казанской ослабѣла и сибирская миссія. Въ восточной Сибири обращенію инородцевъ много содѣйствовало открытіе (1727 г.) новой иркутской епархіи, первымъ епископомъ которой былъ св. *Иннокентій Кульчицкій*. Во время своего пребыванія въ селенгинскомъ монастырѣ и во время его управленія епархіей († 1731 г.) онъ обратилъ къ христіанству значительное число Бурятъ. Преемникомъ его былъ префектъ московской академіи *Иннокентій Неруновичъ* († 1741 г.), тоже крестившій множество Бурятъ и Тунгузовъ.

Въ отдаленной *Камчаткѣ* священникъ *Ермолай* до 1741 г. крестилъ 878 Камчадаловъ, да іеромонахи Беринговой экспедиціи—болѣе 1500 душъ, такъ что въ началѣ царствованія Елизаветы здѣсь считалось болѣе 6000 христіанъ; для нихъ было устроено 3 церкви. Но священникъ былъ одинъ на весь полуостровъ; не смотря на свои постоянные разъѣзды, о. Ермолай въ иныхъ мѣстахъ могъ быть только разъ въ 2—3 года; заѣхавъ къ своему прихожанину, онъ напримѣръ, иногда за разъ долженъ былъ крестить у него дочь, обвѣнчать ее съ мужемъ ея, потомъ окрестить уже кстати и ея ребенка. Въ 1743 г. въ Камчатку отправлена была миссія, во главѣ которой былъ поставленъ воспитанникъ московской академіи архимандритъ *Іоасафъ Хотунцевскій* съ подчиненіемъ его иркутскому архіерею. Съ пріѣздомъ этой миссіи о. Ермолай остался главнымъ надзирателемъ за духовенствомъ († 1747 г.). Въ 1750 г., окончивъ свое служеніе въ Камчаткѣ, Іоасафъ доносилъ, что вновь обращать къ христіанство было уже некого по всему полуострову. Въ школахъ, которыя завела миссія, обучалось 200 человѣкъ. Хотунцевскій проектировалъ учредить даже особую камчатскую епархію, но его проектъ остался безъ исполненія. По смерти Иннокентія Неруновича св. Синодъ до 1754 г. не назначалъ новаго епископа даже для иркутской каѳедры, вслѣдствіе чего въ Камчаткѣ скоро оказался недостатокъ въ духовенствѣ, приходы пустѣли, а старыя суевѣрія дикарей снова усилились. Дѣла опять поправились, когда на иркутскую епархію присланъ былъ *Софроній Кристалевскій*. Въ концѣ 50-хъ годовъ крещено было нѣсколько дикарей съ *Алеутскихъ* ост-

рововъ. Съ кончиной Елизаветы Петровны камчатская миссія была закрыта и замѣнена протоіерейскимъ управленіемъ.

Китайская миссія была упрочена при Петрѣ II договоромъ, который былъ заключенъ съ Китаемъ при помощи графа *Рагузинскаго;* выговорено было право держать въ Пекинѣ 4 духовныхъ и 6 свѣтскихъ лицъ и построить на посольскомъ дворѣ церковь; какъ для этой, такъ и для старой церкви при русской ротѣ русское правительство назначило содержаніе.

Православіе въ польскихъ владѣніяхъ. Въ то время, какъ на востокѣ православная церковь успѣшно пріобрѣтала новыхъ чадъ, на западѣ, въ Польшѣ, она сильно страдала отъ гоненій католичества, которыя усиливались по мѣрѣ разгаравшагося раздраженія Поляковъ противъ русскаго вліянія на Польшу, особенно при королѣ *Августѣ III* (съ 1733 г.). Въ 1733 г. сеймъ устранилъ православныхъ отъ всѣхъ общественныхъ должностей. Непрерывнымъ и однообразнымъ рядомъ изъ года въ годъ тянутся съ одной стороны отчаянныя жалобы православныхъ горожанъ, монастырей и бѣлорусскихъ епископовъ на насилія отъ черни, пановъ и ксендзовъ, съ другой болѣе или менѣе энергическія представленія королю и сейму отъ русскаго двора и резидентовъ, обычныя отговорки Поляковъ, извиненія, обѣщанія, откладыванія, иногда вторжемъ и распоряженія о прекращеніи гоненій, но, какъ и прежде, совершенно безполезныя на дѣлѣ. Съ 1721 до 1747 г. въ унію отнято было 165 православныхъ церквей; оставшіяся у православныхъ стояли безъ починки, съ обрушенными кровлями, выбитыми окнами, хуже сараевъ и хлѣвовъ. Монастыри середи бѣлаго дня подвергались нападеніямъ черни и школяровъ, при чемъ монаховъ били, увѣчили, даже убивали до смерти. Бѣлорусскій епископъ *Георгій Конисскій* (съ 1755 г.) жаловался, что однажды въ Оршѣ онъ едва спасся отъ католическаго изувѣрства, выѣхавъ изъ города въ телѣгѣ, прикрытой навозомъ; въ другое время при нападеніи на его домъ іезуитскихъ школяровъ долженъ былъ спрятаться отъ нихъ въ углу сыраго подвала. Паны подъ пьяную руку, а то даже и въ трезвомъ видѣ апостольствовали надъ своими хлопами и попами посредствомъ непстовыхъ истязаній. Православныя процессіи подвергались уличнымъ нападеніямъ, такъ что покойниковъ нужно было хоронить по ночамъ. Прикащикъ папа во время православнаго богослуженія входилъ въ церковь съ плетью и гналъ оттуда

и народъ и духовенство, какъ скотъ изъ хлѣва. Бѣлоруссія и Украйна слыли подъ именемъ partes infidelium; туда снаряжались цѣлыя миссіи базиліанъ и доминикановъ обращать народъ въ унію; миссія шла съ конвоемъ жолнеровъ, загоняла народъ плетями въ костелъ или уніатскій храмъ и записывала его въ числѣ обращенныхъ, послѣ чего, если кто исполнялъ православную требу, наказывался, какъ отступникъ. Православные лишились послѣдней своей защиты,— козачества, которое все болѣе и болѣе слабѣло со времени уничтоженія гетманщины (при Петрѣ) и учрежденія Малороссійской коллегіи. Польша свободно могла развивать свое гоненіе на вѣру хлоповъ и потому, что послѣ русскихъ завоеваній въ степяхъ и паденія Крыма совершенно избавилась отъ турецкихъ и татарскихъ страховъ и не имѣла больше никакой надобности ласкать православное простонародье. Унія все болѣе и болѣе дѣлалась нелѣпостью; она была невозможна, когда православіе, которое она должна была соединить съ католичествомъ, въ глазахъ католика Поляка было хуже жидовства и язычества, когда по милости іезуитовъ католическій и православный Богъ сдѣлались двумя разными богами, когда толпа студентовъ іезуитской коллегіи, вмѣстѣ съ своимъ начальствомъ, разбивъ похоронную процессію (какъ это было въ Дрогичинѣ 1742 г.), ругалась надъ православнымъ крестомъ, топтала его ногами и приговаривала: „что же ты не сердишься и не мстишь, схизматическій Боже“? Надежды православныхъ на заступленіе благочестивой импер. Елизаветы были обмануты; Россія съ необыкновеннымъ долготерпѣніемъ соблюдала свой миръ съ Польшей. Прусскій король *Фридрихъ Великій*, съ которымъ Россія тогда вела войну, рѣшительнѣе дѣйствовалъ въ пользу своихъ единовѣрцевъ протестантовъ и много способствовалъ улучшенію ихъ участи въ Польшѣ. Православные хотѣли добиться для себя такой же поддержки у Россіи. Въ 1756 г. игуменъ виленскаго монастыря *Осодосій Леонтовичъ*, оскорбленный во время одной похоронной процессіи католической чернью, подалъ русскому правительству записку, въ которой, объяснивъ плачевное положеніе православныхъ, предупреждалъ, что если Россія не окажетъ имъ болѣе дѣятельнаго покровительства, то они будутъ искать защиты у Пруссіи. Но эта записка не обратила на себя вниманія; союзъ Россіи съ Польшей продолжался по прежнему; въ избѣжаніе непріятностей съ варшавскимъ дворомъ самъ Леонтовичъ былъ

отозванъ изъ Вильны. Важность его записки надлежащимъ образомъ была понята уже при Екатеринѣ II.

Расколъ. Внутри Россіи православіе боролось съ давнишнимъ врагомъ, расколомъ. Мѣры противъ него оставались тѣже, какія были при Петрѣ Великомъ; послѣ непродолжительнаго ослабленія въ первыя два царствованія послѣ Петра онѣ снова усилились при Аннѣ Іоанновнѣ, когда главный борецъ противъ раскола, Питиримъ, сдѣлался сильнымъ сторонникомъ Ософана и членомъ св. Синода. Съ 1732 г. св. Синодъ посылалъ противораскольническія миссіи къ польскимъ границамъ, въ костромскіе лѣса и въ восточный край, гдѣ расколъ особенно усилился на горныхъ заводахъ. Послѣ тщетнаго приглашенія русскихъ бѣглецовъ, жившихъ въ раскольническихъ скитахъ на Вѣткѣ, воротиться въ Россію, въ 1735 г. полковникъ *Сытинъ* получилъ порученіе сдѣлать на Вѣткѣ строгій розыскъ съ помощію воинской команды; около 40,000 бѣглецовъ разослано по разнымъ мѣстамъ; скиты сожжены; раскрыты были гробы мнимыхъ раскольническихъ святыхъ. Въ тоже время (1736) были переписаны и обложены окладомъ слободы Стародубья. При имп. Елизаветѣ строгости къ раскольникамъ еще болѣе усилились. Подтверждены законы Петра противъ расколоучителей; возобновлены забытыя постановленія объ особомъ платьѣ для раскольниковъ и о знакахъ для бородачей, которые въ 1728 г. были переплиты въ деньги. Во время ревизіи переписано было множество раскольниковъ, не платившихъ двойнаго оклада. Всѣ раскольники обязаны были для переѣздовъ съ мѣста на мѣсто имѣть паспорты. Стародубскія слободы были переписаны вновь; къ бѣглецамъ на Вѣтку опять посылалось приглашеніе воротиться на свои мѣста. Съ 1761 г. множество раскольниковъ дѣйствительно стали возвращаться въ Россію и селиться въ Новороссіи. Строгости только усиливали фанатизмъ изувѣровъ; при имп. Елизаветѣ было нѣсколько замѣчательныхъ случаевъ самосожженія раскольниковъ; въ устюжской провинціи заразъ сожглось 53, а въ Сибири 172 человѣка. Въ 1761 г. изданъ указъ, чтобы духовныя лица при слѣдствіяхъ о раскольникахъ воздерживались отъ неприличныхъ ихъ сану поступковъ, употребляли для обращенія раскольниковъ мечъ духовный, а не гражданскій; поводомъ къ этому указу было то, что въ одномъ домѣ сожглось 150 раскольниковъ, которые объявили, что сожигаютъ себя отъ грабительства и разоренія посылаемыхъ противъ нихъ командъ.—Св. Синодъ

продолжалъ развивать противъ раскола свои духовныя мѣры. Въ 1744 г. Арсеніемъ Маціевичемъ изданo было замѣчательное сочиненіе противъ раскола, „Обличеніе раскольнической неправды“, написанное Ософилактомъ Лопатинскимъ еще въ 1723 г. Это было первое опроверженіе Поморскихъ отвѣтовъ, которые доселѣ считались у раскольниковъ неопровержимыми. Внутри самихъ раскольническихъ сектъ, особенно безпоповщинскихъ, шли жаркіе споры о перекрещиваніи вновь совращенныхъ въ расколъ, о бракѣ, отношеніи къ правительству, молитвѣ за царя и др. предметахъ, споры, которые вели къ новому дробленію раскола на секты. Въ поповщинѣ развивалась мысль о пріобрѣтеніи собственной іерархіи и сдѣлалась причиною самыхъ усердныхъ домогательствъ со стороны раскольниковъ пріобрѣсти для своихъ вожаковъ архіерейскій санъ въ Молдавіи или Греціи и появленія нѣсколькихъ архіереевъ самозванцевъ; таковы были: нѣкто *Епифаній* (1724—1735), получившій архіерейскій санъ обманомъ отъ яссскаго митрополита, долго странствовавшій по Украйнѣ и на Вѣткѣ, три раза попадавшійся въ руки русскаго правительства и кончившій свои странствованія обращеніемъ въ православіе; бѣглый дьякопъ *Авиногенъ*, объявившій себя (1751 г.) епископомъ въ Стародубьѣ, настригшій нѣсколько поповъ и дьяконовъ на югѣ Россіи, въ Молдавіи и Буковинѣ, наконецъ поступившій въ Польшѣ въ военную службу; бѣглый монахъ *Аноимъ*, получившій заочное посвященіе отъ Авиногена въ 1753 г., когда послѣдній былъ уже польскимъ жолнеромъ, утопленный въ 1757 г. некрасовскими козаками въ Днѣстрѣ.

Съ кончиною имп. Елизаветы для раскола настали лучшія времена. При Петрѣ III изданъ былъ указъ о защитѣ раскольниковъ отъ обидъ; бѣжавшимъ за границу дозволено безбоязненно возвращаться въ Россію и селиться въ Сибири; запрещено преслѣдовать ихъ, „ибо, сказано въ указѣ, внутри имперіи и иновѣрные, яко магометане и идолопоклонники, состоятъ, а тѣ раскольники христіане;... Отвращать ихъ должно не принужденіемъ и огорченіемъ ихъ, отъ котораго они, бѣгая за границу, въ томъ же состояніи множественнымъ числомъ проживаютъ безполезно“.

Хлысты. Въ царствованіе Анны Іоанновны въ 1733 г., по доносу одного разбойника Караулова, назначена была комиссія для разысканія Хлыстовъ, въ большомъ числѣ проживавшихъ въ Москвѣ. 116 сектантовъ были наказаны кнутомъ и сосланы въ Сибирь, въ томъ числѣ 4 старицы мос-

ковскаго Ивановскаго монастыря, который былъ сильно зараженъ ересью; главные вожди ереси, богородица *Ашоья* (монахиня Анастасія) и пророки *Филаретъ* и *Тихонъ* (монахи московскихъ монастырей), казнены смертью; менѣе виновные еретики отданы на увѣщаніе пастырямъ церкви и обратились въ православіе. Св. Синодъ сдѣлалъ воззваніе, чтобы всѣ участники ереси безбоязненно являлись духовнымъ властямъ для присоединенія къ православію; вслѣдствіе этой кроткой мѣры въ 1734 г. добровольно присоединилось къ церкви 112 человѣкъ еретиковъ.—При имп. Елизаветѣ у Хлыстовщины явился новый лжехристосъ, одинъ юродивый *Андрей Петровъ*. Новая комиссія, назначенная въ 1745 г., открыла во внутреннихъ губерніяхъ Россіи до 600 Хлыстовъ; кромѣ извѣстныхъ уже свѣденій объ ереси и ея обрядахъ, правительство изъ донесеній комиссіи узнало еще, что сектанты причащались тѣломъ и кровію зарѣзаннаго младенца. Андрей и ближайшіе его послѣдователи были высѣчены кнутомъ и сосланы на каторгу, другіе еретики по наказаніи плетьми разосланы по монастырямъ, записаны въ солдаты или возвращены въ свои дома. Множество сектантовъ успѣли ускользнуть отъ розысковъ. Св. Синодъ и теперь сдѣлалъ имъ приглашеніе къ добровольному покаянію, но безъ особеннаго успѣха.

Начало ереси Духоборцевъ. Въ южно-русской украйнѣ, въ предѣлахъ нынѣшнихъ харьковской и екатеринославской губерній, съ 1740-хъ годовъ замѣтно стало обнаруживаться броженіе новыхъ мистико-раціоналистическихъ идей, изъ которыхъ сформировалась особая ересь Духоборцевъ, въ описываемое время еще мало обращавшая на себя вниманія. Элементы, изъ какихъ она выработалась, за недостаткомъ извѣстій опредѣлить трудно. По всей вѣроятности она возникла изъ смѣси извѣстнаго уже намъ народнаго раціонализма, который преемственно проявлялся въ ересяхъ XVI в., въ ученіи нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ толковъ и въ ученіи московскихъ еретиковъ, съ мистицизмомъ жившихъ въ Россіи квакеровъ и меннонитовъ. Наполненная всякаго рода ссыльными и бѣглыми религіозными диссидентами, украйна была лучшимъ поприщемъ для развитія своеобразныхъ духоборческихъ общинъ съ ихъ широкимъ отрицаніемъ всего церковнаго строя. Первыми распространителями ереси были: въ харьковскомъ краю какой-то унтеръ офицеръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ иностранецъ квакеръ, переходившій съ своей проповѣдью съ мѣста на мѣсто, а въ екатеринославской губерніи нѣкто *Силуанъ Колесниковъ*. Духо-

борчество явилось съ полнымъ отрицаніемъ всей религіозной внѣшности во имя поклоненія Богу духомъ и истиною. Отрицая авторитетъ соборовъ, отцевъ, іерархіи, даже безусловную необходимость для спасенія внѣшняго Откровенія, св. Писанія, ересь признала единственнымъ безусловнымъ источникомъ вѣры и спасенія слово Божіе внутреннее, живущее въ каждомъ человѣкѣ. Церковь при этомъ стала для нея только духовнымъ обществомъ соединенныхъ внутреннимъ словомъ людей, въ которомъ іуден, магометане и язычники такіе же члены, какъ и христіане, лишь бы они только внимали глаголамъ внутренняго слова; на основаніи такого понятія о церкви сектанты всѣ таинства ея объяснили въ духовномъ смыслѣ; внѣшность этихъ таинствъ, всѣ внѣшніе обряды церкви, крестное знаменіе, посты, иконы, мощи, равно какъ и вся церковная іерархія, оказались совершенно ненужными и были отвергнуты. Исключеніе внѣшняго ради внутренняго, духовнаго, имѣло сильное вліяніе и на догматику Духоборства; оно вѣритъ въ историческаго Христа и признаетъ дѣло совершеннаго Имъ искупленія, но въ тоже время допускаетъ, что можно спастись и безъ вѣры въ Него, съ одною вѣрою во внутреннее слово, которое одно и тоже съ Сыномъ Божіимъ и которое духовно совершаетъ тоже дѣло искупленія, рождается, проповѣдуетъ, творитъ чудеса, страдаетъ и воскресаетъ въ сердцѣ каждаго вѣрующаго. Въ ученіи о грѣхопаденіи ересь приняла положеніе, что всякій отвѣчаетъ за свой только собственный грѣхъ, что слѣдовательно грѣхопаденіе Адама было только его частное грѣхопаденіе, а общая порча природы человѣческой есть слѣдствіе паденія душъ еще до созданія міра, въ одно время съ паденіемъ злыхъ духовъ.

Развитіе вольнодумства до имп. Елизаветы. Раціоналистическія ученія впрочемъ плохо прививались къ народной массѣ, которая оставалась въ томъ же темномъ религіозномъ невѣжествѣ, какъ въ древней Руси до Петра, съ тѣми же дѣтскими обрядовыми воззрѣніями на православіе, тѣми же суевѣріями, апокрифами, остатками полуязыческихъ представленій, кудесническихъ обрядовъ, гаданій, примѣтъ и т. п. Все новое образованіе исключительно сосредоточилось въ высшихъ классахъ общества; здѣсь же сосредоточилось и то религіозное вольнодумство, которое, какъ мы видѣли, было результатомъ первоначальнаго столкновенія простодушной, неосмысленной русской религіозности съ протестантской цивилизаціей запада. Протестантское вліяніе, такъ сильное при Петрѣ, въ

эпоху нѣмецкаго владычества сдѣлалось, разумѣется, еще сильнѣе. Анна Іоанновна весьма строго преслѣдовала всякую католическую пропаганду, выгнала за рубежъ польскихъ ксендзовъ, выгнала Жюбе, заставила отречься отъ католичества кн. Долгорукую, одного изъ князей Голицыныхъ за принятіе католичества сдѣлала придворнымъ шутомъ и обвѣнчала съ придворной дурой Калмычкой (свадьба въ ледяномъ домѣ). Въ 1738 г. за принятіе іудейства сожженъ былъ капитанъ-лейтенантъ флота *Возницынъ* вмѣстѣ съ своимъ совратителемъ Жидомъ Барохомъ. Но на протестантовъ такія строгости не простирались; Нѣмцы свободно строили въ Россіи свои кирхи, выписывали для нихъ пасторовъ, заводили школы, распространяли протестантскія сочиненія и мысли въ русскомъ обществѣ. Проповѣдники временъ Елизаветы Петровны единогласно свидѣтельствуютъ, что при имп. Аннѣ Нѣмцы соблазнили множество православныхъ людей. Изъ этихъ же впрочемъ проповѣдей видимъ, что Русскіе заимствовали у протестантовъ не систему вѣроученія, а главнымъ образомъ только легкое отношеніе къ обрядамъ церкви и правиламъ православной нравственности. И сами тогдашніе представители Нѣмцевъ въ Россіи были плохими представителями положительныхъ протестантскихъ вѣрованій. Биронъ наприм. ни разу не бывалъ въ кирхѣ; Остерманъ столько разъ перемѣнялъ религію, что наконецъ никто не зналъ, какого онъ вѣроисповѣданія; баронъ Мардефельдъ и графъ Лекенвольде не имѣли никакой религіи, какъ и большая часть другихъ Нѣмцевъ,—всѣ вообще отличались нравственною распущенностію. Въ русскомъ обществѣ и распространялись именно эта безрелигіозность и эта нравственная распущенность. Сколько нибудь систематическій раціонализмъ былъ еще вовсе не по плечу для этаго крайне юнаго общества; оно вполнѣ довольствовалось усвоеніемъ однихъ только игрушекъ и забавъ цивилизаціи, однихъ только удовольствій и „эпикурскихъ мнѣній“, какъ выражались проповѣдники. Историческія извѣстія, и свои и чужія, говорятъ о необыкновенной роскоши двора, дорогихъ костюмахъ, изумительно богатыхъ балахъ, маскарадахъ, обѣдахъ, на которые проматывалось все столичное дворянство и для которыхъ такъ энергично работала Домочная Канцелярія. Женщина, выпущенная изъ терема, обученная всѣмъ пріемамъ европейскаго кокетства, съ увлеченіемъ бросилась на новыя для нея удовольствія семейной свободы, но не воспитанная для того, чтобы исполнять свое благородное

назначеніе для общества, осталась по старому только орудіемъ чувственнаго наслажденія и сдѣлалась лишь новымъ матеріаломъ для „эпикурскихъ“ удовольствій. Однимъ словомъ, эмансипировавшись отъ старыхъ домостроевскихъ порядковъ, общество теперь распустилось во всю ширину своей русской, но еще совершенно невоздѣланной натуры. Благочестивые обычаи и благочестивый этикетъ старины, разумѣется, были теперь брошены и подверглись посмѣянію, для котораго господствующее протестантское вліяніе давало слишкомъ много матеріаловъ. Начинали ходить и серьезныя раціоналистическія идеи, заимствованныя изъ французской философіи, распространялось даже безбожіе, противъ котораго Осодоръ написалъ цѣлый трактатъ; но вообще говоря, знакомство съ Франціей было еще слабо и вольнодумство преимущественно ограничивалось пустымъ отрицательнымъ отношеніемъ къ церковнымъ обрядамъ и насмѣшками надъ духовенствомъ (1).

Однимъ изъ самыхъ солидныхъ и образованныхъ представителей тогдашняго либерализма былъ *В. Н. Татищевъ*, авторъ Исторіи Россійской. По его собственнымъ словамъ, все вольнодумство, за которое его многіе обвиняли, состояло въ точномъ разграниченіи между догматомъ и обрядомъ, божественнымъ и человѣческимъ, существеннымъ и несущественнымъ въ православіи, разграниченіи, котораго требовали въ свое время Петръ и Осодоръ. Но онъ пошелъ уже дальше и Петра и Осодора, со стороны перваго вызвалъ извѣстное вразумленіе царской дубинкой, послѣдняго заставилъ написать упомянутое защищеніе книги Пѣснь Пѣсней, въ которой видѣлъ изображеніе одной чувственной любви Соломона къ женѣ Египтянкѣ. Въ многочисленныхъ примѣчаніяхъ къ своей Исторіи онъ горячо вооружается противъ суевѣрій и на ряду съ ними противъ разныхъ чудесныхъ сказаній,

---

(1) Характеризуя общество временъ имп. Анны, Свѣчовъ описываетъ въ одной проповѣди, какъ представители этаго общества смѣялись надъ догматами вѣры и надъ обрядами церкви, нарушали посты, объ умерщвленіи плоти и слышать не хотѣли, только и знали, что «яжь, пій и веселися... Кто посты хранитъ, называли хапжа; кто молится, пустословитъ; кто иконамъ кланяется, суевѣръ; кто языкъ отъ суесловія воздерживаетъ, глупъ, говорить не умѣетъ; кто милостыню неоскудно подаетъ, простъ, не умѣетъ, куда имѣнія своего употреблять, не къ рукамъ досталося; кто въ церковь часто ходитъ, въ томъ де нутя не будетъ» и проч.

многія церковныя преданія, сказанія Пролога и Чети-Миней называетъ выдумкою духовенства въ видахъ усиленія клерикальной власти и для корысти, духовенство постоянно представляетъ силою враждебной просвѣщенію и государству, не опускаетъ ни одного почти случая въ исторіи, гдѣ проявлялось участіе древняго духовенства въ гражданскихъ дѣлахъ, чтобы не поговорить о властолюбіи и о папскихъ стремленіяхъ русскихъ іерарховъ, постоянно вспоминаетъ Никона и не находитъ словъ для порицанія его посягательствъ противъ государства.

Заботы о возстановленіи благочестія при имп. Елизаветѣ. Съ восшествіемъ на престолъ имп. Елизаветы началось строгое преслѣдованіе всякихъ иновѣрныхъ вліяній и проявленій вольнодумства. Благочестивое настроеніе новаго правительства выразилось между прочимъ въ истребленіи мечетей въ восточномъ краѣ и указѣ сломать всѣ армянскія церкви, оставивъ только одну въ Астрахани, потому что Армяне уличены были въ совращеніи православныхъ (въ Астрахани имя совращено было 114 человѣкъ); изъ Малороссіи и изъ Риги велѣно было выслать всѣхъ Евреевъ; на представленіе Сената, чтобы имъ дозволено было пріѣзжать туда по крайней мѣрѣ временно для торга, очень выгоднаго для казны, императрица рѣшительно отвѣчала: „отъ враговъ Христовыхъ не желаю интересной прибыли“. Возобновленъ былъ старый законъ не отпускать изъ Россіи иностранцевъ, принявшихъ православіе; на этомъ основаніи оставлено въ Россіи множество выходцевъ изъ Лифляндіи, даже такихъ, которые, хотя и не были сами православными, но женились на православныхъ дѣвицахъ и имѣли отъ нихъ дѣтей. Для огражденія православія съ 1743 г. начались цензурныя мѣры противъ вредныхъ для него книгъ; религіозныя книги, переведенныя съ иностранныхъ языковъ, велѣно представлять въ св. Синодъ всѣмъ, у кого такія окажутся, и впредь такихъ книгъ безъ дозволенія св. Синода не переводить; изъяты изъ обращенія переводы протестантскихъ сочиненій Арндта „Объ истинномъ христіанствѣ“ и Стратемана Θеатронъ. Неоднократно издавались указы о томъ, чтобы въ воскресные и праздничные дни всѣ православные ходили къ богослуженію и каждогодно бывали у исповѣди подъ опасеніемъ штрафа. Постановлено, чтобы въ праздники до окончанія литургіи не было торговли и питейной продажи. Отмѣнено запрещеніе священнослужителямъ носить иконы въ домы прихожанъ для мо-

лобствій, съ тѣмъ только, чтобы при этомъ священнослужители не оставались въ домахъ для пьянства и не разглашали объ иконахъ ложныхъ чудесъ. За нарушеніе благочинія во время богослуженія съ виновныхъ велѣно брать по 1 рублю, не выпуская изъ церкви. Изданно распоряженіе о приличномъ содержаніи самихъ церквей и снабженіи ихъ приличными иконами, облаченіемъ „хотя бы шелковымъ“ и сосудами по крайней мѣрѣ серебряными или по самой крайней нуждѣ оловянными; неискусно написанныя иконы велѣно отбирать. Правительство обратило вниманіе и на то, что въ крестьянскихъ избахъ св. иконы держатся въ нечистотѣ, закоптѣлыя отъ дыма, а многіе иностранцы въ избахъ останавливаются и смѣются надъ такимъ неладѣніемъ; архіерейскимъ посланцамъ и священникамъ поручено смотрѣть, чтобы крестьяне держали иконы въ чистотѣ, но при этомъ осмотрѣ иконъ крестьянамъ никакихъ обидъ не чинить и взятокъ съ нихъ не брать. Надъ иконописцами поставлены смотрители изъ лучшихъ мастеровъ. Религіозные эстампы дозволялось печатать и продавать только съ разрѣшенія духовной цензуры, порученной епархіальнымъ архіереямъ.

Царствованіе благочестивой государыни ознаменовалось открытіемъ новыхъ *мощей святителя Димитрія ростовскаго*. Въ 1752 г., послѣ нѣсколькихъ опытовъ чудеснаго прославленія ихъ, св. Синодъ освидѣтельствовалъ ихъ и нашелъ нетлѣнными, не смотря на то, что они лежали въ мокрой землѣ безъ надгробнаго свода; уцѣлѣли даже одежды святителя, митра и шелковыя четки, тогда какъ дубовый гробъ оказался сгнившимъ.

Начало французскаго вліянія на общественную религіозность. Несмотря на благочестивое настроеніе новаго правительства, развитіе религіознаго вольнодумства уже не останавливалось. Въ царствованіе Елизаветы нѣмецкое вліяніе начало замѣняться другимъ еще болѣе опаснымъ вліяніемъ французской образованности, которая стала господствовать при дворѣ и въ обществѣ, и которая вела за собой знакомство съ разрушительной французской философіей. Немного еще было въ Россіи людей, которые въ состояніи были изучать произведенія тогдашнихъ корифеевъ французской литературы; но такого изученія и не требовалось. Философскія идеи дѣлались извѣстными нашимъ пустымъ петиметрамъ и великосвѣтскимъ вольнодумцамъ большею частію по наслышкѣ, хватались на лету изъ общественныхъ толковъ, насмѣшекъ, полу-

слѣвъ, точно также, какъ прежде дѣлались извѣстными и протестантскія идеи. Тутъ важна была не степень изученія того или другаго религіознаго направленія, а какъ и вездѣ въ юныхъ обществахъ, не привыкшихъ еще мыслить самостоятельно, важна была мода, общественное настроеніе, которое дѣлало либеральныя выходки признакомъ хорошаго тона и цивилизаціи. Вольнодумство было какимъ-то повѣтріемъ, безсмысленной и слѣпой, но непобѣдимой эпидеміей, постигшей современныя головы. Мода на философію была такъ сильна, что съ 1740-хъ годовъ, по словамъ имп. Екатерины II, головы всего менѣе философскія старались по крайней мѣрѣ представляться философскими. Въ царствованіе Елизаветы воспиталось цѣлое поколѣніе этихъ поклонниковъ философіи, которые выступили на историческое поприще во второй половинѣ XVIII в., извѣстной подъ громкимъ именемъ *философскаго вѣка*. Средоточіемъ этихъ новыхъ людей былъ такъ называемый молодой дворъ наслѣдника престола *Петра Ѳеодоровича*, отдѣлившійся отъ двора императрицы и ставшій къ нему въ такое же отношеніе, въ какомъ были либеральные парижскіе салоны къ двору Людовиковъ XIV и XV. Впрочемъ самъ Петръ Ѳеодоровичъ, не смотря на свое обожаніе короля-философа, Фридриха, не раздѣлялъ философскихъ идей, все свое время употреблялъ на военныя упражненія и въ самомъ Фридрихѣ цѣнилъ не философа, а только полководца. Душей образованнаго кружка молодаго двора была будущая императрица философскаго вѣка Екатерина съ другомъ своимъ, кн. *Дашковой;* та и другая были воспитаны во французскомъ духѣ и съ самыхъ молодыхъ лѣтъ изучали произведенія Беля, Монтескье, Вольтера и др. французскихъ знаменитостей. Всѣ придворные философы добивались чести принадлежать къ обществу молодаго двора, считая старый дворъ за его благочестіе отсталымъ. Нравственный эпикуреизмъ, на который жаловались проповѣдники, и теперь впрочемъ оставался главнымъ выраженіемъ либерализма у большей части тогдашнихъ образованныхъ людей. За исключеніемъ немногихъ лицъ, получившихъ болѣе или менѣе солидное образованіе, на самомъ дѣлѣ дававшее имъ возможность понимать философскія идеи, русское дворянство большею частію училось у разныхъ французскихъ проходимцевъ-гувернеровъ, бывшихъ въ своемъ отечествѣ кучерами, поварами, парикмахерами, круглыхъ невѣждъ, которые ничего не могли сообщить своимъ питомцамъ, кромѣ презрѣнія ко всему русскому и своего собствен-

наго разврата; за тѣмъ русскій баричъ, совершенно неподготовленный, менѣе всего интересовавшійся просвѣщеніемъ, ѣхалъ за границу, въ Парижъ, гдѣ для него доступны были одни удовольствія и гдѣ въ кругу разныхъ гулякъ, безъ совѣсти и религіи, среди грязнаго разврата, онъ вполнѣ заканчивалъ опустошеніе своей нравственности, превращался, по запальчивому отзыву Сумарокова, „изъ напудреннаго человѣка въ напудренную скотину“ (1).

Усиленіе средствъ къ религіозному образованію. Съ усиленіемъ религіознаго вольнодумства все болѣе и болѣе чувствовался недостатокъ религіознаго образованія въ обществѣ. Все религіозное образованіе дворянъ и другихъ чиновъ, по словамъ синодальнаго представленія 1743 г. въ сенатъ, ограничивалось только чтеніемъ Часослова и Псалтири, и то еще въ дѣтствѣ, при обученіи грамотѣ; въ отвѣтъ на это представленіе правительство издало указъ всѣмъ родителямъ обучать дѣтей катихизису по Букварю Прокоповича, съ нерадивыхъ родителей брать штрафъ въ 10 рублей, при опредѣленіи на службу всѣхъ молодыхъ людей экзаменовать въ знаніи катихизиса. Въ академіяхъ кіевской и московской издавна существовала особая должность катехизаторовъ, которые должны были каждое воскресенье изъяснять догматы и правила православія съ церковной каѳедры и въ аудиторіяхъ передъ литургіей; тотъ же обычай былъ и въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ, напр. троицкой и казанской. Въ 1750-хъ годахъ на поприщѣ катехизаторства въ Москвѣ отличался молодой учитель академіи, *Петръ Левшинъ*, будущая знаменитость Екатерининa вѣка — *Платонъ* московскій. Въ 1755 г. вышелъ его Краткій Катихизисъ для обученія дѣтей, а въ 1757 и 58 гг. другой Катихизисъ въ двухъ частяхъ. Въ 1744 г. прави-

---

(1) Въ литературѣ описываемаго времени встрѣчаемъ сильныя обличенія противъ развитія «атеизма». Ломоносовъ доказывалъ, что наука и вѣра суть дщери одного всевышняго Родителя и не могутъ быть въ разрывѣ между собою, что чѣмъ болѣе человѣкъ изучаетъ науку, тѣмъ и нѣе видитъ ложь атеизма. Сумароковъ производилъ атеизмъ отъ поверхностнаго образованія, вкусившаго только корку наукъ. Необразованные, по его словамъ, пустившіеся съ берега въ море, видятъ одинъ берегъ, образованные, достигшіе другаго берега, видятъ оба берега, а и лукоразованные, безъ кормила носимые по морю бурею, не знаютъ ни того, ни другаго. Истинное образованіе увѣряетъ насъ въ бытіи Бога... Атеисты тоже, что сумасшедшіе, и не могутъ быть честны.

тельство разрѣшило новое изданіе Камня вѣры, которое было поставляемо тогдашнимъ духовенствомъ въ числѣ самыхъ первыхъ заслугъ императрицы. Послѣ снятія опалы съ этаго сочиненія явилась наконецъ возможность издать опроверженіе извѣстнаго „Молотка на Камень вѣры“, который доселѣ оставался безъ отвѣта; опроверженіе это написалъ Арсеній Мацѣевичъ. Въ 1750-хъ годахъ вновь были изданы Четьи-Минеи св. Димитрія ростовскаго (1757), Печерскій Патерикъ (1759) и другія полезныя книги. Но самымъ важнымъ изданіемъ для чтенія народа безспорно было:

Изданіе Библіи. Вопросъ объ исправленіи и изданіи Библіи послѣ Петра поднимался вновь при имп. Екатеринѣ, потомъ при импер. Аннѣ. Но Ософанъ Прокоповичъ, недовольный трудами Лопатинскаго и др. справщиковъ, исправлявшихъ библейскій текстъ по разнымъ переводамъ, настоялъ, чтобы исправленія были передѣланы вновь по одному греческому тексту, вслѣдствіе чего дѣло изданія исправленной Библіи затянулось на долгое время. Въ 1744 г. имп. Елизавета распорядилась, какъ можно, скорѣе издать Библію, причемъ св. Синоду, для исправленія библейскаго текста, указано имѣть каждодневныя засѣданія по нѣсколько часовъ утромъ и вечеромъ; но вскорѣ пришлось отступиться отъ такого распоряженія, такъ какъ у св. Синода было много другихъ занятій, и предоставить библейскія исправленія особымъ справщикамъ изъ учителей греческаго языка кіевской и московской академій. Болѣе всѣхъ трудились въ этомъ дѣлѣ іеромонахи *Іаковъ Блонницкій* (изъ московской академіи) и *Варлаамъ Лящевскій* (изъ кіевской). Новые справщики приняли во вниманіе всѣ исправленія Лопатинскаго и другихъ петровскихъ справщиковъ, дополнили ихъ новыми исправленіями, стараясь держаться какъ можно ближе къ переводу LXX и древнему славянскому тексту; вновь перевели съ греческаго книги Товита и Юдиѳи, существовавшія прежде въ переводѣ съ Вульгаты; 3 книгу Ездры, которой нѣтъ въ греческомъ текстѣ, исправили по Вульгатѣ; перечислили всѣ свои исправленія въ особомъ предисловіи и снабдили свой трудъ примѣчаніями и изложеніемъ содержанія каждой библейской книги. Въ такомъ видѣ новая Библія издана была въ 1751 г. и пущена въ продажу по самой дешевой цѣнѣ (5 руб.). Потребность въ ней такъ была велика, что вскорѣ послѣ перваго ея изданія потребовались три новыя (1756. 1757. 1759 гг.).—Еще со временъ Петра стали заботиться объ изданіи

библейскихъ толкованій, переводныхъ и оригинальныхъ. Особенно важны были для библейской экзегетики труды *Симона Тодорскаго*, замѣчательнаго лингвиста своего времени, изучившаго въ Кіевѣ и за границей языки греческій, еврейскій, сирскій, халдейскій и арабскій, слушавшаго въ Галлѣ знаменитаго Михаэлиса. Сдѣлавшись въ 1738 г. преподавателемъ въ кіевской академіи совершенно заброшенныхъ тамъ греческаго и еврейскаго языковъ, онъ сталъ настоящимъ основателемъ свящ. филологіи въ Россіи. Въ 1742 г. онъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ законоучители наслѣднику и его супругѣ Екатеринѣ; здѣсь онъ написалъ свои изслѣдованія по восточной филологіи и принималъ участіе въ изданіи Библіи. И. Лящевскій и Блонницкій были его учениками.

Проповѣдничество. Между многочисленными проповѣдниками временъ имп. Елизаветы самыми замѣчательными были: Амвросій Юшкевичъ, Димитрій Сѣченовъ, преемникъ Амвросія по каѳедрѣ *Стефанъ Калиновскій*, ректоръ сергіевской семинаріи *Кириллъ Флоринскій*, придворный проповѣдникъ, троицкій архимандритъ, потомъ епископъ псковскій *Гедеонъ Криновскій*, котораго Сумароковъ называетъ россійскимъ Флешьеромъ, мужемъ великаго краснорѣчія и ставитъ выше Ѳеофана, другой придворный проповѣдникъ, діаконъ *Стефанъ Савицкій*, ректоръ кіевской академіи, потомъ епископъ костромской, пакопецъ петербургскій *Сильвестръ Кулябка*, учители московской академіи *Порфирій Крайскій*, бывшій наставникомъ Ломоносова въ краснорѣчіи, и *Гедеонъ Антонскій*, извѣстные намъ Платонъ Малиновскій, Родышевскій и мн. другіе. Проповѣдному слову много приходилось высказать послѣ долгаго молчанія во время нѣмецкаго владычества; кромѣ изображенія страданій церкви до имп. Елизаветы и восхваленія добродѣтелей и заслугъ этой государыни, проповѣдники должны были обличать пороки и вольнодумство современнаго имъ общества. Они гремѣли противъ „скотоподобныхъ, безбожныхъ атеистовъ, еретиковъ, отступниковъ, права и ума слѣпорейскаго и фреймасонскаго, противъ нелѣпословящихъ, что событія производитъ фортуна, слѣпой случай, а не Богъ". По случаю страшнаго Лиссабонскаго землетрясенія (1755 г.), которое дало Вольтеру поводъ написать поэму противъ ученія о Промыслѣ, Гедеонъ Криновскій говорилъ слово, въ которомъ доказывалъ, что источникъ бѣдствій человѣческихъ не въ природѣ, а въ грѣхахъ людей, что не страшны землетрясенія и гибель городовъ,

а страшенъ гнѣвъ Божій—вина подобныхъ бѣдствій. Обличеніемъ современныхъ нравовъ особенно извѣстенъ Димитрій Сѣченовъ. „Поносимъ, говорилъ напр. онъ, праотца нашего, что за яблоко душу продалъ, а мы за чарку винца; за честишку, за малую славицу; въ судѣ за гостинецъ, въ торгу за копѣйку, въ постъ за курочку душу нашу промѣниваемъ". Или еще: „осмотримся, какъ любимъ Христа. Люблю Христа: у меня въ селахъ каменныя палаты, прекрасные покои, бани, поварни изрядно устроены, а церкви въ тѣхъ же селахъ безъ покрова погнили. Люблю Христа: у меня запонки, пряжки, табакерки золотыя, чайники, рукомойники серебряные, а въ церкви Христовой свинцовые сосуды. Люблю Христа: у меня златоткапныя завѣсы, одѣяла, а страшныя Христовы тайны крашенинной покрыты"... Къ ближнему „вся наша любовь, какъ ласково встрѣтить, довольно угостить, учтиво проводить, пріятныя письма, гладкія словица, низкіе поклоны, непрестанная репетиція: здравствуй, здравствуй, а сердцемъ хотя бы и на свѣтѣ не было".

Въ *церковно-историческомъ* родѣ замѣчательны труды *Никодима Селія*. Онъ былъ Датчанинъ, ученикъ Буддея, обратился изъ лютеранства въ православіе и по пріѣздѣ въ Россію (1722 г.) былъ долгое время учителемъ петербургской семинаріи, потомъ постригся въ монахи († 1746 г.). Въ Россіи онъ съ любовью занялся изученіемъ русской исторіи. Въ 1736 г. въ Ревелѣ явилось обширное сочиненіе его на латинскомъ языкѣ „О писателяхъ политической и церковной исторіи Россіи"; потомъ онъ написалъ „Зерцало россійскихъ государей" отъ Рюрика до Елизаветы, 5 книгъ „о россійской іерархіи", въ которыхъ помѣстилъ свѣдѣнія о русскихъ іерархахъ, соборахъ, монастыряхъ, училищахъ и святыхъ, наконецъ „Словарь чудотворныхъ иконъ".

Въ 1740-хъ годахъ еще въ рукописи стали ходить по рукамъ записки пѣшеходца *Василія Барскаго*, одного изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ путешественниковъ по свѣтамъ, сочиненіе котораго имѣло тоже значеніе для благочестивыхъ людей новаго времени, какое имѣло для древнихъ грамотниковъ хожденіе игум. Даніила. Получивъ образованіе въ кіевской академіи и во Львовѣ, онъ отправился въ свое путешествіе въ 1724 г. и въ теченіи 24 лѣтъ ходилъ по Италіи, Греціи, Палестинѣ, Египту и Аравіи, особенно долго оставался на Аѳонѣ († 1747 г.). Изданіе его записокъ послѣдовало уже при Екатеринѣ II.

Духовныя школы. Для распространенія образованія въ духовенствѣ продолжалось заведеніе новыхъ духовныхъ школъ. Въ царствованіе Екатерины и Петра II, во время усилившейся реакціи попеченіе правительства о заведеніи этихъ школъ ослабѣло; распространеніе дух. образованія поддерживалось, только благодаря просвѣтительному усердію нѣкоторыхъ архіереевъ; въ это время явились новыя школы: въ Иркутскѣ (1726), Ростовѣ (1728), Псковѣ (при *Рафаилѣ Заборовскомъ*), Тобольскѣ (при *Антоніи Стаховскомъ*), въ Смоленскѣ (при *Гедеонѣ Вишневскомъ*, въ Астрахани (1729 г. при *Варлаамѣ Ленницкомъ*) и Вологдѣ (при *Аѳанасіи Кондоиди*). При имп. Аннѣ, во время усиленія Ѳеофана и при временщикахъ Нѣмцахъ, которые постоянно старались показывать себя цивилизаторами Россіи, распоряженія о школахъ сдѣлались энергичнѣе. Всѣ школы, какъ старыя, такъ и новыя, являются теперь съ славяно-латинскимъ курсомъ и переименовываются въ семинаріи; славяно-россійскія школы остались большею частію только по уѣзднымъ городамъ и считались низшими училищами, хотя впрочемъ и въ семинаріяхъ ученіе не простиралось дальше латинской грамматики. Такъ явились семинаріи: въ Холмогорахъ (1730), Воронежѣ, Коломнѣ (1731), Невскомъ монастырѣ (1732), Казани, Псковѣ (1733), Вяткѣ (1735), Нижнемъ, Рязани, Тобольскѣ, Устюгѣ (1738), Вязьмѣ, Твери, Ростовѣ (1739), Суздалѣ и Новгородѣ (1740). Вездѣ введено извѣстное кіевское раздѣленіе классовъ: фара, инфима, синтаксима и т. д., кіевскія школьныя должности и порядки.

Всѣ эти семинаріи впрочемъ едва держались. Въ нихъ постоянно оказывался недостатокъ учителей, да и учениковъ все еще нужно было добывать путемъ насильственныхъ наборовъ. Не смотря на покровительство, объявленное правительствомъ всѣмъ учившимся въ школахъ дѣтямъ духовенства, страшные разборы Бироновскаго времени касались и ихъ. Губернаторы вмѣстѣ съ архіереями обязывались каждогодно производить въ семинаріяхъ строгіе экзамены и всѣхъ неспособныхъ и лѣнивыхъ семинаристовъ отдавать въ солдаты. Кромѣ того, всѣ эти семинаріи не были обезпечены въ матеріальномъ отношеніи. Правительство разсылало строгіе указы о заведеніи новыхъ семинарій, требовало отчетовъ о числѣ учениковъ,—кто, чему, когда выучился и куда опредѣлился на службу, изъявляло неудовольствіе на то, что семинаріи заводятся медленно, винило „духовную команду въ отважномъ и нечувственномъ небреженіи“ къ ея долгу, но всѣ издержки на эти семинаріи

отъ себя отстраняло, предоставляя ихъ на попеченіе самой духовной команды и въ тоже время отнимая у послѣдней управленіе ея вотчинами; на содержаніе семинарій оставался одинъ скудный и неопредѣленный сборъ хлѣба съ церквей и монастырей, на основаніи Д. Регламента. Въ 1738 г. сдѣлано было наконецъ распоряженіе составить для семинарій штаты, но какъ скоро дѣло дошло до ассигнованія штатныхъ суммъ, такъ и остановилось; штатное содержаніе получила одна только новогородская семинарія. Неудивительно, что нѣкоторыя и заведенныя уже семинаріи закрывались или по недостатку средствъ, напр. въ Ростовѣ, или за неимѣніемъ учителей, напр. въ Суздалѣ (1740 г.), или по недостатку любви къ просвѣщенію у нѣкоторыхъ архипастырей, напр. въ Казани, гдѣ архіерей *Гавріилъ* въ 1736 г. распустилъ по домамъ болѣе 80 учениковъ. Тѣмъ достопамятнѣе ревность къ просвѣщенію тѣхъ архипастырей, которые заводили и поддерживали у себя школы, несмотря на всю скудость своихъ епархіальныхъ средствъ, каковы: Иларіонъ Рогалевскій (1732—1735) и Лука Конашевичъ въ Казани, Лаврентій Горка (1733—1737 г.) въ Вяткѣ, Питиримъ въ Нижнемъ, Гедеонъ въ Смоленскѣ, Антоній Стаховскій въ Тобольскѣ, Сильвестръ Кулябка въ Костромѣ и другіе. Подъ конецъ царствованія имп. Анны всѣхъ учениковъ духовныхъ школъ считалось 2589,—число очень небольшое, особенно при тогдашнемъ множествѣ вакантныхъ мѣстъ при церквахъ. Недаромъ духовное начальство очень неохотно отпускало своихъ школьниковъ въ свѣтскую службу и старалось усилить сословную замкнутость семинарій. Послѣ всѣхъ фразъ о просвѣщеніи духовенства пришлось, какъ мы видѣли, воротиться къ старинѣ и выдать указъ о посвященіи въ попы и дьяконы неученыхъ, только „за доброе житіе“.

При имп. Елизаветѣ судьба семинарій нѣсколько улучшилась. Государыня всегда показывала себя покровительницею духовнаго просвѣщенія, не разъ бывала въ троицкой и невской семинаріяхъ на диспутахъ и во время посѣщенія обѣихъ лавръ приглашала семинарскихъ учителей къ своему столу; семинаристамъ изъ податнаго состоянія объявлена свобода отъ подушнаго оклада и рекрутства. Духовная власть, получивъ церковныя имѣнія въ свое распоряженіе, вмѣстѣ съ этимъ получила болѣе средствъ и къ распространенію духовнаго образованія. Но за то само правительство теперь сложило съ себя всѣ попеченія о поддержкѣ семинарій, напр. въ 1742 г. оно было назначило штатный окладъ для невской семинаріи, но послѣ

возвращенія церковныхъ имѣній въ вѣдомство Синода снова отмѣнило этотъ окладъ; Лука Конашевичъ и Антоній тобольскій, просившіе пособій для своихъ семинарій, получили рѣшительный отказъ. Новыя семинаріи открылись въ Троицкой лаврѣ (1742), Ярославлѣ (1747), Владимірѣ (1750), Переяславлѣ (1753), Могилевѣ (1757). Число всѣхъ учениковъ возрасло до 6000. За непредставленіе духовныхъ дѣтей въ школы императрица опредѣлила брать съ отцевъ 10 рублей штрафа. Духовному начальству однако и теперь еще приходилось заниматься охотой за бѣглыми учениками; въ семинарскихъ каталогахъ очень часто ставилась предъ фамиліями отмѣтка: semper fugitiosus.— Лучшими семинаріями были: *харьковскій коллегіумъ*, который трудами образованныхъ бѣлогородскихъ архипастырей, *Петра Смолича*, *Іоасафа Горленка* и Луки Конашевича, доведенъ былъ до равенства съ академіями и въ которомъ раньше всѣхъ семинарій начался курсъ богословія (1731 г.); семинаріи: *петербургская*, въ которой высшіе классы введены въ 1742 г. (учениковъ было до 75), и *троицкая* въ Сергіевой лаврѣ (до 200 учениковъ), скоро послѣ своего основанія сравнявшаяся съ академіями, такъ что въ нее, какъ въ высшее заведеніе, для изученія богословскаго курса посылались ученики изъ другихъ сосѣднихъ семинарій, а воспитанники ея разсылались по этимъ семинаріямъ на должности наставниковъ; семинарія *казанская*, которая при Лукѣ Конашевичѣ тоже завела у себя высшіе, философскій и богословскій, курсы (1751 г.) и считалась самою многолюдною (до 300 учениковъ) и одною изъ самыхъ благоустроенныхъ. Кромѣ этихъ семинарій, философія и богословіе преподавались еще въ Новгородѣ и Смоленскѣ; изъ другихъ семинарій, гдѣ обученіе не вездѣ доходило даже до реторики, избранныхъ учениковъ посылали доучиваться высшимъ наукамъ въ троицкую семинарію или въ академіи.

Между *академіями* первое мѣсто все еще занимала кіевская, несмотря на то, что пользовалась гораздо меньшимъ вниманіемъ правительства, чѣмъ московская; окладъ ея, увеличенный при имп. Елизаветѣ, простирался всего до 200 руб., тогда какъ на московскую положено было выдавать 4500 руб. Бѣдные кіевскіе бурсаки много должны были терять дорогаго времени и чувства чести, бродя крохоборниками по домамъ съ своими мирковальями, кантами, рацеями и вертепами; не смотря на то, число ихъ въ академіи постоянно было огромное, 1160—1230 человѣкъ, тогда какъ въ московской академіи, при всѣхъ

усиліяхъ набрать ихъ больше и при дѣятельной охотѣ за бѣглыми, число учащихся колебалось между 200 и 600. Вторымъ Могилою для кіевской академіи явился м. *Рафаилъ Заборовскій* († 1747), по имени котораго она названа была кіево-могило-заборовскою. Онъ исходатайствовалъ у имп. Елизаветы прибавку къ академическому окладу, перестроилъ зданія, выстроилъ новую бурсу, на свой счетъ награждалъ учителей, содержалъ нѣсколько бѣдныхъ учениковъ и посылалъ ихъ за границу, обогатилъ академическую библіотеку и расширилъ академическій курсъ введеніемъ еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго языковъ. Обѣ академіи были заведеніями открытыми для всѣхъ сословій. Правда, московская академія нѣсколько разъ заявляла наклонность къ сословной замкнутости, наприм. въ 1725 г. ректоръ Гедеонъ отказался принять въ нее нѣсколько недорослей дворянъ на томъ основаніи, что она назначена только для образованія духовныхъ дѣтей въ надежду священства; но такая замкнутость оказывалась невозможной по недостатку тогда свѣтскихъ учебныхъ заведеній; въ 1736 г. въ академію поступило 158 дворянъ. Равнымъ образомъ безуспѣшны были жалобы нѣкоторыхъ ея ректоровъ на то, что кончившіе курсъ студенты, въ ущербъ духовной службѣ, опредѣляются въ свѣтскую службу, посылаются для образованія за границу, въ академію наукъ, московскій госпиталь и т. п. Сословное значеніе стало усиливаться въ академіяхъ уже со времени открытія московскаго университета (1755), который отвлекъ отъ нихъ множество молодыхъ людей. Въ московской академіи замѣчательно развитіе между наставниками духа монашества. Въ 1744 г. всѣ наставники ея были монахи, кромѣ одного *Кондакова*; за нежеланіе постричься св. Синодъ лишилъ его мѣста.

Кіевская академія шла впереди московской и въ усовершенствованіи своего курса. Преподаваніе греческаго языка введено было и въ той и другой академіи въ одно время—въ 1738 г., но преподаваніе нѣмецкаго и еврейскаго языковъ въ Москву принесено уже (въ 40-хъ годахъ) воспитанниками Кіева; кромѣ того съ 1753 г. въ Кіевѣ преподавался уже модный языкъ тогдашней цивилизаціи—французскій. Въ преподаваніи философіи съ 1752 г. вмѣсто Аристотеля въ Кіевѣ введена была система Баумейстера, значительно очищенная отъ стараго схоластическаго сора. Въ Москвѣ тоже встрѣчаемъ попытку знакомить студентовъ съ новой философіей Бэкона, Декарта, Лейбница и Вольфа; но за такую попытку учитель *Владиміръ Каллиграфъ*

(1755—1757) обвинен былъ въ распространеніи протестантскихъ и жидовскихъ плевелъ и лишился мѣста. Въ преподаваніи богословія и въ академіяхъ и въ семинаріяхъ все еще царила схоластика, убивавшая всю жизненность религіозной науки, развивавшая въ своихъ питомцахъ одинъ только духъ любопренія и тяжелый школьный педантизмъ, и латынь, которая совершенно закрывала плоды богословской науки отъ публики и кромѣ того рѣшительно мѣшала развитію русскаго богословскаго языка и самой науки, доводила богослова до того, что онъ, непобѣдимый на школьныхъ латинскихъ диспутахъ, не могъ объяснить порусски самыхъ простыхъ истинъ православной вѣры. Въ кіевской академіи произведены были очень полезныя улучшенія и въ преподаваніи богословія. Тамошнія богословскія системы старались понемногу освобождаться отъ схоластики и ближе держаться направленія, даннаго богословію Ософаномъ Прокоповичемъ; лучшими между ними были системы Сильвестра Кулябки (1741—1745) и Георгія Конисскаго. Въ 1759 г. м. *Арсеній Могилянскій* замѣтилъ, какъ много времени теряютъ студенты, списывая при каждомъ новомъ наставникѣ постоянно новыя записки по богословію, существенно ничѣмъ не отличающіяся отъ записокъ предшествовавшаго наставника, кромѣ слога и перестановки съ мѣста на мѣсто параграфовъ, записки притомъ необычайно растянутыя, наполненныя пустой схоластической болтовней и краснорѣчіемъ; вслѣдствіе этого онъ распорядился, чтобы для студентовъ введенъ былъ одинъ учебникъ богословія и чтобы наставники въ своихъ лекціяхъ избѣгали всякихъ излишнихъ амплификацій и риторства, по милости которыхъ богословская система доселѣ еще ни разу не проходилась въ академіи сполна, до конца. Съ этого времени изученіе богословія стало производиться исключительно по системѣ Прокоповича. Въ это же время введено было преподаваніе богословія *на русскомъ языкѣ* по Прав. Исповѣданію П. Могилы. Въ московской академіи первую попытку освободиться отъ схоластики видимъ въ урокахъ *Кирилла Флоринскаго* (1739—1740), представляющихъ переходъ отъ господствовавшей доселѣ системы Лопатинскаго къ системѣ Прокоповича. Послѣ Флоринскаго направленіе Прокоповича дѣлается господствующимъ и здѣсь.

Реформа семинарскаго образованія была крайне нужна въ виду приближавшагося *философскаго вѣка*. Схоластика съ ея отвлеченной и тяжелой діалектикой, путавшаяся въ однихъ разсудочныхъ тонкостяхъ, сражавшаяся съ несуществующими

возраженіями и ничего неговорившая простому, непосредственному смыслу, оказывалась совершенно безсильной противъ новой философіи, которая дѣйствовала именно на простой смыслъ, была сильна не діалектическими аргументами, а ясностію своихъ положеній, выразительностію и живостью языка, бойкимъ отрицаніемъ, мѣткими и колкими остротами. Соблазнительная сила этой философіи вредоносно проникала въ самыя семинаріи; напр. въ троицкой семинаріи однажды въ собраніи всѣхъ учениковъ высѣкли нещадно розгами одного ученика либерала, который толковалъ, что „Бога нѣтъ, а все отъ натуры, какъ наприм. мухи или блохи и жабы“. При сохраненіи стараго латино-схоластическаго направленія церковному образованію очевидно предстояло въ будущемъ съ одной стороны совершенно отстать отъ вѣка и потерять всякое вліяніе на образованное общество, а съ другой—подвергнуться еще болѣе грозной опасности внутренняго ренегатства, воспитанія въ своихъ нѣдрахъ враговъ для самаго себя и для церкви. Къ счастію философскій вѣкъ принесъ въ собою благотворныя реформы и для духовныхъ школъ; эти реформы открылись съ самаго начала царствованія Екатерины II и заключились уже въ началѣ XIX вѣка.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строк.*		*Вмѣсто:*	*Нужно исправить:*
83	5	сверх.	3 на югѣ.	9 на югѣ.
175	1	сниз.	духовныя грамоты. . .	духовная грамота
184	12	сверх.	естествомъ созданнымъ .	естествомъ несозданнымъ
189	2	сниз.	въ 1683	въ 1383.
207	2	—	противъ всѣхъ него . .	противъ него всѣхъ
313	1	сверх.	насъ еще первый учебникъ у	у насъ еще первый учебникъ
337	1	—	по мысли Петра . . .	который, по мысли Петра
345	18	сниз.	выдастъ	вѣдаетъ
354	17	сверх	съ обидчикомъ	съ обидчиковъ

2007050138